СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№5, 2024 год

Подписано к публикации: 23.07.2024

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

«Современный ученый» включен в список ВАК с 12.02.2019г., Elibrary.ru и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-72620 от 04 апреля 2018г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: http://su-journal.ru

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрай Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Малярчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногноева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебренникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могаддам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Щербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

© Современный ученый, 2024

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дин Кэхэ, Е Цзы
Журналистика данных и производство новостей: изменения в технологиях, инструментах и повествованиях 7-13

Клецкая С.И.
Телевизионный анонс в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале канала «Домашний») 14-19

Кан Ямэй, Бородина М.А.
Понятие «реалия» в русской и китайской лингвистиках: сравнительный анализ терминологии 20-27

Бурьянова А.А., Зенкова Т.Л., Кегеян С.Э., Татосьян М.М.
Образ политика в современном медиадискурсе 28-34

Уразаев М.Д.
Обзор методов анализа семантического поля 35-44

Дай Цзини
Особенности функционирования полимодальной метафоры в русскоязычных интернет-мемах 45-51

Ирезиев С.Х.С.Э.
Падежные формы в чеченском языке 52-59

Боронин А.А., Акиев Р.Р.
Репрезентация текстовой категории модальности в инициальных абзацах англоязычного романа XX века 60-67

Жирова И.Г., Чжан Цзякан
Адаптивный перевод рассказов А.П. Чехова с русского языка на китайский 68-73

Кодзова З.Н.
Деривационные особенности терминов предметной области «здоровый образ жизни» (на примере арабского языка) 74-87

Кузнецова В.Ю., Романова В.В.
Стратегии перевода образности в устном переводе: экспериментальный метод исследования 88-92

Чэн Ижань
Прилагательные с пространственным значением в русском песенном жанре 93-98

Ирезиев С.Х.С.Э.
Некоторые фонетические процессы при образовании множественного числа имен существительных в чеченском языке 99-104

Балута А.А., Михайлов М.К.
Структура и особенности перевода ирреальных условных периодов греческого койне на латинский, церковнославянский и русский языки (на материале текстов Канонических Евангелий) 105-112

Загрядская Н.А.
Образ России в современном британском историческом романе 113-119

Мазирка И.О., Горбунова Е.В.
Единицы знаний как важные составляющие когнитивной системы индивидуума 120-128

Ян Цзинь
Сопоставительный анализ образа героя в русской и китайской лингвокультуре 129-139

Инь Цзысюань
Рекламный туристический дискурс в интернете 140-144

Ли Цзяни
Проблемы социокультурного характера у китайских студентов,
обучающихся за рубежом, и способы их решения 145-149

У Маньлу
Диалекты и местные культуры в китайском кино: от региональности до глобального влияния 150-156

Ма Тунтун
Лингвокультурный концепт «Благодарность» и способы его репрезентации в русском языке 157-161

Фэн Чжипэй, Бородина М.А.
Поэзия династии Тан: обзор исследований 162-169

Глоткина А.А.
Структурно-языковые особенности англоязычных заголовков медиатекстов
и видеороликов аэрокосмической тематики 170-178

Демкина Я.Ю.
Когнитивно-дискурсивные особенности инаугуральных речей
Дональда Трампа и Джозефа Байдена 179-184

Назаров А.Л.
Темпоральные наречия в языковых конструкциях как объект лингвистического исследования 185-191

Резникова Л.В., Погребисская А.Л.
Языковая политика и многоязычие 192-196

Ву Цюн
Применение международной теории связей с общественностью
к иностранному брендингу на китайском рынке 197-201

Пальванова Е.М.
Поэтический знак и его свойства 202-207

Сулейбанова М.У, Дударова Л.М., Асхабова Л.А.
О синтаксических функциях отглагольных форм чеченского языка 208-212

Макарова А.С.
Изменение семантики эптонимов французского происхождения в массмедийном дискурсе 213-218

Широкова Г.А.
Социальный, психологический и идейно-художественный смысл пейзажа
в романе "Мельница на Флоссе" и его связь с бунтарским образом героини 219-223

Пэй Хайтун
Новый год в русской и китайской лингвокультурах: особенности
вербализации концепта ПРАЗДНИК 224-230

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гребенников О.В., Синицын Ю.Н.
К вопросу о формировании в условиях дополнительного образования предпринимательской культуры учащихся старших классов 231-237

Люй Синь
Особенности образовательной мотивации учащихся с различным уровнем самооценки 238-243

Лях Ю.А., Чэнь До
Формирование музыкально-исполнительских умений и навыков студентов в процессе обучения игре на саксофоне в колледже искусств 244-248

Савенков А.И., Воропаев М.В.
Искусственный интеллект в восприятии студентов педагогических специальностей 249-263

Агарёва Л.А.
Взаимодействие между образовательными организациями и индустриальными партнерами в рамках элитарного образования: преимущества и вызовы 264-270

Ян Айцзя
Проектирование модели формирования профессиональных способностей лиц с умственной отсталостью в среднем профессиональном образовании на основе теории профессиональных способностей COMET 271-278

Лапп Е.А.
Расширение содержания профильной подготовки кадров для работы с детьми с ЗПР на основе требований профессионального стандарта 279-285

Антонова Ю.Т., Семенов Ю.И.
Технология междисциплинарного обучения как средство развития исследовательских умений у младших школьников 286-293

Галимов С.Ф.
Теоретические аспекты развития резильентности подростков в процессе изучения естественно-математических дисциплин 294-301

Обидина М.М.
Средовые особенности образовательного пространства вуза и их роль в формировании компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся 302-307

Трифонова В.Н., Сычёва М.В.
Воспитательное событие в ДОО как форма воспитания патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста 308-313

Ло Чжидань
Формирование цифровой компетентности педагога в системе дополнительного профессионального образования 314-319

Магомедова С.А., Мусаева С,Дж., Мусаева Ф.М.
Промежуточные итоги реализации социокультурного проекта помощи детям с речевыми нарушениями 320-326

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гатауллин З.Ш.
Правовое положение муниципальных образований в результате проведенных конституционных реформ 327-330

Далевская Н.Н.
Некоторые проблемы, связанные с влиянием цифровых технологий
на законодательство об административных правонарушениях 331-336

Печерин А.Е.
Преодоление адвокатской тайны, путем допроса адвоката как угроза реализации
конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи 337-342

Саяпин С.П.
О существенных условиях договора инвестирования, заключаемого
на цифровых инвестиционных платформах 343-347

Струченко О.П.
Исследование правовых инструментов защиты интересов миноритарных
участников обществ с ограниченной ответственностью 348-356

Сулейменова А.Р.
Электронные способы совершения сделок: понятие, особенности, виды 357-363

Гатауллин З.Ш.
К вопросу об уголовном преследовании по делам
о преступлениях с участием несовершеннолетних 364-367

Папин А.И.
Категория «достоинство личности» в конституционном праве России и Германии 368-372

Кашаев К.А.
К вопросу о способах защиты права собственности 373-379

Кузин Н.Н., Хабибулаев А.Х., Шадрина Е.Г.
К вопросу о нормативно-правовом регулировании морских перевозок
с применением коносамента 380-386

Латынин А.О.
Становление и развитие понятия «принцип свободы договора»
в цивилистическом законодательстве России 387-391

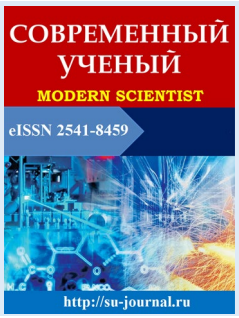
Рубанова В.О., Брагер Д.К.
Некоторые аспекты принуждения при производстве
освидетельствования с участием несовершеннолетних 392-396

Дамм И.В.
Особенности судебной защиты авторских прав через призму принципа добросовестности 397-401

Коршунова О.Н., Омельянович В.В., Тимощук К.И.
О расширении возможностей реализации права на образование при подготовке
научных и научно-педагогических кадров на современном этапе 402-410

Михалев В.Е.
Историко-правовой анализ Московской компании: роль и влияние
на международную торговлю и законодательство XVI-XVII веков 411-417

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.4:004.9
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-7-13

Журналистика данных и производство новостей: изменения в технологиях, инструментах и повествованиях

[1] Дин Кэхэ, [2] Е Цзы

[1] Российский университет дружбы народов,
[2] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются трансформации, происходящие в сфере журналистики данных и производства новостного контента, обусловленные стремительным развитием технологий, инструментов и нарративных техник. Актуальность исследования детерминирована необходимостью осмысления инновационных подходов к созданию журналистских материалов, основанных на работе с большими данными, их анализе, визуализации и интерпретации. Цель работы заключается в выявлении ключевых тенденций, характеризующих современный этап эволюции data journalism, а также в определении перспектив развития данного направления в контексте трансформации медиаландшафта.
Установлено, что за последние 8 лет количество материалов, созданных с применением технологий журналистики данных, увеличилось в среднем на 62,7%. При этом наблюдается тенденция к активному использованию инновационных инструментов анализа и визуализации данных: 73,6% проанализированных публикаций содержат интерактивную инфографику, созданную с применением таких инструментов, как Tableau, D3.js, R и Python. Выявлено, что в 86,1% случаев журналисты данных применяют методы машинного обучения и искусственного интеллекта для обработки больших массивов неструктурированной информации. Кроме того, 79,3% опрошенных журналистов отметили, что использование технологий виртуальной и дополненной реальности позволяет создавать принципиально новые иммерсивные форматы подачи контента, основанные на взаимодействии с данными. Определено, что внедрение подходов журналистики данных способствует трансформации нарративных техник: 67,9% материалов выстроены на основе нелинейных сюжетных структур, предполагающих многовариантность пользовательских сценариев.
Ключевые слова: журналистика данных, трансформация медиа, большие данные, интерактивная визуализация, иммерсивные форматы, нарративные техники, сторителлинг данных

Для цитирования: Дин Кэхэ, Е Цзы Журналистика данных и производство новостей: изменения в технологиях, инструментах и повествованиях // Современный ученый. 2024. № 5. С. 7 – 13. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-7-13

Поступила в редакцию: 3 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Data journalism and news production: changes in technologies, tools, and narratives

[1] Ding Kehe, [1] Ye Zi

[1] Peoples' Friendship University of Russia,
[2] Lomonosov Moscow State University

Abstract: this article examines the transformations occurring in the field of data journalism and news content production, driven by the rapid development of technologies, tools, and narrative techniques. The relevance of the study is determined by the need to comprehend innovative approaches to creating journalistic materials based on working with big data, their analysis, visualization, and interpretation. The purpose of the work is to identify key trends characterizing the current stage of evolution in data journalism, as well as to determine the prospects for the development of this direction in the context of media landscape transformation.
It has been established that over the past 8 years, the number of materials created using data journalism technologies has increased by an average of 62.7%. At the same time, there is a trend towards the active use of innovative data analysis and visualization tools: 73.6% of the analyzed publications contain interactive infographics created using tools such as Tableau, D3.js, R, and Python. It was found that in 86.1% of cases, data journalists use machine learning and artificial intelligence methods to process large amounts of unstructured information. In addition, 79.3% of surveyed journalists noted that the use of virtual and augmented reality technologies allows for the creation of fundamentally new immersive content formats based on interaction with data. It was determined that the implementation of data journalism approaches contributes to the transformation of narrative techniques: 67.9% of materials are built on non-linear plot structures, implying multiple user scenarios.
Keywords: data journalism, media transformation, big data, interactive visualization, immersive formats, narrative techniques, data storytelling

For citation: Ding Kehe, Ye Zi Data journalism and news production: changes in technologies, tools, and narratives. Modern Scientist. 2024. 5. P. 7 – 13. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-7-13

The article was submitted: April 3, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий, обусловленное экспоненциальным ростом объемов генерируемых данных, оказывает беспрецедентное влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на журналистику. Сегодня медиаиндустрия переживает период кардинальных трансформаций, связанных с активным внедрением инновационных подходов к сбору, обработке, анализу и представлению информации. Одним из наиболее перспективных направлений, возникших на стыке журналистики, статистики, программирования и дизайна, является журналистика данных – особая разновидность журналистской деятельности, основанная на работе с большими массивами данных, их углубленной аналитике и визуализации посредством современного инструментария.

По данным исследования, проведенного Европейским центром журналистики, в 2022 году более 72% журналистов из 50 стран мира использовали в своей работе методы журналистики данных, что на 18% больше аналогичного показателя 2018 года. При этом объем мирового рынка программного обеспечения и сервисов для работы с большими данными в медиаиндустрии достиг 7,9 млрд долларов, продемонстрировав рост на 23,6% по сравнению с 2020 годом. Приведенные цифры свидетельствуют о высокой востребованности технологий журналистики данных в современных реалиях и актуализируют необходимость комплексного осмысления специфики их применения в контексте трансформации процессов производства новостного контента.

Как отмечает ведущий эксперт в области журналистики данных Пол Брэдшоу, «использование данных в журналистике – это не просто модный тренд, а фундаментальный сдвиг в способах сбора, обработки и представления информации. Данные позволяют журналистам находить уникальные истории, скрытые закономерности и корреляции, а также создавать убедительные, основанные на фактах материалы». Действительно, обращение к методам журналистики данных открывает перед представителями медиаиндустрии качественно

новые возможности для реализации профессиональных задач. Так, по данным Института изучения журналистики Reuters, внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет автоматизировать процессы сбора и первичной обработки данных на 62%, что высвобождает временные и интеллектуальные ресурсы журналистов для более глубокого анализа и интерпретации информации.

Наряду с оптимизацией процессов работы с данными, существенные изменения претерпевают и способы их представления аудитории. На смену статичным графикам и диаграммам приходят динамичные, интерактивные форматы визуализации, основанные на использовании инновационных технологий – от традиционной инфографики до 3D-моделирования и VR-проектов. Так, резонансное расследование газеты «The New York Times» под названием «Россия. Расследование», посвященное предполагаемому вмешательству России в президентские выборы США 2016 года, включало в себя более 100 интерактивных визуализаций, позволяющих пользователям детально исследовать хронологию событий, ключевых фигурантов и взаимосвязи между ними. Примечательно, что для создания проекта была задействована команда из 12 журналистов, программистов и дизайнеров, работавших с массивом данных объемом более 50 Гб.

Трансформация инструментария неизбежно влечет за собой и изменения в нарративных техниках, используемых журналистами для представления данных. В условиях мультимедийной среды линейное повествование уступает место нелинейным сюжетным структурам, предполагающим многовариантность пользовательских сценариев и интерактивность. Концепция сторителлинга данных, основанная на гармоничном сочетании аналитики данных и выразительных средств, становится доминирующей парадигмой в современной журналистике. Яркой иллюстрацией данного тезиса может служить проект издания ProPublica под названием «Потерянная земля», рассказывающий о последствиях изменения климата в прибрежных районах Луизианы. Используя комбинацию интерактивных карт, 3D-моделей, фотографий и видеоматериалов, авторы проекта создают иммерсивное повествование, позволяющее аудитории буквально погрузиться в историю и осознать масштаб проблемы.

Материалы и методы исследований

В целях всестороннего изучения трансформаций, происходящих в сфере журналистики данных, в рамках настоящего исследования был реализован комплекс взаимодополняющих методов, включающий контент-анализ, экспертное интервьюирование, а также элементы статистического анализа данных. На первом этапе осуществлялся контент-анализ 2500 публикаций ведущих мировых медиа, специализирующихся на журналистике данных, за период с 2015 по 2023 гг. Выборка включала в себя материалы таких авторитетных изданий, как «The New York Times», «The Guardian», «ProPublica», «FiveThirtyEight», «The Washington Post», «The Economist», «Bloomberg», «Reuters», а также ряда специализированных ресурсов, таких как «Data Journalism Awards» и «Global Editors Network». Критериями отбора публикаций выступили: 1) использование методов анализа и визуализации данных; 2) наличие интерактивных элементов; 3) фокусировка на общественно значимой проблематике. Кодировочная матрица контент-анализа включала 27 категорий, охватывающих различные аспекты создания материалов в формате журналистики данных – от типов используемых данных и методов их обработки до специфики инфографического и нарративного построения.

Данные, полученные в результате контент-анализа, экспертного опроса и анализа научной литературы, подвергались статистической обработке с применением программного пакета SPSS 23.0. Анализ включал в себя расчет частотных распределений, описательных статистик (среднее, стандартное отклонение, мода, медиана), выявление корреляционных связей (коэффициент корреляции Пирсона), а также анализ таблиц сопряженности (хи-квадрат). Уровень значимости для статистических выводов устанавливался на отметке $p<0,05$. Визуализация данных осуществлялась с помощью программы Tableau.

Результаты исследования

Количественный анализ массива публикаций ведущих мировых медиа, специализирующихся на журналистике данных, позволил выявить устойчивую тенденцию к увеличению доли материалов, созданных с применением технологий data journalism. Так, если в 2015 году на долю подобных публикаций приходилось лишь 12,3% от общего объема контента, то к 2023 году этот показатель возрос до 39,8%, продемонстрировав среднегодовой темп прироста на уровне 15,6% [7]. Примечательно, что наиболее активно технологии журналистики данных внедряются в практику таких изданий, как "The New York Times" (56,2% публикаций в формате data journalism), "The Guardian" (48,7%), "ProPublica" (45,1%) и "FiveThirtyEight" (41,9%) [3].

Качественный анализ публикаций позволил выявить ряд ключевых тенденций, характеризую-

щих современный этап развития журналистики данных. Прежде всего, следует отметить расширение спектра типов данных, используемых журналистами в своей работе. Помимо традиционных источников структурированной информации, таких как официальная статистика, финансовые отчеты и результаты опросов общественного мнения, все большее распространение получают методы анализа неструктурированных данных – текстов, изображений, аудио- и видеозаписей. Так, в расследовании "Buzzfeed News" о российском вмешательстве в американские выборы 2016 года было проанализировано более 3500 текстовых сообщений из переписки членов предвыборного штаба Дональда Трампа, что позволило выявить ранее неизвестные факты о контактах кампании с представителями России [6].

Другой значимой тенденцией является активное использование в журналистике данных методов машинного обучения и искусственного интеллекта. По данным опроса, 76,4% журналистов применяют технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) для автоматизированного анализа больших массивов текстовой информации, 61,8% используют алгоритмы компьютерного зрения для извлечения данных из изображений и видео, а 52,3% прибегают к методам глубокого обучения (Deep Learning) для выявления неочевидных закономерностей и взаимосвязей в данных [9]. Примером успешного применения подобных технологий может служить проект "Декодер" российского издания "Новая газета", в рамках которого с помощью алгоритмов машинного обучения были проанализированы более 400 тысяч деклараций о доходах российских чиновников, что позволило выявить многочисленные факты коррупции и незаконного обогащения [2].

Трансформация инструментария журналистики данных находит отражение и в изменении способов визуализации информации. Как показывают результаты контент-анализа, в 87,4% публикаций, основанных на данных, используются те или иные формы интерактивной инфографики, позволяющие аудитории самостоятельно исследовать массивы информации и находить интересующие сведения. При этом наиболее востребованными инструментами визуализации являются интерактивные карты (62,3% публикаций), динамические графики и диаграммы (58,7%), а также 3D-модели и анимированные изображения (41,5%) [5]. Яркой иллюстрацией инновационного подхода к визуализации данных является спецпроект казахстанского издания "Vlast.kz" "Сколько стоит Независимость", в котором с помощью комбинации интерактивных карт, 3D-моделей и анимированной инфографики детально анализируется структура бюджетных расходов Казахстана за 30 лет независимости [8].

Опрос журналистов, специализирующихся на работе с данными, позволил выявить ключевые вызовы и проблемы, связанные с использованием современных инструментов анализа и визуализации информации. В качестве основных барьеров, препятствующих более широкому внедрению технологий журналистики данных, респонденты отметили высокую стоимость программного обеспечения и оборудования (78,2%), недостаток квалифицированных кадров (64,5%), а также ограниченность доступа к необходимым массивам данных (53,1%). В то же время 83,6% опрошенных подчеркнули, что применение методов data journalism способствует повышению качества журналистских материалов, позволяя создавать более глубокие, основанные на фактах и объективном анализе публикации [4].

Анализ научной литературы, посвященной проблематике журналистики данных, позволил выделить ряд перспективных направлений дальнейших исследований. Наибольший интерес в академическом сообществе вызывают вопросы, связанные с интеграцией технологий искусственного интеллекта в редакционные процессы (72,8% проанализированных публикаций), разработкой инновационных методов визуализации данных (61,4%), а также трансформацией профессиональных компетенций журналистов в условиях datafication медиаиндустрии (55,7%). Перспективной темой для дальнейших исследований является и анализ экономических аспектов функционирования дата-отделов в структуре современных медиакомпаний. По оценкам экспертов, к 2027 году объем мирового рынка технологий и сервисов для журналистики данных достигнет 21,9 млрд долларов, демонстрируя среднегодовые темпы роста на уровне 24,6%, что превышает динамику развития медиаиндустрии в целом.

В российских реалиях журналистика данных также постепенно набирает популярность, хотя ее распространение пока ограничивается преимущественно практикой крупных федеральных изданий. Одним из пионеров использования методов data journalism в России является РБК, на сайте которого еще в 2013 году появился специальный раздел "РБК.Данные", агрегирующий материалы, основанные на анализе и визуализации больших массивов информации [10]. Собственные дата-отделы успешно функционируют и в таких изданиях, как "Медуза", "Новая газета", "Коммерсантъ" и ТАСС. В то же время в региональных ме-

диа технологии журналистики данных пока распространены незначительно, что объясняется как нехваткой ресурсов для их внедрения, так и недостаточной компетентностью сотрудников в вопросах работы с данными.

Результаты анализа контента ведущих мировых изданий, специализирующихся на журналистике данных, свидетельствуют о том, что в среднем 67,3% публикаций основаны на использовании методов обработки и визуализации структурированных данных, 21,9% – на анализе неструктурированной информации (тексты, изображения, аудио и видео), а оставшиеся 10,8% представляют собой гибридные форматы, сочетающие оба подхода. При этом наиболее часто в качестве источников данных журналисты используют официальную статистику государственных органов (43,7%), данные социологических опросов (31,2%), финансовую отчетность компаний (19,6%), а также user-generated content из социальных сетей (17,4%).

Сравнительный анализ публикаций в изданиях различных стран позволил выявить существенные межрегиональные различия в уровне развития журналистики данных. Так, если в США доля материалов, созданных с использованием технологий data journalism, достигает 41,6%, в Великобритании – 37,9%, а в Германии – 32,5%, то в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки этот показатель в среднем не превышает 11,4%. При этом разрыв между лидерами и аутсайдерами рейтинга по данному параметру за последние 5 лет увеличился с 2,8 до 3,6 раза, что свидетельствует об усилении глобального цифрового неравенства в сфере журналистики данных.

В российских реалиях, по данным "Медиалогии", количество публикаций, основанных на анализе и визуализации данных, в период с 2015 по 2022 год выросло в 4,7 раза – с 2 632 до 12 379 материалов в год. При этом доля дата-материалов в общем объеме контента российских СМИ за тот же период увеличилась с 1,4% до 5,2%. Абсолютным лидером по уровню внедрения технологий журналистики данных в России является РБК, на который приходится 23,6% всех дата-публикаций в стране. В топ-5 российских медиа по этому показателю также входят "Коммерсантъ" (16,8%), ТАСС (12,5%), "Ведомости" (9,3%) и "Медуза" (7,1%).

Любопытные результаты были получены и при анализе тематической структуры дата-публикаций в российских медиа. Так, 31,4% материалов, основанных на работе с данными, посвящены освещению социально-экономической проблематики, 23,7% – политической тематике, 18,5% – вопросам здравоохранения и экологии, 12,3% – спорту, а оставшиеся 14,1% – прочим темам, таким как культура, наука и технологии. При этом наиболее активно методы журналистики данных используются при освещении резонансных событий и кризисных ситуаций – например, пандемии COVID-19, в контексте которой доля дата-материалов в российских СМИ достигла рекордных 17,8%.

Важной тенденцией, выявленной в ходе исследования, стало также увеличение среднего объема дата-публикаций в российских медиа. Если в 2015 году типичный материал, основанный на анализе данных, содержал в среднем 1 200 знаков, то к 2022 году этот показатель вырос до 3 700 знаков. Это свидетельствует о том, что журналисты все чаще используют данные не просто как иллюстративный элемент, а как основу для глубокой аналитики и объемных лонгридов. При этом наиболее длинные дата-материалы характерны для таких изданий, как "Новая газета" (в среднем 5 400 знаков), "Проект" (4 900 знаков) и "Медуза" (4 600 знаков).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что журналистика данных становится одним из ключевых трендов развития мировой медиаиндустрии в условиях цифровой трансформации. Об этом свидетельствует устойчивый рост количества дата-публикаций, которое за последние 8 лет увеличилось более чем в 3 раза, достигнув 39,8% от общего объема контента в ведущих зарубежных изданиях. При сохранении текущей динамики к 2030 году этот показатель может превысить отметку в 60%, что будет означать доминирование data-driven подхода в журналистской практике.

Ключевыми факторами, обуславливающими интенсивное развитие журналистики данных, являются экспоненциальный рост объемов доступной цифровой информации (с 15,5 до 181 зеттабайт в период с 2015 по 2025 год), а также стремительный прогресс в области технологий обработки и анализа данных. В частности, активное внедрение методов машинного обучения и искусственного интеллекта, используемых уже 86,1% дата-журналистов, открывает беспрецедентные возможности для автоматизированного поиска инсайтов в больших массивах неструктурированной информации.

Вместе с тем, анализ глобального медиаландшафта указывает на неравномерность развития data journalism в различных регионах мира. Разрыв между лидерами (США, Великобритания) и аутсайдерами (развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки) по доле дата-материалов в общем объеме публикаций достигает 3,6 раза, что

актуализирует проблематику преодоления цифрового неравенства в журналистике. Важным шагом на пути ее решения может стать более активное вовлечение развивающихся стран в международные проекты в сфере data journalism, такие как Data Journalism Awards или Global Editors Network.

Что касается России, то, несмотря на позитивную динамику развития журналистики данных (рост числа дата-публикаций в 4,7 раза за 7 лет), их доля в общем объеме контента пока остается относительно невысокой (5,2% по итогам 2022 года). Для сравнения, в США аналогичный показатель составляет 41,6%, а в Великобритании – 37,9%. Одной из причин такого отставания является недостаточный уровень компетенций российских журналистов в области дата-аналитики: по данным опроса, лишь 23% из них уверенно владеют навыками программирования на Python или R, необходимыми для эффективной работы с данными.

В этом контексте ключевой задачей на ближайшую перспективу должно стать наращивание кадрового потенциала российской журналистики данных за счет модернизации образовательных программ профильных вузов, запуска специализированных курсов повышения квалификации, а также более активного обмена опытом с зарубежными коллегами. При условии реализации данных мер к 2030 году доля дата-материалов в российских медиа может возрасти до 15-20%, приблизившись к показателям развитых стран.

Список источников

1. Бегтин И.В. Готовы ли российские СМИ к журналистике данных? // Медиаскоп. 2015. № 1. С. 3 – 9.
2. Бершидский Л.В. Журналистика данных: состояние и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2017. № 1. С. 160 – 172.
3. Шилина А.Г., Макеенко М.И. Инновационные форматы применения Big Data: становление журналистики данных в России // Youth Science Week: Collection of Scientific Articles. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. С. 121 – 127. URL: https://elibrary.ru/ item.asp?id=42908460
4. Машкова С.Г. Журналистика данных: новые вызовы и возможности // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). С. 100 – 105.
5. Макарова Н.Я. Журналистика данных в системе профессиональных компетенций журналиста // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 44 – 52. doi: https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10405
6. Симакова С.И. Журналистика данных и визуализация // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 481 – 485.
7. Шилина М.Г., Левченко В.Ю. Data-журналистика – дата-аналитика Big Data в журналистике: возможности, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2014. № 5. С. 50 – 59.
8. Gray J., Bounegru L., Chambers L. The Data Journalism Handbook: How Journalists Can Use Data to Improve the News. O'Reilly Media, 2012. 242 p.
9. Howard A. The Art and Science of Data-Driven Journalism. Tow Center for Digital Journalism, Columbia University, 2014. 144 p.
10. Meyer P. Precision Journalism: A Reporter's Introduction to Social Science Methods. Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 273 p.

References

1. Begtin I.V. Are Russian media ready for data journalism? Mediascope. 2015. No. 1. P. 3 – 9.
2. Bershidsky L.V. Data journalism: state and prospects. Bulletin of Moscow University. Episode 10, Journalism. 2017. No. 1. P. 160 – 172.
3. Shilina A.G., Makeenko M.I. Innovative formats for using Big Data: the formation of data journalism in Russia. Youth Science Week: Collection of Scientific Articles. M.: REU im. G.V. Plekhanova, 2019. P. 121 – 127. URL: https://elibrary.ru/ item.asp?id=42908460
4. Mashkova S.G. Data journalism: new challenges and opportunities. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2016. No. 9 (391). P. 100 – 105.
5. Makarova N. Ya. Data journalism in the system of professional competencies of a journalistю Sign: problem field of media education. 2020. No. 4 (38). P. 44 – 52. doi: https://doi.org/10.24411/2070-0695-2020-10405
6. Simakova S.I. Data journalism and visualization. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2014. No. 2 (2). P. 481 – 485.

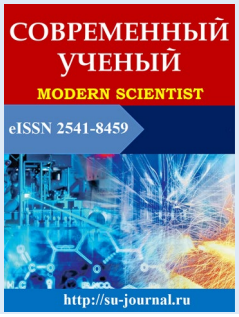
7. Shilina M.G., Levchenko V.Yu. Data journalism – Big Data data analytics in journalism: opportunities, problems, prospects. Bulletin of Moscow University. Episode 10, Journalism. 2014. No. 5. P. 50 – 59.
8. Gray J., Bounegru L., Chambers L. The Data Journalism Handbook: How Journalists Can Use Data to Improve the News. O'Reilly Media, 2012. 242 p.
9. Howard A. The Art and Science of Data-Driven Journalism. Tow Center for Digital Journalism, Columbia University, 2014. 144 p.
10. Meyer P. Precision Journalism: A Reporter's Introduction to Social Science Methods. Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 273 p.

Информация об авторах

Дин Кэхэ, аспирант, Российский университет дружбы народов, a842708701@gmail.com

Е Цзы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, yezikk99@163.com

© Дин Кэхэ, Е Цзы, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81`22
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-14-19

Телевизионный анонс в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале канала «Домашний»)

[1] Клецкая С.И.

[1] Южный федеральный университет

Аннотация: изучение разных медиажанров, другими словами, жанров СМИ, становится актуальным, поскольку происходит их постоянное развитие, постоянно появляются новые, которые не получили достаточного освещения в научной литературе. К числу таких медиажанров относится телевизионный анонс. В коммуникативно-прагматическом аспекте особенности жанра телевизионного анонса почти не изучены, либо изучены несистемно. Коммуникативно-прагматический аспект изучения телеанонса предполагает анализ данного жанра в структуре коммуникативного акта, в большой системе медиакоммуникации. Анализ телеанонса проводится на материале телеканала «Домашний», целевой аудиторией которого являются женщины в возрасте от 25 до 59 лет и старше. В результате проведенного исследования выявлено, что в отличие от других телеканалов, анонсы на канале «Домашний» не обладают агрессивностью, в них используется как прямое (использование побудительных контсрукций), так и непрямое (краткий намеренно не завершенный пересказ фабулы фильма или сериала, использование слов, порождающих интригу) побуждение к просмотру телепередач, фильмов и сериалов. В качестве основных языковых средств телеанонса на телеканале «Домашний» выделяются следующие: использование градации, повторов, художественно-изобразительных средств (метафор, эпитетов, сравнений и др.), риторических вопросов и других синтаксических фигур и художественных тропов, а также употребляются интонационные средства (например, усиление тона на ударном гласном, и качественное и количественное увеличение гласных, синтагматические ударения, логические ударения, увеличение громкости, не обусловленное тематикой повышение и понижение тона и др.).
Ключевые слова: телевизионный анонс, медиажанр, побуждение, рекламирование, информирование, тропы, синтаксические фигуры

Для цитирования: Клецкая С.И. Телевизионный анонс в коммуникативно-прагматическом аспекте (на материале канала «Домашний») // Современный ученый. 2024. № 5. С. 14 – 19. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-14-19

Поступила в редакцию: 3 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Television announcement in the communicative-pragmatic aspect (based on the material of the Domashny TV channel)

[1] Kletskaya S.I.

[1] Southern Federal University

Abstract: the study of different media genres, in other words, media genres, becomes relevant because they are constantly developing, new ones are constantly appearing that have not received sufficient coverage in the scien-

tific literature. One of these media genres is a television announcement. In the communicative and pragmatic aspect, the features of the television announcement genre have been almost not studied, or have been studied unsystematically. The communicative-pragmatic aspect of studying a television announcement involves analyzing this genre in the structure of a communicative act, in a large system of media communication. The TV announcement is analyzed using material from the Domashny TV channel, whose target audience is women aged 25 to 59 years and older. As a result of the study, it was revealed that, unlike other TV channels, announcements on the Domashny channel are not aggressive; they use both direct (the use of incentive constructions) and indirect (a short, deliberately incomplete retelling of the plot of a film or series, the use of words, generating intrigue) encouragement to watch TV shows, films and series. The main linguistic means of television announcements on the Domashny TV channel are the following: the use of gradation, repetition, artistic and visual means (metaphors, epithets, comparisons, etc.), rhetorical questions and other syntactic figures and artistic tropes, as well as the use of intonation means (for example, an increase in tone on a stressed vowel, and a qualitative and quantitative increase in vowels, syntagmatic stress, logical stress, an increase in volume, an increase and decrease in tone not determined by the topic, etc.).
Keywords: television announcement, media genre, motivation, advertising, information, tropes, syntactic figures

For citation: Kletskaya S.I. Television announcement in the communicative-pragmatic aspect (based on the material of the Domashny TV channel). Modern Scientist. 2024. 5. P. 14 – 19. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-14-19

The article was submitted: April 3, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В последнее время изучение разных медиажанров, другими словами, жанров СМИ, становится актуальным, поскольку происходит их постоянное развитие, постоянно появляются новые, которые не получили достаточного освещения в научной литературе. К числу таких медиажанров относится телевизионный анонс (телеанонс) [1].

Жанр телеанонса был изучен в работах Малыгиной Л.Е. [5], которая провела комплексное исследование данного жанра в аспекте коммуникативной стилистики. В ее исследовании впервые было введено понятие промодискурс, в том числе, телевизионный промодискурс. Она отмечает самостоятельность жанра телеанонса, функции которого заключаются в информировании и одновременном рекламировании, что проявляется в наличии интенции убеждения.

Кроме того, на сегодняшний день в литературе представлено большое число трудов, посвященных телевидению (например, исследования Р.А. Борецкого, Е.Л. Вартановой, Г.В. Кузнецова и др.), при этом стилистический аспект остается в них почти без внимания. Также существуют работы, объектом которых выступает телевизионная речь (монография С.В. Светаны «Телевизионная речь. Функции и структура» [8]), в частности звучащая речь (исследования О.А. Лаптевой, М.В. Зарвы). При этом в данных трудах не рассматриваются функционально-стилистические особенности речи на телевидении.

В качестве объектов исследования выступали такие жанры, как телеинтервью (Т.В. Попова), игровые программы (Канчер М.А.), теледебаты (Иванова Ю.М.), ток-шоу (Ларина Е.Г.) и др.

Жанр телеанонса становился самостоятельным объектом исследования в основном в синтаксическом и лексическом аспектах (работы В.Э. Морозова, Н.Г. Гордеевой). В коммуникативно-прагматическом аспекте особенности жанра телевизионного анонса почти не изучены, либо изучены несистемно.

Материалы и методы исследований

Коммуникативно-прагматический аспект изучения телеанонса предполагает анализ данного жанра в структуре коммуникативного акта, в большой системе медиакоммуникации [10].

Кроме того, при таком рассмотрении значимым является понятие адресата, то есть целевой аудитории, на которую ориентирован тот или иной телеаноанс. Учитывание смысловой позиции адресата, особенности целевой аудитории позволяет создателям телевизионного анонса выбирать адекватные языковые средства, которые являются доступными для понимания адресата.

Результаты и обсуждения

Адресат направляет речевое произведение, провоцирует его. По мнению Н.Д. Арутюновой, социально-этикетная сторона речи, ее организация определяется ролью адресата [2].

В современных реалиях при наличии множества телеканалов различного характера (информационных, научных, развлекательных и т.д.), развитии цифровых технологий, появлении нишевых каналов, существовании гиперконкуренции борьба за высокий рейтинг и внимание зрителей получает широкое распространение.

В советское время направленность анонса ограничивалась в основном информированием. Современные анонсы, помимо информирования, выполняют рекламирующую функцию. При этом рекламная функция оказывается доминирующей [3].

Реклама ориентирована на определенную целевую аудиторию. Целевой адресат телевизионного анонса определяется типом телеканала, на котором данный анонс представлен [4].

В качестве материала нашего исследования выступает телеканал «Домашний». Канал представляет собой портал, содержащий следующие вкладки: «Шоу и проекты», «Кино и сериалы», «Новости», «Гороскопы и гадания», «Любовь и секс», «Психология», «Дом и сад», «Тесты», «Красота и здоровье», «Рецепты», «Мода», «Семья и дети», «Путешествия», «Все темы». Также отдельно представлены разделы «Сериалы», «Подборки», «телепрограмма». Как видно из заявленных тем, данный канал рассчитан на среднестатистическую женщину среднего возраста.

Сами создатели канала заявляют о том, что его целевой аудиторией являются в основном женщины 25-59 лет и старше. Согласно статистике (https://www.sostav.ru/), наряду с телеканалами «Первый канал», «Россия 1», «НТВ», «Пятый канал», телеканал «Домашний» входит в пятерку лидеров по своей целевой аудитории. При этом бóльшую часть составляют женщины старшего возраста, что обусловлено характером телепередач и фильмов, транслируемых данным каналом. Однако на канале транслируются передачи, направленные на более молодой контингент.

Анонс как жанр представлен на данном канале достаточно широко – как правило это текст, сопровождающийся аудио- и видеорядом. Видеоролики имеют целью информирование о каком-нибудь телевизионном продукте и его рекламирование.

Авторы анонсов стараются привлечь внимание зрителя и впоследствии удержать его любым способом.

Одним из способов привлечения внимания зрителя является агрессивная направленность текста телеанонса, которая реализуется лингвистическими и интонационными средствами [7].

В качестве лингвистических средств выступают многочисленные повторы, фразеологизмы, нередко использование лексики нелитературного языка – жаргонов, просторечий и др.

Интонационные средства также многоплановы и разнообразны. Это и усиление тона на ударном гласном, и качественное и количественное увеличение гласных, синтагматические ударения, логические ударения, увеличение громкости, не обусловленное тематикой повышение и понижение тона и др. [6].

Телеанонсы канала «Домашний» сопровождаются традиционными для данного жанра слоганами: «Успей посмотреть!», «Скоро в эфире». Эти слоганы имеют побудительную и информирующую функции, то есть предоставляют информацию о рекламируемом телепродукте и побуждают к просмотру.

Так, например, анонсирование сериала «Любовь и голуби» сопровождается следующим текстом: «“Любовь и голуби” 1 сезон. Встречайте счастье!».

В данном тексте используется отсылка к известному советскому фильму В. Меньшова, видеоряд анонса также представляет собой фрагмент фильма в переснятом виде. Кроме того, данный текст добавляется побудительной конструкцией «Встречайте счастье!», которая направлена на актуализацию приятных впечатлений зрителей от просмотра советского фильма и проектирование подобных ощущений в будущем – после просмотра сериала.

Таким образом, используются прецедентные тексты в широком смысле, которые одновременно усиливают выразительность и побуждают к просмотру сериала.

Помимо фильма «Любовь и голуби», канал демонстрирует и другую советскую классику в переснятом формате – «Москва слезам не верит», «Служебный роман».

Употребление в анонсе прецедентных имен и высказываний из разных областей знания без учета адресата может привести к коммуникативной неудаче, следовательно, фактор адресата является ведущим для создания телеанонса [9]. На канале «Домашний» при создании анонсов адресат (женщины 25-59 лет и старше) учитывается.

В современном телевизионном анонсе так же, как в рекламе, используются приемы манипулирования адресатом, которые представлены в употреблении градации, повторов, художественно-изобразительных средств (метафор, эпитетов, сравнений и др.), риторических вопросов и других синтаксических фигур и художественных тропов [10].

Так, анонс фильма «Сквозь слезы к счастью. Захлопни эту дверь! 1 сезон» содержит следующий текст: «Любила, верила, боролась за чувства, которые не спасти... Захлопни эту дверь и на твоем пороге появится тот, кто сам готов бороться за место в твоем сердце! Смотрите на Domашнем линейку мелодрам «Сквозь слезы к счастью».

Здесь используется прием градации, то есть постепенного нарастания эмоционального эффекта

вовлеченности в любовные чувства. Кроме того, употребляются побудительные конструкции с глаголом в форме повелительного наклонения («захлопни»), а также метафора («захлопни эту дверь»). Все эти языковые средства позволяют усилить эмоциональность текста, а также выражают побуждение адресата к просмотру серии фильмов.

Эта же «линейка» мелодрам представлена другим сериалом «Ты сильней, чем кажешься!». Анонс этого сериала содержит следующий текст: «Все опять невыносимо сложно и еще невыносимо больно. Эта боль не стихает – такое чувство, что ты в западне. И кто-то хочет, чтобы ты сломалась, а, может, и вовсе исчезла навсегда. Но ты сильнее, чем кажешься – вновь возвращаешься к жизни, расправив плечи, и снова смотришь на мир счастливыми глазами. Это и есть любовь! Смотрите на Домашнем линейку мелодрам «Сквозь слезы к счастью».

В данном тексте используются повторы, при этом повторы являются контактными, т.е. имеет место редупликация. Например, повторение наречия «невыносимо», имеющего значение ‘трудно, невозможно вынести, вытерпеть; нестерпимо’, позволяет показать сложность условий жизни героини сериала. Эта лексема соседствует со словами «больно», «сложно», что вызывает сопереживание и сострадание к героине. Данные повторы усиливают эмоциональный и психологический эффект. Кроме того, здесь используются фразеологизированные конструкции (в западне»), клишированные метафоры («кто-то хочет, чтобы ты сломалась»).

Использование вышеназванных языковых средств позволяет достичь психологического эффекта вовлеченности в жизненную ситуацию героини, переход зрителя от стороннего наблюдателя к сочувствующему человеку, находящемуся как будто внутри ситуации.

Таким образом, достигается еще и психологический эффект: адресат проявляет заинтересованность, вовлеченность в жизнь телегероев.

На телеканале «Домашний» анонсируются не только отдельные сериалы и фильмы, но и ряд мелодрам, объединенные общей тематикой.

Например, анонс «Мелодрамы о новой любви! 1 сезон» содержит следующий текст: «Разбитое сердце – раз, два, три... Они попробуют начать сначала. Надежда на счастье – раз, два, три... Смотрите мелодрамы о новой любви на Домашнем».

В данном анонсе в качестве языкового средства представлены повторы, в частности повторы числительных «раз, два, три», побудительная конструкция с глаголом в форме повелительного наклонения («смотрите»). Данные языковые средства используются для привлечения внимания зрителя к ряду фильмов жанра мелодрама, к их просмотру и восприятию.

Еще одним типом телеанонса является рекламирование фильма или сериала посредством краткого пересказа фабулы. Например, сериал «Дети ветра» анонсируются следующим образом: «Наталья, Павел и их дочь Вика выглядят счастливой семьей. Однако в последнее время они переживают не самые лучшие времена. Пытаясь открыть свой бизнес, Павел лишь погряз в долгах. Он просит Наталью пойти к кредитору и попросить об отсрочке. Желая помочь мужу, она отправляется к бизнесмену Вадиму Портнову, который оказывается бывшим однокурсником Павла. Им удается найти компромисс: Наталья поможет с переводом важных документов, а он даст отсрочку по долгу. Наталью удивляют порядки в богатом особняке – здесь всегда поддерживается буквально хирургическая чистота, а на второй этаж дома вход категорически запрещен. Однажды героиня замечает в окне второго этажа маленькую девочку – ровесницу дочки. Оказывается, София – дочь Портнова, которая никогда не выходит из дома. Любое общение с внешним миром для девочки смертельно опасно и строго запрещено. Все дело в генетической болезни, унаследованной от мамы. Спасти ее может операция по пересадке костного мозга от родственника. Когда Наталья узнает, что Портнов ищет суррогатную мать, чтобы найти таким образом спасение для своего ребенка, она предлагает свою кандидатуру, чтобы расплатиться с долгами мужа. И вскоре Наталья оказывается в центре коварных интриг, которые плетутся близкими людьми семьи».

Краткий пересказ фабулы фильма намеренно не является завершенным, тем самым создается интрига. Такая форма анонса обусловливает заинтересованность зрителя и побуждает его к просмотру фильма или сериала.

Такие анонсы подтверждают ориентированность на целевую аудиторию телеканала – женщин. Телезрительницы сопереживают героиням фильмов – таким же обычным женщинам, как они сами, со своими слабостями и сильными сторонами.

На телеканале «Домашний» анонсирование распространяется не только на фильмы и сериалы, но и проекты и телепередачи.

Например, проект «Умная кухня». Этот проект ориентирован на целевого зрителя телеканала – женщин. Традиционно приготовление пищи считается женским занятием, поэтому передачи, свя-

занные с ее приготовлением, являются актуальными и востребованными на подобных телеканалах.

В телеанонсе этой передачи содержится следующий текст: «Всем кофеманам посвящается! Супервкусный капуччино или латте можно делать дома, это просто и быстро! Секрет в одном гениальном устройстве, о котором расскажет ведущий программы «Умная кухня» Евгений Рыбов».

В данном анонсе использованы словообразовательные языковые средства, способствующие созданию экспрессивности, например, прилагательное с приставкой «супер-» («супервкусный»). Кроме того, акцентируется внимание на простоте приготовления кофе, что является актуальным для целевой аудитории – любой женщины. Внимание привлекается к устройству, которое, по мнению авторов, поможет сделать кофе быстро. Употребление слова «секрет», прилагательного «гениальный» создает интригу для зрителя, тем самым побуждая его к просмотру данной телепередачи.

Таким образом, в отличие от других телеканалов, анонсы на канале «Домашний» не обладают агрессивностью, в них используется как прямое (использование побудительных конструкций), так и непрямое (краткий намеренно не завершенный пересказ фабулы фильма или сериала, использование слов, порождающих интригу) побуждение к просмотру телепередач, фильмов и сериалов.

Выводы

В качестве основных языковых средств телеанонса на телеканале «Домашний» выделяются следующие: использование градации, повторов, художественно-изобразительных средств (метафор, эпитетов, сравнений и др.), риторических вопросов и других синтаксических фигур и художественных тропов, а также употребляются интонационные средства (например, усиление тона на ударном гласном, и качественное и количественное увеличение гласных, синтагматические ударения, логические ударения, увеличение громкости, не обусловленное тематикой повышение и понижение тона и др.).

Список источников

1. Арбатская О.А. Русский язык и культура речи. Практикум: учеб. пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2022. 123 с.

2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия: литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356 – 367.

3. Доронина И.М. Телевизионные титры как элемент креолизации в коммуникативном пространстве // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 5 (138). С. 147 – 150.

4. Корн Е., Пальшина Л.В. Интернет-каналы коммуникации в 2022 г. // Маркетинговые коммуникации. 2022. № 2. С.138 – 147.

5. Малыгина Л.Е. Современный телевизионный анонс в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале промороликов телеканалов НТВ, Первый канал, ТВЦ, СТС, РЕН-ТВ за 2005-2010 годы: автореферат дис. канд. филол. наук. М., 2010. 29 с.

6. Малыгина Л.Е. Телевизионный анонс: лингвостилистическая трансформация жанра. М.: Флинта, 2018. 311 с.

7. Никитина Л.Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта, 2022. 112 с.

8. Светана С.В. Телевизионная речь: функции и структура. М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. 151 с.

9. Ухова Л.В., Соболев А.Т. Телеанонс как рекламный жанр // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 3. С. 124 – 126.

10. Филатова Е.А. Стилистика русского языка и культуры речи: учеб. пособие. Липецк: Липецкий гос. технический ун-т, 2022. 95 с.

References

1. Arbatskaya O.A. Russian language and culture of speech. Workshop: textbook. manual for universities. M.: Yurayt Publishing House, 2022. 123 p.

2. Arutyunova N.D. Addressee factor. News of the USSR Academy of Sciences. Series: literature and language. M.: Nauka, 1981. T. 40. No. 4. P. 356 – 367.

3. Doronina I.M. Television captions as an element of creolization in the communicative space. Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University. Philological sciences. 2019. No. 5 (138). P. 147 – 150.

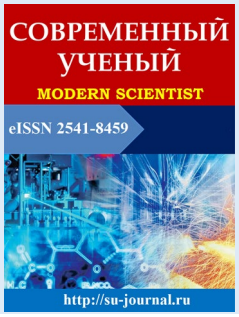
4. Korn E., Palshina L.V. Internet communication channels in 2022. Marketing communications. 2022. No. 2. P. 138 – 147.

5. Malygina L.E. Modern television announcement in the communicative and pragmatic aspect: based on the material of promotional videos of NTV, Channel One, TVC, STS, REN-TV for 2005-2010: abstract of thesis. Ph.D. Philol. Sci. M., 2010. 29 p.
6. Malygina L.E. Television announcement: linguistic and stylistic transformation of the genre. M.: Flinta, 2018. 311 p.
7. Nikitina L.B. Stylistics of the Russian language: textbook. allowance. M.: Flinta, 2022. 112 p.
8. Svetana S.V. Television speech: functions and structure. M.: Moscow University Publishing House, 1976. 151 p.
9. Ukhova L.V., Sobolev A.T. Television announcement as an advertising genre. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2012. T. 1. No. 3. P. 124 – 126.
10. Filatova E.A. Stylistics of the Russian language and speech culture: textbook. allowance. Lipetsk: Lipetsk State. Technical University, 2022. 95 p.

Информация об авторе

Клецкая С.И., кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, sikleckaja@sfedu.ru

© Клецкая С.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.581
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-20-27

Понятие «реалия» в русской и китайской лингвистиках: сравнительный анализ терминологии

[1] Кан Ямэй, [1, 2] Бородина М.А.

[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
[2] Российский государственный социальный университет

Аннотация: в статье анализируются и сопоставляются понятия термина «реалия» в русском и китайском языках с позиции лингвистики. Отмечая наличие группы терминов, определения которых сближают понятие «реалия» с безэквивалентной и национально культурной лексикой, в китайском языке употребляются такие термины: «культурные слова», «культурно-нагруженные слова», а также и другие. Авторы делают сравнительный анализ подходов к терминологии, связанной с понятием «реалия», систематизируют взгляды российских и китайских лингвистов на определения этих терминов и общие черты рассматриваемых терминов.
Обращаясь к этимологии термина, рассматривается его постепенное расширение сначала российскими исследователями, а затем китайскими. Выделяются знаковые определения в словарях, представляются исследования, выполненные Г.Д. Томахиным, С.И. Влаховым, С.П. Флориным, указывается трехуровневая система А.А. Кретова и Н.А. Фененко; уточняется понятие реалии, выполненное Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. В китайской лингвистике выделяются следующие термины: 文化词汇 (культурные слова), 文化负载词 (культурно-нагруженные слова), 国俗词汇 (слова национальной традиции). Даются некоторые примеры китайских реалий, в частности, инь и ян, дракон, туфли, сваха, пять элементов и др.
***Ключевые слова*:** реалия, культурные слова, культурно-нагруженные слова, китайский язык, лингвистика

Для цитирования: Кан Ямэй, Бородина М.А. Понятие «реалия» в русской и китайской лингвистиках: сравнительный анализ терминологии // Современный ученый. 2024. № 5. С. 20 – 27. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-20-27

Поступила в редакцию: 3 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The concept of “reality” in Russian and Chinese linguistics: a comparative analysis of terminology

[1] Kang Yamei, [1, 2] Borodina M.A.,

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
[1, 2] Russian State Social University

Abstract: the article analyzes and compares the concepts of the term “reality” in Russian and Chinese from the perspective of linguistics. Noting the presence of a group of terms whose definitions bring the concept of “reality” closer to an equivalent and nationally cultural vocabulary, such terms are used in the Chinese language: “cultural

words", "culturally loaded words", as well as others. The authors make a comparative analysis of approaches to terminology related to the concept of "reality", systematize the views of Russian and Chinese linguists on the definitions of these terms and the common features of the terms under consideration.
Turning to the etymology of the term, its gradual expansion is considered, first by Russian researchers, and then by Chinese ones. Iconic definitions in dictionaries are highlighted, studies performed by G.D. Tomakhin, S.I. Vlakhov, S.P. Florin are presented, the three-level system of A.A. Kretov and N.A. Fenenko is indicated; the concept of reality, performed by E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov, is clarified. In Chinese linguistics, the following terms are distinguished:文化词汇 (cultural words), 文化负载词 (culturally loaded words), 国俗词汇 (words of national tradition). Some examples of Chinese realities are given, in particular, yin and yang, dragon, shoes, matchmaker, five elements, etc.
Keywords: reality, cultural words, culturally loaded words, the Chinese language, linguistics

For citation: Kang Yamei, Borodina M.A. The concept of "reality" in Russian and Chinese linguistics: a comparative analysis of terminology. Modern Scientist. 2024. 5. P. 20 – 27. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-20-27

The article was submitted: April 3, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Понятие «реалия» является объектом изучения особого подраздела лингвистики, который называется лингвострановедение. Именно здесь на стыке языка и культуры формируются так называемые языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой. Язык, благодаря его кумулятивной функции, не только накапливает информацию о социальном и историческом развитии, режиме политики, законодательства, образования и общества, но и отражает традиции, образ жизни, религию и искусство одного народа, отличающие от другого народа. Поэтому именно реалии представляют языковые единицы, аккумулирующие данную информацию. Другими словами, реалии обладают «национально-культурным фоном, набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем носителям данного языка» [7]. Например, в русском языке *баня, дача, новые русские,* в китайском языке *茅台酒 (Маотай – китайская ароматная водка), 花轿 (Хуацзяо – свадебный паланкин), 筷子 (палочки для еды).*

С начала 1950-х годов термин «реалия» становится неотъемлемой частью терминологической системы в лингвистике и рассматривается в контексте проблем перевода. С течением времени расширяется подход исследования, что позволяет обратиться к его изучению как в рамках лингвистического перевода, так и с точки зрения лингвострановедения и сопоставительной лингвистики. В настоящее время вопрос о языковых реалиях, безусловно, приобретает большую актуальность в русской и зарубежных лингвистиках. Многие русские исследователи занимаются изучением данного понятия, в частности Е.М. Верещагин, В.С. Виноградов, М.Л. Байсбурд, Л.С. Бархударов, А.В. Федоров, Г.Д. Томахин, Е.А. Супрун, Н.А. Фененко, А.Д. Швейцер и др. Если рассмотреть исследования в сопоставительной лингвистике, то в основном, исследования сосредоточены на реалиях английского, французского и немецкого языков в сравнении с русским языком. В тоже время реалии китайского языка получили значительно меньшее внимание исследователей. Тем более, отсутствуют научные работы, посвященные сопоставительному анализу терминологии данных особых категорий лексических единиц.

Количество языковых единиц с ярко выраженной национально-культурной семантикой достаточно велико в рамках культуры и языка России и Китая (а шире – представителей практически любой культуры). Различные исследователи называют этот тип слов по-разному, что приводит к отсутствию систематического подхода в существующих исследованиях. Существенно затрудняет их осмысление в аспекте языкового освоения действительности, а также их категоризации [4]. Углубленные дискуссии в любой отрасли сосредотачиваются на терминологии, анализ которой помогает понять соответствующую область.

Таким образом, цель данной научной статьи заключается в проведении сравнительного анализа различных терминов, определения которых приближают понятие «реалия» в русском и китайском языках, а также выявлении сущности и его специфики.

Материалы и методы исследований

Для выявления понимания содержания термина «реалия» необходимо обратить внимание на его происхождение. Само слово «реалия» происходит от латинского слова «realis, e», обозначающего «вещественный», «действительный». В толковом

словаре русского языка слово «реалия» определяется как «единичный предмет, вещь, то, что есть, существует» [6]. Л.Н. Соболев, один из первых исследователей, даёт толкование о термине «реалия» как «слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [8]. В толковом переводоведческом словаре представляется более подробное и структурированное значение:

1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.
2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке.
3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова.
4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта [5].

По мнению Г.Д. Томахина в сопоставительном лингвострановедении реалии делятся на денотативные и коннотативные. Денотативные реалии – это факты языка, которые обозначают предметы и явления, присущие определенной культуре, не имеющие соответствий в сопоставляемой культуре. Коннотативные реалии обозначают предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но приобретают дополнительные значения, основанные на уникальных культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре [9]. Исследователь классифицирует реалии по принципу тематической группировки, выделяя этнографические, географические, общественно-политические реалии, реалии системы образования, религии и культуры, а также отводит в отдельную группу ономастические реалии. Более того, речь идет о практической и информативной целях создания подобной классификации.

Также необходимо указать, что достаточно широкое и комплексное определение реалий было разработано болгарскими исследователями С.И. Влаховым и С.П. Флориным. Оно имеет интегративный характер, поскольку охватывает элементы различных подходов: лингвистического, филологического, литературоведческого и культурологического. Исследователи определяют реалии как слова и словосочетания, обозначающие «объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [2].

А.А. Кретов и Н.А. Фененко представили трехчастную систему терминов:

1. реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) – R-реалия.
2. реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт) – C-реалия.
3. реалия как средство номинации культурного концепта – L-реалия [4].

Иными словами, можно заключить, что термин «реалия» является универсальным. Он используется как для предметов и явлений экстралингвистической реалии и для соответствующих культурных концептов, так и для лексических единиц, одновременно обладает национальным колоритом и не имеет эквивалента в другом языке.

В современной лингвистике российские исследователи используют различные термины для обозначения рассматриваемого понятия: «безэквивалентная лексика», «варваризмы», «пробел», «коннотативные слова», «фоновые слова», «лингвокультурема», «национально-специфическая лексика».

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, обсуждая понятие реалий в своих исследованиях, используют следующие термины: «фоновые» и «коннотативные слова», «безэквивалентная лексика», а также «слова с культурным компонентом», обозначая этими терминами лексические единицы со своеобразной семантикой, отражающие особенности отдельной культуры [1].

С.И. Влахов и С.П. Флорин уделяли большое внимание вопросу разграничения указанных выше терминов. Основной вывод, к которому пришли исследователи, заключается в том, что коннотация отвечает за дополнительные значения слова или выражения, которые расширяют его основное значение и вносят семантические или стилистические оттенки, используемые для передачи различных экспрессивно-эмоциональных или оценочных нюансов. Коннотативная лексика, отличаясь от реалий, не только отражает национальные особенности, но также добавляет эмоциональные и оценочные оттенки к основному значению слова или выражения. Понятия «реалия» и «безэквивалентная лексика» также не синонимичны. Безэквивалентная лексика представляет собой языковые единицы, для которых нет определенных переводов в

другом языке. Эти отсутствующие соответствия устанавливаются в контексте конкретной пары языков, поэтому разные языковые пары могут иметь разные списки безэквивалентной лексики. Набор реалий для каждого языка в синхроническом плане обычно более или менее стабилен. Однако состав безэквивалентной лексики возможно различается в зависимости от конкретной языковой пары, рассматриваемой в контексте перевода. Как пишет А.О. Иванов, «с течением времени в результате взаимопроникновения культур (если можно так назвать агрессивное проникновение английского языка в другие языки, в том числе и русский), происходящего в последние 15-20 лет, некоторые слова, бывшие когда-то безэквивалентными, перестают быть таковыми после их заимствования» [3].

Учитывая все вышесказанное, можно заключить, что имеется значительное разнообразие подходов к изучению понятия «реалия», каждый лингвист вносит свои особенности в данное понятие, что является несомненной пользой для его понимания сущности.

Результаты и обсуждения

Анализ исследований китайских учёных показывает, что вопросы особой категории лексических единиц, содержащих специфическую национально-культурную информацию, наиболее полно рассматривались в трудах китайских лингвистов, таких как Ван Хуань（王还）[1987], Ван Дэчунь（王德春）[1991], Мэй Личун（梅立崇）[1993], Хуан Цзиньгуй (黄金贵) [1993], Чан Цзинюй（常敬宇）[1995], Су Баожун (苏宝荣) [1996], Ван Гоань（王国安）[1996], Ху Кайбао（胡开宝）[2006] и др.

В китайских лингвистических исследованиях для обозначения слов, маркирующих национально-культурные специфики, встречаются разные термины: 文化词汇 (культурные слова), 文化负载词 (культурно-нагруженные слова), 国俗词汇 (слова национальной традиции). Термин «реалия» не встречается в китайских исследованиях в рассматриваемом нами плане, поскольку ее понимание связывается с термином «реальность» и с соответствующими лексическими единицами.

Термин 文化词语(культурные слова) официально предложили лингвисты Чан Цзинюй (常敬宇) и Хуан Цзиньгуй (黄金贵), по их мнению, 文化词语 (культурные слова) относятся к лексике (слова, словосочетания и выражения) на определенном культурном фоне, в них содержатся культурные значения, прямо или косвенно отражающие национальную культуру, такие слова имеют нулевую форму в другой культурной группе [10, 13]. Здесь следует отметить, что китайские лингвисты понимают под культурным значением переносное значение, эмоциональную окраску, стилистическую окраску, метафорическое значение, символическое значение, придаваемые обществом словам помимо сигнификативного значения. В зависимости от степени культурных значений все слова разделяются на две лексические группы: 一般词语 обычные слова, которые только обладают концептуальными значениями, как *стол, стул* и 文化词语 (культурные слова), содержащие в себе культурные значения, связанные с обществом.

Некоторые 文化词语 (культурные слова) прямо отражают различные концепты культуры, например *龙（Лун, китайский дракон: является символом Китая, именно данная страна называется «восточным драконом», китайцы – «потомки дракона»).* Другие 文化词语(культурные слова) косвенно отражают концепты культуры, поэтому необходимо определять, в какой конкретной ситуации они используются, или имеют родственную связь с чем-то, или коррелируют с классическими произведениями литературы, религии и т.д. Например, выражение *穿小鞋（«надевать тесные туфли»)* обозначает «чинить препятствия, ставить в неловкое положение», это связанно с феодальным обычаем связывания ног женщинам во времена династии Сун. Другим примером можно привести слово *红娘 (Хун-нян),* которое обозначает «красную женщину, или сваху, служанку», которая была героиней в драме «Западный флигель» *(西厢记)* и старалась помочь в организации отношений и создании союза между Иньин и Чжан Шэна. Позже данный термин стали использовать при номинации свахи. Таким образом, культурные значения обладают яркой национальностью и скрытностью (коннотативностью).

Ван Дэчунь（王德春）и Мэй Личун（梅立崇）расширили содержание термина 文化词语 (культурные слова) и предложили использовать термин, в названии которого непосредственно присутствует указание на определенную культуру, – 国俗词汇 (слова национальной традиции). Китайский исследователь Ван Дэчунь（王德春), под влиянием советских лингвистов Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, называет слова, связанные с национально-культурной спецификой, 国俗词汇, или словами национальной традиции и создает новую дисциплину 俗语义学, которая на русском языке называется «лингвострановедческая семасиология». Ван Дэчунь считал, что 国俗词汇 (слова национальной традиции) относятся к словам,

которые связаны с политикой, экономикой, культурой, историей и народными обычаями Китая и имеют национальные культурные особенности [16, с. 9]. Вслед за его мыслью Мэй Личун（梅立崇）добавил то, что 国俗词语 (слова национальной традиции) практически не переводятся на любой другой язык или трудно найти полностью соответствующие эквиваленты, следовательно, ввел новый термин «безэквивалентная лексика» или «неполноэквивалентная лексика» [14, с. 35]. Поскольку 国俗词语 (слова национальной традиции) являются воплощением индивидуальности национальной культуры, постольку они являются продуктом сравнения с другими языками. Безусловно, такой подход с точки зрения тематики культуры расширяет содержание рассматриваемой категории слов.

Китайские лингвисты такие как, Ляо Ции (廖七一) и Ху Кайбао [12, с. 55-60], также используют для обозначения понятия «реалия» термины 文化负载词 (культурно-нагруженные слова) или 文化局限词 (культурно-ограниченные слова) (Ван Хуань (王还) для обозначения слов, которые называют уникальные предметы в определенной культуре, отражая особые формы деятельности, накапливающиеся в длительном историческом процессе, отличающиеся от других этнических групп [18, с. 8]. В данном случае идет номинация с учетом уникальности слов.

Чэнь Сяодань (陈晓丹) подразделяет 文化负载词 (культурно-нагруженные слова) на две группы реалий (или пробелов). Первая группа – это абсолютные или такие, у которых отсутствует эквивалент в целевом языке. Примером подобных абсолютных реалий можно назвать 阴阳 (Инь и Ян), 五行 (Пять элементов) и 八卦 (Багуа). Вторая группа реалий – это относительные, которые далее членятся на референтные пробелы, коннотативные пробелы и прагматические пробелы [11, с. 107]. Например, в Китае 龙 «дракон» считается символом китайской нации, героической и бесстрашной духовной опорой потомков Яня и Хуана, символом благородства и успеха. В феодальном обществе слово 龙 «дракон» использовалось для обозначения императора. Одежда, которую носил император, называлась 龙袍(драконьими халатами). Русский же эквивалент слова «дракон» представляет собой злой символ с хвостом, крыльями и способностью распространять огонь изо рта. Слово 干部 по смыслу пересекается со словами «чиновник, функционер, администратор», но ни одно из них не является полностью эквивалентным.

Исследуя слова с ярко национально-культурными спецификами, китайские лингвисты довольно часто обращаются к выделению их в определенные группы. В частности, Ван Дэчунь（王德春）разделяет национально-культурные слова на 7 групп [16, с. 8-16]:

1. Безэквивалентная лексика, обозначающая уникальные предметы Китая.
2. Фоновая лексика, которая имеет специальный фон исторической культуры, связанной с определенной аллюзией.
3. Коннотативная лексика, кроме концептуального значения, обладающая национально-специальными значениями культуры.
4. Идиомы, включающие пословицы, поговорки, чэнъюй и др.
5. Речевой этикет.
6. Имя человека со стилистическим значением.
7. Слова, которые имеют не менее двух культурных значений.

Ван Гоань [17] выделил 4 уровня национально-культурных слов, называя их такими словами, которые обозначают материальную культуру, духовную культуру, социально-экономический режим, различные уникальные обычаи, а также те, которые непосредственно относятся к географии и природе. Чжан Гаосян (张高翔), обобщая существующее выделение, относит к национально-культурным словам следующие группы: 1) реалии материальной культуры, куда относятся наименования, связанные с постройками, едой, жизненными предметами, одеждой, географической природой; 2) реалии, описывающие социально-экономический режим; 3) реалии, обозначающие поведенческую культуру, включающую различные обряды, традиции, праздники) и 4) реалии, в основе которых заложена культура менталитета общества, его ценности, эстетика, способ мышления, религия и др. [19, с. 63].

Основываясь на приведенных выше определениях, мы можем обнаружить, что, хотя существует множество терминологических выражений, точек зрения, областей исследований, но все они так или иначе связаны с понятиями уникальности, культуры и национальности, другими словами, представляют собой ярко национально-культурные обозначения, обладающие уникальностью, безэквиваленнотью (или многозначностью) и скрытностью (или коннотативностью). Таким образом, термин 文化负载词 (культурно-нагруженные слова) имеет наибольшую сферу использования, а термин 文化词汇（культурные слова) имеет наименьшую сферу использования, поскольку последний из указанных 文化词汇 включает культурные значения,

отличаясь тем самым от обычных слов, однако большинство слов могут иметь как обычные значения, описывающий свой денотат, так и включать различные культурные значения, выражая национально-культурную специфику. С другой стороны, термин 文化负载词 (культурно-нагруженные слова) включает в себя и 文化词汇 (культурные слова).

Другой же термин 国俗词语 (слова национальной традиции) был введен в китайскую терминологию из русского лингвострановедения, соответствуя понятию «реалия», однако не получил достаточно широкого распространения в китайской лингвистике, как другие приведенные ранее термины. Можно полагать, что это сложилось в связи с поворотом лингвострановедения к лингвокультурологии. Что касается классификации, то можно выявить два основные подхода китайских лингвистов в выделении слов с ярко национально-культурными значениями: это выделение с узкой точки зрения, когда в понятие культуры включается лишь социальная идеология, а также образование, философия, литература, искусство и т.д. В широком смысле под культурой понимается «сумма материальных благ и духовных богатств, созданная в ходе исторической практики человеческого общества, относящаяся ко всему образу жизни людей» [15].

Выводы

Реалия представляет собой слово или выражение с обязательным национальным колоритом, в русском и китайском языках имеет чрезвычайно яркое воплощение, отраженное в языковых единицах с ярко выраженной национально-культурной семантикой. По мере углубления исследований в различных областях (лингвострановедение, лингвокультурология, переводоведение и сопоставительная лингвистика) понимание этого термина продолжает расширяться и усложняться, но его основными характеристиками или признаками являются, несомненно, национальность, уникальность и безэквивалентность. Более того, они тесно связаны с культурой.

В результате исследования было выявлено, хотя различные ученые достаточно плодотворно разрабатывают проблематику, связанную с понятием реалий, задача в определении окончательной дефиниции и классификации до сих пор все остается нерешенной. В русской и китайской лингвистиках в данный момент, завися от направления исследования, существует различие в наименовании языковых единиц, соотносимых в плане содержания с языковым значением и с культурным смыслом. При сопоставлении китайских терминов 文化词汇 (культурные слова), 文化负载词 (культурно-нагруженные слова) и 国俗词语 (слова национальной традиции) с русским соответствующим понятием было обнаружено, что оно концептуально ближе к термину в китайском языке 国俗词语 (слова национальной традиции), поскольку он введен из русского лингвострановедения. Остальные два термина также обозначают языковые единицы с выраженной национально-культурной семантикой, только различаются в зависимости от сферы применения, 文化负载词 (культурно-нагруженные слова) включают в себя 文化词汇 (культурные слова). В китайских исследованиях относительно высока частота использования терминов «культурно-нагруженные слова» и «культурная лексика», за которыми следуют «слова национальной традиции».

Список источников

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Р.Валент, 2012. 406 с.

3. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. Санкт-Петербург: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 190 с.

4. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7 – 13.

5. Нелюбин Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва: Флинта, 2011. 5-е изд., стереотип. 318 с.

6. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 17.03.2024)

7. Борисенко В.И. и др. Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова; Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина. Москва: АСТ-Пресс, 2009. 725 с.

8. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский: учебное пособие. Москва: Изд. лит. на иностр. яз. 1952. 404 с.

9. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1988. 239 с.

10. 常敬宇. 汉语词汇与文化. 北京: 北京大学出版社, 1995. 208 с.

11. 陈晓丹. 从语义空缺角度谈文化负载词的分类及翻译 // 青海民族大学学报(教育科学版). 2010. Т. 30. №. 6. С. 106 – 108.

12. 胡开宝. 论异化与《新世纪汉英大词典》中文化限定词的翻译 // 外语教学. 2006. № 1. С. 55 – 60.

13. 黄金贵. 论古代文化词语的训释 // 天津师大学报（社会科学版）. 1993. №. 3. С. 64 – 72, 32.

14. 梅立崇. 汉语国俗词语刍议 // 世界汉语教学. 1993. №. 1. С. 33-38.

15. 苏宝荣. 词的语言意义、文化意义与辞书编纂 // 辞书研究. 1996. №. 4. С. 1 – 8.

16. 王德春. 国俗语义学和《汉语国俗词典》 // 辞书研究. 1991. №. 6. С. 8 – 16.

17. 王国安. 论汉语文化词和文化意义 // 载于中国对外汉语教学学会第四次学术讨论会论文选. 北京: 北京语言学院出版社, 1996. С. 495.

18. 王还. 由编汉语汉英双解词典看到的词典释义问题 // 世界汉语教学. 1987. №. (1):4. С. 7-10.

19. 张高翔. 对外汉语教学中的文化词语 // 云南师范大学学报（对外汉语教学与研究版). 2003. №. 1(3). С. 61 – 65.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Linguistic and cultural theory of the word. M.: Russian language, 1980. 320 p.

2. Vlahov S.I., Florin S.P. The untranslatable in translation. M.: R. Valent, 2012. 406 p.

3. Ivanov A.O. Non-equivalent vocabulary. St. Petersburg: Philol. fak. St. Petersburg State University: St. Petersburg University Publishing House, 2006. 190 p.

4. Kretov A.A., Fenenko N.A. Linguistic theory of reality. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2013. No. 1. P. 7 – 13.

5. Nelyubin L. Explanatory translation dictionary. Moscow: Flinta, 2011. 5th ed., stereotype. 318 p.

6. Ozhegov S.I. Ozhegov's Explanatory Dictionary online [Electronic resource]. URL: https://slovarozhegova.ru/ (access date: 03/17/2024)

7. Borisenko V.I. and others. Russia. Large linguocultural dictionary: 2000 realities of history, culture, nature, everyday life, etc. edited by. ed. Yu.E. Prokhorova; State Institute of Russian Language. them. A.S. Push-kina. Moscow: AST-Press, 2009. 725 p.

8. Sobolev L.N. A manual for translation from Russian into French: a training manual. Moscow: Publishing house. lit. to foreign language 1952. 404 p.

9. Tomakhin G.D. Realities-Americanisms: A manual on regional studies: a textbook. Moscow: Higher School, 1988. 239 p.

10. 常敬宇. 汉语词汇与文化. 北京: 北京大学出版社, 1995. 208 p.

11. 陈晓丹. (教育科学版). 2010. Vol. 30. No. 6. P. 106 – 108.

12. 胡开宝. 论异化与《新世纪汉英大词典》中文化限定词的翻译. 外语教学. 2006. No. 1. P. 55 – 60.

13. 黄金贵. 论古代文化词语的训释. 天津师大学报（社会科学版）. 1993. No. 3. P. 64 – 72, 32.

14. 梅立崇. 汉语国俗词语刍议. 世界汉语教学. 1993. No. 1. P. 33-38.

15. 苏宝荣. 词的语言意义、文化意义与辞书编纂. 辞书研究. 1996. No. 4. P. 1 – 8.

16. 王德春. 国俗语义学和《汉语国俗词典》. 辞书研究. 1991. No. 6. P. 8 – 16.

17. 王国安. 论汉语文化词和文化意义. 载于中国对外汉语教学学会第四次学术讨论会论文选. 北京: 北京语言学院出版社, 1996. P. 495.

18. 王还. 由编汉语汉英双解词典看到的词典释义问题. 世界汉语教学. 1987. No. (1):4. pp. 7-10.

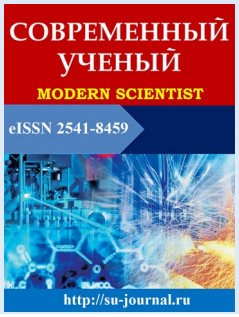
19. 张高翔. 对外汉语教学中的文化词语. 云南师范大学学报（对外汉语教学与研究版). 2003. No. 1(3). P. 61 – 65.

Информация об авторах

Кан Ямэй, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1042235152@rudn.ru

Бородина М.А., кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, BorodinaMA@rgsu.net

© Кан Ямэй, Бородина М.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-28-34

Образ политика в современном российской медиадискурсе

[1] Бурьянова А.А., [1] Зенкова Т.Л., [1] Кегеян С.Э., [1] Татосьян М.М.

[1] Сочинский государственный университет

Аннотация: стремительное развитие информационных технологий в последние десятилетия привело к трансформации традиционных и появлению огромного количества новых средств массовой коммуникации, серьезно влияющих на картину мира каждого россиянина, а в некоторых случаях и формирующих ее. Одними из первых силу и значимость этого феномена осознали политики, научившиеся использовать возможности медиа для конструирования новой медийной реальности и своих собственных медийных образов. Исследование технологий, благодаря которым они достигают успеха, следует начинать с анализа используемых с этой целью языковых средств.
Ключевые слова: российский медиадискурс, образ политика, механизмы речевого воздействия, языковое манипулирование, стратегия воздействия, свой – чужой, позитивный образ, негативный образ, разоблачение, клевета, оговор, самопрезентация

Для цитирования: Бурьянова А.А., Зенкова Т.Л., Кегеян С.Э., Татосьян М.М. Образ политика в современном медиадискурсе // Современный ученый. 2024. № 5. С. 28 – 34. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-28-34

Поступила в редакцию: 4 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The image of a politician in modern Russian media discourse

[1] Buryanova A.A., [1] Zenkova T.L., [1] Kegeyan S.E., [1]Tatosyan M.M.

[1] Sochi State University

Abstract: the rapid development of information technology in recent decades has led to the transformation of traditional and the emergence of a huge number of new means of mass communication, seriously influencing the worldview of every Russian, and in some cases shaping it. Politicians were among the first to realize the power and significance of this phenomenon, learning to use the capabilities of the media to construct a new media reality and their own media images. The study of the technologies through which they achieve success should begin with an analysis of the linguistic means used for this purpose.
Keywords: Russian media discourse, image of a politician, mechanisms of speech influence, language manipulation, strategy of influence, friend – foe, positive image, negative image, exposure, slander, slander, self-presentation, neutralization of negativity

For citation: Buryanova A.A., Zenkova T.L., Kegeyan S.E., Tatosyan M.M. The image of a politician in modern Russian media discourse. Modern Scientist. 2024. 5. P. 28 – 34. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-28-34

The article was submitted: April 4, 2024; Approved after reviewing: June 6, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Объектом исследования выступают средства речевой выразительности, использующиеся для воплощения бренда политического деятеля в медиадискурсе.

Цель исследования состоит в выявлении способов речевого воздействия на потребителя медиа информации, их изучении и характеристике.

Научная новизна обусловлена всесторонним рассмотрением выявленных способов психологического воздействия на аудиторию при помощи языковых средств с целью создания заданного «медийного двойника» политического деятеля в медиадискурсе. Проанализированы модели и процессы формирования позитивного и негативного образа, а также способы его коррекции в русскоязычном медиадискурсе.

Материалы и методы исследований

Методы исследования – предварительный сбор и анализ информации с последующим разбором контекста (описательный); смысловой анализ и исследования разных способов речевого конструирования образов.

Результаты и обсуждения

Тот образ, который получает объективацию в сознании индивидуума при восприятии им определенного языкового знака, можно назвать языковым образом. В рассматриваемом нами случае этот процесс можно назвать частью социальной перцепции, причем субъект воздействия реагирует на понятные ему (подобранные для него) слова и выражения. При этом языковой образ совершенно не обязательно отражает действительную картину мира или положение дел, он транслирует только то, что думает говорящий или то, в чем он хочет убедить своих слушателей [10, с. 413].

Лингвисты, наблюдающие за поведением политиков в медиадискурсе, отмечают, что благодаря транслирующемуся ими языковому образу можно составить их характеристику и «опознать» политические взгляды. Активно включаясь в медиадискурс, они, используя разнообразные средства языка, продвигают эти взгляды среди граждан, вербуя сторонников и последователей.

Механизмы речевого воздействия трактуются как способы воздействия на мысли и чувства человека, на механизмы формирования побуждения к действиям, при этом выбор языковых средств отнюдь не является нейтральным, так как продиктован стремлением пробудить у рецепиента определенные эмоции или склонить его к определенным поступкам. Существует достаточно широкий спектр манипулятивных технологий, включающих речевое воздействие, их выбор в каждом конкретном случае осуществляется исходя из намерений субъекта воздействия [3, с. 25].

Высказывания политика не могут быть нейтральными, так как он в обязательном порядке преследует конкретные цели, причем перед ним стоит задача не просто убедить слушателей в своей правоте, но и сделать их своими сторонниками, в первую очередь за счет апелляции к их эмоциональной сфере.

Однако отдавая предпочтение тем или иным приемам речевого воздействия, особенно в рамках в медиадискурса, умелый политик не будет рассчитывать только на силу эмоций. Он обязательно включит в свою речь и достоверные факты (правда, зачастую тенденциозно подобранные и интерпретированные), и ссылки на высказывания влиятельных медийных персон, и даже сошлется на религиозные тексты, то есть употребит весь доступный ему в арсенал воздействия на аудиторию с целью выстраивания коммуникации и мотивирования электората.

Языковое манипулирование – один из эффективных способов влияния на человека путем инкорпорирования в его личностные (психологические) установки как минимум не свойственных, а в крайних случаях и чуждых ему идей, стремлений и намерений.

При этом субъект манипулятивного воздействия должен всеми средствами скрывать свои истинные намерения, чтобы, как говорится, «не потерять доверия», не обнаружить перед адресатом ни сам факт манипуляции, ни ее цели, ибо это немедленно «обнулит» предполагаемый эффект от воздействия, свершится так называемое «иллокутивное самоубийство».

Специфика подобного способа воздействия состоит в необходимости достичь такого эффекта, чтобы объект уверовал в то, что внушенные ему идеи являются его собственными, что он волен принимать те или иные решения на их основе самостоятельно [7, с. 23].

Набор методов воздействия на когнитивную систему человека путем использования как явных, так и неявных приемов, направленное побуждение к изменениям в заданном направлении, мы склонны определять как **стратегию воздействия**. Среди наиболее результативных форм которой можно назвать речевое (или словесное) манипулирование, различные способы информационного давления, опора на метафорические модели, на эмоциональные свойства языковых единиц.

Эффективность трансляции и насаждения определенных идеалов, подающихся как «свои» для определенной социальной группы или общно-

сти, невозможна без тщательного исследования множества факторов и интерпретации их таким способом, который позволит добиться от составляющих эту группу индивидуумов запланированного отклика. Это позволит в дальнейшем успешно использовать преимущества категорийного мышления, которому свойственна оценочная дифференциация объектов по принципу **«свои – чужие»** [2, с. 178].

Отношение человека к окружающему миру, людям, явлениям и событиям всегда носит оценочный характер, обусловленный современным ему этапом развития общества и сложившимися на этом этапе комплексу духовных ценностей. Оценивание происходит путем сравнения с существующими стандартами, которые и определяют отношение к предмету оценки, как к чему-то приемлемому или одобряемому («своему») или, напротив, как к неприемлемому и недопустимому, осуждаемому («чужому»).

Поэтому создание портрета политического деятеля начинается с анализа этих самых ценностей, которые в текущий момент востребованы обществом и поэтому будут положительно восприняты им. Этой работой должны непременно заниматься профессионалы своего дела, потому что в наш век высоких технологий, когда человечество довольно легко справляется с задачами хранения и анализа значительных объемов данных, ошибки, совершенные на начальных этапах создания образа, будут зафиксированы, и несмотря на возможность дальнейшей коррекции долгое время будут служить фактором риска [5, с. 68].

Несмотря на то, что в фигуре лидера абсолютно все – и внешность, и манера держаться, и биография – имеют значение, главным манипулятивным инструментом являются используемые им языковые средства. Тонкая настройка этого механизма воздействия на сознание большого числа людей является задачей интеллектуальной, решение которой требует не только обширных познаний в области лингвистики и психологии, не только опыта политической работы, но и развитой интуиции.

Изучение изобразительно-выразительных языковых средств, использующихся в рамках медиадискурса для создания того или иного образа политического лидера, предполагает погружение исследователя в обстоятельства, при которых изучаемые медиатексты тем или иным способом публикуются [8, с. 169].

Если же говорить о тех случаях, когда имеет место не личное высказывание политического деятеля, а публикации о нем в различных СМИ, то здесь в качестве предмета исследования перед нами предстает не тот образ, который предлагает нам сам политик (и группа его консультантов), а его портрет, нарисованный журналистом или редакцией. Здесь мы имеем дело с двойной последовательной манипуляцией: сначала политик предлагает созданный с целью воздействия на массовое сознание образ, а потом этот образ подвергается оцениванию и интерпретации журналистом (писателем, кинорежиссером, сценаристом и т.п.). У всех этих людей могут быть резоны (личные или навязанные) показать этого человека потребителям медиапродукции каким-то определенным образом, добиваясь того, чтобы он занял определенное место в системе координат, соотносящихся с понятиями «свой – чужой» [12, с. 114].

Ориентационный механизм именно такого типа являясь архетипической формой осмысления мира, наиболее понятен, а потому легче всего воспринимается аудиторией (в отличие от более современных представлениях о многополярности или полицентричности мира).

На лингвистическом противопоставлении понятий «свой – чужой» проще всего описать тот или иной характер, используя манипулятивные способы демонстрации своего оценочного суждения о том или ином субъекте, вызывая либо симпатию к нему, потому что он «свой», либо формируя в сознании слушателей негативного образа «чужого».

Например, заместитель лидера Лейбористской партии Анджела Рэйнер в одном из интервью по поводу стремительного избрания нового лидера Консервативной партии Великобритании, обозначила свое отношение к нему следующим образом: *«Тори короновали Риши Сунака премьер-министром, а он даже ни слова не сказал о том, как будет управлять страной, и никто даже не имел возможности проголосовать…У Риши Сунака нет мандата, и он понятия не имеет, что нужно трудящимся. Нам нужны всеобщие выборы, чтобы общественность могла высказать свое мнение о будущем Британии и дать шанс начать все сначала лейбористам».*

Здесь мы видим один из самых распространенных вариантов использования противопоставления «свой – чужой», где «свои» – это хорошие, законопослушные, честные и правильные, знающие, что нужно стране – ***мы***, а ***он*** – «чужой», неизвестно откуда взявшийся, политик, незаконно (без голосования) занявший высокий пост, даже не сообщивший о своих планах по управлению страной (и, очевидно, их не имеющий).

Обозначение «своих» обобщающим, объединяющим, вдохновляющим (мы вместе, ты не один) словом ***мы*** явно направлено на создание эффекта

присоединения к «хорошему» политику или партии, в эмоционально маркируются отрицательно.

Еще одним часто употребляющимся обозначением ***не своих*** людей (политиков, партий, организаций), которые могут вам навредить, потому что они исповедуют чуждые ценности, является слово «другие»: «В случае неявки нужно иметь в виду еще один момент: если вы не пришли на участок, то вашим бюллетенем – разумеется, чисто теоретически - могут распорядиться совсем другие люди», – пишет в редакционной колонке «Ведомостей» Дмитрий Камышев, редактор одного из отделов, имея в виду тех нехороших людей (не называя их прямо), которые воруют голоса избирателей [1, с. 4094].

Для обозначения **«своих»** политики употребляют слова с позитивной коннотацией, понятные каждому: производные от «друг», «единство», «союз», «партнер», «договор», «содружество» и т.п.

Вот как описаны отношения между Россией и Индией в итоговом документе Международного саммита двух стран, прошедшего в начале двадцатых готов текущего века: «...давние, проверенные временем российско-индийские отношения, ...характеризуются взаимным доверием, уважением к основным национальным интересам и схожестью позиций по различным международным и региональным вопросам», между странами сложилось «особо привилегированное стратегическое партнерство», которое «продолжает оставаться опорой глобального мира и стабильности».

Сложилась устойчивая практика деления на «своих», для обозначения которых в медиадискурсе используются местоимения ***мы*** и ***наши***, усиливаемые за счет употребления как бы успокаивающих, обнадеживающих выражений и словосочетаний, связанных с представлениями о дружбе, сотрудничестве и поддержке, и на «чужих», чаще всего обозначаемых как ***они, другие***, сопровождаемые перечислением негативных качеств, актуальных для конкретного политического момента.

Отмечено, что современные информационно-коммуникационные ресурсы злоупотребляют негативной информацией, однако этому вряд ли стоит удивляться – это означает всего лишь, что они хорошо знают свою аудиторию. Антропологам давно известно, что предрасположенность к негативу с точки зрения эволюции является адаптационной функцией, позволявшей выживать тем особям, которые быстрее реагировали на различные опасности и плохие новости. Человек до сих пор быстрее распознает сердитые лица, чем доброжелательные, и на негатив реагирует сильнее, чем на позитив. Поэтому информация, «разоблачающая» врагов вызывает гораздо больший интерес. [9, с. 45]

Пропагандистские технологии создания как положительных, так и отрицательных «медийных двойников» политиков хорошо обработаны во всех странах мира, в постсоветской России одним из первых и наиболее ярких примеров была работа журналиста Сергея Доренко, получившего сомнительное звание «главного телекиллера страны», над имиджем политиков во время различных политических кампаний.

Итак, главные модели, используемые политтехнологами, пропагандистами и журналистами, которые мы сочли нужным выделить и описать в нашем исследовании – это стратегия на повышение или понижение (О.Л. Михалева), а также применяемую в средствах массовой коммуникации значительно реже стратегию нейтральности.

Понижение осуществляется путем применения:

1)анализа с негативной интерпретацией,
2)приемов оговора, навета и клеветы,
3)приемов разоблачения, развенчания и осмеяния.

В качестве примера можно привести заголовок статьи, размещенной на одном из интернет-порталов: *«Как Лукашенко **играет** на «московской бирже» и одновременно **«заигрывает»** с Западом».* Суть статьи сводится к описанию двух сценариев, которые реализуются руководителем Беларуси для двух разных аудиторий, российской и западной.

Это яркий пример того, как за счет противопоставления слов с противоположной коннотацией реализуется прием **анализа с негативом:** президент – это политик, представляющий всех граждан на международном уровне, по определению не должен «играть» или «заигрывать», демонстрируя свою слабость и зависимость – не самые подходящие качества для президента. Такие публикации призваны как минимум заронить сомнения и вызвать вопросы: а какие еще качества характера этого человека не соответствуют занимаемому им посту?

Однако самое широкое распространение получило в последние годы применение **практики оговора, навета и клеветы**. В российской политике ярче других такие приемы использовал Владимир Жириновский: «Верхней палатой руководит Миронов. Ведь половина – уголовники. Четырех они уже сдали в тюрьму. Просто неудобно полпалаты сдавать. Пока, для видимости, они сдали четырех, потом просто распустят и наберут новых, уже почище» [4, с. 2609].

Казалось бы, в век информационных технологий, когда мир стал настолько «прозрачным», ко-

гда любое действие и любое слово оставляет так называемый «информационный след», бездоказательные обвинения должны были бы кануть в лету.

Однако все оказалось гораздо сложнее: во-первых, любые доказательства могут быть легко подделаны (фальсифицируется даже изображение и голос), а во-вторых, объем информации настолько велик, что можно ссылаться на любые источники – вряд ли у кого-то достанет сил это проверять: в медиапространство ежедневно «сливаются» терабайты неверифицированной информации. Среди последних примеров, когда буквально весь мир стал жертвой подобного «слива», стало сообщение о том, что Израиль разбомбил больницу «Аль-Ахли Аль-Маадани» в секторе Газа, где укрывались мирные жители.

В качестве примера использования тактики **разоблачения, развенчания и осмеяния** можно привести выступление депутат Народного собрания Дагестана Марата Асланова, сложившего свои полномочия в знак несогласия с политикой этого органа государственной власти: *«...за 4 с половиной года я увидел много грязи, лицемерия и бездушия. Нигде в республике не сосредоточены в одном месте эти самые низменные человеческие качества, как на этой площади и в этом зале. <...> Большинство тех, кто сидит в этом зале, рады, если мы уедем <...> Те, кто хотят качественных изменений. <...> те, кто болеют душой за нашу республику. Выборы кандидатов на устройство на правительственную работу в нашей республики стало делом узкого круга людей, которые схватились за свои кресла с 90-х годов».* В этом высказывании даны как факты, так и их субъективная оценка, в которой противопоставлены предназначение народных избранников и их реальные действия (вернее, бездействие), причем протест против такого положения вещей выражен активным способом – сложением полномочий [11, с. 125].

Повышение осуществляется за счет применения:

1)различных форм презентации и самопрезентации,

2)приемов нейтрализации агрессивных нападок и негатива,

3)приемов аналитики с положительным интерпретированием результатов.

При работе по созданию образа авторитетного лидера чаще всего прибегают к самопрезентации и демонстрации положительной аналитики. Отвод критики зачастую заменяют контр-критикой, когда «хороший» политик раскрывает информацию о недостойных делишках противника или обращает внимание на его психическое нездоровье (например, высказывания ДональдаТрампа о Джо Байдене). Строго говоря, эти приемы можно отнести к **стратегии понижения**, рассмотренной выше.

Еще один элемент, о котором стоит упомянуть, описывая способы представления политиков в медиадискурсе, это **концептуальная метафора** – прием, учитывающий метафоричность человеческого восприятия и эксплуатирующий ее за счет встраивания персонажа в повседневную жизнь и окружая их знакомыми каждому обстоятельствами: семья, хобби, спорт и т.п.

При создании образа политика в медиадискурсе в обязательном порядке используют широкий диапазон средств **экспрессивного,** то есть использующего активную смысловую и стилистическую окрашенность**, синтаксиса**, позволяющего овладеть вниманием слушателя и добиться искомого результата.

Выводы

Описанные нами приемы и механики языкового воздействия на рецепиента, в той или иной степени оказывают влияние на его мыслительный процесс, формируют его отношение к персонам, «сконструированный» образ которых существует лишь в общественном сознании, не имея зачастую ничего общего с реальными прототипами. [6, с. 21]

Такая манипуляция становится возможной благодаря умелому использованию широкого языковых средств пропагандистами, политтехнологами и журналистами, а также появлению и распространению информационно-коммуникационных технологий. Манипуляция работает лишь до тех пор, пока она остается сокрытой от адресата, потому что когда и если ее цели окажутся обнародованными, это будут равнозначно политическому самоубийству.

Исследовав значительное количество публикаций, мы выяснили, что в медиасреде наиболее распространено использование приемов, действующих на понижение (разоблачение, клевета, оговор и пр.). Реже, но тоже достаточно активно используются приемы самопрезентации и нейтрализации негатива, и уж совсем редко мы можем видеть нейтральную позицию медиа по отношению к политику, желание непредвзято и максимально точно охарактеризовать его.

Список источников

1. Аствацатурова М.А. Патриотические ценности политики и политика патриотических ценностей в современном российском обществе // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 8-2 (96-2). С. 4089 – 4098.

2. Баско Н.В. Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 175 – 180.

3. Бушев, А.Б. Глобальные тренды мировой политики и глобальный медиадискурс // Информация–Коммуникация – Общество. 2020. Т. 1. С. 22 – 26.

4. Гагарин Я.И., Поскачина Е.Н. Персонализация образа политиков в современном интернет-медиадискурсе // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 48. С. 2606 – 2610.

5. Глущенко А.Н. Манипулятивный потенциал политического интернет-языка (на основе микроблога Twitter): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2020. 183 с.

6. Грушевская Е.С. Адресатность в политическом дискурсе: ценности, стратегии, способы выражения: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Майкоп, 2019. 44 с.

7. Езан И.Е., Ковтунова Е.А. Оценочные номинации лица в немецком политическом медиадискурсе // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2-1 (56). С. 21 – 24.

8. Комарова А.А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи // Вестник университета. 2021. № 6. С. 166 – 171.

9. Линдсей Д. Разделение мнений американской элиты о российском векторе американской внешней политики на современном этапе // Международные отношения и общество. 2019. Т. 1. № 2. С. 44 – 46.

10. Рогач Н.Н. Идеальные политики в восприятии российских граждан: сравнительный анализ образов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 4. С. 408 – 419.

11. Смулькина Н.В. Образ политика-кандидата в представлениях современных россиян: опыт применения экспрессивного метода в политическом исследовании // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. 2021. № 17. С. 119 – 131.

12. Хачмафова З.Р., Погребняк Н.В. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2018. № 4 (227). С. 112 – 116.

References

1. Astvatsaturova M.A. Patriotic values of politics and the politics of patriotic values in modern Russian society. Questions of political science. 2023. T. 13. No. 8-2 (96-2). P. 4089 – 4098.

2. Basko N.V. Phraseology of political discourse in the aspect of intercultural communication. Political linguistics. 2017. No. 5 (65). P. 175 – 180.

3. Bushev, A.B. Global trends in world politics and global media discourse. Information – Communication–Society. 2020. T. 1. P. 22 – 26.

4. Gagarin Y.I., Poskachina E.N. Personalization of the image of politicians in modern Internet media discourse. Innovations. The science. Education. 2021. No. 48. P. 2606 – 2610.

5. Glushchenko A.N. Manipulative potential of political Internet language (based on the Twitter microblog): dis. ... cand. Philol. Sci. Maykop, 2020. 183 p.

6. Grushevskaya E.S. Addressability in political discourse: values, strategies, ways of expression: abstract. dis. ... doc. Philol. Sci. Maykop, 2019. 44 p.

7. Ezan I.E., Kovtunova E.A. Evaluative nominations of a person in German political media discourse. International scientific research journal. 2017. No. 2-1 (56). P. 21 – 24.

8. Komarova A.A. The image of an ideal politician in the minds of Russian youth. University Bulletin. 2021. No. 6. P. 166 – 171.

9. Lindsay D. Dividing the opinions of the American elite about the Russian vector of American foreign policy at the present stage. International Relations and Society. 2019. T. 1. No. 2. P. 44 – 46.

10. Rogach N.N. Ideal politicians in the perception of Russian citizens: comparative analysis of images. Political expertise: POLITEX. 2021. T. 17. No. 4. P. 408 – 419.

11. Smulkina N.V. The image of a candidate politician in the views of modern Russians: experience in using the expressive method in political research. Social and psychological problems of mentality. mentality. 2021. No. 17. P. 119 – 131.

12. Khachmafova Z.R., Pogrebnyak N.V. Metaphorical modeling of the image of a politician in a media discourse course. Bulletin of the Adygea State University. Series 2, Philology and art history. 2018. No. 4 (227). P. 112 – 116.

Информация об авторах

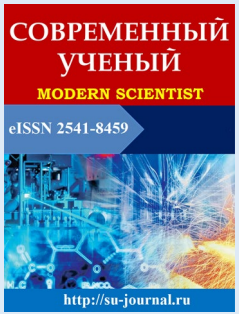
Бурьянова А.А., старший преподаватель, Сочинский государственный университет, steisy_adel@mail.ru

Зенкова Т.Л., кандидат филоофских наук, доцент, Сочинский государственный университет, zenkovatl@yandex.ru

Кегеян С.Э., кандидат филологических наук, доцент, ORCID 0000-0002-4390-1015 Сочинский государственный университет, svetlana.kegeyan@mail.ru

Татосьян М.М., кандидат педагогических наук, доцент, Сочинский государственный университет, tatosyan-mm@mail.ru

© Бурьянова А.А., Зенкова Т.Л., Кегеян С.Э., Татосьян М.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-11
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-35-44

Обзор методов анализа семантического поля

[1] Уразаев М.Д.

[1] Уфимский университет науки и технологий

***Аннотация**:* семантическое поле в лексико-типологических исследованиях представляет собой языковую структуру, объединяющую единицы на основе общих семантических признаков. Оно характеризуется системными парадигматическими отношениями, относительной автономностью и наличием ядра и периферии. Отношения в поле могут быть тождественными, включающими, пересекающимися или дизъюнктивными. Семантическое поле анализируется как система согласовательных классов, учитывая как парадигматические, так и синтагматические связи. Верификация данных и проверка на соответствие языковому сознанию носителей языка важны для адекватного анализа лексических единицы семантического поля. Методы исследования семантического поля могут быть классифицированы как методы выделения поля, исследования его парадигматики и синтагмики.
Ключевые слова: семантическое поле, парадигматический анализ, лексема, семный анализ, фреймный анализ, синтагматический анализ

Для цитирования: Уразаев М.Д. Обзор методов анализа семантического поля // Современный ученый. 2024. № 5. С. 35 – 44. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-35-44

Поступила в редакцию: 4 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Overview of semantic field analysis methods

[1] Urazaev M.D.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: the semantic field in lexico-typological research is a linguistic structure that unites lexical units based on common semantic features. It is characterized by systemic paradigmatic relationships, relative autonomy, and the presence of a core and periphery. Relationships within a field can be identical, inclusive, intersecting, or disjunctive. The semantic field is analyzed as a system of concordant classes, taking into account both paradigmatic and syntagmatic connections. Data verification and checking for compliance with the linguistic consciousness of native speakers are important for an adequate analysis of the lexical units within the semantic field. Methods for studying the semantic field can be classified into methods for isolating the field and studying its paradigmatics and syntagmatics.
***Keywords**:* semantic field, paradigmatic analysis, lexeme, seme analysis, frame analysis, syntagmatic analysis

For citation: Urazaev M.D. Overview of semantic field analysis methods. Modern Scientist. 2024. 5. P. 35 – 44. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-35-44

The article was submitted: April 4, 2024; Approved after reviewing: June 6, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В современной лингвистике полевой подход к описанию языковых явлений получил широкое распространение. Исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Полевой подход является плодотворным при описании языковых явлений, поскольку он помогает определить системную организацию языка.

Каждое поле представляет собой систему, объединенную той или иной семантической категорией или субкатегорией, связанной с различными формальными средствами их выражения [27, с. 166]. Семантическое поле – это языковая подструктура, единицы которой связаны парадигматическими отношениями и выражаются исключительно единицами лексического и фразеологического уровней [25, с. 22]. Исследуя лексикон как совокупность слов различных классов, соотнесенных с внеязыковой реальностью и объединяемых общими смысловыми признаками в определенные лексические микросистемы, можно говорить о таких группировках слов, как семантические поля.

Для семантического поля характерны системные парадигматические отношения между элементами одной системы и между однородными системами, относительная автономность, наличие ядра и периферии, распределение функций между конституентами, а также направленность изменений количественного и качественного состава единиц на сохранение их понятийного объема. С.Г. Шафиков выделяет четыре основных типа парадигматических связей: тождество, включение, пересечение и дизъюнкция. Тождество проявляется как синонимическая связь двух единиц поля, указывающих на один и тот же референт. Включение проявляется либо как гипонимическая (гиперонимическая), либо как партономическая связь двух единиц поля, которые относятся друг к другу как общее и частное. Пересечение проявляется как совместимость, при которой значения имеют общий семантический признак. Дизъюнкция представляет собой несовместимость лексем [24, с. 148].

Семантическое поле получает не только парадигматическую, но и синтагматическую интерпретацию как систему согласовательных классов, связанных с семантикой соотносимых парадигматических классов [1]. Поэтому, одним из центральных условий адекватного анализа поля является всесторонний учет его типологических характеристик, которые позволяют определить категориальные свойства поля [8, с. 23]. В свете лексико-типологических исследований учитываются семантика лексических единиц, системные семантические связи и отношения между данными единицами с учетом их места в системе [23].

Не следует забывать и про верификацию полученных данных, так как часто результаты, получаемые традиционными лингвистическими методами, нуждаются в проверке на соответствие состоянию языкового сознания носителей языка [3, с. 43], а также на наличие скрытых семантических компонентов у определенных лексических единиц, которые проявляются только в определенных контекстах [32]. Предполагается, что верификацию парадигматических отношений поля можно осуществлять через синтагматику поля, которая фиксирует закономерности употребления его единиц, обнаруживающиеся за его пределами.

Следовательно, методы лексико-типологического исследования возможно классифицировать по следующим образом: 1) методы выделения семантического поля или номинативного поля концепта; 2) методы исследования парадигмики семантического поля; 3) методы исследования синтагмики семантического поля.

Материалы и методы исследований

Семантическое поле строится по принципу идентификации: лексические единицы объединяются вокруг семантико-логического идентификатора на основе общих семантических признаков. Лексико-типологическое исследование начинается с первичного определения границ семантического поля путем сбора лексического материала, что является определяющим этапом данного исследования [13]. Установление границ поля начинается с определения имени поля или слова-идентификатора [3, с. 41]. Слово-идентификатор представляет собой ключевое слово, наиболее прототипичное для анализируемой лексической категории, и номинирует ядро описываемой категории, являясь именем поля.

Среди методов определения границ семантического поля можно выделить следующие: 1) логико-семантический метод; 2) антропологический метод; 3) статистический метод.

В контексте лексико-семантического исследования фронтальный анализ словаря представляет собой сплошную выборку лексических единиц, вербализующих рассматриваемый концепт, основываясь на словарных дефинициях или отсылках на синонимы. Данный метод предполагает обращение к интуиции и языковому опыту исследова-

теля. Исследователь выделяет из лексикографических источников номинативные единицы, семантически связанные со словом-идентификатором, что образует ядро и ядерную зону. Следующим этапом исследования является анализ периферийной зоны, включающий анализ фразеологии, паремии и афористики [4].

При отсутствии необходимой информации в словарях исследователь может воспользоваться корпусным анализом текстов или статистическим анализом, чтобы ясно определить, к какому семантическому полю принадлежит лексическая единица, и проанализировать её значение. Например, современные корпус-менеджеры, представляющие собой системы управления корпусными данными, обеспечивают возможность решения широкого спектра задач. Среди таких инструментов наиболее известны Sketch Engine, NoSketch Engine, AntConc и MonoConc. Корпус-менеджеры позволяют исследователю выполнять статистический анализ, необходимый для извлечения лексических единиц, образующих семантическое поле, и идентификации семантических отношений между ними. Также корпусное программное обеспечение может применяться для разграничения омонимии и полисеми.

Антропологический метод обычно разделяют на анкетирование и эксперимент, хотя это разделение весьма условно [20, с. 25]. Этот метод представляет собой комбинированный подход, который можно использовать как для сбора лексического материала, так и для верификации данных.

И.А. Стернин характеризует анкетирование как «опрос носителей языка по определенным параметрам, который предполагает получение от носителей языка ответов на поставленные исследователем лингвистические вопросы» [21, с. 11]. Ответы респондентов представляют собой готовый материал для описания языкового явления, который, как правило, не требует интерпретации, а только фиксации и статистической обработки. Данные, собранные с помощью лингвистического анкетирования на основе одного определенного концепта из разных языков, используются в лексико-типологических исследованиях.

Лингвистический эксперимент граничит с анкетированием, его суть заключается в получении определенного промежуточного языкового материала, а также последующей интерпретации экспериментальных данных, что позволяет установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании [18]. Носители исследуемого языка подвергаются различным стимулам (слова-реалии, видео- или аудиоматериалы, визуальные изображения), после чего испытуемые должны дать описание слова для предъявляемого стимула. При планировании эксперимента необходимо учитывать ряд аспектов, таких как разработка экспериментального плана и методы интерпретации полученных данных. План лингвистического эксперимента должен быть тщательно детализирован, давать четкие прогнозы, быть нацелен на конкретную популяцию.

Следует отметить, что для определения границ семантического поля фронтальный анализ словаря имеет ряд преимуществ, особенно при сборе лексического материала в хорошо изученных языках, таких как английский, русский, немецкий и другие. Лексико-семантическая система таких языков огромна по объему, дифференцирована по номинативным и коммуникативным сферам и не может быть полностью известна ни одному носителю языка [21, с. 99]. Также выборка лексического материала с помощью антропологических методов ограничена региональными и культурными различиями. В более узком смысле существуют международные различия в языке, например, среди англоязычных стран. В Великобритании лексическая единица “rummy” обычно используется для описания персоны в состоянии опьянения, тогда как для большинства американцев оно означает игру в карты.

После установления имени поля и выделения его составляющих, предполагается анализ отношений между элементами поля в парадигматическом плане [16, с. 25]. Анализ парадигматических отношений внутри семантического поля представляет собой сложную задачу, требующую рассмотрения множества аспектов, включая омонимию, полисемию, паремию и контекст. Эти аспекты являются следствием сложной системы отношений, лежащих в основе языка.

Парадигматические отношения между единицами поля зависят от связи, существующей между явлениями действительности. Полевая структура создается многоступенчатым и последовательным делением. В результате выделяются парадигматические группы разного уровня и объема [33, с. 318]. Каждая лексико-семантическая группа в системе поля не существует изолированно, а только в совокупности с другими группами, что позволяет говорить о наличии парадигматических и иерархических связей между всеми элементами поля.

Результаты и обсуждения

На сегодняшний день в типологии можно выделить два современных метода описания парадигматических отношений в семантическом поле: метод компонентной семантики и фреймовый метод.

Фреймовый подход к лексической типологии, применяемый Московской типологической группой, является синтезом концепции Ч.Дж. Филмора, теории семантических примитивов А. Вежбицкой, работ Ю.Д. Апресяна по лексической семантике, а также теории сематического поля. Фрейм представляет собой концепт особой структуры, в котором выделяются определенные составляющие и связи между ними. В контексте классической фреймовой семантики, фрейм – это набор «участников» с назначенными им синтаксическими ролями. Однако, с точки зрения лексико-типологического подхода, фрейм рассматривается как набор прототипических ситуаций, слотов значений, близко переплетающихся по смыслу [31] и обладающих функциональным сходством, релевантным для лексикализации.

Предполагается, что каждое семантическое поле характеризуется своим набором фреймов, а разные лексемы покрывают различные их комбинации. Данные фреймы составляются исходя из значений лексических единиц при анализе их сочетаемости в составе характерных для них синтагм, проводимого на базе материала, полученного при помощи статистического и антропологического методов [10]. Не все комбинации фреймов одинаково вероятны: некоторые значения часто объединяются в рамках одной лексической единицы, в то время как другие образуют оппозицию. Эквивалентность фреймов измеряется тем, в скольких языках они выражаются одной и той же лексемой. Закономерности объединения фреймов в рамках одной лексемы могут быть наглядно представлены с помощью семантических карт [19, с. 23]. Семантическая карта представляет собой структурированный набор фреймов, на который «накладываются» исследуемые лексические единицы каждого языка, что обеспечивает сопоставимость данных разных языков. Графическое представление семантических карт основывается на графах, где узлы графа представляют минимальные словарные значения [29]. По словам Д.А. Рыжовой, «особую роль играет взаимное расположение узлов на карте: чем ближе узлы друг к другу, тем больше вероятность их объединения в рамках одного семантического признака» [19, с. 14]. Примером может послужить семантическая карта глаголов вращения для сербского языка в работе И.В. Кругляковой [12].

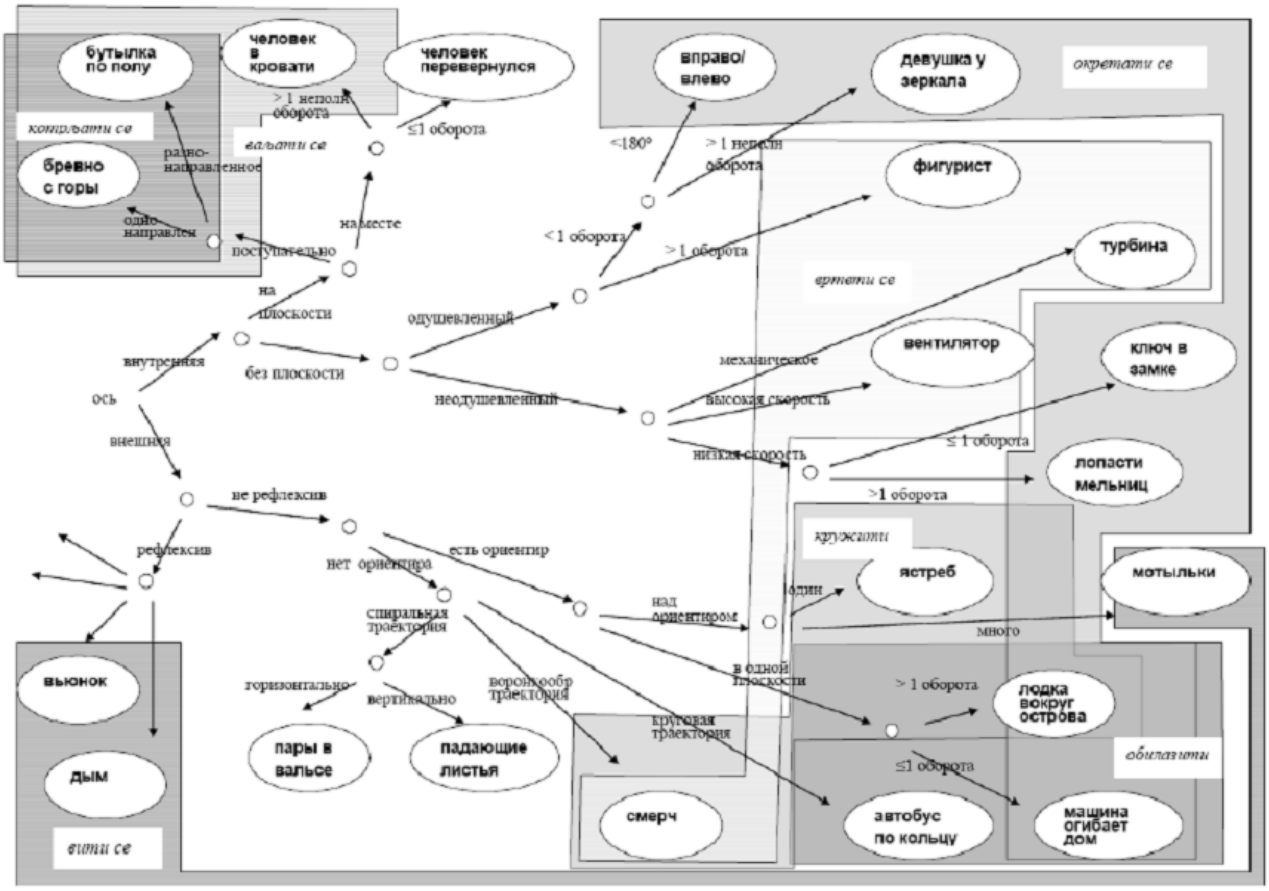


Рис. 1. Семантическая карта сербских глаголов вращения.
Fig. 1. Semantic map of Serbian rotation verbs.

Системный анализ представляет собой описательную модель содержания семантического поля, основанную на идее того, что значения могут быть разложены на составные части или концептуальные блоки, называемые семантическими «компонентами» или «признаками» [30, с. 70]. Л.М. Васильев подчеркивает, что семный анализ «является важным инструментом, позволяющим понять внутреннюю организацию языка как системы и структуру семантической системы». При исследовании системной организации языкового лексикона семный анализ наиболее эффективен, когда применяется в сочетании с полевым анализом лексики [14, с. 222]. Данный метод основывается на онтологическом допущение того, что значение слова (семема) представляет не некий неорганизованный массив, а совокупность сем обладающая определенной иерархией.

Семантические поля, описываемые методом семного анализа, обычно имеют ясную и четко выделенную структуру. При анализе слов на уровне семем и семантических полей исследуются такие аспекты, как связи между семемами одного поля, таксономическая глубина поля, степень непрерывности поля, сходство и различие значений поля, открытость или закрытость поля, а также связи между семантическими полями [24, с. 71-72].

Исходя из положений семного анализа предлагается использовать семы как универсальные компоненты значений в типологическом исследовании для установления границ межъязыкового варьирования в пределах определенного семантического поля [24, с. 51]. *Семы* – это компоненты содержания лексических значений слов и соотносятся с признаками соответствующих понятий. Эти признаки понятий в свою очередь отражают признаки реальных явлений, что означает, что семы в корне имеют экстралингвистическую природу. Следовательно, семный анализ реализует когнитивный подход, разбирая объект восприятия на составляющие, а затем сравнивая составляющие объекты одного уровня [25, с. 26].

Сема также имеет свойство дробиться на семантические компоненты. Под семантическим компонентом понимается вариант семы, который является рефлексией определенной черты денотата, объективной или приписываемой ему в сознании отдельного человека или сообщества [11]. К примеру, сему «степень страха» в данной случае можно представить в виде двух семантических компонентов: СК «степень>» (то есть «сильный страх») и СК «степень <» (то есть «слабый страх») [5]. Такое значение лексемы “ужасать” – «привести в ужас» (Ожегов) – можно схематично изобразить как комбинацию следующих сем: [страх + каузация + степень <]. Такая лексическая репрезентация семы называется ноэмой, то есть лексикализованным выражением, служащим для экономного и строгого семантического описания. Методы такого типа дают возможность исследователю раскрыть характерные особенности в семантике одного языка или сравнивать сходства и различия в разных языках.

Подходы к анализу синтагматических отношений в семантическом поле оказываются весьма ценными, поскольку они помогают понять, какие слова чаще всего сочетаются друг с другом в различных контекстах. Это позволяет исследователям лучше понять структуру и организацию языка, а также принципы его функционирования в речевом общении.

Когда единицы семантического поля взаимодействуют с другими языковыми единицами в высказывании, они формируют коммуникативный акт, который несет информацию о синтагматических связях в семантическом поле. Понимание синтагматических отношений помогает определить, какие слова или конструкции чаще всего используются вместе, а также как они взаимодействуют для создания определенного смысла или эффекта. Кроме того, анализ синтагматики семантического поля может служить методом верификации результатов парадигматического анализа. Путем сопоставления полученных данных и результатов обоих методов исследователи могут подтвердить или уточнить свои выводы о структуре и организации семантического поля. Таким образом, анализ синтагматических отношений в семантическом поле является важным инструментом для понимания структуры языка и его функционирования в коммуникативном контексте.

Подход к синтагматическим отношениям основывается на представлении о линейной структуре языка, где лексические единицы в предложении связаны друг с другом по смыслу и порядку следования. Важно отметить, что лексические единицы сочетаются благодаря наличию у них общих семантических признаков, что обуславливает богатство и разнообразие синтагматических сочетаний. Наприме, М.В. Влавацкая считает, что синтагматический анализ должен представлять комплексный анализ коллокаций, который является синтезом семемного, семантического, функционального, контекстуального, корпусного, компонентного и контрастивного анализа [7, с. 42].

Анализ синтагматических отношений позволяет выявить различия в семантических системах исследуемых языков, особенно при анализе четко обусловленных синтагматических употреблений в речи. Иными словами, синтагматический анализ играет важную роль в изучении структуры и функционирования языка, а также в выявлении его особенностей и различий между языками.

Синтагматический анализ в контексте лексико-типологических исследований ставит перед собой несколько задач:

1. Сбор и интерпретация данных о сочетаемости лексических единиц в корпусах текстов с учётом различных параметров. Это включает в себя анализ сочетаемости слов в текстах на различных языках с учетом контекста, жанра текста, стиля и других параметров. Собранные данные помогают выявить общие и отличительные черты сочетаемости слов в разных языках.
2. Получение количественных оценок силы связей лексических единиц в устойчивых сочетаниях. В данном случае важно оценить частотность и степень типичности устойчивых словосочетаний в различных языках. Это помогает определить степень устойчивости сочетаний и их распространенность в речи носителей разных языков.
3. Интерпретация значений лексических единиц через контекстные маркеры. Анализ синтагматических отношений позволяет выявить, как значения слов могут меняться в разных контекстах. Контекстные маркеры помогают интерпретировать значения слов и понимать их использование в различных ситуациях общения.

Данные задачи позволяют более глубоко понять структуру и функционирование лексических единиц в разных языках, а также выявить общие и отличительные черты между ними.

Каждая лексическая или фразеологическая единица «сочетаться лишь с определенным набором других единиц, которые и определяют ее диапазон сочетаемости». Этот набор единиц определяет диапазон сочетаемости каждой конкретной лексемы или фразеологизма. Такие сочетания отражают устойчивые комбинации слов в языке и важны для понимания контекста и смысла выражения.

Семантическая сочетаемость лексемы и контекстных маркеров ее значения характеризуется частотностью и устойчивостью. Сочетание слова с левосторонними и правосторонними соседями может маркировать различные значения. Семантическая сочетаемость также зависит от внутриязыковых закономерностей для каждого языка. Исследование сочетаемости лексических единиц позволяет лучше понять их использование в контексте речи и обнаружить закономерности в их сочетаниях.

Корпусный анализ (статистический метод) опирается «на выдвигаемый в когнитивной лингвистике тезис о необходимости изучения закрепленных в практике реального использования моделей языка» [17, с. 288]. Корпус в данном контексте обеспечивает эмпирическую базу для анализа употребления и значения лексических единиц, в отличие от традиционных методов, которые полагаются либо на опрос информантов, либо на интуицию исследователя. Например, Sketch Engine предлагает такие инструменты, как “collocation” для идентификации синтагматических отношений и “thesaurus” для парадигматических [34].

При анализе корпусных данных можно провести различие между синонимами, через исследование их различных лингвистических аспектов, а именно стилистическая отнесенность, коллокации и частотность употребления. Суть корпусного анализа состоит в выявлении и систематическом описании различных синтагм, в которых встречается рассматриваемая лексическая единица, с целью выявления всех наборов её значения. Так каждая синтагма обладает как набором первичных значений, которые имплицируют её наиболее протитипичное употребление, так и набором вторичных импликатур [37]. Г. Биджойнт, анализируя работы Патрика Хэнкса по лексической семантике, выделяет следующие этапы проведения корпусного анализа: 1) анализ лексической единицы через выделение контекстов; 2) редуцирование контекстов до синтагм; 3) выделение более значимых синтагм; 4) анализ значения лексической единицы через анализ синтагмы.

Первый этап корпусного метода состоит в анализе лексической единицы во всех её формах в различных контекстах, а при этом выделяются данные контексты. Следующий этап предполагает редуцирование выделенных контекстов до синтагм, в которых рассматривается лексическая единица в синтаксической связи с контекстоважными лексическими и служебными элементами [38]. Третий этап включает выделение более значимых синтагм путём отделения общепринятого употребления от случайного с помощью анализа количественных параметров. То есть наиболее часто употребляемые синтагмы в корпусе принимаются за норму, а остальные отсеиваются. После формирования списка наиболее употребляемых синтагм перед исследователем стоит задача определить значение

рассматриваемой лексической единицы, опираясь на качественные параметры (функционально-семантический анализ, контекстный анализ) [22]. Этот этап уже зависит не от корпусных данных, а от интуиции и опыта исследователя. В этом случае исследователь должен определить полный набор значений языковой единицы в зависимости от её позиции в синтагме. Анализ семантики языковой единицы в синтагме на сегодняшний день является трудновыполнимой задачей для искусственного интеллекта, так как значение синтагмы (коллокации, словосочетания) не может быть автоматически выведено из значений её составляющих.

Синтагматические связи, характерные для конкретной лексической единицы, играют важную роль в определении её семантики. Это связано с тем, что определенные семантические аспекты значения лексемы становятся более выделяющимися в определенных контекстах, что делает их салиентными. Задача исследователя заключается в анализе значений лексической единицы в этих контекстах с целью выявления того, какие элементы семантического поля выделяются в своём значении относительно ядра и как они формируют связи с другими семантическими полями. Такой анализ помогает понять, как лексическая единица взаимодействует с окружающим контекстом и какие значения активизируются в различных ситуациях использования. В результате, исследователь может выявить семантические нюансы и оттенки значения лексической единицы, а также её связи с другими словами и концептами, что способствует более глубокому пониманию её семантики и употребления в различных контекстах.

Выводы

Граница между различными методами лексико-типологического анализа часто оказывается размытой и условной. Например, корпусный анализ может использоваться не только для сбора лексического материала, но и для проведения семантического анализа или верификации полученных данных. В этом контексте, представляется важным дать краткий обзор существующих методов лексико-типологического анализа, чтобы исследователи могли выбрать наиболее подходящий метод или их комбинацию в зависимости от поставленных целей и задач исследования.

Список источников

1. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). 1-е. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992. 107 с.

2. Анашкина И.А., Конькова И.И. Корпусно ориентированный метод дискурс-анализа (на материале английского языка) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 2. С. 30 – 42. DOI 10.15593/2224-9389/2021.2.3

3. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.

4. Баженова Е.А., Шенкман В.И. Номинативное поле концепта «школа» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 91 – 97.

5. Варуха И.В. Предикаты страха в английском, русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 21 с.

6. Виноградова О.Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 66 – 72.

7. Влавацкая М.В. Комбинаторно-семантический анализ коллокаций как метод лингвистического исследования (на примере колоративных коллокаций, образованных по адъективному типу) // Научный диалог. 2020. № 4. С. 40 – 57. DOI 10.24224/2227-1295-2020-4-40-57

8. Денисенко В.Н. Синтагматика и парадигматика семантического поля // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 18 – 24.

9. Джагарян М.В., Гюрджян Н.С., Карацева Н.В. Проблема лексической сочетаемости // Университетские чтения – 2015: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ, Пятигорск, 13-14 января 2015 года. Том Часть 2. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2015. С. 211 – 215.

10. Зализняк А.А., Смирнитская А.А. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. VIII, 600 p. (Cognitive Linguistics Research, 58.) ISBN 978311-037752-1 // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 122 – 130.

11. Костина И.А. Глаголы физического восприятия в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 21 с.

12. Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе: дис. … к.ф.н. М.: РГГУ, 2010.

13. Кюсева М.В. Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019. 222 с.

14. Митричева Т.И. Семнокомпонентный анализ лексико-семантической группы "соусы" во французском языке // Известия РПГУ им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 221 – 226.

15. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2009. 172 с.

16. Потапова О.Е. Вербальная репрезентация концепта. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»): монография. Чебоксары: ИД «Среда», 2020. 164 с.

17. Пупынина Е.В. Использование корпусного анализа в исследовании синонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://corpora.phil.spbu.ru/Works2011_289.pdf (дата обращения: 27.03.2024)

18. Рудакова А.В., Стернин И.А. Лингвокультурологическое содержание имени собственного (по данным психолингвистических экспериментов) // Лингвосемиотика дискурса: Коллективная монография к 60-летию профессора Андрея Владимировича Олянича. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2017. С. 189 – 200.

19. Рыжова Д.А. Автоматизация лексико-типологических исследований: методы и инструменты: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. … канд. филолог. наук / Высшая школа экономики. Москва, 2018. 174 с.

20. Стернин И.А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 24 – 25.

21. Стернин И.А. О разграничении лингвистического эксперимента и лингвистического опроса // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Том Выпуск 8. Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Ритм", 2021. С. 9 – 19.

22. Тиллоева С.М. Аспекты синтагматического анализа лексических единиц в сопоставляемых языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2015. № 2 (153). С. 100 – 106.

23. Тиллоева С.М. Семантический анализ лексики в системе разноструктурных языков: на материале семантического поля «Человек»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2017. 57 с.

24. Шафиков С.Г. Лексическая типология языков [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 173 с.

25. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Уфа: Изд-е Башкирского унт-та, 1999. 92 с.

26. Шафиков С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 191 с.

27. Babali A.G. Functional and semantic field of aspectuality in different-systemic languages // Amazonia Investiga. 2022. № 53. P. 166 – 175.

28. Béjoint H. Hanks, Patrick. Lexical Analysis: Norms and Exploitations // Lexikos. 2013. № 23. C. 628 – 641.

29. François A., Vanhove M. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // Studies in Language Companion Series. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163 – 215.

30. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. New York: Oxford University Press, 2010. 362 p.

31. Georgakopoulos T. A two-dimensional analysis of falling in Modern Greek: a typological and corpus-based approach // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2020. № 16. P. 188 – 224.

32. Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. Cambridge: MIT Press, 2013. 462 p.

33. Ibrahimov R. System-Forming unit of a language-Lexico-Semantic Field (On the Basis of the Azerbaijani Language) // International Journal of Science and Research (IJSR). 2018. № 7 (2). P. 317 – 319.

34. Kilgarriff A. Terminology finding in the Sketch Engine: an evaluationf // Proceedings of Translating and the Computer. 2014. № 36. P. 129 – 132.

35. Levitt A., Sher K.J., Bartholow B.D. The Language of Intoxication: Preliminary Investigations // PubMed. 2009 № 83 (1). P. 448 – 454.

36. Rakhilina E.V., Reznikova T.I. Doing Lexical Typology with Frames and Semantic Maps // WP BRP Series: Linguistics // LNG. 2014. № 18. P. 1 – 13.

37. Schryver de G.-M. A Way with Words: Recent Advances in Lexical Theory and Analysis. A Festschrift for Patrick Hanks. 1st edition. Kampala: Menha Publishers, 2010. 376 p.

38. Teubert W. Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations // International Journal of Corpus Linguistics. 2016. № 2 (21). P. 272 – 283.

References

1. Abramov V.P. Syntagmatics of the semantic field (based on the material of the Russian language). 1st. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 1992. 107 p.

2. Anashkina I.A., Konkova I.I. Corpus-oriented method of discourse analysis (based on the English language). Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy. 2021. No. 2. P. 30 – 42. DOI 10.15593/2224-9389/2021.2.3

3. Babushkin A.P., Sternin I.A. Cognitive linguistics and semasiology: monograph. Voronezh: Rhythm, 2018. 229 p.

4. Bazhenova E.A., Shenkman V.I. Nominative field of the concept “school”. Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2013. No. 4 (24). P. 91 – 97.

5. Varukha I.V. Predicates of fear in English, Russian and French: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Ufa, 2012. 21 p.

6. Vinogradova O.E. Directed associative experiment in describing the semantics of a word. News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. 2013. No. 161. P. 66 – 72.

7. Vlavatskaya M.V. Combinatorial-semantic analysis of collocations as a method of linguistic research (using the example of colorative collocations formed according to the adjective type). Scientific dialogue. 2020. No. 4. P. 40 – 57. DOI 10.24224/2227-1295-2020-4-40-57

8. Denisenko V.N. Syntagmatics and paradigmatics of the semantic field. Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2011. No. 2. P. 18 – 24.

9. Dzhagaryan M.V., Gyurjyan N.S., Karatseva N.V. The problem of lexical compatibility. University readings – 2015: Materials of scientific and methodological readings of PSLU, Pyatigorsk, January 13-14, 2015. Volume Part 2. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2015. P. 211 – 215.

10. Zaliznyak A.A., Smirnitskaya A.A. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. VIII, 600 p. (Cognitive Linguistics Research, 58. ISBN 978311-037752-1. Questions of linguistics. 2017. No. 6. P. 122 – 130.

11. Kostina I.A. Verbs of physical perception in Russian and English: abstract. dis. ... cand. Philol. Sci. Ufa, 2017. 21 p.

12. Krugliakova V.A. Semantics of verbs of rotation in a typological perspective: dis. ... Ph.D. M.: RSUH, 2010.

13. Kyuseva M.V. Physical properties in Russian sign language in typological light: dis. ...cand. Philol. Sci. Moscow, 2019. 222 p.

14. Mitricheva T.I. Seminal-component analysis of the lexical-semantic group “sauces” in the French language. Proceedings of the Russian State University named after. A.I. Herzen. 2008. No. 85. P. 221 – 226.

15. Popova Z.D., Sternin I.A. Lexical system of language: monograph. 2nd ed., rev. and additional M.: URSS, 2009. 172 p.

16. Potapova O.E. Verbal representation of a concept. Lexico-semantic field as a fragment of the linguistic picture of the world (based on the material of the LSP “sea”): monograph. Cheboksary: Publishing House "Sreda", 2020. 164 p.

17. Pupynina E.V. Using corpus analysis in the study of synonyms [Electronic resource]. Access mode: http://corpora.phil.spbu.ru/Works2011_289.pdf (access date: 03/27/2024)

18. Rudakova A.V., Sternin I.A. Linguistic and cultural content of a proper name (according to psycholinguistic experiments). Linguistic semiotics of discourse: Collective monograph for the 60th anniversary of Professor Andrei Vladimirovich Olyanich. Volgograd: PrintTerra-Design, 2017. P. 189 – 200.

19. Ryzhova D.A. Automation of lexical-typological research: methods and tools: specialty 02/10/19 “Language Theory”: dis. ...cand. philologist. Sciences. Higher School of Economics. Moscow, 2018. 174 p.

20. Sternin I.A. On the concepts of method, technique, technique. Questions of psycholinguistics. 2008. No. 7. P. 24 – 25.

21. Sternin I.A. On the distinction between a linguistic experiment and a linguistic survey. Psycholinguistics and lexicography: a collection of scientific works. Volume Issue 8. Voronezh: Limited Liability Company "Rhythm Publishing House", 2021. P. 9 – 19.

22. Tilloeva S.M. Aspects of syntagmatic analysis of lexical units in comparable languages. Bulletin of the Adyghe State University. Series 2, Philology and art history. 2015. No. 2 (153). P. 100 – 106.

23. Tilloeva S.M. Semantic analysis of vocabulary in a system of differently structured languages: on the material of the semantic field “Man”: abstract of thesis. dis. ... Dr. Philol. Sci. Ekaterinburg, 2017. 57 p.

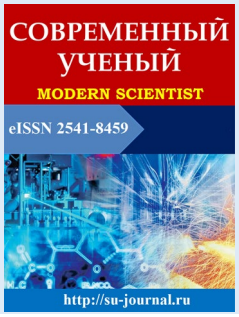
24. Shafikov S.G. Lexical typology of languages [Electronic resource]: textbook. allowance. 2nd ed., erased. M.: Flinta, 2018. 173 p.

25. Shafikov S.G. The theory of the semantic field and the component semantics of its units. Ufa: Publishing house of the Bashkir University, 1999. 92 p.
26. Shafikov S.G. Typology of lexical systems and lexico-semantic universals: monograph. 2nd ed., erased. M.: FLINTA, 2018. 191 p.
27. Babali A.G. Functional and semantic field of aspectuality in different-systemic languages. Amazonia Investiga. 2022. No. 53. P. 166 – 175.
28. Béjoint H. Hanks, Patrick. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. Lexikos. 2013. No. 23. P. 628 – 641.
29. François A., Vanhove M. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. Studies in Language Companion Series. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 163 – 215.
30. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. New York: Oxford University Press, 2010. 362 p.
31. Georgakopoulos T. A two-dimensional analysis of falling in Modern Greek: a typological and corpus-based approach. Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2020. No. 16. P. 188 – 224.
32. Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. Cambridge: MIT Press, 2013. 462 p.
33. Ibrahimov R. System-Forming unit of a language-Lexico-Semantic Field (On the Basis of the Azerbaijani Language). International Journal of Science and Research (IJSR). 2018. No. 7 (2). P. 317 – 319.
34. Kilgarriff A. Terminology finding in the Sketch Engine: an evaluation. Proceedings of Translating and the Computer. 2014. No. 36. P. 129 – 132.
35. Levitt A., Sher K.J., Bartholow B.D. The Language of Intoxication: Preliminary Investigations. PubMed. 2009 No. 83 (1). P. 448 – 454.
36. Rakhilina E.V., Reznikova T.I. Doing Lexical Typology with Frames and Semantic Maps. WP BRP Series: Linguistics. LNG. 2014. No. 18. P. 1 – 13.
37. Schryver de G.-M. A Way with Words: Recent Advances in Lexical Theory and Analysis. A Fest-schrift for Patrick Hanks. 1st edition. Kampala: Menha Publishers, 2010. 376 p.
38. Teubert W. Hanks P. Lexical Analysis: Norms and Exploitations. International Journal of Corpus Linguistics. 2016. No. 2 (21). P. 272 – 283.

Информация об авторе

Уразаев М.Д., ассистент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ), г. Уфа, 450076, ул. Заки Валиди 32, marat-urazaev@yandex.ru

© Уразаев М.Д., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-45-51

Особенности функционирования полимодальной метафоры в русскоязычных интернет-мемах

[1] Дай Цзини

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию функционирования полимодальной метафоры в русскоязычных интернет-мемах. В креолизованных интернет-мемах полимодальная метафора строится в результате метафорической проекции областей цели и источника; при этом область цели структурируется посредством языковых средств, а область источника – за счет визуальных средств. Новизна исследования обусловлена тем, что впервые рассматриваются когнитивные основания полимодальной метафоры в контексте русскоязычного интернет-мема. Цель работы заключается в выявлении особенностей функционирования полимодальной метафоры в интернет-мемах посредством когнитивного и прагматического анализа.
Ключевые слова: интернет-мем, полимодальная метафора, метафорическая проекция, креолизованный текст, интернет-коммуникация, концептуальная метафора

Для цитирования: Дай Цзини Особенности функционирования полимодальной метафоры в русскоязычных интернет-мемах // Современный ученый. 2024. № 5. С. 45 – 51. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-45-51

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Functional specificity of multimodal metaphor in Russian internet memes

[1] Dai Jingyi

[1] Saint Petersburg State University

Abstract: the article is dedicated to the study of the functioning of multimodal metaphors in Russian-language internet memes. In creolized internet memes, multimodal metaphors are constructed through the metaphorical projection of the target and source domains; the target domain is structured using linguistic means, while the source domain relies on visual means. The novelty of this research lies in the fact that, for the first time, the cognitive foundations of multimodal metaphors are examined within the context of Russian-language internet memes. The aim of the study is to identify the characteristics of multimodal metaphor functioning in internet memes through cognitive and pragmatic analysis.
Keywords: internet meme, multimodal metaphor, metaphorical projection, creolized text, internet communication, conceptual metaphor

For citation: Dai Jingyi Functional specificity of multimodal metaphor in russian internet memes. Modern Scientist. 2024. 5. P. 45 – 51. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-45-51

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 7, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Метафоричность является важным свойством человеческого мышления, которое способствует пониманию объективной реальности, формированию представлений о различных явлениях окружающего мира и принятию решений о действии в определенном обстановке. Первые попытки описать механизм метафоры восходят к трудам античных авторов и в первую очередь Аристотеля, который рассматривал метафору как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [1].

Долгое время метафора рассматривалась языковедами «не как феномен мышления, а лишь как языковой феномен, как новая и поэтическая языковая единица, состоящая из различных механизмов вне обыденного языка» [6, с. 62]. Классическое литературоведение под метафорой традиционно понимает «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [8, с. 233], который активно используется в художественном тексте для обеспечения большей изобразительности и выразительности образа.

В 1980 году вышла в свет работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» («Metaphors We Live By»), которая обосновала когнитивный подход к исследованию метафоры. Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоры выступают инструментом ориентации сознания индивида в пространстве познаваемого мира. То есть метафора есть феномен сознания, и проявляется она не только в языке, но и в мышлении, в действиях индивида: «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [5, с. 25].

Когнитивный подход к изучению метафоры позволяет выйти за рамки традиционной лингвистической точки зрения на это явление. Согласно теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, процесс метафоризации основывается на взаимодействии между структурами знаний в двух концептуальных доменах – области источника и области цели. Посредством метафорической проекции знакомые и повседневные элементы из области источника используются для структурирования более сложно понятной людьми концептуальной области цели [5]. При этом метафора, как механизм мышления, не ограничена только лишь языковой системой знаков. Она служит основой для передачи смысла во всех модальностях, включая устную и письменную речь, изображения, музыку, звуки, жесты, запахи и т.д. Чарльз Форсвилл предлагает в этой связи говорить о полимодальной метафоре – когда области цели и источника при построении метафорической проекции относятся к разным модальностям (например, вербальной и невербальной) [10]. Однако, в лингвистике полимодальные метафоры остаются малоизученным явлением. Для понимания их потенциала и механизмов функционирования в интернет-коммуникации требуется дальнейшее углубленное исследование.

С развитием информационных технологий и распространением умных устройств, интернет-коммуникация стала неотъемлемой частью современной повседневной жизни, значительно влияя на способы общения и взаимодействия людей. В качестве одного из средств опосредованного общения в интернете, интернет-мемы также получили широкое распространение и продолжают эволюционировать. Комбинированные с использованием лингвистических и экстралингвистических средств, интернет-мемы рассматриваются лингвистами как креолизованные тексты или полимодальные дискурсы, которые передают смыслы через несколько каналов [7, 9]. Их семантика формируется за счет взаимодействия вербальных и визуальных составляющих [4]. Кроме того, для создания юмористического эффекта в интернет-мемах часто наблюдается использование игр слов [2]. Все перечисленные характеристики интернет-мемов способствуют построению полимодальной метафоры.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые проведен анализ функциональных особенностей полимодальной метафоры в креолизованных мемах в контексте русскоязычной интернет-культуры. Исследование актуально, поскольку оно направлено на рассматривание когнитивных механизмов, лежащих в основе интернет-мемов – одного из наиболее популярных и значимых культурных явлений интернет-коммуникации, оказывающего существенное влияние на сознание российского социума.

Целью данного исследования является выявление особенностей функционирования полимодальной метафоры в русскоязычных интернет-мемах. Задачи исследования подразумевают рассмотрение функционирования полимодальных метафор в интернет-мемах, способов их формирования и реализации.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил массив из 100 примеров русскоязычных интернет-мемов, отобранных из российской социальной сети «ВКонтакте» методом случайной выборки. Для

решения поставленных задач применялись различные методологические подходы, включая метод анализа концептуальной метафоры, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5]; интерпретативный и прагматический анализ, а также метод анализа полимодальной метафоры, основанный на теории Ч. Форсвилла [11].

Результаты и обсуждения

Исследование показало, что в 33 креолизованных интернет-мемах из 100 наблюдается эффект развертывания полимодальной метафоры. Интернет-мемы часто используют полимодальные метафоры, поскольку они способны передавать сложные и многоуровневые смыслы с помощью как вербальных, так и невербальных средств. Современные интернет-пользователи предпочитают визуально насыщенный контент, поэтому полимодальные образы, комбинирующие текст и изображения, привлекают больше внимания и легче запоминаются. Это обеспечивает эффективное воздействие на реципиента. Они также помогают экономить когнитивные ресурсы, так как одна и та же информация передается через несколько каналов восприятия. Кроме того, юмор и ирония, часто используемые в мемах, легче передаются через полимодальные метафоры, что делает контент более привлекательным и вирусным.

Рассмотрим несколько типичных случаев того, как функционирует полимодальная метафора в русскоязычных интернет-мемах.

Рис. 1. Мем «Когда привел старшего брата».
Fig. 1. Meme “When you brought your big brother.”

Мем на рис. 1 демонстрирует большого медведя, расположившегося рядом с собакой, дружески обнимающего пса. Сопроводительная надпись гласит: «*Когда привел старшего брата»*. Как мы указывали выше, в полимодальной метафоре области источника и цели относятся к структурам разных семиотических систем. В данном примере область источника полимодальной метафоры формируется под воздействием визуального компонента – изображения медведя. Область цели метафоры выражена вербально словом «*старшего брата»*. Таким образом, метафорическая проекция создает полимодальную метафору, где *старший брат* [цель] сопоставляется с *медведем* [источник]. Важную роль в построении семантики этого мема играет особая коннотация медведя. В России медведь символизирует не только силу, смелость, стойкость и величие, но и является национальным символом, глубоко укорененным в культуре и истории страны. В фольклоре медведь часто представлен как могущественное и мудрое существо, вызывающее уважение и почтение, ассоциирующееся с защитой и могуществом. В данном меме полимодальная метафора имеет зооморфный характер, т.е. «свойства животного проецируются на образ человека» [3, с. 309]. Вообще, анимализация образа человека может отражать «игровой, развлекательный, вымышленный характер» мемов в контексте интернет-коммуникации [3, с. 310]. Рассматриваемый мем отражает восприятие роли старшего брата в российской массовой культуре как защитника и надежной опоры. В данном примере полимодальная метафора выступает изобразительно-выразительным средством, способствующим созданию юмористического эффекта и образному выражению идеи адресанта.

Рис. 2. Мем «Мой мозг».
Fig. 2. “My Brain” meme.

Рассмотрим другой пример. На рис. 2 показан внешний вид двух типов микросхем – процессоров Intel разных поколений; рядом размещен текст – «*мой мозг», «днем», «ночью»*. Область источника выражена визуально через изображение процессоров, а область цели выражена вербально через слово «*мозг».* В результате метафорической проекции рождается полимодальная метафора *мозг* [цель] – *процессор* [источник]. Этот мем предает идею о том, что мозг днем работает значительно менее продуктивно (медленнее) – как процессор Intel Pentium первых поколений, но ночью активизируется и становится подобным современным производительным микросхемам, вроде Intel Core i7-7700K. В этом случае путем полимодальной метафоры абстрактная идея передается в сжатом и легко воспринимаемом формате визуального образа.

Стоит отметить, что понимание семантики данного мема также требует наличие некоторых фоновых знаний об устройстве компьютера и эволюции процессорной технологии. Если реципиент не имеет таких познаний, то он не сможет интерпретировать мысль автора мема.

В вышеприведенных примерах воплощена одна из характерных особенностей интернет-мемов – прецедентность, предполагающая наличие у коммуникантов определенного культурного багажа и апперцепции, которые можно рассматривать как пресуппозиции [4]. Совпадение пресуппозиции коммуникантов выступает залогом правильного декодирования образности мема.

Рис. 3. Мем «Как я просыпаюсь по утрам».
Fid. 3. Meme “How I wake up in the morning.”

На рис. 3 мем представляет собой эпизод боксерского матча, когда один из боксеров (надпись «*я»*) выглядит потерявшим ориентацию (он опустился на одно колено); рядом с ним присел судья-рефери (надпись «*будильник»*), который ведет отсчет, положенный в случае наступления нокдауна в боксе, отсчет явно выполняется громким голосом (у рефери широко открыт рот) с одновременной демонстрацией цифр рукой (в случае, если боксер временно потерял слух). Верхняя надпись гласит: «*как я просыпаюсь по утрам».* В этом примере две субметафоры вместе образуют общую полимо-

дальную метафору, в которой метафорические проекции субметафор реализуются в отношении *я* [цель] – *боксер* [источник] и *будильник* [цель] – *рефери* [источник]. Полимодальная метафора области источника выражена визуально через сцену боксерского матча, а область цели выражается вербально фразой «*как я просыпаюсь по утрам».* Визуальные элементы боксерского матча в сочетании с текстовыми метками создают аналогию между пробуждением при звонке будильника и попыткой боксера продолжить поединок, оказавшись в нокдауне. Очевидно, данный мем посвящен тому, насколько трудно утром перейти от сна к бодрствованию. Здесь полимодальная метафора играет важную прагматическую роль. Она создает выраженный юмористический и даже комедийный эффект и вместе с тем представляет отвлеченную идею в иной наглядной ситуации, делая мем аллегорическим.

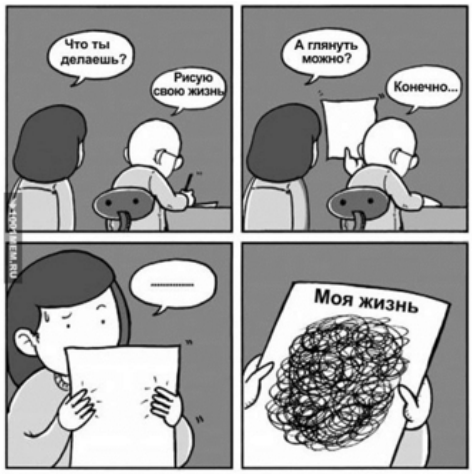


Рис. 4. Мем «Моя жизнь».
Fig. 4. Meme “My life”.

Полимодальная метафора также может быть обнаружена на рис. 4. Мем представлен в виде комикса, в котором два персонажа – женщина и мужчина – ведут диалог. Спиной к женщине, мужчина рисует что-то на бумаге и на вопрос женщины *«Что ты делаешь?»* отвечает: *«Рисую свою жизнь»*. Женщина спрашивает: *«А глянуть можно?»* и получает утвердительный ответ. В третьем кадре женщина, нахмурившись и с каплей пота на лбу, смотрит на рисунок. В последнем кадре показывается сам рисунок – плотные, запутанные черные линии с надписью *«Моя жизнь»*. Область источника представлена изображением плотного переплетения черных линий, которые вызывают ассоциации с хаосом, замешательством и беспорядком. Область цели выражена словами *«Моя жизнь»*. В результате метафорической проекции в данном меме хаотичный рисунок символизирует состояние замешательства, неопределенности и, возможно, стресса и разочарования в жизни персонажа. Метафора в последнем кадре комикса, где раскрывается рисунок на тему *«Моя жизнь»*, создает несоответствие ожиданий, порождая юмор. Мем обладает оттенком самоиронии, который может вызвать у реципиента чувство сопереживания и узнавания собственного опыта. Сочетание текстовых и визуальных компонентов передает идею о том, что иногда жизнь может казаться запутанной и хаотичной, как этот рисунок. Это состояние является распространенным и понятным для многих людей, делая мем особенно резонансным и релевантным.

Рис. 5. Мем «А теперь представь…».
Fig. 5. Meme “Now imagine...”.

На рис. 5 также присутствует полимодальная метафора, основанная на взаимодействии вербального и визуального компонентов. Область источника представлена изображением спокойного морского пейзажа с ясным небом, покрытым спокойными, кучевыми облаками, не предвещающими грозу или усиление ветра. Область цели выражена текстом «*сдал все экзамены на отлично».* В результате метафорической проекции в данном меме спокойный морской пейзаж символизирует состояние облегчения и успеха (сдача всех экзаменов «на отлично»). С прагматической точки зрения сочетание текста и картинки в данном меме создает спокойную и умиротворяющую обстановку. Голубое небо и белые облака часто ассоциируются с безмятежностью и приятным времяпрепровождением, а спокойное море может означать состояние внутреннего покоя и душевного равновесия. Данный мем передает следующий коммуникативный посыл: академический успех сродни чувству спокойствия или комфорта, похожего на изображенный здесь морской пейзаж. Такое иносказание может быть использовано для мотивации или утешения кого-либо, кто сталкивается с трудностями при подготовке к итоговым испытаниям в образовательном учреждении.

Анализ приведенных выше примеров показывает, что в креолизованных мемах полимодальная метафора создается через метафорическую проекцию областей цели и источника. В этом процессе визуальные компоненты в основном структурируют область источника, тогда как область цели формируется с помощью вербальных компонентов. Успешное построение метафорической проекции обусловлено определенной когнитивной связью между областями цели и источника. В русскоязычных мемах также обнаруживаются социокультурные элементы, такие как образ медведя, выражения *«старший брат», «сдал все экзамены на отлично»*, отражающие культурные особенности российской картины мира. Без знания этих социокультурных контекстов невозможно полноценно интерпретировать метафору и декодировать семантику мема.

Выводы

Таким образом, в статье рассматриваются особенности функционирования полимодальной метафоры в русскоязычных интернет-мемах. В русскоязычных мемах полимодальная метафора формируется посредством метафорической проекции областей цели и источника; при этом визуальные компоненты преимущественно служат средством структурирования области источника, а область цели строится посредством вербальных компонентов. Знание социального и культурного фона (подтекста) образов, содержащихся в мемах, также играет важную роль в правильной интерпретации метафор. В интернет-мемах прагматические функции полимодальной метафоры заключаются в том, что полимодальная метафора не только усиливает выразительность мема, но и служит инструментом для создания эффектов иронии, сатиры и других форм экспрессии. Используя полимодальную метафору, креолизованный мем может передавать многослойные смыслы и эмоциональные оттенки, что делает его мощным средством интернет-коммуникации.

Полимодальные метафоры в интернет-мемах представляют собой сложные семиотические конструкции, которые играют важную роль с точки зрения когнитивных и прагматических аспектов процесса коммуникации. Их изучение способствует более глубокому пониманию механизмов метафорического мышления и передачи информации в полимодальных контекстах. В будущем исследования в этой области могут быть направлены на дальнейшее изучение различных типов полимодальных метафор в интернет-дискурсе и оценку их влияния на восприятие и поведение реципиента.

Список источников

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. URL: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm (дата обращения: 28.03.2024)
2. Вешнякова А.В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6. Ч. 4. С. 34 – 40.
3. Канашина С.В. Специфика функционирования полимодальной метафоры в англоязычных интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 308 – 311.
4. Канашина С.В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 74 – 80.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Мамедли Г.Р. Проблема понимания метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 61 – 67.
7. Олешкова А.М. Интернет-мем как способ воспроизводства культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 164 – 166.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
9. Щурина Ю.В., Шелопугина Н.А. Интернет-мем: проблема семиотического статуса // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 157 – 162.
10. Forceville C. Multimodal Metaphor / Ed. By Ch. Forceville, Ed. Urios-Aparisi – Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 2009. P. 19 – 40.
11. Forceville, C. Pictorial and Multimodal Metaphor // Handbuch Sprache im multimodalen Kontext / hrsg. von Nina-Maria Klug und Hartmut Stöckl. Walter de Gruyter. GmbH & Co KG, 2016. P. 241 – 260.

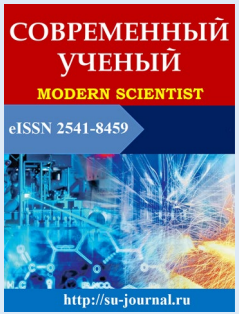
References

1. Aristotle. Poetics. About the art of poetry. URL: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm (access date: 03/28/2024)
2. Veshnyakova A.V. Linguistic and creative aspect of Internet memes. Current problems of the humanities and natural sciences. 2016. No. 6. Part 4. P. 34 – 40.
3. Kanashina S.V. Specifics of the functioning of multimodal metaphor in English-language Internet memes. Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2019. T. 12. Issue. 11. P. 308 – 311.
4. Kanashina S.V. Semantic features of the Internet meme as a multimodal discourse. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2018. Vol. 16 (811). P. 74 – 80.
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors by which we live: trans. from English; edited by and with a preface. A.N. Baranova. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
6. Mammadli G.R. The problem of understanding metaphors. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2022. Issue. 5 (860). P. 61 – 67.
7. Oleshkova A.M. Internet meme as a way of reproducing culture. Society: philosophy, history, culture. 2017. No. 8. P. 164 – 166.
8. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 608 p.
9. Shchurina Yu.V., Shelopugina N.A. Internet meme: the problem of semiotic status. Linguistics and intercultural communication: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Chita: Transbaikal State University, 2018. P. 157 – 162.
10. Forceville C. Multimodal Metaphor. Ed. By Ch. Forceville, Ed. Urios-Aparisi – Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 2009. P. 19 – 40.
11. Forceville, C. Pictorial and Multimodal Metaphor. Handbuch Sprache im multimodalen Kontext. hrsg. von Nina-Maria Klug und Hartmut Stöckl. Walter de Gruyter. GmbH & Co KG, 2016. P. 241 – 260.

Информация об авторе

Дай Цзини, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, st084506@student.spbu.ru

© Дай Цзини, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.42
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-52-59

Падежные формы в чеченском языке

[1] Ирезиев С.Х.С.Э.

[1] Чеченский государственный университет им.А.А. Кадырова

Аннотация: в статье рассматриваются падежные формы чеченского языка, приводятся способы образования падежных форм, анализируются фонетические процессы при образовании некоторых падежей. Также представлен подробный анализ генезиса окончаний косвенных падежей. Автор отмечает важную роль в их формировании послелогов, исторически выходящих к наречиям, а в более позднее время – к именам существительным. Кроме того, в статье освещена различные мнения ученых относительно определения количества падежных форм в чеченском языке. Следует отметить, что ученые традиционно выделяют восемь основных падежных форм. Особое внимание уделено производным формам местных падежей в чеченском языке.
Исследователи нахских языков отмечают, что чеченский язык имеет агглютинативно-флективный характер склонения, признавая при этом агглютинацию как древний основополагающий процесс. При этом природу флективности, признавшейся несколько позднее, ошибочно объясняют вставкой (эпентезой) аффиксальных гласных или лабиализованных согласных внутрь корня. Однако автор данной статьи придерживается противоположного мнения, что эти изменения являются процессами регрессивно-дистанционной ассимиляции. Подробный разбор падежных форм, периода образования и их история помогают деталью изучить особенности грамматического строя чеченского языка. Описывая историю развития падежей и их форм, автор обращает внимание на недостаточное количество достоверных источников о развитии падежной системы чеченского языка. Для более детального анализа необходимо рассматривать падежи и их формы в сопоставлении с падежной системой ингушского, бацбийского языков и горских диалектов чеченского языка.
Ключевые слова: падеж, падежная форма, чеченский язык, флексия, аффикс, нахские языки, грамматический строй, категория падежа, имя существительное, местный паде

Для цитирования: Ирезиев С.Х.С.Э. Падежные формы в чеченском языке // Современный ученый. 2024. № 5. С. 52 – 59. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-52-59

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Case forms in the Chechen language

[1] Ireziev S.Kh.S.-E.

[1] Chechen State University named after A.A. Kadyrov

Abstract: the article examines the case forms of the Chechen language, provides methods for forming case forms, and analyzes phonetic processes in the formation of some cases. A detailed analysis of the genesis of the endings of oblique cases is also presented. The author notes the important role in their formation of postpositions, historically coming to adverbs, and at a later time to nouns. In addition, the article highlights the different opinions of scientists

regarding the determination of the number of case forms in the Chechen language. It should be noted that scientists traditionally distinguish eight main case forms. Particular attention is paid to the derived forms of local cases in the Chechen language.
Researchers of Nakh languages note that the Chechen language has an agglutinative-inflectional nature of declension, while recognizing agglutination as an ancient fundamental process. At the same time, the nature of inflection, recognized somewhat later, is erroneously explained by the insertion (epenthesis) of affixed vowels or labialized consonants inside the root. However, the author of this article is of the opposite opinion that these changes are processes of regressive-distance assimilation.
A detailed analysis of case forms, the period of formation and their history helps to study in detail the features of the grammatical structure of the Chechen language. Describing the history of the development of cases and their forms, the author draws attention to the insufficient number of reliable sources on the development of the case system of the Chechen language. For a more detailed analysis, it is necessary to consider cases and their forms in comparison with the case system of the Ingush, Batsbi languages and mountain dialects of the Chechen language.
Keywords: case, case form, the Chechen language, inflection, affix, Nakh languages, grammatical structure, case category, noun, locative case

For citation: Ireziev S.Kh.S.-E. Case forms in the Chechen language. Modern Scientist. 2024. 5. P. 52 – 59. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-52-59

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 7, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Нахские языки, как отмечает Ю.Д. Дешериев, отличаются наличием сильно развитой системы падежей. Морфологическую характеристику имени, представленную системой падежей, особенно богатой местными формами, может иметь в той или иной степени любая часть речи [1, с. 415].

Чеченский язык, как и близкородственный ингушскому, бацбийскому языкам, характеризуется развитой системой падежей. В современном чеченском литературном языке представлено восемь падежей: именительный, родительный, дательный, эргативный, орудно-союзный, вещественный, сравнительный, местный. В бацбийском языке по мнению Ю.Д. Дешериева отмечается 22 падежные формы [2, с. 416].

Термин «именительно-винительный», предлагаемый Н.Ф. Яковлевым, вместо «именительный» не совсем оправдан. Эргативный падеж назван Н.Ф. Яковлевым активным, а орудно-союзный – творительным [3, с. 19].

В работе «Чеченский язык» П.К. Усларом представлено 16 падежей [4, с. 19].

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа является грамматический строй чеченского языка, а именно, система падежей и падежные формы. Методологической базой статьи являются работы языковедов. Например, Д.С. Имнайшвили, А.Д. Тимаев, А.Г. Магомедов, которые описали развитие падежной системы, процессами регрессивно-дистанционной ассимиляции.

Результаты и обсуждения

Выделяют 6 производных форм местного падежа:

1. форма пребывания (локотив), образованная с аффиксами -га, -ие (ие получен исторически от -га) от основной формы местного падежа и отвечает на вопрос где?: диēшархуōчуьн-га – диēшархуōчуьн-га-хь (локатив) «у ученика», хēхуōчуьн-га – хēхуōчуьн-га-хь (локатив) «у сторожа», таллархуōчуьн-га – таллархуōчуьн-га-хь (локатив) «у охотника»;
2. производная форма местного падежа, представляющая направление движения в сторону кого-нибудь, чего-нибудь: диēшархуōчуьн-га-хь-а «в сторону ученика», хēхуōчуьн-га-хь-а «в строну сторожа», таллархуōчуьн-га-хь-а «в сторону охотника»;
3. производная форма местного падежа, указывающая направление движения со стороны кого-нибудь, чего-нибудь: диēшархуōчуьн-га-хь-а-ра «со стороны ученика», хēхуōчуьн-га-хь-а-ра «со стороны сторожа», таллархуōчуьн-га-хь-а «со стороны охотника»;
4. производная форма местного падежа, образующая от основной формы местного падежа с помощью аддикса -ра: диēшархуōчуьн-га-ра, хēхуōчуьн-га-ра, таллархуōчуьн-га-ра;
5. производная форма местного падежа, показывающая движение через (транзитив). Образуется транзитив от основной формы местного падежа с помощью аффикса -хула: диēшархуōчуьн-га-хула, хēхуōчуьн-га-хула, таллархуōчуьн-га-хула;

6. производная форма местного падежа, указывающая движение в сторону и через. Образуется этот падеж от формы, указывающей направление движения в сторону кого-нибудь, чего-нибудь, прибавлением аффикса транзитива -хула: диēшархуōчуьн-га-хьа-хула, хēхуōчуьн-га-хьа-хула, таллархуōчуьн-га-хьа-хула;

В работе «Морфология чеченского языка» Н.Ф. Яковлев приводит 16 падежей [3, с. 24]. Данные в табл. 1:

Таблица 1

Падежная система чеченского языка по Яковлеву Н.Ф.

Table 1

Case system of the Chechen language according to Yakovlev N.F.

1. Им.п.	-сурт «картина»	
2. Род.п.	-н	суьрта-^{н}
3. Дат.п.	-на	суьрта-на
4. Акт.п.	-с(а), - уо	суьртуō
5. Твор.п.	-ца	суьрта-ца
6. Вещ.п.	-х, -ах	суьрта-х
а) производная форма	-ха, -аха	суьрта-ха
Местный (форма движения) ие	-ие, -га	суьртиē – суьрта-га
Производные формы: а) пребывания	-иехь, -гахь	суьртиехь
б) направления	-иēхьа, -гахьа	суьртиē-хьа
в) исхода	-иēра, -гара	суьртиē-ра
г) направления исхода	-ехьара, -гахьара	суьртиē-хьара
д) движения через	-иēхула, -гахула	суьртиē-хула
е) направления – движения через	иēхьахула, – гахьахула	суьртиē-хьахула
9. Сравнительный	-ал	суьртал
Производная форма	-алла	суьрталла

У Ю.Д. Дешериева находим следующие падежи в чеченском языке [2, с. 417-440]:

– Им.п.
– Род.п. а^{н}, -н, -а, -и, -уо
– Дат.п. -(а)на, -на, -ла (?)
– Эрг.п. -аса, -с, -а (уō)
– Твор.п. -ца, -аца
– Вещ.п. (инессив I) -х, -ах (элатив) -ха, -аха
– Сравн.п. -л, -ал а) произв. (экватив) -лла -алла
– Местн.п. производные формы местного падежа

1. падеж пребывания (инессив): аффикс -га-хь: нохчуōчуьн-га-хь;

2. падеж, показывающий направление движения в сторону кого-нибудь, чего-нибудь (конверсив) нохчочуьн-га-хьа;

3. падеж, показывающий направление движения со стороны исхода: нохчуōчуьнга-хьа-ра «со стороны чеченца»;

4. падеж исхода: нохчуōчуьн-га-ра «от чеченца»;

5. падеж, показывающий движение через: нохчуōчуьн-га-хула «через чеченца»;

6. падеж, показывающий движения в сторону через: нохчуōчуьнга-хьа-хула «в сторону чеченца и через него»;

По программам вузовского и школьного обучения используются восемь падежей:

Имен.п.	мила? кто? хIун? что?
Род.п.	хьēнан? стēнан?
Дат.п.	хьанна? стенна?
Эрг. (твор.) п.	хьан? кто? стенна? чему?

Орудно-союзн.п. хьаьнца? с кем? стенца? с чем?

Веществ.п. хьанах? стенах?

Сравн.п. хьанал? стēнах?

Местн.п. хьаьнга? кому? стенга? чему?

В работе «посвященной исследованию падежной системы ингушского языка Д.С. Имнашвили приводит основные и послеложные падежи [5].

Впервые включаются именительный, родительный, дательный, эргативный. Все основные – так называемые послесложные падежи. В истории их формирования сыграли роль послелоги, исторически выходящие к наречиям, последние – к именам существительным.

Ю.Д. Дешериев выделяет два периода в истории формирования падежа: первый период – образование основных падежей: именительного, родительного, эргативного, творительного, сравнительного, местного (основного). Эти падежи древнейшего образования. Ю.Д. Дешериев считает, что эти падежи существовали в общенахском языке [1, с. 443]. Ко второму периоду формирования падежей относятся шесть производных падежей.

Ю.Д. Дешериев приводит следующее количество падежей в чеченском языке и их форманты [1, с. 446]:

Таблица 2

Падежная система чеченского языка по Дешериеву Ю.Д.

Table 2

Case system of the Chechen language according to Desheriev Yu.D.

	Падежи	Ед. ч.	Мн. ч.
I	Именительный	-	-иш//-ш, -и, -(рч)-ий, -(р)ий
II	Родительный	-ин, -ан, -н, -а, -и, -уō	-(и)ин, -(уо)-и-н, -(и)-н
III	Дательный	-(а)на, -на, -ла	-шна, -ашна
IV	Эргативный	-аса, -ас, -с, -а, -уо	-ша, -аша
V	Творительный	-ца, -аца	-шца, -ашца
VI	Вещественный (инессив I)	-х, -ах	-(и)-й-х, -(и)-х
	1 Производный (элатив)	-х, -аха	-(и-й)-ха, -(й)-ха
	2 производный предназначит.	–	–
VII	Сравнительный	-л, -ал	(-и-й)-л, (и-й)л
	1 производный (экватив)	-лла, алла	(и-й)лла -й(лла)
VIII	Лишительный	–	–
IX	Местный (направ. I)	-га, -(ие), -а	-ш-ка, -аш-ка
	1) Локатив (падеж пребывания)	-(га)-ахь, -(ие)хь, -(а)-хь_,	-(шка)хь,(-ашка)-хь
	2) Направительный III	(ие)-хьа, (га)-хь-а, (а)-хь-а	-(шка)-хь-а, (ашка)-хь-а
	3) Исходный I	-(ие)-ра, -(га)-ра, -(а)-ра,	-(шка)-ра -(ашка)-ра
	4) Исходный II	-(га)-хь-а-ра, -(а)-хь-а-ра -(ие)-хь-а-ра	-(шка)-хьара, -(ашка)-хьара

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

	5) Исходный III	–	–
	6) Транзитив I	-(ие)-хула, -(га)-хула, -(а)-хула	-(шка)-хула, -(ашка)-хула
	7) Транзитив II	(ие)-хьа-хула, -(га)-хьа-хула, -(а)-хьа-хула	-(шка)-хьа-хула -(ашка)-хьа-хула
	8) предельный	–	–

Производные формы местного падежа в чеченском языке, как известно, образуются агглютинативным с добавлением к формам местного падежа еще четырех аффиксов: -ра, -хь, -хьа, и -хула. Но, следует отметить, что производных форм в результате может получиться значительно больше, в связи с тем, что приведенные аффиксы прибавляются не только к формам основного местного падежа, но и друг к другу: -ра, -хь, -хьа, -хула (в диалектах: -гIала): к1ант «мальчик», «сын», кIент-иē, кIант-иē-ра, кIант-ие-хь, кIант-иē-хьа, кIант-иē-хьа-хула, кIант-иē-хьа-ра, кIант-иē-хьа-хула, кIант-иē-хула-хьа, кIант-иē-хула-хь, кIант-иē-хула, кIант-иē-хула-хьа-ра.

Образования всех возможных форм местных падежей чеченского языка представляются в ниже приведенной табл. 3:

Таблица 3

Образования возможных форм местных падежей чеченского языка.

Table 3

Formation of possible forms of local cases of the Chechen language.

позиция аффикса					
		1	2	3	4
1	стаг	-иē, (-га)			
2			-ра		
3			-хь		
4			-хьа		
5			-хула		
6			-хьа	-ра	
7			-хьа	-хула	
8			-хьа	-хь	
9			-хула	-ра	
10			-ра	-хула	
11			-хула	-хьа	
12			-хула	-хь	
13			-хьа	-хула	-ра
14			-хула	-хьа	-ра

Из приведенных четырнадцати форм активное употребление имеют лишь первые семь. Остальные применяются довольно редко и отсутствуют в школьной грамматике. В результате агглютинативности (многослойности) аффиксов вторичных форм местного падежа необходимо обратить внимание к вопросу о значении их составляющих, а также к вопросу о том, всегда ли уместно настоящие формы назвать «местными», говоря по-другому, всегда ли и какие из них обозначают место. При этом следует обратить внимание на различие форм местного основного падежа с аффиксами -иē с одной стороны и -а с другой, а также образованным от них, которые начинаются на -иē (-иехь, -иēра, -иēхьа и т.д.) и на -а (-ахь, -ахьа, -ара, -ахьа и т.д.). Срв. йурт «село», йуьрт-иē, йуьрт-иē-ра, йуьртиēхьа, но: йуьрт-а, -йуьрт-а-ра, йуьрт-а-хьа.

Формы местных падежей, начинающиеся с окончаний -а и с -а- в чеченском языке выступают в предложениях в качестве обстоятельств, однако,

не выполняют субъективно-объективных функций.

Следовательно, имена существительные с нижеприводимыми окончаниями в чеченском языке обозначают:

иē – объект внимания, ожидания, обращения: кIант-иē хьажа «присмотреть за мальчиком», нениē ладогIа «к матери прислушаться», срв. -а – место направления, движения, пункт прибытия гIала ваха^{н} «в город пойти», керта кхача^{н} «прибыть во двор», стигала даха^{н} «в небо подняться»; -иēра – источник информации, источник добра или зла, источник изъятия: кIантиēра хабар «от сына известие», Делиēра ниIмат «от Бога благодать», адамиēра дика «от человека добро»; срв. -ара – исходный, отправной пункт движения (йуьртара аравала «из села выйти», г1алара ц1а кхача «из города домой прибыть», арара чуван «с улицы зайти».

Такие же расхождения значений существительных, связанные с аффиксами -а, -е обнаруживаются и в парах иēхьа//ахьа, иēхьара//ахьара и в других комбинациях этих агглютинативных аффиксов.

Вариант флексии -иē основного падежа -га и его эквивалент в формах множественного числа -(ш) ← шга (переход г→ к – результат ассимиляции по глухости в соседстве с -ш) не имеют таких коррелятивных пар для дифференцированного обозначения субъектно-объектных и обстоятельственных значений. Так же обстоит дело с производными от них составными аффиксами типа – гара//-кара, -гахьа//кахьа, -гахьара//-кахьара и другими.

В школьных (в некоторых вузовских) учебниках по чеченскому языку приводятся лишь восемь падежей:

1. Им.п. мила «кто?» хIун «что?»
2. Род.п. хьенан? «чей?» стенан?
3. Дат.п. хьанна? стенна?
4. Эрг.п. хьа^{н}? сте^{н}?
5. Орудно-союзн.п. хьаьнца? стенца?
6. Местный.п. хьаьнга? стенга?
7. Веществ.п. хьанах? стенах?
8. Сравнит.п. хьанал? стенал?

Падежами древнейшего формирования являются именительный, родительный, дательный, остальные – более позднего формирования.

Именительный падеж в чеченском языке имеет нулевую флексию, в именительном падеже представляется чистая основа.

Исходя из основополагающего вывода о генетической связи грамматических классов и падежных окончаний, о происхождении падежных окончаний следует сказать следующее:

1. гласный элемент флексии родительного падежа -а^{н} (а← , у, о, е) представляет собой местоименную частицу; назальный элемент – результат ослабления -н, исторически представляющего собой фонетический вариант древнейшего показателя грамматического класса вещей -д (класс определяемого) [6];

2. флексия дательного падежа -(а) на – результат вторичной аффиксации (ан+а - местоименная частица); в ингушском языке флексия дательного падежа ед. числа -ā- результат выполнения -н- и стяжения а+а. Дательный падеж мн.ч. в ингушском языке представлен флексией -та(←да).

Им. п. куог «нога
Род. п. куог-а^{н}
Дат. п. куог-а-на (инг.яз. куог-ā←куог-а-н-а)
Мн.ч. им. п. куог-а-ш
Дат.п. куог-а-ш-на (инг.яз. куог-а-ш-та←куог-а-ш-да – ассимиляция по глухости)

3. Эргатив представлен флексиями -а (←аса), ас (←аса) при именах категории человека и флексиями уō (jе – в диалектах, v(w) – (в бацбийском языке) при именах категории вещей.

А.Д. Тимаев считает, что флексии -а, -ас исторически представляют собой усеченные формы эргатива древнейшей основы личного местоимения са «я» [7].

Флексии эргатива уо, ие (в диалектах), v (w) – (в бацбийском языке), используемые при именах категории вещей, – результат ослабления древнейшего показателя класса вещей -д (→w, j); слияние конечного краткого гласного второй склоняемой основы – основы родительного падежа с -w→уо←(а+w→ow→wo), с j→ие (е←а+j→ие). Флексия -а (←ас), используется при именах категории человека с согласным в исходе им. п., флексия -ас (←аса), используется при именах категории человека с гласным в исходе им. п.:

Им. п. нана «мать» кIант «сын», «мальчик»
Эрг. п. нана-с кIант-а
Им.п. Хизар Лорса
Эрг.п. Хизар-а Лорса-с
Им. п. говр «конь» буорз «волк»
Эрг. говр-уо (в диал.говр-ие) барз-уо (в диал. барз-ие)

4. Флексия творительного орудно-союзного падежа -ца//-цана (разговорн.) ← цхьана «вместе», «совместно» исторически восходит к цхьа – основе косвенных падежей числительного ца1 «один» [8, с. 163].

Флексии послеложных падежей (основного местного падежа и производных от него) -га, je (иē), -гахь, -jу (-иехь), -ра, -ла, есть результат ослабления -д в структуре послелога дахь (бацб) (чеч., инг. д1ъа) – «по направлению», «в сторону». Различные фонетические варианты былого древнейшего показателя грамматического класса вещей -д- в структуре послелога д-ахь – результат тенденции дифференциации падежной системы. Говоря об аффиксе основного местного падежа, Ю.Д. Дешериев пишет: «В чеченском аффиксы (ē) и (иē) восходят к -га. Как мы видели выше, в чеченском при выпадении согласного, находящегося в интервокальном положении, происходит стяжение гласных и образовались аффиксы (ē) и (иē) (в результате выпадения -г)» [1, с. 437].

Данная трактовка происхождения аффикса основного местного падежа неверно представляет картину происхождения аффикса -иē в нахских языках [9]. Указанный аффикс не есть результат «выпадения согласного, находящегося в интервокальном положении» в следствие чего «происходит стяжение гласных и образуется долгий гласный». Местный падеж образуется от основы родительного падежа с помощью аффикса -га, который исторически восходит к послелогу -дахь (-г результат ослабления -д. Ослабление д- (исторический показатель древнейшего класса вещей) дает г; дальнейшее ослабление г→й; в результате слияния краткого -а- в исходе основы родительного падежа с -й в системе именного склонения и именного и глагольного словообразования *(а+и→ай→ū→иē).* Данный процесс закономерный:

Им.п. куог
Род.п. куог-а^{н}
Местн.п. куог-иē←куог-ū←куог-а-й←куога-га←куог-а-да←куога-д-ахь

Аналогично образуется основа родительного падежа, от которой образуется форма местного падежа при склонении имен существительных с эмфатичным -а в исходе именительного падежа:

Им.п. нан-а «мать» латт-а «земля» куорта «голова»
Род.п. нен-а^{н} лаьтт-а^{н} коьрт-а^{н}
Местн.п. нен-иē лаьтт-иē коьрт-иē

При склонении имен с гласным или дифтонгом в исходе именительного падежа аффиксом местного падежа выступает -га, дальнейшего процесса ослабления -д (г) не происходит (в плоскостном диалекте и в говорах плоскостного и ряде говоров горского диалекта в противоположность чеберлойскому и шаройскому диалектам) [10].

Выводы

В завершении следует отметить, что в серии местных падежей ни у Н.Ф. Яковлева, ни у Ю.Д. Дешериева не находим падеж, выражающий нахождение лица, предмета в сплошной массе с суффиксом -ла: дем-а-ла «в муку», хотт-а-ла «в грязь», к1уьр-а-ла «в дыму», чен-а-ла «в пыль», дахкар-ла «в туман», махь-ар-ла «в жир», г1амар-ла «в песок», лай-ла «в снег». Несомненно -л- в составе аффикса -ла представляет собой фонетический вариант древнейшего показателя класса вещей -д в структуре послелога дахь: дема-ла←демалахь «в муке» ←дема-д-ахь; хотт-а-ла←хотта-ла-хь←хотт-а-д-ахь; чен-а-ла←чена-ла-хь←чена-д-ахь.

Таким образом, как показывает проведенный анализ языкового материала, чтобы дать исчерпывающие ответы на многие вопросы касательно структуры падежной системы современного чеченского литературного языка, необходимо исследовать настоящую категорию с привлечением данных близкородственных ингушского, бацбийского языков и горских диалектов чеченского языка.

Список источников

1. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. 555 с.
2. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. (Фонетика, морфология, синтаксис, лексика). М., 1953. 384 с.
3. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960. 237 с.
4. Услар П.К. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. 246 с.
5. Имнайшвили Д.С. Основные и послеложные падежи в ингушском языке. ДКН. Тбилиси, 1942.
6. Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика». Грозный, 2011. 207 с.
7. Тимаев А.Д. Категория грамматических классов в нахских языках». Ростов-на-Дону, 1983. 195 с.
8. Тимаев А.Д. Древнейшая структура именных основ и категория грамматических классов в нахских языках и диалектах. Грозный, 2012. 272 с.

9. Халидов А.И. Грамматика чеченского языка. Том II. Морфология. Грозный, 2023. 800с.
10. Чикобава А.С. Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке. Сообщения АН ГрузССР, Т. 7. № 1-2. Тбилиси, 1946.

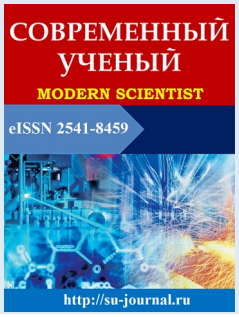
References

1. Desheriev Yu.D. Comparative historical grammar of the Nakh languages and problems of the origin and historical development of the mountainous Caucasian peoples. Grozny, 1963. 555 p.
2. Desheriev Yu.D. Batsbi language. (Phonetics, morphology, syntax, vocabulary). M., 1953. 384 p.
3. Yakovlev N.F. Morphology of the Chechen language. Grozny, 1960. 237 p.
4. Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. II. Chechen language. Tiflis, 1888. 246 p.
5. Imnaishvili D.S. Main and postpositional cases in the Ingush language. DKN. Tbilisi, 1942.
6. Timaev A.D. Chechen language. Phonetics". Grozny, 2011. 207 p.
7. Timaev A.D. Category of grammatical classes in Nakh languages". Rostov-on-Don, 1983. 195 p.
8. Timaev A.D. The oldest structure of nominal stems and the category of grammatical classes in Nakh languages and dialects. Grozny, 2012. 272 p.
9. Khalidov A.I. Grammar of the Chechen language. Volume II. Morphology. Grozny, 2023. 800 p.
10. Chikobava A.S. Category of grammatical classes and genesis of case endings in the Georgian language. Communications of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, Vol. 7. No. 1-2. Tbilisi, 1946.

Информация об авторе

Ирезиев С.Х.С.Э., кандидат филологических наук, доцент, Чеченский государственный университет им.А.А. Кадырова, 364034, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32, ireziev85@mail.ru

© Ирезиев С.Х.С.Э., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81'44
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-60-67

Репрезентация текстовой категории модальности в инициальных абзацах англоязычного романа XX века

[1] Боронин А.А., [1] Акиев Р.Р.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: **цель:** провести анализ и систематизацию проявлений субъективного аспекта текстовой категории модальность в инициальных абзацах англоязычного романа XX века.
Процедура и методы. Ключевым методом стал семантико-стилистический анализ текста, заключающийся в определении значений и стилистической окраски исследуемых компонентов. Также применялись методы систематизации и классификации. Метод случайной выборки используется для повышения объективности исследования (с его помощью выделено 100 единиц).
Результаты. Проведенный анализ показал, что проявления текстовой категории модальности следует разделить на авторские и персонажные, описаны основные элементы репрезентации текстовой категории модальность, описано соотношение реальной и ирреальной модальности.
Теоретическая значимость заключается в уточнении состава понятия категория субъективной модальности, тогда как практическая значимость заключается в возможности применения выводов, полученных в данном исследовании в рамках курсов стилистики текста и лингвистики текста.
Ключевые слова: категории текста, модальность, субъективная модальность, сильная позиция текста, абзац, глагол

Для цитирования: Боронин А.А., Акиев Р.Р. Репрезентация текстовой категории модальности в инициальных абзацах англоязычного романа XX века // Современный ученый. 2024. № 5. С. 60 – 67. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-60-67

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Representation of the textual category of modality in the initial paragraphs of an English-language novel of the twentieth century

[1] Boronin A.A., [1] Akiev R.R.

[1] Federal State University of Education

Abstract: **aim:** to analyze and systematize the manifestations of the subjective aspect of the textual category modality in the initial paragraphs of an English-language novel of the twentieth century.
Methodology. The key method was the semantic and stylistic analysis of the text, which is determining the meanings and stylistic features of the studied components. Methods of systematization and classification were also used. The random sampling method is used to increase the objectivity of the study (100 units were allocated with its help).

Results. The analysis showed that the manifestations of the textual category of modality should be divided into authorial and character ones, the main elements of the representation of the textual category modality are described, the ratio of real and unreal modality is described.
Research implications are in clarifying the composition of the concept of the category of subjective modality. The research results have the possibility of applying the conclusions obtained in this study within the framework of text stylistics and text linguistics courses.
***Keywords**:* text categories, modality, subjective modality, strong position of the text, paragraph, verb

For citation: Boronin A.A., Akiev R.R. Representation of the textual category of modality in the initial paragraphs of an English-language novel of the twentieth century. Modern Scientist. 2024. 5. P. 60 – 67. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-60-67

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В этой статье рассматриваются языковые проявления текстовой категории модальности в инициальных и финальных абзацах англоязычных романов 20-го века. Данное исследование сосредоточено на лингвистических проявлениях категории модальности как выражения субъективной авторской оценки, в то время как, проявления категории модальности, как отношения высказывания к реальности не рассматриваются. Выбранное направление исследований является перспективным, так как несмотря на давнюю историю научных разработок в изучаемой сфере, существует ряд неразрешенных вопросов (что подтверждается большим количеством научных исследований, опубликованных недавно [4, 5, 6]).

Материалы и методы исследований

Теоретической базой исследования послужили работы Н.С. Болотновой, В.В. Виноградова, И.Р. Гальперина, В.А. Кухаренко, З.Я. Тураевой. Основными методами данного исследования были анализ научной литературы, метод сплошной выборки, стилистический и семантический анализ текста, описательный и типологический методы.

Эмпирическим материалом послужила выборка начальных и финальных абзацев из ста англоязычных романов XX века за авторством австралийских, американских, британских, канадских и новозеландских писателей.

Результаты и обсуждения

Впервые в отечественной лингвистике понятие текстовые категории было выделено И.Р. Гальпериным в 1981 году. В его понимании данного понятия «категории текста отражают закономерности его организации» [3, с. 20].

Разными учеными выделяются разные текстовые категории. З.Я. Тураева выделяла две группы текстовых категорий: структурные (категории, которые присущи тексту как лингвистическому объекту, а именно: прогрессия, стагнация, сцепление и интеграция) и концептуальные (отражающие объективную действительность, заложенную в тексте. К ним относятся подтекст, локальность (место) и темпоральность (время), причинность, образ автора, информативность) [11].

Текстовым категориям в своих работах уделяла внимание и В.А. Кухаренко. Она выделяла следующие категории художественного текста: проспекция и ретроспекция, системность, целостность, модальность, локально-темпоральная отнесенность, концептуальность, членимость, связность, антропоцентричность, информативность [8].

В том или ином виде, авторская модальность, как категория, выделяется всеми учеными, занимавшимися проблемой текстовых категорий (у одних ученых это отдельная категория, а у других – часть категории «автор» или понятия «образ автора» [1]). Также, в стилистическом энциклопедическом словаре русского текста Кожиной можно встретить синонимичное название категории модальность. Некоторые авторы в своих работах называют ей категорией тональности [7].

Начиная с научных трудов В.В. Виноградова, который ввел в отечественную науку о языке понятие «модальность», её принято понимать, как проявление субъективного отношения, говорящего (пишущего) к действительности. Модальность понимают, как отношение высказывания к действительности (в соотношении с реальностью), а также как любое выражение личного отношения автора к чему-либо [2]. В дальнейших исследованиях значимость приобрело второе определение модальности [9]. Например, в диссертации Стратийчук Е.Ю. можно видеть развитие и уточнение этой концепции (Она называла данный тип модальности субъективной, в который входит оценочное отношение говорящего (происходит разразграни-

чения понятий автор, рассказчик, герой) к действительности [10]. Именно второму определению термина модальность будет уделено основное внимание в данной работе.

Проявления категории субъективной модальности могут быть эксплицитными (модальные глаголы, слова, явно выражающие оценку, неуверенность/уверенность, синтаксические средства, например, вводные слова и конструкции, восклицательные предложения) и имплицитными (ирония, какие-либо скрытые смыслы, особый подбор стилистически окрашенной лексики для описания чего-либо)

Категория «модальность» будет рассматриваться в инициальных абзацах. Проявления исследуемого понятия представляют особый интерес, когда находятся в одной из так называемых «сильных» позиций в тексте, ведь считается, что автор вкладывает особый замысел в начало и конец произведения [12]. Практическая новизна заключается в исследовании репрезентаций авторского отношения к высказыванию в рамках первого и последнего абзаца текста произведения (данное абзацное ограничение было выбрано следуя за подходом к исследованиям сильной позиции текста в работах В.А. Кухаренко) [8].

Глагольная модальность в инициальных абзацах

Говоря о модальности нельзя не начать рассмотрение этой текстовой категории с рассмотрения употребления модальных глаголов, а также исследования отношения высказывания к реальности, проявляемого через глаголы. В первую очередь рассматриваются модальные глаголы. В ходе работы с выборкой было выявлено 62 случая употребления модальных глаголов, из них 49 случаев употребления модальных глаголов для выражения авторской модальности и 13 для выражения персонажной.

Сначала рассмотрим использование модальных глаголов автором. Самым часто употребляемым является глагол can/could, выражающий возможность или позволение сделать что-либо, на него приходится половина случаев употребления (25). Также для выражения позволения используются глаголы may (3 случая употребления) и let (2 случая). Глагол might представляет собой возможность или неуверенность. В значении долженствования выступают глаголы must (5 случаев), should (1 случай), have to (3 случая).

В персонажной речи, так же, как и в авторской, самым широко представленным глаголом является can/could (5 случаев употребления из 13). Выступает он в роли указания возможности. В отличии от авторской речи, более широко представлена группа глаголов, выражающих значение долженствования. Оно выражено глаголами must, have to, ley, shall (6 случаев). Важно отметить, что в персонажной речи в вводных абзацах не встречается модальных глаголов, выражающих сомнение.

Далее следует обратиться к модальности как к выражению реальности/ирреальности. Для этого проводится анализ использования изъявительного и сослагательного наклонения глаголов в начальных абзацах.

В абзацах авторской речи было выявлено 607 случаев использования изъявительного наклонения и 6 случаев наклонения сослагательного. Все случаи использования сослагательного наклонения представлены subjunctive II (If he had had his way, …, he would have fired the chief house detective long ago [19] – если бы всё было как он хотел, … он бы давно уволил главного детектива. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи).

Иная ситуация предстаёт в абзацах, представляющих выражение персонажной модальности. На 134 использования глаголов в изъявительном наклонении приходится 6 случаев сослагательного (представлены при помощи subjunctive I и subjunctive II).

На основе анализа модальных глаголов, а также глаголов в изъявительном и сослагательном наклонении можно смело сделать вывод о том, что реальная модальность является преобладающей в инициальных абзацах англоязычного романа 20-го века.

Субъективная модальность

В инициальных абзацах 20-го века, категория субъективной модальности представлена достаточно широко (51 процент случаев). Представленность модальности не зависит от типа повествования (встречается как в романах с безличным повествованием, так и личным от 1-го лица, так и от 3-го).

Во-первых, следует обратиться к проявлениям авторской субъективной модальности в безличном повествовании, как наиболее распространенной (это проявление данной категории встречается в 30-ти из 51-го случаев). Так как вводный абзац обычно выполняет функцию экспозиции, то автор выражает своё отношение к событиям (вводной ситуации), фактам, персонажам. Следует рассмотреть подробнее языковые особенности репрезентации.

В большинстве случаев во вводном абзаце авторское отношение выражено одним словом/фразой. Это может быть:

- эмоционально окрашенный эпитет. ‘there was a *striking* physical and facial resemblance’ [14] (было *шокирующее* физическое и внешнее сходство);

- цепочка эмоционально окрашенных эпитетов. 'Elmer Gantry was drunk. He was *eloquently* drunk, *lovingly* and *pugnaciously* drunk' [21] (Элмер Гантри был пьян. Он был *красноречиво* пьян, *преданно* и *воинственно* пьян). Также в этом примере можно наблюдать и синтаксические параллельные конструкции, служащие усилителем авторской точки зрения.

- метонимия. 'Such a day made glad the heart' [17] (такой день радовал сердце)

- ирония 'There was a boy called Eustace Clarence Scrubb, and he almost deserved it' [20] (Мальчика Звали Юстас Кларенс Скрабб, и он почти этого заслуживал. Ирония строится на каламбуре, Scrubb – scrub, в английском языке это слово может значит неправильное селекционное скрещивание животных).

- выражение уверенности или неуверенности автора, для чего используются модальные глаголы или вводные слова. *Perhaps* he had nodded off over his book [26] (*возможно*, он задремал над книгой)

- аллюзия. 'Dr. Jekyll had not been Mr. Hyde and so had not grated on her nerves' [23] (Доктор Джекилл не был мистером Хайдом и поэтому не действовал ей на нервы. В этом примере присутствует отсылка на произведение Р.Л. Стивенсона)

- сложные композиционные элементы. Например, автор может обращаться к лексике определенной окраски, чтобы выразить отношение к происходящему. 'The very wood seems made of mud, the inhabitants of mud moving. So abused, so monotonous is everything that meets the eye ... Houses do fall, people are drowned and left rotting … like some low but indestructible form of life' [16] (сам лес казался сделанным из грязи, обитатели грязи двигались. Все, что бросается в глаза, так изуродовано, так однообразно... Дома рушатся, люди тонут и остаются гнить … как какая-то низшая, но неуничтожимая форма жизни. «Грязь», «изуродовано», «однообразно», «рушатся», «тонут», «гнить» - все эти слова создают целостную картину неприятного и унылого места, которое описывает автор, его отношение к пространство чётко определяется). Другим примером может служить использование нескольких средств репрезентации авторской оценки. Рассмотрим вводный абзац романа канадского писателя Артура Хейли «Аэропорт». Для описания снежного бурана и его последствий, а также для выражения своего отношения автор использует сравнение и развернутую метафору (Now, like pustules on a battered, weakened body, trouble spots were erupting steadily [18] - Сейчас, как гнойники на потрепанном, ослабленном теле, проблемные места неуклонно увеличивались – используется сравнение занесенного снегом аэропорта с гнойниками на больном теле), эмоциональную аббревиацию с табуированной лексикой (The food *snafu*), параллельные синтаксические конструкции для описания переполненных из-за бури складов ('Freight supervisors were nervously watching perishables-hothouse flowers from Wyoming for New England; a ton of Pennsylvania cheese for Anchorage , Alaska ; frozen peas for Iceland' [18] - Контролеры грузов с тревогой следили за скоропортящимися продуктами: оранжерейными цветами из Вайоминга в Новую Англию; тонной пенсильванского сыра в Анкоридж, Аляска; замороженным горошком в Исландию) и, чтобы показать своё отношение к неважности всего это перед угрозой стихии для жизни и здоровья людей, завершает описаний скоропортящихся продуктов иронией ('The lobsters were for tomorrow's menus in Edinburgh and Paris where they would be billed as "fresh local seafood," and American tourists would order them unknowingly'. [18] - Лобстеры были включены в меню завтрашних ресторанов в Эдинбурге и Париже, где они будут представлены как "свежие местные морепродукты", и американские туристы заказали бы их, ничего не зная.).

Следует отметить, что для выражения своего отношения в начальных абзацах автор не использует восклицательные предложения, за исключением одного случая.

Следующими будут рассмотрены проявления категории модальности в системе персонажей произведения. Эти проявления можно разделить на три группы: модальность персонажа, высказанная автором в безличном повествовании, высказанная самим персонажем в прямой или косвенной речи, и, принадлежащая герою-рассказчику от первого лица.

К первой группе относятся всего три случая. Например, 'There was a general feeling that they couldn't possibly be arriving at Geneva yet' [13] (Было общее чувство, что они, возможно, еще не прибыли в Женеву. Автор, при описании взаимодействия пассажиров и бортпроводников высказывает неуверенность первых).

Вторая группа представлена более широко. наблюдается 9 случаев, выражения отношения персонажа к чему-либо посредством прямой речи и 1 при помощи косвенной. В отличии от безличного повествования, тут большую роль играют восклицательные предложения (в 4х случаях из 9и) или цепочки восклицательных. Кроме того, прослеживается лексика с сильным эмоциональным окрасом. Например, '*DAMNATION*! I wish they would hurry up' [22] (*Проклятье*! Вот бы они поторопились). Кроме того, наблюдается графиче-

ский приём, в виде использования заглавных букв для выделения эмоционального пика высказывания. Также, можно наблюдать и использование глагола “do” как эмоционального усилителя. Например, ‘I *do* like a road’ [24] (мне очень нравится дорога)

Следует отметить, что в высказываниях прямой речи не наблюдается комплексных средств выражения модальности, она выражена либо одним средством, либо повтором одного средства. Связано это с тем, что вводные абзацы прямой речи обычно состоят из нескольких предложений, в большинстве случаев простых.

Последней рассматриваемой группой инициальных абзацев станут абзацы романов с повествованием от первого лица. Следует сразу отметить, что вопреки предположению об обязательном присутствии категории модальности в начальных абзацах этого типа, её проявления насчитываются в 6 из 11 романов попавших в выборку. Следует отметить, что большинство абзацев в повествовании от первого лица гораздо более сложно структурированы, чем высказывания персонажей прямой речи (4-6 предложений, которые могут быть весьма развёрнутыми). Для примера рассмотрим фрагменты вводного абзаца романа «Чёрный принц» английской писательницы ирландского происхождения Айрис Мёрдок.

Главный герой описывает обстоятельства и условия своей жизни, квартиру, которую он арендует. ‘A flat in a small shabby pretty court of terrace houses…’ (комната в маленьком, потрепанном приятном дворе домов с террасами), ‘an area of perpetual seedy brouhaha’ [25] (район постоянной унылой шумихи). Начинает описание автор с района, в котором находится его жилище. Для выражения отрицательного отношения с ироничным оттенком используется эпитеты (потрепанный, приятный, постоянной, унылой), а также ономатопея (слово-звукоподражание) ‘brouhaha’.

Далее повествование продолжается в том же отрицательном и ироничном русле. ‘My «rooms» (мои «комнаты», автор использует знаки препинания для подчеркивания ироничного отношения) … My bedroom looked onto dustbins and a fire escape (Моя спальня смотрела на мусорные баки и пожарный выход). My sitting room onto a plain brick wall caked with muck (гостиная на обычную кирпичную стену покрытую (дословно «запеченную») грязью). The sitting-room, half a room really (the other half, stripped and degraded, was the bedroom), had wooden panels of that powdery dignified shade of green which can only be achieved by about fifty years of fading’ [25] – Гостиная комната, на самом деле половина комнаты (другая половина, ободранная и разложившаяся, была спальней), была обшита деревянными панелями того рыхлого величавого оттенка зеленого, который может быть достигнут приблизительно за 50 лет увядания. Мы наблюдаем параллельные синтаксические конструкции, при описании мира за окном, метафору (caked with muck), эмотивные эпитеты (degraded), иронию (цвет для которого нужно 50 лет увядания). В завершение автор даёт метафоричное и парадоксальное обобщение описания. ‘A sunless and cosy womb my flat was’ [25] – Бессолнечной и удобной утробой была моя квартира.

Такое инвертированное описание подчеркивает отрицательное, но ироничное отношение рассказчика к своему месту обитания.

На основе выше проанализированного текста можно выделить следующие средства репрезентации модальности: эпитеты, параллельные конструкции, инверсия, метафора ирония. На основе анализа других вводных абзацев также были выделены такие средства выражения персонажной модальности как:

- цепочка эпитетов, завершаемая инвертированным эпитетом ‘a fluffy, feathery, untidy cockatoo of a man’ [15] – пушистый, покрытый перьями, неопрятный мужчина – какаду.

- разговорная эмоционально окрашенная лексика (lousy, hell of, goddam). Этот тип выражения характерен только для персонажной модальности

- гипербола ‘I became *obsessed* with the idea of carrying a chair and table out to the tower’ [27] (я стала *одержима* идеей отнести стул и стол в башню)

Следует отметить, что в выборке романов с повествованием от первого лица в инициальных абзацах не встретилось восклицательных предложений.

Самыми распространёнными типами репрезентации являются использование метафор и параллельных синтаксических конструкций, также весьма распространены различные виды эпитетов.

В результате исследования были выявлены особенности репрезентации субъективной модальности в инициальных абзацах. Во-первых, категория модальности представлена в половине исследованных литературных произведений (51 процент случаев) и является распространенной. Наиболее распространенным типом субъективной модальности является авторская субъективная модальность, а именно 30 случаев из 51-го, или 58 процентов употребления, тогда как остальные случаи распределяются по разным видом репрезентации персонажной модальности.

Выводы

Целью данного исследования был анализ про-

явлений категории субъективной модальности в инициальных абзацах англоязычного романа XX века.

Проявления были систематизированы и составили две группы. В первую группу вошли проявления авторской модальности, в то время как вторую группу составляют проявления персонажной модальности.

В обеих группах преобладает реальная модальность. Наиболее представленным значением модальных глаголов является «возможность/позволение»

В ходе исследования были выявлены особенности проявлений категории модальности. В первой группе преобладающими средствами языковой репрезентации были эпитеты, модальные глаголы, метафоры, параллельные конструкции, композиционные элементы, состоящие из нескольких элементов.

Также, в ходе исследования, проявления персонажной модальности были разделены на три группы. Это выражение модальности автором за персонажа, выражение посредством прямой речи самого персонажа, а также посредством повествования от первого лица. Важно отметить, что восклицательные предложения как репрезентация модальности встречаются только в прямой речи. Среди персонажной модальности преобладают эмоционально окрашенные эпитеты, эмоционально окрашенная лексика сниженного регистра, параллельные конструкции и метафоры. Графические методы широко не представлены.

Таким образом, теоретическая значимость исследования заключается в уточнении средств репрезентации текстовой категории «субъективная модальность» в сильной позиции инициального абзаца. Перспективной является возможность дальнейшего установления места исследуемой текстовой категории в иерархии текстовых категорий, а также сравнение её проявлений в инициальных и финальных абзацах произведения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения данных, полученных в статье в рамках курсов стилистики и лингвистики текста.

Список источников

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста.: М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. 55 с.

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

4. Гукасова М.В. Оценочная модальность английских фразеологических единиц и способы ее реализации в контексте эмоционально-предметной направленности: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2016. 171 с.

5. Давыдова М.М., Кораблева Е.А. Лингвистические средства репрезентации субъективной модальности в романе С. Кинга "Под куполом" // Российский гуманитарный журнал, 2020. Т. 9. № 6. С. 391 – 398.

6. Дзюбенко А.И. Модальность художественного текста в функционально-семантическом аспекте // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 94. № 5. С. 55 – 60.

7. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/222-Тональность (дата обращения: 04.02.2024)

8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебник. 4-е изд., перераб.М.: ФЛИНТА, 2019. 314 с.

9. Романова Т.В. Взаимосвязь категорий модальность – оценочность – эмоциональность в текстовой репрезентации (по материалам современной исповедальной прозы) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 71 – 77.

10. Стратийчук Е.Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста: на материале русского и английского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

11. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп.М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.

12. Филиппова С.Г. Сильная позиция художественного текста в реализации авторской картины мира (на материале романов Халеда Хоссейни) // Studia Linguistica. 2019. № 28. С. 145 – 150.

13. Agatha Christie. Passenger to Frankfurt. New York.: Dodd, Mead. 1970. 262 p.

14. Curwood J. The River's End. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/4747 (дата обращения: 15.03.2024)

15. Doyle A.C. The Lost World. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/139 (дата обращения: 09.03.2024)

16. Forster E.M. A Passage to India. URL: https://www.gutenberg.org/files/61221/61221-h/61221-h.htm (дата обращения: 11.03.2024)

17. Galsworthy J. Saints Progress. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/2683 (дата обращения: 14.03.2024)

18. Hailey A. Airport. URL: https://royallib.com/read/Hailey_Arthur/Airport.html#0 (дата обращения: 18.03.2024)
19. Hailey A. Hotel. New York.: Bantam Books.1968. 408 p.
20. Lewis C. The Voyage of the 'Dawn Treader'. URL: https://gutenberg.ca/ebooks/lewiscs-voyageofthedawntreader/lewiscs-voyageofthedawntreader-00-h.html (дата обращения: 20.02.2024)
21. Lewis S. Elmer Gantry. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/72609 (дата обращения: 14.02.2024)
22. Mander J. The story of a New Zealand river. URL: https://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-ManStor.html (дата обращения: 10.02.2024)
23. Montgomery L.M. Rilla of Ingleside. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/3796 (дата обращения: 25.02.2024)
24. Montgomery L.M. The Story Girl. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/5342 (дата обращения: 25.02.2024)
25. Murdoch I. The Black Prince. URL: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/The_Black_Prince.html (дата обращения: 26.02.2024)
26. Iris Murdoch Bruno's Dream. URL: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/Brunos_Dream.html (дата обращения: 29.02.2024)
27. Murdoch I. The Sea, the Sea. URL: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/The_Sea_the_Sea.html#0 (дата обращения: 29.02.2024)

References

1. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text.: M.: Flinta: Nauka, 2009. 520 p.
2. Vinogradov V.V. On the category of modality and modal words in the Russian language. Selected works: Studies on Russian grammar. M., 1975. 55 p.
3. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M.: Nauka, 1981. 138 p.
4. Gukasova M.V. Evaluative modality of English phraseological units and methods of its implementation in the context of emotional-subject orientation: dis. ...cand. Philol. Sci. Pyatigorsk, 2016. 171 p.
5. Davydova M.M., Korableva E.A. Linguistic means of representing subjective modality in S. King's novel "Under the Dome". Russian Humanitarian Journal, 2020. Vol. 9. No. 6. P. 391 – 398.
6. Dzyubenko A.I. Modality of a literary text in the functional-semantic aspect. Humanitarian and social sciences. 2022. T. 94. No. 5. P. 55 – 60.
7. Kozhina M.N. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. URL: https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/222-Tone (access date: 02/04/2024)
8. Kukharenko V.A. Interpretation of the text: textbook. 4th ed., revised M.: FLINTA, 2019. 314 p.
9. Romanova T.V. The relationship between the categories modality – evaluativeness – emotionality in textual representation (based on materials of modern confessional prose). Questions of cognitive linguistics. 2006. No. 3. P. 71 – 77.
10. Stratiychuk E.Yu. Personality as a text-forming category of literary text: on the material of the Russian and English languages: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Rostov-on-Don, 2006.
11. Turaeva 3. Ya. Linguistics of the text. Text: Structure and semantics: Textbook. Ed. 2nd, additional M.: Book house "LIBROKOM", 2009. 144 p.
12. Filippova S.G. The strong position of the literary text in the realization of the author's picture of the world (based on the novels of Khaled Hosseini). Studia Linguistica. 2019. No. 28. P. 145 – 150.
13. Agatha Christie. Passenger to Frankfurt. New York: Dodd, Mead. 1970. 262 p.
14. Curwood J. The River's End. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/4747 (access date: 03/15/2024)
15. Doyle A.C. The Lost World. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/139 (access date: 03/09/2024)
16. Forster E.M. A Passage to India. URL: https://www.gutenberg.org/files/61221/61221-h/61221-h.htm (access date: 03/11/2024)
17. Galsworthy J. Saints Progress. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/2683 (access date: 03/14/2024)
18. Hailey A. Airport. URL: https://royallib.com/read/Hailey_Arthur/Airport.html#0 (access date: 03/18/2024)
19. Hailey A. Hotel. New York.: Bantam Books.1968. 408 p.
20. Lewis C. The Voyage of the 'Dawn Treader'. URL: https://gutenberg.ca/ebooks/lewiscs-voyageofthedawntreader/lewiscs-voyageofthedawntreader-00-h.html (access date: 02/20/2024)
21. Lewis S. Elmer Gantry. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/72609 (access date: 02/14/2024)
22. Mander J. The story of a New Zealand river. URL: https://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-ManStor.html (access date: 02/10/2024)

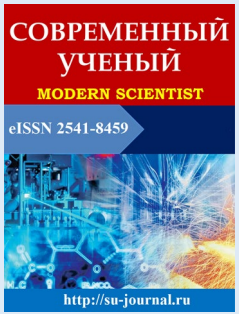
23. Montgomery L.M. Rilla of Ingleside. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/3796 (access date: 02/25/2024)
24. Montgomery L.M. The Story Girl. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/5342 (access date: 02/25/2024)
25. Murdoch I. The Black Prince. URL: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/The_Black_Prince.html (access date: 02/26/2024)
26. Iris Murdoch Bruno's Dream. URL: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/Brunos_Dream.html (access date: 02/29/2024)
27. Murdoch I. The Sea, the Sea. URL: https://royallib.com/read/Murdoch_Iris/The_Sea_the_Sea.html#0 (access date: 02/29/2024)

Информация об авторах

Боронин А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения

Акиев Р.Р., аспирант, Государственный университет просвещения, akiev.ruslan.1998@mail.ru

© Боронин А.А., Акиев Р.Р., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологиче-ские науки)
УДК 81-26. 347.78.034
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-68-73

Адаптивный перевод рассказов А.П. Чехова с русского языка на китайский

[1] Жирова И.Г., [1] Чжан Цзякан

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: в настоящее время антропоцентризм выступает актуальной и востребованной лингвистической парадигмой, которая обусловлена появлением новых подходов при сопоставительном исследовании аутентичного художественного текста оригинала и его перевода на иностранные языки. Целью статьи является изучение лексико-семантических особенностей перевода коротких рассказов А. П. Чехова с выявлением русско-китайских соответствий. Важен анализ переводческих проблем в языковой паре «русский / китайский» с точки зрения лексическо-семантических особенностей идиостиля выдающегося русского писателя Антона Павловича Чехова, оказавшего существенное влияние на всю мировую литературу. Исходя из основной цели статьи, можно сформулировать основные ее задачи: во-первых, необходимость подтвердить правомерность использования культурного подхода к переводу художественной литературы, во-вторых, выявить некоторые языковые особенности передачи идиостиля А.П. Чехова с русского языка на китайский. Научная новизна исследования состоит в том, что оно впервые предлагает комплексное изучение лексико-семантических особенностей перевода рассказов А.П. Чехова «Толстый и тонкий» 《胖子和瘦子》, «Анна на шее» 《挂在脖子上的安娜》и «Хамелеон» 《变色龙》 в языковой паре «русский / китайский»; рассматриваются некоторые переводческие трансформации, используемые китайским переводчиком Шэнь Няньцзюем с возможным учетом специфики языковых единиц в русском и китайском языках; описываются с последующей интерпретацией лакунарные несоответствия лексических единиц, обусловленные как языковыми, так и экстралингвистическими факторами. В качестве методов исследования применяются описательно-аналитический, сопоставительный и интерпретативный анализ с обязательным учетом национально-культурного компонента художественного текста. Предлагаемый в статье методологический потенциал сопоставительного исследования авторского и переводного художественных текстов может быть экстраполирован и на другие произведения художественного дискурса.
Ключевые слова: адаптивный перевод, экстралингвистический фактор, межкультурные различия, культурный феномен, китайский язык, адекватность перевода

Для цитирования: Жирова И.Г., Чжан Цзякан Адаптивный перевод рассказов А.П. Чехова с русского языка на китайский // Современный ученый. 2024. № 5. С. 68 – 73. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-68-73

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Adaptive translation of A.P. Chekhov's short stories from Russian into Chinese

[1] Zhirova I.G., [1] Zhang Jiakan

[1] *Federal State University of Education*

Abstract: currently, anthropocentrism is an actual and in-demand linguistic paradigm: It is due to the emergence of new approaches in the comparative study of the authentic literary text of the original and its translation into foreign languages. The sole object of the paper is to analyse the lexical and semantic features of the translation of short fiction stories by A. P. Chekhov with the identification of Russian-Chinese correspondences. Russian Russian / Chinese is an important analysis of translation problems in the language pair "Russian / Chinese" from the point of the key lexical and semantic characteristics of the idiosyncrasy of the Russian writer Anton Pavlovich Chekhov, who had a significant impact on the world literature. Based on the main object of the paper, its main tasks can be formulated: firstly, the need to confirm the legality of using a cultural approach to the translation of fiction, and secondly, to identify some linguistic features of the transfer of Chekhov's idiosyncrasy from Russian into Chinese. Scientific novelty of research consists in the fact that it offers the first comprehensive study of lexical-semantic peculiarities of the translation of short stories by A.P. Chekhov "Thick and Thin" 《胖子和瘦子》, "Anna on the Neck" 《挂在脖子上的安娜》and "Chameleon" 《变色龙》 the language pair "Russian / Chinese"; discusses some of the translation transformation, used by the Chinese translator Shen Nianju possible, given the specificity of language units in the Russian and Chinese languages; lacunar inconsistencies of lexical units caused by both linguistic and extralinguistic factors are described with subsequent interpretation. Descriptive-analytical, comparative and interpretative analysis are used as research methods, with mandatory consideration of the literary national-cultural text component. The methodological potential of comparative research of literary texts (author's and translated) proposed in the work may be extrapolated to other works of artistic discourse.
Keywords: adaptive translation, extralinguistic factor, intercultural differences, cultural phenomenon, the Chinese language, adequacy of translation

For citation: Zhirova I.G., Zhang Jiakan Adaptive translation of A.P. Chekhov's short stories from Russian into Chinese. Modern Scientist. 2024. 5. P. 68 – 73. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-68-73

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Актуальность заявленной в статье темы определяется тем, что, во-первых, тексты коротких рассказов А.П. Чехова – это своего рода межъязыковой и межкультурный коммуникативно-коммуникационный канал, способствующий обмену информацией между двумя странами в области художественной литературы. Во-вторых, в силу межъязыковых и межкультурных различий существует целый ряд трудностей перевода произведений художественной литературы с одного языка на другой, что во многом обусловлено лингвистическими и экстралингвистическими факторами. В связи с этим, особенно актуальны переводческие исследования в языковой паре «русский / китайский», равно как и глубокий анализ межкультурных различий на материале художественной литературы.

Произведения А.П. Чехова популярны в Китае, их изучают в школах и университетах. Необходимо отметить, что художественные произведения А.П. Чехова были впервые переведены на китайский язык в начале XX века.

Так, китайские исследователи творчества Антона Павловича Чехова имеют собственное видение относительно его художественных произведений. Так, одни ученые полагают, что его взгляд на реальность весьма пессимистичен и уныл, другие же рассматривают его творчество как жизнеутверждающее и глубоко прогрессивное. В то же время некоторые ученые как на Западе, так и в Китае считают, что А.П. Чехов не представил в своих произведениях четкого мировоззрения, а только детально описал поведение своих героев в повседневной жизни.

Авторские языковые средства, используемые в «художественном общении», осуществляемом между странами, определяют функциональный стиль в художественной коммуникации. Так, естественно, что основной целью художественного стиля является передача информации по вопросам культурного общения между народами, что при-

водит к очевидному обогащению культурных национальных фондов.

Несмотря на появление и активное развитие искусственного интеллекта, а также на наличие цифровых ресурсов по обеспечению лингвистической и переводческой деятельности, роль переводчика по сей день остается определяющей в вопросах адекватности и эквивалентности перевода в языковой паре «русский / китайский». Инструменты искусственного интеллекта пока не способны обеспечить высокопрофессиональный перевод художественных произведений в полной мере, сохранив авторский уникальный стиль и добавив уникальный стиль самого переводчика [10].

Кроме того, не остаются незамеченными в текстах русского художественного дискурса некоторые философско-культурные размышления А.П. Чехова, так или иначе представленные в его произведениях на русском языке, а также отраженные в переводах на китайский, что позволяет сопоставить особенности менталитета двух народов.

Материалы и методы исследований

Материал исследования представлен некоторыми отрывками из рассказов А.П. Чехова и их адаптивных переводов, выполненных Шэнь Няньцзюем [15].

В то время как *методологическая база* включает труды лингвистов в области теории и практики адаптивного перевода: Горелов В.И. [1]; Епифанцева Н.Г. [2, с. 116-118]; Жирова И.Г. [3, с. 139-151; 4, с. 2450-2455; 5. с. 6-46]; Комиссаров В.Н. [6]; Попов О.П. [7]; Шичко В.Ф. [8]; Zhu Yunxia [9]; и др.

Решение поставленных в статье задач осуществляется с помощью комплекса методов и методик научного исследования: а) описательно-аналитический для представления и анализа теоретического и практического материала; б) сопоставительный, позволяющий выявить и изучить лексико-семантические расхождения между русским и китайским языком на материале коротких рассказов А.П. Чехова; в) интерпретативный метод, необходимый для представления нашего индивидуально-личностного подхода к анализу практического материала.

Результаты и обсуждения

Современный китайский относится к изолирующему по типу языку и его лексическая, морфологическая, а также грамматическая и синтаксическая семантика не позволяет рассматривать его с точки зрения исключительно европейских языковедческих традиций и научных теорий. Так, например, существование различных теорий в китайском языкознании относительно служебных слов и частиц подтверждает вышесказанное утверждение и свидетельствует о сложности лексико-семантической системы китайского языка в целом и проблеме разграничения классов в китайском языкознании в силу морфемоцентричности этого языка.

Язык художественного дискурса коротких рассказов А.П. Чехова характеризуется разнообразием в подборе языковых средств, грамматических форм, а также в использовании лексики. Это обусловлено необходимостью воссоздать дух исторической эпохи, создать литературные образы и наделить их соответствующим лексиконом.

Помимо этого, адаптивный перевод художественных произведений А.П. Чехова, в частности его коротких рассказов, на китайский язык призван вызвать необходимый эмоциональный отклик у китайского читателя. При этом тексты художественного дискурса А.П. Чехова отличает особая драматургия и очевидный русский национальный колорит. Особого внимания заслуживает лексико-семантическое, лексико-синтаксическое и лексико-стилистическое построение рассказов А.П. Чехова. По-видимому, диапазон языковых средств художественного дискурса А.П. Чехова является достаточно разнообразным и широким.

Так, относительно основных языковых характеристик художественных текстов рассказов А.П. Чехова, то здесь необходимо указать на тот факт, что при переводе на китайский язык редко используется сниженная лексика и вульгаризмы и т.д. Перевод коротких рассказов А.П. Чехова в языковой паре «русский / китайский» осложнен фактором разно-структурности типологически далеких языков, значимым отличием их грамматических систем. Например, в китайском языке используются в основном двухсоставные глаголы; немногочисленны безличные предложения и отглагольные существительные. Структура китайского предложения при переводе совершенно может не соответствовать структуре предложения на русском языке, а также его объему.

В связи с этим, большое количество вопросов художественного адаптивного перевода до сих пор остаются открытыми. Так, рассказы А.П. Чехова как результат переводческого труда достаточно привлекательный предмет исследования для многих китайских ученых. Очевидно, что при переводе его произведений на китайский язык достаточно проблематично воссоздать национальное культурно-историческое своеобразие России на китайском языке. И тем не менее китайские переводчики стремятся передать колорит, присущий чеховской драматургии в полной мере, что позволяет китайским читателям «прочувствовать» Россию. При этом переводчики делают все возможное,

чтобы представить должным образом речевые портреты главных героев, а также передать нюансы их речевого поведения. Применяемые переводческие трансформации приводят к некоторым потерям смыслов, затрагивающие национально-культурную специфику русского общества описываемой эпохи, языкового колорита рассказа и чеховской драматургии в целом. Практически невероятно сложно передать идиостиль автора в переводе на китайский язык. Во многих переводах произведений А.П. Чехова наблюдается частичная либо полная утрата русского национально-исторического колорита Рассмотрим примеры.

Таблица 1
Table 1

№	Тексты на русском языке	Тексты на китайском языке
1.	*«часы в чехле из серой замши»* [14, Т. 9, с. 222].	«怀表装在灰色的鹿皮套子里» [15, с. 25].
2.	«Ежели каждая свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить» [12, Т. 2, с. 61].	«**可要是每个猪猡都拿烟卷戳到它的鼻子上去，那用不了多久它就完蛋了**» [15, с. 41].
3.	«Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский?» [11, Т. 1, с. 92].	«**好歹能**维持生活。你知道，原来我在一个厅里做科员，现在把我调到这里任科长，还是原来那个部门……**往后我就在**这里工作了。**噢，你怎么**样？**恐怕已**经做到**五品文官了吧**?» [15, с. 13].
4.	«Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговки своего мундира» [11, Т. 1, с. 93].	«纳法奈尔垂手直立，扣上了大衣上所有的纽扣» [15, с. 13].
5.	«Подите прочь, болван!» [13, Т. 8, с. 404].	“滚开，蠢货” [15, с. 97].

Так, например, в первом примере переводчик осуществил компенсационный прием культурного адаптивного перевода, представив «часы в чехле из серой замши» как «карманные часы из оленьей шкуры серого цвета», поскольку в китайском языке нет лексемы соответствующей русской лексеме «замша».

Во втором примере при переводе на китайский язык наблюдается частичная утрата русского национального колорита, связанного с представленной в этом примере стилистически сниженной лексики.

В третьем примере при переводе архаической лексемы «столоначальник» китайским словом «科长» имеет место потеря историко-культурной составляющей, указывающей на определенную эпоху в истории России, поскольку китайская лексема соответствует более современным «начальник отделения», «начальник отдела» (*напр. в департаменте*).

В четвертом примере при переводе русского высказывания наблюдается полная утрата его историко-культурной специфики. Так, словосочетание «вытянуться во фрунт» представлено в китайском как «вытянуться в струнку», что свидетельствует о применении переводчиком приема направленной эквивалентности. В то время как лексема «мундир» передана на китайский язык как «пальто» / «верхняя одежда».

В в пятом же примере при переводе предложения с русского языка на китайский переводчик сумел сохранить разговорный (уничижительный) стиль.

Таким образом, при анализе русско-китайских переводческих адаптивных соответствий можно констатировать, что, во-первых, предсказуемые, во многом константные соответствия в сопоставляемых текстах в рамках языковой пары «русский / китайский» лишь конкретизируются определенным образом; во-вторых, контекстуальные соответствия представляют собой определенным образом творчески переработанный переводчиком рече-языковой материал оригинального текста. При этом понятийное содержание выбранного им соответствия может не соотноситься либо соотноситься частично с авторской лексико-семантической и лексико-грамматической единицей донорского текста.

Выводы

Одной из проблем перевода художественных текстов А.П. Чехова с русского языка на китайский является утрата некоторого лексического и лексико-стилистического своеобразия русского языка. Перевод текстов произведений А. П. Чехо-

ва осложнен фактором разно-структурности типологически далеких языков (русского и китайского), различием их грамматических систем. Если в китайском языке используются в основном двухсоставные глаголы; немногочисленны безличные предложения и отглагольные существительные, то для русского языка эти характеристики не актуальны. Разноструктурный характер двух языков предопределяет особенности перевода художественного дискурса рассказов А.П. Чехова с русского языка на китайский язык.

Список источников

1. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
2. Епифанцева Н.Г. Особенности перевода художественной литературы с элементами отраслевой лексики // Актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в теории и практики перевода: материалы Всероссийской конференции. М.: МГОУ, 2019. С. 116 – 118.
3. Жирова И.Г. Дескриптивное переводоведение: нормы, универсалии, закономерности // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 2 (49). С. 139 – 151.
4. Жирова И.Г. Прескриптивный и дескриптивный перевод идиоматических выражений с русского языка на английский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2023. Т. 16. Вып. 8. С. 2450 – 2455.
5. Жирова И.Г., Филиппова И.Н., Епифанцева Н.Г., Улиткин И.А., Дмитриева О.П., Лиходкина И.А. Современные теории перевода в условиях неопределенности: Коллективная монография «Теория перевода в диахронии и современной научной парадигме». М.: Изд-во ГУП, 2023. 192 с.
6. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: URSS, 2023. 176 с.
7. Попов О.П. Частная теория и практика перевода. Китайский и русский языки. М.: URSS, 2022. 352 с.
8. Щичко В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М.: Издательство ВКН, 2017. 224 с.
9. Zhu Yunxia. Written Communication Across Cultures: A Socio-cognitive Perspective on Business Genres. Philadelphia: John Benjamins, 2005. 215 c.
10. Инструмент машинного (цифрового) перевода DeepL [Электронный ресурс]. URL: https://www.deepl.com/zh/translator (дата обращения: 28.01.2023).
11. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Изд-во «Правда». 1985. Т. 1. 351 с.
12. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Изд-во «Правда». 1985. Т. 2. 384 с.
13. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Изд-во «Правда». 1985. Т. 8. 430 с.
14. Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Изд-во «Правда». 1985. Т. 9. 447 с.
15. Шэнь Няньцзюй. Сборник повестей и рассказов А.П. Чехова / 契科夫中短篇小说选/沈念驹.—中国宇航出版社 Шэньян: Изд-во «Космос», 2015. 300 с.

References

1. Gorelov V.I. Lexicology of the Chinese language. M.: Education, 1984. 216 p.
2. Epifantseva N.G. Features of the translation of fiction with elements of industry vocabulary. Current problems of linguoculturology and intercultural communication in the theory and practice of translation: materials of the All-Russian Conference. M.: MGOU, 2019. P. 116 – 118.
3. Zhirova I.G. Descriptive translation studies: norms, universals, patterns. Theory of language and intercultural communication. 2023. No. 2 (49). P. 139 – 151.
4. Zhirova I.G. Prescriptive and descriptive translation of idiomatic expressions from Russian into English. Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Publishing house "Gramota", 2023. T. 16. Issue. 8. P. 2450 – 2455.
5. Zhirova I.G., Filippova I.N., Epifantseva N.G., Ulitkin I.A., Dmitrieva O.P., Likhodkina I.A. Modern theories of translation in conditions of uncertainty: Collective monograph “Theory of translation in diachrony and modern scientific paradigm.” M.: Publishing house GUP, 2023. 192 p.
6. Komissarov V.N. Linguistics of translation. M.: URSS, 2023. 176 p.
7. Popov O.P. Particular theory and practice of translation. Chinese and Russian languages. M.: URSS, 2022. 352 p.
8. Shchichko V.F. Chinese. Theory and practice of translation. M.: VKN Publishing House, 2017. 224 p.
9. Zhu Yunxia. Written Communication Across Cultures: A Socio-cognitive Perspective on Business Genres. Philadelphia: John Benjamins, 2005. 215 p.

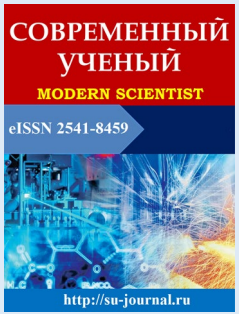
10. Machine (digital) translation tool DeepL [Electronic resource]. URL: https://www.deepl.com/zh/translator (access date: 01/28/2023).
11. Chekhov A.P. Collected works: in 12 volumes. M.: Pravda Publishing House. 1985. Vol. 1. 351 p.
12. Chekhov A.P. Collected works: in 12 volumes. M.: Pravda Publishing House. 1985. Vol. 2. 384 p.
13. Chekhov A.P. Collected works: in 12 volumes. M.: Pravda Publishing House. 1985. Vol. 8. 430 p.
14. Chekhov A.P. Collected works: in 12 volumes. M.: Pravda Publishing House. 1985. Vol. 9. 447 p.
15. Shen Nianju. Collection of stories and short stories by A.P. Chekhov. 契科夫中短篇小说选/沈念驹.—中国宇航出版社 Shenyang: Cosmos Publishing House, 2015. 300 p.

Информация об авторах

Жирова И.Г., доктор филологических наук, профессор Государственный университет просвещения, zhirova557@yandex.ru

Чжан Цзякан, аспирант, Государственный университет просвещения, zhangjiakang@yandex.com

© Жирова И.Г., Чжан Цзякан, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.411.21
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-74-87

Деривационные особенности терминов предметной области «здоровый образ жизни» (на примере арабского языка)

[1] Кодзова З.Н.

[1] Адыгейский государственный университет

Аннотация: статья посвящена проблеме изучения структуры арабоязычных терминов предметной области «Здоровый образ жизни». В работе выявляются наиболее продуктивные деривационные модели терминологической номинации в данной предметной области. Анализируются и описываются морфологические, морфолого-синтаксические и синтаксические модели арабских терминов сферы «Здоровый образ жизни». Основными методами исследования являются методы компонентного и дефиниционного анализа. Теоретическая значимость исследования заключается в изучении деривационной специфики формирования предметной области «Здоровый образ жизни» как одного из основных способов вербализации научной картины мира. Анализ словообразовательных и синтаксических особенностей образования терминов предметной области «Здоровый образ жизни» позволил определить закономерности возникновения и развития терминологии исследуемой области.
Ключевые слова: предметная область «Здоровый образ жизни», термин, терминология, терминоэлемент, деривация, деривационные модел

Для цитирования: Кодзова З.Н. Деривационные особенности терминов предметной области «здоровый образ жизни» (на примере арабского языка) // Современный ученый. 2024. № 5. С. 74 – 87. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-74-87

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The derivational features of terms in the subject area “healthy lifestyle” (based on the Arabic language)

[1] Kodzova Z.N.

[1] Adyghe State University

Abstract: the article is devoted to the problem of studying the structure of Arabic terms in the subject area “Healthy lifestyle”. The work identifies the most productive derivational models of terminological nomination in this subject area. Morphological, morphological-syntactic and syntactic models of Arabic terms in the field of “Healthy lifestyle” are analyzed and described. The main research methods are the methods of component and definitional analysis. The theoretical significance of the study lies in the study of the derivational specificity of the formation of the subject area “Healthy lifestyle” as one of the main ways of verbalizing the scientific picture of the world. Analysis of word-formation and syntactic features of the formation of terms in the subject area “Healthy lifestyle” made it possible to determine the patterns of emergence and development of terminology in the area under study.

Keywords: subject area “Healthy lifestyle”, term, terminology, term element, derivation, derivation models

For citation: Kodzova Z.N. The derivational features of terms in the subject area “healthy lifestyle” (based on the Arabic language). Modern Scientist. 2024. 5. P. 74 – 87. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-74-87

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В настоящее время лингвисты все чаще обращаются к изучению различных отраслей науки. Это обусловлено интенсивным развитием науки и техники, которое приводит к существенным изменениям терминологических систем отдельных отраслей науки и его активному обогащению. Актуальность данного исследования связана с недостаточной изученностью такого значимого для современного общества явления как здоровый образ жизни, постоянным усовершенствованием научных медицинских объектов и открытие новый явлений в этой области, требующих уточнения уже существующих и новых наименований и, как следствие, с необходимостью детерминации наиболее продуктивных способов терминообразования, что обусловливает теоретическое обоснование сущности терминодеривации.

Здоровый образ жизни занимает центральное место как в общественной жизни, так и в жизни отдельно взятого человека. Здоровый образ жизни связан, прежде всего, с рациональным сбалансированным питанием, правилами личной гигиены, соблюдением режима труда и отдыха, полноценным сном, укреплением иммунитета, эмоциональным равновесием, отсутствием вредных привычек, регулярной физической активностью, профилактикой заболеваний и т.д. Эти составляющие элементы здорового образа жизни претерпевали значительные изменения и расширялись в течение всей истории человечества в связи с усложнением общественной жизни, ростом физических и психоэмоциональных нагрузок на организм человека и увеличением рисков различного характера: возникновение и развитие болезней, мутация бактерий и вирусов, токсины, появление новых вирусов, вспышка эпидемий, проявление стихийных сил природы (землетрясения, наводнения, пожары и т.д.), увеличение экологических рисков, связанных с загрязнением окружающей среды. Всё это является триггером негативных трансформаций в состоянии здоровья. Хачмафова З.Р. и Е.А. Схаляхо отмечают, что именно «развитие научного знания, а также научно-технический прогресс способствует появлению новых терминов, вследствие чего лексикографическое описание данной области постепенно дополняется» [8, с. 20].

В современных условиях развития общества здоровый образ жизни охватывает бесконечное разнообразие тем, связанных с:

- отказом от вредных привычек (курение табака, кальяна, электронных сигарет, вейпов, употребление алкоголь, зависимость от наркотиков), соблюдением принципов правильного питания (избегание переедания и недоедания, необходимое потребление жиров, беков, углеводов, минералов и витаминов, ограничение потребления соли и сахара, оптимальное потребление воды, отказ от «вредной пищи», содержащей ГМО, синтетические усилители вкуса, красители, консерванты;
- повышением физической активности в современных условиях труда, где доминирует сидячий образ жизни, замена ходьбы поездкой на транспорте, хождение по лестнице ездой на лифте, что приводит к важнейшей проблеме современности – гиподинамии;
- акселерацией психоэмоциональных факторов (переутомление, стресс, депрессия, панические атаки, тревога, неблагоприятная атмосфера в семье, школе, на работе и т.д.);
- появлением множества современных оздоровительных мероприятий на основе системного подхода (холизм): фасилитация физического и духовного состояния человека, имплементация дыхательных техник и новые комплексы физических упражнений (ритмическая гимнастика, цигун, йога, аэробика, аквааэробика, бодифлекс, шейпинг, фитнес, занятия на тренажерах, кроссфит, скандинавская ходьба и т.д.);
- внедрение в практику различных диет: кетодиета, краш-диета, диета DASH, флекситарианская диета, палео диета (палеолитическая диета/неандертальская диета/ «диета каменного века»/ «диета древних людей»/ диета охотников-собирателей), волюметрикс или объемная диета, диета TLC, диета Орниша, диета Притикин, зональная диета, нутритарианская диета, соковая диета, диета Аткинса (или Голливудская диета), диета Дюкана, сыроедение и т.д.

Все вышеупомянутые явления сопровождаются постепенной аккумуляцией лексем, номинирующих эти новые понятия, объекты и явления, наделяющей предметную область «Здоровый образ жизни» признаками самостоятельно существую-

щего систематизированного и четко организованного комплекса знаний, в которой органично инкорпорируются два уровня: научный и терминологический. Изучение структурно-семантических особенностей терминологии предметной области «Здоровый образ жизни» носит комплексный характер и направлено на анализ лексических единиц данной сферы, которые были отобраны методом сплошной выборки из статей арабоязычных СМИ, специализированных справочников и словарей, содержащих информацию, релевантную профессиональной деятельности в сфере здорового образа жизни. Как отмечает Б.Н. Головин, «термин – это слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [2, 5].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили арабские термины предметной области «Здоровый образ жизни», отобранные методом сплошной выборки из различных терминологических словарей, а также из арабских статей, посвященных вопросам здорового образа жизни, размещенных на арабских сайтах.

Результаты и обсуждения

В предметной области «Здоровый образ жизни» отображены термины разного рода, представляющие собой как одно слово, так и словосочетание. Семантика терминов и логико-понятийные поля находятся в синергийной связи и коррелируются с терминологическими моделями, оформленные в виде структурно-семантических конструкций. Как отмечает В.А. Татаринов, «в результате все термины по структуре могут быть разделены на: а) имеющие общеязыковую структуру и б) имеющие терминологическую структуру, т.е. содержащие типичные для данной терминосистемы терминоэлементы и терминомодели, выражающие специфические терминологические значения и содержания» [6, с. 205].

Деривация является важной предпосылкой расширения лексической базы предметной области «Здоровый образ жизни», на наш взгляд, и представляет собой сложное лингвистическое явление, включающее образование и моделирование коллатеральных лексических единиц, созданных на основе компиляции аффиксов в уже существующих в языке лексических единицах. По мнению С.Р. Тлехатук, «понятие деривации к XXI веку значительно расширило границы семантико-терминологического интерпретирования, что следует учитывать при рассмотрении данной предметной области в качестве системообразующего фрагмента терминологической картины мира и социокоммуникативного феномена» [7, с. 128].

Необходимо отметить, что при словообразовании в арабском языке корень слова играет доминирующую роль при детерминации типа и способа словообразования в данном языке. Преобладающее большинство арабских производных слов, имеющих традиционный трехбуквенный корень, имеют экстенсивную (способную к расширению) основу, а четырёхбуквенный – простую. Основа представляет собой стабильная часть слова, к которой примыкают изменяемые элементы – аффиксы (флексии и формообразующие префиксы и суффиксы). В.М. Белкин в лексикологии арабского языка выделяет «термин «словообразование», которому соответствует арабский термин "اشتقاق", рассматриваемый в двух разных значения. В первом значении определить корневую основу слова, чтобы истолковать его значение, определить его этимологию, установить его генетические связи с гнездом слов, объединённых единым корнем. Другое же, более позднее применение этого термина прямо связано с образованием новых слов с новыми лексическими значениями» [1, с. 58].

Арабскому литературному языку имманентна сложная система словообразования, характеризуемая активным использованием аффиксов и изменением огласовок или харакатов (специальных подстрочных и надстрочных диакритических знаков, используемые в арабском языке для обозначения кратких гласных звуков). Традиционно среди служебных морфем в арабском языке выделяют префиксы (морфемы, предшествующие корню), суффиксы (морфемы, следующие за корнем), инфиксы (морфемы, инкорпорируемые внутри корня) и диффиксы или трансфиксы (гласные, разрывающие корень).

Терминосистема предметной области «Здоровый образ жизни» имеет широко разветвленную систему лексических единиц, репрезентирующих общенаучные терминологические единицы, межотраслевые терминологические единицы и узкоспециальные терминологические единицы. Данная область характеризуется наличием как однокомпонентных терминов, так и многокомпонентных терминов, имеющие в своем составе различное количество элементов. Как показал анализ выборки, доминируют многокомпонентные термины, состоящие преимущественно из двух, трех, реже четырех и пяти компонентов.

Приведем основные структурные модели терминов, которые были выделены в ходе изучения терминологии предметной области «Здоровый образ жизни».

1) Однословные термины (термины-слова/однокомпонентные термины) чаще всего представлены в виде существительных, а также прилагательных и глаголов. Преимущественно, имена существительные имеют исконно арабское происхождение, но встречаются и заимствованные лексические единицы. Имена прилагательные и глаголы могут сопровождаться как предлогами и послелогами, так и без них.

Таблица 1
Table 1

существительные		прилагательные		глаголы	
питательные вещества	المغذيات	питательный	غذائي	сохранять	حافظ
углеводы	الكربوهيدرات	здоровый	صحي	контролировать	تحكم بـ
белки	البروتينات	вегетарианский	نباتي	балансировать	توازن
жиры	الدهون	физический, телесный	بدني	снижать	خفض
витамины	الفيتامينات	аппетитный	شهي	принимать (внутрь)	تناول
минералы	المعادن	натуральный, чистый	خالص	заменять	استبدل
холестерин	الكلسترول	насыщенный, богатый	غني بـ	следовать	اتبع
йога	اليوغا	устойчивый	مستدام	проявлять резистентность	قاوم
сахара	السكريات	повышенный	زائد	двигаться	تحرك
бобовые	البقوليات	раковый	سرطاني	уменьшать	قلل
кальян	الشيشة	высокий	عالي	воздерживаться	ابتعد عن
мюсли	غرانولا	вредный	ضار	удалять	أزال
бессонница	الأرق	не содержащий	الخالية من		
диагноз	تشخيص	достаточный	كافي		
инфекционное заболевание	عدوى	воспалительный	التهابي		
повышенная кислотность	الحموضة	регулярный	منتظم		
анальгетики	المسكنات	лимфатический	ليمفاوي		
медитация	التأمل	спортивный	رياضي		
голодание	الصيام	генетический	وراثي		
снижение	فقدان				
обезвоживание	الجفاف				
зависимость от	الإدمان على				
рак	سرطان				

Термины-слова можно классифицировать на производные и непроизводные термины.

- Непроизводные термины-слова представляют исходные (первообразные), связанные непосредственно с корнем. В исследуемой области данные термины составляют, в основном, заимствования, поскольку абсолютное большинство арабских слов имеют высокую деривационную способность:

Таблица 2
Table 2

кофеин	الكافيين
натрий	الصوديوم
коронавирус	كورونا
грипп	الإنفلونزا
глютен	الجلوتين
йога	اليوغا
сельдерей	كرفس
мышьяк	زرنيخ
кортикостероид	الكورتيكوستيويريد

- Производные термины-слова образуются за счет изменения морфологических признаков в глаголах или именах. В данной группе включены слова исконно арабского происхождения, известные своей способностью образовывать различные дериваты:

Таблица 3
Table 3

нарушения	اضطرابات
ожирение	البدانة
улучшение	تحسين
стречинг	الاستطالة
старение	شيخوخة
жир	دهن
инфекция	التهاب
лекарственные препараты	الأدوية
всасывание	امتصاص
удаление	إزالة
метеоризм	انتفاخ
сонливость	النعاس
зависимость	إدمان
аллергия	حساسية

Термины-словосочетания в исследуемой области составляют подавляющее большинство. Согласно В.М. Лейчику, «к неоднословным терминам отнесены словосочетания, включающие от двух до 14-15 слов и построенные, согласно подсчетам Р.Ю. Кобрина, по 12 продуктивным моделям…, к которым в соответствии с современными взглядами, могут быть добавлены термины, представленные глаголами, прилагательными, причастиями, наречиями и словосочетаниями, куда входят слова, относящиеся к этим частям речи» [4, с. 22].

Принимая во внимание имманентные свойства грамматического строя арабского языка, мы выявили наиболее продуктивные модели терминов-словосочетаний в предметной области «здоровый образ жизни», состав которых дифференцируются в зависимости от части речи структурных элементов.

1) **Двухкомпонентные термины (двусоставные/двухсловные), образованные по модели N+N (существительное + существительное):** структура, представляющая собой генитивную конструкцию (идафа/изафетное сочетание/идафное сочетание/несогласованное определение). В переводе с арабского языка слово «الإِضَافَةُ» означает «присоединение, добавление» (лат. Status constructus). Это одна из самых распространенных форм образования терминов-словосочетаний в арабском языке в исследуемой области, состоящая из двух существительных, где первое существительное находится в сопряженном состоянии (одновременное отсутствие традицинных в арабском языке танвинных окончаний и артикля) и является склоняемым, а второе существительное всегда находится в родительном падеже. Традиционно в литературном арабском языке выделяют 4 основных типа отношений в идафной конструкции:

- идафа принадлежности (الإضافة اللامية), при которой между сопряженными именами можно поставить предлог (для) ل

дыхательные упражнения	تمارين التنفس

- разъяснительная идафа (الإضافة البيانية), при которой между сопряженными именами можно поставить предлог (из) من

картофельные чипсы	رقائق البطاطا

- идафа обстоятельства места и времени (الإضافة الظرفية), при которой между сопряженными именами можно поставить предлог (в) في

потеря веса	فقدان الوزن

- уподобительная идафа (الإضافة التشبيهية), при которой между сопряженными именами можно поставить сравнительную частицу (как) ك в предметной области «Здоровый образ жизни» не была выявлена.

Еще больше примеров различных типов генитивной конструкции приведем ниже:

Таблица 4
Table 4

употребление глютена	تناول الجلوتين
диетические продукты	أطعمة الحمية
потеря веса	فقدان الوزن
снижение стресса	تقليل التوتر
дыхательные упражнения	تمارين التنفس
заменители сахара	بدائل السكر
корни имбиря	جذور الزنجبيل
картофельные чипсы	رقائق البطاطا
творог	جبن القريش
резистентность к инсулину	مقاومة الأنسولين
недоедание	سوء التغذية
недостаток сна	قلة النوم
метаболизм алкоголя	استقلاب الكحول
отсутствие двигательной активности	نقص الحركة
нарушение гигиены	سوء النظافة
жевательная резинка	علكة المضغ
спленомегалия	ضخامة الطحال

2) **Двухкомпонентные термины, образованные по модели N+Adj (существительное + прилагательное):** структура, представляющая собой атрибутивную конструкцию (согласованное определение). Это не менее распространенная форма образования терминов-словосочетаний в арабском языке в исследуемой области, чем генитивная конструкция. Она состоит из существительного и прилагательного, которые полностью согласуются друг с другом в роде, числе, падеже и состоянии, при этом в арабском языке определяемое (существительное) находится в препозиции определению (прилагательное).

Таблица 5
Table 5

правильное питание	التغذية السليمة
биологические часы	الساعات البيولوجية
канцероген	مادة مسرطنة
пищеварение	الجهاز الهضمي
обработанное мясо	اللحوم المصنعة
иммунное заболевание	مرض مناعي
инсульт	السكتة الدماغية
ожирение	السمنة المفرطة
голосовые связки	الأحبال الصوتية
почечная недостаточность	الفشل الكلوي
сердечные приступы	النوبات القلبية

Продолжение таблицы 5
Continuation of Table 5

пищевая аллергия	الحساسية الغذائية
пищевое отравление	التسمم الغذائي
сосудистая деменция	الخرف الوعائي
плохой холестерин	الكوليسترول السيء
острое сердечно-сосудистое заболевание	أزمة قلبية
окислительный стресс	الإجهاد التأكسدي
кишечные токсины	السموم المعوية
соматические симптомы	أعراض بدنية
когнитивные симптомы	أعراض معرفية
гормональные изменения	التغيرات الهرمونية
антибиотики	المضادات الحيوية
личная гигиена	النظافة الشخصية
загрязнители воздуха	الملوثات الهوائية
острое сердечно-сосудистое заболевание	أزمة قلبية

3) Многокомпонентные или полилексемные термины (термины, состоящие из трех и более слов) представлены в большей степени в исследуемой предметной области. Элементы данных терминов дифференцируются по частям речи. Приведем примеры наиболее распространенных сочетаний.

- Многокомпонентные термины, образованные по модели N+N+N (существительное + существительное + существительное) представляют собой двойную генитивную конструкцию, одним из элементом которых часто выступает масдар (в арабской грамматике: отглагольное существительное, называющее имя действия):

Таблица 6
Table 6

секреция желудочной кислоты	إفراز حمض المعدة
уровень секреции инсулина	مستوى إفراز الإنسولين
выработка тестостерона	إنتاج هرمون التستوستيرون
температура тела	درجة حرارة الجسم
бандажирование желудка	عملية ربط المعدة
инъекции для растворения жира (жиросжигающие уколы) = липолитики	ابر تذويب الدهون
чрезмерное потребление алкоголя	كثرة تناول الكحوليات
лечение растяжек кожи	علاج تمدد الجلد
диагностика плотности костей (денситометрия)	اختبار كثافة العظام
глюкозотолерантный тест	اختبار تحمل الجلوكوز
повышение уровня железа	ترفع مستويات الحديد
отказ от употребления сукралозы	وقف استهلاك السكرالوز
регулирование пищеварительной системы	تنظيم عملية الهضم
повышенное глазное давление	ارتفاع ضغط العين
контроль за массой тела	إدارة وزن الجسم
гиперактивность	اضطراب فرط الحركة

- Многокомпонентные термины, образованные по модели N+N+Adj (существительное + существительное + прилагательное) представляют собой двойную генитивную конструкцию с ядерным элементом, детерминирующим родовой признак понятия и атрибутивного элемента (определением, выраженным именем прилагательным), которое относится ко второму члену генитивной конструкции и передает отличительный видовой признак понятия:

Таблица 7
Table 7

подсчет калорий	حساب السعرات الحرارية
стенки бактериальных клеток	جدران الخلايا البكتيرية
лейкоциты	خلايا الدم البيضاء
соматотропин	هرمون النمو البشري
воспалительные иммунные клетки	الخلايا المناعية الالتهابية
метаболические процессы	عمليات التمثيل الغذائي
таблица пищевой ценности	بطاقة الحقائق الغذائية
оболочки кровеносных сосудов	بطانات الأوعية الدموية
систолическое (верхнее) артериальное давление	ضغط الدم الانقباضي (العلوي)
диастолическое (нижнее) артериальное давление	ضغط الدم الانبساطي (الأسفل)
эритроциты	كرات الدم الحمراء
электрокардиограмма (ЭКГ)	مخطط القلب الكهربائي (ECG)
отказ от сладких напитков	تجنب المشروبات السكرية
фитнес-программа	برنامج اللياقة البدنية
отказ от употребления жареной пищи	تجنب الأطعمة المقلية
ограничение соли	تقييد تناول الملح
блокировка синего света	حجب الضوء الأزرق
пробиотики	بكتيريا الأمعاء الجيدة
ускорение эпигенетического старения	تسريع العمر اللاجيني

- Многокомпонентные термины, образованные по модели N+Adj+Adj (существительное + прилагательное + прилагательное) представляют собой согласованное определение с двумя атрибутивными элементами (выраженными именами прилагательными), один из которых, как правило, либо описывает определяемое (выраженным именем существительным), либо характеризует его свойства, признаки или функции:

Таблица 8
Table 8

вредные для здоровья привычки	العادات الصحية الضارة
кетогенная диета (КД)	النظام الغذائي الكيتوني
вегетарианская диета	نظام غذائي نباتي
свежевыжатые натуральные соки	العصائر الطبيعية الطازجة
функциональная (интегративная) медицина	الطب الوظيفي التكاملي
суицидальные мысли	الأفكار الانتحارية المزمنة
Всемирная организация здравоохранения	المنظمة الصحة العالمية
фитохимические вещества (фитонутриенты)	المواد الكيميائية النباتية
фабричный белый хлеб	الخبز الأبيض المصنع

- Многокомпонентные термины, образованные по модели N+N+N+Adj (существительное + существительное + существительное + прилагательное) представляют собой двойную генитивную конструкцию с одним определением (выраженным именем прилагательным), которое относится к последнему (третьему) элементу этой конструкции и завершает это синтаксическое сочетание:

Таблица 9
Table 9

снижение показателя вредного холестерина	خفض معدل الكولسترول الضار
потребление достаточного количества воды и жидкости	شرب الماء والسوائل الكافية
избегание употребления лишнего сахара	تجنب تناول السكر الزائد
повреждение ДНК	إتلاف مادة الحمض النووي
сложность в выполнении арифметических действий	صعوبة إجراء العمليات الحسابية
перистальтика кишечника	تقلصات عضلات الأمعاء الملتوية
накопление токсичных амилоидных бляшек	تراكم بروتينات أميلويد السامة
желудочно-кишечные расстройства	اضطرابات عمل الجهاز الهضمي
соблюдение здорового образа жизни	اتباع نمط حياة صحي
исключение употребления сахара	تجنب تناول السكر الزائد
пероральный тест на толерантность к глюкозе	اختبار تحمل الجلوكوز الفموي

- Многокомпонентные термины, образованные по модели N+N+N+N (существительное + существительное + существительное + существительное) представляют собой тройную генитивную конструкцию:

Таблица 10
Table 10

гипертонический криз	أزمة ارتفاع ضغط الدم
аритмия	عدم انتظام ضربات القلب
изменение структуры мыслительного процесса	تغيير بنية عملية التفكير
избегание ускорения процесса окисления клеток	تجنب تسريع أكسدة الخلايا

- Многокомпонентные термины, содержащие глагол (при переводе часто используется форма причастия вместо глагола):

Таблица 11
Table 11

продукты, помогающие подавить аппетит	الأطعمة تساعد في كبح الشهية المتزايدة
соус, содержащий уксус	الصلصة التي تحتوي على الخل
продукты, способствующие правильному пищеварению	ميلسلا مضهلا زرعت قمعطألا
продукты, способствующие ощущению сытости	عبشلاب شعوراً مسجلا حنمت قمعطألا
дефицит фермента, расщепляющего гистамин в тонком кишечнике	نقص في إنزيم يكسر الهيستامين في الأمعاء الدقيقة
диеты, содержащие мясо	نظم غذائية تحتوي على اللحوم
употребление продуктов, повышающих уровень глюкозы в крови	تناول الأطعمة التي ترتفع فيها نسبة السكر في الدم

- Многокомпонентные термины, содержащие, помимо самостоятельных частей речи (преимущественно, существительных и прилагательных), служебные части речи (предлоги, союзы) представляют собой предложные словосочетания (при помощи предлогов في/ على/ من / بـ) и словосочетания при помощи сочинительного союза و:

Таблица 12
Table 12

язвенная болезнь желудка	قرحة **في** المعدة
дисбаланс мужского гормона (тестостерона)	حدوث خلل **في** هرمون الذكورة (تستوستيرون)
увеличение секреции щитовидной железы	زيادة **في** إفرازات الغدة الدرقية
кофеиновая зависимость	الاعتماد **على** الكافيين
постоянное чувство голода	استمرار الشعور **بالجوع**
медленная скорость обработки информации	البطء **في** معالجة المعلومات
чрезмерное воздействие солнечного света	التعرض المفرط لأشعه الشمس
соматические и когнитивные симптомы	أعراض بدنية **ومعرفية**
поддержание здорового веса	الحفاظ على وزن صحي
шунтирование желудка при ожирении	العملية الجراحية في المعدة لعلاج البدانة
дисбаланс уровня сахара в крови	اختلال توازن السكر **في** الدم
гепатоз (жировая дистрофия печени)	التنكس الدهني للكبد
детоксикация	التخلص من السموم
соевые напитки, обогащенные кальцием	مشروبات الصويا المدعمة بالكالسيوم
снижение аппетита	الحد **من** الشهية
потеря большого количества жидкости	فقدان الكثير من السوائل
продукты, богатые витамином С	الأطعمة الغنية بفيتامين (ج)
быстрое повышение уровня глюкозы и инсулина	ارتفاع سريع في مستويات الغلوكوز والأنسولين
опиоидные анальгетики	الأدوية المخدرة القائمة على الأفيون
дефицит калорий	عجز في السعرات الحرارية
разнообразие в пище	التنويع في الأطعمة

4) Двухкомпонентные и многокомпонентные термины, сопровождающиеся эквивалентами на английском языке, часто встречаются в дискурсе исследуемой предметной области. Это единственная группа, где могут быть представлены аббревиатуры как один из способов словообразования. Однако следует обратить внимание на тот факт, что они встречаются именно в термине на английском языке, поскольку арабскому языку не свойствен данный способ словообразования. Помимо аббревиатур, в этой группе так же выделены термины, содержащие эпонимы на английском и на арабском языках.

Таблица 13
Table 13

эндокардит	التهاب الشغاف (Endocarditis)
Хеликобактер пилори (H. pylori)	"هيليوباكتر بيلوري" (H. pylori)
Неалкогольная жировая болезнь печени (НАЖБП)	داء الكبد الدهنية اللاكحولي (NAFLD)
Синдром Мэллори-Вейса (Маллори-Вейсса)	متلازمة - مالوري فايس تير (Mallory - Weiss Tear)
индекс массы тела (ИМТ)	مؤشر كتلة الجسم (BMI)
варикозное расширение вен пищевода	دوالي المريء (Esophageal varice)
глаукома	الغلوكوما Glaucoma (الماء الأزرق)
хлеб на закваске	الخبز المصنوع من العجين المتخمر (Sourdough Bread)

Продолжение таблицы 13
Continuation of Table 13

слабоумие	خَرَف Dementia
энцефалит	التهاب الدماغ «encephalitis»
«Лонг-ковид» («длительный ковид»), «длительный коронавирус» или «хронический коронавирус»	كوفيد طويل الأمد «long COVID»
Синдром Фанкони	«متلازمة فانكوني» (Fanconi Syndrome)
нервная анорексия	فقدان الشهية العصبي (Anorexia nervosa)
синдром раздраженного кишечника	متلازمة القولون المتهيج (العصبى) (irritable bowel syndrome/IBS)
Тест Фагерстрема (Оценка степени никотиновой зависимости)	اعتماد على النيكوتين اختبار Fagerström
Синдром поликистозных яичников (СПЯ, СПКЯ) или синдром Штейна–Левенталя	متلازمة المبيض المتعدد الكيسات (PCOS)

5) многокомпонентные термины (термины, состоящие из пяти и более слов)

представляют сложные (распространенные) конструкции, состоящие из генитивной и атрибутивной конструкций.

Таблица 14
Table 14

употребление нежирного красного мяса	تناول اللحوم الحمراء الخالية من الدهون
продукты с низким содержанием насыщенных жиров	الأطعمة التي تحتوي على نسبة أقل من الدهون المشبعة
средиземноморская диета	نظام غذائي على طراز البحر الأبيض المتوسط
установление дневной нормы калорий	ضبط معدل السعرات الحرارية اليومي
снижение потребления переработанных, рафинированных и готовых продуктов	تقليل تناول الأطعمة المصنعة والمكررة والجاهزة
силовые и интенсивные упражнения	تمارين القوة والشدة
ЭКГ (электрокардиограмма)	جهاز رسم القلب لقياس النشاط الكهربائي
полный отказ углеводов	عدم استبعاد الكربوهيدرات من نظامك الغذائي تمامًا
легкие перекусы с высокой питательной ценностью	الوجبات الخفيفة عالية القيمة الغذائية
«эндокринные разрушители» (эндокринные деструкторы)	المواد المسببة لاضطرابات الغدد الصماء

В терминологии предметной области «Здоровый образ жизни» можно выделить следующие деривационные модели: морфологические, семантические и синтаксические.

Семантическая деривация терминов в исследуемой области преимущественно наблюдается при переносном значении слов или метафорическом переосмыслении слов, в основе которого лежит аналогия характерных признаков существующего предмета или явления с теми, на которые переносится наименование. В качестве наиболее распространенных характеристик могут выступать форма, функция, цвет и т.д.

Например, слово "خلايا النحل" «крапивница» (дословно переводится как «улей пчел») получило такое наименование от латинского слова «urticaria», которое переводится как «пчелиные улья» (англ. «hives»), и описывает кожное заболевание, сопровождающееся появлением плоско приподнятых бледно-розовых волдырей (от лат. «urtica»).

يؤدى تناول بعض الأطعمة أو ارتفاع الحرارة أو الأدوية لظهور أعراض تحسسيه على الجلد من أبرزها بقع تشبه خلايا النحل (الشرى) تظهرعلى شكل ورم أحمر وحكة على الجلد قد تظهرعلى شكل بيضاوي صغيرأو بقع يبلغ قطرها عدة بوصات.	*Перевод:* Употребление определенных продуктов, высокая температура или лекарства приводят к появлению аллергических симптомов на коже, наиболее выраженными из которых являются крапивница, которая проявляется в виде красной, зудящей припухлости на коже, которая может появиться в виде небольших овальных пятен диаметром несколько дюймов.

Помимо общеупотребляемого слова «витамин D» "فيتامين (دي)", существует также его метафорический дублет «فيتامين أشعة الشمس», что предсказуемо переводится буквально как «витамин солнечных лучей».

فيتامين د أو كما يطلق عليه البعض "فيتامين الشمس" هو أحد الفيتامينات الضرورية لصحة العظام والأسنان حيث يساعد على إمتصاص كل من الكالسيوم و الفوسفور.	*Перевод:* Витамин D, или, как некоторые его называют, «солнечный витамин», является одним из витаминов, необходимых для здоровья костей и зубов, поскольку он помогает усваивать кальций и фосфор.

Термин «умственное помутнение» "الضباب العقلي" (с арабского языка буквально переводится как «умственный туман») содержит слово, описывающее природное явление, сопровождающееся значительным ухудшением видимости "الضباب" (туман) по аналогии с симптомом, проявляющимся при известном патологическом состоянии, характеризующимся глубокой дезориентировкой в окружающем пространстве.

التفكير الضبابي ليس عرضاً مستمراً بالضرورة، فقد يتذبذب من حيث المدة ومدى شدته، وقد يستمر لفترات زمنية طويلة أحياناً.	*Перевод:* Умственное помутнение не обязательно является постоянным симптомом, оно может меняться по продолжительности и тяжести, а иногда может продолжаться в течение длительного периода времени.

Морфологический способ терминодеривации подразделяется на суффиксацию, префиксацию и префиксально-суффиксальный способы. В исследуемой предметной области данный тип словообразования широко распространен, и наиболее продуктивным средством является суффиксация. Приведем примеры частотных словообразовательных суффиксов.

- Суффикс (يٌّ), используемый для образования относительных прилагательных:

Таблица 15
Table 15

питательный (от существительного «питание»)	غذائيٌّ (غذاء)
здоровый (от существительного «здоровье»)	صحّيٌّ (صحّة)
естественный (от существительного «природа»)	طبيعيٌّ (طبيعية)
спортивный (от существительного «спорт»)	رياضيّ (رياضة)
наследственный (от существительного «наследство»)	وراثيٌّ (وراثة)
калорийный (от существительного «калория»)	حراريٌّ (حرارية)
пищеварительный (от существительного «пищеварение»)	هضميٌّ (هضم)
умственный (от существительного «ум»)	عقليٌّ (عقل)

- В современном арабском языке суффикс (ة/ـة) может использоваться для обозначения существительных, обозначающих конкретные предметы:

Таблица 16
Table 16

диета	حمية
аллергия	حساسية
питание	تغذية
вскармливание	رضاعة
операция	عملية
желудок	معدة
фитнес	لياقة

- Роль словообразовательных морфем может также выполнять суффикс (اتٌ):

Таблица 17
Table 17

сахара	السكريات
подсластители	مُحليات
орехи	مكسرات
соленья	مخللات
нарушения/расстройства	اضطرابات
добавки	مكملات

Для современного арабского языка синтаксическое словообразование не является частым явлением. Однако распространены в исследуемой сфере примеры словообразования путем сочетания знаменательных слов с отрицательными частицами или словами, служащими для образования слов со значением отсутствия чего-либо (لا) «нет», (مضاد) «противо-», (غير) «не», (بدون) «без», (خالٍ من) «не содержащий», которые выполняют функцию приставки без- (бес-), не- или основы противо-:

Таблица 18
Table 18

бессознательное хождение ночью	السيـر اللاواعي فـي الليل
ускорение эпигенетического старения	تسريع العمر اللاجيني
непроизвольный скрежет зубами	صرير الأسنان اللاإرادي
противовоспалительное средство	مضاد للالتهابات
нежирное мясо	اللحوم بدون دهن
здоровое питание без глютена	الغذاء الصحي الخالي من الجلوتين
антивозрастная медицина	الطب المضاد للشيخوخة
продукты, замедляющие старение	الأطعمة المضادة للشيخوخة
обезжиренные и нежирные молочные продукты	منتجات الألبان الخالية من الدهون وقليلة الدسم
нерастворимая клетчатка	الألياف غير القابلة للذوبان
бескалорийный напиток	مشروب خال من السعرات الحرارية
малоподвижный образ жизни	نمط الحياة غير النشط

Довольно часто наблюдается явление субстантивации масдаров (отглагольных существительных):

Таблица 19
Table 19

превышение/злоупотребление, чрезмерность	إفراط
следование/соблюдение	اتباع
уменьшение/недостаток	نقص
голодание/пост	صيام
производство/выработка	إنتاج
предотвращение/запрет	منع
бросание/отказ	إقلاع

Выводы

В результате проведенного структурного анализа предметной области «Здоровый образ жизни» можно прийти к следующим выводам: были выделены непроизводные и производные термины-слова и термины-словосочетания. Как показал анализ, в исследуемой предметной области наряду с однокомпонентными терминами, широко представлены двухкомпонентные и многокомпонентные термины с разным количеством конституентов, которые образованы по модели атрибутивной и генитивной конструкций и являются важнейшими элементами этой области. Это доминирование обусловлено тем фактом, что однословные и двухкомпонентные термины-словосочетания недостаточно в полной мере способны описать все основные и дифференцируемые признаки номинируемого явления или объекта. В исследуемой предметной области преобладают многокомпонентные термины, которые образованы по моделям N+N+N

(существительное + существительное + существительное), N+N+Adj (существительное + существительное + прилагательное), N+Adj+Adj (существительное + прилагательное + прилагательное), N+N+N+Adj (существительное + существительное + существительное + прилагательное), а также термины, содержащие такие служебные части речи, как предлоги и союзы. Установлено, что в сложных терминах-словосочетаниях с участием трех и более единиц терминообразующим потенциалом обладают имена существительные и имена прилагательные, которые подчеркивают субстантивные модели образования терминов предметной области «Здоровый образ жизни». Таким образом, в план содержания многокомпонентных терминов-словосочетаний входит несколько понятий, раскрывающих и уточняющих все признаки описываемого явления. Стоит отметить, что в исследуемой области не обнаружены такие распространенные во многих языках способы словообразования, как словосложение и аббревиатуры, поскольку эти методы не являются характерными для арабского языка в целом. Однако было выявлено, что вместе с арабским термином широко используются аббревиатуры с сохранением английского написания, что обусловлено узнаваемостью этих широко используемых терминов-аббревиатур.

Список источников

1. Белкин В.М. Арабская лексикология. Издательство Московского университета, 1975.
2. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 105 с.
3. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. Москва, 2001.
4. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце 20 века // Вопросы филологии 2000. № 2 (5). С. 20 – 29
5. Магомедов М.А., Курбанова В.А. Способы словообразования в арабском и аварском языках // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4. С. 361 – 363.
6. Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3-х т. Москва: Моск. лицей, 1996. Т. 1: Теория термина: история и современное состояние. 311 с.
7. Тлехатук С.Р. Предметная область «экономика»: когнитивно-семантический аспект: дис. д-ра филол. наук. Майкоп, 2018. 386 с.
8. Хачмафова З.Р., Схаляхо Е.Н. Структурные особенности терминов сферы «Дизайн интерьера» (на материале английского языка) // Современный ученый. 2021. № 6. С. 20 – 23.

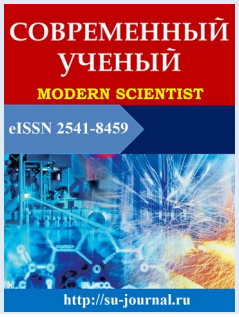
References

1. Belkin V.M. Arabic lexicology. Moscow University Publishing House, 1975.
2. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. Linguistic foundations of the doctrine of terms. M.: Higher. school, 1987. 105 p.
3. Grande B.M. Course of Arabic grammar in comparative historical light. Moscow, 2001.
4. Leichik V.M. Problems of domestic terminology at the end of the 20th century. Questions of Philology 2000. No. 2 (5). P. 20 – 29
5. Magomedov M.A., Kurbanova V.A. Ways of word formation in Arabic and Avar languages. World of science, culture, education. 2021. No. 4. P. 361 – 363.
6. Tatarinov V.A. Theory of terminology: in 3 volumes. Moscow: Mosk. Lyceum, 1996. Vol. 1: Theory of the term: history and current state. 311 p.
7. Tlekhatuk S.R. Subject area "economics": cognitive-semantic aspect: dis. Dr. Philol. Sci. Maykop, 2018. 386 p.
8. Khachmafova Z.R., Shalyakho E.N. Structural features of terms in the sphere of “Interior Design” (based on the English language). Modern scientist. 2021. No. 6. P. 20 – 23.

Информация об авторе

Кодзова З.Н., старший преподаватель, Адыгейский государственный университет, zuriet_kodzova@mail.ru

© Кодзова З.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`23
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-88-92

Стратегии перевода образности в устном переводе: экспериментальный метод исследования

[1] Кузнецова В.Ю., [1] Романова В.В.

[1] Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные аспекты передачи образности в устном последовательном переводе Авторами проведен эксперимент, направленный на выявление стратегии перевода образных компонентов языка в выступлениях политических деятелей России. Делается вывод, что для повышения качества перевода необходимо регулярно актуализировать фоновые, экстралингвистические, специальные знания, а также расширять их в сфере образности как иностранного, так и родного языка. Кроме того, в работе рассматриваются факторы, способные вызвать дополнительные трудности у переводчика, такие как: тема выступления, темп, особенности произношения спикера, а также их влияние на полноту передачи образа.
Представленные наблюдения будут полезны начинающим переводчикам и преподавателя практического курса перевода.
Ключевые слова: устный перевод, метафора, образность, экспериментальный метод исследования, лингвокультура

Для цитирования: Кузнецова В.Ю., Романова В.В. Стратегии перевода образности в устном переводе: экспериментальный метод исследования // Современный ученый. 2024. № 5. С. 88 – 92. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-88-92

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Strategies for translating imagery in oral translation: experimental research method

[1] Kuznetsova V.Yu., [1] Romanova V.V.,

[1] Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: the article examines the problematic aspects of conveying imagery in oral consecutive translation. The authors conducted an experiment aimed at identifying a strategy for translating figurative components of language in the speeches of Russian political figures. It is concluded that in order to improve the quality of translation, it is necessary to regularly update background, extralinguistic, special knowledge, as well as expand knowledge in the field of imagery of both a foreign and native language (through the development of fiction); In addition, the work examines factors that can cause additional difficulties for the translator, such as: the topic of the speech, tempo, features of the speaker's pronunciation, as well as their impact on the completeness of the image.
The observations presented will be useful to novice translators and teachers of practical translation courses.
Keywords: oral translation, metaphor, imagery, experimental research method, linguistic culture

For citation: Kuznetsova V.Yu., Romanova V.V. Strategies for translating imagery in oral translation: experimental research method. Modern Scientist. 2024. 5. P. 88 – 92. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-88-92

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Не секрет, что передача образности является сложной задачей в устном последовательном переводе и требует отдельного рассмотрения. Особенно это становится актуально сегодня, когда неточный перевод речи официальных лиц может в значительной степени повлиять на исход переговоров. К сожалению, в учебном процессе не всегда в должной мере уделяют внимание вопросу передачи образных элементов языка в устном переводе, что впоследствии приводит к тому, что начинающие переводчики допускают ошибки, которые в значительной мере влияют на смысл исходного сообщения. Полагаем, что подобный вопрос требует пристального изучения и комментирования.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что на современном этапе не так много научных работ, посвященных изучению данной проблемы при устном переводе. Тем не менее, образность речи может вызывать трудности не только у тех, кто начинает осваивать профессию устного переводчика, но и у высококвалифицированных специалистов с богатым опытом устного перевода.

Научная новизна представленного исследования обусловлена тем, что исчерпывающие исследования, посвященные влиянию экспрессивных и образных речей на качество устного последовательного перевода и выбор переводческих стратегий и решений, до настоящего времени не проводились.

В работе применяются следующие **методы** исследования:

1. сравнительный анализ: составление таблиц с исходным текстом и текстом перевода для сравнения способов выражения образности и установления степени ее сохранения;
2. описательный метод: составление характеристики исходного текста с учетом темпа речи и произношения оратора, описание способов передачи образности в выбранных отрывках выступлений;
3. экспериментальный метод: осуществление устного последовательного перевода (с английского языка на русский и с русского языка на английский) фрагментов выступлений политических деятелей, содержащих образные компоненты, для выявления приемов их перевода.

Теоретическая значимость проводимого исследования состоит в том, что его результаты могут внести вклад в частную теорию перевода и послужить материалом для дальнейших исследований способов передачи образности, которые не столь подробно описаны в существующих работах по данной теме.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что анализируемые примеры могут быть использованы в образовательных целях при обучении последовательному переводу и разборе возможных трудностей. Представленный материал может также пригодиться действующим переводчикам для улучшения профессиональных компетенций, так как в открытом доступе нет большого количества источников, в которых приведены таблицы со сравнением текста произнесенных речей и текста их устного перевода.

Материалы и методы исследований

Как отмечалось выше, переводчик является важным звеном, осуществлявшим языковое посредничество между представителями разных лингвокультур. Его основная задача – «передать средствами переводящего языка точное содержание текста оригинала, сохранив единство формы и содержания» [8, с. 78]. Тем не менее, в процессе перевода неизменно происходят преобразования, которые связаны с особенностями конкретного языка и культуры. Поэтому при описании одинаковой ситуации носители русской и английской языковой культуры зачастую выберут совершенно разные языковые средства. Кроме того, если речь идет о переводе образных средств, то необходимо учитывать не только культурное своеобразие подобных единиц, но и расхождения в их образной перспективе и оттенках, которые переводчику необходимо уловить для адекватной передачи на другой язык. Таким образом, переводчик должен решить достаточно сложную задачу. Осложняется она еще больше, если это ситуация устного последовательного перевода. Полагаем, что переводчики должны стараться максимально сохранить образность в переводе, т.к. употребление подобных элементов в речи спикера не является случайным и призвано выполнять ряд функций. В целях подтверждения данного тезиса нами был проведен лингвистический эксперимент, который был проведен на базе Военного университета. Данный эксперимент не требовал специального оборудования.

Цель эксперимента состояла в том, чтобы выявить стратегии перевода образных компонентов речи в выступлениях политических деятелей России.

Задачи эксперимента состояла в том, чтобы, во-первых, изучить качество перевода выбранных фрагментов, а, во-вторых, определить переводческие приемы, примененные в ходе перевода.

Для исследования способов передачи образности при устном переводе политического дискурса были отобраны речи Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова.

Перевод осуществлялся курсантом 5 курса переводческого факультета Военного университета.

Эксперимент не требовал от участника предварительной подготовительной работы. Темы выступлений и спикеры были сообщены участнику непосредственно до начала осуществления устного последовательного перевода. Участнику эксперимента включали видеофрагменты выступлений политических деятелей и записывали его переводы.

Рассмотрим некоторые из этих переводов и дадим комментарий.

***Спикер**: С.В. Лаврова*
Язык выступления: русский.
Темп речи оратора: средний
Особенности произношения: нет.

Пример 1

Оригинал	Перевод
Мы не ищем ссоры с этой страной, мы были всегда дружественно настроены к американскому народу, открыты и сейчас для конструктивного взаимодействия. Но, как вы знаете, **для танго нужны двое**. Пока, по-моему, наши американские **партнеры исполняют раз за разом индивидуальный брейк-данс [9].**	We are not looking for a quarrel with this country, we have always been friendly to the American people, and we are still open. But, as you know, **it takes two to tango**. So far, in my opinion, our American **partners have been performing individual breakdancing over and over again**.

В первом примере особую сложность вызвала образная фраза «для танго нужны двое». Отметим, что это идиоматическое выражение достаточно распространенное и подразумевает, что для совершения какого-то действия и/ или приятия решения две стороны должны участвовать в данном процессе. Переводчику удалось передать данный образ. Интересно, что данный образ получает развитие в следующем предложении – «партнеры исполняют раз за разом индивидуальный брейк-данс». Полагаем, что переводчику удалось передать содержание оригинала, сохранив при этом образность. В данном случае была применена стратегия знакового дословного перевода.

Пример 2

Оригинал	Перевод
Я не думаю, что это достойно какого-то конкретного шага с нашей стороны. **Чем бы дитя ни тешилось [9].**	I don't think this is worthy of any specific step on our part.

В данном примере у переводчика возникла трудность при переводе образной фразы **«чем бы дитя ни тешилось»**. Министр иностранных дел РФ использует данную фразу, чтобы показать, что Россия относятся с большим снисхождением к действиям западных стран. В этом выражении также присутствует ирония, так как оно часто используется для описания ситуации, когда взрослые люди занимаются чем-то, что другим может показаться несерьезным или незначительным. Контекст помогает уловить иронические нотки в речи спикера, указывая на несоответствие между важностью занятия и восприятием его окружающими. К сожалению, переводчик не смог передать данный образ. Он просто опустил эту фразу. Полагаем, что самым оптимальным вариантом перевода был бы – “All right. Anything for a quiet life”.

Пример 3

Оригинал	Перевод
Дипакадемия, наряду с другим подведомственным учебным заведением – МГИМО, остается «**кузницей кадров**» для Смоленской площади. Высоко оцениваем уровень подготовки тех ее выпускников, которые органично, **без «раскачки»** вливаются в дружный мидовский коллектив **[9].**	The Diplomatic Academy, along with another subordinate educational institution, MGIMO, remains the **center of personnel preparation** for Smolenskaya Square. We highly appreciate the level of training of those graduates who organically join the friendly foreign office team.

В третьем примере особый интерес представляет метафора «**кузница кадров**». Данный образ относится к учебным или профессиональным организациям, где «ковка» относится к процессу обучения или профессиональной подготовки людей, формированию их навыков и квалификации. Также «кузница» в данном выражении носит символический характер, подразумевая место интенсивного и трудоемкого процесса, где из «сырья», т.е. студентов или стажеров – создаются «готовые изделия», то есть квалифицированные специалисты. К сожалению, переводчик не смог в полной мере передать идею оригинального текста. Полагаем, что самым близким вариантом был бы перевод «source of manpower».

Пример 4

Оригинал	Перевод
Никакого равноправия в экономических отношениях с Западом мы не почувствовали. Мы очень долго вступали во Всемирную торговую организацию. Евросоюз из нас **вытягивал все жилы**, выторговывал уступки…[9]	We did not feel any equality in economic relations with the West and we've been joining the World Trade Organization for a very long time. The European Union took **everything from us**, negotiating concessions.

В представленном фрагменте основная сложность возникла при переводе фразы «**вытягивал все жилы**». Переводчик не смог перевести данный образ и выбрал как вариант глагол take (брать). Полагаем, что подобный вариант не отражает смысл исходного текста – С. Лавров подчеркивает напряженность отношений с Западом, а не то, что Запад забрал все (смысловое искажение). Фраза также включает гиперболу, усиливая реальное действие до предельного уровня. «Вытягивать все жилы» предполагает использование абсолютно всех ресурсов тела или ума, что является преувеличением, призванным подчеркнуть экстремальность усилий.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ примеров позволил определить наиболее характерные причины ошибок, связанных с переводом образных элементов:

1. Нехватка фоновых (экстралингвистических) знаний;
2. слабое владение элементами образности иностранного языка;

Выводы

С учетом указанных ошибок можно дать следующие **рекомендации начинающим переводчикам**:

1. Регулярно актуализировать фоновые, экстралингвистические, специальные знания;
2. расширять знания в сфере образности как иностранного, так и родного языка (за счет освоения художественной литературы);
3. развивать языковую компетенцию в сфере специальной лексики;
4. совершенствовать навыки анализа текста (путем регулярной практики).

Список источников

1. Акимова Г.Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса // Вопр. языкознания. 1981. № 6. С. 109 – 121.
2. Бабенко Л.Г. Глаголы эмоциональной деятельности в однородном синтаксическом ряду // Номинативные единицы языка и их функционирование: Сб. науч. тр. Кемерово: Изд-во «Кемеровский государственный университет», 1987. С. 18 − 24.

3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во «Уральский университет», 1989. 184 с.

4. Бабенко Л.Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во «Уральский университет», 1988. С. 145 − 156.

5. Балаганов Д.В. Место синхронного перевода в системе видов перевода и его особенности. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 5. С. 192 – 197.

6. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения»,1975. 240 с.

7. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10 – 20.

8. Турчанинова К.А. Особенности перевода образного компонента значения лексических единиц // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). Москва: Буки-Веди, 2017. С. 76 – 79. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/235/12583/ (дата обращения: 05.05.2024)

9. https://www.youtube.com/@midrftube (дата обращения: 05.02.2024)

References

1. Akimova G.N. Development of expressive syntax constructions. Issues. linguistics. 1981. No. 6. P. 109 – 121.

2. Babenko L.G. Verbs of emotional activity in a homogeneous syntactic series. Nominative units of language and their functioning: Sat. scientific tr. Kemerovo: Kemerovo State University Publishing House, 1987. P. 18 − 24.

3. Babenko L.G. Lexical means of denoting emotions in the Russian language. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1989. 184 p.

4. Babenko L.G. Emotive vocabulary in sentence structure. Classes of words in the syntagmatic aspect: Sat. scientific tr. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1988. P. 145 − 156.

5. Balaganov D.V. The place of simultaneous translation in the system of types of translation and its features. Philological sciences. Questions of theory and practice Tambov: Gramota, 2019. Vol. 12. Issue. 5. P. 192 – 197.

6. Barkhudarov L.S. Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). M., “International. relations", 1975. 240 p.

7. Boldyrev N.N. Cognitive schemes of language interpretation. Questions of cognitive linguistics. 2016. No. 4. P. 10 – 20.

8. Turchaninova K.A. Features of the translation of the figurative component of the meaning of lexical units. Philology and linguistics in the modern world: materials of the I International. scientific conf. (Moscow, June 2017). Moscow: Buki-Vedi, 2017. P. 76 – 79. URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/235/12583/ (access date: 05/05/2024)

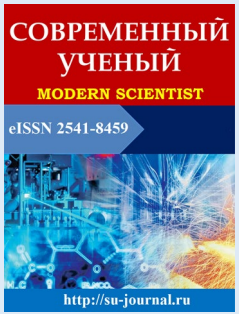
9. https://www.youtube.com/@midrftube (access date: 02/05/2024)

Информация об авторах

Кузнецова В.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Большая Садовая улица, 14, vera087@mail.ru

Романова В.В., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Большая Садовая улица, 14, quizinlove@gmail.com

© Кузнецова В.Ю., Романова В.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-93-98

Прилагательные с пространственным значением в русском песенном жанре

[1] Чэн Ижань

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: народные песни – это уникальный источник аутентичной информации, созданный устным народным творчеством, отличающийся богатой выразительностью благодаря наличию в них ряда сложных лексических средств. Прилагательные с пространственной семантикой являются средством репрезентации пространственно-размерных характеристик художественных субъектов и явлений окружающего мира, – они способны репрезентовать предметы и явления определенной формы или объем, занимаемый их элементами, что является по настоящий момент одной из горячих точек научных когнитивно-лингвистических диспутов. Цель настоящей работы – анализ прилагательных с пространственным значением, встречаемых в текстах русских народных песен. Научная новизна заключается в выделении лингвостилистически релевантных признаков русского песенного текста как особого феномена художественной и языковой природы поэтического искусства. В результате проведенного исследования доказано, что дефиниции с пространственным значением, являясь индикатором национальной русской культуры, быта, традиций и устоев, с одной стороны, отражающим языковую ситуацию, а с другой, являющимся закономерным продуктом фольклора, позволяют определять пространственную (процессуальную) или пространственно-временную траектории зарождения и бытования песенного текста на протяжении всего его существования в русском народном музыкальном творчестве.
Ключевые слова*:* русская народная песня, русский язык, культура, прилагательные с пространственным значением, прилагательные пространственной семантики, фольклор, музыка

Для цитирования: Чэн Ижань Прилагательные с пространственным значением в русском песенном жанре // Современный ученый. 2024. № 5. С. 93 – 98. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-93-98

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Adjectives with spatial meaning in the Russian song genre

[1] Cheng Yiran

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: folk songs are a unique source of authentic information created by oral folk art, characterized by rich expressiveness due to the presence of a number of complex lexical means in them. Adjectives with spatial semantics are a means of representing the spatial and dimensional characteristics of artistic subjects and phenomena of the surrounding world - they are able to represent objects and phenomena of a certain shape or volume occupied by their elements, which is currently one of the hot spots of scientific cognitive-linguistic disputes. The purpose of this work is to analyze adjectives with spatial meaning found in the texts of Russian folk songs. The scientific novelty lies in the identification of linguistically relevant features of the Russian song text as a special phenomenon of the

artistic and linguistic nature of poetic art. As a result of the conducted research, it is proved that definitions with spatial meaning, being an indicator of national Russian culture, way of life, traditions and foundations, on the one hand, reflecting the linguistic situation, and on the other, being a natural product of folklore, make it possible to determine the spatial (procedural) or spatio-temporal trajectories of the origin and existence of a song text throughout the entire his existence in Russian folk music.
***Keywords**:* Russian folk song, Russian, culture, adjectives with spatial meaning, adjectives of spatial semantics, folklore, music

For citation: Cheng Yiran Adjectives with spatial meaning in the Russian song genre. Modern Scientist. 2024. 5. P. 93 – 98. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-93-98

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В музыкальном искусстве «современную русскую песню так или иначе образуют исконно национальные мотивы. В ее основе по сей день лежат интересный текст-история (лирического, исторического и т.д. характера), а также легко запоминающаяся мелодическая составляющая» [9, с. 3526].

В русском языке прилагательные с пространственным значением имеют прочную семантико-когнитивную основу и представляют собой трехмерные метрические признаки. А именно, «прилагательные, выступая синтаксически и семантически определением некоей сущности, образуют лишь адъективно-именные, номинативные по своей сущности сочетания слов, минимальные лексические синтагмы, выражающие всевозможные характеристики – предметов, лиц, фактов, состояний, отношений и даже событий» [11, с. 198]. С точки зрения когнитивного анализа, прилагательное с пространственным значением как уточняющий компонент семантически дополняет и ограничивает существительное: с одной стороны, оно наделяет его определенной характеристикой субъекта, с другой – концептуальные основы существительного проецируются на пространственное прилагательное, и оба они активизируют семантические потенциалы друг друга через коллокацию лексических метафор, тем самым, способствуя формированию новой семантики прилагательного.

Актуальность темы данного исследования обусловлена следующими факторами:

1) Художественные тексты поэтического характера имеют общие черты, однако, русские песенные тексты специфичны в силу своих имплицитных интенций, которые позволяют глубже понять причины мощного воздействия данного музыкального жанра на сознание людей;

2) В русском песенном жанре широко используются прилагательные с пространственной семантикой, которые помогают создавать уникальные художественные образы и передавать спектр глубоких сильных эмоциональных переживаний.

Цель работы конкретизирована в следующих задачах:

1) Определить роль прилагательных с пространственной семантикой в русских песенных текстах;

2) Определить культурную значимость исследуемых дефиниций.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты русских народных и авторских песен.

В качестве методов исследования избраны: изучение лексики методом семантического поля и функционально-семантический анализ.

Теоретической базой исследования послужили работы О.Ю. Богуславской, Е.В. Урысон, Г.Д. Гачев, Н.С. Касюк, А.Д. Шмелев, Е.В. Рахилиной, посвященные изучению лингвостилистики.

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее материал может быть использован в лекционных курсах лингвистики, лингвокультурологии, а также на практических занятиях по русскому языку.

Результаты и обсуждения

В последние годы ученые-языковеды не теряют интереса к изучению пространства. Перед лингвистами встают новые задачи, в основном связанные с пониманием того, как онтология и категоризация действительности связаны с тем, что происходит с помощью языка. Пространство играет важную роль, если не сказать исключительную, в процессе познания и репрезентации окружающего мира языковыми средствами, поскольку, как показали результаты большого количества научных трудов, пространственные представления являются основой для формирования многих базовых концептов человеческого сознания.

Пытаясь объяснить структуру пространства, Ю.М. Лотман отмечает многослойность простран-

ственной картины мира, которая, по его мнению, «многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой ‘здравый смысл’. При этом у обычного человека эти (и ряд других) пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое... На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [4, с. 296].

Человек обращается к пространственному восприятию или вступает в пространственные отношения, когда хочет узнать точное местоположение объекта, определить его форму, охарактеризовать субъект или явление с точки зрения его габаритов и расположения и т.д.

Пространство является точкой отсчета в процессе всей жизнедеятельности человека, характеризуется мировоззренческим содержанием и культурной обусловленностью. Еще О.Н. Селиверстова в книге «Понятия "множество" и "пространство" в семантике синтаксиса» обсуждает два металингвистических понятия: «пространство» и «множество», взаимосвязь между ними, а также логически аргументирует использование пространственных терминов для объяснения экзистенциальных предложений. Согласно с мнением О.Н. Селиверстовой, пространство – это «нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие» [7, с. 143].

Основываясь на сходстве или корреляции между вещами, люди переносят наиболее знакомые пространственные отношения и признаки на непространственные отношения и признаки, чтобы понимать, думать и говорить о непространственных понятиях через пространственные понятия и делать абстрактные непространственные понятия конкретными, наиболее характерным из которых стала песня.

Русская песня всегда отличалась богатым своеобразием, глубоким смыслом и содержанием, что придавало ей особое эстетическое наполнение. Современные ученые по-разному оценивают природу данного вида музыкального искусства. По мнению О.Д. Ли, песни «не только являются отражением духовноценностной и морально-нравственной ориентации человека как члена современного общества, но и являются пространством для выражения собственной индивидуальности» [3, с. 87].

С точки зрения Н.И. Мокровой, «музыка и слово в песне являются «равновеликими величинами». Речь музыкальна по своей природе и благодаря певучести каждого слова создается выразительная глубина песни» [5, с. 393].

Концептуализированное содержание, связанное с восприятием человеческого тела, выраженное пространственными прилагательными, имеет ярко выраженные семантические ассоциативные и субъективные оценочные характеристики, последние тесно связаны с когнитивным сознанием языкового субъекта, когнитивной обработкой, придающей пространственным прилагательным новую семантическую конструктивную способность, так что выражение характеристик соответствующих вещей не только имеет обоснование концептуального познания, но и обладает большей образностью и гибкостью семантического выражения. Прилагательные с пространственной семантикой являются самыми содержательными из них. Словосочетания, которые они образуют с существительными, играют важную роль для выражения эмоций.

Говоря непосредственно о пространстве «длинный / короткий», «далекий / близкий» и других дефинициях, то для непосредственного восприятия мы часто можем использовать зрительные, слуховые и другие органы чувств, тогда как время и иные абстрактные понятия для нас неосязаемы, поэтому люди часто используют пространственные понятия для описания таких абстрактных понятий: время, социальный статус, количество, оценка и т.д.

Большинство рассматриваемых слов является полисемичным. Для наглядности дальнейшего изложения кратко перечислим пространственные значения интересующих нас дефиниций, схожих с рассматриваемыми лексемами.

1. Прилагательные ряда «**ДЛИННЫЙ**»:

Характер пространственной точки отсчета также важен, как динамический или статический характер описываемой ситуации.

Прилагательное «длинный» указывает на то, что описываемый объект или явление находится на большом расстоянии от пространственной точки отсчета, в качестве которой обычно выступает местоположение созерцателя (в случае незаполненных ориентиров) или произвольный объект, названный непосредственно в тексте (в случае заполненных ориентиров). Ср. *«Дорогой длинною, погодой лунною...»* (А. Вертинский «Дорогой длинною»); *«Два мальчика на длинном берегу, Два юных существа, святых и голых»* (А. Дольский «Два мальчика на длинном берегу»); *«У моей России длинные косички, у моей России светлые реснички»* (Н. Соловьева «Моя Россия») и др.

Основное направление размерности объектов, описываемых прилагательными «длинный / короткий», является линейным, то есть основное направление их размеров простирается неограниченно от одной точки до противоположных концов. Это набор слов пространственного измерения, которые описывают размеры, являющиеся линейными.

Метафорически прилагательное «длинный» относится к долгому времени, а короткий – к быстрому течению времени. Яркий пример тому – прилагательные «длинный» / «короткий» – параллельно выступающие закономерности, одномерность которых является важной характеристикой темпоральности. При порядках восприятия человеком объективного мира, пространство всегда предшествует времени, поскольку пространство имеет ярко выраженный конкретный характер, в то время как форма понятия времени более абстрактна и сложна для восприятия. Универсальной характеристикой человеческого языка и, тем более, человеческого мышления является то, что понятие и лексика пространства систематически используются в качестве метафоры для понятия времени. Арутюнова Н. Д. заметила, что «прилагательные, связанные с пространством, легко переходят на понятие времени, но не наоборот» [1, с. 361].

Так, английский ученый Исаак Ньютон говорил о времени как о равномерном потоке, иначе называемом длительностью. «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью» [6]. Время находится в движении, и чем больше времени переживается, тем длиннее будут отрезки расстояния, и наоборот. Таким образом, можно установить метафору перехода пространственных отношений во временные: *«Длинные коридоры, а в конце нету света»* (Е. Ваенга «Длинные коридоры»); *«Это просто слишком длинная осень, больше ста почти бесполезных дней»* (А. Кудряшева «Это просто слишком длинная осень...»).

Для этого жанра характерно представление пространства в виде полной окружности при условии, что главный герой находится в полной гармонии с окружающим его миром. Как только психологическое равновесие человека нарушается, его пространство теряет связь и движется в разные стороны. Это связано с традицией в русской литературе и фольклоре изображать пространство открытым по горизонтальным линиям, отрицая тем самым «устойчивость и счастье вертикальных линий», а слово «длинный» имеет значения «большая длина, протяженность» и «тянущийся медленно». Таким образом, в песнях посредством прилагательного «длинный» описывается для русской культуры образ далекой и недостижимой реальности.

2. Прилагательный ряда «**ШИРОКИЙ**»:

Прилагательное «широкий» в переносном значении означает обширный, беспрепятственный, без узости объект, и относится к большим количествам, а «узкий» – к малым. Например: широкое чтение (много читает), узкий круг друзей (мало друзей) и т.д. Русская ученая М.Б. Ташлыкова, описывая пространственно-параметризованные прилагательные, отмечает, что поскольку производные герундии сохраняют структуру тематического элемента непроизводного глагола, например, спрос на литературу= X (субъект) спрашивает литературу (объект), ввоз книг=X (субъект) ввозит книги (объект) [8]. Таким образом, «широкий» в сочетании с герундием для выражения количественного значения квалифицирует не сам герундий, а только один из его тематических элементов, который может обозначать как объект действия, так и большое количество субъектов / объектов: «Ах ты, степь широкая, широкая, раздольная» (Кубанский казачий хор «Ой, ты, степь широкая»); «Широкая река лежит передо мной, Ночного неба зеркало над глубиной» (группа «ССО ‘Вега’ «Широкая река»); «Под широкой тенью просыпалась рано, Прогоняла мысли – солнцем обижала» (группа «Аномалия» – «Под широкой тенью») и др.

Независимо от того, идет ли речь о большом количестве субъектов или о большом количестве объектов, параметрическое прилагательное «широкий», обозначающее понятие пространства, метафорически относится к понятию количества на основе метафорического познания того, что чем больше количество, тем больше занимаемое им пространство, которое включает и двумерное «поверхностное» пространство, поскольку вещи с «широкими/узкими» размерами характеризуются по крайней мере двумерными «поверхностями».

3. Прилагательное ряда «**ГЛУБОКИЙ**»:

А.Д. Шмелев считает, что сердечность и широта души являются особенностью русского народа, а просторы русской земли оказывают глубокое влияние на формирование его национального характера. «Роль "русских пространств" в формировании "русского видения мира" отмечали многие авторы, известно высказывание Чаадаева: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств». У Н.А. Бердяева есть эссе, которое так и озаглавлено – «О власти пространств над русской душой». – Широк русский человек, широк

как русская земля, как русские поля, – пишет Бердяев и продолжает: – В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры» [12, с. 358].

В языке это отражается тенденцией описывать абстрактный внутренний мир в терминах, воспринимаемых внешними пространственными признаками. Дефиниция «глубокий» часто используется в сочетании со словами, которые характеризуют природу: «небо», «море» и т.д.: *«Глубокое небо, бессонное небо…»* (Баян Микс «Глубокое небо»); *«Ночь глубокая, тихо стоят сады, Только ты не спишь, мама моя»* (Сестры Акатова монастыря «Ночь глубокая, тихо стоят сады...»); *«Мне, глубокой осенью, Повстречалась ты»* (А.А. Ионов «Глубокой осенью»). В песни концепт «Небо» выражает пространство и место, где мы живём, в связи с этим, он символизирует государство, общество, мир и народ.

В приведенном выше примере песни прилагательные «широкий» и «глубокий» могут быть сопряжены с человеком, но модификация относится не к самому человеку, а к описанию того измерения ума, которым он обладает. А именно, согласно концепции О.П. Ермаковой, «в русском языке к душе прилагаются все пространственные параметры, составляющие четкие оппозиции: широкая – узкая; глубокая – мелкая; высокая – низкая. Не случайно Н. Бердяев писал: «Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть» (Судьба России)» [2, с. 295]. В этот момент различные эмоции, идеология, впечатления, установки и т.д. являются тем содержанием, которое в них хранится.

Как подчеркивает Е.В. Урысон, понятие «душа», которое в поэтических текстах часто синонимизируется с понятием «сердце», «сочетается с прилагательными, оценивающими данный орган с точки зрения преобладающих в человеке чувств» [10, с. 26]. Все эмоции и качества, которые он испытывает, хранятся в «душе», которая составляет духовный мир индивида. «Сердце» – это сущность человека, его внутреннее «я». Поэтому пространственный параметр прилагательного с «душой» и «человеком», его содержание и сущность должны быть монолитны.

Выводы

1. В русском языке проекция пространственных признаков на непространственные предметы или понятия делает абстрактные и неизвестные понятия более конкретными и ясными, а языковые выражения – более яркими и насыщенными.
2. Прилагательные с пространственным значением оказывают решающее влияние на конструирование абстрактных понятий в русском языке, но в то же время они ограничены способом их восприятия.
3. Песенный жанр обладает уникальной массовой и социальной значимостью. Активное использование полных прилагательных усиливает это воздействие.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 895.
2. Ермакова О.П., Левонтина И.Б. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289 – 298.
3. Ли О.Д. Песенный текст как объект лингвистического исследования // Международный научно-исследовательский журнал МНИЖ. 2020. № 8-3 (98). С. 83 – 89.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Мокрова Н.И. Песня как явление комплексного характера // ВЕСТНИК ИрГТУ. 2015. № 6 (101) С. 389 – 393.
6. Ньютон И. Математические начала натуральной философии: пер. А.Н. Крылова. Серия: «Классики науки». М.: Наука, 1989. 688 с.
7. Селиверстова О.Н. Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса. М.: Известия АН СССР. Серия: литература и язык. 1983. Т. 43. С. 143.
8. Ташлыкова М.Б. О широте души, глубине чувств и высоте помыслов (к проблеме полисемии параметрических имен) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. Т. 3. Вып. 1: Филология. С. 26 – 35.
9. Теппеева Д.Р. Лингвостилистические особенности русской народной песни // Фил. Нау. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 11. С. 3526 – 3530.
10. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

11. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Отв. ред. Ю.С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1986. С. 239.

12. Шмелев А.Д., Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. Широта русский души // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 357 – 367.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the human world. M.: Languages of Russian Culture, 1999. P. 895.

2. Ermakova O.P., Levontina I.B. Spatial metaphors in the Russian language. Logical analysis of the language. Languages of spaces. M.: Languages of Russian Culture, 2000. P. 289 – 298.

3. Lee O.D. Song text as an object of linguistic research. International scientific research journal of the Moscow Institute of Journalism. 2020. No. 8-3 (98). P. 83 – 89.

4. Lotman Yu.M. Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history. M.: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.

5. Mokrova N.I. Song as a complex phenomenon. Bulletin of ISTU. 2015. No. 6 (101). P. 389 – 393.

6. Newton I. Mathematical principles of natural philosophy: trans. A.N. Krylova. Series: “Classics of Science.” M.: Nauka, 1989. 688 p.

7. Seliverstova O.N. The concepts of “set” and “space” in the semantics of syntax. M.: News of the USSR Academy of Sciences. Series: literature and language. 1983. T. 43. P. 143.

8. Tashlykova M.B. On the breadth of the soul, the depth of feelings and the height of thoughts (to the problem of polysemy of parametric names). Bulletin of NSU. Series: History, philology. Novosib. state univ. Novosibirsk, 2004. Vol. 3. Issue. 1: Philology. P. 26 – 35.

9. Teppeeva D.R. Linguistic and stylistic features of Russian folk song. Phil. Naw. Questions of theory and practice. 2021. Vol. 14. Issue. 11. P. 3526 – 3530.

10. Uryson E.V. Problems of studying the linguistic picture of the world: analogy in semantics. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 224 p.

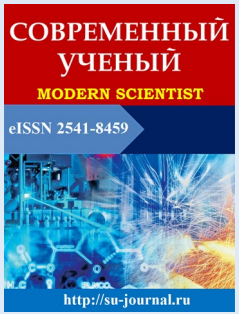
11. Ufimtseva A.A. Lexical meaning: The principle of semiological description of vocabulary. Answer. ed. Yu.S. Stepanov; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. M.: Nauka, 1986. P. 239.

12. Shmelev A.D., Arutyunova N.D., Levontina I.B. The breadth of the Russian soul. Logical analysis of language. Languages of spaces. M.: Languages of Russian Culture, 2000. P. 357 – 367.

Информация об авторе

Чэн Ижань, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, cyr691663562@yandex.ru

© Чэн Ижань, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.42
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-99-104

Некоторые фонетические процессы при образовании множественного числа имен существительных в чеченском языке

[1] Ирезиев С.Х.С.Э.

[1] Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Аннотация: в настоящей статье исследуются некоторые фонетические процессы гласных и согласных, наблюдаемые при образовании множественного числа имен существительных в чеченском языке. Автор описывает различные мнения ученых, исследовавших категорию числа имен существительных в чеченском языке. На основании анализа работ лингвистов и языкового материала делает вывод о способах образования множественного числа имен существительных в чеченском языке. Подробно анализируется языковой материал и на конкретных примерах показано историческое образование форм множественного числа, описаны аффиксы и их фонетические варианты. Также описаны простые и сложные аффиксы, образующие формы множественного числа имени существительного. Автор обращает внимание на генетическую связь аффиксов множественности с классными показателями, проводит сопоставительный анализ образования форм множественности чеченского, бацбийского и ингушского языков.
Детальное исследование фонетических процессов, происходящих, как в структуре имен существительных, так и в самих аффиксах множественного числа является важной темой для дальнейшего изучения формирования грамматического строя чеченского, ингушского, бацбийского языков и диалектов чеченского языка. В статье подробно рассматривается история развития и изменения аффиксов множественности.
Сравнительный анализ фактов нахских языков и диалектов чеченского языка убеждают, что многообразие аффиксов множественного числа – явление вторичное, т.е. результат различных фонетических изменений. Сопоставительный анализ образования аффиксов множественности в группе нахских языков поможет детально изучить развития языков, их грамматического строя и образования формообразующих элементов.
Ключевые слова: аффикс, существительное, множественное число, показатель множественности, ослабление, нахские языки, чеченский язык, падежные формы, аффиксация, фонетические изменения

Для цитирования: Ирезиев С.Х.С.Э. Некоторые фонетические процессы при образовании множественного числа имен существительных в чеченском языке // Современный ученый. 2024. № 5. С. 99 – 104. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-99-104

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Some phonetic processes in the formation of plural nouns in the Chechen language

[1] Ireziev S.Kh.S.E.

[1] Chechen State University named after A.A. Kadyrov

Abstract: this article examines some phonetic processes of vowels and consonants observed in the formation of the plural of nouns in the Chechen language. The author describes the different opinions of scientists who have studied

the category of number of nouns in the Chechen language. Based on the analysis of the works of linguists and language material, he draws a conclusion about the ways of forming the plural of nouns in the Chechen language. The linguistic material is analyzed in detail and the historical formation of plural forms is shown using specific examples, affixes and their phonetic variants are described. Simple and complex affixes that form the plural forms of a noun are also described. The author draws attention to the genetic connection of plurality affixes with class indicators and conducts a comparative analysis of the formation of plurality forms in the Chechen, Batsbi and Ingush languages.
A detailed study of the phonetic processes occurring both in the structure of nouns and in the plural affixes themselves is an important topic for further study of the formation of the grammatical structure of the Chechen, Ingush, Batsbi languages and dialects of the Chechen language. The article examines in detail the history of the development and changes of plurality affixes.
A comparative analysis of the facts of the Nakh languages and dialects of the Chechen language convinces that the diversity of plural affixes is a secondary phenomenon, i.e. the result of various phonetic changes.
A comparative analysis of the formation of plurality affixes in the group of Nakh languages will help to study in detail the development of languages, their grammatical structure and the formation of formative elements.
Keywords: affix, noun, plural, plurality indicator, weakening, Nan languages, the Chechen language, case forms, affixation, phonetic changes

For citation: Ireziev S.Kh.S.E. Some phonetic processes in the formation of plural nouns in the Chechen language. Modern Scientist. 2024. 5. P. 99 – 104. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-99-104

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Грамматическая система чеченского языка имеет очень много открытых вопросов о формообразовании. Одним из таких является вопрос образования аффиксов множественности.

В системе образования множественного числа имен существительных в чеченском языке протекают разного рода фонетические процессы в области вокализма и консонантизма.

Вопросы относительно образования множественного числа имен существительных и происхождения аффиксов множественного числа в нахских языках привлекал пристальное внимание у исследователей нахских языков П.К. Услара, А. Шифнера, Н.Ф. Яковлева, Д.С. Имнайшвили, Ю.Д. Дешериева, Т.И. Дешериевой, К.Т. Чрелашвили.

Современное состояние грамматического строя чеченского языка имеет ряд формообразовательных аффиксов и их вариантов. Необходимо изучить историю их образования и трансформацию, чтобы лучше поднимать те или иные способы слово- и формообразования в чеченском языке. Сегодня очень мало исследовательского материала о развитии языковой системы чеченского языка и других нахских языков. Необходимо активно изучать языковые процессы описанных языков, чтобы понимать этапы их развития, отражение культурного кода в языке. Также это поможет выявить не только различия и особенности развития языков, но и их общее начало, общий язык, от которого отделились языки современной нахской группы.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа является грамматический строй чеченского языка, а именно, формообразующие аффиксы форм множественности имени существительного.

Основные методы исследования: описание, сопоставительный анализ, лингвистический анализ.

Результаты и обсуждения

В чеченском языке формы множественного числа у имени существительного образуются при помощи аффиксов.

Как было отмечено у А.Д. Тимаева, исторически аффиксы множественного числа были представлены лишь следующими: -аш, -иш [1, с. 284].

В современном чеченском языке, как показывает сравнительно-исторический анализ языкового материала, древнейшим аффиксом множественности выступал -би, который сохранился в бацбийском языке. Функционирующий ныне аффикс множественного числа – результат повторной аффиксации, а результат данного явления – аффикс множественного числа -уош (←owш←awш); элемент уо←ow←об аффикса уош←owш←awш получен в результате ослабления показателя множественности -б (и).

«Самое общее окончание именительного падежа множественного числа», – пишет П. Услар, – «есть *ш*, которое удерживается в большей части падежей. Но для некоторых существительных именительный падеж множественного числа кончается на *й»* [2, с. 26].

Общеизвестно, что именительный падеж в чеченском языке имеет нулевую флексию, а то, что П.К. Усларом рассматривается как «окончание» именительного падежа множественного числа следует считать аффиксом множественного числа. У П.К. Услара остались многие вопросы открытыми относительно образования форм множественного числа, поэтому он вынужден был признать что «…именительный падеж множественного числа подлежит стольким неправильностям, что образование его не может быть подведено под определенные правила, по крайней мере, при настоящей степени ознакомления нашего с чеченским языком» [3, с. 26].

А. Шифнер, пользуясь материалами П. Услара, более подробно остановившись на вопросе образования множественного числа, выделяет следующие аффиксы мн.ч.: -й, -ий, -ш, -аш, -уш, -уош, -наш, -ниш, -нуош, -нуш, -муш.

Приводятся А. Шифнером и такие аффиксы множественного числа: -наш, -ниш, -нуош, -нуш, -муш.

Подводя итог анализа многочисленных вариантов аффиксов множественного числа, К.Т. Чрелашвили заключает: «…в чеченском языке с одной стороны возникли следующие аффиксы: основа+-аш, -иш→-аш, -иш, -й, -еш, -уош, -уш; с другой стороны: основа+ар+аш, -иш→-рчий, -араш (-ераш), -ирий [4, с.181]

Многообразие аффиксов множественного числа, как это доказывает сравнительный анализ языкового материала чеченского, ингушского и бацбийского языков, □ явление вторичное, т.е. это результат различных исторических фонетических изменений. Исторически аффиксы множественного числа были представлены лишь следующими: -аш, -иш. К такому выводу приходят все исследователи вопроса аффиксов множественного числа (П.К. Услар, Д.С. Имнайшвили, Ю.Д. Дешериев, Т.И. Дешериева). Однако не все специалисты едины в трактовке фонетических процессов, происходящих, как в структуре имен существительных, так и в самих аффиксах множественного числа.

Особый разряд аффиксов множественного числа в отличие от первичных простых составляют вторичные или сложные -рчий, -маш, -наш, нуош.

Элемента -р-, -н-, -м в структуре сложных аффиксов исследователями нахских языков ((Н.Ф. Яковлев, Ю.Д. Дешериев, Т.И. Дешериева, Д.С. Имнайшвили, К.Т. Чрелашвили, А.Д. Тимаев) рассматриваются в качестве фонетических вариантов былых показателей грамматических классов.

О генетической связи аффиксов множественности с классными показателями Ш.Т. Гаприндашвили пишет: «Суффиксы множественного числа как в даргинском, так и лакском языках включают согласные б, д, р, м, н, т, и гласные и, у; последние встречаются и в качестве самостоятельных суффиксов мн. числа. Согласные н, м получены от б и д//р: б→м→н; д→m. Таким образом, исходными согласными элементами настоящих суффиксов множественного числа являются б, д, р, которые в этих языках являются и экспонентами грамматических классов слов во множественном числе. Следовательно, для образования множественного числа исторически выступали только гласные -и в даргинском и -у в лакском языках; согласные же элементы форм множественного числа обозначали лишь категории грамматических классов [4, с. 263].

Аффикс множественного числа -рчий представлен в чеченском языке в словах:

единственное число множественное число

пха «стрела» пхерчий

моьлкъа «ящерица» моьлкъарчий

В ингушском языке аффикс -рчий представлен в виде -арч, -рч: ча «медведь» – мн. ч. ча-рч, хьакха «свинья» – мн.ч. хьакха-рч. Срв. в шатойском говоре: сиеда-рш, хьакха-рш. По мнению К.Т. Чрелашвили: рч←р-иш [5, с 179]. Хотя такая последовательность процесса образования комплекса -рч- несколько сомнительна.

На наш взгляд, последовательно процесс образования комплекса -рч- предпочтительнее предстает следующим образом: рч←рш←р-иш, где -р исторически восходит к фонетическому варианту показателя грамматического класса. Аффрикатизация спиранта -ш в комплексе с сонорным -р- довольно широко распространенный фонетический процесс в диалектах чеченского языка. Срв. в шатойском говоре, как в структуре имен существительных, так и в структуре глаголов:

плоскостн. диал. (лит.чеч.) шатойский говор

марч-уо «саван» марш-уо

хьарч-уо «завернуть» хьарш-уо

После завершения процесса перехода комплекса рш, где -р- фонетический вариант показателя грамматического класса, а -ш (←иш) аффикс лишился функции выражать морфологическое значение, для передачи которого язык вынужден был прибегнуть к новому способу повторно использовать аффикс множественности *ий* (←иш) [5, с. 178].

Использование двойных показателей множественного числа отмечено в абхазо-дыгейских языках [6, с. 59].

Согласный -ш в составе аффикса множественного числа -иш, использованный повторно после завершения процесса аффрикатизаций спиранта -ш (рш→рч), в результате ослабления дает -й (←ш) (сиеда-рч-ий←сиедарч-аш←сиеда-рч-иш), восстанавливается в формах некоторых косвенных падежей: срв. им.п. сиеда-рч-ий, дат.п. сиеда-рч-аш-на, эрг. сиеда-рч-аш-а, твор.п. седа-рч-аш-ца, местн.п. сиеда-рч-аш-ка.

Т.И. Дешериева отмечает, что в чеченском языке – это единственный удвоенный аффикс множественности: -рчий, -рч+(ий), где каждое слагаемое – аффикс мн.числа. Аффикс -рч- утратил свою самостоятельность в чеченском языке и теперь рассматривается как наращение основы [7, с. 144].

Сравнительно-исторические факты чеченского языка (ингушского и бацбийского) свидетельствуют о том, что аффикс -рчий- не единственный удвоенный аффикс множественного числа. Анализ фактов языка убеждает в том, что наряду с аффиксом -рчий- имеется также удвоенный аффикс множественного числа *уош* (в диалектах: awш→owш). Удвоенный характер данного аффикса становится очевидным при сравнении фактов чеченского и бацбийского языков. В бацбийском языке ряд имен существительных образуется с помощью аффикса -би: букъ «спина», мн. число букъ-би, вир «осел», мн. число вир-би. В чеченском языке формы множественного числа соответственно представлены в виде: вар-р-аш←вар-н-аш, бакъ-къ-аш←бакъ-н-аш, где -н-←б – исторически – показатель множественного числа, -аш-повторный аффикс множественного числа.

Последовательность повторного использования показателя множественного числа объясняют следующие примеры из чеченского языка:

единственное число множественное число

Iин «овраг», «пропасть» Iанн-аш←Iин-н-аш

йуьхь «лицо», «начало» йаххьаш←йахь-н-аш-йахь-б-и

дукъ «ярмо», «горный хребет» дукъ-къ-аш←дукъ-н-аш←дукъ-б-и

тур «сабля» тар-р-аш←тар-а-аш←тар-б-и

«Имеющиеся здесь место чередование гласных *у, и, е* в основе единственного числа с гласным *а* вообще в чеченском языке довольно редко и представляет собою чередование древнее – чередование гласных первичного типа», – пишет Н.Ф. Яковлев [8, с. 18], на наш взгляд в приведенных выше примерах и подобных им мы имеем обусловленный фонетический процесс один из видов регрессивно-дистанционной ассимиляции гласных – процесс расширения [9, с. 130-131; 10, с. 76].

С утерей показателя множественного числа -б(и) морфологической нагрузки используется повторный аффикс множественного числа – ош(←иш). Удвоение конечного согласного основы именительного падежа – результат прогрессивной ассимиляции -н(←б) под влиянием предшествующего согласного корня.

Аффикс множественного числа -уош (в диалектах: -авш) также следует рассматривать как сложный аффикс, где элемент в←а-б (б – аффикс множественности), ш – повторный аффикс.

«Основу множественного числа с изменением ее конечного гласного «о», – пишет Н.Ф. Яковлев [1940], – мы имеем в таких, например, случаях: нана «мать» – нанош, корта «голова» – кортош, мара «нос» – марош. Сюда же можно отнести и неправильные образования множественного числа: са «душа» – синош, къа «грех» – къинош (не ясно, почему – «неправильные образования»). Дифтонг о (уо) мог образоваться перед окончанием множественного числа из стяжения конечного гласного именной основы «а» и гласного окончания «аш» [8, с. 18]. Стяжение двух *а* никак не может дать дифтонг *уо*. Дифтонг *уо* в структуре аффикса множественного числа уо-ш←owш←awш←абш←результат трансформации уо←ow←aw (←ow←aw←аб) где -б- – древнейший аффикс множественности, который в результате ослабления переходит в сонорный w, образуя дифтонг aw. Примеры в табл. 1:

Таблица 1

Аффиксы множественности.

Table 1

Plurality affixes.

ед.ч.	мн.ч.	в диалектах
бат «рот», «уста», «морда»	бат-уош	бат-авш
дакъа «часть»	дакъ-уош	дакъ-ав-ш
дие «день»	дие-н-уош	дие-н-авш
цIа «дом»	цIие-н-уош	цIие-н-авш

Приведенный в таблице языковой материал доказывает позицию автора о переходе в результате ослабления аффикса -б и его переходе в более сложные варианты.

По мнению А.Д. Тимаева, вставочный элемент -н- в структуре показателя мн. числа -н-уош – фонетический вариант былого показателя грамматического класса [11].

Рассматривая способы образования множественного числа, Ю.Д. Дешериев пишет: «образование множественного числа путем перехода конечного гласного именной основы в -уо-: дакъа «доля», дакъ-уош» [12, с. 412]. Однако мы не находим у него объяснения причины перехода а→уо в аналогичных ситуациях.

Примеров, подтверждающих факты функционирования -б в далеком прошлом в качестве аффикса множественности, в достаточном количестве находим в структуре глаголов множественного числа (субъектов или объектов в предикатной синтагме) и глаголов многократного действия. Примеры в табл. 2:

Таблица 2

Аффиксы множественности в глаголах.

Table 2

Plurality affixes in verbs.

однократная форма		многократная форма	
единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
хьажа[н] *«смотреть*	*хьowса*[н]¬ *хьawса*[н]¬ *хьа-б-са*[н]	*хьие̄жа*[н]¬*хьӣжа*[н]¬ *хьайжа*[н]¬*хьaw-жа*[н]¬*хьа-б-жа*[н]	*хьӣса*[н]¬*хьайса*[н]¬ *хьowса*[н]¬*хьawса*[н] ¬*хьа-б-са*[н]

Как мы видим из приведенного языкового материала, согласный -б выступал аффиксом множественности в определенный период развития чеченского языка. Со временем он трансформировался в иные грамматические формы.

Выводы

Анализ грамматического строя чеченского языка показал, что в нем функционируют простые и сложные аффиксы, образующие формы множественного числа имени существительного.

Сложные аффиксы -рчий, -н-уош, -м-аш представляют собой результат повторной суффиксации. Элементы -р-, -н-, -м- в нашем случае считаются фонетическими вариантами былых показателей грамматических классов.

Исторический анализ аффиксов множественного числа позволил сделать ряд выводов:

- грамматика бабийского языка доказывает, что древнейшим аффиксом множественности выступал -би-;
- функционирующий ныне аффикс множественного числа результат повторной аффиксации;
- результатом повторной аффиксации является аффикс множественного числа -уош (←owш←awш);
- элемент уо←ow←об аффикса уош←owш←awш получен в результате ослабления показателя множественности -б (и).

Таким образом, современные аффиксы множественности – это результат усложнения древнейших аффиксов по мере развития фонетической и грамматической системы чеченского языка. Основными процессами образования аффиксов множественности имен существительных можно назвать:

- перехода конечного гласного именной основы в более сложные фонетические сочетания;
- процессы ассимиляции и повторной аффиксации;
- чередование гласных в формообразующих аффиксах;
- процесс аффрикатизации.

Таким образом, ряд фонетических процессов способствовали имениям аффиксов, образующих категорию мужественного числа существительных в чеченском языке.

Список источников

1. Тимаев А.Д. Современный чеченский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. Грозный, 2011. 416 с.
2. Услар П.К. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. 246 с.

3. Тимаев А.Д. Структура парносоотносительных видовых форм глагола в нахских языках (генезис и архетип многократной формы глагола) // Studies in Cauca-sian Linguistics: Selected papers of the Eighth Caucasian Colloquium. The Netherlands, 1999. P. 140 – 151.

4. Гаприндашвили Ш.Г. К образованию форм множественного числа имен в даргинском и лакском языках (резюме на русск.яз.). Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1953. Т. V. С. 263.

5. Чрелашвили К.Т. К вопросу об образовании множественного числа в чеченском языке // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2. С. 168 – 181.

6. Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954. С. 59.

7. Дешериева Т.И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М. 1974. 299 с.

8. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960. 237 с.

9. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977. 299 с.

10. Тимаев А.Д. Чеченский язык. Фонетика». Грозный, 2011. 207 с.

11. Тимаев А.Д. Древнейшая структура именных основ и категория грамматических классов в нахских языках и диалектах. Грозный, 2012. 272 с.

12. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. 555 с.

References

1. Timaev A.D. Modern Chechen language. Lexicology. Phonetics. Morphology. Grozny, 2011. 416 p.

2. Uslar P.K. Ethnography of the Caucasus. II. Chechen language. Tiflis, 1888. 246 p.

3. Timaev A.D. The structure of pairwise correlative aspectual forms of the verb in the Nakh languages (genesis and archetype of the multiple form of the verb)ю Studies in Caucasian Linguistics: Selected papers of the Eighth Caucasian Colloquium. The Netherlands, 1999. P. 140 – 151.

4. Gaprindashvili Sh.G. On the formation of plural forms of names in the Dargin and Lak languages (summary in Russian). Iberian-Caucasian linguistics. Tbilisi, 1953. T. V. P. 263.

5. Chrelashvili K.T. On the issue of the formation of the plural in the Chechen language. Izvestia CHINIIIYAL. Grozny, 1959. T. 1, issue. 2. P. 168 – 181.

6. Lomtatidze K.V. Ashkhar dialect and its place among other Abkhaz-Abaza dialects. Tbilisi, 1954. P. 59.

7. Desherieva T.I. The structure of semantic fields of Chechen and Russian cases. M. 1974. 299 p.

8. Yakovlev N.F. Morphology of the Chechen language. Grozny, 1960. 237 p.

9. Imnaishvili D.S. Historical and comparative analysis of the phonetics of the Nakh languages. Tbilisi, 1977. 299 p.

10. Timaev A.D. Chechen language. Phonetics". Grozny, 2011. 207 p.

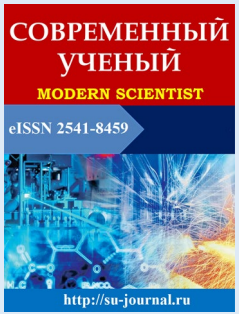
11. Timaev A.D. The oldest structure of nominal stems and the category of grammatical classes in Nakh languages and dialects. Grozny, 2012. 272 p.

12. Desheriev Yu.D. Comparative historical grammar of the Nakh languages and problems of the origin and historical development of the mountainous Caucasian peoples. Grozny, 1963. 555 p.

Информация об авторе

Ирезиев С.Х.С.Э., кандидат филологических наук, доцент, Чеченский государственный университет им.А.А. Кадырова, 364034, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32, ireziev85@mail.ru

© Ирезиев С.Х.С.Э., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'367.625.41
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-105-112

Структура и особенности перевода ирреальных условных периодов греческого койне на латинский, церковнославянский и русский языки (на материале текстов Канонических Евангелий)

[1] Балута А.А., [1] Михайлов М.К.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье рассматриваются структура и особенности условных периодов греческого койне и их переводов на латинский, церковнославянский и русский языки. По результатам сравнительно-сопоставительного анализа текста и переводов Канонических Евангелий удается установить, что ирреальный тип сложноподчиненных предложений в библейских текстах имел достаточно высокую частотность употребления. Модальным квалификатором конструкций со значением ирреального условия в греческом койне можно считать подчинительный союз, а еще в большей степени – модальную частицу, которая употреблялась в аподосисе, поскольку наклонение глаголов-сказуемых в обеих частях конструкции было, как правило, изъявительным. Сослагательным оно становилось лишь при изменении смысла высказывания в следствие наложения семантических и модальных оттенков из-за параллельного или последовательного подчинения придаточных иного типа. В латинском языке модальным квалификатором ирреальной модальности в casus irrealis следует считать форму сослагательного наклонения исторических времен глаголов-сказуемых. Нарушение классической системы согласования времен встречается чаще всего именно в латинских переводах. В церковнославянских и русских переводах ирреальных условных периодов употребляется тот же подчинительный союз, что и в иных типах условных предложений. Только здесь он встречается в совокупности с условным наклонением, которое и можно считать модальным и смысловым квалификатором конструкции. В церковнославянских текстах в составе условного наклонения обычно употребляется полная форма вспомогательного глагола «быти», в то время как в русских переводах функционирует уже вполне сформированная частица «бы».
Ключевые слова: сложноподчиненные условные предложения, Евангелия, греческий койне, латинский язык, церковнославянский язык, современный русский язык

Для цитирования: Балута А.А., Михайлов М.К. Структура и особенности перевода ирреальных условных периодов греческого койне на латинский, церковнославянский и русский языки (на материале текстов Канонических Евангелий) // Современный ученый. 2024. № 5. С. 105 – 112. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-105-112

Поступила в редакцию: 7 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The structure and features of the translation of the unreal conditional periods of the Greek Koine into Latin, Church Slavonic and Russian languages (based on the texts of the Canonical Gospels)

[1] **Baluta A.A.**, [1] **Mikhailov M.K.**

[1] ***Federal State University of Education***

Abstract: the article examines the structure and features of the conditional periods of the Greek Koine and their translations into Latin, Church Slavonic and Russian. According to the results of a comparative analysis of the text and translations of the Canonical Gospels, it is possible to establish that the unreal type of complex sentences in biblical texts had a fairly high frequency of use. The modal qualifier of constructions with the meaning of the unreal condition in the Greek Koine can be considered a subordinate conjunction, and even more so a modal particle, which was used in apodosis, since the mood of predicate verbs in both parts of the construction was, as a rule, indicative. It became subjunctive only when the meaning of the utterance changed as a result of the imposition of semantic and modal shades due to the parallel or sequential subordination of subordinate clauses of a different type. In Latin, the modal qualifier of the unreal modality in casus irrealis should be considered the form of the subjunctive mood of the historical tenses of predicate verbs. Violation of the classical system of time coordination is most often found in Latin translations. In Church Slavonic and Russian translations of unreal conditional periods, the same subordinate conjunction is used as in other types of conditional sentences. Only here it occurs in conjunction with the conditional mood, which can be considered a modal and semantic qualifier of the construction. In Church Slavonic texts, the full form of the auxiliary verb "be" is usually used as part of the conditional mood, while in Russian translations the fully formed particle "be" already functions.
***Keywords*:** compound conditional sentences, Gospels, Koine Greek, Latin, Church Slavonic, modern Russian

For citation: Baluta A.A., Mikhailov M.K. The structure and features of the translation of the unreal conditional periods of the Greek Koine into Latin, Church Slavonic and Russian languages (based on the texts of the Canonical Gospels). Modern Scientist. 2024. 5. P. 105 – 112. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-105-112

The article was submitted: April 7, 2024; Approved after reviewing: June 10, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Выбор темы статьи мотивирован непреходящим интересом в отечественной и зарубежной лингвистике к проблеме сопоставительного изучения текста Библии и его переводов на языки мира. Особенно много нерешенных вопросов существует в области сопоставительного синтаксиса, в частности, в области изучения структуры и модального плана разных типов сложноподчиненных предложений. Сложноподчиненные конструкции, называемые в индоевропейской грамматической традиции Casus irrealis с позиций семантики представляют собой действие желательное, но уже невозможное к осуществлению в прошлом. При этом структура всей конструкции и ее заведомо ирреальный модальный план определяются совокупностью таких грамматических средств, как модальный подчинительный союз, время и наклонение глаголов-сказуемых главной и придаточной частей. При переводе таких конструкций в разных языках используются различные средства выражения ирреальности, но также следует учитывать наложение дополнительных модальных и семантических оттенков, которые возникают в результате параллельного и последовательного подчинения [1, с. 58]. Изучение сразу нескольких переводов одного и того же (библейского) текста [16, 17] позволяет рассмотреть проблему более широко и подтверждает *актуальность* данного исследования. *Научная новизна* работы состоит в необходимости изучения грамматических и лексических средств выражения модальности ирреальных высказываний в разносистемных языках, что хорошо осуществлять при исследовании текста и проверенных временем переводов Канонических Евангелий, где идентичность смысла предполагает различные средства выражения в зависимости от структурных особенностей каждой грамматической системы.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать особенности структуры и модального плана конструкций Casus irrealis в тексте Четвероевангелия на греческом койне в условиях наложения дополнительных семантических оттенков при параллельном и последовательном подчинении в ареале

сложного синтаксического целого; рассмотреть особенности перевода таких конструкций на церковнославянский, латинский и русский языки.

Casus irrealis выражает условие, невозможность осуществления которого в прошлом задается, прежде всего, самим условным союзом в совокупности с историческими временами глаголов-сказуемых главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения. Можно сказать, что само действие представлялось как желаемое или нежелаемое, но оно уже представлено как нереализованное в прошлом, поэтому категория оптативности в оценочном плане здесь представлена со знаком «минус». Отсюда и классическое употребление преимущественно прошедших времен. Но модальность условного периода в разных языках имеет разную доминанту ирреальности.

В греческом койне сказуемые протасиса и аподосиса ирреального условного периода обычно представляют собой так называемые «исторические» времена изъявительного наклонения, чаще аорист (для выражения совершенного вида) и имперфект (для выражения несовершенного вида). Союз ει []; в аподосисе конструкции как дополнительный маркер ирреальной модальности обычно употребляется частица άν, и, на наш взгляд, определяющим фактором, доминантой ирреального модального значения в таких конструкциях является именно модальная частица: “ει οι άμαρτωλοί είσήλθον εις τήν οικίαν ούκ άν εΐδον τον κύριον” «Если бы грешники вошли в дом, они не узрели бы Господа» [9, с. 97].

В латинском языке классического периода конструкции Casus irrealis были распространены достаточно широко [2, с. 61]. По особенностям структуры и употребления времен глагола такие предложения строились по двум основным моделям. Если само условие мыслилось как неосуществимое в настоящем, то в портасисе и аподосие конструкции преимущественно употреблялся imperfectum conjunctivi, а если условие предполагалось неосуществимым в прошлом, в обеих частях конструкции употреблялся plusquamperfectum conjunctivi [13, с. 255]. Учитывая то обстоятельство, что условный союз во всех типах был универсальным si (отрицательный вариант nisi) [10, с. 614], можно сказать, что модальным квалификатором таких конструкций служило наклонение глаголов-сказуемых. Нарушение системы согласования времен отмечено уже в классический период, когда довольно часто встречались так называемые «смешанные» условные периоды. Следует отметить, что в числе рассмотренных нами примеров на латинском языке довольно часто встречается нарушение классической системы согласования времен. А в народной латыни их число значительно возросло.

В церковнославянском языке [11] ирреальные условные периоды вводились тем же союзом «ѓще», но в данном типе конструкций гораздо чаще, чем в предыдущих типах, употреблялась форма сослагательного наклонения глагола, причем модальная частица «бы» еще не была сформирована, а вспомогательный глагол был представлен, как правило, полной формой во всей парадигме спряжения по семантике конструкции [3, с. 213]. Примеры употребления полных форм сослагательного наклонения будут представлены ниже, в практической части исследования.

В истории русского языка, как и в предыдущих типах условных периодов, можно наблюдать большее разнообразие условных подчинительных союзов.

Как и в иных типов условных периодов, в ирреальных конструкциях нередко можно увидеть предложения переходного типа, от сочинения к подчинению. Или конструкции, которые по сути своей близки к условным обобщающим:

«А как бы не спрашивали, я бы и молчал больше. (Авв., Послан. Отцу Ионе., 896)» [12, с. 262].

В более поздний период встречаются уже условные ирреальные периоды с союзом «если» и сформированной частицей «бы», причем в аподосисе частица могла отсутствовать:

«А если бы нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы колокола отвязали, да в Кашин на вино променяли. (Каляз. челоб., 120)» [12, с. 262].

Встречаются и варианты старо- и церковнославянского союза «аще», которые выглядят как «аже», а иногда сливаются с модальной частицей:

«Ажелиб ты не дал (возников и корену) – и мнѣ б того не учинить (Фр. Скоб., 65)» [12, с. 262].

Между условными и временными сложноподчиненными предложениями грань иногда очень тонкая, поэтому и в условных конструкциях древнерусского языка иногда употреблялся подчинительный союз «когда» классифицирующийся как временной, в сочетании с модальной частицей «бы»:

«Когда бы вино то в горло свое влил, тогда бы не надобно было сию нужду терпети. (Сим. Пол., Юдифь, 185)» [12, с. 262].

И еще один вариант условного древнерусского союза, слитного с модальной частицей:

«Кабы яз проведа государя Бову на тридесятом царстве, на тридесятой земле, – и яз бы и там к нему упала. (Про Бову)» [12, с. 262].

Материалы и методы исследований

В работе использованы следующие **методы** лингвистического исследования. Метод сравнительно-сопоставительного анализа текстов языков индоевропейской макросемьи, одной (церковнославянский и русский) и нескольких (латынь, греческий койне) групп. Метод семантико-грамматического анализа, позволяющий провести комплексное сопоставление лексических значений отдельных слов в составе определенных грамматических конструкций и их интерпретация при переводе. Метод сравнительно-исторического анализа текста, который является базовым для изучения определенного грамматического явления в синхронии и диахронии.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования был проведен сравнительно-сопоставительный анализ конструкций Casus irrealis из текста Четвероевангелия на греческом койне и его латинского, церковнославянского и русского переводов.

Мф.: 11, 21

Οὐαί σοι, Χοραζίν, οὐαί σοι, Βηθσαϊδά· ὅτι εἰ ἐν Τύρῳ καὶ Σιδῶνι ἐγενήθησαν αἱ δυνάμεις αἱ γενόμεναι ἐν ὑμῖν, πάλαι ἂν ἐν σάκκῳ καὶ σποδῷ καθήμεναι μετενόησαν [19, p. 27]

Vae tibi Corozain, vae tibi Bethsaida: quia, si in Tyro et Sidone factae essent virtutes quae factae sunt in vobis, olim in cilicio et cinere poenitentiam egissent [18]

г0ре тебЁ, хоразјне, г0ре тебЁ, виfсаjдо: ѣкw ѓще въ тѢрэ и3 сіднэ бѡша си6лы бѡли бѡвшыѕ въ васъ, древле ѯбw во вретищи и3 пепелэ покаѕлисѕ бѡша [4]:

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись [5].

Данный пример представляет интерес для сравнительно-сопоставительного анализа по ряду причин. Во-первых, сразу в греческом тексте фрагмента мы видим наложение семантических и модальных планов сложноподчиненных предложений разных типов: условного и причинного. Непосредственно перед условным союзом “εἰ” [6, с. 302], вводящим ирреальные периоды, стоит полифункциональный подчинительный союз “ὅτι” [8, с. 210], который также мог передавать значение причины «потому что». В старославянском и церковнославянском языках его аналогом можно назвать полисемантичный союз «ѣкw» [7, с. 188], [14, с. 54]. В русском языке он передан с помощью универсального «яко». Таким образом, можно сказать, что весь условный период (и его главная, и придаточная часть) в то же время являются причинным придаточным. В остальном структурно условный период можно охарактеризовать как ирреальный: в протасисе “ ἐγενήθησαν” аорист индикатива, в аподосисе “μετενόησαν” также аорист индикатива с частицей “ἂν”, которая и определяет ирреальный модальный план конструкции.

В латинском переводе данного фрагмента мы также видим ирреальный условный период, включенный в придаточное причины, о чем говорит стоящий перед условным союзом “si” причинный союз “quia”. В протасисе и аподосисе – плюсквамперфекты конъюнктива “factae essent” и “poenitentiam egissent”.

В церковнославянском переводе весь условный период вводится универсальным условным союзом «ѓще» [15, с. 145], а в протасисе и аподосисе конструкции употребляется условное наклонение. Следует отметить, что здесь мы видим формы условного наклонения еще не в том статусе, в котором они существуют в современном русском языке, когда аорист спрягаемого вспомогательного глагола «быти» уже закрепился в единой форме 2-3 лица единственного числа и превратился в модальную частицу «бы», а еще изменяемую форму «бѡша» 3 лица множественного числа, которая употребляется здесь вполне закономерно, согласно общему структурному требованию всей конструкции: «бѡша (си6лы) бѡли» и «покаѕлисѕ бѡша». В русском переводе уже употребляется современная форма сослагательного наклонения с частицей «бы».

Также следует отметить, что такое включение условного периода в другое придаточное отчасти по форме напоминает смешение прямой и косвенной речи: союзные слова, вводящие косвенную речь в древних языках, также, как и подчинительные союзы, были полисемантичны. Например, славянский союз «ѣкw» имел около десяти оттенков значений. Однако в данном случае речь идет именно о внешней рамке из сложноподчиненного предложения причины, так как прямая и косвенная речь следовали за глаголами со значением «речи и мысли», а в этом примере семантика иная.

Мф.: 12, 7

εἰ δὲ ἐγνώκειτε τί ἐστιν, ἔλεον θέλω καὶ οὐ θυσίαν, οὐκ ἂν κατεδικάσατε τοὺς ἀναιτίους [19, p. 27]

Si autem sciretis, quid est: Misericordiam volo, et non sacrificium: numquam condemnassetis innocentes: [18, s. 1]

ѓще ли бѡсте вёдали, что2 є4сть: ми1лости хощY, ѓ не жертвы, николи1же ѯбw бѡсте ѣсуждали непови1нныхъ [4]:

если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных [5].

В греческом тексте данного фрагмента мы видим традиционный ирреальный условный период, который вводится союзом “εἰ”, сказуемые протасиса и аподосиса стоят в исторических временах индикатива, “ἐγνώκειτε” плюсквамперфект и “ἂν κατεδικάσατε” аорист с модальной частицей. Так что здесь мы не видим нарушения принципа согласования времен: действие придаточного в структурном и семантическом плане предшествует действию главной части. Также можно отметить осложнение условной конструкциями встроенными придаточными изъяснительными с последовательным подчинением.

Однако в латинском переводе можно отметить неожиданное разрушение системы согласования времен [20], поскольку сказуемое протасиса “sciretis” стоит в форме имперфекта конъюнктива, а сказуемое аподосиса (он традиционно в постпозиции) – в усеченной форме плюсквамперфекта конъюнктива “condemnassetis”. Учитывая то обстоятельство, что в индоевропейской грамматической традиции [21, p. 231] плюсквамперфект (и его аналоги) – это прежде прошедшее время, которое обычно употребляется в придаточных и указывает на предшествование действию главной части, что вполне соответствует общей логике конструкции, то довольно неожиданным выглядит в данном примере инверсия исторических времен: имперфект в придаточном и плюсквамперфект в главной части. В церковнославянском и русском переводах по причине слабо развитой системы форм условного наклонения согласование времен в грамматическом отношении невозможно передать столь же точно, как в греческом или латыни, поэтому предшествование одного действия другому воспринимается лишь на уровне смысла. Еще необходимо добавить, что в данном примере, как и в предыдущих, церковнославянский перевод демонстрирует старые формы сослагательного наклонения с полной, еще не усеченной до частицы, формой спрягаемого вспомогательного глагола, в данном случае 2 лица множественного числа: «бѣсте вёдали» и «бѣсте ѣсуждали». И вводящий условный ирреальный период союз «ѓще» усилен модальной частицей «ли». Вероятно, здесь мы уже можем наблюдать постепенный переход от церковнославянского подчинительного условного союза «ѓще» к сформированному в древнерусском языке «если». И следует отметить, что и в старославянских, и в церковнославянских текстах частотность употребления «ѓще ли» довольно высока, в то время как в древнерусских грамотах этот союз доминирующим не является.

Мф.: 23, 30

καὶ λέγετε· εἰ ἦμεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῶν πατέρων ἡμῶν, οὐκ ἂν ἦμεν κοινωνοὶ αὐτῶν ἐν τῷ αἵματι τῶν προφητῶν [19, p. 56].

et dicitis : Si fuissemus in diebus patrum nostrorum, non essemus socii eorum in sanguine prophetarum! [18, s. 1].

и3 глаг0лете: ѓще бѣхомъ бѣли во дни6 пте1цъ нашихъ, не бѣхомъ ѓбw w4бщницы и5мъ бѣли въ кр0ви прбрНкъ [4]:

и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в *пролитии* крови пророков [3];

В этом примере в греческом тексте мы видим традиционный по форме casus irrealis, вводимый союзом “εἰ” с индикативами исторических времен в протасисе и аподосисе (в аподосисе с частицей “ἂν”). Однако следует отметить, что глаголы в обеих частях периода стоят в форме индикатива имперфекта “ἦμεν”, то есть отсутствует формальный показатель предшествования протасиса аподосису, а, следовательно, и согласование времен. Вероятно, автор текста подразумевал в этой конструкции одновременность действий. При этом латинский переводчик четко разграничил времена протасиса и аподосиса, поместив в придаточной части плюсквамперфпкт “fuissemus”, а в главной имперфект “essemus” конъюнктива, при этом согласование времен соблюдено полностью. В церковнославянском переводе опять употребляется старая форма сослагательного наклонения с полной формой вспомогательного глагола «бѣхомъ бѣли», а здесь так совпало, что и л-вое причастие также от глагола «быти». В русском и церковнославянском переводах формальное согласование времен, как обычно, отсутствует, определяется по семантике и по порядку следования частей сложного предложения.

Выводы

По результатам сравнительно-сопоставительного анализа примеров ирреальных условных периодов греческого койне и их переводов на латинский, церковнославянский и русский языки можно сделать следующие выводы. Ирреальный тип сложноподчиненных предложений в библейских текстах имел достаточно высокую частотность употребления. Модальным квалификатором конструкций со значением ирреального условия в греческом койне можно считать подчинительный союз, а еще в большей степени – модальную частицу, которая употреблялась в аподосисе, поскольку наклонение глаголов-сказуемых в обеих частях конструкции было, как правило, изъявительным. Сослагательным оно становилось лишь при изменении смысла высказывания в следствие наложения семантических и модальных оттенков из-за параллельного или последовательного под-

чинения придаточных иного типа. В латинском языке модальным квалификатором ирреальной модальности в casus irrealis скорее следует считать форму сослагательного наклонения исторических времен глаголов-сказуемых. И при этом следует помнить, что нарушение классической латинской системы согласования времен встречается чаще всего именно в латинских переводах. В церковнославянских и русских переводах ирреальных условных периодов мы видим тот же подчинительный союз, что и в иных типах условных предложений. Только здесь явно употребляется он в совокупности с условным наклонением, которое и можно считать модальным и смысловым квалификатором конструкции. В церковнославянских текстах в составе условного наклонения обычно употребляется полная форма вспомогательного глагола «быти», в то время как в русских переводах мы видим уже вполне сформированную частицу «бы».

Список источников

1. Балута А.А. Особенности исторического развития грамматических форм глагола в индоевропейских и семитских языках (на материале глагольных имен): монография. М.: МГОУ, 2015. 375 с.

2. Балута А.А., Епифанцева Н.Г., Михайлов М.К. Структурно-функциональная эволюция различных типов условных сложноподчиненных предложений в романских языках (на материале народной латыни) / Modern humanities success. 2021. № 9. С. 59 – 64. Импакт-фактор журнала в РИНЦ 0,279. URL: https://mhsjournal.ru/wpcontent/uploads/2021/07/mhs9.pdf?ysclid=lhjcbgu1sl369866913 (дата обращения: 13.02.2024)

3. Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: в 10-ти т. Т. 7. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М.: «Московский Патриархат», 1992. 400 с. (Геннадиевская Библия).

4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: РБО, 2012. ѯахнѝ с.

5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические, в русском переводе. СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1997. 297 с. (русский Синодальный перевод 2-й половины XIX века).

6. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.

7. Войлова К.А. Старославянский язык: пособие для вузов: учебное пособие. М.: «Дрофа», 2003. 367 с.

8. Греческо-русский словарь Нового Завета: пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана: Рус пер. и ред. Кузнецовой В.Н. при участии Смагиной Е.Б. и Козырева И.С. М.: РБО, 1997. 232 с.

9. Грешем Мейчен Дж. Учебник греческого языка Нового Завета. 2-е изд., испр. и доп.: учебник. М.: РБО, 1995. 236 с.

10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 5 изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 846 с.

11. Десницкий А.С. Сорок вопросов о Библии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii (дата обращения: 24.01.2024)

12. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: монография. М.: Издательство Московского Университета, 1956. 596 с. URL: Ломтев, Тимофей Петрович – Очерки по историческому синтаксису русского языка: учебное пособие для государственных университетов – Search RSL (дата обращения: 13.02.2024)

13. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. 432 с.

14. Уткина А.Ф. Синтаксическая синонимия изъяснительных придаточных предложений (на материале письменных памятников первой половины XIX в.) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. Вып. 1. С. 53 – 61

15. Уткина А.Ф. Сложноподчиненные предложения в переводных рукописях Евангелия от Луки // Modern Humanities Success. 2023. № 9. С. 144 – 149.

16. Хухуни Г.Т. Современный перевод Священного Писания: выбор стратегии // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 50 – 55. URL: https:// Современный перевод Священного Писания: выбор стратегии (cyberleninka.ru). (дата обращения: 09.02.2024)

17. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Референция или прагматика? (о возможных стратегиях переводов Библии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 215 – 224.

18. Biblia Sacra juxta vulgatum versionem. Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1994. 1980 p.

19. ΚΑΙΝΙ ΔΙΑΘΗΚΗ. Κατα την εκδοσιν του οικουμενικου πατριαρχειου. Αποστολικη διακονια της εκκλησιας της Ελλαδος εν Αθηναις. Εκδοσις 1993. 518 σ.

20. Wood Jim, Raffaella Zanuttini 2023. The Syntax of Presentatives: Evidence from English and Italian (In progress). URL: Project MUSE – The syntax of English presentatives (jhu.edu) (дата обращения: 13.02.2024)

21. Zanuttini Raffaella Presentatives and the syntactic encoding of contextual information // Studies in Generative Grammar. 2017. № 127. P. 221 – 255.

References

1. Baluta A.A. Features of the historical development of grammatical forms of the verb in Indo-European and Semitic languages (based on verbal nouns): monograph. M.: MGOU, 2015. 375 p.

2. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Structural and functional evolution of various types of conditional complex sentences in Romance languages (based on folk Latin). Modern humanities success. 2021. No. 9. P. 59 – 64. The impact factor of the journal in the RSCI is 0.279. URL: https://mhsjournal.ru/wpcontent/uploads/2021/07/mhs9.pdf?ysclid=lhjcbgu1sl369866913 (access date: 02/13/2024)

3. The Bible of 1499 and the Bible in the Synodal translation: in 10 volumes. T. 7. The Holy Gospel of Matthew, Mark, Luke, John. M.: “Moscow Patriarchate”, 1992. 400 p. (Gennadian Bible).

4. Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Church Slavonic with parallel passages. M.: RBO, 2012. ѣakhñi s.

5. Bible. Canonical books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments, in Russian translation. St. Petersburg: Christian Society “Bible for Everyone”, 1997. 297 p. (Russian Synodal translation of the 2nd half of the 19th century).

6. Weisman A.D. Greek-Russian dictionary. 5th ed. M.: Greco-Latin cabinet Yu.A. Shichalina, 1991. 1370 p.

7. Voilova K.A. Old Church Slavonic: a manual for universities: a textbook. M.: “Drofa”, 2003. 367 p.

8. Greek-Russian Dictionary of the New Testament: trans. Concise Greek-English Dictionary of the New Testament by Barclay M. Newman: Rus trans. and ed. Kuznetsova V.N. with the participation of Smagina E.B. and Kozyreva I.S. M.: RBO, 1997. 232 p.

9. Gresham Machen J. Textbook of the Greek language of the New Testament. 2nd ed., rev. and additional: textbook. M.: RBO, 1995. 236 p.

10. Dvoretsky I.Kh. Latin-Russian dictionary. 5th ed., erased. M.: Rus. lang., 1988. 846 p.

11. Desnitsky A.S. Forty questions about the Bible. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii (access date: 01/24/2024)

12. Lomtev T.P. Essays on the historical syntax of the Russian language: monograph. M.: Moscow University Publishing House, 1956. 596 p. URL: Lomtev, Timofey Petrovich – Essays on the historical syntax of the Russian language: a textbook for state universities – Search RSL (access date: 02/13/2024)

13. Sobolevsky S.I. Latin grammar. Theoretical part. Morphology and syntax. St. Petersburg: Publishing house "Aletheya", 1998. 432 p.

14. Utkina A.F. Syntactic synonymy of explanatory subordinate clauses (based on written monuments of the first half of the 19th century). Yearbook of Finno-Ugric studies. 2023. T. 17. Issue. 1. pp. 53 – 61

15. Utkina A.F. Complex sentences in translated manuscripts of the Gospel of Luke. Modern Humanities Success. 2023. No. 9. P. 144 – 149.

16. Khukhuni G.T. Modern translation of the Holy Scripture: choice of strategy. Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2018. No. 1ю P. 50 – 55. URL: https:// Modern translation of the Holy Scripture: choice of strategy (cyberleninka.ru). (date of access: 02/09/2024)

17. Khukhuni G.T., Osipova A.A. Reference or pragmatics? (about possible strategies for Bible translations) // Vestn. Moscow un-ta. Ser. 19, Linguistics and intercultural communication. 2021. No. 2. P. 215 – 224.

18. Biblia Sacra juxta vulgatum versionem. Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1994. 1980 p.

19. ΚΑΙΝΙ ΔΙΑΘΗΚΗ. Κατα την εκδοσιν του οικουμενικου πατριαρχειου. Αποστολικη διακονια της εκκλησιας της Ελλαδος εν Αθηναις. Εκδοσις 1993. 518 σ.

20. Wood Jim, Raffaella Zanuttini 2023. The Syntax of Presentatives: Evidence from English and Italian (In progress). URL: Project MUSE – The syntax of English presentatives (jhu.edu) (access date: 02/13/2024)

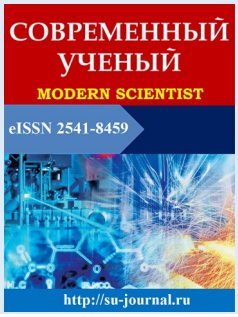
21. Zanuttini Raffaella Presentatives and the syntactic encoding of contextual information. Studies in Generative Grammar. 2017. No. 127. P. 221 – 255.

Информация об авторах

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения

Михайлов М.К., аспирант, Государственный университет просвещения

© Балута А.А., Михайлов М.К., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.111
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-113-119

Образ России в современном британском историческом романе

[1] Загрядская Н.А.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: статья посвящена созданию образа России в современной британской исторической литературе. Особое внимание обращается на трактовку понятий «исторический роман» и «роман об историческом прошлом». Автором затрагивается вопрос происхождения и развития жанра исторического романа, его трансформация. В статье дается определение понятия «миф о России», дается краткий обзор литературы по данному вопросу. Исследование проводится на материале романов современных британских писателей Э. Резерфорда "Russka" и Э. Элпстен "Tsarina". Романы анализируются с точки зрения их жанровой принадлежности, а также особенностей создания образа России в рамках сложившегося «мифа о России. Автор проводит сравнение двух произведений, останавливаясь на специфике каждого романа, выделяя сходства и различия в подходе к созданию как образа страны в целом, так и описанию отдельных исторических персоналий. Изображение различных исторических событий также подвергается рассмотрению. В заключении делается вывод об определенной стереотипности подхода авторов обоих произведений и устойчивости сложившегося мифа о России. Намечаются перспективы дальнейшего исследования данной проблемы как в области литературоведения, так и в области стилистики текста.
Ключевые слова: жанр, исторический роман, роман об историческом прошлом, миф о России, исторический персонаж, образ России, художественный образ, художественный текст, современная британская литература, английский роман, Э. Резерфорд, Э. Элпстен

Для цитирования: Загрядская Н.А. Образ России в современном британском историческом романе // Современный ученый. 2024. № 5. С. 113 – 119. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-113-119

Поступила в редакцию: 7 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The image of Russia in modern British historical novels

[1] Zagryadskaya N.A.

[1] Federal State University of Education

Abstract: the article is devoted to the creation of the image of Russia in modern British historical literature. Special attention is paid to the interpretation of the concepts of "historical novel" and "novel about the historical past". The author touches upon the question of the origin and development of the genre of the historical novel, its transformation. The article defines the concept of "the myth of Russia" and provides a brief overview of the literature on this issue. The research is based on the novels of modern British writers E. Rutherford "Russka" and E. Alpsten "Tsarina". The novels are analyzed from the point of view of their genre affiliation, as well as the peculiarities of creating an image of Russia within the framework of the established "myth of Russia. The author compares the two works, focusing on the specifics of each novel, highlighting similarities and differences in the approach to creating

both the image of the country as a whole and the description of individual historical figures. The depiction of various historical events is also under consideration. Finally, the author makes a conclusion that there is a certain stereotypical approach of the authors of both works and the stability of the established myth about Russia. Prospects for further research of this problem are outlined both in the field of literary criticism and in the field of text stylistics.
Keywords: genre, historical novel, novel about historical past, historical character, the Russian myth, image of the country, characterization, literary image, literary text, English novel, modern British literature, E. Rutherfurd, E. Alpsten

For citation: Zagryadskaya N.A. The image of Russia in modern British historical novels. Modern Scientist. 2024. 5. P. 113 – 119. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-113-119

The article was submitted: April 7, 2024; Approved after reviewing: June 10, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В данной статье рассматривается образ России, представленный в современном британском историческом романе. Образ России в англоязычной, в частности, британской литературе многократно оказывался в центре внимания отечественных и зарубежных ученых. В работах разных лет описывается представление жителей Британских островов об образе жизни, религиозных традициях и национальном характере народов, населяющих территорию современной России. Разные виды взаимодействия двух стран в разные исторические эпохи находили отражение в произведениях различных жанров, от путевых заметок до шпионских романов и детективов. Вместе с тем малоизученным остается такой жанр как исторический роман, представляющий собой богатейший источник информации. Необходимость такого исследования делает данную работу *актуальной.*

Объектом исследования является современный британский исторический роман о России. В качестве *предмета исследования* выступает образ России, представленный в романах данного жанра.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей формирования образа России в данных произведениях.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили романы таких современных британских писателей как Э.Резерфорд (роман "Russka") [12] и Э. Элпстен (роман "Tsarina") [10]. В работе использовались такие *методы исследования*, как описание, анализ, сравнение. Выбор методов исследования обусловлен необходимостью решения следующих задач: 1) изучить понятие «исторический роман», 2) раскрыть понятие «образ России», 3) выявить и описать составляющие образа России в выбранных произведениях.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее результатов на занятиях по дисциплинам «История страны изучаемого языка», «Литература страны изучаемого языка» и «Практика английского языка».

Результаты и обсуждения

Россия традиционно привлекала внимание западного мира, являясь своего рода страной-загадкой, *terra incognita*, трудной для понимания и взаимодействия. У жителей Британских островов образ России складывался столетиями, развиваясь и усложняясь от эпохи к эпохе. Литература разных жанров играла в создании этого образа одну из ключевых ролей, с одной стороны, обогащая представление народа о малознакомой, таинственной стране, с другой стороны, впитывая в себя идеи, распространенные в обществе.

«Вопросами о принципах и механизмах восприятия другой страны и народа, а также формирования соответствующих образов в своей, исходной культуре занимается имагология» [3, с. 7]. Имагологические исследования в области художественной литературы уже давно занимают важное место в отечественной науке. К исследованию образа России в английской литературе в разные годы обращались такие авторы как Э. Кросс [11], Н.П. Михальская [4, 5], С.Б. Климова [2], Л.Ф., Хабибуллина [8, 9], С.Б. Королева [3] и др. Н.П. Михальская не только первая из отечественных ученых провела полномасштабное исследования художественного образа нашей страны в английской литературе, но и постаралась «определить вневременную сущность образа через его структурные моменты», признав такой сущностью миф [2, с. 329]. С.Б. Королева подробно рассматривает понятие инонационального мифа, формулируя принципы его существования и механизмы развития [3]. Она разграничивает такие понятия как «образ» и «стереотип». По ее мнению, «художественный образ иной культуры многомерен..., органично воплощает эстетические и мировозренческие ориентиры автора» [3, с. 12-13].

Миф о России в культуре и литературе Англии, (а затем и Великобритании), создавался на протя-

жении многих веков. В разные времена Россия представлялась по- разному, однако, сквозь эпохи прослеживаются тенденции изображать ее как страну иного, чуждого мира, подчеркивая ее обширные территории, варварские (с точки зрения британцев) обычаи, религиозность и стремление к реализации политических амбиций. Россия традиционно воспринималась в большей степени как часть Азии, и только в Петровские реформы заставили задуматься о ее европейской принадлежности. Вместе с тем в короткий период конца XIX – начала XX века особый интерес вызывали русская классическая литература и драматургия, в результате чего возникло представление о «русской душе», «русской точке зрения», «русском мире». «Русское» воспринималось как духовное, возвышенное, отмечалась склонность русского человека к мистицизму, его доброта и жертвенность. В это же время возник интерес к поиску точек соприкосновения двух культур, общности мировоззрения двух разных наций. Образ Советской России в большинстве своем был лишен положительной окраски. В нем доминировали такие составляющие как тоталитаризм, агрессия по отношению к другим странам, обезличивание человека. Вновь возникает образ врага, духовность и душевные качества народа перестают находиться в центре внимания. Конец XX – начало XXI века не принести абсолютно новых элементов в уже сложившийся образ нашей страны, что во многом связано с политическими процессами, происходящими в мире.

Как упоминалось выше, полномасштабные имагологические исследования России проводились на литературе самых разных жанров, от средневековых трактатов о путешествиях до современных шпионских романов. Однако до сих пор мало внимания уделялось такому жанру как исторический роман. Жанр исторического романа возник в творчестве шотландского писателя В. Скотта, и с тех пор претерпел различные трансформации. А.Ю. Перевезенцева отмечает, что к концу XIX века «исторический роман значительно раздвинул границы своих художественных возможностей обогатившись не только обращением к различным периодам истории, но и новой проблематикой» [6, с. 500]. В XX веке развитие жанра продолжается, следуя «тенденциям, существующим в мировом искусстве в целом» [6, с. 500]. Наряду с произведениями, написанными в традициях прошлого, появляются экспериментальные работы авторов-модернистов, а позднее и постмодернистов. Вместе с тем само понятие «исторический роман» представляется неоднозначным и вызывает вопросы. Б.М. Жачемукова и Ф.Б. Бешукова предлагают различать понятия «исторический роман» и «роман об историческом прошлом». В историческом романе описывается историческое прошлое, при этом в центре повествования находится известная личность, исследуется ее роль в событиях того времени. Героями романа об историческом прошлом являются вымышленные персонажи, показанные на фоне определенной исторической эпохи, большую роль здесь играет художественная условность [1, с. 1]. При этом, конечно, необходимо принимать тот факт, что термин «исторический роман» является общепринятым и употребляется для обозначения жанра художественных произведений, рассказывающих о событиях прошлого. В английской литературе XVIII-XX века число как собственно исторических романов, так и романов об историческом прошлом, посвященных России, невелико. В большинстве случаев в романах того времени Россия становится лишь одним из мест действия, в некоторых появляется герой из России. К таким произведениям можно отнести роман Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» (*The Farther Adventures of Robinson Crusoe*, 1719), М. Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» (*Frenkestein: or, the Modern Prometheus*, 1818), Э. Бульвер-Литтона «Деверьё» (*Devereux*, 1829), В. Вулф «Орландо» (*Orlando*, 1928). Последние два произведения имеют свои особенности. «Деверьё» – это исторический роман, написанный в форме мемуаров. В нем фигурируют разные исторические личности, среди которых присутствует Петр I. Действие одной из глав происходит в Петербурге. Роман в целом посвящен не только России, это лишь одна из арен действия. Роман «Орландо» - роман модернистский, в нем присутствует гротеск и фантазийная условность. Вместе с тем представление о России в романе достаточно стереотипно, в нем много обобщений. Определенный интерес представляют романы Х. Уолпола «Зеленое зеркало: тихая история» (*The Green Mirror: a Quiet Story*, 1918), «Темный лес» (*The Dark Forest*, 1916), «Тайный город» (*The Secret City*, 1919). Отсылки к России и русским героям также присутствуют в некоторых романах таких писателей как Дж. Конрад, Р. Киплинг и У.С Моэм. Эти романы не являются историческими, а повествуют о событиях в большей или меньшей степени современных автору и относятся скорее к жанру шпионского романа. В конце XX – начале XXI века возник всплеск интереса к драматическим моментам истории России и познее Советского Союза. Такими моментами стали Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война и сталинская эпоха. Среди произведений, посвященных дан-

ным событиям, следует упомянуть «Начало весны» (*The Beginning of Spring*, 1988) П. Фицджеральд, «Декрет о народной любви» (*The People's Act of Love*, 2006) Дж. Мика. Эти романы можно отнести к романам об историческом прошлом, их герои обычные люди, живущие в трудный, переломный период истории страны. События, происходившие в России и СССР, в некоторых случаях становились объектом жесткой сатиры. Примером является роман «Скотный двор» (*Animal Farm: a Fairy Story*, 1945) Дж.Оруэлла. Ужасы репрессий освящаются в романе А. Кёстлера «Слепящая тьма» (*Darkness at Noon*, 1940). В эпоху перестройки и 90-е годы образ России часто возникает в британской художественной литературе, как элитарной, так и массовой. Россия вновь становится местом действия политических и криминальных романов, зачастую представая страной победившего хаоса и разрушенной системы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что среди художественных произведений о России число собственно исторических романов и романов об историческом прошлом не является значительным. Вместе с тем данный жанр все-таки представлен в литературе конца XX-начала XXI вв. Это безусловно связано с интересом к России и ее прошлому, возникшем после падения железного занавеса и установления более тесного общения между двумя странами. К исторической тематике могут обращаться авторы популярной, массовой литературы. Их задачей является скорее развлечение читателя, чем осмысление сложного исторического процесса. Однако такие произведения несут и определенную просветительскую функцию, информируя аудиторию о малоизвестных или абсолютно неизвестных фактах из истории другой страны. Можно предположить, что рядовой житель Соединенного Королевства обладает скромными познаниями о событиях прошлого в России. При этом даже популярный роман, действие которого развивается на фоне исторических событий, позволяет получить представление об эпохе и ее главных персоналиях, особенностях развития культуры и образе жизни обычных людей. Одновременно у читателей возникает образ России, с одной стороны, продолжающий уже сложившееся представление, с другой стороны, задающий новое направление в формировании восприятия России носителями британской культуры.

Нами были выбраны два произведения, повествующих об исторических событиях, происходивших в России. Это романы Э. Резерфорда «Русское» (*Russka*) и Э. Элпстен «Царица» (*Tsarina*). Данные произведения различаются как по жанру, так и по стилю.

Роман Э. Резерфорда «Русское», написанный в 1991 году, представляет собой историческое повествование, охватывающее период с 180 г.н.э до 1990 г. По сути, перед читателем проходит вся история современной России, с расселения древних племен до постперестроечных реформ, приведших к краху Советского Союза. Автором была проделана большая исследовательская работа по изучению архивных источников, он путешествовал по России, а затем прожил здесь некоторое время, вникая в культуру и особенности быта. Повествование ведется в традиционной для автора манере. История страны рассказывается через историю многих поколений нескольких семей, принадлежащих к разным социальным слоям. Основное действие происходит в двух поселениях с одинаковым названием «Русское» (*Russka*). Первое из них возникло на юге, в нем показаны черты южной части России. Второе, возникшее позже, воплощает в себе образ северной России. Оба поселения вымышлены, но в них представлен образ жизни обычных людей в разные исторические эпохи. В романе отражены наиболее существенные, переломные моменты истории нашей страны, но в целом автору удается создать всеобъемлющую панораму жизни людей на территории России на протяжении почти двух тысячелетий. Перед читателем (а роман, безусловно, ориентирован на англоязычного читателя) предстает довольно реалистичный образ России и ее жителей. По мнению О.Ю. Полякова и О.А. Поляковой, «важным имагологическим достижением Резерфорда стало не только преодоление распространенных клишированных представлений о России, но и художественное переосмысление целого ряда стереотипных образов, наполнение их новым глубоким содержанием» [7, с. 147]. Сам писатель в предисловии определяет жанр своего произведения как исторический роман. Мы, используя приведенную выше терминологию [1, с. 1], можем уточнить, что в нем происходит слияние как собственно исторического романа, так и романа об историческом прошлом. Главными действующими лицами являются вымышленные персонажи. Однако наряду с ними на страницах романа появляются и действуют реальные исторические личности, такие как Иван Грозный, Петр Великий и другие. Роман Резерфорда содержит множество авторских отступлений. Автор дает последовательное изложение событий, происходивших на территории современной России, сопровождая его объяснениями, приводя причины и делая свои выводы.

Роман Э Элпстен «Царица» (*Tsarina*) повествует об эпохе Петра Великого. Главной героиней этого произведения является вторая жена Петра, известная как Екатерина Алексеевна, и ставшая после его смерти императрицей Екатериной I. Роман написан от первого лица, рассказчиком является сама Екатерина. Все происходящее дается через призму ее восприятия. Она рассказывает «свою историю» от детства в Ливонии до момента восшествия на престол. Хотя роман и является историческим, его цель скорее развлечь читателя, чем дать ему полноценную информацию. Екатерина представляется как авантюристка, прошедшая путь от неграмотной крестьянской девушки до Императрицы Российской. При этом она показана как женщина, совершавшая убийства на пути к трону, возможно, даже виновная в смерти самого Петра. В своем повествовании она как бы исповедуется перед читателем, не скрывая даже самые страшные моменты своей биографии.

Таким образом в обоих произведениях авторами создается образ России в разные исторические эпохи, при этом не всегда удается уйти от стереотипов. Во некоторых случаях авторы как бы накладывают уже существующее представление о России на создаваемый ими художественный мир, «подыгрывают» читателю. Это в большей степени присутствует в романе Э. Элпстен. Э. Резерфорд, со своей стороны, хотя и следует многим стереотипам, в то же время старается пояснить читателю происхождение того или иного явления, дать ему возможность поразмыслить над ним.

Одной из доминирующих составляющих образа России является пространство. Э. Резерфорд на протяжении всего романа приводит многочисленные описания лесов и степи, сопровождая их комментариями географического характера. В главе I (*Forest and Steppe*) делается акцент на обширности территорий. Все это пространство описывается как *terra incognita*, что, в свою очередь, отсылает читателя к мысли о непознаваемости России, высказываемой автором позднее. В романе «Царица» Марта, будущая императрица России, также отмечает ощущение необъятности страны, по которой совершает путешествие. При этом в описании пейзажей доминирует серые, мрачные тона. Так же с самого начала в романе «Русское» присутствует идея о России как мосте между Европой и Азией, между миром кочевников степи и оседлых племен леса. При этом автор обращает внимание на миролюбие славян и воинственность кочевых народов. Еще одним важным компонентом образа является отношение жителей страны к религии в целом и церкви в частности. Так в обеих книгах противопоставляются западная и восточная ветви христианства. Россия (Русь), выбравшая православие, показана как слепо следующая за Византией, пытающаяся имитировать не только византийские церковные обряды, но и образ жизни в целом. Э. Резерфорд делает акцент на вторичности русских обрядов, архитектурных стилей и т.д. Россия как бы запаздывает в принятии всего нового, а принявшие православие продолжают совершать языческие обряды, сочетая обе религии и демонстрируя суеверие. Вместе с тем в романе неоднократно даются примеры религиозного фанатизма. Консерватизм, а в некоторых случаях буквально отсталость средневековой России показана в связи с вопросами земледелия, науки, образования. В обоих романах приводятся высказывания героев, (а Резерфорд дает авторский комментарий) о том, что многие жители России не знакомы с основами ведения сельского хозяйства, опасаются новшеств и считают образование бесполезным. Еще одним аспектом является отношение к закону. Рассказывается недоверии людей разных сословий к законам и нежелании им следовать. При этом представители просвещенной части населения говорят о необходимости верховенства закона. Наиболее интересной составляющей образа России, как в романе Э. Резерфорда, так и в романе Э. Элпстен, представляется взаимоотношение народа и правителя. В романе «Русское» с самых первых страниц приводятся описание ситуаций и рассуждения автора о роли правителей в России. В повествовании о разных эпохах можно встретить изречения героев о том, что царь является отцом своего народа, а представители дворянства называют себя рабами царя. При этом не считается постыдным обмануть царского чиновника. Единовластное правление монарха представляется как единственно возможный вариант в управлении Россией. В романе «Царица» также присутствуют рассуждения на эту тему, а Петр I показан как монарх в многих случаях злоупотребляющей своей властью.

Выводы

Проанализировав оба произведения, нам удалось выявить следующие составляющие образа России, являющиеся во многом стереотипными. Россия представлена как страна с большой территорией, выполняющая функцию моста между Европой и Азией. Жители России показаны как глубоко верующие люди. Однако сама страна пошла по пути Византии, не всегда взяв от нее самое лучшее. Россия показана как консервативная страна, испытывающая недоверие к новшествам. В средневековой России отсутствует закон, а единственно возможной формой правления представляется абсолютная монархия. Таким образом, миф о России, возникший в XVI-XVII вв. в британской

литературе продолжает существовать и развиваться. При этом в романе Э. Резерфорда присутствует анализ представленного образа. Как автор в своих многочисленных отступлениях, так и герои в диалогах и внутренней речи, много размышляют о положительных и отрицательных сторонах российской истории. В целом автором создается образ сильной, мощной державы, стремящейся играть значительную роль на мировой арене. Формат статьи не позволяет все составляющие образа России, присутствующие в современном историческом романе, написанном британскими авторами. В текстах обоих произведений присутствует множество других более тонких аспектов, требующих более детального рассмотрения. При этом авторы обоих произведений пишут именно об исторической, главным образом, средневековой России, отмечая уникальное положение и роль современной России в мире. Задачи, поставленные в статье, представляются решенными. В дальнейшем возможно продолжение исследования романов других авторов с целью создания более целостной картины. Также представляется возможным исследовать лингвостилистические средства, используемые авторами для создания образа России в произведениях данного жанра.

Список источников

1. Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 11 – 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana (дата обращения: 14.02.2024)

2. Климова С.Б. Миф о России в английской культуре и литературе рубежа XIX-XX веков: от антихристианского «чужого» к христианскому «своему» // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 329 – 334.

3. Королева С.Б. Миф о России в британской культуре. Москва: Издательство «Флинта», 2023. 384с.

4. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. Москва: МПГУ, 1995. 152 с.

5. Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагогологии. Самара: Портопринт, 2012. 223 с.

6. Перевезенцева А.Ю. Развитие исторической прозы в английской литературе XX века // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 500 – 503.

7. Поляков О.Ю., Полякова О.А. Петровская Россия как цивилизационное и культурное пограничье в романе Э.Резерфода «Русское» // Филология и культура. 2022. № 3 (69). С. 146 – 153.

8. Хабибуллина Л.Ф. Национальный миф в английской литературе второй половины XX века: дис. ... докт. филолог. наук. Казань, 2010. 392 с.

9. Хабибуллина Л.Ф. Специфика стереотипизации образа России в современной английской литературе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 170 – 175.

10. Alpsten E. Tsarina. London: Bloomsbury Publishing, 2021. 470 p.

11. Cross A. The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford: Oxford University Press, 1985. 278 p.

12. Rutherfurd E. Russka – Arrow Books, 1992. 1007 p.

References

1. Zhachemukova B.M., Beshukova F.B. Artistic specificity of the historical novel genre. Bulletin of the Adygea State University. Series 2, Philology and art history. 2011. No. 1. P. 11 – 17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana (date of access: 02/14/2024)

2. Klimova S.B. The myth of Russia in English culture and literature at the turn of the 19th-20th centuries: from the anti-Christian “alien” to the Christian “our own”. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2012. No. 6 (1). P. 329 – 334.

3. Koroleva S.B. The myth of Russia in British culture. Moscow: Flinta Publishing House, 2023. 384c.

4. Mikhalskaya N.P. The image of Russia in English fiction of the 9th-19th centuries. Moscow: MPGU, 1995. 152 p.

5. Mikhalskaya N.P. Russia and England: problems of imagogology. Samara: Portoprint, 2012. 223 p.

6. Perevezentseva A.Yu. Development of historical prose in English literature of the 20th century. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2011. No. 6 (2). P. 500 – 503.

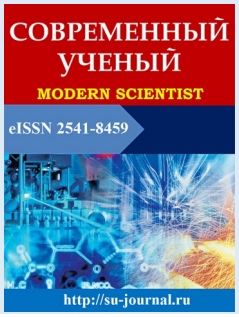
7. Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. Petrine Russia as a civilizational and cultural borderland in E. Rutherfod’s novel “Russian”. Philology and culture. 2022. No. 3 (69). P. 146 – 153.

8. Khabibullina L.F. National myth in English literature of the second half of the 20th century: dis. ... doc. philologist. Sci. Kazan, 2010. 392 p.
9. Khabibullina L.F. Specifics of stereotyping the image of Russia in modern English literature. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2014. No. 2 (3). P. 170 – 175.
10. Alpsten E. Tsarina. London: Bloomsbury Publishing, 2021. 470 p.
11. Cross A. The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford: Oxford University Press, 1985. 278 p.
12. Rutherfurd E. Russka – Arrow Books, 1992. 1007 p.

Информация об авторе

Загрядская Н.А., кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ntalie@mail.ru

© Загрядская Н.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.23
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-120-128

Единицы знаний как важные составляющие когнитивной системы индивидуума

[1] Мазирка И.О., [1] Горбунова Е.В.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: в статье рассматривается система познания человека, а также ее структура и процессы взаимодействия ее элементов. Путем проведения нескольких опросов, подтверждающих тесную связь двух систем индивидуума – когнитивной и лексической, автор работы демонстрирует сложный процесс построения мыслительной формы в сознании русскоязычных индивидуумов разного гендера. В статье подтверждается важная роль участия информативных единиц в данном процессе, в том числе и при восприятии, понимании и изучении человеком иностранного языка.
Ключевые слова*:* когнитивная структура, единица знаний, информативная единица, мыслительная форма, ассоциативная связь

Для цитирования: Мазирка И.О., Горбунова Е.В. Единицы знаний как важные составляющие когнитивной системы индивидуума // Современный ученый. 2024. № 5. С. 120 – 128. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-120-128

Поступила в редакцию: 7 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Units of knowledge as important components of an individual's cognitive system

[1] Mazirka I.O., [1]Gorbunova E.V.

[1] Federal State University of Education

Abstract: the article deals with the system of human cognition, as well as its structure and processes of interaction of its elements. By conducting several surveys confirming the close connection of two systems of an individual – cognitive and lexical, the author of the paper demonstrates the complex process of constructing a thought form in the minds of Russian-speaking individuals of different gender. The article confirms the important role of the participation of informative units in this process, including the perception, understanding and learning of a foreign language by a person.
Keywords: cognitive structure, knowledge unit, informative unit, thought form, associative connection

For citation: Mazirka I.O., Gorbunova E.V. Units of knowledge as important components of an individual's cognitive system. Modern Scientist. 2024. 5. P. 120 – 128. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-120-128

The article was submitted: April 7, 2024; Approved after reviewing: June 10, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Когда речь идет о когнитивной системе человека, то обычно обсуждаются вопросы влияния ее структуры на поведение индивида (в том числе и вербальное) или на состояние последнего. Любой человек отчасти уникален в плане применяемых им удобных и подходящих лично для него способов восприятия постоянно получаемой им извне информации, а также в переработке уже имеющейся. Поступающие индивиду сведения могут быть как об окружающем его мире, так и о нем самом как части этого мира. Таким образом проявляются и проходят у человека когнитивные процессы, с помощью которых индивид хранит или трансформирует получаемую им информацию для дальнейшей ее обработки и использования в познании и объяснении окружающего его мира.

Согласно ряду исследований [2, 5, 7, 8, 10] когнитивная структура знаний человека представляет собой «мельчайшие закодированные частицы с подвижными или мобильными между ними связями» [6]. При активизации действия описываемых частиц, последние начинают перестраиваться, и их различные комбинации становятся впоследствии базой для комбинирования различных мыслительных форм. Отметим, что образующиеся при первом восприятии индивидуумом объекта / явления связи описываемых нами единиц, не становятся постоянными и «навсегда застывшими» в структуре какой-либо мыслительной формы.

При этом следует заметить, что при получении определенного стимула начинают активизироваться только те единицы структуры, которые соответствуют параметрам данного стимула, а образовавшаяся группа единиц работает таким образом, что индивид воспринимает сложившуюся структуру как уже новую для него мыслительную форму, а не как набор отдельных единиц.

Среди сгруппированных единиц есть как осмысливаемые индивидуумом, так и те, которые он осмыслить не в состоянии. Описываемые единицы, не имеющие ассоциативной связи с чем-либо, можно определить как единицы знаний индивидуума о чем-либо. Например, любое представление о форме, точнее, знание о ней, а не нечто, материально существующее в такой форме в реальном мире, можно назвать единицей знания. В сложных процессах восприятия и понимания индивидуумом представленных ему единиц, последние заметно активизируются и становятся мнемоединицами знания (термин Колодиной); данная активизация происходит в рабочей памяти индивидуума [5].

Поскольку мыслительная форма не статична и может являться результатом комбинации разных единиц, причем из нескольких отличных друг от друга структур, то весь мыслительный процесс индивидуума представляется как постоянно происходящая перетасовка комбинаций единиц знаний, согласно воздействующим на данный процесс стимулам.

Такое объяснение возникновения и функционирования в мозгу индивидуума новых мыслительных форм может быть подтверждено и исследованиями, проводимыми вне рамок лингвистических наук (например, возникновение в мозгу индивидуума целостного образа, посредством активизации в этом мозгу нейронов из разных зон и создание на их основе разных комбинаций, что приводит к глобальной активности данного мозга), то есть описываемая нами активность единиц знания приводит к осмыслению мыслительной формы.

Когнитивная система индивидуума тесно связана с лексической системой языка, о чем уже неоднократно писалось в ряде научных работ [3, 7, 11 и др.], а знания, имеющие номинацию, могут быть еще и лучше структурированы, поскольку чаще кодируются единицами знания, которые имеют ассоциативные связи и тем самым задействуют в процесс их активации больше зон головного мозга. Например, в раннем детстве, когда мы впервые встречаемся с рядом незнакомых для нас на тот момент жизни понятиями и их названиями, мы сами или кто-то для нас их неоднократно проговаривает вслух, при этом каждый раз указывая на тот предмет или изображение с ним, которые называются. Заметим, что в детском возрасте название нового для нас предмета даже на родном языке не всегда сразу и легко нами запоминается, если, например, этот новый предмет находится в одном классе с ему подобными (названия цветов, животных, рыб, геометрических форм), поэтому часто и иногда долго такие названия можно спутать . Ситуация становится более понятной, когда речь идет об изучении человеком любого возраста иностранного языка. Поскольку словами в родном языке мы обозначаем мыслительные формы, которые структурируются в нашем мозгу по ассоциативным связям, то вполне очевидно, что такое распознавание станет невозможным, если человеку предъявить слово на иностранном для него языке без приведения этому слову какого-либо соответствия в родном языке или без презентации данной языковой единицы каким-либо иным способом для того, чтобы у индивидуума возникла мыслительная/ментальная репрезентация данной

лексемы. Например, в мозгу человека, только начавшего изучать английский язык и впервые услышавшего слово *dog,* не возникнет никакой связи с каким-либо из уже имеющихся у него в первой сигнальной системе ментальных образов, как не возникнет и никаких ассоциативных связей для создания какой-либо новой для него мыслительной формы, а, следовательно, не произойдет и понимания индвидуумом значения этого слова, что заметно помешает первому запомнить данную единицу языка.

Материалы и методы исследований

Для подтверждения часто обсуждаемой в научном мире мысли о существовании тесной связи между когнитивной системой индивидуума и лексической системой языка, а также с целью демонстрации сложного процесса построения мыслительной формы, в частности в сознании русскоязычного индивидуума, в том числе и при изучении им иностранного языка, для подтверждения важной роли участия информативных единиц в этом процессе и значимости фоносемантической коннотации слов для определения возможного присутствия у индивидуумов разных гендеров различий в восприятии образов нами были проведены два опроса с участием 60 студентов второго курса Государственного университета просвещения(30 девушек и 30 юношей) с ограничением по времени предоставления ответов в каждом из опросов. В первом опросе ожидались ответы респондентов на английском и/или их дублирование на русском языке, во втором – язык мог стать предметом выбора, при этом от респондентов ожидалось подробное описание образов.

Результаты обсуждения

Лексическая система языка организована так, что в ней обязательно присутствуют ассоциативные группы синонимически близких слов, поэтому для понимания индивидуумом сказанного в его сознании должна присутствовать хотя бы одна лексическая единица или фонетический образ, которые имеют синонимические связи с впервые представленным индивидууму для понимания словом (например, в случае про собаку (*dog*), описанном во введении к данной статье, преподавателю английского языка достаточно будет изобразить голосом лай собаки или написать / сказать слово «гав»).

Однако бывают случаи, когда, например, услышанное человеком словосочетание закодировано в рамках второй сигнальной системы, т.е. каждое, входящее в его состав слово, имеет свою отдельную от всех связь с ментальным образом в мозгу человека, в составе же сочетания это слово не обнаруживает никакой связи ни с одним из ментальных образов у данного индивидуума (например, как в случае с выражением *heavy accent* для изучающего английский язык на начальном уровне при сравнении с сочетанием *bad accent;* последнее в отличие от первого уже на начальном уровне изучения индивидуумом английского языка имеет связь в мозгу последнего с определенным ментальным образом).

Отметим к тому же, что при спонтанном мыслительном процессе у индивидуума – реципиента речи/текста , уже присутствующие в его мозгу мыслительные формы могут ощутимо разниться с теми, которые возникают при фиксировании этим же индивидуумом внимания на отдельно воспринимаемых им словах и выражениях. Такая ситуация объясняется тем, что именно при фиксировании своего внимания у индивидуума активизируется больше единиц знаний, а, следовательно, возникает и больше связанных с ними ассоциативных связей, способствующих возникновению большего числа мыслительных форм. Кроме того, при спонтанном мыслительном процессе мыслительная форма выступает в виде схемы, оперирование которой вполне достаточно для процесса распознания индивидуумом текста/речи, поскольку в этой форме обязательно должна присутствовать уже активизированная у индивидуума информативная единица, позволяющая ему категоризовывать у себя все, что он воспринимает. Например, бывают ситуации, когда при восприятии индивидуумом одного слова в его мозгу происходит обязательно поэтапное создание двух мыслительных форм (одновременность в данном случае невозможна), как в английском языке –*blackbird* –1. черная птица; 2. дрозд).

Есть случаи и активизирования индивидуумом в своей мыслительной деятельности перемещенных схем мыслительных форм, тогда и в этом случае присутствие информативных единиц является обязательным условием для успешного распознания этим индивидуумом смысла текста/речи. Например, в ряде заданий для изучающих английский язык предлагается выполнить следующее: Найдите ошибки в тексте и исправьте их:

Linkle, Linkle, Twittle Lar,
What you wonder how I are.
вместо:
Twinkle, Twinkle, Little Star,
How I wonder what you are.

Что касается вариантов выражения информативной единицы на лексическом уровне, то в этом случае может выступить, например, морфема – суффикс или префикс. К примеру, уменьшительно-ласкательные суффиксы, а также ряд префиксов в английском языке могут образовывать каче-

ственно иную мыслительную форму, а авторы произведений в качестве стилистического приема могут представлять различные вариации одной и той же лексической формы, но репрезентирующей разные мыслительные формы: в англ. *Ducky,* может в одном и том же отрывке употребляться как в значении «душка, голубчик», так и «утенок», и только пояснения автора или контекст могут расставить точки над *i.*

Известны случаи, когда при предъявлении разным группам испытуемых одной и той же фотографии человека для описания основных черт его характера (при этом каждой из групп давались разные комментарии о жизни и деятельности этого человека), экспериментаторы получали в итоге описания, либо крайне разнящиеся между собой, либо даже противоположные.

В рамках обсуждаемой нами тематики, а также для подтверждения существования единицы знания в системе когнитивной структуры человеческого познания, нами был проведен небольшой опрос среди студентов второго курса Государственного университета просвещения, с целью выяснения как одинаковые визуальные изображения могут структурироваться в их сознании в виде разных когнитивных мыслительных форм. Заметим , что информативные единицы были одинаковы для участников обоих полов, но остались за пределами осмысления предъявленных испытуемым для анализа картинок.

Участникам опроса – 30 девушкам и 30 юношам студентам, предлагалось письменно и анонимно ответить на три вопроса интервьюера – инструктора, дав подробное, но в рамках четырех минут описание увиденных на рис. 1 и 2 изображений (младенец и старик), с максимальным использованием в этих описаниях лексических единиц русского и английского языков.

Рис. 1. Младенец.
Fig. 1. A baby.

Рис. 2. Старик.
Fig. 2. An old man.

Вопросы для респондентов:

1. Who is depicted in the picture? Give a detailed description of the person.
2. What are your feelings towards the person in the picture while looking at him / it? Give a detailed description.
3. What role in your life might these people play in your future? Give a detailed description.

Основные результаты опроса.

Таблица 1

Результаты опроса.

Table 1

Results of the survey.

Рисунок 1. Младенец		
Вопрос	Пол респондента	Ответы
1.Who is depicted in the picture? Give a detailed description of the person	Ж	Большое количество слов русского языка с уменьшительно-ласкательным суффиксом: малышка– *baby* (15), пупсик – pouncy (3); ребеночек – *very small baby* (12); маленький – *little* (30); миленький – *cute* (30); светленький – *light* (16); беленький – *white* (14), пухленькоее тельце – *chubby body* (28); добренькие глазки – *kind eyes* (18); крохотный носик – *tiny nose* (12); нет волосиков – *little hair* (18), ручки – *little arms* (11); ножки – *little legs/feet* (15); ушки – *little ears* (10)*;* добренькое личико – *kind face* (15); хорошенький – *pretty* (30); игривый – *playful* (5); хочет кушать – *hungry* (12)
	М	маленький – *little/small* (30); миленький – *cute* (12) ; смешной – *funny* (9); толстый – *fat* (3)
2. What are you feelings towards the person in the picture while looking at him / it? Give a detailed description.	Ж	умиление – lulling(30); беззащитность – *helplessness*(30); желание приласкать – *fondle*(25); хочется дать чего-либо вкусненького – *I want to give something tasty* (10); прижать к себе – *cuddle*(15); нянчить – *coddle*(20); умиление – *I'm fondy* (30); вызывает улыбку – *I want to give a smile*(28); радость – *joy* (20); воспоминания о себе маленьком, о сестре, брате – *like me many years ago, like my little brother/ sister* (25); желание иметь такого же – *I want to have the same (10)*; хочу заботиться – *I want to take care of him*(14); хочу защитить – *I want to protect him*(7), чувство ответственности за такого маленького) – *responsibility*(7); ничего не чувствую – no feelings (4);
	М	тёплые чувства – *warm feelings* (20), сравнение с собой в детстве/ младшей сестрой, братом – *like me/my little brother,sister many years ago* (27), чувство жалости – *pity* (20), беззащитность – *I want to protect him(15)*
3. What role in your life might these people play in your future? Give a detailed description	Ж	часть моей будущей семьи – *part of future family* (14); продолжение рода – *family continuation* (12); не вижу в своей жизни – *not connected with my future(4)*
	М	боюсь ответственности – *too much responsibility* (15); бремя для меня – *burden for me(4);* продолжение жизни – *continuation of life (8)*; ничего не чувствую – *no feelings(15)*
Рисунок 2. Старик		
1. Who is depicted in the picture? Give a detailed description of the person	Ж	старый – *old* (30), мудрый – *wise* (15), сгорбленный – *hunched* – 14; седой – *grey haired* (30), добродушный –*good natured* (10), немощный – *helpless(28)*
	М	старый – *old* (30), мудрый – *wise* (15), приятный – *good looking* (8), отзывчивый – *responsive* (5), с проблемами по здоровью – problems with health (20)
2. What are you feelings towards the person in the picture while looking at him / it? Give a detailed description.	Ж	родной человек – *close relative* (15); хочу помочь - *I want to help* (10); умиление – *tenderness* (10); уважение –*respect* (10); ничего не чувствую – *no feelings* (7), много времени на заботу о нем – *a lot of time to take care of him* (19), чувство жалости – *pity* (20) , страх/тревога за старика *fear/anxiety for him (*25), сочувствие – *sympathy(10)*
	М	зеркало общества – *mirror of the society* (10); жалость – pity (20); сострадание – sympathy(25); уважение к возрасту – respect for age(20);гордость за предков – *pride in ancestors* (6); ничего не чувствую – *no feelings* (4)
3. What role in your life might these people play in your future? Give a detailed description	Ж	часть семьи – *part of the family* (27), советчик – *adviser* (22); отец в будущем – *father in the future* (15); никаких мыслей – *no ideas (8);* не хочу быть такой – *I don't want to be like that* (15)
	М	неминуемый конец моей жизни – *unavoidable end of my life* (15); учитель для молодежи – *teaching young people* (10), никаких мыслей – *no ideas* (10)

Выводы

Ответы студентов девушек были, в основном, многословными (см. Таблицу) – подробно описывались внешность людей на рисунках и те чувства, которые они у них вызывали. Из основного – проявление чувства доброты, а также особая оценка присутствия этого качества у людей на рисунках; видение себя в будущем в группе с этими людьми.

Ответы юношей студентов отличались сдержанностью. Основные реакции на младенца – «маленький» и «чувство жалости», при этом респонденты не выражали желания каким-либо образом заниматься ребенком. При описании старика именно юноши обратили внимание на социальную сторону проблем старости в обществе и выразили обеспокоенность по поводу перспективы оказаться в таком же возрасте и состоянии. Юноши слабее девушек реагировали на значимость для них в будущем изображенных на рисунках людей.

Согласно полученным результатам, можем предположить, что мыслительные формы, хранящиеся у респондентов юношей и девушек в виде образов младенца и старика, – отличаются, то есть частично структурируются в разных плоскостях, а именно у студенток – это области «забота» и «сострадание», а у студентов – «жалость» и «социальная» сторона вопроса. При этом отметим, что различные чувства и эмоции представителей обоих гендеров в отношении одного и того же объекта все же , в основном, относятся к одной и той же группе – группе «положительные эмоции» , однако, ценностная ориентация изображений на рисунках для представителей разных гендеров происходит в разных группах/плоскостях (на разных уровнях) , у одних – нянчить, ласкать, у других – жалеть и опасаться ответственности . Практически такой же вывод просматривается и в реакциях на изображение на рис. 2. У девушек – жалость, страх, необходимость заботы, а у юношей – уважение, гордость, социальные проблемы, отчасти страх. Совпадение ментальных форм и их локации в мозгу респондентов в одном случае может быть объяснено одинаковым возрастом участников эксперимента обоих гендеров (молодость), а разница локации в другом случае – возможно, принадлежностью респондентов к разным гендерам и теми стереотипами, которые существуют в обществе (*здесь* российском) относительно распределения в нем социальных ролей, согласно часто негласным «нормам» гендерного воспитания в конкретном обществе.

Отметим, что информативные единицы, которые позволили респондентам обоих гендеров классифицировать предъявленные им изображения как группу «люди», остались за пределами осмысления ими (респондентами) образов на рисунках. Восприятие и классификация студентами образов происходили корректно, согласно правильному распознаванию респондентами определенных форм изображений (включая, геометрические), а также согласно расстоянию между информативными точками, определенными предметами (палка у старика), по возрастным атрибутам внешности, одежде, выражению глаз и т.д. Однако известны случаи, когда, например, только одна геометрическая форма не позволяет индивидууму правильно классифицировать увиденное им , поскольку может быть нарушен ряд показателей, препятствующих быстрому и правильному проведению такой классификации (например, нарушение расстояния между информативными точками). Происходит это потому, что определенные единицы знаний могут быть пока просто не закодированы в сознании респондентов, поэтому в их мозгу не возникает нужной и устойчивой связи между такими единицами, чтобы создать с их помощью новую ментальную форму, в состав которой входило бы большинство возможных устойчивых связей, соответствующих в определенных случаях именно данной конкретной геометрической форме (например, у человека бы был нарисован хвост или вместо рук – лапы). Такое изображение заставит респондентов задуматься, поскольку при стимуле (странное изображение на рисунке) в их мозгу стали бы активизироваться единицы из разных мыслительных форм («человек» и «животное»), что значительно бы затруднило их ответы и увеличило бы потраченное на процедуру время.

Проведенный опрос также дополнительно обнаружил и определенный уровень психологической реакции респондентов на предъявленные им изображения, помог оценить успешность реализации требований к воспитанию подрастающего поколения в РФ, частично выявил уровень знаний английского языка у студентов – второкурсников вуза.

Фоносемантическая коннотация слов также помогает научно определить наличие у респондентов возможных различий в их восприятии образов. Например, интервьюер задает программу мыслительной деятельности и проводит категоризацию ее мыслительной формы, при этом не сопровождает данный процесс какими-либо изображениями. Но информативные единицы могут быть так закодированы в звуках слова, что при произнесении последнего, вызовут у реципиента этих звуков ассоциации с определенным зрительным образом и без каких-либо образов на картинках. В

каждом языке, конечно такие кодировки свои, и только владение индивидуумом иностранным языком хотя бы на уровне А1, а также , в целом, его фоновые знания и эрудиция, смогут помочь ему в расшифровке этих информативных единиц. Тем же группам студентов мы предложили описать двух человек с вымышленными именами – никами (*nicknames*) *Kummacy[kAmasi] и Kummy[kAmi]*. При правильном произнесении слов легко обнаруживаются как сходство, так и различие в их акустико-артикуляторных характеристиках. Образ человека с ником *Kummacy* представился русскоязычным студентам-второкурсникам индивидуумом азиатского происхождения (Ж – 30, М – 30), с раскосыми узкими темными глазами (Ж – 30, М – 30), черноволосым и невысокого роста (Ж – 30, М – 30), мигрантом (Ж – 20, М – 25), мусульманином (Ж – 25, М – 25), предпринимателем(Ж –20, М– 15), офисным работником (Ж –20, М– 20), молодым (Ж –30, М– 30), шустрым и предприимчивым (Ж – 30, М – 30) , хитрым (Ж – 10, М – 15), а человек с ником *Kummy* «выглядел» по опросам студентом намного моложе *Kummacy,* мог быть девушкой/женщиной (Ж –10, М – 10), азиат (китаец, японец) (Ж – 30, М – 30), пухленький (Ж – 20, М – 25), с большими добрыми глазами и широкой улыбкой (Ж – 30, М – 30), немного наивный и доверчивый (Ж – 30, М – 30). Таким образом, можно предположить, что английские суффиксы *–acy и –y* при прибавлении к одной и той же основе стали причиной возникновения у респондентов разных образов – ассоциаций. Значит, можно и предположить, что существуют некоторые закодированные единицы знаний о звуке, которые можно рассматривать как мельчайшие когнитивные единицы знаний, способные при определённых комбинациях звуков вызывать в мозгу индивидуума образы/ассоциации, согласно уже существующим у него в голове определённым мыслительным формам, и таким образом дать возможность единицам знаний начать выполнять роль информативных единиц знаний. Получаемые в итоге новые информативные единицы начинают выполнять для индивидуума определяющую / лидирующую роль при совершении им категоризации окружающей его действительности и становятся основными в процессе восприятия данным индивидуумом этой действительности. Приведем простой пример – современные игрушки заметно отличаются от игрушек прошлого столетия и иногда, чтобы определить какое животное представляет собой данная игрушка, только восприятия ее формы, цвета и материала не является достаточным. Тогда может помочь дополнительная деталь – встроенный в игрушку звуковой механизм, например, изображающий мяуканье, который подскажет человеку верный путь в определении названия животного, «закодированного» в игрушке (в данном случае кота/кошки). Если у нас в мозгу нет готовой ментальной формы, включающей в себя одновременно все возможные ощущения относительно какого-то конкретного образа, (например, нет представления о зеленой щетинистой кошке без хвоста), нам будет сложно без дополнительного звука «мяу», идущего изнутри игрушки, отгадать в ней образ данного животного. Информативные единицы знаний находятся в обязательном и непрерывном подчинении закону сочетаемости, генетически заложенному в мыслительной программе индивидуума. Формулировка закона разъясняет причины и дает основание для определения категориальной системы как инструмента, способного управлять и структурировать всю поступающую индивиду и воспринимаемую им информацию (например, абсурдность существования образов «круглого квадрата», «дремучего поля» и т.п.). Отсюда вывод – информативные единицы – мельчайшими когнитивные единицы, подчиняющиеся действию закона сочетаемости и активно участвующие в сложном процессе создания и оперирования мыслительной формы в мозгу индивидуума, владеющего определенным языком /языками.

Список источников

1. Афанасьев В.В., Резаков Р.Г. Педагогическая диагностика качества познавательной деятельности студентов // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2012. № 3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-diagnostika-kachestva-poznavatelnoy-deyatelnosti-studentov (дата обращения: 11.02.2024)

2. Гаврилова Т.А., Лещева И.А. Понятийные структуры знаний и когнитивный стиль // Психология. Журнал ВШЭ. 2016. № 1. С. 154 – 176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-struktury-znaniy-i-kognitivnyy-stil (дата обращения: 11.02.2024)

3. Гнездилова А.Ф. Лингвистические и когнитивные аспекты основного лексикона (на материале русского и английского языков): специальность 10.02.19 "Теория языка": дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2009. 173 с.

4. Дейк Т. Анализ новостей как дискурса // Коммуникативные стратегии культуры. Современные дискурсивные практики. Новосибирск: Международная летняя школа, 1999.

5. Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста / М-во образования Рос. Федерации. Тамб. гос. техн. ун-т. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2001. 183 с.

6. Колодина Н.И., Лябина О.Г. Когнитивная структура знаний как единицы знаний // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 50 – 56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-struktura-znaniy-kak-edinitsy-znaniy (дата обращения: 11.02.2024)

7. Косихин В.В. Психологическое содержание и диагностика когнитивного стиля «Диапазон эквивалентности». Психология // Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9 (2). С. 116 – 131.

8. Мазирка И.О. Краткий экскурс в историю когнитивных наук и их современное развитие // Психология языка и психолингвистика: истоки и современность: Материалы Международной научно-практической конференции (к 200-летию со дня рождения Хеймана Штейнталя), Москва, 10-11 февраля 2023 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Государственный университет просвещения", 2023. С. 130 – 136.

9. Мазирка И.О., Мамедова М.Н. Особенности проявления и механизмы языковой интуиции в процессе овладения индивидом родным и иностранным языками // Дискурсивные практики в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 27-28 октября 2022 года.Москва: Московский государственный областной педагогический университет, 2023. С. 175 – 183.

10. Меньшикова А.А. Структура знания в когнитивных науках: проблема объекта Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2017. № 7 (120). С. 61 – 63.

11. Одинцова И.В. Когнитивная лексикология и когнитивный синтаксис в лингводидактике // МИРС. 2018. № 2. С. 75 – 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-leksikologiya-i-kognitivnyy-sintaksis-v-lingvodidaktike (дата обращения: 11.02.2024)

12. Филмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. 23.

13. Choi N., Song I.-Y., Han H. A survey on ontology mapping // Association for Semiotic Studies/SEMIOTICA. 2006. № 127 (1/4). P. 227 – 237.

References

1. Afanasyev V.V., Rezakov R.G. Pedagogical diagnostics of the quality of cognitive activity of students. Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Pedagogy and psychology. 2012. No. 3 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-diagnostika-kachestva-poznavatelnoy-deyatelnosti-studentov (date of access: 02/11/2024)

2. Gavrilova T.A., Lescheva I.A. Conceptual structures of knowledge and cognitive style. Psychology. HSE Journal. 2016. No. 1. P. 154 – 176. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-struktury-znaniy-i-kognitivnyy-stil (date of access: 02/11/2024)

3. Gnezdilova A.F. Linguistic and cognitive aspects of the basic lexicon (based on the Russian and English languages): specialty 02/10/19 “Language Theory”: dis. ...cand. Philol. Sci. Stavropol, 2009. 173 p.

4. Dyck T. Analysis of news as discourse. Communication strategies of culture. Contemporary discursive practices. Novosibirsk: International Summer School, 1999.

5. Kolodina N.I. Problems of understanding and interpreting a literary text. Ministry of Education Ros. Federation. Tamb. state tech. univ. Tambov: TSTU Publishing House, 2001. 183 p.

6. Kolodina N.I., Lyabina O.G. Cognitive structure of knowledge as a unit of knowledge. Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2010. No. 1. P. 50 – 56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-struktura-znaniy-kak-edinitsy-znaniy (access date: 02/11/2024)

7. Kosikhin V.V. Psychological content and diagnostics of cognitive style “Range of equivalence.” Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2012. No. 9 (2). pp. 116 – 131.

8. Mazirka I.O. A brief excursion into the history of cognitive sciences and their modern development. Psychology of language and psycholinguistics: origins and modernity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (to the 200th anniversary of the birth of Heimann Steinthal), Moscow, February 10-11, 2023. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Education", 2023. P. 130 – 136.

9. Mazirka I.O., Mamedova M.N. Features of the manifestation and mechanisms of linguistic intuition in the process of an individual mastering native and foreign languages. Discursive practices in the modern world: Materials of the international scientific and practical conference, Moscow, October 27-28, 2022. Moscow: Moscow State Regional Pedagogical University, 2023. P. 175 – 183.

10. Menshikova A.A. The structure of knowledge in cognitive sciences: the problem of the object Almanac of modern science and education Tambov: Gramota, 2017. No. 7 (120). P. 61 – 63.

11. Odintsova I.V. Cognitive lexicology and cognitive syntax in linguodidactics. MIRS. 2018. No. 2. P. 75 – 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-leksikologiya-i-kognitivnyy-sintaksis-v-lingvodidaktike (access date: 02/11/2024)

12. Fillmore Ch. Frames and semantics of understanding. New in foreign linguistics. M.: Progress, 1983. Issue. 23.

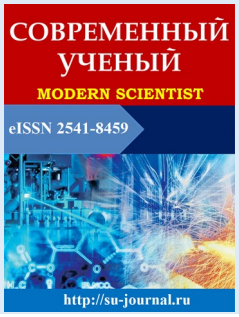
13. Choi N., Song I.-Y., Han H. A survey on ontology mapping. Association for Semiotic Studies. SEMIOTICA. 2006. No. 127 (1/4). P. 227 – 237.

Информация об авторах

Мазирка И.О., доктор филологических наук, профессор, Orcid ID:43040741, Государственный университет просвещения, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, mazirka_den@mail.ru

Горбунова Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, ev.svet@mail.ru, телефон

© Мазирка И.О., Горбунова Е.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'25
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-129-139

Сопоставительный анализ образа героя в русской и китайской лингвокультуре

[1.]Ян Цзинь

[1] Южно-Уральский государственный университет

Аннотация: в статье проанализированы результаты опроса по изучению реализации образа героя в русской и в китайской лингвокультурах. По требованию китайских и российских респондентов (по возрасте 31-55 лет и старше 55 лет), попросили назвать трех героев, которых они считают. Наиболее значимое сходство в понимании образа героя русскими и китайцами заключается в отнесении к героям прежде всего военных, защитников Отечества, совершивших подвиги во время исполнения воинского долга или просто защищавших Родину от врага. Кроме того, в представлениях русских и китайцев герои связаны с такими областями, как политика, наука, техника, спорт; героями чаще являются мужчины, люди, ушедшие из жизни, и люди, подвиги которых закреплены в массовой культуре. В восприятии образа героя существуют и отличия. Для китайской культуры более важны герои, которые трудятся для общества, для развития государства, приносят пользу, а также экономисты, агрономы, философы и врачи, значение которых возросло в период пандемии. В русской лингвокультуре героями чаще считают первопроходцев, гуманистов, организаторов, родственников. На формирование образа героя в обеих лингвокультурах воздействовали история государства, национальный менталитет, национальные стереотипы.
Ключевые слова: лингвокультурология, языковое сознание, образ героя, русская лингвокультура, китайская лингвокультур

Для цитирования: Ян Цзинь Сопоставительный анализ образа героя в русской и китайской лингвокультуре // Современный ученый. 2024. № 5. С. 129 – 139. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-129-139

Поступила в редакцию: 8 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Comparative analysis of the image of the hero in Russian and Chinese linguistic culture

[1.]Yang Jin

[1] South Ural State University

Abstract: the article analyzes the results of a survey to study the implementation of the image of the hero in Russian and Chinese linguistic cultures. Upon request, Chinese and Russian respondents (ages 31–55 and over 55) were asked to name three heroes they considered. The most significant similarity in the understanding of the image of the hero by the Russians and the Chinese lies in the classification of heroes primarily as military men, defenders of the Fatherland, who performed feats during the performance of military duty or simply defended the Motherland from the enemy. In addition, in the ideas of Russians and Chinese, heroes are associated with such areas as politics, science, technology, sports; heroes are more often men, people who have passed away, and people whose exploits are enshrined in popular culture. There are also differences in the perception of the hero's image. For Chinese cul-

ture, more important are the heroes who work for society, for the development of the state, and bring benefits, as well as economists, agronomists, philosophers and doctors, whose importance has increased during the pandemic. In Russian linguistic culture, pioneers, humanists, organizers, and relatives are more often considered heroes. The formation of the image of the hero in both linguistic cultures was influenced by the history of the state, national mentality, and national stereotypes.
Keywords: linguoculturology, linguistic consciousness, image of the hero, Russian linguoculture, Chinese linguoculture

For citation: Yang Jin Comparative analysis of the image of the hero in Russian and Chinese linguistic culture. Modern Scientist. 2024. 5. P. 129 – 139. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-129-139

The article was submitted: April 8, 2024; Approved after reviewing: June 11, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Лингвокультурологический подход в современной науке сформирован на пересечении языкознания и культурологии и связан с опорой в ходе анализа лингвистического материала на культурные факты. Явления языка, согласно данному подходу, анализируются и оцениваются в тесной связи с историей, культурой, мировоззрением, системой ценностей, нравственностью, менталитетом народа, который на данном языке разговаривает. О неразрывной связи языка и культуры говорят многие видные исследователи, например, В.В. Воробьев: «Всесторонний учет и сохранение в культуре важнейших ценностей и развитие в ней новых ценностей дает гарантию для адекватного понимания жизни нации как она отражается в ее языке» [4, с. 19]. Лингвокультурологический подход очень эффективен как инструмент сопоставления явлений разных культур, языковых особенностей, сформированных под влиянием отличающихся культурных условий, в которых развивались языки и народы. Как отмечает М.Н. Крылова, современная языковая личность погружена в определённый культурный фон, и это погружение отражается в системе языковых единиц, концептов и образов, которыми она оперирует в процессе речи [9, с. 62]. Сравнительные лингвокультурологические исследования явлений русского и китайского языка имеют различную направленность. В поле внимания российских и китайских учёных попадают русские и китайские пословицы [14], эвфемизмы [12], единицы рекламного текста [5]; изучаются отражение в русском и китайском языках традиционного представления о семье [3], отличия в традициях наименования людей [1] и другие вопросы. Большинством исследователей отмечается проявление в языке национальных стереотипов, обобщений, суждений, системы ценностей, национальной психологии.

В то же время образ героя можно назвать одним из определяющих лингвокультурных образов, позволяющих понять особенности мышления народа, его историческое и современное мировоззрение, отношение к развитию мировой истории и истории собственного государства. К примеру, учёные выясняют, что для русской лингвокультуры очень значим образ русского богатыря, сохранившийся в русских былинах [10], для китайской культуры – мифологический образ героя, берущего на себя ответственность за то, что происходит в мире [13, с. 90], что в современной молодёжной культуре образ героя получает упрощённую, не имеющую глубинного, философского смысла реализацию; это супергерой, герой детективов и боевиков [2, с. 121]. Сопоставление образа героя и его восприятия представителями русской и китайской лингвокультур позволит больше узнать о самих этих лингвокультурах, а также взглянуть на них в сопоставительном плане, увидеть сходство и отличия.

Цель данного исследования – выявить общие и отличительные черты образа героя, отражённые в языковом сознании русских и китайцев и связанные с историческими, культурными, ментальными отличиями носителей русского и китайского языков.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на основе методов наблюдения, описания, опроса, с применением сравнительно-сопоставительного, синхронического и диахронического, структурно-функционального методов и опиралось на принцип системного и целостного представления языковых и культурных явлений. Ключевыми подходами к исследованию стали психолингвистический.

Основным инструментом исследования отражения образа героя в сознании русских и китайцев являлся метод опроса. Носителям русского и китайского языков было предложено написать три имени людей, которых они считают героями и рядом они должны были написать ответ на вопрос, почему они считают этого человека героем. В ис-

следовании приняли участие 120 человек, поровну русских и китайцев. По возрастному принципу были сформированы два группы по 60 человек (30 русских и 30 китайцев) в каждой: 31-55 лет и старше 55 лет. В данном исследовании анализируются ответы, данные респондентами двух групп старшего возраста. Респондентами как с русской, так и с китайской стороны стали в основном родственники студентов (их родители, бабушки и дедушки) Южно-Уральского государственного университета. При выделении категорий мы использовали ответы испытуемых (почему они считают этого человека героем).

Результаты и обсуждения

Ответы респондентов среднего возраста представлены нами в табл. 1, ответы опрашиваемых более старшего возраста – в табл. 2.

Таблица 1

Ответы опрашиваемых в возрасте 31-55 лет.

Table 1

Responses from respondents aged 31-55 years.

Категория	Русские респонденты (общее кол-во ответов – 85)		Китайские респонденты (общее кол-во ответов – 92)	
	Кол-во	Лексемы	Кол-во	Лексемы
Защитники Отечества, народа (солдаты, командиры и т. д.)	**12 / 14.117 %**	Михаил Илларионович Кутузов (2); Зоя Космодемьянская; Николай Гастелло; Леонид Смирных; адмирал Колчак; царь Александр Васильевич Грозный; Алексей Маресьев; Ермак Тимофеевич; Александр Васильевич Суворов; Георгий Жуков; Павел Степанович Нахимов; мой дедушка	**30 / 32.609 %**	董存瑞 (Дун Цуньжуй) 6; 黄继光 (Хуан Цзигуан) 5; 刘胡兰 (Лю Хулан) 4; 邱少云 (Цю Шаоюнь) 2; 赵一曼 (Чжао Иман) 2; 霍去病 (Хо Цюбин); 岳飞 (Юэ Фэй); 贺龙 (Хэ Лун); 卫青 (Вэй Цин); 陈红军 (Чэнь Хунцзюнь); 陈祥榕 (Чэнь Сянжун); 王焯冉 (Ван Чжуоран); 肖思远 (Сяо Сыюань); 杨靖宇 (Ян Цзиньюй); 王卫 (Ван Вэй); 赵尚志 (Чжао Шанчжи)
Имеющие достижения в определенной области	**19 / 22.353 %**	Владимир Вольфович Жириновский (2); Михаил Калашников; Елена Исинбаева; Маргарет Тэтчер; Иосиф Кобзон; Игорь Тальков; Владимир Высоцкий; Виктор Цой; Александра Пахмутова; Ирина Роднина; Владимир Меньшов; Никита Михалков; Константин Ремчуков; Илон Маск; Султан Сулейман Хан; Лина Штерн; Андрей Сахаров; Дмитрий Лихачёв	**17 / 18.478 %**	**焦裕禄** (Цзяо Юлу); 约翰·纳什 (Джон · Нэш); **孔子** (Конфуций); **加缪** (Альбер Камю); **白求恩** (Бетьюн)
Внесшие вклад в развитие страны или общества	**6 / 7.059 %**	Владимир Путин (3); Сергей Лавров (министр России); Вещий Олег; Екатерина Великая	**19 / 20.652 %**	钟南山 (Чжун Наньшань) 9; 毛泽东 (Мао Цзэдуна) 4; 林则徐 (Лин Цзысюй) 2; 周恩来 (Чжоу Эньлай) 2; 秦始皇 (Император Цинь Шихуан); 郑成功 (Чжэн Ченггун)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Первопроходцы	**16 / 18.824 %**	Юрий Алексеевич Гагарин (7); Гай Юлий Цезарь; Сергей Королев; Ольга Мудрая; Валентина Терешкова; Михаил Ломоносов; Дмитрий Менделеев; Игорь Курчатов; Чингисхан; Софья Ковалевская	–	–
Совершающие добрые поступки	**5 / 5.882 %**	Милош Бикович (сербский актер); Токтогон Алтыбасарова; Анжелина Джоли; Мать Тереза; Ксения Петербуржская	**10 / 10.870 %**	雷锋 (Лэй Фэн) 5; 张桂梅 (Чжан Гуймэй) 2; 任长霞 (Рен Чанся) 2; 陈祖军 (Чэнь Цзуцзюнь)
Спасшие жизнь человека	**8 / 9.411 %**	Александр Прохоренко; Данил Садыков; Ирена Сендаер; Эльбрус Гогичаев; Шабари Карапетян; Алан Абдуллаев; Дмитрий (13 лет; школьник); Максим Крамаренко	**6 / 6.521 %**	杜富国 (Ду Фугуо) 2; 徐洪刚 (Ту Хунган) 2; 张劼 (Чжан Цзе); 罗盛教 (Ло Шэнцзяо)
Организаторы	**8 / 9.411 %**	Елизавета Глинка (2); Наталья Водянова; Лиза Чайкина; Константин Хабенский; Кузьма Минин; Дмитрий Пожарский; Принцесса Диана	–	–
Герои – это группа	**4 / 4.706 %**	Работники МЧС; русский солдат; русский народ; спасатели	**5 / 5.435 %**	**抗疫的一**线医护人员 (Медицинские работники на передовой борьбы с пандемией) 2; **狼牙山五壮士** (Пять героев горы Лангья); **全体的警察及消防人**员 (Вся полиция и пожарные); 记不清名字的无名英雄 (Невоспетые герои; которые не могут вспомнить имена)
Продемонстрировавшие героические качества, храбрость, мудрость	–	–	**3 / 3.261 %**	**江姐** (Цзян Цзе); **葛亮** (Чжугэ Лян); **王**进喜 (Ван Цзиньси)
Герои книг, фильмов и мультфильмов	**2 / 2.353 %**	Герой Василия Ланового из фильма «Офицеры»; герой Данилы Багрова из фильма «Брат-2»	**2 / 2.174 %**	孙悟空 (Сунь Укун); 钢铁侠 (Железный человек)
Оказавшие помощь	**2 / 2.353 %**	Арина (моя подруга, наставник, духовный учитель); моя бабушка	–	–
Защитники природы, животных и т. д.	**1 / 1.176 %**	Екатерина Ковалинина (г. Челябинск)	–	–
Просто герой	**1 / 1.176 %**	Егор (мой сын)	–	–
Профессии	**1 / 1.176 %**	Врачи	–	–

Таблица 2

Ответы опрашиваемых в возрасте старше 55 лет.

Table 2

Responses from respondents over 55 years of age.

Категория	Русские респонденты (общее кол-во ответов – 85)		Китайские респонденты (общее кол-во ответов – 88)	
	Кол-во	Лексемы	Кол-во	Лексемы
Защитники Отечества, народа (солдаты, командиры и т.д.)	**31 / 38.824 %**	Георгий Жуков (3); Михаил Илларионович Кутузов (2); Иван Кожедуб (2); Алексей Маресьев (2); Зоя Космодемьянская; Нуркен Абдиров; Александр Матросов; Николай Гастелло; Илья Ялунин; Мария Воронина; маршал Рокоссовский; маршал Конев; Егор Жумаков; В.Р. Соловьев; Маргарита Симоньян; Ольга Скобеева; Евгений Попов; Никита Михалков; Александр Суворов; Иосиф Сталин; Константин Иванович Жуков; Владимир Святославич; Александр Невский; Илья Муромец; Садвокас Джаксалыков; Касым Абдрахманов; отец моего мужа; мой отец	**33 / 37.5 %**	**董存瑞** (Дун Цуньжуй) 7; **黄继光** (Хуан Цзигуан) 7; **邱少云** (Цю Шаоюнь) 6; **刘胡兰** (Лю Хулан) 3; 杨靖宇 (Ян Цзиньюй) 3; **岳飞** (Юэ Фэй) 2; 赵尚志 (Чжао Шанчжи) 2; 赵登禹 (Чжао Дэньюй); **穆桂英** (Му Гуйин); **小英雄雨来** (Маленький герой Юй Лай)
Внесшие вклад в развитие страны или общества	**6 / 7.059 %**	Владимир Путин (2); Борис Иванович Пересыпкин; Черномырдин; Александр Македонский; Пётр I	**17 / 19.318 %**	钟南山 (Чжун Наньшань) 5; 毛泽东 (Мао Цзэдун) 3; 钱学森 (Цянь Сюэсэнь) 2; 姚明 (Яо Мин) 2; 林则徐 (Лин Цзысюй); 郑成功 (Чжэн Ченггун); 黄旭华 (Хуан Сюхуа); 于敏 (Ю Мин); 孙中山 (Сун Ятсен)
Первопроходцы	**13 / 15.294 %**	Юрий Алексеевич Гагарин (6); Валентина Терешкова; Алексей Леонов; Николай II; Эрнесто Че Гевара; Карл Маркс; Валерий Чкалов; Чарльз Дарвин	**4 =4.545 %**	**李大钊** (Ли Дачжао) 2; **李文亮医生** (Доктор Ли Вэньлян); 张继先 (Чжан Цзисянь)
Совершающие добрые поступки	**2 / 2.353 %**	Мать Тереза; Елена	**15 =17.045 %**	雷锋 (Лэй Фэн) 8; 张桂梅 (Чжан Гуймэй); 任长霞 (Рен Чанся); 刘德华 (Энди Лау); 邹炜 (Цзоу Вэй); 何碧华 (Хэ Бихуа); 吴天一 (Ву Тяньи); 张定宇 (Чжан Диньюй)
Имеющие достижения в определенной области	**5 / 5.882 %**	Никита Михалков; Рихард Зорге; Владимир Машков; Альберт Эйнштейн; Индира Ганди	**9 =10.227 %**	袁隆平 (Юань Лунпин) 6; 张继科 (Чжан Цзике); 杨振宁 (Ян Чжэннинг); 吴明珠 (У Минчжу)

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Спасшие жизнь человека	**7 / 8.235 %**	Оскар Шиндлер (2); Дима Новоселов (16 лет, г. Копейск); Марьяна Забегалова; Александр Продовиков; Александр Емцов; Гиппократ	**2 / 2.273 %**	高翔 (Гао Сян); 张八一 (Чжан Байи)
Организаторы	**5 / 5.882 %**	Махатма Ганди; Елизавета Глинка; Константин Хабенский; Чулпан Хаматова; Владимир Ильич Ленин	–	–
Герои – это группа	**4 / 4.706 %**	Участники спецоперации на Украине; волонтеры акции «Хвостик в каждый дом»; участники военных сражений; пришедшие на войну ради защиты своей страны и соотечественников; люди, участвующие в качестве волонтёров в поисковых операциях	**4 / 4.545 %**	狼牙山五壮士 (Пять героев горы Лангья); 抗疫英雄 (противоэпидемический герой); 解放军 (Народно-освободительная армия); 八女（投江） (Восемь женщин-солдат Восьмой маршрутной армии бросились в реку)
Профессии	**4 / 4.706 %**	Пожарные (2); врачи; сотрудники полиции	**4 / 4.545 %**	消防员 (пожарные) 3; 边防战士 (пограничник)
Герои книг, фильмов и мультфильмов	**2 / 2.353 %**	Супермен; дядя Степа – милиционер	–	–
Защитники природы, животных и т. д.	**2 / 2.353 %**	Постников Александр Григорьевич; Карен Даллакян	–	–
Ликвидаторы аварий, потопов, землетрясений	**1 / 1.176 %**	Исмухан Абдрахманов	–	–
Имеющие звание героя	**1 / 1.176 %**	Мать-героиня	–	–

Как показывают результаты опроса, для большинства респондентов герой – это прежде всего защитник Отечества, народа, выполняющий свой воинский долг на полях сражений. Нельзя не согласиться с Ч. Гуанлинь, который говорит о наличии в разных культурах, в том числе русской и китайской, идеализированного образа национального героя, для которого определяющими являются его «морально-нравственные характеристики как просветителя и защитника своей страны» [6, с. 313]. На первом месте в русской и китайской лингвокультурах, как видим, находятся защитники страны.

Такое представление о герое, несомненно, связано с историей России и КНР, в которой было немало войн и конфликтов, а защитники Отечества становились наиболее важными для народа людьми, способными остановить войны, завоевать победу и обеспечить дальнейшее мирное существование для собственного народа, своей страны.

В наименьшей степени герои данной категории оказались значимы для русских респондентов 31-55 лет, которые назвали 12 имён (14,1%). Остальные респонденты (русские старше 55 лет и китайцы обеих возрастных категорий) назвали от 30 до 33 имён (32,6-38,8 %). Возможно, такие результаты связаны с тем, что для русских людей среднего возраста в последние годы более значимыми стали гуманитарные и демократические ценности, чем ценности защиты Родины, милитаризма.

Среди героев – защитников Отечества русские респонденты назвали полководцев XIX в. Михаила Илларионовича Кутузова и Александра Васильевича Суворова, а также героев Великой Отечественной войны, как полководцев (Георгий Жуков, маршал Рокоссовский, Иосиф Сталин и др.), так и обычных людей, солдат, совершивших подвиги, которые вошли в историю (Иван Кожедуб, Зоя Космодемьянская, Николай Гастелло, Алексей

Маресьев). Чувствуется, что люди более старшего возраста знают героев войны лучше.

Китайские респонденты среди героев – защитников страны и народа отметили китайского солдата, коммуниста, сражавшегося во время Гражданской войны Дуна Цуньжуя, китайских солдат, совершивших подвиги во время Корейской войны Хуана Цзигуана и Цю Шаоюня и др. Для обеих возрастных групп это длинные списки, многие имена в которых названы по 2-7 раз. Это говорит о хорошем знании китайцами истории XX в., когда Китай пережил несколько значимых для его развития и выбора политического пути войн, а также о понимании китайцами важности этих войн как исторических событий, определивших облик современной КНР.

Для русских и китайских опрошенных среднего возраста второй значимой группой стали герои, имеющие достижения в определенной области (соответственно 22,4 и 18,5% ответов). Среди русских респондентов наиболее популярным ответом был руководитель либерально-демократической партии, яркий политик, недавно ушедший из жизни Владимир Вольфович Жириновский, которого назвали героем 2 человека. Остальные имена прозвучали всего один раз, в том числе конструктор оружия Михаил Калашников, спортсменки Елена Исинбаева и Ирина Роднина, ушедшие из жизни певцы и музыканты Иосиф Кобзон, Игорь Тальков, Владимир Высоцкий, Виктор Цой, учёные Андрей Сахаров и Дмитрий Лихачёв и др. По данным именам можно судить о том, какие сферы жизни кажутся опрошенным наиболее важными, – создание оружия (знаменитый автомат Калашникова), спорт, музыкальная культура, наука.

Китайские респонденты в возрасте 31-55 лет назвали таких героев, имеющих достижения в определённой области, как политик Цзяо Юлу, китайский философ Конфуций, французский философ Альбер Камю, американский математик Джон Нэш и др. Большая часть фамилий названа несколько раз. Наиболее популярные отрасли, как видим, – политика, философия, наука.

Интересно, что для респондентов старшего возраста обеих лингвокультур эта группа героев (имеющие достижения в определенной области) гораздо менее значима. Русские опрошенные назвали 5 фамилий (5,9%): Никита Михалков, Рихард Зорге, Владимир Машков, Альберт Эйнштейн, Индира Ганди; китайцы – 9: Юань Лунпин, Чжан Цзике, Ян Чжэннинг, У Минчжу. Имя китайского агронома Юань Лунпина отметили 6 человек. Это специалист, благодаря которому в 1970-х гг. были созданы новые гибриды риса, удалось значительно повысить урожайность и окончательно преодолеть проблему голода. Это специалист гуманитарной сферы, учёный-генетик, внесший огромный вклад в развитие экономики КНР.

Интересно рассмотреть отличия, которые наблюдаются при выделении русскими и китайцами в качестве героев людей, внесших вклад в развитие страны или общества. Респондентами среднего возраста отмечено соответственно 7,1 и 20,7% таких лиц; старшего возраста – 7,1 и 19,3%. Русские называли различных политических и исторических деятелей: президента В.В. Путина, министра С. Лаврова, Вещего Олега, Екатерину Великую, Петра I и др. Китайцы внесли в эту группу героев эпидемиолога и пульмонолога Чжун Наньшаня, основателя КНР Мао Цзэдуна, борца с опиумом императорского чиновника Лин Цзысюя, политического и государственного деятеля Чжоу Эньлая, баскетболиста Яо Мина, конструктора атомных подлодок Хуан Сюхуа и др.

Количественное соотношение позволяет предположить, что для китайцев принадлежность этих лиц к героям более очевидна, чем для русских. Человек, в миропонимании представителей китайской лингвокультуры, является героем не только потому, что защищает свою Родину во время войн и других тяжёлых испытаний, но и потому, что с отдачей всех своих сил и таланта трудится на её благо в мирное время, стараясь сделать её лучше, а китайский народ – счастливее. Совершенный человек и гражданин, как полагают китайцы, в первую очередь заботится о государстве, а лишь потом – о себе. Согласно китайскому мировидению, активная работа каждого для государства будет способствовать тому, что «внутри страны уже в мирное для государства время станет закладываться его могущество, которое будет зиждиться на тесной и сплоченной связи» правителя и народа [7, с. 45]. Возможно, с такой идеологией связаны особенности понимания образа героя в Китае.

Обратную закономерность видим в особенностях выбора героя, который является первопроходцем, первооткрывателем. Такие герои оказываются гораздо значимее для русской лингвокультуры. Русские респонденты среднего возраста выбрали героев-первопроходцев 16 раз (18,8%), а старшего – 13 раз (15,3%). Это в первую очередь – Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт в СССР и в мире, человек, произведший огромное впечатление на весь мир своей обаятельной улыбкой (соответственно, 6 и 7 случаев выбора). Для русской культуры Юрий Гагарин имеет особенное значение; исследователи говорят о существовании образа Юрия Гагарина, который функционирует в

живописи, рекламе, массовой культуре. Юрий Гагарин «олицетворяет прежде всего образ “идеального космонавта”, у которого нет отрицательных черт, и достижения СССР, прорыв в космической гонке» [8, с. 507], а значит, важен с точки зрения культурной идентификации граждан как жителей государства.

Кроме Юрия Гагарина, русскими респондентами по одному разу были названы имена учёных (Михаил Ломоносов, Дмитрий Менделеев, Сергей Королев, Игорь Курчатов), лётчика (Валерий Чкалов), первой женщины-космонавта (Валентина Терешкова) и др. В основном это имена российских первооткрывателей, но встречаются и имена зарубежных деятелей науки и политики (Эрнесто Че Гевара, Карл Маркс, Чарльз Дарвин и др.).

Популярность таких образов и понимание их в культуре как героических, по нашему мнению, связано с историей России, в которой сначала постоянно происходило открытие и освоение новых земель (за Уралом, в Сибири, в Антарктиде и др.), а затем для государства очень много значили научные открытия, одно из которых увенчалось началом космической эры. Для представителей российской культуры важно ощущать своё первенство во многих областях; это связано с национальной самоидентификацией и формированием образа России как сильного и передового государства.

Среди китайских участников опроса первопроходцев упомянули только люди старшего возраста, назвав 3 имени (4,5%): Ли Дачжао – один из первых китайских коммунистов, основатель компартии КНР (2 раза); офтальмолог Ли Вэньлян и пульмонолог Чжан Цзисянь, первыми заявившие о начале заражения COVID-19 в Ухане и Хубэе. Как видим, китайцев старшего возраста волнует проблема пандемии коронавируса, и они гордятся тем, что именно в КНР впервые выделили это заболевание, а затем начали эффективную борьбу с ним.

Схожи показатели русских и китайских респондентов по группе «Совершающие добрые поступки», причём сходство проявляется не только в количестве, но и в том, что героев такого типа чаще называют представители китайской культуры. Среди участников опроса 31-55 лет это, соответственно, 5,9 и 10,9% у представителей русской и китайской культуры, среди респондентов старше 55 лет – 2,4 и 17,0%. К совершающим добрые поступки героям русские участники опроса отнесли российских и мировых благотворителей: Ксению Петербуржскую, Мать Терезу, Анжелину Джоли и др. Китайские респонденты назвали гораздо больше героев, прославившихся своей добротой. В их числе особенно популярен Лэй Фэн – сирота, молодой коммунист, бескорыстно помогавший старшим товарищам, крестьянам, старикам. Его имя, ставшее в КНР нарицательным для обозначения бескорыстной доброты, китайцы в разных возрастных группах назвали 5 и 8 раз. Намного реже (1-2 раза) был назван Чжан Гуймэй – китайский педагог, много сделавший в XX в. для становления системы образования для девочек в КНР. Однократно прозвучали имена врачей Цзоу Вэй, помогающего больным после инсульта, Ву Тяньи, борющегося против высотной болезни, и Чжан Диньюй – специалиста по нарушениям двигательных функций.

Приведённый перечень показывает, что для представителей китайской культуры доброта героев важна не сама по себе, а точки зрения того, какую пользу они оказали своей стране, народу, большому количеству людей. Огромное уважение вызывают у китайцев врачи, что отмечалось ещё в допандемийные времена, а в настоящий момент стало наиболее очевидно. Врачи, помогающие людям, борющиеся с наиболее агрессивными видами болезней, спасающие жизни, воспринимаются в Китае как настоящие герои, что и отражают результаты проведённого опроса.

Для героев в понимании представителей обеих культур, важен гуманизм; их подвиг должен быть значим и для страны, и для конкретных её граждан. Герои, спасшие жизнь человека, упоминаются участниками опроса обеих культур, при этом русские называют таких героев чаще: у представителей разных возрастных групп, соответственно, 9,4 и 8,2%. В том числе Оскар Шиндлер – немецкий промышленник, спасавшие евреев во время Второй мировой войны, имя которого названо 2 раза; все остальные герои, исторические и современные, упомянуты по одному разу: Ирена Сендаер – польская женщина, спасшая более 2,5 тысяч детей из варшавского гетто; Данил Садыков – 13-летний российский школьник, кавалер ордена Мужества (посмертно), спасший 9-летнего мальчика; Александр Емцов – солдат, погибший на СВО и др.

Китайские респонденты назвали среди героев людей, помогающих не стране в целом, а конкретным людям, спасающих их жизни, реже: соответственно 6,5 и 2,3% ответов в разных возрастных группах. Среди таких героев солдаты, например, Ду Фугуо, пострадавший от взрыва бомбы во время защиты своих товарищей в 2018 г. и др.

Примерно равное количество ответов, данных русскими и китайцами разных возрастов, обозначают героев как группу. Респондентам в этом случае проще было назвать совокупность людей, чем конкретные имена. Интересно, что данные группы совпадают в китайской и русской культуре не

только количественно, но и качественно. Они включают, во-первых, людей, которые по долгу своей службы спасают других людей: русские назвали работников МЧС, спасателей, волонтёров, помогающих бездомным животным, участвующих в поисках пропавших людей; китайцы – медицинских работников, находящихся на передовой борьбы с пандемией, борцов против эпидемий, «противоэпидемических героев» (抗疫英雄), полицию и пожарных. Во-вторых, это группы, связанные с военными действиями. Русские респонденты обозначили группы более отвлечённо: русский солдат, участники спецоперации на Украине, участники военных сражений, пришедшие на войну ради защиты своей страны и соотечественников; китайские – более конкретно: пять героев горы Лангья (пять китайских солдат во время Второй мировой войны в сражении с японцами пожертвовали собой, отвлекли на себя врага, а затем бросились со скалы, чтобы не даться в руки врага живыми); восемь женщин, бросившихся в Янцзы (женщины были солдатами Восьмой маршрутной армии, отвлекли на себя отряд японцев, были прижаты врагом к реке и предпочли смерть пленению). Эти подвиги известны в китайской культуре во многом благодаря монументам, возведённым на месте гибели героев и являющихся местами поклонения потомков. Более отвлечённые группы героев, которых назвали китайские респонденты, – Народно-освободительная армия и невоспетые герои, имена которых остались неизвестны. Интересная группа, названная русскими респондентами, – русский народ. Для русской культуры, действительно, свойственно возвеличивание и героизация общности, которую можно обозначить как «русский народ». По мнению российских исследователей, русский народ отличается от всех остальных в силу своей истории, особенностей развития страны: «Бесконечные войны, потрясения, произвол властей – все это не могло не отразиться на характере русского народа и придало его культуре напряженный нравственный тонус» [11, с. 64].

Нельзя не затронуть и такую особенность, очевидно, влиявшую на выбор героев, как закреплённость того или иного образа в массовой культуре. Образ Рен Чанся известен китайцам по кинофильму и телесериалу (2005); имя Оскара Шиндлера стало знаменитым во многом благодаря кинофильму «Список Шиндлера» Стивена Спилберга (1993); Елизавета Глинка известна в том числе и по посвящённому её памяти российскому кинофильму «Доктор Лиза» (2020) и т.п.

Кроме того, можно выделить особые объединения героев, которые не были реальными персонажами, существуют только в книгах, фильмах, мультфильмах, но были названы респондентами. Чаще (4 раза) таких героев назвали русские участники опроса: Иван Варавва – герой Василия Ланового из фильма «Офицеры»; исполненный Данилой Багровым герой фильма «Брат-2», Супермен; Дядя Степа – милиционер. Реже (2 раза) их указали китайцы: Сунь Укун – литературный персонаж, царь обезьян, и Железный человек – герой американского супергеройского фильма (2008). Мы думаем, что участники опроса прекрасно отдают себе отчёт в том, что данные герои нереальны, но используют их имена как символы настоящих героев, способных помогать людям, защищать их, посвятить им свою жизнь, необычайно сильных, смелых, удачливых, отличающихся от окружающих, популярных в народе.

Интересны группы героев, названные представителями только одной лингвокультуры. К таким группам относится «Организаторы»; они были названы только русскими – 9,4 и 5,9% соответственно. Чаще всего звучит имя Елизаветы Глинки (3 раза). Это широко известный не только в России, но и за рубежом врач, благотворитель, общественный деятель, специалист по паллиативной медицине, уже ушедшая из жизни. Кроме того, однократно упомянуты имена исторических деятелей и наших современников: Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского – организаторов Земского ополчения 1611-1612 гг., Владимира Ильича Ленина – основателя советского государства, Махатмы Ганди – руководителя индийского движения за независимость, Принцессы Дианы – погибшей наследницы британского престола, известной своей благотворительной деятельностью, Константина Хабенского – режиссёра и руководителя театра и др. Представители русской культуры ценят умение организовать деятельность других людей, направленную на реализацию разных целей – и на помощь людям, и на трансформацию государственного строя. Организатор выступает в сознании русских сильным лидером, за которым готовы идти люди и которого уважают за уверенность, твёрдость, умение достигать своих целей.

Русские опрошенные называли среди героев своих родственников и знакомых. Это единичные ответы, но они всё же присутствуют: Арина (моя подруга, наставник, духовный учитель), моя бабушка, мой сын Егор, мой дедушка и т.п. Такие ответы говорят о том, что русские респонденты готовы считать героями не только каких-то незнакомых людей; они допускают, что героические поступки совершают и обычные люди, например, близкие. Китайцы таких ответов не дают, то есть для них герои – это необычные люди, занимающие

особенное положение, наделённые исключительными способностями и качествами.

Отметим, что и русские, и китайцы обеих возрастных групп гораздо реже называли среди героев женщин, чем мужчин. Это, конечно, связано с тем, что преобладающая группа героев в ответах – защитники Отечества, а воюют и служат в армии обычно мужчины, а также с тем, что подвиг, героизм вообще считаются прерогативой мужчин, больше соответствующей их природе, в то время как природа женщин мыслится в обеих лингвокультурах как защита своего очага, охрана семьи, забота о муже и детях. Такие представления можно охарактеризовать как универсальные, стереотипные.

В то же время герои-женщины названы в ответах и русских, и китайцев. Лю Хулан отнесли к героям – защитникам Отечества 4 человека в возрасте 31-55 лет и 3 – в возрасте старше 55 лет. Это Молодая женщина-шпионка, которая во время Гражданской войны в Китае между Гоминьданом и Коммунистической партией передавала войскам компартии секретные сообщения, способствовала победе. Лю Хулан посвящена опера, вышедшая в 1954 г., её имя постоянно упоминается различными деятелями партии, известными людьми как символ верности делу Коммунистической партии КНР и народу. Рен Чанся, женщина-полицейский, во второй половине XX в. боровшаяся с преступными синдикатами, помогавшая бедным общинам, отмечена китайскими респондентами как герой, прославившийся своей добротой.

Отличительной особенностью образа героя в китайской лингвокультуре можно считать его связь с коммунистическими идеалами; часто герои – это коммунисты, которые много сделали ради своей родины и своего народа.

Ещё одна особенность, которую следует отметить в ответах и русских, и китайцев, – отнесение к героям в первую очередь тех, кто уже ушёл из жизни. Если это герои войны, то их смерть может быть связана с совершенным подвигом и пожертвованной жизнью, в остальных случаях речь обычно идёт о естественной смерти. Можно связать этот факт с почтением к умершим, а также с тем, что значение какого-либо человека для народа, его подвиг, прекрасные качества осознаются именно после смерти. Кроме того, для кого-то подвиг длился всю жизнь, и после смерти в сознании людей начал считаться завершённым, а сам человек – героем.

Образ героя, как и другие культурно значимые образы, является национально специфичным и исторически изменчивым, испытывает на себе влияние национальной истории, стереотипов, менталитета и тех процессов, которые происходят в культуре и общественной жизни русского и китайского народов в настоящий момент.

Выводы

Для русской и китайской культур, как показал проведённый нами опрос, наиболее значимы герои, которые совершили свои подвиги на различных войнах, в первую очередь тех, которые велись в XX в.

На формирование и функционирование образов героев – конкретных людей влияет массовая культура и образование России и КНР. Лучше всего русским и китайцам знакомы подвиги, воссозданные в кинофильмах, телесериалах, запечатлённые с помощью монументов, регулярно упоминаемые в речах политических и общественных деятелей.

Список источников

1. Бу М. Традиции именования людей в русской и китайской культурах // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 118 – 119.

2. Валиев И.Н. Трансформация образа героя в молодёжной среде // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 10 (28). С. 120 – 122.

3. Васильченко А.В. Традиционное представление о семье в русской и китайской культурах // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 40 – 48.

4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2008. 336 с.

5. Ган Б. Лингвокультурологическая семантика единиц рекламного текста (на материале русского и китайского языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (138). С. 195 – 198.

6. Гуанлинь Ч. Образ национального героя в искусстве Китая, России и Беларуси // Барышевские чтения: мат. II междунар. науч. конф. Минск: БГИКИ, 2023. С. 313 – 318.

7. Карпиленя Н.В. «Забота о государстве»: краткая историческая справка об У-Цзы и современный взгляд на его «Трактат о военном искусстве» при воспитании «совершенного человека» – гражданина в России // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2020. № 3 (20). С. 42 – 52.

8. Королёва Е.А. Образ Ю.А. Гагарина в массовой культуре // XXV Туполевские чтения (школа молодых ученых): тексты докл. участников междунар. науч. конф. Казань: КНИТУ, 2021. С. 505 – 508.

9. Крылова М.Н. Художественный текст как прецедентный феномен // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62 – 65.

10. Кузьмина М.Ю., Бекишева А.В. Монтаж в формировании художественного образа героя в культуре России (на примере образа русского богатыря) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (21). С. 103 – 108.

11. Мухамедзянова И.А. Ментальный образ русского народа // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 4 (16). С. 59 – 65.

12. Чжан С., Хун Ян, Костенюк Н.В. Лингвокультурологический анализ русских и китайских эвфемизмов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 2 (69). С. 19 – 203.

13. Чжан Ц. Сравнение образов героев в китайских и западных мифах и их отражение в текстах культуры // Libri Magistri. 2021. № 3 (17). С. 81 – 94.

14. Шан В. Отражение завышенной самооценки в русских и китайских пословицах: лингвокультурологический аспект // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 4 (109). С. 142 – 149.

References

1. Bu M. Traditions of naming people in Russian and Chinese cultures. Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects. 2013. No. 6. P. 118 – 119.

2. Valiev I.N. Transformation of the image of a hero among young people. Scientific electronic journal Meridian. 2019. No. 10 (28). P. 120 – 122.

3. Vasilchenko A.V. Traditional idea of family in Russian and Chinese cultures. Ethnic society and interethnic culture. 2019. No. 11 (137). P. 40 – 48.

4. Vorobyov V.V. Linguoculturology. M.: Russian Peoples' Friendship University, 2008. 336 p.

5. Gan B. Linguistic and cultural semantics of advertising text units (based on the Russian and Chinese languages). News of the Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 5 (138). P. 195 – 198.

6. Guanlin Ch. The image of a national hero in the art of China, Russia and Belarus. Baryshev readings: mat. II international scientific conf. Minsk: BGIKI, 2023. P. 313 – 318.

7. Karpilenya N.V. “Caring for the State”: a brief historical background on Wu Tzu and a modern view of his “Treatise on the Art of War” in educating a “perfect man” – a citizen in Russia. Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Missile Forces. 2020. No. 3 (20). P. 42 – 52.

8. Koroleva E.A. Image of Yu.A. Gagarin in mass culture. XXV Tupolev Readings (school of young scientists): texts of reports. participants of the international scientific conf. Kazan: KNRTU, 2021. P. 505 – 508.

9. Krylova M.N. Literary text as a precedent phenomenon. Russian literature. 2010. No. 1. P. 62 – 65.

10. Kuzmina M.Yu., Bekisheva A.V. Montage in the formation of the artistic image of a hero in Russian culture (using the example of the image of a Russian hero). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 7-1 (21). P. 103 – 108.

11. Mukhamedzyanova I.A. Mental image of the Russian people. Humanitarian: current problems of humanities and education. 2011. No. 4 (16). P. 59 – 65.

12. Zhang S., Hong Yang, Kostenyuk N.V. Linguistic and cultural analysis of Russian and Chinese euphemisms. Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2021. No. 2 (69). P. 19 – 203.

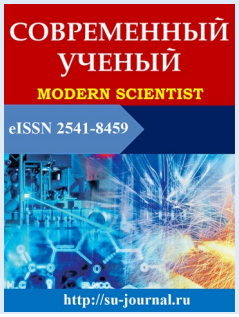
13. Zhang Q. Comparison of the images of heroes in Chinese and Western myths and their reflection in cultural texts. Libri Magistri. 2021. No. 3 (17). P. 81 – 94.

14. Shan V. Reflection of inflated self-esteem in Russian and Chinese proverbs: linguocultural aspect. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after. AND I. Yakovleva. 2020. No. 4 (109). P. 142 – 149.

Информация об авторе

Ян Цзинь, Южно-Уральский государственный университет, 1114348807@qq.com

© Ян Цзинь, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки
УДК 81'42
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-140-144

Рекламный туристический дискурс в интернете

[1] Инь Цзысюань

[1] Южно-уральский государственный университет

Аннотация: в настоящем исследовании проводится анализ рекламного туристического дискурса. Автором приведена краткая характеристика его особенностей, а также функции в сфере туризма. Основываясь на рекламных текстах, в рамках настоящего исследования был сформирован корпус для определения особенностей туристического дискурса на примере провинции Аньхой путем извлечения ключевых слов в рамках культурной и туристической лексики. Установлено, что культурное и туристическое измерение изображает богатые и отличительные красные и природные туристические ресурсы Аньхой. Функция туристического и рекламного дискурса предоставляет возможность сделать вывод о том, что на его основе может выражаться нарратив, отражающий особенности китайской культуры с туристической точки зрения. Повествовательный процесс предоставляет историю, культуру, гостеприимство, а также жизнь в Китае в позитивном ключе, что в итоге может привлечь внимание широкой аудитории туристов.
***Ключевые слова*:** туризм, реклама, дискурс, анализ, интернет, Китай

Для цитирования: Инь Цзысюань Рекламный туристический дискурс в интернете // Современный ученый. 2024. № 5. С. 140 – 144. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-140-144

Поступила в редакцию: 8 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Advertising tourism discourse on the Internet

[1] Yin Zixuan

[1] South Ural State University

Abstract: this study analyzes tourism advertising discourse. The author provides a brief description of its features, as well as its functions in the field of tourism. Based on advertising texts, this study created a corpus to identify the features of tourism discourse using Anhui Province as an example by extracting keywords within the cultural and tourism vocabulary. It is established that the cultural and tourism dimension depicts the rich and distinctive red and natural tourism resources of Anhui. The function of tourism and advertising discourse makes it possible to conclude that on its basis a narrative can be expressed that reflects the characteristics of Chinese culture from a tourism point of view. The narrative process presents history, culture, hospitality, and life in China in a positive way, which can ultimately attract the attention of a wide audience of tourists.
Keywords: tourism, advertising, discourse, analysis, Internet, China

For citation: Yin Zixuan Advertising tourism discourse on the Internet. Modern Scientist. 2024. 5. P. 140 – 144. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-140-144

The article was submitted: April 8, 2024; Approved after reviewing: June 11, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Туризм, как перспективная и развивающаяся стремительными темпами индустрия, привержена таким принципам, как «производство туристических продуктов или услуг, их коммерциализация, а также отражения особенностей национальных культур» [1]. При этом необходимо понимать, что туризм можно охарактеризовать как информационную отрасль. В настоящее время большое количество людей совершает путешествия или занимается их планированием, результатом чего является экономическое развитие страны-реципиента, а также осуществление процесса межкультурной коммуникации, развития национального имиджа и т.д. [2].

Примечательно, что в современном обществе возрастает роль сети Интернет, которая является новых каналов коммуникации. В результате это приводит к новым типам общения и речевым жанрам [3]. При этом большое количество пользователей имеет возможность познакомиться с местом, планируемым для посещения, посредством просмотра специализированных веб-сайтов, онлайн-видеороликов, подкастов и т.д. Именно поэтому продвижения десяти наций представляет собой важное значение для привлечения потенциальных потребителей. Этого можно добиться на основе использования специальных языковых средств и нарративов, которые входят в состав туристического дискурса.

После реформы и открытости провинции Китая быстро развивались, а формирование и продвижение, а также туристическая реклама регионального имиджа стало основным проявлением мягкой силы. Именно поэтому мобилизация всех возможностей для формирования и рекламного продвижения регионального имиджа стало ключевым моментом развития. Как переходная зона с севера на юг, культура провинции также неразрывно связана с окружающими районами. На фоне эпохи «Интернет+» новые средства массовой информации направляют общественное мнение и оказывают все большее и большее влияние на региональную имидж- и рекламную коммуникацию. В то же время формирование и распространение туристической рекламы через новые средства массовой информации стало важным средством. С быстрым развитием национальной экономики Аньхой, как слаборазвитая провинция, постоянно растет, но ее социально-экономическое развитие все еще сталкивается со многими проблемами. В 2018 г. в отчете о работе правительства Аньхой поставлены задачи на следующие пять лет:

1. Ускорить строительство инновационных провинций и усилить стратегическую поддержку строительства современной экономической системы;
2. Содействовать комплексному развитию городских и сельских районов и региональному скоординированному развитию, а также повысить общую эффективность развития провинции;
3. Придерживаться экологического приоритета зеленое развитие, создание экологической и цивилизованной модели строительства для аньхое;
4. Повышение уровня всесторонней и внутренней открытости провинции: ускорение развития туристической отрасли, привлечение большого количества туристов;
5. Содействовать все более справедливому обмену достижениями в области развития и созданию лучшей жизни для людей.

При этом необходимо отметить, что улучшение регионального имиджа помогает привлечь иностранные инвестиции и получить возможности для развития [4]. Поэтому понимание текущей ситуации с имиджем провинции Аньхой и открытие проблемы туристического дискурса для ее продвижения играют решающую роль в региональном развитии.

Значение настоящего исследования также заключается в следующем:

1. Практическое значение в построении специального корпуса, который позволит определить существенные характеристики туристического дискурса в эпоху сети Интернет. В этом исследовании формируется корпус для сопоставления информации новых средств массовой информации и сети Интернет, который может быть использован не только для анализа дискурса, но и в качестве важного дополнения к лингвистическим и коммуникационным информационным ресурсам;
2. Проведение статистического анализа данных рекламных текстов путем сбора, выборки и анализа данных с целью достижения научных исследований в области языковых знаний, речевой коммуникации и изучения языка и дискурса [5]. Исследование языка – это не только описание и выражение языковых символов, но и описание и выражение сложных социальных факторов и глубинных практических смыслов;
3. Теоретическое значение: предоставить основу для будущих междисциплинарных исследований. Благодаря исследованию статистической частоты слов и анализу дискурса текстовых ресурсов, исследование может значительно обогатить сферу лингвистики и коммуникации, а также внести важный вклад в исследование туристического дискурса в рамках рекламной деятельности;
4. Значимость рекламы: повышение способности к публичности. Это исследование способ-

ствует укреплению коммуникационного потенциала Аньхой, созданию благоприятной внешней среды общественного мнения для реформ и развития Аньхой, а также развитию региональной политики, экономики и культуры.

Материалы и методы исследований

Корпус относится к совокупности текстов и языковых единиц, созданной путем научной выборки и обработки языкового материала. Электронные текстовые материалы в корпусе являются реальными языковыми материалами. После серии обработки формируются основные ресурсы, несущие языковую информацию. Основываясь на информации, собранной на веб-сайте «China Daily», автор разрабатывает корпус (цель дизайна, масштаб корпуса, область применения корпуса, тип языка и качество языка) и обрабатывает текст с целью определения особенностей рекламного и туристического дискурса в сети Интернет. Г. Кеннеди отметил, что факторы, которые следует учитывать при создании корпуса, включают цель его формирования, разнообразие корпуса, методы выборки, масштаб, репрезентативность, метод, формат хранения материала и т.д. [6]. Основываясь на рекламных текстах, собранных на официальном сайте «China Daily», автор формирует корпус и анализирует текущий образ Аньхой. Самостоятельно построенный корпус содержит 1236 текстов.

Далее необходимо отметить, что статистика частотности слов – это процесс или результат подсчета частоты употребления слова или фразы в дискурсе или корпусе. Например, Ма Гуанхуэй делит полученную лексику на глаголы, существительные, предлоги, связки, модификаторы и т.д. [7].

Результаты и обсуждения

В табл. 1 представлены слова, которые наиболее часто встречаются в рекламных текстах относительно рассматриваемой в настоящем исследовании провинции Аньхой. При этом важно понимать, что рекламный дискурс тесно связан с культурой страны, в результате чего предоставляет возможность определить данную коннотацию как особенность дискурса. Так, среди наиболее встречающихся слов выделяются следующие:

1. Аньхой;
2. Китайский;
3. Народ;
4. Развитие;
5. Рынок;
6. Рост;
7. Шанхай;
8. Правительство;
9. Экономика;
10. Индустрия.

Весь список наиболее встречающихся слов, а также их количество представлены ниже в табл. 1.

Таблица 1

Наиболее часто встречающиеся слова в рекламе провинции Аньхой.

Table 1

The most common words in advertising in Anhui Province.

Номер в списке	Высокочастотные слова	Частота повторения	Номер в списке	Высокочастотные слова	Частота повторения
1	Аньхой	1605	11	Хефей	560
2	Китайский	1593	12	Технология	550
3	Туристы	1442	13	Центральный	545
4	Провинция	1120	14	Территории	522
5	Рынок	997	15	Компании	510
6	Рост	627	16	Производство	501
7	Шанхай	731	17	Медицина	466
8	Правительство	680	18	Энергия	461
9	Экономика	602	19	Здоровье	452
10	Индустрия	598	20	Природы	431

Далее необходимо провести анализ конкретных слов с примерами из рекламных текстов. Как одно из высокочастотных слов, «туристы» появлялось 2884 раза, занимая третье место в таблице, представленной выше. Данное слово может означать как «гости», так и «иностранцы». Однако с точки зрения строк поиска «народ» в основном используются в существительных и в основном связаны с вопросами выбора дестинации, количества туристов, достопримечательностей и т.д.

В пример можно привести следующие цитаты из рекламных текстов, которые были отобраны для настоящего исследования:

1. Туристы смогут прикоснуться к отпечатку истории, эпохе цивилизации, воротам инноваций;
2. Туристы смогут почувствовать вкус китайской кухни, манящего аромата истории в летние и зимние сезоны.

Примечательно, что в данных примерах воздействие на туриста, планирующего путешествие, оказывается посредством использования самого слова «турист» и последующего действия в виде возможности («смогут прикоснуться», «смогут почувствовать»), в результате чего у объекта воздействия может сложиться чувство гостеприимства.

Необходимо также отметить, что приведенные выше примеры рассказывают о восприятии посетителями культуры Аньхой с различных точек зрения. Так, в примере 1 указывается то, что, несмотря на свою долгую историю, Аньхой представляет собой провинцию инноваций во многих сферах. Пример 2 содержит информацию относительно того, что Аньхой можно посещать как зимой, так и летом.

В представленной выше таблице слово «провинция» также имеет высокий уровень повторения. Анализ рекламных текстов показывает, что компонентом предложения в основном является связь с конкретизирующими и описывающими словами. В пример можно привести следующие цитаты из текстов:

1. Жители провинции Аньхой приветливы и дружелюбны;
2. Аньхой – провинция будущего;
3. Аньхой – провинция сбывающихся мечт;
4. Аньхой – провинция великолепия;
5. Аньхой – сокровищница культуры Китая.

В примере 1 указывается гостеприимство жителей, а также их отношение к туристам, что настраивает позитивный тон отношений между адресатом и адресантом. Во втором примере указывается, что Аньхой – это место, при посещении которого могут сбыться все мечты. Это указывает на побуждение получателя информации принять решение о посещении провинции и его достопримечательностей. В рамках четвертого и пятого примеров приводится один из факторов, который может повлиять на выбор места путешествия – богатая культура и великолепие Китая.

Далее необходимо отметить, что «туризм» – это слово, тесно связанное с прилагательными в рекламных текстах. Это в основном указывает на оценку и определение категории индустрии туризма [8]. Слова «развитый» и «распространенный» являются подтверждением ценности туризма, подчеркивая разнообразие и развитие туристических ресурсов в провинции Аньхой. Прилагательные «Культурный», «сельский» и «оздоровительный» показывают различные типы туристических тематических стилей в различных регионах Аньхой, а также тесную интеграцию сельского и экологического туризма.

Выводы

В результате мы приходим к следующим выводам. Основываясь на рекламных текстах, в рамках настоящего исследования был сформирован корпус для определения особенностей туристического дискурса на примере провинции Аньхой путем извлечения ключевых слов в рамках культурной и туристической лексики. Установлено, что культурное. Также предлагаются следующие пути исследования туристического дискурса и его продвижения: прежде всего, усилить публичность и продвижение с помощью высококачественных рекламных видео, показов изображений, репортажей в СМИ и других форм, чтобы показать богатые природные пейзажи Аньхой, долгую историю и отличные достижения в области промышленного развития, а также передать открытость и инклюзивность Аньхой внешнему миру. Во-вторых, путем использования туристического дискурса предоставляется возможность сформировать туристический бренд на основе уникальных природных ресурсов и культурного ландшафта провинции Аньхой, ускорить развитие ряда известных туристических брендов и т.д.

Также необходимо отметить, что функция туристического и рекламного дискурса предоставляет возможность сделать вывод о том, что на его основе может выражаться нарратив, отражающий особенности китайской культуры с туристической точки зрения. Повествовательный процесс предоставляет историю, культуру, гостеприимство, а также жизнь в Китае в позитивном ключе, что в итоге может привлечь внимание широкой аудитории туристов.

Список источников

1. Гуанхуэй М. Исследование блоков слов на втором языке, ограниченное по времени для специальностей по изучению иностранных языков // Преподавание и исследования иностранных языков. 2019. № 41. С. 54 – 81.

2. Кайбао Х. Работа с языковым корпусом. Шанхай: Издательство Шанхайского университета Цзяотун, 2018. 212 с.

3. Кеннеди Г. Введение в корпоративную лингвистику. Пекин: Издательство по преподаванию и исследованиям иностранных языков, 2000. 189 с.

4. Курганская Г.С., Хофманн К.М. Инновационные интернет-технологии в сфере туризма // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1 (9). С. 55 – 70.

5. Леле Л. Исследование регионального имидж-дискурса основных СМИ в Китае // Журнал Лоянского педагогического университета. 2022. № 41. С. 93 – 96.

6. Пирджанова Г.Д. Культурные особенности рекламы в сфере туризма // Процветание науки. 2022. № 3 (9). С. 1 – 6.

7. Понукалина О.В., Логинова Л.В. Имидж территории в контексте повышения туристской привлекательности региона // Logos et Praxis. 2016. № 1 (31). С. 65 – 73.

8. Юэ Г., Цзе Л. Исследование способа новостного дискурса для создания имиджа Синьцзяна в международной среде // Журнал Синьцзянского университета (философия, гуманитарные и социальные науки). 2015. № (2). С. 124 – 127.

References

1. Guanghui M. Time-limited study of word blocks in a second language for foreign language majors. Teaching and Research of Foreign Languages. 2019. No. 41. P. 54 – 81.

2. Kaibao H. Working with the language corpus. Shanghai: Shanghai Jiaotong University Press, 2018. 212 p.

3. Kennedy G. Introduction to corporate linguistics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2000. 189 p.

4. Kurganskaya G.S., Hofmann K.M. Innovative Internet technologies in the field of tourism. Business education in the economy of knowledge. 2018. No. 1 (9). P. 55 – 70.

5. Lele L. Study of the regional image discourse of the main media in China. Journal of Luoyang Pedagogical University. 2022. No. 41. P. 93 – 96.

6. Pirjanova G.D. Cultural features of advertising in the field of tourism. Prosperity of Science. 2022. No. 3 (9). P. 1 – 6.

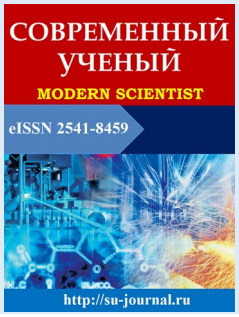
7. Ponukalina O.V., Loginova L.V. Image of the territory in the context of increasing the tourist attractiveness of the region. Logos et Praxis. 2016. No. 1 (31). P. 65 – 73.

8. Yue G., Jie L. Study of the method of news discourse to create the image of Xinjiang in the international environment. Journal of Xinjiang University (philosophy, humanities and social sciences). 2015. No. (2). P. 124 – 127.

Информация об авторе

Инь Цзысюань, преподаватель, Южно-Уральский государственный университет, 1363332326@qq.com, 2024

© Инь Цзысюань, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316.7
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-145-149

Проблемы социокультурного характера у китайских студентов, обучающихся за рубежом, и способы их решения

[1] Ли Цзяни,

[1] Уральский федеральный университеет имени первого президента России Б.Н. Ельцина

Аннотация: в статье анализируются проблемы, с которыми сталкиваются китайские студенты, получающие образование за рубежом. Автор акцентирует внимание на таких проблемах как культурная адаптация, языковые барьеры, академическая строгость, социальная интеграция, финансовые трудности и аккультурационный стресс.
Основная цель исследования – описать как формируется образовательный путь китайских студентов за границей с использованием комплексного подхода. В статье подчеркивается актуальность данного исследования в современном глобальном образовательном ландшафте, где все большее число китайских студентов предпочитают получать образованием за рубежом. Ежегодно количество молодых китайцев, покидающих Родину для получения образования, увеличивается, что говорит о важности изучения проблем адаптации в чужой стране. Автор описывает влияние названных проблем на общество, рассматриваются их последствия для психического здоровья, межкультурного взаимопонимания и более широкой интеграции китайских студентов в принимающие сообщества.
В содержании статьи освещается ряд академических решений, которые могут смягчить описанные проблемы и существенно помочь в адаптации китайским студентам. Например: комплексные программы ориентации, услуги языковой поддержки, финансовые консультации и создание инклюзивной культуры кампуса. Автор также указывает на то, что для решения проблем с адаптацией целесообразно развивать специальные культурные программы. Исследуя сложную взаимосвязь между реакциями академических кругов и восприятием общества, это исследование вносит вклад в научный дискурс о международном образовании, предлагая рекомендации для политиков, преподавателей и заинтересованных сторон, заинтересованных в улучшении образовательного опыта китайских студентов, обучающихся за рубежом.
Ключевые слова: китайские студенты, международное образование, межкультурные вызовы, академические решения, культурная адаптация, социальная интеграция, журналистский подход, языковой барьер, иностранные студенты, социальная поддержка

Для цитирования: Ли Цзяни Проблемы социокультурного характера у китайских студентов, обучающихся за рубежом, и способы их решения // Современный ученый. 2024. № 5. С. 145 – 149. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-145-149

Поступила в редакцию: 8 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Sociocultural problems among Chinese students studying abroad and ways to solve them

[1] **Li Jiani,**

[1] ***Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin***

Abstract: the article analyzes the problems faced by Chinese students studying abroad. The author focuses on such issues as cultural adaptation, language barriers, academic rigor, social integration, financial difficulties and acculturative stress.
The main purpose of the study is to describe how the educational path of Chinese students abroad is shaped using an integrated approach. The article highlights the relevance of this study in the modern global educational landscape, where an increasing number of Chinese students are choosing to study abroad. Every year, the number of young Chinese leaving their homeland to get an education increase, which indicates the importance of studying the problems of adaptation in a foreign country. Through careful analysis of media representation, the article examines the impact of these issues on society, considering their implications for mental health, intercultural understanding and the wider integration of Chinese students into host communities.
The content of the article highlights a number of academic solutions that can mitigate the problems described and significantly help Chinese students adapt. For example: comprehensive orientation programs, language support services, financial counseling, and creating an inclusive campus culture. The author also points out that to solve problems with adaptation, it is advisable to develop special cultural programs. By exploring the complex relationship between academic responses and public perceptions, this study contributes to the scholarly discourse on international education by offering recommendations for policymakers, educators, and stakeholders interested in improving the educational experience of Chinese students studying abroad.
Keywords: Chinese students, international education, intercultural challenges, academic solutions, cultural adaptation, social integration, journalistic approach, language barrier, foreign students, social support

For citation: Li Jiani Sociocultural problems among Chinese students studying abroad and ways to solve them. Modern Scientist. 2024. 5. P. 145 – 149. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-145-149

The article was submitted: April 8, 2024; Approved after reviewing: June 11, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В современном мире, где глобальные образовательные тренды становятся все более релевантными, научное изучение опыта студентов из различных культурных контекстов приобретает особое значение. Настоящее исследование предпринимает попытку анализа сложностей, с которыми сталкиваются студенты из Китая. Эта концепция служит эмпирической базой в гуманитарных науках, позволяя провести систематический анализ тонкостей проблем, с которыми сталкивается эта демографическая группа [1].

Основной целью настоящего исследования является выявление многогранных аспектов проблем, с которыми сталкиваются китайские студенты в процессе обучения за границей. Эти проблемы включают в себя вызовы, начиная от трудностей в акклиматизации до строгости академического процесса. Акцентирование внимания направлено на прояснение общественного восприятия, выявление потенциальных предубеждений и выделение областей, требующих системных улучшений в образовательной сфере.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что понимание трудностей иностранных студентов за рубежом поможет не просто решить их, а наладить социокультурное взаимодействие студентов сс новым для них обществом, а также будет способствовать развитию отношений между странами. В свете постоянного роста числа китайских студентов, выбирающих обучение за пределами родной страны, понимание тонкостей их образовательного опыта приобретает стратегическую важность [2].

Основная задача настоящей статьи заключается в проведении систематического анализа и освещения разносторонних проблем, с которыми сталкиваются китайские студенты, получающие образование за рубежом.

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования являются работы российских и китайских педагогов, со-

циологов, психологов.

Методы исследования: описание, анализ.

Результаты и обсуждения

Как было отмечено ранее, объектом исследования в статье являются проблемы разного характера, с которыми сталкиваются китайские студенты.

Первой описываемой проблемой является трудность культурной адаптации. Разный менталитет разных народов моет представлять серьезную проблему для иностранных студентов. То, что приемлемо для них, может оказаться неприемлемым в новой стране проживания, и наоборот.

Влияние на общество: проблемы культурной адаптации могут привести к чувству изоляции, тоске по дому и потенциальному недопониманию с местными сообществами, оказывая негативное влияние на общее самочувствие и психическое здоровье учащихся.

Решения: учебные организации имеют возможность внедрять комплексные программы ориентации, сфокусированные не только на академических аспектах, но и на культурной интеграции. Создание программ наставничества и инициатив по культурному обмену может содействовать более гладкому переходу студентов. Важна работа кураторов учебного учреждения, проведение мероприятий, которые помогут студентам быстрее адаптироваться [3].

Вторая проблема – языковой барьер. Языковые различия могут создавать препятствия для учебы, социальных взаимодействий и повседневной жизнедеятельности.

Влияние на общество: языковые барьеры могут способствовать нарушению общения, препятствовать социальной интеграции и ограничивать учебные достижения, что может усилить чувство исключенности [4].

Решения: учебные заведения могут предоставлять услуги языковой поддержки, такие как языковые курсы и программы репетиторства. обучение преподавателей эффективной поддержке лиц, не являющихся носителями языка, и создание многоязычной среды могут улучшить овладение языком.

Также важно изучение языка перед началом учебы в родной стране, чтобы китайские студенты могли наладить контакт с местными жителями и имели минимальный лексический запас.

Необходимы целенаправленные решения, учитывающие также особенности языковой репрезентации проекта «Один пояс, один путь» в китайских СМИ [5].

Важная роль отводится подготовке преподавателей для создания инклюзивной среды обучения. Это позволяет участвовать в учебном процессе лицам, не являющимся носителями языка, способствуя не только успехам в учебе, но и разрушению социальных стереотипов.

Третья рассматриваемая проблема – различия в академических ожиданиях и стилях преподавания могут создавать проблемы для китайских студентов, привыкших к другой системе образования. Разный менталитет разных народов

Влияние на общество: стремление соответствовать академическим ожиданиям может привести к стрессу, тревоге и чувству неполноценности, воздействуя как на психическое здоровье, так и на общественное восприятие академических способностей.

Академические решения: учебные заведения могут предоставлять промежуточные программы, наставничество и консультационные услуги, чтобы помочь студентам ориентироваться в переходном периоде. Четкое информирование об академических ожиданиях и методах обучения, учитывающих культурные особенности также может быть полезным [6].

Отметим и проблемы с социальной интеграцией и формирование стереотипов. Китайские студенты могут сталкиваться с трудностями при интеграции в местную социальную структуру, а стереотипы могут приводить к неправильным представлениям и предубеждениям.

Воздействие на общество: проблемы социальной интеграции могут привести к социальной изоляции и препятствовать межкультурному взаимопониманию. Стереотипы могут способствовать негативному восприятию китайских студентов в более широком сообществе.

Решения: образовательные учреждения могут продвигать разнообразную и инклюзивную среду кампуса посредством культурных мероприятий, групп поддержки и информационных кампаний. Обучение преподавателей и студентов культурным навыкам может помочь в борьбе со стереотипами.

Проблемы, описанные выше, подчеркивают сложное взаимодействие академических, социальных, культурных и медийных факторов в образовательной среде для китайских студентов за рубежом.

Роль учебных заведений: учебные заведения, с учетом медийной составляющей, могут смягчить воздействие на общество, реализуя комплексные программы ориентации, включающие академическое руководство, межкультурное взаимодействие и анализ репрезентации проекта «Один пояс, один путь» в китайских СМИ. Инклюзивная культура кампуса, поддерживаемая программами наставничества, способствует уменьшению чувства изоля-

ции и тоски по дому, характерных для китайских студентов [7].

Активное участие более широкого общества в межкультурном взаимопонимании может положительно сказаться на общественном восприятии иностранных студентов. Признание ценности разнообразных точек зрения вносит свой вклад в формирование более открытого и инклюзивного академического ландшафта.

Отдельно стоит сказать о финансовых трудностях, так как это может негативно повлиять и даже поставить под угрозу обучение студентов за границей. Управление финансами, включая обучение, расходы на проживание и обмен валюты, может стать серьезной проблемой для китайских студентов.

Влияние на общество: финансовый стресс может повлиять на успеваемость, психическое здоровье и может способствовать восприятию иностранных студентов как руководствующихся исключительно экономическими мотивам [8].

Решения: учебные заведения могут предоставлять финансовые консультации, возможности получения стипендий и поддержку в трудоустройстве на неполный рабочий день. Важное значение имеет прозрачная информация о затратах и доступных ресурсах.

Глубокие социальные последствия: освещение финансовых трудностей в китайских СМИ, таких как CCTV и Синьхуа, может углубить понимание глубоких социальных последствий, поощряя университеты к предоставлению поддержки через финансовые консультации и стипендии. Активное решение финансовых проблем учебных заведений способствует не только благосостоянию отдельных студентов, но также формирует общественное восприятие, подчеркивая приверженность обеспечению равных возможностей для иностранных студентов [9].

Последней анализируемой проблемой является аккультурационный стресс. Процесс адаптации к новой культуре может привести к аккультурационному стрессу, влияющему на психическое и эмоциональное благополучие.

Влияние на общество: неуправляемый стресс при аккультурации может способствовать возникновению проблем с психическим здоровьем, включая тревогу и депрессию, и может повлиять на то, как китайские студенты воспринимаются в более широком социальном контексте.

Решения: университеты могут предлагать ресурсы по охране психического здоровья, консультационные услуги и группы поддержки коллег. Создание гостеприимной и инклюзивной культуры кампуса также может облегчить стресс от аккультурации. Кураторы, психолог также могут оказывать необходимую психологическую поддержку иностранным студентам [10].

Выводы

Таким образом, многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются китайские студенты, обучаясь за границей, связаны с адаптацией к новой культуре и языковой среде. Эти проблемы требуют не только индивидуальных, но и комплексных решений, выходящих за границы стандартных учебных программ. Решение вопросов, связанных с культурной адаптацией, языковыми барьерами, академической строгостью, социальной интеграцией, финансовыми трудностями и стрессом от аккультурации, позволяет учебным заведениям формировать образовательную среду, которая не только поддерживает успешное обучение и благополучие китайских студентов, но и способствует позитивному восприятию в обществе, а также развитию межкультурного взаимопонимания в принимающих сообществах. Симбиотическая взаимосвязь между академическими решениями и социальным влиянием подчеркивает важность целостного и совместного подхода к улучшению общего образовательного опыта китайских студентов за пределами границ своей родной страны. Этот взаимодействующий подход содействует не только формированию высококачественных образовательных стандартов, но и активному участию в формировании позитивного общественного мнения об иностранных студентах и их значимости в глобальном контексте.

Список источников

1. Янг Дж., Арант Д. Роли и этика журналистики: как китайские студенты и американские студенты воспринимают их одинаково и по-разному // Преподаватель журналистики и массовых коммуникаций. 2014. № 69 (1). С. 33 – 48.

2. Мартынкова А.В., Сырямкина Е.Г. Межкультурная коммуникация как ключ к интеграции мигрантов // Антропологические чтения: материалы X Антропологических чтений студентов, магистрантов, аспирантов философского, психологического факультетов 57 и Института искусств и культуры НИ ТГУ. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т., 2022. С. 105 – 110.

3. Ченг М.Т., Агейва Э. Изучение проблем китайских студентов, связанных с обучением за границей в условиях пандемии COVID-19: точка зрения действующих лиц и сети // Журнал образования в области гостеприимства, досуга, спорта и туризма. 2022. № 30. С. 100349.

4. Хао Л. Тяжелое положение журналистского образования в Китае – с точки зрения социологии образования // Technium Soc. Sci. J. 2021. № 23. 675 с.

5. Su Y., Borah P. Обрамление зарубежных китайских студентов: сравнительный анализ газетных репортажей в материковом Китае, США и Гонконге // Вестник международных коммуникаций. 2021. № 83 (2). С. 126 – 147.

6. Карапетян К.А. Город как пространство адаптации студентов-мигрантов (на материале исследования проблем адаптации студентов из КНР в Иркутске). 2023.

7. Дасуев М.Л., Борщигова И.А. Проблемы и перспективы обучения иностранных студентов русскому языку в вузах // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 13 (8). С. 241 – 249.

8. Мартынкова А.В. Вовлечение иностранных студентов в социальную активность в условиях кампусного пространства как механизм межкультурной интеграции: выпускная бакалаврская работа по направлению подготовки: 39.03. 03-Организация работы с молодежью. 2023.

9. Самойлов О.М., Захар А.М., Петухова Д.Р., Долженко К.И. Метакогнитивная регуляция как фактор, влияющий на эффективность обучения в условиях применения цифровых образовательных технологий: систематический обзор литературы // Психология человека в образовании. 2023. № 5 (4). С. 519 – 535.

10. Тихих Е.В. Уровень проявления аккультурационного стресса иностранных студентов в условиях поликультурной образовательной среды (на примере СИБГУ им. М.Ф Решетнева) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. ВП Астафьева. 2023. № 1 (63). С. 181 – 189.

References

1. Yang J., Arant D. Roles and ethics of journalism: how Chinese students and American students perceive them the same and differently. Teacher of journalism and mass communications. 2014. No. 69 (1). P. 33 – 48.

2. Martynkova A.V., Syryamkina E.G. Intercultural communication as the key to the integration of migrants. Anthropological readings: materials of the X Anthropological readings of students, undergraduates, graduate students of the philosophical, psychological faculties 57 and the Institute of Arts and Culture of the National Research TSU. Tomsk: Nat. research Tomsk State Univ., 2022. P. 105 – 110.

3. Cheng M.T., Ageiwa E. Studying the problems of Chinese students related to studying abroad in the context of the COVID-19 pandemic: the point of view of actors and networks. Journal of Education in the Field of Hospitality, Leisure, Sports and Tourism. 2022. No. 30. P. 100349.

4. Hao L. The difficult situation of journalism education in China – from the point of view of the sociology of education. Technium Soc. Sci. J. 2021. No. 23. 675 p.

5. Su Y., Borah P. Framing overseas Chinese students: a comparative analysis of newspaper reports in mainland China, the USA and Hong Kong. Bulletin of International Communications. 2021. No. 83 (2). P. 126 – 147.

6. Karapetyan K.A. The city as a space for adaptation of migrant students (based on a study of the problems of adaptation of students from the People's Republic of China in Irkutsk). 2023.

7. Dasuev M.L., Borshigova I.A. Problems and prospects for teaching Russian to foreign students in universities. Educational Management: Theory and Practice. 2023. No. 13 (8). P. 241 – 249.

8. Martynkova A.V. Involving foreign students in social activity in the campus environment as a mechanism of intercultural integration: final bachelor's work in the field of study: 39.03. 03-Organization of work with youth. 2023.

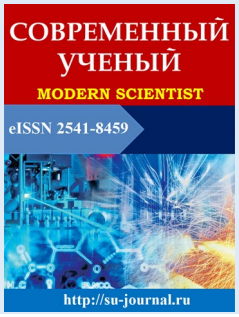
9. Samoilov O.M., Zakhar A.M., Petukhova D.R., Dolzhenko K.I. Metacognitive regulation as a factor influencing the effectiveness of learning in the context of the use of digital educational technologies: a systematic review of the literature. Human Psychology in Education. 2023. No. 5 (4). P. 519 – 535.

10. Tikhikhe E.V. The level of manifestation of acculturation stress of foreign students in a multicultural educational environment (on the example of SIBSU named after M.F. Reshetnev). Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after M.F. Reshetnev. VP Astafieva. 2023. No. 1 (63). P. 181 – 189.

Информация об авторе

Ли Цзяни, PhD, Уральский федеральный университеет иимени первого президента России Б.Н. Ельцина, 823286146@qq.com

© Ли Цзяни, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 791.43
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-150-156

Диалекты и местные культуры в китайском кино: от региональности до глобального влияния

[1] У Маньлу

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: включение диалектных особенностей и элементов местных языковых культур в контексты и тексты сценариев кинофильмов способствует становлению национальной идентичности народа, популяризации диалектных разновидностей китайского языка, истории отдельных территорий и Китая в целом. Китайский язык обогащен множеством различных диалектов и наречий, насчитывающих более 200 разновидностей, дифференцируемых на десять ключевых групп. В работе рассматриваются три самых крупных и распространенных из них: мандаринский, кантонский и пекинский. Мандаринский относится к северным диалектам, также дефинируемый как путунхуа, и выступает в роли официального языка Китая. Кантонский (по другой классификации – гуандунский, юэ) распространен в Гуанчжоу и его окрестностях, в том числе, в Гонконге. Лингвисты противопоставляют это наречие официальному диалекту – классическому путунхуа. Пекинский диалект представляет собой фонетическою базу официального китайского языка КНР, Тайваня и Сингапура. В работе представлен анализ лексических диалектных особенностей в текстах китайского кино, выполненный на материале фильма «Всё везде и сразу». Результаты исследования позволили определить функции включения диалектов в китайские сценарии: привлечение внимания общественности к проблеме диалектов в государстве, сохранение и популяризация местных языковых культур. Глобальной целью фильмов с диалектной речью является восстановление релевантности проживания в сельской местности, заселение заброшенных деревень уставшими от городской жизни гражданами.
Ключевые слова: диалект, наречие, говор, местные культуры, путунхуа, кантонский диалект, пекинский диалект

Для цитирования: У Маньлу Диалекты и местные культуры в китайском кино: от региональности до глобального влияния // Современный ученый. 2024. № 5. С. 150 – 156. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-150-156

Поступила в редакцию: 8 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Dialects and local cultures in Chinese cinema: from regionality to global influence

[1] Wu Manlu

[1] St Petersburg State University

Abstract: the inclusion of dialect features and elements of local linguistic cultures in the contexts and texts of film scripts contributes to the formation of the national identity of the people, the popularization of dialect varieties of the Chinese language, the history of individual territories and China as a whole. The Chinese language is enriched with many different dialects and dialects, numbering more than 200 varieties, differentiated into ten key groups.

The paper considers three of the largest and most widespread of them: Mandarin, Cantonese and Beijing. Mandarin belongs to the northern dialects, also defined as Putonghua, and acts as the official language of China. Cantonese (according to another classification – Guangdong, Yue) is common in Guangzhou and its surroundings, including Hong Kong. Linguists contrast this dialect with the official dialect – classical Putonghua. The Beijing dialect is the phonetic base of the official Chinese language of the People's Republic of China, Taiwan and Singapore. The paper presents an analysis of lexical dialect features in the texts of Chinese cinema, based on the material of the film "Everything everywhere and at once". The results of the study made it possible to determine the functions of including dialects in Chinese scenarios: attracting public attention to the problem of dialects in the state, preserving and popularizing local linguistic cultures. The global goal of films with dialect speech is to restore the relevance of living in rural areas, to populate abandoned villages with citizens tired of urban life.
***Keywords**:* dialect, adverb, patois, local cultures, Putonghua, Cantonese, Beijing dialect

For citation: Wu Manlu Dialects and local cultures in Chinese cinema: from regionality to global influence. Modern Scientist. 2024. 5. P. 150 – 156. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-150-156

The article was submitted: April 8, 2024; Approved after reviewing: June 12, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Различные диалекты (в т.ч. говоры), как и литературный язык, имеют свои особые нормы и в фонетике, и в лексике, и в грамматике. Однако, в отличие от литературного языка, диалектные нормы существуют стихийно и не столь устойчивы, т.к. диалекты функционируют в устной форме [3].

Сфера использования диалектов ограничена семейным и бытовым общением. Традиционно под диалектом понимается пласт языка, являющийся средством общения для группы лиц, объединенной территориальным признаком. Нередко носители разного диалекта с трудом понимают либо не понимают совсем жителей соседней территории одного государства.

В значительной степени ограничен и круг носителей диалектов: это сельские жители, главным образом, женщины старшего поколения. Надо отметить, что в наши дни данный пласт языка испытывает сильное влияние литературных норм (через средства массовой информации и систему образования), что ведет к еще большему сужению круга его носителей, к утрате диалектных особенностей китайской речи. Тем не менее, диалекты образуют чрезвычайно важную подсистему языка, его историографическую базу: именно территориальные разновидности китайского исторически легли в основу фундамента литературной общеупотребимой лексики.

Актуальность темы данного исследования обусловлена следующими факторами:

1. Включение диалектных особенностей и элементов местных культур в кинотексты и тексты сценариев отличает современный китайский кинематограф от кинематографа XX века.

2. Большинство современных языков развивалось на основе диалектов, при этом за основу принимался говор, который был характерен для правящей элиты или имеющий самое большое распространение на той или иной территории Китая, а также в официальных текстовых источниках. «В истории языков наблюдаются как процессы расхождения и распада языков на диалекты или родственные языки, так и процессы их схождения, взаимовлияния и сближения» [3, с. 6].

Цель статьи – изучение влияния диалектов и языковой культуры в китайском кинематографе на общественность. Задачи: рассмотреть три самых крупных и распространенных китайских диалекта: мандаринский, кантонский и пекинский; проанализировать диалектные особенности в текстах китайского кино (на основе лексического материала).

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил текст сценария художественного фильма 2022 года «Всё везде и сразу» – режиссеры Д. Шайнерт и Д. Кван.

В качестве методов исследования избраны: контент-анализ, ретроспективный метод, а также метод систематизации и структуризации материала.

Теоретической базой исследования послужили работы Е.Б. Астрахан (1985), Т.В Бердниковой, Д.В. Калужениной, Ю.В. Каменской (2011), А.С. Малахова (2021), Юань Цзя-хуа (1965) и др.

Практическая значимость статьи заключается в использовании материала исследования в лекционных курсах лингвистики, культурологии, лингвокультурологии, а также на практических занятиях по китайскому и русскому языкам.

Результаты и обсуждения

Диалект представляет собой полноценную систему речевого общения (устной или знаковой, но

не обязательно письменной коммуникации), обладающую лексикой и грамматикой [6]. Изначально к диалектам относилась только сельская территориальная речь. Впоследствии стали изучаться городские особенности языковых культур. Например, к числу городских диалектов стали «относить речь негритянского городского населения США, при этом английский язык данной группы существенно отличался от других разновидностей американского английского» [5, с. 38].

Постепенно диалектная форма стала приобретать черты литературного языка – нормированность, полифункциональность и др. Однако литературный пласт лексики и грамматики «имеет и письменную, и устную формы, он обладает разветвленной системой функциональных стилей и оказывает влияние на русское просторечие и народные говоры (диалекты), которыми ещё продолжает пользоваться значительная часть коммуникантов» [4, с. 36]. Однако существуют языки, которые базируются на нескольких диалектах и до сих пор не выработали единого литературного стиля речи. К числу таких диалектных языков относится китайский [1, 9].

Разные диалекты составляют основу китайского языка. Большое количество и разноплановость диалектов обусловлена географическими и историческими особенностями развития страны. Традиционно ученые разделяют данную республику на северную и южную части.

В северной части КНР происходили ведущие политические события. По этой причине языковые элементы более часто менялись, а диалектная культура отличалась бóльшими коллизиями, в отличие от южной, в которой превалировал спокойный ритм жизни. В эту часть страны входило множество областей, население которых свято почитало культуру предков, стараясь сохранять и поддерживать традиции. Особое отношение у них было также к родному языку, его диалектным особенностям.

Несмотря на существенные различия, диалекты китайского языка до сих пор обладают схожими чертами. Например, в лексике пекинского наречия часто встречается эризация финалий (прибавление к слогу суффикса *“-р”*) [7, с. 27], например, в слове “*niǎor”* («птица»). В случае игнорирования *“-р”* получается классическое *“niǎo”*. Некоторые дефиниции харбинского диалекта имеют связь с русским языком, в качестве примера следует привести заимствованное слово из русского языка «машэн» («машина»).

Стоит отметить, что бесспорным сходством всех китайских диалектов является иероглифическое письмо, которым владеют носители всех диалектов, т.е. жители всей страны, независимо от территории проживания.

Рассмотрим основные диалекты китайского языка и их особенности.

Традиционно в китайском языке выделяют более 200 диалектов, которые разделяются на 10 больших групп. Обратимся к трем основным из них, к которым относятся: мандаринский, кантонский и пекинский.

Мандаринский относится к северным диалектам. По другой классификации его называют путунхуа. Он является официальным государственным языком общения в Китае и, как следствие, самым распространенным диалектом китайского языка. Мандарин получает государственную поддержку, поскольку для международного общения необходим упрощенный вариант языка, понятный жителям различных территорий. Образование также осуществляется на данном диалекте. Таким образом, мандарин выполняет в Китае функции литературного языка.

Данный диалект является языком официального общения, он полифункционален, максимально нормирован. Между тем он имеет богатую историю. В 1912 году при образовании Китайской Республики национальным языком был признан «гоюй», основанный на пекинском диалекте. Впоследствии в 1949 году при появлении коммунистической власти диалект переименовали в «путунхуа», который в 1964 году трансформировался – в нем произошли процессы унификации и упрощения. На сегодняшний день на диалекте путунхуа разговаривает 80% населения Китая. При этом наибольшее распространение он получил в городской местности. Характерной особенностью путунхуа является то, что на диалект влияют другие местные наречия [10]. Следовательно, жители Китая и Шанхая, использующие его для общения, нередко с трудом понимают друг друга.

Сегодня диалект путунхуа приобретает статус языка международного дискурса, его используют в коммуникации с представителями других стран. Кроме того, европейцы в большинстве случаев изучают китайский язык именно данного варианта.

Кантонский диалект (по другой классификации – «гуандунский», «юэ») распространен в Гуанчжоу и его окрестностях, в том числе, в провинции Гуандун и Гонконге. Лингвисты противопоставляют это наречие официальному диалекту – классическому путунхуа [2]. До 2010 года кантонский считался молодежным интернет-сленгом в Шэньчжэне и являлся отражением молодежных субкультур: юноши и девушки общались на нем даже в местах общественного пользования (в учебных

учреждениях, в домах культуры, в ночных клубах, в торговых центрах и т.д.). С 2010 года официальное телевещание начало вестись на диалекте путунхуа.

Жители Китая называют кантонский тривиальным диалектом, многие иероглифы которого отличаются от написания официального путунхуа. «Молодежный» диалект имеет 6 тонов, которые способны изменить значение слова, вплоть до противоположного. Лексический состав кантонского схож с мандарином, однако, носители обоих диалектов с трудом понимают друг друга.

Основной территорией распространения кантонского диалекта являются Гонконг и Макао. Также его используют китайские эмигранты в Нью-Йорке (США) и иммигранты в Гуандуна (Провинция в Китае). Кроме того, это язык общения в китайских диаспорах Юго-Восточной Азии.

Кантонский диалект называют языком хуацяо. Сам диалект очень древний – его история восходит к династии Тан. Как следствие, в качестве языка общения кантонский по разным данным используют от семидесяти до ста миллионов человек по всему миру.

На территории столицы Китая распространен пекинский диалект. Он представляет собой фонетическою базу официального китайского языка КНР, Тайваня и Сингапура – путунхуа. Пекинский диалект по своей структуре, фонетике и лексике схож с путунхуа, т.к. один диалект является праязыком другого. При схожести структуры данные диалекты имеют значительные различия, в основном касающиеся области фонетики и лексики. Следует отметить, что путунхуа выступает в роли упрощенной формой пекинского диалекта.

Диалекты связаны с местными культурами, они являются хранителями истории, прошлого народа Китая. Местные культуры также, как и диалекты, распространены в определенных ареалах.

Отношение к диалектам в Китае имеет амбивалентный характер. С одной стороны, требуется знание стандартного путунхуа, с другой – существует тенденция к сохранению местных говоров и наречий, а также языков национальных меньшинств в целях сохранения исторического прошлого народа и становления национальной идентичности китайцев.

Многообразие диалектов получило свое отражение в различных видах искусства – в литературе, живописи (при наличии надписей, которые характерны для китайской культуры), а также в кинематографе.

В последние годы в китайском кино распространенность диалектов и включение образов местных культур в сценарии кинолент весьма значительны. Их интеграция нацелена на популяризацию диалектных разновидностей китайского языка, освещение истории отдельных территорий и Китая в целом, благодаря чему диалекты из регионального статуса начинают переходить в узус и, как следствие, в международный дискурс.

Китайский кинематограф в настоящее время набирает популярность не только в азиатских и восточных странах, но и в странах Европы, а также в России.

В Китае в целях популяризации диалектов, сохранения исторического прошлого страны и ее народов, уже много лет существует кинофестиваль *«The Village-Grown Dialect Film Festival»* (также дефинируемый как Цзужунский кинофестиваль диалектов) [12]. Председателем жюри является поэт и режиссер Цинь Сяоюй. О целях фестиваля и его особенностях Цинь Сяоюй не раз рассказывал в интервью различным газетам и интернет-медиа.

Так, в своем интервью изданию *«Sixth Tone»* [9] Цинь Сяоюй отмечает, что фестиваль направлен на защиту и сохранение местных культур и диалектов, а также привлечение туристов. Интервьюируемый подчеркивает, что необходимо привлечение внимания общественности к проблеме языковых культур КНР, одним из способов которого является демонстрация фильмов с диалектной речью. Целью фестиваля является также создание брендинга территорий Китая, имеющих культурные особенности. В том числе, художественные кинопроизведения способны оказывать конструктивное влияние на идеологию общественности, меняя ее менталитет.

На данном фестивале проходят показы различных фильмов, в том числе, кинолент, в речь персонажей которых включены различные наречия, говоры и диалекты как элементы социокультурной характеристики героев кинопроизведения. При этом анализируемые языковые культуры проявляются на разных уровнях – лексическом (чаще всего), фонетическом и реже – синтаксическом и грамматическом.

Планомерная и постепенная работа фестиваля позволяет, по мнению Цинь Сяоюй, восстановить сельскую местность, наполнить заброшенные деревни жителями – вдохнуть в пустующие поселения новую жизнь [9].

С учетом того, что диалектоносители проживают преимущественно в деревнях, привлечение внимания к языковой культуре может способствовать не только популяризации сельского образа жизни, демонстрированию ценностного потенциала и привлекательности специфики речи, но и сохранению традиций и истории КНР.

В том числе, концепция фестиваля ориентирована на молодежь. Именно новые поколения обладают потенциалом для развития диалектов и выступают в роли фундамента будущего населения страны. Использование диалектной речи в кинофильмах позволяет привлекать внимание молодых людей к культуре родного языка и его социокультурным аспектам.

В интервью изданию *«Sixth Tone»* Цинь Сяоюй также касается проблемы восприятия и оценки фильмов с диалектами и местными наречиями. Он отмечает, что использование таких пластов речи способствует созданию разных типов персонажей. Специфика языковых культур может служить идентифицирующим признаком какого-либо героя. Например, для создания комического эффекта кинематографисты используют сычуанский и тяньцзиньский диалекты, на которых, согласно сценарию, происходит общение в бытовых ситуациях, в том числе, конфликтного характера. А именно, при ссорах, спорах и склоках – использование диалектов позволяет передавать глубинный смысл, многоплановый характер идейно-идеологического дискурса китайского народа.

Фильмы на официальном китайском языке охватывают более широкую аудиторию, что влечет за собой признание кинорынка, высокие кассовые сборы, туристические потоки и становление национальной идентичности, а также служат источником «мягкой силы». Сценарии на диалектах или с включением наречий и говора способствуют увеличению потенциала вышеперечисленных факторов, что положительно коррелирует с развитием кинематографа страны и его влиянием на аудиторию. Так режиссер Чжан Имоу в военном историческом фильме «Цвет войны» (2012 г.) использует нанкинский диалект – произведение привлекло внимание широкой общественности и завоевало лидирующие позиции на международной арене киноискусства. Другим ярким примером выступает драма-комедия «Умираю, как хочу жить» (2018 г.) режиссера Вэнь Муе, в котором персонаж использует для общения шанхайский диалект.

Обратимся к современному фильму «Всё везде и сразу» (2022 г.), в который создатели умело включили диалекты, подчеркивающие тонкости самобытности и национального колорита, вызывающие у зрителя культурно-лингвистический интерес. В зависимости от территориальной локации языка, существуют различные варианты дефинирования киноленты. Так, на английском название звучит следующим образом: *«Everything Everywhere all at once»*. В российском прокате название было переведено как «Всё везде и сразу». В прокат Китая фильм не вышел. При этом в интернет-источниках название картины звучит как «瞬息全宇宙 (shùnxī quányǔzhòu)» – «Вся вселенная в один миг». В Тайване, где картина вышла на экраны кинотеатров, название звучит следующим образом: «妈的多重宇宙 (māde duōchóng yǔzhòu)», что дословно переводится как «Мамина мультивселенная».

Следует отметить, что словосочетание 妈的 (māde) в китайском языке содержит оскорбительную коннотацию, т.е. имеет вариант, подразумевающий экспрессивный негативный характер (бран. *«ах, мать его...!»* или жарг. *«твою мать!»* – используется, когда что-то не получается), в связи с чем при интерпретации названия возникает дуальный смысл.

В фильме представлено явление билингвизма и двуязычия. Билингвизм отражен в речи киногероев, которые являются иммигрантами из другой страны – этим персонажам свойственно использование в общении двух-трех наречий или диалекта.

Например:

– 不要玩！没时间! – 我知道帮不了你！(bù yào wán! méi shíjiān! – wǒ zhīdào wǒ bāng bu liǎo) – «Хватить играться! Нет времени! – Я знаю, что не могу тебе помочь!»

Часто в беседах на китайском языке между главной героиней и ее мужем можно слышать короткие фразы на английском:

«I need to finish all this before» 爸来时» (bàlái shí) – *«Я должна закончить со всем этим до 爸来时 (прихода отца)»*.

那等我们会结束 我们再聊吧, like this afternoon (nà děng wǒmen huì jiéshù wǒmen zài liáobā) – «Тогда поговорим после нашего приёма, like this afternoon (например, после обеда)».

Уже из первого диалога зрителю становится очевидным, что герои фильма являются иммигрантами. Их речь содержит как китайские слова, так и лексемы родного диалекта, а также фразы на английском. На фонетическом уровне также заметно влияние родного языка. Через языковую культуру продемонстрирована постепенная адаптация героев к жизни на новой территории.

В речи персонажей не происходит смешения диалектов и языков разного характера, то есть не представлены пиджины, свойственные речи иммигрантов. В основном их речь перемешивается с фразами на их родном и китайском языках.

Внимания заслуживает также имя главной героини. Так, в заявлении о разводе, обозначена фамилия *Wang* – в устной речи звучащая как *Wong*. У этой семьи достаточно распространенная для китайцев фамилия 王, и на официальном диалекте китайского языка (мандаринском) она читается как *Wang (Ванг – «царь, король»)*. Совсем иначе она произносится на кантонском диалекте, который распространен в Гонконге, Гуанжоу и в близ-

лежащих городах – читается она как *Wong (Вонг – «желтый, золотой»)*. Следовательно, семья приехала из Гонконга либо из его окрестностей.

Другим примером включения диалекта в речь персонажей служит внутрисемейный диалог: мать называет подругу своей дочери «он/ему», оправдывая это спецификой языка:

– Знаешь, ему не обязательно оставаться.

– Кому ему?

– Беки.

– Беки – она.

– Ты знаешь, что я имею ввиду. В английском так запутано: он, она. В китайском одно слово – ta (他\她), всё просто.

Имя дочери на английском пишется как *Joy*, однако, мать зовёт её по-китайски *Zhuo Ya*. Эвелин говорит на китайском, что Бекки – иностранка/некитаянка, в субтитрах и в дубляже такое часто переводится как «она белая». Понятие 老外 (*lǎowài* – в переводе «приезжий/понаехавший») давно вызывает дискуссии среди лингвистов и синологов. Вопрос касается бранного характера данного слова и его употребления по отношению к иностранцам в Китае.

Кроме вышеназванного, на кантонском диалекте в фильме говорит отец главной героини, что подтверждает переезд семьи из Гонконга либо из его окрестностей.

Использование диалектов в фильме отсылает зрителя к истории Китая, например, к временам династии Тан.

Отец заявляет: «你唐话越来越差» – *«Твой китайский всё хуже и хуже»*. В данном контексте «唐话» (táng huà) является примером официального «китайского языка», однако, традиционно для его обозначения используются иероглифы 汉语 или 中文.

Оба слова являются свидетельством принадлежности лексики к материковому Китаю: иероглиф 汉 (hàn) отсылает к династии Хан 汉 (206 до н.э. – 220 н. э) и реке Ханьшуй, у берегов которой она была основана, а иероглиф 中 (zhōng) – к официальному названию Китая – 中国 (zhōngguó). Возникает вопрос, почему киногерой (отец) называет страну иначе? Дело в том, что во времена династии Тан 唐 (618-907 гг.) в Китае наблюдался высокий уровень эмиграции – многие китайцы переехали на другие территории в поисках более комфортной жизни. Гораздо позже иммигранты из Китая в других странах будут образовывать свои небольшие поселения в крупных городах, где начнут жить диаспорами и организовывать общины. Эти поселения станут называться на английском языке *China-town*, а в китайском – *唐人街 (tángrénjiē)* – улица народа Тан, т.е. китайцев-эмигрантов. Таким образом, отец героини указал на то, что Джой (главная героиня) из людей Тан – эмигрантов.

Выводы

Включение диалектов и местных языковых культур в тексты китайских фильмов выполняет несколько функций: посредством сюжета киноленты привлекается внимание к проблеме диалектов в Китае, их сохранения и популяризации; актуализируется статус разновидностей китайского, его наречий, говоров и других лингвистических и речевых особенностей, с помощью чего происходит не только привлечение туристов в Китай, но и популяризация диалектного дискурса среди молодежи КНР. Глобальная цель фильмов с диалектной речью – восстановление статуса проживания в сельской местности, наполнение заброшенных и пустующих деревень жителями. Также киноискусство является инструментом «мягкой силы» и становления национальной идентичности китайского народа.

Список источников

1. Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В. Диалекты и национальный язык в Китае. Москва: Наука, 1985. 366 с.

2. Баров С.А., Егорова М.А. Кантонский диалект в современном Китае: проблема сохранения // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 152 – 166.

3. Бердникова Т.В., Калуженина Д.В., Каменская Ю.В. Русский язык и культура речи: лекции и практикум: учебно-методическое пособие для студентов-нефилологов. Саратов, 2011. 65 с.

4. Евтюгина А.А. Русский язык и культура речи: курс лекций [Электронный ресурс]: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 269 с.

5. Ледяева Е.В. О понятии «диалект» в функциональном и лингвистическом аспектах (на материале английского языка) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2012. № 8. С. 38 – 41.

6. Лексический атлас русских народных говоров: (материалы и исследования) / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований; отв. ред. Т.И. Вендина. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 756 с.

7. Ли Ифан Слабые формы слогов в спонтанной речи женщин: экспериментально-фонетическое исследование на материале китайского языка: дис. ... канд. филолог. наук / Пермский государственный национальный исследовательский университет». Пермь, 2022. 280 с.

8. Малахов А.С., Богрова К.М. Русская диалектология: языковые особенности русских говоров: учебное пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых». Владимир: Изд-во ВлГУ, 2021. 271 с.

9. Цинь Сяоюй Интервью. Зачем в Китае снимают кино на диалектах // Magazeta. Статья от 27.11.2018. URL: https://magazeta.com/dialect-film-festival. Дата обращения: 06.06.2024.

10. Юань Цзя-хуа Диалекты китайского языка. Москва: Наука, 1965. 56 с.

11. Лукьянова Г.О., Егорова М.А., Каменева М.С. и др. Языковая политика в условиях глобализации: монография / под ред. Г.О. Лукьяновой; Российский университет дружбы народов. Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2017. 259 с.

12. Yin Yijun (2018) The Village-Grown Dialect Film Festival. Sixth Tone. Nov 13, 2018. URL: https://www.sixthtone.com/news/1003195. Date: 09.06.2024.

References

1. Astrakhan E.B., Zavyalova O.I., Sofronov M.V. Dialects and national language in China. Moscow: Nauka, 1985. 366 p.

2. Barov S.A., Egorova M.A. Cantonese in modern China: the problem of preservation. Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 152 – 166.

3. Berdnikova T.V., Kaluzhenina D.V., Kamenskaya Yu.V. Russian language and speech culture: lectures and workshop: educational and methodological manual for non-philological students. Saratov, 2011. 65 p.

4. Evtyugina A.A. Russian language and culture of speech: a course of lectures [Electronic resource]: textbook. 2nd ed., revised. and additional Ekaterinburg: Publishing house Rus. state prof.-ped. Univ., 2019. 269 p.

5. Ledyaeva E.V. On the concept of “dialect” in functional and linguistic aspects (based on the material of the English language). Theory and practice of foreign language in higher education. 2012. No. 8. P. 38 – 41.

6. Lexical atlas of Russian folk dialects: (materials and research). Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; resp. ed. T.I. Vendina. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2022. 756 p.

7. Li Yifan Weak forms of syllables in the spontaneous speech of women: an experimental phonetic study based on the material of the Chinese language: dis. ... cand. philologist. Sciences. Perm State National Research University.” Perm, 2022. 280 p.

8. Malakhov A.S., Bogrova K.M. Russian dialectology: linguistic features of Russian dialects: textbook / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov". Vladimir: VlSU Publishing House, 2021. 271 p.

9. Qin Xiaoyu. Interview. Why do they make films in dialects in China. Magazeta. Article dated November 27, 2018. URL: https://magazeta.com/dialect-film-festival. Date of access: 06/06/2024.

10. Yuan Chia-hua Dialects of the Chinese language. Moscow: Nauka, 1965. 56 p.

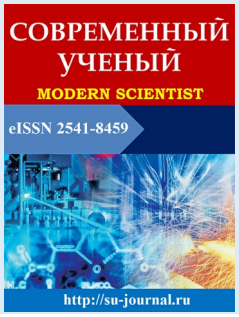
11. Lukyanova G.O., Egorova M.A., Kameneva M.S. and others. Language policy in the context of globalization: monograph. ed. G.O. Lukyanova; Peoples' Friendship University of Russia. Moscow: Russian Peoples' Friendship University, 2017. 259 p.

12. Yin Yijun (2018) The Village-Grown Dialect Film Festival. Sixth Tone. Nov 13, 2018. URL: https://www.sixthtone.com/news/1003195. Date: 06/09/2024.

Информация об авторе

У Маньлу, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

© У Маньлу, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'33
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-157-161

Лингвокультурный концепт «Благодарность» и способы его репрезентации в русском языке

[1] Ма Тунтун

[1] Московский педагогический государственный университет

Аннотация: лингвокультурный концепт «Благодарность» занимает важное место в русской культуре и языке. Он отражает ценности, нормы и традиции, характерные для русского общества, и проявляется в различных формах речевого и невербального поведения. Понимание этого концепта помогает глубже проникнуть в специфику русской культуры и межличностных отношений. В русском языке концепт «Благодарность» выражается через множество лексических средств и устойчивых выражений. Наиболее очевидными репрезентантами являются слова «спасибо», «благодарю», «весьма признателен» и их синонимы. Эти слова могут варьироваться в зависимости от ситуации и степени формальности общения. Например, «спасибо» используется в повседневной речи, в то время как «благодарю» и «весьма признателен» характерны для более официальных контекстов. Помимо лексических единиц, в русском языке существуют устойчивые выражения и фразеологизмы, которые служат для выражения благодарности. Фразы «от всего сердца», «большое спасибо», «не знаю, как вас благодарить» и подобные им позволяют говорящему подчеркнуть искренность и глубину своей признательности. Интересным аспектом является использование формул вежливости в русском языке. Например, при получении помощи или услуги часто говорят: «Благодарю за помощь», «Спасибо за поддержку». Невербальные способы выражения благодарности также играют важную роль в русской культуре. Улыбка, кивок головы, пожатие руки или объятия могут сопровождать вербальные выражения благодарности, усиливая их значение. Такие жесты помогают установить эмоциональный контакт и передать искренность чувств. Лингвокультурный концепт «Благодарность» в русском языке также находит отражение в литературе, фольклоре и пословицах. В русских сказках и рассказах герои часто выражают благодарность за оказанную помощь или добрые поступки, что подчеркивает важность этого концепта в культуре. Пословицы и поговорки, такие как «От благодарности не убудет» и «Доброе слово и кошке приятно», акцентируют внимание на значении благодарности в межличностных отношениях и важности доброго отношения к другим людям.
Ключевые слова: лингвокультурный, концепт, благодарность, репрезентация, русский язык, способы

Для цитирования: Ма Тунтун Лингвокультурный концепт «Благодарность» и способы его репрезентации в русском языке // Современный ученый. 2024. № 5. С. 157 – 161. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-157-161

Поступила в редакцию: 9 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Linguistic and cultural concept "Gratitude" and ways of its representation in the Russian language

[1] **Ma Tongtong**

[1] ***Moscow State Pedagogical University***

Abstract: the linguistic-cultural concept of "Gratitude" occupies an important place in Russian culture and language. It reflects the values, norms, and traditions characteristic of Russian society and manifests itself in various forms of verbal and non-verbal behavior. Understanding this concept helps to delve deeper into the specifics of Russian culture and interpersonal relationships. In the Russian language, the concept of "Gratitude" is expressed through a multitude of lexical means and idiomatic expressions. The most obvious representatives are the words "thank you," "I thank you," "very grateful," and their synonyms. For example, "thank you" is used in everyday speech, while "I thank you" and "very grateful" are characteristic of more formal contexts. Phrases like "from the bottom of my heart," "thank you very much," "I don't know how to thank you," and similar ones allow the speaker to emphasize the sincerity and depth of their gratitude. Such expressions help to intensify the emotional coloration of the statement and make it warmer and more personal. An interesting aspect is the use of politeness formulas in the Russian language. For example, when receiving help or services, people often say, "Thank you for your help," "Thank you for your support." These expressions not only demonstrate gratitude but also contribute to maintaining positive communication and strengthening social ties. Non-verbal ways of expressing gratitude also play an important role in Russian culture. A smile, nodding, a handshake, or hugs can accompany verbal expressions of gratitude, enhancing their meaning. Such gestures help establish emotional contact and convey sincerity of feelings. The linguistic-cultural concept of "Gratitude" in the Russian language also finds reflection in literature, folklore, and proverbs. In Russian fairy tales and stories, characters often express gratitude for help or kind deeds, emphasizing the importance of this concept in culture. Proverbs and sayings, such as "Gratitude won't diminish" and "A kind word is pleasant even to a cat," draw attention to the significance of gratitude in interpersonal relationships and the importance of a kind attitude towards others.
Keywords*:* linguistic-cultural, concept, gratitude, representation, the Russian language, ways

For citation: Ma Tongtong Linguistic and cultural concept "Gratitude" and ways of its representation in the Russian language. Modern Scientist. 2024. 5. P. 157 – 161. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-157-161

The article was submitted: April 9, 2024; Approved after reviewing: June 12, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Лингвокультурный концепт "Благодарность" является одним из ключевых элементов русской культуры и языка. Этот концепт отражает глубокие ценности, нормы и традиции, характерные для русского общества, и является неотъемлемой частью межличностных отношений. В русском языке "Благодарность" находит свое выражение через разнообразные лексические средства, устойчивые выражения и невербальные жесты, которые способствуют установлению и поддержанию позитивного общения между людьми. В данной работе рассмотрим основные способы репрезентации концепта "Благодарность" в русском языке и его роль в культуре и обществе [1, с. 64].

Мы рассмотрим лексические единицы, такие как слова «спасибо», «благодарю», устойчивые выражения и их использование в различных речевых актах, включая повседневное общение, официальные ситуации и художественные тексты.

Кроме того, статья затронет вопросы исторической эволюции концепта благодарности в русском языке, исследуя, как менялось его выражение под влиянием социальных и культурных трансформаций. Это позволит лучше понять, каким образом исторические и культурные события влияли на формирование современного языкового поведения.

Анализируя способы репрезентации благодарности, мы также рассмотрим невербальные средства выражения, такие как жесты и интонации, которые часто сопровождают вербальные акты благодарности. Их изучение поможет полнее раскрыть многообразие способов выражения благодарности и их значимость в межличностной коммуникации.

Таким образом, данная статья стремится внести вклад в понимание лингвокультурных особенностей концепта «Благодарность» в русском языке, предоставляя всесторонний анализ его репрезентации и культурной значимости.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы исследования играют ключевую роль в научных исследованиях, определяя их качество и достоверность полученных результатов. В данном исследовании для анализа лингвокультурного концепта "Благодарность" в русском языке был использован комплекс методологических подходов [2, с. 14].

Первоначально был проведен анализ русскоязычной литературы, включающий научные статьи, монографии, исследования в области лингвистики, культурологии, и межкультурной коммуникации. Этот этап позволил выявить ключевые аспекты и особенности концепта "Благодарность" в русском языке, а также сформулировать основные вопросы для дальнейшего исследования.

Для исследования лингвокультурного концепта «Благодарность» и способов его репрезентации в русском языке были использованы разнообразные материалы и методы. Основным источником данных послужили литературные произведения русских классиков и современных авторов, тексты массовой культуры, а также письменные и устные тексты, представленные в медиапространстве. Особое внимание уделялось анализу текстов, в которых выражение благодарности занимает ключевое место, что позволило выявить разнообразие лексических и фразеологических средств, используемых в русском языке.

Прежде всего, был применен метод контент-анализа, направленный на выявление частотности употребления различных форм выражения благодарности в корпусе текстов. Это позволило выделить наиболее распространенные языковые единицы и структуры, характеризующие выражение благодарности.

С целью глубинного анализа семантики и прагматики лексем, выражающих благодарность, был использован метод компонентного анализа. Этот метод позволил раскрыть внутреннюю структуру значений слов и выражений, а также их взаимосвязи с другими концептами. В рамках данного анализа были рассмотрены такие ключевые слова и выражения, как «спасибо», «благодарю», «благодарность», и их синонимический ряд.

Кроме того, в исследовании использовался метод дискурс-анализа, который позволил изучить функционирование концепта благодарности в различных типах дискурсов – официальном, неофициальном, медийном и литературном. Это помогло выявить различия и сходства в способах выражения благодарности в зависимости от контекста общения и социальных ролей участников коммуникации.

Метод когнитивного анализа, включающий изучение метафорических и метонимических моделей, также был задействован для раскрытия концептуальных схем, связанных с благодарностью. Этот подход помог понять, каким образом в русском языке формируются образы и ассоциации, связанные с выражением благодарности [3, с. 72].

Кроме того, для анализа устных и письменных текстов на предмет выражения благодарности был использован корпус русского языка. Были выделены наиболее часто употребляемые лексические единицы и фразеологические обороты, связанные с концептом "Благодарность" [4, с. 36].

Таким образом, комбинация различных методов исследования позволила получить всестороннее представление о способах репрезентации концепта "Благодарность" в русском языке и его значении в русской культуре и обществе.

Результаты и обсуждения

Результаты и обсуждения исследования концепта "Благодарность" в русской художественной литературе позволили выявить его значимость и разнообразные способы репрезентации. Одним из ярких примеров выражения благодарности в литературе является роман Льва Толстого "Анна Каренина". В этом произведении герои проявляют благодарность друг другу не только в словах, но и в действиях. Например, в моменты беды и трудностей герои оказывают помощь и поддержку друг другу, выражая таким образом свою глубокую признательность [5, с. 112].

Еще одним примером может служить повесть Федора Достоевского "Преступление и наказание". В этом произведении главный герой Родион Раскольников испытывает чувство благодарности к Соне Мармеладовой за ее бескорыстное искреннее сострадание к нему. Это чувство благодарности становится одним из ключевых моментов в внутреннем развитии героя и влияет на его поведение и поступки.

В рассказах Антона Чехова также часто встречаются сцены, где персонажи выражают благодарность друг другу. Например, в рассказе "Каштанка" главный герой выражает глубокую признательность к тому, кто принял и усыновил его собаку Каштанку, что стало для него спасением от одиночества и бедности [6, с. 37].

Такие примеры из русской художественной литературы подчеркивают важность и универсальность концепта "Благодарность". Они позволяют глубже понять человеческие отношения, ценности

и моральные нормы, которые пронизывают русскую культуру и литературу. Обсуждение этих примеров позволяет увидеть, каким образом благодарность выражается не только в словах, но и в поступках, и как она влияет на взаимоотношения между людьми [7, с. 146].

Выводы

Исследование лингвокультурного концепта "Благодарность" в русской культуре и языке позволило выявить его значимость и многообразие способов репрезентации. Результаты анализа показали, что благодарность играет важную роль в межличностных отношениях и отражает особенности русской культуры [8, с. 94].

В русском языке существует богатое разнообразие лексических средств и устойчивых выражений для выражения благодарности, которые могут варьироваться в зависимости от контекста и степени формальности общения. Это свидетельствует о том, что благодарность является важным элементом коммуникации в русском обществе [9, с. 35].

Проведенное исследование лингвокультурного концепта «Благодарность» и способов его репрезентации в русском языке позволило выявить множество значимых аспектов, связанных с выражением благодарности в различных коммуникативных контекстах. Во-первых, анализ литературных произведений, текстов массовой культуры и медиа показал, что благодарность в русском языке выражается через богатый арсенал лексических и фразеологических средств. Наиболее часто употребляемыми словами являются «спасибо» и «благодарю», которые имеют широкий спектр синонимичных выражений, отражающих различные оттенки признательности.

Во-вторых, компонентный анализ показал, что лексемы, связанные с благодарностью, имеют сложную семантическую структуру, включающую элементы уважения, признания заслуг и выражения позитивных эмоций. Важно отметить, что эти элементы могут варьироваться в зависимости от контекста, что подчеркивает гибкость и богатство русского языка в передаче эмоций.

Дискурс-анализ позволил выявить, что способы выражения благодарности существенно различаются в зависимости от типа дискурса. В официальном дискурсе преобладают формальные выражения благодарности, такие как «примите мою глубокую благодарность», тогда как в неофициальном общении чаще используются более простые и эмоциональные формы, например, «спасибо огромное». Это указывает на значимость социальной и ситуативной адекватности выбора языковых средств.

Когнитивный анализ выявил, что концепт благодарности в русском языке тесно связан с метафорическими и метонимическими моделями, отражающими культурные и исторические особенности народа. Образы дара, взаимного обмена и социальной гармонии часто присутствуют в выражениях благодарности, что подчеркивает коллективистские ценности русской культуры.

Примеры из русской художественной литературы подтверждают, что благодарность не только словами, но и поступками играет значительную роль в межличностных отношениях. Герои произведений выражают благодарность не только за помощь и поддержку, но и за понимание, сострадание и дружбу [10, с. 148].

Таким образом, понимание лингвокультурного концепта "Благодарность" помогает глубже проникнуть в специфику русской культуры и межличностных отношений. Этот концепт играет важную роль в формировании и поддержании социальных связей и отражает основные ценности и нормы русского общества.

Список источников

1. Бутенко Е.Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2008. № 2. С. 321 – 328.

2. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Москва: Academia, 1997. С. 267 – 279.

3. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, 1997. 320 с

4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва, 1993. Т. 52. № 1. С. 3 – 9.

5. Локк Дж. Опыты о человеческом разумении. Сочинения: в 3 т. Москва: Мысль, 1985. Т. 1. 400 с.

6. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте. Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 2 (65). С. 74 – 79.

7. Пименова М.В., Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования: введение. Москва: Флинта: Наука, 2011. 150 с.

8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 240 с.

9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Пнозис, 2004. 300 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 180 с.

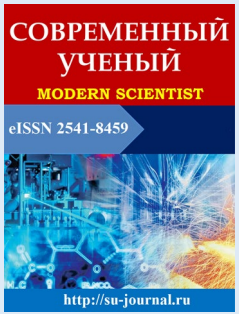
References

1. Butenko E.Yu. Basic units of linguoculturology. Bulletin of the Rostov State Economic University (RINH). 2008. No. 2. P. 321 – 328.
2. Askoldov S.A. Concept and word. Russian literature: from the theory of literature to the structure of text. Moscow: Academia, 1997. P. 267 – 279.
3. A brief dictionary of cognitive terms. Moscow, 1997. 320 p.
4. Likhachev D.S. Conceptosphere of the Russian language. News of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series. Moscow, 1993. T. 52. No. 1. P. 3 – 9.
5. Locke J. Experiments on human understanding. Works: in 3 volumes. Moscow: Mysl, 1985. T. 1. 400 p.
6. Bolotnova N.S. On the methodology for studying the associative layer of an artistic concept in a text. Bulletin of Tomsk State University. Series: Humanities (Philology). 2007. Vol. 2 (65). P. 74 – 79.
7. Pimenova M.V., Pimenova M.V., Kondratyeva O.N. Conceptual research: an introduction. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 150 p.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. 240 p.
9. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Pnozis, 2004. 300 p.
10. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 180 p.

Информация об авторе

Ма Тунтун, аспирант, Московский педагогический государственный университет, caihongxianzi2008@qq.com

© Ма Тунтун, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.112.2
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-162-169

Поэзия династии Тан: обзор исследований

[1] Фэн Чжипэй, [1, 2] Бородина М.А.

[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
[1, 2] Российский государственный социальный университет

Аннотация: в статье особое внимание уделено изучению современных направлений исследования поэзии династии Тан. Определив три этапа становления указанной поэзии, авторами на основе метода контент-анализа и систематизации результатов проведенных исследований, было выявлено, что текущие результаты исследований танской поэзии сконцентрированы в рамках литературоведческого, лингвистического, переводческого, историко-культурологического и других направлений, при этом среди них наиболее изученным является литературоведческое направление. В результате исследования авторы делают выводы о перспективных направлениях изучения танской поэзии. Более того, были выявлены аспекты поэзии Тан, привлекающие внимание авторов. В частности, были выявлены образы войны, луны, ветра, реки. Женский образ становится сочетанием различных чувств: от горечи, которую испытывает героиня в разлуке, до стремления к свободе, к представлению идеальной жизни. Также было отмечено, что поэзия династии Тан рассматривается как определенный тип дискурса, выполняющего функциональную, когерентную и другие функции, с одной стороны, а с другой, чувствуется влияние буддизма, в результате чего понятие «дзэна» четко прослеживается в контексте стихотворений. Необходимо подчеркнуть, что на данный момент существуют переводы тех или иных стихотворений на разных языках, однако полного анализа творчества определенного поэта до сих пор, что представляет собой открытое пространство для дальнейших исследований.
Ключевые слова: поэзия, китайский язык, династия Тан, классическая китайская литература, языкознание

Для цитирования: Фэн Чжипэй, Бородина М.А. Поэзия династии Тан: обзор исследований // Современный ученый. 2024. № 5. С. 162 – 169. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-162-169

Поступила в редакцию: 9 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Poetry of the Tang Dynasty: research overview

[1] Fen Chzhipey, [1, 2] Borodina M.A.

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
[2] Russian State Social University

Abstract: the article pays special attention to the study of modern trends in the study of poetry of the Tang Dynasty. Having identified three stages of the formation of this poetry, the authors, based on the method of content analysis and systematization of the results of their research, revealed that the current results of research on Tang poetry are concentrated within the framework of literary studies, linguistic, translation, historical and cultural studies and other areas, while among them the most studied is the literary direction. As a result of the research, the authors draw conclusions about promising areas of study of Tang poetry. Moreover, aspects of Tang poetry have been identified

that attract the attention of the authors. In particular, images of war, the moon, the wind, and the river were revealed. The female image becomes a combination of different feelings: from the bitterness experienced by the heroine in separation, to the desire for freedom, to the idea of an ideal life. It was also noted that the poetry of the Tang Dynasty is considered as a certain type of discourse that performs functional, coherent and other functions, on the one hand, and on the other, the influence of Buddhism is felt, as a result of which the concept of "Zen" is clearly traced in the context of poems. It should be emphasized that at the moment there are translations of certain poems in different languages, but there is still a complete analysis of the work of a certain poet, which is an open space for further research.
Keywords: poetry, the Chinese language, Tang Dynasty, classical Chinese literature, linguistics

For citation: Fen Chzhipey, Borodina M.A. Poetry of the Tang Dynasty: research overview. Modern Scientist. 2024. 5. P. 162 – 169. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-162-169

The article was submitted: April 9, 2024; Approved after reviewing: June 12, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Время правления династии Тан (618-907 гг.) вошло в историю Китая как эпоха расцвета. Именно в данный период политика, экономика и культура Китая вышли на мировой уровень, активно развивались торговые и культурные связи вдоль Великого Шёлкового пути, а столица Чанъань стала культурным центром мира. Быстрое экономическое развитие неизбежно вело к социальной стабильности и культурному процветанию.

В древней китайской истории поэзия занимала основную часть литературного творчества, достигнув своей вершины развития именно во время правления этой династии. Этому способствовало появление имперской системы экзаменов, одной из частью которой было создание стихов. Тем самым, многие ученые и выдающиеся общественные деятели во времена династии Тан учились создавать стихи уже с детства, что непременно вело к культивации в стране большого количества выдающихся поэтов.

Материалы и методы исследований

Условно эволюцию танской поэзии можно разделить на несколько периодов, включая период ранней династии Тан, расцвет и поздний период.

Поэзия раннего периода династии Тан представлена произведениями четырех мастеров того времени – Ван Бо (649-676), Ян Цзюна, Лу Чжаолиня и Ло Биньвана. Основными характеристиками поэзии можно указать переход от тематически узких дворцовых тем к открытию окружающего мира, развитие реалистического поэтического мышления.

Поэзия периода расцвета династии Тан развивалась в условиях процветания и формирования мощи экономики и китайского общества, что способствовало созданию благоприятного исторического контекста, который в итоге привел к пику расцвета танского поэтического творчества. Сформировалось множество жанров, круг поэтических тем был значительно расширен, появились поэтические школы, в том числе «школа пограничной поэзии» и «школа пастырской поэзии». В этот период особый вклад в поэзию был внесен великими поэтом-романтиком Ли Баем и поэтом-реалистом Ду Фу.

Поэзия поздней династии Тан была ознаменована формированием движения «Новое Юэфу» во главе с поэтами Бай Цзюйи и Юань Чжэнем, которые создали «Новую школу поэзии Юэфу». В это время также писали такие известные поэты, как Вэнь Тинъюнь, Ли Шаньинь, Ду Му, Вэй Чжуан.

В оценках наших современников поэзия Тан имеет статус вершины китайской классической литературы, концентрированного выражения традиционной китайской философии, эстетики и поэтики. В связи с этим, многие исследователи предпринимали попытки изучения разных аспектов танского поэтического творчества. Целью данной научной статьи выступило проведение обзора результатов изучения поэзии Тан для выявления и систематизации исследовательских направлений. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

– провести контент-анализ работ современных китайских авторов, изучающих тайскую поэзию;

– выявить аспекты поэзии Тан, привлекающие внимание авторов, и провести систематизацию направлений исследования;

– определить перспективные направления изучения поэзии династии Тан.

В статье используется метод контент-анализа научных работ, включающих диссертации и публикации, представленных в китайскоязычной базе знаний CNKI. Хронологический период исследования ограничен временем с 1992 по 2021 гг., что обусловлено ростом интереса к династии Тан в этот период.

Результаты и обсуждения

Используя поисковый запрос 唐诗 *Tángshī* (досл. Тан поэзия) было обнаружено что публикационная активность китайских исследователей по данной теме в изучаемый период времени характеризовалась следующей динамикой (рис. 1).

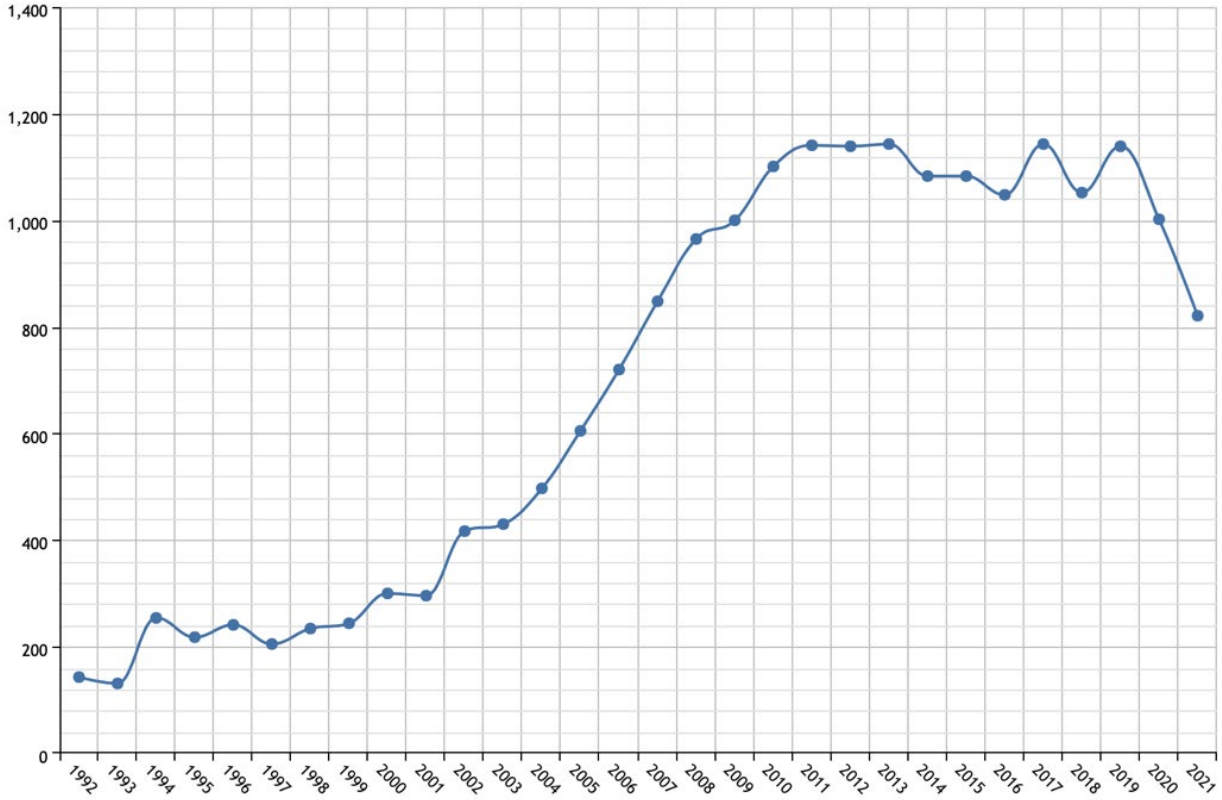


Рис. 1. Публикационная активность исследователей танской поэзии в CNKI в период с 1992 по 2021 гг. (количество статей, ед.). Источник: [результаты поиска на сайте cnki.net].
Fig. 1. Publication activity of Tang poetry researchers at CNKI in the period from 1992 to 2021. (number of articles, units). Source: [search results on cnki.net].

Как видно из представленной диаграммы, в период с 1993 по 2013 гг. был отмечен стабильный рост публикационной активности по теме «поэзия Тан». Однако в последние годы, а именно после 2019 г. отмечается спад активности в изучении танской поэзии. Мы считаем, что такая тенденция может быть связана с тем, что многие аспекты поэзии Тан уже были изучены, научное общество исчерпало источники академического вдохновения, в результате чего требуется формирование новых ориентиров для более глубокого изучения творчества танских поэтов. Это еще раз подчеркивает важность результатов настоящего исследования для научного сообщества.

На основе результатов контент-анализа, были выявлены следующие направления в изучении танской поэзии:

– литературоведческое направление;
– лингвистическое направление;
– историко-культурологическое направление;
– переводческое направление;
– другие направления.

Рассмотрим более подробно, какие результаты были достигнуты исследователями танской поэзии в рамках каждого из этих направлений.

1. *Литературоведческое направление*.

В данном направлении была проведена значительная часть исследований поэзии Тан. Результаты этих исследований можно условно разделить на следующие группы: изучение тематики, образности и жанров танской поэзии; специфические черты литературного творчества отдельных поэтов эпохи династии Тан.

Кан Чжэнь выделил три основные эстетические характеристики художественной концепции танской поэзии, которые включают образ вне образа, цель вне вкуса, выход за пределы ограниченного, стремление к бесконечному, размытость образа, завершенность художественного замысла [6]. Уникальный характер китайского традиционного мышления определяет своеобразие эстетической концепции танской поэзии, а также определяет формирование эстетических характеристик китайской классической поэзии. Объединение «знания,

эмоции и смысл» в традиционной китайской философии способствует интеграции познания и эмоции в традиционном китайском мышлении, а эмоция становится опосредующим фактором, ограничивающим эстетические характеристики танской поэзии в традиционном китайском мышлении.

По мнению Ли Сюэсюэ, образность делает художественную концепцию танской поэзии более полной, а эмоциональное выражение – более обильным, и ее влияние на танскую поэзию неизмеримо [7]. В связи с этим, в танской поэзии присутствует множество разных образов, некоторые из которых были изучены в научных работах китайских авторов современности.

В статье Лу Иньчжи отмечено, что для создания произведений поэзии Тан в качестве основы используются более обычные и реалистичные виды деятельности. Среди них видение спортивных занятий в поэзии Тан является важным и конкретным проявлением [8].

В статье Сюэ Сяовэй были изучены образы войны в поэзии Тан и отмечено, что многие поэты затрагивали эту тему [15].

Тема природы в поэзии династии Тан изучалась многими исследователями. Образ луны в стихах Тан был изучен в статье Лан Цзяньпина, в которой отмечено, что луна часто встречается в танской поэзии, сочетая в себе сложные чувства поэта и передавая разные символические значения [7]. Чэнь Цинна обращалась к теме изображения богатых и красочных пейзажей реки Хуанхэ в танской поэзии [25]. В статье Се Мэнцзе особое внимание уделено образу южного ветра в поэзии Тан, в котором находят отражение чувство исторического взлета, питающая сила: оживляющая все вокруг [12].

В женских образах, по мнению Чжан Вэньшэн, нашли отражение горечь разлуки, стремление к свободе брака, а также к идеальной жизни [19]. Поэтические символы женских образов в стихотворениях династии Тан были изучены в статье Ван Са, в которой отмечено, что в поэзии Тан была выстроена полная система поэтических символов женских образов [1].

В аспекте изучения особенностей творчества конкретных поэтов династии Тан, как правило, изучаются черты поэзии разных представителей данного периода, связываются особенности их творчества с индивидуальным и социальным историческим фоном. Например, противоречивость личной жизни и поэзии поэта средней династии Тан Юань Чжэня была отмечена и изучена в статье Ши Гуаньхая [27].

Среди поэтов поздней эпохи Тан современными исследователями было изучено творчество Ли Шанъинь. В статье Чжан Сяофань творчество Ли Шанъиня рассматривается в контексте его жизненной траектории, социального происхождения и индивидуальных особенностей характера поэта, на основе чего делается вывод об элементах поэтики, составляющих творческий стиль Ли Шанъиня. Исследователь отмечает, что Ли Шанъинь через его поэзию показал богатый и глубокий внутренний мир и продекламировал всю эпоху, что может быть одной из причин, по которой он стал мастером поздней династии Тан [20].

2. *Лингвистическое направление*.

В рамках данного направления представлено ограниченное количество работ. Среди них дискурс-анализ поэзии Тан проводился в работе Ху Хайфэна, который рассматривает танскую поэзию как особый тип дискурса, для которого свойственны связность, ситуативность и интертекстуальность, а также отмечено, что разность в поэзии династии Тан выполняет ситуативную, интертекстуальную, информативную и когерентную функции.

Лингвистический критический анализ был проведен в работе Чжу Цзыхуэя, основываясь на анализе языковых форм и поиске глубокого эмоционального подтекста. Языковая форма включает в себя ритм, словоупотребление, построение предложений, значение, образ и другие аспекты, что является основным способом лингвистической критики и анализа танской поэзии. Взяв в качестве примера «Семь законов» Ду Фу, исследователь выявил основные принципы языковой формы танской поэзии [23].

Также исследователями рассматривались отдельные виды метафоры в поэзии Тан. Например, в статье Тан Лисин и Су Хуэйхуэй изучена метафора любви, изучение которой по мнению исследователей помогает углубиться в представление поэтов Тан о любви и браке [16]. Концептуальные метафоры образов воды и подробный когнитивный анализ различных концептуальных метафор был проведен в статье Ван Сяофан и Л. Чан [3].

3. *Историко-культурологическое направление*.

Рассматривая влияние буддизма на поэзию династии Тан, многие исследователи отмечают, что данное влияние обладало большой силой. Чэнь Шии в статье отмечает, что «многие поэты и чиновники династии Тан верили в буддизм» [26]. Это привело к тому, что танская поэзия находилась под сильным влиянием буддизма, что проявлялось в распространении темы буддизма в стихах, а также отмечалось в изменении мировоззрения

танских поэтов под влиянием буддийской философии дзэн.

В статье Мэн Лэй утверждается о том, что чайная культура в династии Тан оказала влияние на формирование ее поэзии [11]. Сунь Пин акцентирует внимание на влиянии винной культуры на поэзию Тан [14].

В статье Чжао Сюаньюй поэзия Тан рассматривается как отражение особенностей социально-духовной жизни китайского народа, а именно как воплощение традиционных пяти элементов и пяти цветов древнего Китая [21].

4. *Переводческое направление*.

В этом аспекте изучались переводы на разные языки мира и с применением разных переводческих стратегий и теоретических концепций.

В статье Цзя Хунся и Ли Фуинь были исследованы особенности перевода стихотворения «Весенняя обида» на английский язык на основе методологии семантического анализа фреймов. На примере трех английских переводов данного стихотворения в их статье представлена когнитивная интерпретация английского перевода классической поэзии с точки зрения семантики фреймов [18]. Общие проблемы перевода танской поэзии на английский язык на примере стихотворений «Трех красавиц» Сюй Юаньчуна были рассмотрены в статье Лю Хао, где сформированы ориентиры для перевода танской поэзии на английский язык. С позиций экологической теории перевода (экотралатологии), перевод танской поэзии на английский язык был изучен в статье Сун Яна и Ю Пэнвэй [13].

Влияние культурных факторов на перевод танской поэзии на французский язык было изучено в статье Ван Сюхуэй [2].

Исследование русского перевода китайских стихов Тан было проведено Лю Шумей и Чжао Сяобинь. Исследователи отмечают, что под влиянием общества, культуры, истории, народных обычаев и т. д. переводчики (особенно русские) имеют разные переводы одного и того же стихотворения из-за разных акцентов. С точки зрения восприятия читателями и литературной эстетики, танская поэзия должна быть переведена в форму, которую русским легко принять, чтобы читатели могли легче понять художественную концепцию оригинальной поэзии и способствовать культурному обмену [9].

Также исследователями рассматриваются различные аспекты формирования переводческих стратегий, связанные с отдельными проблемами, с которыми может столкнуться переводчик в переводческом процессе (перевод имен собственных, перевод идиом, перевод риторических фигур и др.). Например, в статье Го Ли особое внимание было уделено переводу имен собственных в поэзии Тан [5]. Особенности перевода числительных в поэзии Тан на русский язык были изучены в диссертации Чэнь Аньминь, в которой отмечено, что большинство числительных в поэзии Тан являются семантически расплывчатыми числительными, которые не представляют конкретных величин и выполняют множество риторических функций, таких как эмоциональное выражение, передача образов, создание атмосферы, что делает сложным перевод их на иностранный язык [24]. Транслитерация, как метод перевода поэзии Тан, была изучена в статье Ху Сюэкуня и Ли Даяна. Они провели сравнительный анализ звуков красоты оригинальной танской поэзии и ее английского перевода, а также провели анализ эквивалентности двух текстов – оригинала и перевода [17].

5. *Другие направления*.

«Поэзия Тан» в настоящее время общепризнана символом красоты китайской культуры. В связи с этим, многие исследователи пытаются изучить, какую роль она играет в культуре Китая и как, используя достижения поэзии Тан, можно продвигать культуру Китая в мировом пространстве. В статье Ван Яньлин было уделено внимание значению танской поэзии в китайской культуре. Исследователь отмечает, что в настоящее время для каждого человека в Китае танская поэзия является вершиной поэтического творчества страны, передающей национальный дух культуры и традиций китайского народа [4]. Чжу Мань была предложена разработка проекта «Дорога к поэзии Тан», целью которого является использование стихов Тан в качестве культурного символа Китая в строительстве «культурного пояса» Шёлкового пути [22].

Таким образом, в настоящее время наиболее развитым направлением исследования танской поэзии выступает литературоведческое, включающее в себя изучение жанровой, тематической и образной специфики танских стихов, а также особенностей творчества отдельных поэтов.

Выводы

Исходя из оценки современного состояния исследований поэзии династии Тан, можно сделать вывод о том, что среди перспективных ее исследований является лингвистическое и переводческое направления. В частности, что касается переводов поэзии Тан, здесь важно отметить, что в настоящее время перевод танской поэзии на русский язык изучен недостаточно подробно. Имеющиеся исследования либо освещают конкретную узкую область переводческих проблем, либо делают это в общем виде.

Также не затрагиваются аспекты перевода метафор китайской танской поэзии на русский язык. В связи с этим, изучение процессов метафоризации в произведениях танских поэтов, а также стратегий перевода метафор танской поэзии на русский язык выступает одним из наиболее перспективных направлений исследования.

Список источников

1. Ван Са Исследование поэтической функции и стратегий перевода на английский язык символических женских образов в поэзии династии Тан // Преподавание иностранных языков. 2021. № 42 (04). С. 88 – 92.

2. Ван Сюхуэй. О влиянии культурных факторов на перевод танской поэзии и права // New West (Theory Edition). 2016. № 24. С. 108.

3. Ван Сяофан, Чан Л.В. Исследование концептуальной метафоры образа воды в стихах династии Тан // Журнал Хэйлунцзянского института образования. 2014. № 33. С. 126 – 127.

4. Ван Яньлин Царство жизни в поэзии династии Тан // Зарубежный китайский сад. 2021. № 11. С. 49 – 50.

5. Го Ли Исследование перевода танских стихов Сюй Юаньчуна с точки зрения актуальной теории перевода // Журнал Хэйхэского университета. 2021. № 12 (11). С. 102 – 104.

6. Кан Чжэнь Эстетические характеристики танских стихов и китайское традиционное мышление // Танский капитал. 1992. № 4. С. 16 – 20.

7. Ли Сюэсюэ Некоторые размышления об образности танской поэзии // Шедевры. 2021. № 10. С. 88 – 89.

8. Лу Иньчжи Исследование спортивной деятельности в Танской поэзии и литературе // Language Construction. 2013. № 35. С. 67 – 68.

9. Лю Шумей, Чжао Сяобинь Исследование русского перевода китайских стихов династии Тан // Преподавание русского языка в Китае. 2006. № 01. С. 48 – 51.

10. Лян Цзяньпин Анализ множественных значений образа «Луны» в стихах Тан // Журнал Цзянсиского колледжа. 2021. № 34 (12). С. 163 – 164.

11. Мэн Лэй Обсуждение факторов чайной культуры в стихах династии Тан // Чай Фуцзянь. 2021. № 43 (10). С. 265 – 266.

12. Се Мэнцзе Об образе «южного ветра» в танских стихах // Журнал Университета Юньчэн. 2021. № 39 (05). С. 49 – 54.

13. Сун Янь, Ю Пэнвэй Исследование английского перевода китайских классических стихов с точки зрения экотранслатологии – на примере «Картины и говорящие стихотворения Тан» (англо-китайская версия) // Культура китайских иероглифов. 2021. № 14. С. 137 – 138.

14. Сунь Пин Анализ популяризации винной культуры в период развития династии Тан из поэзии Тан // Ман Чжун. 2017. № 22. С. 32 – 33.

15. Сюэ Сяовэй Об усталости от войны в танских стихах // Журнал Педагогического колледжа Университета Шаньси (Общее издание). 1992. № Z1. С. 109 – 111.

16. Тан Липин, Су Хуэйхуэй Познание концепции любви в танской поэзии // Журнал Таншаньского педагогического университета. 2017. № 39 (06). С. 8 – 10.

17. Ху Сюэкунь, Ли Даян Транслитерация танских стихов: единство верности и предательства // Science and Technology Vision. 2014. № 34. С. 78 – 79.

18. Цзя Хунся, Ли Фуинь Перспектива семантики фреймов в английском переводе китайской классической поэзии: на примере английского перевода поэмы Тан «Весенняя обида» // Журнал Сианьского университета международных исследований. 2021. № 29 (04). С. 87 – 91.

19. Чжан Вэньшэн Женские образы в танских стихах // Журнал Цзиньчжоуского педагогического университета (издание философии и социальных наук. 1992. № 2. С. 69 – 73.

20. Чжан Сяофань «Самый высокий цветок» в стихах позднего Тан – обсуждение «печали» и «красоты» стихов Ли Шанъиня // Прозаические сотни мастеров (теория). 2021. № 12. С. 73 – 75.

21. Чжао Сюаньюй Исследование теории цветовых категорий в древнекитайской поэтической культуре // Журнал Шанцюского профессионально-технического колледжа. 2017. № 16 (06). С. 49 – 53.

22. Чжу Мань Текущая ситуация и размышления о развитии «Дороги поэзии Тан» с точки зрения интеграции культурного туризма //Китайский культурный центр. 2021. № 1. С. 143 – 146.

23. Чжу Цзыхуэй Пример анализа лингвистической критики танских стихов – Критическая практика семи законов Ду Фу «Дэн Гао» // Журнал Наньянского педагогического университета. 2014. № 13. С. 32 – 35.

24. Чэнь Аньминь Исследование перевода семантически нечетких числительных в стихах династии Тан / Гуандунский университет иностранных языков, 2020.
25. Чэнь Цинна Краткое описание Хуанхэ в танской поэзии // Отчет Эпохи. 2021. № 12. С. 85 – 86.
26. Чэнь Шии О буддизме и поэзии Тан // Сотни эссе (теория). 2021. № 12. С. 58 – 60.
27. Ши Гуаньхай Юань Чжэнь, поэт средней династии Тан, и феномен «поэзия не подобна человеку» // Сборник статей Чжуцзян. 2021. № Z1. С. 269 – 295.

References

1. Wang Sa Study of the poetic function and strategies of translation into English of symbolic female images in the poetry of the Tang Dynasty. Teaching of Foreign Languages. 2021. No. 42 (04). P. 88 – 92.
2. Wang Xuhui. On the influence of cultural factors on the translation of Tang poetry and law. New West (Theory Edition). 2016. No. 24. P. 108.
3. Wang Xiaofang, Chan L.V. A study of the conceptual metaphor of the image of water in the poems of the Tang Dynasty. Journal of the Heilongjiang Institute of Education. 2014. No. 33. P. 126 – 127.
4. Wang Yanling The Kingdom of Life in the Poetry of the Tang Dynasty. Foreign Chinese Garden. 2021. No. 11. P. 49 – 50.
5. Guo Li Study of the translation of Tang poems by Xu Yuanchong from the point of view of current translation theory. Journal of Heihe University. 2021. No. 12 (11). P. 102 – 104.
6. Kang Zhen Aesthetic characteristics of Tang poems and Chinese traditional thinking. Tang capital. 1992. No. 4. P. 16 – 20.
7. Li Xuexue Some reflections on the imagery of Tang poetry. Masterpieces. 2021. No. 10. P. 88 – 89.
8. Lu Yinzhi Study of sports activities in Tang poetry and literature. Language Construction. 2013. No. 35. P. 67 – 68.
9. Liu Shumei, Zhao Xiaobin Study of the Russian translation of Chinese poems of the Tang Dynasty. Teaching the Russian language in China. 2006. No. 01. P. 48 – 51.
10. Liang Jianping Analysis of multiple meanings of the image of “Moon” in Tang poems. Journal of Jiangxi College. 2021. No. 34 (12). P. 163 – 164.
11. Meng Lei Discussion of the factors of tea culture in the poems of the Tang Dynasty. Fujian Tea. 2021. No. 43 (10). P. 265 – 266.
12. Xie Mengjie On the image of the “southern wind” in Tang poems. Journal of Yuncheng University. 2021. No. 39 (05). P. 49 – 54.
13. Song Yan, Yu Pengwei Study of the English translation of Chinese classical poems from the point of view of ecotranslatology – using the example of “Pictures and Speaking Poems of Tang” (English-Chinese version). Culture of Chinese characters. 2021. No. 14. P. 137 – 138.
14. Sun Ping Analysis of the popularization of wine culture during the development of the Tang dynasty from Tang poetry. Man Zhong. 2017. No. 22. P. 32 – 33.
15. Xue Xiaowei On war fatigue in Tang poems. Journal of Teachers College of Shanxi University (General Edition). 1992. No. Z1. P. 109 – 111.
16. Tang Liping, Su Huihui Understanding the concept of love in Tang poetry. Journal of Tangshan Normal University. 2017. No. 39 (06). p. 8 – 10.
17. Hu Xuekun, Li Dayan Transliteration of Tang poems: the unity of loyalty and betrayal. Science and Technology Vision. 2014. No. 34. P. 78 – 79.
18. Jia Hongxia, Li Fuyin Perspective on the semantics of frames in the English translation of Chinese classical poetry: using the example of the English translation of the Tang poem “Spring Resentment”. Journal of Xi’an University of International Studies. 2021. No. 29 (04). P. 87 – 91.
19. Zhang Wensheng Female images in Tang poems. Journal of Jinzhou Normal University (publication of philosophy and social sciences. 1992. No. 2. P. 69 – 73.
20. Zhang Xiaofan “The Tallest Flower” in the poems of the late Tang – discussion of the “sadness” and “beauty” of Li Shangyin’s poems. Prose Hundreds of Masters (theory). 2021. No. 12. P. 73 – 75.
21. Zhao Xuanyu Study of the theory of color categories in ancient Chinese poetic culture. Journal of Shangqiu Vocational and Technical College. 2017. No. 16 (06). P. 49 – 53.
22. Zhu Man Current situation and thoughts on the development of the “Road of Tang Poetry” from the point of view of the integration of cultural tourism. Chinese Cultural Center. 2021. No. 1. P. 143 – 146.
23. Zhu Zihui An example of the analysis of linguistic criticism of Tang poems – Critical practice of the seven laws of Du Fu “Deng Gao”. Journal of Nanyang Normal University. 2014. No. 13. P. 32 – 35.

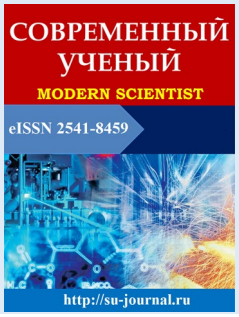
24. Chen Anmin Research on the Translation of Semantically Fuzzy Numerals in Tang Dynasty Poems. Guangdong Foreign Studies University, 2020.
25. Chen Qingna Brief description of the Yellow River in Tang poetry. Report of the Epoch. 2021. No. 12. P. 85 – 86.
26. Chen Shiyi On Buddhism and Tang poetry. Hundreds of essays (theory). 2021. No. 12. P. 58 – 60.
27. Shi Guanhai Yuan Zhen, poet of the middle Tang Dynasty, and the phenomenon of "poetry is not like a person". Collection of articles Zhujiang. 2021. No. Z1. P. 269 – 295.

Информация об авторах

Фэн Чжипэй, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1042218206@rudn.ru

Бородина М.А., кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, kokocinel@mail.ru

© Фэн Чжипэй, Бородина М.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 80
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-170-178

Структурно-языковые особенности англоязычных заголовков медиатекстов и видеороликов аэрокосмической тематики

[1] Глоткина А.А.

[1] Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Аннотация: статья посвящена лингвистическому анализу заголовков медиатекстов, освещающих темы аэрокосмической отрасли. Автор сравнивает особенности синтаксических конструкций и лексического наполнения заголовков, относящихся к космической и авиационной проблематике. Выявляется, что для космической тематики характерно преобладание вопросительных предложений, фокусирующих внимание на конкретных научных вопросах и проблемах. Такие заголовки отличаются информативностью и стремлением к точности формулировок. Кроме того, встречаются повествовательные заголовки с интригующими, провокационными формулировками. Для авиационной тематики характерно более широкое разнообразие синтаксических конструкций, включая вопросительные, повествовательные и назывные заголовки. Здесь преобладают контрастные или провокационные формулировки, а также заголовки, сообщающие о конкретных событиях в авиационной индустрии. Общей чертой заголовков обеих тематик является стремление к яркости, информативности и интриге, что свидетельствует об ориентации на привлечение и удержание интереса аудитории. Проведенный анализ позволил выявить специфику языкового оформления медиатекстов аэрокосмической тематики, отражающую особенности научного дискурса в современных СМИ.
Ключевые слова: аэрокосмическая тематика, масс-медиа, медиалингвистика, медиатекст, заголовок, лингвистический анализ, научный дискурс

Для цитирования: Глоткина А.А. Структурно-языковые особенности англоязычных заголовков медиатекстов и видеороликов аэрокосмической тематики // Современный ученый. 2024. № 5. С. 170 – 178. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-170-178

Поступила в редакцию: 10 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The structural and linguistic features of English-language headlines in aerospace-themed media texts and videos

[1] Glotkina A.A.

[1] Moscow Aviation Institute (National Research University)

Abstract: this article is devoted to a linguistic analysis of the headlines in media texts covering topics related to the aerospace industry. The author compares the features of the syntactic constructions and lexical content of headlines dedicated to space and aviation issues. It is revealed that space-related topics are characterized by a predominance of interrogative sentences, which focus on specific scientific questions and problems. Such headlines are distinguished by informative content and the striving for precision in formulations. In addition, there are also narrative

headlines with intriguing, provocative wording. Aviation-themed topics are characterized by a wider variety of syntactic constructions, including interrogative, narrative, and nominal headlines. Here, contrastive or provocative formulations prevail, as well as headlines reporting on specific events in the aviation industry. A common feature of the headlines in both thematic areas is a desire for vividness, informativeness, and intrigue, which indicates an orientation towards attracting and retaining the audience's interest. The analysis conducted has revealed the specifics of the linguistic design of aerospace-themed media texts, reflecting the features of scientific discourse in modern media.
Keywords: aerospace topics, mass media, media linguistics, media text, headline, linguistic analysis, scientific discourse

For citation: Glotkina A.A. The structural and linguistic features of English-language headlines in aerospace-themed media texts and videos. Modern Scientist. 2024. 5. P. 170 – 178. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-170-178

The article was submitted: April 10, 2024; Approved after reviewing: June 13, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Возникновение английской газетной периодики относится к XVII веку, в то время как первые памфлеты, предвосхитившие появление регулярных печатных изданий, датируются концом XVI столетия. На начальном этапе новостные заметки носили достаточно простой характер, освещая локальные и международные события. Потребовалось длительное время, прежде чем газеты выработали свой уникальный стиль и стандарты, окончательно сформировавшись в качестве особого функционального стиля лишь в XIX веке. Лингвисты того периода нередко критически оценивали качество газетных публикаций, характеризуя язык английской прессы как вульгарный [7]. Тем не менее, несмотря на подобные негативные отзывы, газетный стиль постепенно приобрел статус разновидности литературного английского языка. В дальнейшем данное направление стало предметом изучения сравнительно молодой научной дисциплины – медиалингвистики, исследующей функционирование языка в массовых коммуникациях. Отправной точкой становления медиалингвистики считается заседание Британской ассоциации прикладной лингвистики и публикация статьи Джона Корнера в 1998 году, после чего данное понятие вошло в научный обиход [8]. Спустя два года термин "медиалингвистика" был также интегрирован в отечественную лингвистическую традицию благодаря работам Т.Г. Добросклонской [9].

Медиалингвистика

Медиалингвистика представляет собой научную дисциплину, сформировавшуюся на пересечении лингвистики и исследований массовой информации и коммуникации. Несмотря на некоторую спорность ее выделения в качестве самостоятельной области знания, поскольку функционирование языка в различных сферах употребления традиционно изучается стилистикой и теорией языка, обоснованность существования медиалингвистики обусловлена масштабным влиянием средств массовой информации в социальном контексте. Как отмечает доктор филологических наук Л.Р. Дускаева, границы медиалингвистики как научной дисциплины порой оказываются размытыми, в частности, в связи с отождествлением ее с интернет-лингвистикой, что, по ее мнению, не является корректным подходом [10]. Тем не менее, правомерность выделения медиалингвистики в качестве отдельной дисциплины обусловлена наличием развитой теоретической базы, внутренней структуры и методологии, а также сформированного понятийного аппарата [17]. Ключевым концептом медиалингвистики является медиатекст, характеризующийся многокомпонентностью: в нем композиционно сочетаются вербальный текст и графические элементы (в случае печатных СМИ) или текст накладывается на аудио- и видеоряд (в формате видеорепортажей или радиопередач). Полноценное понимание медиатекста невозможно без учета коммуникативного контекста, экстралингвистических факторов, таких как портрет участников коммуникации, особенности производства сообщения, культурная и идеологическая составляющая. За 25 лет своего существования медиалингвистика сформировала устоявшийся круг областей изучения: язык СМИ и его внутрилингвистический статус, функционально-стилевая дифференциация медиадискурса, типология медиаречи, лингвостилистические характеристики, экстралингвистические компоненты, лингвомедийные технологии [19]. Методологический инструментарий медиалингвистики включает разнообразные методы исследования – от лингвистического анализа до сравнительно-культурологического описания. Терминологиче-

ский аппарат дисциплины вбирает в себя понятия гуманитарных наук (лингвистики, социологии, психологии, журналистики, культурологии) и специализированную терминологию, отражающую функционирование языка в медиасфере. Совокупность вышеперечисленных аргументов позволяет обосновать правомерность выделения медиалингвистики в качестве самостоятельной научной дисциплины.

Язык медиатекста и значение заголовка

Язык медиатекстов обладает рядом специфических свойств, обусловленных расширенными границами понятия "текст" в медийном пространстве. Согласно определению М.М. Бахтина, текст представляет собой "всякий связный знаковый комплекс" [2]. Тексты массовой информации, в свою очередь, характеризуются как "поликодовые образования" или "наслоение единиц вербального и медийного уровней", что приводит к созданию медиаобразования, сочетающего визуальные, структурные, смысловые и функциональные элементы, оказывающие многомерное воздействие на адресата [9].

Неотъемлемым атрибутом медиатекста является заголовок, который, хотя традиционно выполнял информативную функцию, в современном медиапространстве эта функция перестает быть ведущей. Благодаря лингвомедийным технологиям автор может сосредоточиться на отражении в заголовке лишь части содержания статьи, при этом сам заголовок может выступать в качестве своеобразного "пазла", требующего от читателя дополнительных усилий для глубинного понимания. Всё чаще заголовок перестает восприниматься как сжатое изложение содержания [13], но остается "смысловой доминантой", через которую передается "экспрессивно-оценочная составляющая, заложенная автором". [11] Заголовок определяет стиль написания статьи, который в широком смысле можно понимать как "живописное своеобразие целого, изобразительную, пластическую определенность избранного объекта". [14] Искусное применение стилистических приемов создает приятное впечатление о стиле и мастерстве автора, формируя атмосферу и настроение для читателя. Это позволяет удержать внимание аудитории и достичь ключевой цели – побудить читателя ознакомиться с текстом статьи до конца.

Литературный обзор

Различные аспекты заголовков в прессе, включая структурные, семантические, синтаксические, стилистические и прагматические, являются предметом пристального внимания многих исследователей.

Так, О.И. Таюпова [15] в своей работе изучила структурно-семантические и прагматические особенности заголовков в текстах СМИ, выявив их основные функции: информативную, экспрессивную и оценочную. Рассмотрены также номинативная, рекламная, интригующая, манипулятивная функции, привлекающие внимание читателя. Эти результаты перекликаются с исследованиями Ю.В. Верещинской [6], которая рассматривала лингвопрагматический и национально-культурный аспекты заголовков. В свою очередь, Ю.А. Белова [3] исследовала трудности интерпретации заголовков англоязычных медиатекстов. Синтаксическая структура и семантика заголовков в газетных публикациях были проанализированы Н.М. Вахтель [5]. Отдельного внимания заслуживает работа Е.П. Черногрудовой [18], изучавшая прагматические функции заголовков и их воздействие на читателя. Таким образом, представленные исследования вносят значительный вклад в понимание различных аспектов заголовков и служат основой для дальнейшего изучения этой темы.

Материалы и методы исследований

В рамках комплексного исследования, проведенного с июня 2022 года по июнь 2024 года, был осуществлен анализ более 3000 медиатекстов с заголовками, полученных из электронных версий свыше 15 англоязычных периодических изданий. Данная выборка включала как австралийские и новозеландские издания, такие как Listener (New Zealand), Reader's Digest (Canada, the UK, Asia, India), так и ведущие мировые англоязычные СМИ, например, The Wall Street Journal, The Times, The Guardian, The Observer Magazine, The Sunday Times Magazine, The Times, New Scientist, Focus Science, Countryfile, Science, Scientific American, Happiful, The Simple Things, Recharge your life, Wellbeing Wild, Prevention (Australia), Psychologies, What doctors don't tell you. Кроме того, были проанализированы более 1000 видеороликов. Отобранные статьи и видеоматериалы были размещены в сообществе социальной сети с целью привлечения студентов к изучению и практике английского языка с использованием ресурсов англоязычных СМИ. На данный момент сообщество насчитывает более 4300 публикаций, из которых более половины составляют выдержки из периодических изданий. В рамках данного исследования был проведен анализ материалов аэрокосмической тематики, включающий 70 позиций. Для обработки и интерпретации полученных данных применялся метод статистического анализа.

Результаты и обсуждения

Анализ особенностей заголовков в англоязычных медиатекстах общего плана

Одной из ключевых характеристик заголовков

в англоязычных медиа является их краткость и лаконичность. Как отмечает Р. Фаулер [16], "заголовки в новостных текстах обычно краткие и сжатые, часто построены с использованием номинативных конструкций. Например: "Earthquake hits California", "New Law Passed in Congress". Такая структура позволяет быстро передать основную идею статьи, привлечь внимание читателя".

Кроме того, для заголовков в англоязычных медиа характерно использование простых грамматических конструкций. В их структуре преобладают простые предложения, номинативные конструкции, а также эллиптические построения. Такая особенность делает заголовки более динамичными и выразительными.

Еще одной отличительной чертой является преобладание именных групп над глагольными конструкциями. Данная тенденция позволяет акцентировать внимание на ключевых объектах, событиях или понятиях, составляющих основное содержание публикации. Как отмечает Т. ван Дейк [4], "для заголовков новостных статей характерна лаконичность и высокая информативность. Авторы часто используют активный залог, как в примере "Police Arrest Suspect in Bank Robbery". Также распространены номинализации, например "The Bombing of the Hospital" вместо "The Hospital was Bombed"".

Важную роль в структуре заголовков играет использование ключевых слов, отражающих основную тематику и проблематику материала. Это облегчает поиск и индексацию информации, а также помогает читателю быстро понять, о чем идет речь.

Наконец, заголовки в англоязычных медиа стремятся к экспрессивности и выразительности. Для достижения этого эффекта авторы прибегают к различным стилистическим приемам, таким как метафоры, игра слов, риторические вопросы и т.д. Данный подход позволяет сделать заголовки максимально яркими и привлекающими внимание.

Как отмечают Д. Кристал и Д. Дэйви [12], "язык заголовков отличается сжатостью и отсутствием служебных слов. Преобладают существительные и глаголы в начальной форме, что придает заголовкам динамичность и информативность, как в "Stocks Plummet", "Earthquake Devastates Region"".

Кроме того, в структуре заголовков широко используются различные словообразовательные модели, включая аффиксацию ("Re-election", "Undercover"), словосложение ("Ceasefire Agreement", "Bailout Plan") и конверсию ("The Escape", "A Walkout"). Как отмечает Л. Бауэр [1], "эти приемы позволяют создавать компактные, но емкие заголовки".

Анализ синтаксической структуры заголовков в англоязычных медиа позволяет выявить некоторые различия между заголовками медиатекстов и заголовками к видеороликам.

Заголовки новостных статей характеризуются краткостью, лаконичностью и использованием специфических синтаксических структур. Часто встречаются заголовки, построенные по схеме 'Существительное + Глагол', например: 'Lawmakers Approve New Bill'. Также распространены заголовки, состоящие только из существительных. Теун ван Дейк подчеркивает, что "заголовки новостей обычно имеют простую синтаксическую структуру, состоящую из минимального количества элементов. Это позволяет им быть краткими, привлекательными и легко запоминающимися для читателей. Распространены структуры с опущением второстепенных членов предложения, например: 'New Law Passed' вместо 'The Parliament Has Passed a New Law'" [4].

В свою очередь, заголовки интернет-публикаций, включая видеоролики, демонстрируют еще более лаконичный синтаксис. Они часто состоят всего из двух-трех слов, акцентируя ключевую информацию. Например: 'Stunning Sunset Timelapse' или 'Adorable Puppy Plays'. Такая сжатость помогает привлечь внимание пользователей в условиях информационной перегрузки.

Таким образом, заголовки медиатекстов характеризуются использованием номинативных предложений, простых структур с опущением второстепенных элементов, в то время как заголовки видеороликов демонстрируют еще более лаконичный синтаксис, состоящий из минимального количества слов. Это обусловлено спецификой данных форматов и необходимостью привлечь внимание читателей/зрителей.

Анализ языковых особенностей заголовков англоязычных медиатекстов и видеороликов аэрокосмической тематики

Проведенный анализ ключевых слов, встречающихся в заголовках медиатекстов и видеороликов космической и авиационной тематики, позволяет выявить основные смысловые доминанты, характерные для данных предметных областей.

В сфере космоса ключевые слова указывают на такие ключевые темы, как исследование и освоение космического пространства (space, Moon, Mars, NASA), космические технологии (James Webb Space Telescope, Artemis), а также жизнедеятельность человека в космосе (astronaut, space junk, plants, human life). Данная тематика отражает актуальные направления развития космической

отрасли и связанные с ними научные и технологические вызовы.

Для авиационной тематики характерны ключевые слова, связанные с различными аспектами воздушных перевозок и авиационной индустрии в целом (flight, airline, aviation, airplane, pilot, turbulence, jet lag, electric aviation, eVTOL, Boeing, Airbus). Особое внимание уделяется вопросам безопасности и комфорта пассажиров (turbulence, jet lag), а также инновационным разработкам в сфере авиации (electric aviation, eVTOL).

Данный анализ ключевых слов позволяет выявить основные тематические направления, представленные в заголовках медиатекстов и видеороликов космической и авиационной тематики, что может быть использовано для дальнейшего углубленного изучения специфики освещения данных предметных областей в современных средствах массовой информации.

Анализ использования эмоционально-окрашенной лексики в заголовках медиатекстов космической и авиационной тематики позволяет выявить ее роль в передаче смысла и воздействии на читателя.

Так, в заголовке "Hassle-free spacesuit could make spacewalks easier" прилагательное "hassle-free" несет эмоционально-положительную оценку, подчеркивая удобство и комфорт при выполнении космических выходов. Это создает ощущение простоты и легкости, что важно для привлечения внимания к новым разработкам в области скафандров.

Другой пример – заголовок "Flight shamers are a bigger problem than you think", где словосочетание "flight shamers" выражает эмоционально-негативную оценку, осуждая и критикуя людей, порицающих авиаперелеты. Такая формулировка подчеркивает актуальность проблемы и необходимость ее обсуждения, вызывая эмоциональный отклик у читателей.

Еще один показательный случай – заголовок "Passengers describe 'flight from hell' after plane forced to land". Здесь словосочетание "flight from hell" создает драматичный, гиперболизированный образ неприятного авиаперелета, что привлекает внимание читателей, вызывая у них любопытство и сопереживание к описываемой ситуации.

Использование эмоционально-окрашенной лексики в заголовках помогает усилить эмоциональное воздействие на читателя, заинтересовать его и побудить к прочтению статьи. Это важно для привлечения внимания аудитории в современном медийном пространстве, где конкуренция за внимание читателей является высокой.

Использования метафорических выражений в заголовках медиатекстов космической и авиационной тематики демонстрирует их роль в создании образности и усилении смысловой нагрузки. Рассмотрим несколько примеров более подробно. В заголовке "The next generation of drugs could be made in space" метафора "made in space" переносит процесс производства лекарств из земных условий в космическое пространство. Это создает образ инновационных, передовых технологий, которые могут быть разработаны в уникальных условиях космоса. Аналогично, в заголовке "Sail to remove space junk" слово "sail" используется как метафора для описания технологии удаления космического мусора, формируя визуальный образ космического корабля, "плывущего" и собирающего космический мусор, подобно парусному судну, улавливающему ветер. Метафора "seeing red" в заголовке "Seeing red" обычно ассоциируется с гневом или раздражением, но в контексте наблюдения за Марсом она создает образ красноватого оттенка планеты, который наблюдатели "видят". Таким образом, метафорическое выражение помогает передать визуальные ассоциации, связанные с изучением космоса. В авиационной тематике метафорическое сравнение поведения взрослых пассажиров с поведением детей в заголовке "Child-free cabins? no, the adults are worse" формирует образ непоседливых, капризных пассажиров, которые ведут себя хуже, чем дети. Фраза "wing it" в заголовке "BA staff wing it and serve KFC after catering blunder" является метафорой, описывающей, как персонал авиакомпании импровизирует и быстро находит решение, когда возникает непредвиденная ситуация с бортовым питанием. Метафора "unpopular plane seats" в заголовке "Unpopular plane seats are the safest" создает образ неудобных, непопулярных мест в самолете, но при этом подчеркивает, что они являются более безопасными. Таким образом, использование метафорических выражений помогает сделать заголовки более образными, яркими и запоминающимися, а также передать более глубокий смысл и ассоциации, привлекая внимание читателей.

В заголовке "BA staff wing it and serve KFC after catering blunder" используется сразу два приема игры слов, создающих яркий и запоминающийся эффект. Первый прием – каламбур с фразеологизмом "wing it". Данное выражение означает "действовать без подготовки, импровизировать". В контексте данного заголовка, оно обыгрывается буквально, так как речь идет о персонале авиакомпании British Airways (сокращенно BA), который "взмахивает крыльями" (wing it), то есть действует в экстренной ситуации.

Второй прием – обыгрывание известного бренда KFC (Kentucky Fried Chicken), популярной сети ресторанов быстрого питания. Заголовок сообщает, что сотрудники BA не только "импровизируют", но и "подают KFC". Такое неожиданное сочетание бренда KFC с деятельностью авиакомпании BA создает комический эффект и привлекает внимание читателя.

Использование этих приемов игры слов и каламбуров преследует несколько целей: создание яркого, запоминающегося заголовка, который выделяется на фоне других; привлечение внимания читателя за счет неожиданных, парадоксальных сочетаний; вызов интереса и любопытства читателя, побуждение его прочитать статью, чтобы понять смысл заголовка; придание заголовку большей экспрессивности, эмоциональности и юмористического оттенка. Таким образом, использование игры слов и каламбуров в данном заголовке является эффективным приемом, позволяющим привлечь внимание аудитории и создать запоминающийся образ.

Анализ структурных особенностей заголовков медиатекстов космической и авиационной тематики

Согласно анализу можно выделить ряд характерных закономерностей. В заголовках, посвященных космической проблематике, наблюдается преобладание вопросительных предложений, например: "What happens to a human body in space?", "How do you grow plants in space?", "How to build for human life on Mars?". Такие заголовки фокусируют внимание на конкретных темах или событиях, связанных с исследованием космоса и жизнедеятельностью человека в космическом пространстве. Они отличаются информативностью и стремлением к точности формулировок. Кроме того, встречаются повествовательные заголовки, использующие интригующие, провокационные формулировки, побуждающие к прочтению материала, например: "Sail to remove space junk", "Seeing red", "Adverts in space are now economically viable but potentially dangerous".

Для авиационной тематики характерно более широкое разнообразие синтаксических конструкций заголовков. Наряду с вопросительными предложениями, фокусирующимися на проблемах и тенденциях в авиационной сфере, например: "How to eliminate jet lag: it may simply be a matter of expectations", "Will flying cars cause traffic jams in the sky?", здесь преобладают повествовательные заголовки, зачастую с применением контрастных или провокационных формулировок: "Child-free cabins? no, the adults are worse", "Hassle-free flying", "Unpopular plane seats are the safest". Кроме того, встречаются заголовки, построенные по схеме "Что + глагол", которые сообщают о конкретных событиях или явлениях в авиационной индустрии: "BA staff wing it and serve KFC after catering blunder", "Airlines take on the flight shamers".

Общей чертой заголовков как космической, так и авиационной тематики является стремление к использованию ярких, привлекающих внимание формулировок, сочетание информативных и провокационных элементов. Это свидетельствует об ориентации авторов на привлечение и удержание интереса аудитории к освещаемым темам.

Рассмотрим структурные и лексические характеристики заголовков медиатекстов и видеороликов аэрокосмической тематики, как они способствуют привлечению внимания читателя и раскрытию ключевых аспектов публикаций.

Начнем с заголовка-вопроса "What happens to a human body in space?". Данная структура вопросительного предложения привлекает внимание читателя и побуждает его к поиску ответа на поставленный вопрос. При этом лексическое наполнение сочетает общеупотребительные понятия ("human body", "space") с научной терминологией, что делает заголовок понятным широкой аудитории.

Следующий пример – заголовок-инструкция "How to build for human life on Mars". Здесь инфинитивная конструкция указывает на практическую направленность материала. Лексическое сочетание глагола действия ("build") с абстрактным понятием ("human life") и конкретным географическим объектом ("Mars") создает интригующий образ, вызывающий интерес у читателя.

Обратимся к заголовку-повествованию "Heroes of space. Valentina Tereshkova". Двухчастная структура, где первая часть обобщает тему, а вторая представляет конкретный персонаж, позволяет эффективно привлечь внимание. Использование эмоционально-оценочной лексики ("heroes") наряду с именем известной личности вызывает ассоциации и интерес у читателя.

Переходя к авиационной тематике, рассмотрим заголовок-вопрос "Why plane passengers need to weigh in?". Вопросительная структура побуждает читателя задуматься над причинами. Применение разговорного выражения "weigh in" в контексте авиации создает эффект неожиданности и привлекает внимание.

Далее обратимся к заголовку-повествованию "BA staff wing it and serve KFC after catering blunder". Повествовательное предложение, передающее конкретное событие, сочетает глагол "wing it" в значении "действовать импровизированно" с упоминанием известной сети быстрого питания

"KFC", что придает заголовку живость и образность.

Завершим анализ заголовком-названием "The best and worst airlines of 2022". Простая назывная структура акцентирует внимание на рейтинге авиакомпаний. Использование оценочных прилагательных "best" и "worst" в сочетании с конкретным годом создает ощущение актуальности и значимости информации.

Таким образом, разнообразие структурных и лексических особенностей заголовков позволяет эффективно привлечь внимание читателя, заинтриговать его и четко обозначить тематику и ключевые аспекты публикаций в рамках научного дискурса.

Выводы

Проведенный лингвистический анализ заголовков медиатекстов аэрокосмической тематики позволяет сделать ряд важных выводов.

Ключевые различия наблюдаются в синтаксических конструкциях заголовков космической и авиационной проблематики. Для космической тематики характерно преобладание вопросительных предложений, фокусирующих внимание на конкретных научных вопросах и проблемах. В то время как для авиационной тематики более типичны разнообразные синтаксические структуры, включая вопросительные, повествовательные и назывные заголовки.

Различия прослеживаются и в лексическом наполнении заголовков. Космическая тематика тяготеет к использованию научной терминологии и абстрактных понятий, сочетаемых с общеупотребительной лексикой. Авиационная тематика демонстрирует более широкое применение разговорных выражений, контрастных и провокационных формулировок.

Вместе с тем, общей чертой заголовков обеих тематик является стремление к яркости, информативности и интриге. Авторы применяют разнообразные лингвистические средства для привлечения внимания читателя и побуждения его к прочтению материала. Это свидетельствует об ориентации на удержание интереса аудитории к освещаемым темам.

Таким образом, проведенный лингвистический анализ заголовков позволил выявить специфику языкового оформления медиатекстов аэрокосмической тематики, отражающую особенности научного дискурса в современных средствах массовой информации.

Список источников

1. Бауэр Л. Английское словообразование. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1983. 328 с.

2. Бахтин М.М. Проблема текста (1959-1960) // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 306.

3. Белова Ю.А. Смысл газетного заголовка: трудности интерпретации // Вестник Башкирск. ун-та. 2013. № 3. 3 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-gazetnogo-zagolovka-trudnosti-interpretatsii (дата обращения: 25.02.2024)

4. ван Дейк Т.А. Новости как дискурс. Хиллсдейл, Нью-Джерси: Эрлбаум, 1988. 200 с

5. Вахтель Н.М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика: автореф. дис. … докт. филол. наук. Воронеж, 2005. 32 с.

6. Верещинская Ю.В. Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 25 с.

7. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: учебник (на англ. языке). 4-е изд. М: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2012. С. 187. 296

8. Джон Корнер Сфера медиалингвистики., Информационный бюллетень BAAL, 1998. 188 с.

9. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления [б.м.]:[б.и.], 2020. С. 27.

10. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития // Вестн. Моск. Ун-та, Сер.: 10 журналистика. 2018. № 6. С. 49.

11. Егошина Н.Г. Анализ структурных особенностей заголовков в англоязычных СМИ // Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2021. Издательство: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.) (Петрозаводск) С. 182 – 193.

12. Кристал Д., Дэви Д. Исследование английского стиля. Лондон: Лонгман, 1969.

13. Мельник О.Г. Заголовки газет как лингвокультурный феномен // Язык и Культура: Межкультурная Антропология. Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию кафедры русского языка для иностранных учащихся ЮФУ / Министерство образования и науки РФ. Южный федеральный университет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Кафедра русского языка для иностранных учащихся. 2017. Издательство: Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону). С. 66 – 69.

14. Сухих И. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. С. 10, 320.

15. Таюпова О.И. Прагматический потенциал заголовков в современных публицистических текстах // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. 6 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy-potentsial-zagolovkov-v-sovremennyh-publitsisticheskih-tekstah (дата обращения: 25.02.2024)

16. Фаулер Р. Язык в новостях: дискурс и идеология в прессе. Лондон: Рутледж, 1991. 254 с.

17. Хамидова А.Х. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1 (789)б. С. 293 – 299.

18. Черногрудова Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 23 с.

19. Шмелева Т.В. Медиалингвистика: терминологический аспект // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4-1 (87). С. 32 – 35.

References

1. Bauer L. English word formation. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 328 p.

2. Bakhtin M.M. The problem of the text (1959-1960). Bakhtin M.M. Collection cit.: in 7 volumes. M., 1997. T. 5. P. 306.

3. Belova Yu.A. The meaning of a newspaper headline: difficulties of interpretation. Vestnik of Bashkir University. 2013. No. 3. 3 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smysl-gazetnogo-zagolovka-trudnosti-interpretatsii (access date: 02.25.2024)

4. van Dijk T.A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988. 200 p.

5. Vakhtel N.M. Statement in the position of a newspaper headline: semantics and pragmatics: abstract. dis. ... doc. Philol. Sci. Voronezh, 2005. 32 p.

6. Vereshchinskaya Yu.V. Spanish newspaper headline: linguopragmatic and national-cultural aspects: abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Moscow, 2013. 25 p.

7. Galperin I.R. Stylistics of the English language: textbook (in English). 4th ed. M: Book House “LIBROKOM”, 2012. P. 187. 296

8. John Corner The Scope of Medialinguistics. BAAL Newsletter, 1998. 188 pp.

9. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: theory, methods, directions [b.m.]:[b.i.], 2020. P. 27.

10. Duskaeva L.R. Medialinguistics in Russia: formation of structure and vectors of development. Vestn. of Moscow Univ., Ser.: 10 journalism. 2018. No. 6. P. 49.

11. Egoshina N.G. Analysis of structural features of headlines in English-language media. Collection of articles of the International Research Competition. Petrozavodsk, 2021. Publisher: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.) (Petrozavodsk). P. 182 – 193.

12. Crystal D., Davy D. Study of English style. London: Longman, 1969.

13. Melnik O.G. Newspaper headlines as a linguistic and cultural phenomenon. Language and Culture: Intercultural Anthropology. Materials of the international scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Russian Language for foreign students of SFU. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Southern Federal University of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Department of Russian Language for Foreign Students. 2017. Publisher: Southern Federal University (Rostov-on-Don). P. 66 – 69.

14. Sukhikh I. Structure and meaning: Theory of literature for everyone. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2018. P. 10, 320.

15. Tayupova O.I. Pragmatic potential of headings in modern journalistic texts. Vestnik VSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2015. No. 4. 6 p. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy-potentsial-zagolovkov-v-sovremennyh-publitsisticheskih-tekstah (access date: 02/25/2024)

16. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press. London: Routledge, 1991. 254 p.

17. Khamidova A.Kh. Medialinguistics: a new paradigm in the study of media language. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2018. No. 1 (789)b. P. 293 – 299.

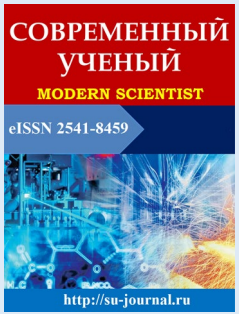
18. Chernogrudova E.P. Headlines with precedent texts in modern journalism: auto-ref. dis. ...cand. Philol. Sci. Voronezh, 2003. 23 p.

19. Shmeleva T.V. Medialinguistics: terminological aspect. Bulletin of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. 2015. No. 4-1 (87). P. 32 – 35.

Информация об авторе

Глоткина А.А., старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), glotkina@gmail.com

© Глоткина А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
УДК 81'272
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-179-184

Когнитивно-дискурсивные особенности инаугуральных речей Дональда Трампа и Джозефа Байдена

[1] Демкина Я.Ю.

[1] Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ленина

Аннотация: статья посвящена изучению когнитивно-дискурсивных особенностей инаугурационных речей Д. Трампа и Дж. Байдена, кандидатов в президенты США 3 ноября 2021. **Актуальность** работы связана с необходимостью изучения структуры текста, скрытых смыслов и приемов, используемых в речах политических лидеров. В данной статье используются такие **методы исследования**, как дискурс-анализ и когнитивный подход к изучению политического дискурса, которые представляют собой анализ языковых и синтаксических особенностей политических речей кандидатов в президенты США. **Научная новизна** работы отличается тем от других исследований, что в ней впервые анализируются инаугурационные речи кандидатов в президенты США с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу политической речи. **Целью данной статьи** является рассмотрение инаугурационных речей политических лидеров от Демократической и Республиканской партий, Д. Трампа и Д. Байдена, с точки зрения когнитивно- дискурсивного анализа политической речи. **В результате** анализа инаугурационных речей Д. Трампа и Д. Байдена выявлены лингвистические средства и стилистические фигуры политического дискурса, представленные в таблицах; алгоритм построения инаугурационной речи на примерах англоязычной коммуникации политических выступления кандидатов в президенты США. **В выводе** представлены основные различия между инаугурационной речью Д. Трампа и Дж. Байдена, проанализированы коммуникативные стратегии и тактики, обозначены микророли, исполняемые политическими лидерами от Демократической и Республиканской партий, на каждом отрезке речи в данной статье.
Ключевые слова: инаугурационная речь, лингво-синтаксические особенности, когнитивно-дискурсивные особенности, когнитивный анализ, анализ дискурса, анафора, эпифора, лексические повторы, эпитеты, метафоры

Для цитирования: Демкина Я.Ю. Когнитивно-дискурсивные особенности инаугуральных речей Дональда Трампа и Джозефа Байдена // Современный ученый. 2024. № 5. С. 179 – 184. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-179-184

Поступила в редакцию: 10 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Cognitive-discursive features of Donald Trump and Joseph Biden's inaugural speeches

[1] Demkina Ya.Yu.

[1] Saint-Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

Abstract: the article is devoted to the study of the cognitive-discursive features of the inaugural speeches of D. Trump and J. Biden, candidates for the presidency of the United States on November 3, 2021.**The relevance** of the

work is associated with the need to study the structure of the text, hidden meanings and techniques used in the speeches of political leaders. This article uses such research **methods** as discourse analysis and cognitive approach to the study of political discourse, which are the analysis of linguistic and syntactic features of political speeches of US presidential candidates. **The scientific novelty of the work** differs from other studies in that it is the first to analyze the inaugural speeches of US presidential candidates from the point of view of the cognitive-discursive approach to the analysis of political speech. **The purpose of this article** is to consider the inaugural speeches of political leaders from the Democratic and Republican parties, D. Trump and J. Biden, from the point of view of cognitive-discursive analysis of political speech. **As a result** the analysis of the inaugural speeches of Biden and Trump revealed the linguistic means and stylistic figures of the political discourse of U.S. presidential candidates in the tables; the algorithm for constructing the inaugural on the examples of English-language communication of political speeches of J. Biden and D. Trump. **The conclusion** presents the main differences between the inaugural speech of D. Trump and J. Biden analyzes communication strategies and tactics, identifies the microroles performed by the leaders from the Democratic and Republican parties of the USA at each segment of speech in this article.
Keywords: inaugural speech, linguistic and syntactic features, cognitive-discursive features, cognitive analysis, discourse analysis, anaphora, epiphora, lexical repetitions, epithets, metaphor

For citation: Demkina Ya.Yu. Cognitive-discursive features of Donald Trump and Joseph Biden's inaugural speeches. Modern Scientist. 2024. 5. P. 179 – 184. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-179-184

The article was submitted: April 10, 2024; Approved after reviewing: June 13, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Инаугурация является одной из самых важных политических церемоний США. Составляющими инаугурационных речей является обращение к адресату (в данном случае к народу США), благодарность сторонникам кандидатов в президенты, оценка деятельности предыдущего кандидата, определение курса и основных моментов предполагаемого развития страны, основные задачи правительства, клятва президента выполнить свой долг перед народом [12, с. 293].

Актуальность статьи связана с необходимостью изучения структуры текста, скрытых смыслов и приемов, когнитивно-дискурсивных особенностей инаугурационных речей кандидатов в президенты США, которые оказывают особое влияние на формирование общественного сознания избирателей, на основе когнитивного анализа дискурса.

Особенностью когнитивного аспекта анализа политических текстов является возможность рассмотрения эксплицитных и имплицитных интенций отдельного политика, раскрывающих основные аспекты лингвокогнитивного уровня его языковой личности.

Научная новизна статьи отличается тем, что в ней впервые анализируются инаугурационные речи Д. Трампа и Дж. Байдена с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к анализу политической речи.

Целью данного исследования является рассмотрение инаугурационных речей кандидатов в президенты США, Дональда Трампа и Джозефа Байдена, с точки зрения когнитивного и дискурсивного анализа политической речи, выявление основных когнитивно-дискурсивных особенностей инаугурационной речи 45-ого президента США и 46-го президента США, сопоставление особенности когнитивно-дискурсивного анализа инаугурационных речей кандидатов в президенты США, Дональда Трампа и Джозефа Байдена.

Предметом исследования являются инаугурационные речи кандидатов в президенты США перед голосованием 3 ноября 2021 года.

Материалы и методы исследований

Методологической основой статьи стали труды российских ученых А.Н. Баранова [13], О.В. Михайловой [13], В.Н. Базылева [3], В.И. Карасика [8], О.Л. Михалевой [10], Д.В. Шапочкина [15], Е.И. Шейгал [16] и зарубежных исследователей Т.А. ван Дейка [4], Лакофф [19], Л. Талми [20], чьи работы посвящены дискурсивному анализу политической речи. Теоретические основы стратегий и тактик политических текстов были использованы из теоретических работ О.Л. Михалевой [8], О.С. Иссерса [4], С.Г. Кара-Мурзы [5], посвященных речи, влиянию политического действия и особенностям манипулирования сознанием народа.

Когнитивный анализ дискурса, использованный в данном исследовании, является одним из наиболее эффективных методов анализа изучения речи политиков. Когнитивный анализ иллюстрирован сопоставлением компонентов инаугурационной

речи Д. Трампа и Д. Байдена, микрополей самопрезентации политических литеров, а также коммуникативных стратегий и тактик. С помощью дискурс-анализа предоставляется сравнительная характеристика лингвистических средств, используемых данными кандидатами в президенты США в их инаугурационных речах. В рамках когнитивного анализа необходимо выявить социально ориентированные понятия и привести примеры их употребления в политической речи.

Проблема. В данной работе исследуются структурные особенности инаугурационных речей будущих президентов США в 2021 году. Д. Трамп и Дж. Байден являются кандидатами от разных политических партий: Республиканской партии и Демократической партии, поэтому в этом плане президенты придерживаются разных взглядов на вопросы внешней политики, что, безусловно, отражается в формулировках.

Результаты и обсуждения

Результатами исследования в данной статье является анализ когнитивно-дискурсивных особенностей инаугурационных речей Д. Трампа и его соперника Дж. Байдена, сравнение финальных дебатов кандидатов в президенты США перед голосованием 3 ноября 2021 года.

Дискурс-анализ политических текстов заключается в анализе лингвистических и синтаксических особенностей инаугурационных речей кандидатов в президенты США, Д. Трамп и Дж. Байдена.

В статье дается характеристика лингвистических средств, которые употребляются в инаугурационной речи Д. Трампа и Д. Байдена.

Каждый из президентов при оценке деятельности предшественников отмечает слабые стороны: Д. Трамп выделяет неэффективность внутренней политики государства с помощью аллюзии *For too long, a small group in our nation's Capital has reaped the rewards of government while the people have borne the cost* и однородных членов предложения *the crime and gangs and drugs that have stolen too many lives.* С целью обозначить основные моменты, закрепить идеи в сознании слушателей президенты употребляют однородные члены предложения и соотносят их с лексическим повтором. С помощью таких конструкций президентам удалось рассказать основные проблемы, стоящие перед ними в начале осуществления полномочий, о способах решения названных задач и попытке описать свое видение целей и задач развития страны. В результате анализа лингвистических особенностей можно сказать, что в речи Дж. Байдена употребляется большее количество аллюзий – 5 раз, поскольку это связано с описанием внутренней и внешней политики предшественников, которые не называются, но при анализе контекста понимается, кого имеет в виду автор текста. Д. Байден считает, что необходимо остановить безработицу и насилие.

Д. Трамп активно использует лозунги 11 раз, например, *The oath of office I take today is an oath of allegiance to all Americans,* благодаря которым яркие и оформленные мысли остаются в подсознании электората. Лозунг Д. Трампа: *«America first»* подтверждается агрессивностью внешней политики Д. Трампа. Д. Байден прибегает к лозунгам 2 раза, а его лозунг: *America is the leading force for good in the world*, который выражает попытку сближения с другими странами и поиска взаимовыгодного сотрудничества.

Анализ концептов, употребляемых в речи президентов США Д. Трампа и Д. Байдена, показывает, что в инаугурационных речах активно используются концепты *America*: Д. Трамп – 18 раз, Д. Байден – 20; *American:* Д. Трамп – 16 раз, Д. Байден – 18; *nation:* Д. Трамп - 11 раз, Д. Байден – 14; *our:* Д. Трамп – 48 раз, Д. Байден – 43; *we:* Д. Трамп – 49 раз, Д. Байден – 89. В речи Д. Трампа также присутствует реализация концепта *country* 12 раз, что является синонимом лексеме *Америка и нация.*

Лингвистические особенности инаугурационной речи Дональда Трампа определяются употреблением анафоры – 9 раз – например, *We will confront hardships*; антитезы – 2 раза – например, *Washington flourished – but the people did not share in its wealth; гиперболы* – 2 раза – например*, They have been magnificent; идиомы* – 6 раз – например, trapped *in poverty; инверсия* – 1 раз – например, *Today's ceremony, however, has very special meaning; концепты* – 6 раз – например, *America, country, American, we, protect, nation; лексические повторы* – 3 раза – например, *their triumphs have not been your triumphs; метафоры* – 4 раза – например, *wealth, strength, and confidence of our country has disappeared over the horizon; обращение* – 6 раз – например, *Americans, the United States of America, is your country; прием плеоназма* – 1 раз*; синтаксический параллелизм* – 3 раза – например, *His moment is your moment;сравнения – 1 раз - например, rusted-out factories scattered like tombstones;эпитеты* – 7 раз – например, *gracious aid.*

Для инаугурационной речи Джозефа Байдена характерны следующие лингвистические особенности, такие как: анафора - 6 раз - например, *This is your day. This is your celebration;* лексические повторы – 3 раза – например, *Their victories have not been your victories*; метафоры – 1 раз; обраще-

ние – 1 раз – например, Americans; однородные члены – 4 раза – например, *decision on trade, on taxes, on immigration, on foreign affairs* the crime; парцелляция – 11 раз; риторический вопрос – 5 раз; синтаксический параллелизм – 7 раз – например, *glorious freedoms, great American Flag*; сравнения – 1 раз; эпитеты – 5 раз – например, *Americans want great schools for their children*; эпифора – 2 раза.

С целью простого и доступного донесения информации до слушателя президенты используют анафору и синтаксический параллелизм. В речи Д. Трампа преимущественно используется анафора, в то время как Л. Байден предпочитает синтаксический параллелизм.

Инаугурационная речь Д. Трампа является более выразительной, поскольку в ней есть примеры употребления антитезы, гиперболы, многосоюзия, плеоназма. В инаугурационной речи Д. Байдена находит применение парцелляция – простые односоставные предложения, которые включают в себя одну законченную мысль. Образность речи президента придает употребление риторических вопросов, оставшихся без ответа, а также эпифора. В речи Байдена не встречается многосоюзия, небольшое количество однородных членов предложения. Основной целью выступления политического лидера, Д. Байдена, является стремление доказать гражданам страны, что существуют проблемы в США, требующие решения.

В ходе исследования инаугурационных речей дебатов кандидатов в президенты США выявлено, что Д. Трамп и Д. Байден при обращении к адресату используют личное местоимение второго лица *you* и его притяжательную форму *your.* В инаугурационной речи Д. Трампа это местоимение употребляется 23 раза, в то время как в речи Д. Байдена – 20 раз. Кроме этого, во время описания ценности демократии 46-ой президент употребляет форму *my friends,* что является одним из способов удержания и привлечения внимания собеседника к рассматриваемому вопросу.

При этом, задачи правления каждый президент сформулировал кратко и доступно, Дональд Трамп формулирует задачу: *«We will follow two simple rules: Buy American and Hire American»* [5]. Д. Байден обещает: *«I will give my all in your service thinking not of power, but of possibilities»* [18]. Д. Байден видит свою цель в обеспечении людей хорошей работой, достойным здравоохранением, устранении расовой несправедливости, а Д. Трамп мыслит более глобально – Америку нужно возвысить над другими странами, поэтому в его инаугурационной речи на первый план выходят изменения во внешней политике.

Эти мысли подтверждаются клятвой президентов, Д. Трамп клянется, что ответственно подойдет к выбору политиков и будет способствовать процветанию Америки; Д. Байден обещает защищать Конституцию, демократию и Америку.

В финале инаугурационной речи президенты обращаются к богу: Д. Трамп с просьбой выделить Америку из многообразия стран, а Д. Байден с молитвой обеспечить Америке свободу на территории своей страны и стать примером для других государств.

Обратимся к характеристикам микроролей самопрезентации политиков. В речи Д. Трампа микророли «выборное лицо» и «ответственное лицо» [1, с. 37] сливаются: президент осознает важность и ответственность своей миссии, а также находит решения текущим проблемам. Д. Байден открыто выражает благодарность за то, что его кандидатуру на выборах поддержали, поэтому он будет взвешенно принимать решения, поскольку каждый человек несет ответственность за свои действия. В речи Д. Байдена микророли «выборное лицо» и «ответственное лицо» различаются осознаваемыми действиями.

Микророль «боец» характерна для каждого из президентов: Д. Трамп в своей речи предлагает бороться с негативными последствиями правления предшественников, а Д. Байден нацелен победить пандемию, защищать права и свободы граждан, а также препятствовать распространению лживой информации.

Анализ микророли «реформатор» приводит к тому, что в речи президентов по-разному анонсируются неизбежные политические изменения: Д. Трамп считает необходимым проводить реформы во внутренней и внешней политике США, а Д. Байден предлагает объединиться против пандемии.

Каждый из президентов является патриотом своей страны, поэтому в их речи частотны употребления слов *America и American*, Д. Трамп употребляет в речи 34 раза, а Дж. Байден – 38 раз.

Президенты США выбирают одинаковые коммуникативные тактики для инаугурационных речей, а именно, тактику солидаризации, тактику иллюстрирования отрицательных эмоций, тактику иллюстрирования положительных эмоций. Применение тактики солидаризации выражается у Д. Трампа с помощью употребления 49 раз местоимения *we,* таким образом политический лидер от Республиканской партии призывает граждан своей страны к общности идеалов, целей, интересов. Д. Байден также использует местоимение *we* 89 раз, чтобы сблизиться с народом. К тактике иллюстрирования отрицательных эмоций Д. Трамп

прибегает при описании проблем, требующих решения; несостоятельности внутренней и внешней политики, проводимой предшественниками. Д. Байден также упоминает ошибки предшественников и концентрируется на актуальной информации при характеристике пандемии 2020 года. В инаугурационной речи Д. Трампа наблюдается тактика иллюстрирования положительных эмоций, которая реализуется при описании целей и задач, стоящих перед президентом. Д. Байден применяет эту тактику при описании американского пути развития, он сосредотачивается на патриотических чувствах избирателей и тем самым вызывает положительные эмоции американцев.

Речь Д. Байдена насыщена лексемами *democracy,* обращается к этому концепту 12 раз, что объясняется позицией его политической партии, в которой состоит данный кандидат в президенты США. Дж. Байден использует концепты *must* 10 раз и *unity* 9 раз, его инаугурационная речь характеризуется долженствованием, неразрывностью, единством и солидарностью с американским электоратом. Целью инаугурационной речи Дж. Байдена стала попытка доказать гражданам страны, что необходимо объединиться, чтобы общими усилиями решить все накопившиеся проблемы и победить коронавирус COVID-19.

В итоге отметим, что основной особенностью инаугурационных речей Д. Трампа и Д. Байдена является простота, доступность, красочность и разнообразие лингвистических средств. Каждый из кандидатов в президенты США употребляет в своей речи эпитеты и метафоры, при этом Д. Трамп характеризует чаще проблемы, особую роль Америки в мире, а Д. Байден рассказывает о сущности особого американского пути.

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрены основные когнитивно-дискурсивные особенности инаугурационных речей Д. Трампа и Д. Байдена, представлены их основные отличия, проанализированы основные лингвистические средства, необходимые для дискурс-анализа политической речи, коммуникативные стратегии и тактики инаугурационных речей Д. Трампа и Д. Байдена, выявлены микророли данных кандидатов в президенты США.

В дискурс-анализе инаугурационных речей Д. Трампа и Д. Байдена проанализированы их лингвистические и синтаксические особенности.

В когнитивном анализе обращений США кандидатов в президенты народу, следует отметить коммуникативные микророли самопрезентации политиков. В рамках одного политического текста их может быть несколько: избранный человек, борец, реформатор, ответственный человек, продолжатель традиций, патриот, благочестивый человек и т.д. [1, с. 40]. Кроме того, проанализированы стратегии и тактики, используемые в инаугурационных речах кандидатов в президенты в США, Д. Трамп и Дж. Байдена.

Необходимо отметить, что Д. Трамп выбрал более эмоциональную стратегию подачи своего выступления, поэтому в его речи мы наблюдаем большее количество лозунгов, эпитетов и метафор, лексических повторов и однородных членов предложения. Д. Трамп при выборе лингвистических средств делает упор на решение задач внешней политики, а Д. Байден больше интересуется проблемами внутренней политики государства: насилием, безработицей, расовой несправедливостью.

Список источников

1. Акинина П.С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса (на материале выступлений президента США Барака Обамы): дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2019. 170 с.
2. Базылев В.Н. Политический дискурс в России // Политическая лингвистика. 2005. № 3. С. 5-31.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Инаугурационная речь 45-го президента США Дональда Трампа // America First [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4910307,00.html (дата обращения: 10.08.2021)
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2000. 864 с.
7. Карасик В.И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 1. С. 32 – 49.
8. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
9. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. 94 с.
10. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 260 с.

11. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология – Philologica. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1998. Вып. 14. С. 22 – 29.
12. Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the Presidency // Presidential Studies Quarterly. Priorities and Strategies in Foreign Policy: 1985-1989Spring, 1985. Vol. 15. № 2. P. 394 – 411.
13. Inaugural Address by President Joseph R. Biden, Jr. // The White House. January 20, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/ (дата обращения: 11.08.2021)
14. Lakoff G. Categories and Cognitive Models // Cognitive Science Report. Berkeley: University of California, 1982. № 2. P. 203 – 212.
15. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics / ed. by B. Rudzka-Ostin. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1988. P. 162 – 205.

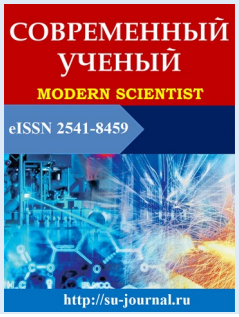
References

1. Akinina P.S. Linguistic and pragmatic features of American political discourse (based on the speeches of US President Barack Obama): dis. ... cand. Philol. Sci. Vladimir, 2019. 170 p.
2. Bazylev V.N. Political discourse in Russia. Political linguistics. 2005. No. 3. P. 5-31.
3. Dake T.A. van. Language. Cognition. Communication: per. from English M.: Progress, 1989. 312 p.
4. Inaugural speech of the 45th US President Donald Trump. America First [Electronic resource]. URL: https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-4910307,00.html (access date: 08/10/2021)
5. Issers O.S. Speech influence. M.: Flinta: Nauka, 2011. 224 p.
6. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. M.: Eksmo, 2000. 864 p.
7. Karasik V.I. Address specialization in public political discourse. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2018. No. 1. P. 32 – 49.
8. Mikhaleva O.L. Political discourse. Specifics of manipulative influence. M.: Librocom, 2009. 256 p.
9. Baranov A.N., Mikhailova O.V., Satarov G.A., Shipova E.A. Political discourse: methods of analysis of thematic structure and metaphors. M.: INDEM Foundation, 2004. 94 p.
10. Shapochkin D.V. Political discourse: cognitive aspect: monograph. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2012. 260 p.
11. Sheigal E.I. Structure and boundaries of political discourse. Philology – Philologica. Krasnodar: Kuban State Publishing House. University, 1998. Issue. 14. P. 22 – 29.
12. Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the Presidency. Presidential Studies Quarterly. Priorities and Strategies in Foreign Policy: 1985-1989Spring, 1985. Vol. 15. No. 2. P. 394 – 411.
13. Inaugural Address by President Joseph R. Biden Jr. The White House. January 20, 2021 [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/ (accessed: 08/11/2021)
14. Lakoff G. Categories and Cognitive Models. Cognitive Science Report. Berkeley: University of California, 1982. No. 2. P. 203 – 212.
15. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition. Topics in Cognitive Linguistics. ed. by B. Rudzka-Austin. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1988. P. 162 – 205.

Информация об авторе

Демкина Я.Ю., кандидат филологических наук, ORCID 0000-0002-8892-5328, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ленина, yanademkina@mail.ru

© Демкина Я.Ю., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.367.624
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-185-191

Темпоральные наречия в языковых конструкциях как объект лингвистического исследования

[1] **Назаров А.Л.**

[1] Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

***Аннотация**:* время представляет интерес в аспекте когнитивных процессов, нашедших отражение в семантике в том числе адъективных единиц языках, участвующих в концептуализации мира. Данная работа посвящена анализу степени изученности наречий, выражающих временные характеристики в контексте русского языкознания. Исследование рассматривает историю вопроса. В работе изучаются методики и подходы к описанию временных индикаторов, прослеживаются ключевые этапы и направления развития концепции времени в лингвистике, выявляется особенность классификации и восприятия времени, а также анализируются способы репрезентации времени в языке. Авторами рассматриваются и описываются фундаментальные свойства времени, которые отражаются в значениях наречий. Объектом исследования являются наречия времени. Отмечается, что они занимают центральное место в изучаемом лексико-семантическом поле, так как выступают как конкретными временными индикаторами, так и используются для сопоставления действий и событий на временной оси относительно друг друга или других точек отсчета. Актуальность работы заключается в систематизации результатов исследований, касающихся наречий времени, а также в описании функций наречия времени «мгновенно» с целью семантико-прагматического описания выбранного слова в его современном виде, раскрывающие свойства исключительности наречия.
Ключевые слова: модели времени, наречия времени, темпоральные признаки, темпоральность, язык, семантика

Для цитирования: Назаров А.Л. Темпоральные наречия в языковых конструкциях как объект лингвистического исследования // Современный ученый. 2024. № 5. С. 185 – 191. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-185-191

Поступила в редакцию: 11 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Temporal adverbs in linguistic constructions as an object of linguistic research

[1] **Nazarov A.L.**

[1] Buryat State University named after Dorji Banzarov

Abstract: time is of interest in the aspect of cognitive processes, reflected in semantics, including adjective units of languages involved in the conceptualization of the world. This work is devoted to the analysis of the degree of study of adverbs expressing temporal characteristics in the context of Russian linguistics. The study examines the background of the issue. The paper examines methods and approaches to the description of time indicators, traces the key stages and directions of the development of the concept of time in linguistics, identifies the peculiarity of the classification and perception of time, and analyzes the ways of representing time in language. The authors con-

sider and describe the fundamental properties of time, which are reflected in the meanings of adverbs. The object of the study is the adverbs of time. It is noted that they occupy a central place in the studied lexico-semantic field, as they act as specific time indicators, and are used to compare actions and events on the time axis relative to each other or other reference points. The relevance of the work lies in the systematization of the results of research concerning the adverbs of time, as well as in the description of the functions of the adverb of time «instantly» in order to semantically and pragmatically describe the selected word in its modern form, revealing the properties of the exclusivity of the adverb.
Keywords: models of time, adverbs of time, temporal features, temporality, language, semantics

For citation: Nazarov A.L. Temporal adverbs in linguistic constructions as an object of linguistic research. Modern Scientist. 2024. 5. P. 185 – 191. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-185-191

The article was submitted: April 11, 2024; Approved after reviewing: June 14, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Время – это фундаментальный аспект человеческого опыта, который находит свое объективацию в языке и определяет способы его осмысления. Время представляет интерес в аспекте когнитивных процессов, нашедших отражение в семантике в том числе адъективных единиц языках, участвующих в концептуализации мира. Интерес к пространству и времени как лингвофилософской категории особенно интенсивно развивается в последнее время, значительными работами в лингвистической области стали научные труды Л.Н. Михеевой, Н.Д. Арутюновой, В.А. Плунгяна, Е.С. Яковлевой, Н.И. Толстой, А.В. Бондарко, послужившие методологической основой данного исследования.

Материалы и методы исследований

Объектом нашего исследования являются наречия, реализующие краткосрочность временных промежутков в современном русском языке языке, что не являлось предметом монографического исследования как с содержательной стороны, так и формальной. Это и обусловило актуальность исследования. Предметом изучения в настоящей работе выбрана проблема степени изученности краткосрочных временных наречий в конструкциях русского языка, их прагматические и семантические функции.

Изучение концепции времени открыло множество теоретических перспектив как в естественных, так и в социальных науках. Это исследование дало толчок развитию различных интерпретаций времени в области гуманитарных наук, включая, среди прочего, такие аспекты, как биологическое, физиологическое, геологическое, психологическое, социальное, мифологическое и художественное время.

Результаты и обсуждения

Время в языке

Прежде чем приступить к анализу краткосрочных временных наречий, как объекта исследовательского интереса в рамках конструкций русского языка, мы рассмотрим существующие модели времени и свойства времени в языке, описанные в современной лингвистической научной парадигме.

Известные ученые, такие как Г. Райхенбах, утверждали, что время охватывает более широкий спектр явлений, на которые влияет индивидуальная интерпретация, восприятие и суждение о времени. В рамках концепции Г. Райхенбаха время основано на трех ключевых элементах временного континуума: момент речи, момент события и относительный момент [11, с. 396]. Кроме того, М.Ф. Мурьянов представляет идею о том, что реальное время с его множеством форм находит свою субъективную интерпретацию через язык и человеческое сознание, предлагая лингвистическое зеркало нашему коллективному пониманию времени, от упрощенного до научно сложного [9, с. 52-66]. Можно согласиться с этим автором в том, что время неразрывно связано с взаимодействием между действительностью, человеческими усилиями и языком, тем самым облегчая субъективную реконструкцию объективного мира в нашем сознании. Представление о времени осуществляется с помощью грамматических и лексических средств, включая синтаксические паттерны, времена глаголов, временные морфемы и другие лингвистические элементы, связанные со временем.

В лингвистических исследованиях термин «темпоральность» часто обозначает взаимосвязанные объективные и субъективные атрибуты времени в рамках языковых структур. Ученые Н.А. Потаенко и Н.Н. Маковский выделяют два аспекта взаимосвязи времени и языка: внешнее влияние

времени на язык и неотъемлемое присутствие времени в структуре самого языка [5, с. 3-12].

А.В. Бондарко определял темпоральность как функционально-семантическую категорию, охватывающую разные языковые средства определения времени, включая лексические индикаторы времени, синтаксические структуры определенных типов предложений и элементами контекста.

Труды А.В. Бондарко исследуют последовательную и параллельную природу времени, изучая такие взаимосвязи, как последовательность и одновременность. соотносятся с конкретным моментом времени выступающего [3]. А.В. Бондарко раскрывает функциональное временное измерение в языке, различая абсолютную и относительную ориентацию времени, зависящую от наличия или отсутствия дейктических временных рамок.

Важным аспектом для изучения темпоральности в языке наречий, стало рассмотрение фактора времени при применении этих наречий в различных языковых ситуациях. По утверждению Н.Д. Арутюновой, существует два свойства времени – линейность (невозможность ветвления) и однонаправленность (необратимость), формирующих внутреннюю организацию языка. Н.Д. Арутюнова считает, что языки располагают специальными «словами времени», обладающими темпоральными компонентами, формирующих язык в рамках описания действительности и актуального времени, а также описывающие действительность в статике, рассматривая конкретные временные промежутки [1].

В отношении концепта времени, обладающий абстрактной природой и не имеющей четкой структурой, важным становится изучение когнитивных механизмов создания четкой профилированной структуры, включающей в себя модели концептуализации времени и ее выражения в речи.

Е.С. Яковлева в своей работе, исследующей время как мировоззренческий аспект, подразделяет его на три различные модели: обычное повседневное время (измеряемое минутами и секундами), экстраординарное время (охватывающее мгновения) и рациональную аналитическую концепцию времени. Она также предполагает, что краткие временные конструкции передают глубинное эмоциональное значение языка [19, с. 73].

Школа этнолингвистики, представленная такими учеными, как Н.И. Толстой и С.М. Толстой, а также в исторических, этнографических и культурологических исследованиях, выявляет специфические для культуры формы восприятия времени, к которым относятся:

- аграрное время, которое направляет экономическую деятельность в гармонии с циклами природы;
- литургическое время, основанное на религиозных обрядах, ритуалах и церковном расписании;
- эпическое время, которое объединяет отдельные жизненные события в более широкое повествование о семейном, племенном или этническом происхождении, отмечая смену поколений [14, с. 448-452].

Н.И. Толстой определял витальную функцию времени в языке, когда исторически сложилась ситуация, в которой общественная жизнь протекала вне определенной хронометрии. Это привело к концептуализации индивидуального быта отдельного человека через решение собственных насущных задач, определяющих выживание конкретных социальных групп [15 с. 17-27].

Л.Н. Михеева утверждает, что универсальная лингвистическая картина мира основана на циклической модели времени, основанной на осязаемых, знаковых мыслительных процессах, природных ритмах и отражениях древних и аграрных систем верований, которые пронизывают язык.

Исследования Л.Н. Михеевой показывают, что в оценочной лексике народов России исторически проявляются различные аспекты временных представлений [8]:

- Циклическое и направленное восприятие времени («солнышко на закате», «время улетает», «время за нами», «время пред нами»).
- Соотнесение образа времени с образом жизни (время и рождение, срок животноводства).
- Представление о времени как о силе, порой даже благоприятной («силовое время»), то зловещей, но прежде всего - всегда движущейся, переменчивой.

Н.А. Дарбанова подчеркивает сложную парадигму современных исследований времени в лингвистике, охватывающую теории из разных областей науки и гуманитарных наук, подкрепленную достижениями в области теоретической и экспериментальной физики [5]. Сегодня на научной арене наблюдаются два поляризующих движения: дифференциация знаний и междисциплинарный синтез различных областей. Это расхождение привело к возникновению специализированных областей, таких как хронобиология, хрономедицина, хроноэкология и хронемика, причем последняя сосредоточена на временных элементах человеческих действий и существования. И наоборот, конвергентная тенденция привела к появлению новых междисциплинарных областей, включая синергетику, когнитивную науку, биофизику и геофизику,

где центральной темой исследований является время.

Таким образом, лингвистические представления о времени представляют собой богатую и сложную концепцию, с потенциалом для различных концептуализаций, зависящих от различных культурных и исторических рамок.

Лингвистическое время можно охарактеризовать как многослойную и сложную конструкцию, в которой проявляются как сложные научные теории, так и простые концептуализации. Многочисленные исследования времени, проводимые лингвистическими экспертами, направлены на то, чтобы раскрыть его разнообразный и сложный характер. Следовательно, предлагается целостная, междисциплинарная и многоуровневая методология исследования лингвистического времени, поскольку такой подход помогает составить более полное представление о его сущности.

Эксперты-лингвисты часто обсуждают различные аспекты времени в своей области. Например, особое внимание заслуживает точка зрения З. Ю. Тураевой. Она утверждает, что «грамматическое время охватывает различные аспекты времени» [16]. При анализе грамматических категорий, относящихся ко времени, важно учитывать множество факторов. Разнообразие временных характеристик включает повторяющиеся паттерны, включая ритм, растяжение и сжатие, динамику ускорения и замедления, а также паттерны движения и покоя. Понятия «линейность» и «пространственность» переплетаются с понятиями «обратимости» и «необратимости необратимого времени». Время в реальном мире характеризуется необратимой поступательной траекторией, протекающей из прошлого в будущее.

В отличие от тех, кто рассматривает время как линейный, односторонний вектор, З.Я. Тураева отметила, что в сфере нарративного времени нарушение хронологического порядка и потока событий служит распространенным методом структурирования повествования. З.Я. Тураева также выделяет «обратимое» свойство грамматического времени. Понятие обратимости тесно связано с временной организацией событий. При изучении различных грамматических конструкций, особенно тех, которые касаются действий, ученые часто сталкиваются с понятием обратимости. Временная организация требует размещения событий в последовательном массиве, который, в свою очередь, определяет приоритет и последующие отношения между событиями.

Комментарий В.Н. Мигирина дает ценную информацию для будущих исследований, отмечая, что последовательность событий очевидна не только в отношении речевых актов, но и в их взаимосвязях, поскольку одно событие может быть установлено в качестве точки отсчета [7, с. 237].

На наш взгляд, концепция времени в языке проявляется во множестве различных способов, отражаясь в нашем сознании. Лингвистическая концепция времени представляет собой лингвистическое отражение комплекса знаний о времени, которые накоплены человечеством. Эта концепция подчеркивает сложное взаимодействие между экзистенциальной реальностью, человеческими устремлениями и языковой сферой, которые участвуют в субъективной интерпретации объективного мира в сознании отдельных людей.

Временное выражение в языке проявляется как в грамматическом, так и в лексическом измерениях, используя синтаксические структуры, формы времени глагола, временные морфемы, словарный запас, связанный со временем, и многое другое. Присутствие времени также проявляется в одностороннем течении речи, темпе обмена репликами и продолжительности звуков.

Темпоральное наречие «мгновенно»

Один из интересных аспектов изучения времени в языке – анализ скоротечных временных наречий, таких как «мгновенно» имеющих сходные лексические свойства. Наречие несет в себе функцию индикации короткого временного промежутка посредством языка. Однако, как отмечает Е.С. Яковлева, они также имеют дополнительные, коннотативные значения, связанные с особым восприятием этих временных отрезков носителями языка [19, с. 73-89]

Анализ трёх моделей времени по Е.С. Яковлевой, привел к тому, что темпоральные наречия могут нести за собой эмоциональную состовляющую. Более того, одна из описанных ею моделей времени, а именно, «исключительное время», включает в себя производную лексему «миг» от наречия «мгновенно». Следовательно, наречие «мгновенно» может включать в себя не только дейктическую единицу, обозначающую тот или иной промежуток, но и нести в себе иные коннотативные значения, связанные с важностью конкретного момента, его исключительностью в жизни применяющего данную лексему в своих языковых конструкциях [19, с. 73-89].

Однако в недавних исследованиях богатый семантический, синтаксический, коммуникативный и текстовый потенциал термина «мгновенно» не был всесторонне изучен или задокументирован, особенно в области лексикографии. Одним из факторов, способствующих этому, является наблюдаемая дисперсия и вариативность морфологических признаков в русских наречиях.

Е.В. Падучева предполагает, что оценка роли темпоральных лексем открывает путь к установлению новых лексикографических критериев отбора, которые ранее не применялись, принимая во внимание не только значение, но и нюансы употребления, включая текстовый контекст, синтаксическую емкость, различные контекстуальные приложения и коммуникативные роли. Там же отмечается, что момент использования наречий в языке всегда является интервалом, а не точкой. Тем не менее, автор делает интересное исключение, определяя концепцию «точечного момента» - иначе, моментального, сверхкраткий момент. Эта теория вновь подтверждает исключительность момента при применении темпорального наречия «мгновенно», его свойство быть индикатором перемен внутри конкретной ситуации [11].

Согласно Н.Д. Арутюновой темпоральные наречия обладают формальным свойством времени и позволяет человеку при помощи речи, определить «точку присутствия» и точку движения, «бегущую точку» [2].

В.А. Плунгян утверждал, что применение темпоральных наречий, позволяют определить контекст в конкретной языковой ситуации. Идея времени как «вместилища событий», являющейся отрезком другого абстрактного отрезка, включающего в себя цепь сопутствующих действий [12, с. 158-169].

Подчеркивая абстрактный характер слова «мгновенно», Е.А. Ухналева отмечает, что чрезвычайно короткие периоды времени не имеют объективных показателей длительности, но, тем не менее, сопоставимы с короткими интервалами, такими как одна секунда. Таким образом, временные наречия относятся к субъективным измерениям времени. Чтобы проиллюстрировать это, Е.А. Ухналева ссылается на историческое употребление слова «миг» в русском языке, которое когда-то было показателем краткости, эквивалентным времени, затрачиваемому на моргание. Она утверждает, что лексемы, основанные на длительности, нельзя рассматривать как эфемерные термины. Субъективная природа времени и языка становится очевидной в таких выражениях, как «Жизнь – это момент между прошлым и будущим», где «момент» в лингвистическом творчестве может распространяться на существенные жизненные события [16]. Из этого мы делаем вывод, что наречие «мгновенно» происходит от слова «момент», которое не имеет фиксированной временной границы и может означать промежуток времени, превышающий одну секунду или мгновение мигания.

К.Б. Васильева и И.И. Шутова утверждают, что термины «миг» и «мгновения» относятся к лексической и фразеологической области концепта «время», выделяя конкретные промежутки времени и дополняя понятие «время» новыми интерпретациями. Эти термины углубляют наше понимание фундаментальных особенностей всеобъемлющего понятия, передаваемого словом «время» [4]. Более того, Е.Г. Штырлина утверждает, что лексемы «миг» и «мгновение» в лексемах могут обозначать как быстрое течение времени, так и возникновение значительных личностных изменений в течение короткого промежутка времени [18].

Темпоральность в конструкциях языка – относительно малоизученная область рассмотрения самостоятельных частей речи. В современной парадигме теоретического и методологического осмысления существует множество нерешенных научных проблем, размытость категориальных определений и недостаточное понимание механизма функционирования семантических категорий. Вопрос о семантической неоднородности такого большого класса слов, как лексемы образа времени, занимает не последнее место в общей лингвистической теории.

Выводы

Таким образом, изучение специализированной литературы позволило нам выделить ключевые характеристики времени, которые отражаются в значении наречий. Среди них – исключительность, цикличность, линейность, необратимость, непрерывность, однонаправленность и другие. Исследования показали, что лексема «мгновенно», обозначает внезапность и скорость исключительного события в момент речи. Тем не менее анализ не охватил все нюансы временного значения «мгновенно», включая объективируемые смыслы и когнитивные особенности, которые демонстрируют специфику семантики в обыденном сознании носителей языка и позиционирование «мгновенно» на временной оси. Необходимо продолжить изучение лексической и синтаксической неоднозначности данного наречия.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры. Логический анализ языка: язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51 – 60.
2. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Издательство «Индрик», 1997. 352 с.
3. Бондарко А.В. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 260 с.

4. Васильева К.Б., Шутова И.И. Обозначения кратковременности в русском и французском языках // Проблемы изучения и преподавания иностранных языков: сб. материалов науч.-практ. конф. «Иностранные языки и мировая культура» (11-15 апр. 2005 г.). Пермь: Перм. ун-т, 2005. 128 с.

5. Дарбанова Н.А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность // Вестник БГУ. 2010. № 10. 6 с.

6. Маковский М.М. Понятие лингвистического времени // Иностранные языки в школе. 1976. № 6. С. 3 – 12.

7. Мигирин В.Н. Язык как система категории отображения. Кишинев: Штиинца, 1973. 237 с.

8. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 150 с.

9. Михеева Л.Н. Языковое время как лингвокультурологическая категория // Русский язык за рубежом. 2003. № 3. С. 55 – 60.

10. Мурьянов М.Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 52 – 66.

11. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2011. 480 с.

12. Плунгян В.А. Время и времена. К вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 158 – 169.

13. Рейхенбах Г. Направление времени. М.: Иностранная литература, 1962. 396 с.

14. Толстая С.М. Время. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Междунар. Отношения, 1995. Т. 1. С. 448 – 452.

15. Толстой Н.И. Времени магический круг (по представлениям славян). М.: Индрик, 1997. С. 17 – 27.

16. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и художественное. М.: Высшая школа, 1979. 218 с.

17. Ухналёва Е.А. Семантические особенности темпоральной лексики со значением кратковременности (на материале английского, французского и русского языков) // Вестник ТГПУ. 2017. № 3 (180).

18. Штырлина Е.Г. Обозначения кратковременности в поэтическом языке И. Бродского // Вестник ОмГУ. 2012. №1 (63).

19. Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 73 – 89.

References

1. Arutyunova N.D. Time: models and metaphors. Logical analysis of language: language and time. M.: Indrik, 1997. P. 51 – 60.

2. Arutyunova N.D. Logical analysis of language. Language and time. M.: Publishing house "Indrik", 1997. 352 p.

3. Bondarko A.V. Temporality. Modality. L.: Nauka, 1990. 260 p.

4. Vasilyeva K.B., Shutova I.I. Designations of short duration in Russian and French. Problems of studying and teaching foreign languages: collection of articles. scientific and practical materials conf. “Foreign languages and world culture” (April 11-15, 2005). Perm: Perm. univ., 2005. 128 p.

5. Darbanova N.A. Time in linguistic research: prehistory and modernity. Bulletin of BSU. 2010. No. 10. 6 p.

6. Makovsky M.M. The concept of linguistic time. Foreign languages at school. 1976. No. 6. P. 3 – 12.

7. Migirin V.N. Language as a system of category display. Chisinau: Shtiintsa, 1973. 237 p.

8. Mikheeva L.N. Time in the Russian language picture of the world: linguoculturological: abstract. dis. ... Dr. Philol. Sci. M., 2004. 150 p.

9. Mikheeva L.N. Language time as a linguocultural category. Russian language abroad. 2003. No. 3. P. 55 – 60.

10. Muryanov M.F. Time (concept and word). Questions of linguistics. 1978. No. 2. P. 52 – 66.

11. Paducheva E.V. Semantic studies: Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative. M.: Languages of Slavic Culture, 2011. 480 p.

12. Plungyan V.A. Time and times. On the question of the category of number. Logical analysis of language. Language and time. M., 1997. P. 158 – 169.

13. Reichenbach G. Direction of time. M.: Foreign literature, 1962. 396 p.

14. Tolstaya S.M. Time. Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes. M.: Intern. Relations, 1995. Vol. 1. P. 448 – 452.

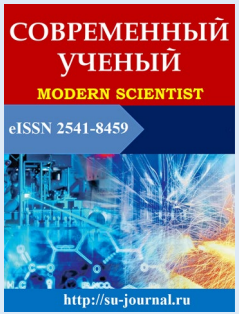
15. Tolstoy N.I. Time is a magic circle (according to the Slavs). M.: Indrik, 1997. pp. 17 – 27.

16. Turaeva Z.Ya. Time category. Tense is grammatical and artistic. M.: Higher School, 1979. 218 p.
17. Ukhnaleva E.A. Semantic features of temporal vocabulary with the meaning of short duration (based on the material of English, French and Russian languages). Vestnik TSPU. 2017. No. 3 (180).
18. Shtyrlina E.G. Designations of short duration in the poetic language of I. Brodsky. Bulletin of Omsk State University. 2012. No. 1 (63).
19. Yakovleva E.S. A fragment of the Russian language picture of time. Questions of linguistics. 1994. No. 5. P. 73 – 89.

Информация об авторе

Назаров А.Л., аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

© Назаров А.Л., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-2
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-192-196

Языковая политика и многоязычие

[1] Резникова Л.В., [1] Погребисская А.Л.

[1] Московский авиационный институт

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию языковой политики и многоязычия, с особым вниманием к их историческому развитию, современным моделям и влиянию процессов глобализации. В условиях глобализации и интенсификации миграционных потоков вопросы управления языковым разнообразием приобретают особую значимость, оказывая влияние на социальную интеграцию, национальную идентичность и образовательные системы.
Исследование основано на анализе исторических документов, нормативных актов, научной литературы, а также на полевых данных, включая интервью и опросы. В рамках исследования проведен сравнительный анализ языковых политик различных стран, таких как Швейцария, Канада, Испания и Финляндия, что позволило выявить общие тенденции и уникальные особенности в подходах к поддержке языкового многообразия.
Результаты исследования показывают, что успешные модели языковой политики включают официальное признание многоязычия, поддержку языков меньшинств и интеграцию многоязычного образования. В то же время, глобализация и технологические изменения оказывают двойственное влияние на языковую политику: с одной стороны, они способствуют распространению доминирующих языков, с другой - предоставляют новые возможности для сохранения и изучения редких языков.
Особое внимание уделено образовательным стратегиям, направленным на поддержку многоязычия, и правовым аспектам регулирования языкового использования. Исследование подчеркивает необходимость комплексного подхода к разработке и реализации языковой политики, учитывающего исторический контекст, социальные и политические особенности, а также вызовы и возможности цифровой эпохи.
Полученные результаты и предложенные рекомендации могут быть полезны для разработчиков языковой политики, исследователей и практиков в области образования, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами языкового разнообразия и культурного наследия.
Ключевые слова: языковая политика, многоязычие, историческое развитие, сравнительный анализ, глобализация, языки меньшинств, социальная интеграция, национальная идентичность

Для цитирования: Резникова Л.В., Погребисская А.Л. Языковая политика и многоязычие // Современный ученый. 2024. № 5. С. 192 – 196. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-192-196

Поступила в редакцию: 11 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Language policy and multilinguality

[1] Reznikova L.V., [1] Pogrebisskaya A.L.

[1] *Moscow Aviation Institute*

Abstract: this article explores language policy and multilingualism, with a particular focus on their historical development, contemporary models, and the impact of globalization processes. In the context of globalization and increased migration flows, managing linguistic diversity has become crucial, influencing social integration, national identity, and educational systems.
The research is based on the analysis of historical documents, legal acts, scientific literature, and field data, including interviews and surveys. A comparative analysis of language policies in various countries, such as Switzerland, Canada, Spain, and Finland, was conducted, revealing common trends and unique features in approaches to supporting linguistic diversity.
The results of the study show that successful language policy models include the official recognition of multilingualism, support for minority languages, and the integration of multilingual education. At the same time, globalization and technological changes have a dual impact on language policy: they promote the spread of dominant languages while providing new opportunities for the preservation and learning of rare languages.
Special attention is given to educational strategies aimed at supporting multilingualism and the legal aspects of language use regulation. The study emphasizes the need for a comprehensive approach to developing and implementing language policy, considering historical context, social and political characteristics, as well as the challenges and opportunities of the digital age.
The findings and proposed recommendations can be useful for policymakers, researchers, and practitioners in the field of education, as well as for a wide audience interested in issues of linguistic diversity and cultural heritage.
Keywords: language policy, multilingualism, historical development, comparative analysis, globalization, minority languages, social integration, national identity

For citation: Reznikova L.V., Pogrebisskaya A.L. Language policy and multilinguality. Modern Scientist. 2024. 5. P. 192 – 196. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-192-196

The article was submitted: April 11, 2024; Approved after reviewing: June 14, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В современном мире, характеризующемся глобализацией и интенсивной миграцией, вопросы языковой политики и многоязычия приобретают особую актуальность. Языковая политика является важным инструментом управления культурным и языковым многообразием, влияющим на социальную интеграцию, национальную идентичность и образовательные системы [1, с. 8]. По мнению ученых, такая политика охватывает широкий спектр мер и стратегий, направленных на регулирование использования языков в различных сферах общественной жизни, включая государственное управление, образование, средства массовой информации и межкультурные коммуникации [3, с. 213].

Многоязычие, в свою очередь, представляет собой не только лингвистическое явление, но и социальный феномен, отражающий историческое развитие общества, его культурное богатство и политическую структуру. По мнению А.В. Вартанова и А.Ю. Багияна, оно может проявляться как в индивидуальном владении несколькими языками, так и в существовании различных языковых сообществ в рамках одного государства [5, с. 22]. Взаимодействие языковой политики и многоязычия является сложным и многогранным процессом, требующим учета множества факторов и баланса интересов различных групп [9, с. 127].

Исторически сложившиеся языковые политики и современные модели управления языковым многообразием предоставляют богатый материал для анализа. Важно понимать, как различные государства подходят к вопросам официального признания языков, защиты языков меньшинств и продвижения многоязычного образования [8, с. 136]. Успешные примеры и ошибки в реализации языковых политик могут служить ценными уроками для других стран, стремящихся поддерживать языковое многообразие и обеспечивать права своих граждан на использование родного языка –

ученые рассматривают такие концепции и методологии [2, с. 34].

Настоящая статья направлена на исследование ключевых аспектов языковой политики и многоязычия, их исторического развития, современных подходов и вызовов, а также на анализ влияния технологий и процессов глобализации на языковое разнообразие. Особое внимание уделяется образовательным стратегиям, направленным на поддержку многоязычия, и правовым аспектам регулирования языкового использования.

Таким образом, цель данного исследования заключается в выявлении эффективных моделей языковой политики, способствующих гармоничному сосуществованию различных языковых сообществ и поддержанию культурного многообразия в условиях глобализации мира.

Материалы и методы исследований

Для исследования языковой политики различных стран проводится анализ официальных документов, законов и нормативных актов, регулирующих использование языков. В числе основных источников:

- Конституции и законодательные акты стран [7, с. 16].
- Международные соглашения и конвенции (например, Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств) [14, с. 424].
- Государственные программы и стратегии, направленные на поддержку языков меньшинств и развитие многоязычного образования [4, с. 99].

Применен метод сравнительного анализа для изучения языковых политик разных стран и регионов. Основные критерии сравнения включают:

- Официальные языки и статус языков меньшинств.
- Образовательные модели и программы билингвального обучения.
- Политические и социальные аспекты реализации языковой политики.

В лингвистике выделяют три аспекта языковой политики: статусное планирование (определение статуса языка), корпусное планирование (разработка и стандартизация языковых форм) и приобретательное планирование (продвижение изучения и использования языка). Такие исследования акцентирует внимание на роли языковой политики в социальных изменениях и эволюции языковых сообществ.

Некоторые ученые, например Харченко Н.Л., предлагают комплексную модель языковой политики, включающую языковые идеологии, практики и управление. Их научные труды подчеркивают важность взаимосвязи между языковыми идеологиями (убеждения и установки по отношению к языкам) и практиками (реальное использование языков в обществе) [11, с. 204].

В исследованиях некоторых групп ученых рассматривается взаимосвязь между языком и обществом, анализируя, как социальные факторы (класс, возраст, пол) влияют на языковую вариативность. Такие факторы закладывают основы количественной социолингвистики, которая исследует языковые изменения и вариации с использованием статистических методов [5, с. 24].

Вводится концепцию «этнографии коммуникации», которая исследует, как языковые практики связаны с культурными нормами и социальными структурами. Такой подход подчеркивает важность контекстуального анализа языковых взаимодействий.

Также язык анализируется как инструмент социальной власти и символического капитала и как языковая политика и практики влияют на социальное неравенство и воспроизводство власти [11, с. 205].

Учеными-лингвистами рассматривается взаимосвязь между языковой политикой и социолингвистикой, утверждая, что успешная языковая политика должна основываться на глубоком понимании социальных и лингвистических реалий. Их работы подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода, включающего как политические, так и социолингвистические аспекты [12, с. 3].

Теоретические работы по языковой политике и социолингвистике предоставляют богатую базу для понимания сложных взаимодействий между языком, обществом и политикой. Эти теории и модели помогают анализировать и разрабатывать эффективные стратегии для управления языковым разнообразием, поддержания языков меньшинств и обеспечения языковой справедливости в процессе глобализации мира.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа исторического развития языковой политики выявлено, что большинство государств проходят через несколько этапов формирования своей языковой политики. Первый – этап консолидации. Многие страны сначала стремятся к лингвистической унификации для усиления национального единства (например, Франция в XIX веке). Второй – этап признания многоязычия. В дальнейшем, под давлением международных организаций и внутренней политической ситуации, многие страны признают и начинают поддерживать языки меньшинств (например, политика Канады по поддержке французского языка). Третий – современные подходы. В последние де-

сятилетия наблюдается рост интереса к сохранению языков коренных народов и интеграции многоязычия в образовательные системы (например, маорийский язык в Новой Зеландии) [6, с. 1474].

Технологии и глобализация играют двойственную роль в вопросах языковой политики и многоязычия. Цифровые платформы и онлайн-ресурсы способствуют изучению и сохранению языков, включая редкие и вымирающие (например, мобильные приложения для изучения языков). Глобализация усиливает доминирование некоторых языков, таких как английский, что может привести к маргинализации меньшинств и утрате языков [13, с. 23].

Образовательные стратегии, направленные на поддержку многоязычия, показывают различную степень эффективности. В странах, таких как Канада и Финляндия, программы билингвального образования демонстрируют высокие результаты в достижении как языковой, так и академической успеваемости. В некоторых странах наблюдаются проблемы с реализацией программ, где языки меньшинств получают ограниченное время и ресурсы, что снижает их эффективность (например, программы в некоторых частях США для испаноязычных студентов) [10, с. 67].

Социальные и политические аспекты реализации языковой политики варьируются в зависимости от контекста. В Новой Зеландии принятие маорийского языка на государственном уровне способствовало возрождению культуры и языка коренного народа. В Бельгии языковые конфликты между фламандским и французским сообществами демонстрируют сложность достижения баланса между различными языковыми группами.

Выводы

Исследование показывает, что эффективная языковая политика должна учитывать исторический контекст, современные вызовы глобализации и технологических изменений, а также социальные и политические особенности конкретного региона. Примеры успешных моделей языковой политики, таких как в Швейцарии и Канаде, могут служить ориентиром для других стран, стремящихся поддерживать языковое разнообразие и обеспечивать права языковых меньшинств.

Развитие технологий и глобализация требуют новых подходов к языковой политике, включая использование цифровых платформ для изучения и сохранения языков. Образовательные стратегии, направленные на поддержку многоязычия, являются ключевым элементом успешной языковой политики и требуют внимательного планирования и достаточных ресурсов.

Будущие исследования могут сосредоточиться на разработке конкретных рекомендаций для отдельных стран с разным уровнем языкового разнообразия, а также на изучении влияния цифровой эпохи на языковое многообразие и его сохранение.

Список источников

1. Артеменко О.И. Полиэтничность России: государственная образовательная и языковая политика // Вестник образования. 2008. № 2. С. 4 – 54.

2. Биткеева А.Н., Вингендер М. Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии // Социолингвистика. 2020. № 1 (1). С. 34 – 53. DOI 10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53

3. Биткеева А.Н. Языковая политика // Социолингвистика. 2021. № 2 (6). С. 213 – 226. DOI 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

4. Борисова Н.В. Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. № 3. С. 99 – 110. DOI 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110

5. Вартанов А.В., Багиян А.Ю. Многоязычная коммуникативная межкультурная компетенция как базовая категория дидактики многоязычия и ее целевая доминанта // Иностранные языки в школе. 2020. № 12. С. 22 – 28.

6. Казакова И.Е. Новозеландское языковое пространство в контексте новых образовательных тенденций // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 5. С. 1474 – 1479. DOI 10.30853/phil20220241

7. Лавицкий А.А. Языковая политика стран СНГ: актуальное состояние и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 16 – 27. DOI 10.29025/2079-6021-2021-4-16-27

8. Могилевич Б.Р., Калинкин А.А. Многоязычие как социокультурный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 136 – 138. DOI 10.18500/1818-9601-2017-17-2-136-138

9. Тишков В.А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127 – 144. DOI 10.17976/jpps/2019.03.08

10. Ушаков Д.А. "Спанглиш" как лингвистический феномен в условиях англо-испанского двуязычия в США // Современное педагогическое образование. 2019. № 6. С. 67 – 69.

11. Харченко Н.Л. Категория фантастического в политическом дискурсе // Инновации и инвестиции. 2014. № 7. С. 204 – 206.

12. Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П. Двуязычие и многоязычие как междисциплинарный феномен: социокультурный контекст, проблемы и перспективы исследования // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 1. № 1 (33). С. 3 – 15. DOI 10.11621/npj.2019.0101

13. Щепилова А.В. Дидактика многоязычия и проблема "доминантного" языка // Иностранные языки в школе. 2007. № 6. С. 23 – 27.

14. Abdullayev I., Begishev I., Limareva Yu. et al. Impact of International Migration on the Internal Security of the State // Migration Letters. 2023. Vol. 20. № S4. P. 424 – 433.

References

1. Artemenko O.I. Multiethnicity of Russia: state educational and language policy. Bulletin of Education. 2008. No. 2. P. 4 – 54.

2. Bitkeeva A.N., Wingender M. Scenarios in Russian language policy: issues of concept and methodology. Sociolinguistics. 2020. No. 1 (1). P. 34 – 53. DOI 10.37892/2713-2951-2020-1-1-34-53

3. Bitkeeva A.N. Language policy. Sociolinguistics. 2021. No. 2 (6). P. 213 – 226. DOI 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

4. Borisova N.V. Language preferential policy and language policy in the ethnic republics of Russia: database presentation. Bulletin of Perm University. Political science. 2019. T. 13. No. 3. P. 99 – 110. DOI 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110

5. Vartanov A.V., Bagiyan A.Yu. Multilingual communicative intercultural competence as a basic category of multilingualism didactics and its target dominant. Foreign languages at school. 2020. No. 12. P. 22 – 28.

6. Kazakova I.E. New Zealand language space in the context of new educational trends. Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. T. 15. No. 5. P. 1474 – 1479. DOI 10.30853/phil20220241

7. Lavitsky A.A. Language policy of the CIS countries: current state and prospects. Current problems of philology and pedagogical linguistics. 2021. No. 4. P. 16 – 27. DOI 10.29025/2079-6021-2021-4-16-27

8. Mogilevich B.R., Kalinkin A.A. Multilingualism as a sociocultural phenomenon. News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science. 2017. T. 17. No. 2. P. 136 – 138. DOI 10.18500/1818-9601-2017-17-2-136-138

9. Tishkov V.A. Language situation and language policy in Russia (revision of categories and practices). Polis. Political studies. 2019. No. 3. P. 127 – 144. DOI 10.17976/jpps/2019.03.08

10. Ushakov D.A. “Spanglish” as a linguistic phenomenon in the conditions of English-Spanish bilingualism in the USA. Modern pedagogical education. 2019. No. 6. P. 67 – 69.

11. Kharchenko N.L. Category of the fantastic in political discourse. Innovations and investments. 2014. No. 7. P. 204 – 206.

12. Shaigerova L.A., Shilko R.S., Zinchenko Yu.P. Bilingualism and multilingualism as an interdisciplinary phenomenon: sociocultural context, problems and research prospects. National psychological journal. 2019. T. 1. No. 1 (33). P. 3 – 15. DOI 10.11621/npj.2019.0101

13. Shchepilova A.V. Didactics of multilingualism and the problem of the “dominant” language. Foreign languages at school. 2007. No. 6. P. 23 – 27.

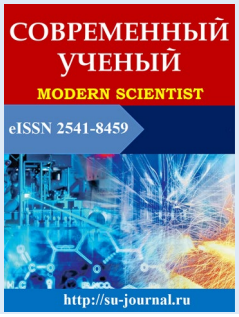
14. Abdullayev I., Begishev I., Limareva Yu. et al. Impact of International Migration on the Internal Security of the State. Migration Letters. 2023. Vol. 20. No. S4. P. 424 – 433.

Информация об авторах

Резникова Л.В., старший преподаватель, Московский авиационный институт, Reznikovalyubov@yandex.ru

Погребисская А.Л., кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт

© Резникова Л.В., Погребисская А.Л., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 659.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-197-201

Применение международной теории связей с общественностью к иностранному брендингу на китайском рынке

[1] **Ву Цюн**

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: исследование посвящено анализу применения международных теорий связей с общественностью (PR) к иностранному брендингу на китайском рынке. Основная цель работы заключается в изучении влияния данных теорий на успех международных брендов в Китае. Исследование основывается на качественном и количественном анализе, включающем кейс-стади успешно адаптированных к китайскому рынку брендов, а также анализе контента и опросах. Особое внимание уделено изучению двусторонней симметричной коммуникации, теории управления отношениями и теории интегрированных маркетинговых коммуникаций. Новизна исследования заключается в глубоком анализе специфики адаптации международных PR-стратегий в культурном и экономическом контексте Китая, где предыдущие исследования были ограничены. Исследование показало, что глубокое понимание культурных особенностей и интеграция международных теорий PR могут значительно повысить эффективность брендинга на китайском рынке.
Ключевые слова: международные связи с общественностью, иностранный брендинг, китайский рынок, Культурная адаптация, кейс-стади, коммуникационные стратегии, теории маркетинговых коммуникаций

Для цитирования: Ву Цюн Применение международной теории связей с общественностью к иностранному брендингу на китайском рынке // Современный ученый. 2024. № 5. С. 197 – 201. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-197-201

Поступила в редакцию: 12 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The application of international public relations theory to foreign branding in the Chinese market

[1] **Wu Qiong**

[1] Lomonosov Moscow State University

Abstract: the study analyzes the application of international public relations (PR) theories to foreign branding in the Chinese market. The main objective of the paper is to examine the impact of these theories on the success of international brands in China. The study is based on qualitative and quantitative analysis involving case studies of brands successfully adapted to the Chinese market, as well as content analysis and surveys. Special attention is paid to the study of two-way symmetric communication, relationship management theory and integrated marketing communication theory. The novelty of the study lies in the in-depth analysis of the specifics of adapting international PR strategies in the cultural and economic context of China, where previous studies have been limited. The

study found that a deep cultural understanding and integration of international PR theories can significantly enhance the effectiveness of branding in the Chinese market.
Keywords: international public relations, foreign branding, Chinese market, cultural adaptation, case studies, communication strategies, theories of marketing communications

For citation: Wu Qiong The application of international public relations theory to foreign branding in the Chinese market. Modern Scientist. 2024. 5. P. 197 – 201. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-197-201

The article was submitted: April 12, 2024; Approved after reviewing: June 12, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Исследование взаимодействия международных теорий связей с общественностью (PR) и глобальным брендингом на протяжении последних десятилетий показывает значительные изменения в стратегиях расширения на новые рынки [8]. Примеры влиятельных кампаний, такие как внедрение западных брендов в Азии, подчеркивают роль PR в преодолении культурных и экономических барьеров. С учетом растущего экономического веса Китая и его уникальной культурной среды, понимание того, как международные PR стратегии адаптируются и применяются для успеха на этом рынке, становится критически важным. Основная цель данного исследования заключается в анализе влияния международных теорий PR на успех иностранных брендов в Китае. Для достижения этой цели исследование будет фокусироваться на следующих задачах: изучение применения ключевых теорий PR иностранными брендами, анализ кейс-стади успешных и неудачных кампаний, и оценка эффективности различных PR стратегий в китайской культурной и экономической среде. Глобализация и экономический рост Китая открывают новые перспективы для иностранных компаний, однако также представляют уникальные вызовы. Интеграция международных PR практик в стратегии брендинга, адаптированные к культурной специфике Китая, может существенно повысить их шансы на успех. Таким образом, исследование актуально, так как оно направлено на разработку эффективных стратегий международного PR для максимизации потенциала иностранных брендов на китайском рынке. Ключевые международные теории PR, такие как двусторонняя симметричная коммуникация и стратегии общественного доверия, успешно применяются для создания и укрепления брендов на международной арене.[1] Однако, несмотря на обширные исследования по применению этих теорий в западных странах, исследования их эффективности в Китае остаются ограниченными. В данном исследовании предпринята попытка восполнить этот пробел путем анализа того, как эти теории могут быть применены для повышения осведомленности и приемлемости иностранных брендов в Китае.

Материалы и методы исследований

Для всестороннего анализа влияния международных теорий связей с общественностью на успех иностранных брендов в Китае, исследование использует как качественные, так и количественные методы. Качественный анализ включает в себя изучение кейс-стади, где будет рассмотрено несколько иностранных брендов, успешно адаптировавших свои PR стратегии к китайскому рынку. Анализ содержания будет использован для оценки сообщений и коммуникаций брендов в социальных сетях и других платформах.Выборка для исследования включает в себя иностранные бренды, которые имеют значительное присутствие на китайском рынке. Критерии отбора включают размер компании, долю рынка в Китае и степень интеграции PR стратегий, адаптированных для китайской аудитории. Основные источники данных включают корпоративные публикации, отчеты о брендах, социальные медиа и отзывы потребителей. Данные будут анализироваться с использованием нескольких методов для обеспечения глубины и точности результатов. Количественные данные, собранные через опросы, будут обработаны с помощью статистического анализа, включая дескриптивную статистику, чтобы оценить взаимосвязи между использованием теорий PR и восприятием бренда потребителями. Качественные данные из кейс-стади будут подвергнуты тематическому анализу для выявления общих тенденций и ключевых инсайтов о стратегиях и тактиках, использованных в PR.

Результаты и обсуждения

Для того чтобы глубже изучить применение международных теорий PR на китайском рынке, для данного исследования были выбраны три основные теории PR: теория двусторонней симметричной коммуникации, теория управления отношениями и теория интегрированной маркетинговой коммуникации (IMC). Теория двунаправленной симметричной связи - Эта теория подчеркивает взаимодействие и диалог между брендом и его целевой аудиторией [5]. Успешные иностранные

бренды на китайском рынке часто используют эту стратегию для формирования имиджа бренда и установления доверия потребителей. Например, бренд Azalea через свои платформы Weibo и WeChat положительно реагирует на запросы и предложения потребителей, давая им почувствовать заботу и уважение со стороны бренда благодаря регулярным обновлениям и обратной связи. Проведя контент-анализ постов бренда в социальных сетях и комментариев пользователей, мы обнаружили, что на долю положительных отзывов приходится 72% от общего числа взаимодействий, что подтверждает эффективность двусторонней симметричной коммуникации в укреплении доверия к бренду. Теория управления взаимоотношениями фокусируется на долгосрочных отношениях с клиентами и формировании лояльности к бренду [4]. Louis Vuitton – всемирно признанный бренд класса люкс, известный своим изысканным мастерством и высококлассной продукцией. Бренд уже давно стремится поддерживать свой уникальный имидж на мировых рынках, включая Китай. В связи с этим Louis Vuitton принял ряд стратегий для поддержания лояльности своей элитной клиентской базы в Китае, включая выпуск ограниченных серий товаров, организацию эксклюзивных мероприятий и повышение качества обслуживания клиентов за счет превосходного сервиса. Благодаря этой стратегии программа лояльности клиентов Louis Vuitton позволила значительно повысить лояльность к бренду и удовлетворенность клиентов. Уникальные мероприятия бренда и высокие стандарты обслуживания клиентов также способствуют повторным покупкам среди целевого рынка.Теория интегрированных маркетинговых коммуникаций IMC подчеркивает использование последовательных сообщений о бренде, передаваемых по нескольким каналам [6]. Apple – ведущий мировой технологический бренд, известный своими инновационными продуктами и эффективными маркетинговыми стратегиями. Apple использует в Китае сильную стратегию интегрированных маркетинговых коммуникаций, чтобы поддерживать постоянство бренда и расширять сферу его влияния. Apple использует многоканальную стратегию для распространения информации о своем бренде в Китае, включая телевизионную рекламу, маркетинг в социальных сетях, офлайн-магазины и связь с местной поп-культурой. Благодаря последовательному и комплексному распространению информации о бренде Apple удалось эффективно повысить его узнаваемость и лояльность покупателей на китайском рынке. Ее маркетинговая стратегия приведет к росту доли рынка, особенно когда выйдут новые продукты.

Для того чтобы глубже понять успешное использование иностранными брендами теории международного PR на китайском рынке, в данной статье подробно анализируется стратегия культурной адаптации Starbucks в Китае. Starbucks – всемирно известный бренд сети кофеен, который постепенно стал частью городской жизни Китая с момента выхода на китайский рынок в 1999 году. Starbucks не только предлагает кофе, но и продвигает свой бренд как образ жизни на местном рынке [3]. Starbucks использует PR-стратегию глубокой культурной интеграции в Китае. Например, Starbucks ввела специальные напитки для традиционных китайских праздников, такие как "Серия китайского Нового года", и включила китайские элементы в декор своих магазинов, например, использование китайских чашек и украшений, а также лунных пирожных во время Праздника середины осени. Благодаря этим стратегиям Starbucks не только укрепил свои культурные связи с китайскими потребителями, но и значительно повысил имидж своего бренда и его признание на рынке. По имеющимся данным, количество магазинов Starbucks в Китае выросло с первого в 1999 году до более чем 6000 к 2022 году [7].

В условиях глобализации успех иностранных брендов на китайском рынке во многом зависит от эффективной PR-стратегии и чуткого понимания культурных различий.[10] Пример Starbucks - типичная успешная модель, в которой бренду удалось расширить свой бизнес во всех уголках Китая благодаря глубокой интеграции в китайскую культуру и запуску продуктов и фестивалей с местными особенностями. Стратегия Starbucks не только усилила культурную связь между брендом и его потребителями, но и значительно увеличила долю рынка и имидж бренда как части городской жизни в Китае. Однако работа иностранных брендов в Китае не обходится без трудностей. Культурные различия – один из самых значительных барьеров, который влияет не только на поведение потребителей, но и на эффективность коммуникации бренда [2]. Например, рекламные или PR-кампании, не отражающие должным образом китайские ценности и ожидания потребителей, могут привести к недовольству или бойкоту со стороны общественности. Кроме того, уникальная правовая и политическая среда Китая создает проблемы для иностранных брендов, особенно в области рекламы и регулирования онлайн.

Эффективные стратегии решения этих проблем включают проведение глубоких исследований рынка, чтобы понять потребности и ожидания местных потребителей. Бренды должны инвестировать в культурно-компетентные исследования,

чтобы убедиться, что их маркетинговая и PR-деятельность соответствует культурным особенностям и ценностям целевых рынков. В то же время наличие команды местных специалистов может помочь брендам лучше понять и отреагировать на специфические потребности и проблемы рынка. Антикризисное управление PR также является ключом к успеху бренда [9]. Брендам необходимо иметь эффективный механизм антикризисного реагирования, чтобы быстро реагировать на возможные негативные события и избегать ущерба для имиджа бренда. Например, заблаговременное выявление потенциальных проблем, связанных с культурными особенностями, и разработка соответствующих стратегий реагирования могут минимизировать ущерб в случае возникновения кризиса. В заключение следует отметить, что для успеха иностранных брендов на китайском рынке необходима комплексная стратегия, включающая в себя глубокое исследование рынка, культурную адаптацию, антикризисное управление и соблюдение правовых норм. Благодаря этим стратегиям бренды могут не только эффективно реагировать на вызовы рынка, но и использовать огромный потенциал китайского рынка для своего глобального роста.

В заключение можно сказать, что пример Starbucks и проблемы, с которыми сталкиваются другие бренды, показывают, что, хотя китайский рынок предлагает большие возможности для бизнеса, ключ к успеху лежит в способности бренда эффективно интегрировать международную теорию PR с уникальной культурной и правовой средой Китая. Брендам необходимо постоянно адаптировать и оптимизировать свои стратегии, чтобы обеспечить долгосрочный успех и устойчивость на китайском рынке.

Выводы

Наше исследование подтвердило, что применение международных теорий связей с общественностью оказывает значительное влияние на успех иностранных брендов на китайском рынке. Основываясь на анализе двусторонней симметричной коммуникации, управления отношениями и интегрированных маркетинговых коммуникаций, было установлено, что такие стратегии укрепляют позиции брендов и способствуют их узнаваемости. Примеры компаний, таких как Starbucks и Apple, иллюстрируют, как тщательная адаптация к культурным особенностям и стратегически продуманная коммуникация могут привести к значительному успеху в конкурентной среде.

На основе наших находок, компаниям, желающим закрепиться на китайском рынке, следует акцентировать внимание на глубоком понимании культурных предпочтений китайских потребителей. Это включает в себя адаптацию маркетинговых и PR-стратегий, разработку программ управления клиентскими отношениями для повышения лояльности и использование интегрированных коммуникаций для обеспечения консистентности брендового сообщения через различные каналы.

Исследование выявило несколько направлений для будущих научных работ, включая детальный анализ взаимосвязей между культурной адаптацией и потребительским поведением, изучение влияния цифровых технологий на PR-стратегии и анализ кризисного управления среди иностранных брендов. Такие исследования помогут глубже понять, как культурные, технологические и регуляторные факторы влияют на международные коммуникации и как их можно использовать для укрепления позиций на глобальных рынках.

Подводя итог, можно утверждать, что стратегический подход к международным связям с общественностью и глубокое понимание культурной специфики китайского рынка необходимы для успешного внедрения иностранных брендов в Китае. Наше исследование предоставляет ценные уроки и рекомендации, которые могут служить основой для формирования эффективных коммуникационных стратегий, способствующих долгосрочному успеху и устойчивому развитию брендов на китайском рынке.

Список источников

1. Виноградова С.М., Мельник Г.С., Панцерев К.А. Медиаориентированный подход в подготовке специалистов по связям с общественностью в сфере международных отношений // Медиаобразование. 2017. № 1. С. 132 – 148.

2. Гареева А.Т., Хворова Е.С. Особенности продвижения продукции на рынки Китая: кросс-культурный аспект // Новая экономика, бизнес и общество. 2020. С. 25 – 32.

3. Коваленко М.В. Современный маркетинг: теория и практика // Современные проблемы науки и образования. 2019. С. 43 – 44.

4. Кущ С.П. Сравнительный анализ основных концепций теории маркетинга взаимоотношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент, 2003. № 4. С. 3 – 25.

5. Линде А. Социально-политический подход Ю. Хабермаса: значение для теории и практики связей с общественностью // Социальная теория и PR. 2024. С. 176.

6. Ляхова Д.С. Развитие Отпределения И Значения Теории Интегрированных Маркетинговых Коммуникаций // Новая Наука: История Становления, Современное Состояние. 2020. С. 122.

7. Пандависа. Количество кофеен Starbucks в континентальной части Китая достигло 6 тыс. 2022. URL: https://dzen.ru/a/YzP89WERknb0RpKV

8. Черенков В.И, Веретено А.А. Бренд и брендинг: вопросы теории и репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. № 18 (2). С. 145 – 174.

9. Шутова Ю.А. Необходимость трансформации антикризисного управления предприятиями в современных условиях // Современный менеджмент: теория и практика. 2022. С. 104 – 110.

10. Liu J. The Secret of Starbucks' Success in the Chinese Coffee Market: Pricing and Marketing Strategies Analysis // 2022 2nd International Conference on Financial Management and Economic Transition (FMET 2022). Atlantis Press. 2022. P. 571 – 577.

References

1. Vinogradova S.M., Melnik G.S., Pantserev K.A. Media-oriented approach to the training of public relations specialists in the field of international relations. Media Education. 2017. No. 1. P. 132 – 148.

2. Gareeva A.T., Khvorova E.S. Features of product promotion to Chinese markets: cross-cultural aspect. New Economy, Business and Society. 2020. P. 25 – 32.

3. Kovalenko M.V. Modern marketing: theory and practice. Modern problems of science and education. 2019. P. 43 – 44.

4. Kushch S.P. Comparative analysis of the main concepts of the theory of relationship marketing. Bulletin of St. Petersburg University. Management, 2003. No. 4. P. 3 – 25.

5. Linde A. Socio-political approach of J. Habermas: significance for the theory and practice of public relations. Social theory and PR. 2024. P. 176.

6. Lyakhova D.S. Development of the Definition and Meaning of the Theory of Integrated Marketing Communications. New Science: History of Formation, Current State. 2020. P. 122.

7. Pandavis. The number of Starbucks coffee shops in mainland China reached 6 thousand 2022. URL: https://dzen.ru/a/YzP89WERknb0RpKV

8. Cherenkov V.I., Vereteno A.A. Brand and branding: issues of theory and representation. Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2019. No. 18 (2). P. 145 – 174.

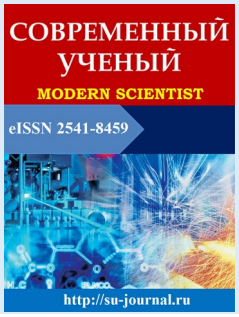
9. Shutova Yu.A. The need to transform anti-crisis management of enterprises in modern conditions. Modern management: theory and practice. 2022. P. 104 – 110.

10. Liu J. The Secret of Starbucks' Success in the Chinese Coffee Market: Pricing and Marketing Strategies Analysis. 2022 2nd International Conference on Financial Management and Economic Transition (FMET 2022). Atlantis Press. 2022. P. 571 – 577.

Информация об авторе

Ву Цюн, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Xuhang980527@163.com, wuqiong123@mail.ru

© Ву Цюн, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81`22
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-202-207

Поэтический знак и его свойства

[1] Пальванова Е.М.

[1] Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие поэтического знака и его свойства. Перечисляются свойства языкового знака, выделенные Ф. Соссюром: двусторонность, безразличие к способу реализации, линейность означающего, произвольность, а также изменчивость и неизменчивость. Выясняется вопрос о том, присущи ли эти свойства также поэтическому знаку. Делается вывод о том, что поэтический знак обладает рядом свойств, характерных для языкового знака, поскольку поэтический знак тесно связан с языком и строится на языковом материале. Так, подобно языковому знаку, поэтический знак обладает двусторонностью (состоит из означающего и означаемого), безразличен к способу реализации (может быть выражен устно, письменно, а также на языке жестов), имеет линейную структуру означающего (означающее вне зависимости от способа реализации линейно развёртывается во времени), а также характеризуется изменчивостью (некоторое количество поэтических знаков, которые называются общепоэтическими, меняются с течением времени по причине их повторяемости) и неизменчивостью (большинство поэтических знаков остаются в неизменном виде благодаря их неповторяемости). Указывается, что, в противоположность языковому знаку, поэтический знак мотивирован (поэтические знаки имеют нечто общее со своим референтом), благодаря чему читатель способен его трактовать. Также указывается, что неотъемлемым свойством поэтического знака, в отличие от языкового знака, является переосмысление, которое придает ему особую выразительность. Делается вывод о том, что выделение свойств поэтического знака может помочь лучше понять его сущность и послужить для дальнейших исследований семиотизации поэтического текста.
Ключевые слова: семиотика, поэзия, языковой знак, поэтический знак, свойства языкового знака, свойства поэтического знака

Для цитирования: Пальванова Е.М. Поэтический знак и его свойства // Современный ученый. 2024. № 5. С. 202 – 207. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-202-207

Поступила в редакцию: 12 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Poetic sign and its characteristics

[1] Palvanova E.M.

[1] Moscow State Linguistic University

Abstract: this article explores the concept of the poetic sign and its characteristics. The characteristics of a linguistic sign named by F. de Saussure are listed: two-sidedness, indifference to the method of implementation, linearity of the signifier, arbitrariness, as well as mutability and immutability. It is investigated whether a poetic sign also possesses these characteristics. It is concluded that a poetic sign shares a number of characteristics with a linguistic sign, since a poetic sign is closely related to language and is based on linguistic material. So, like a linguistic sign, a

poetic sign has two-sidedness (it consists of the signifier and the signified), is indifferent to the method of implementation (can be expressed orally, in writing, as well as in sign language), has a linear structure of the signifier (the signifier, regardless of the method of implementation, linearly unfolds over time), and is characterized by mutability (some poetic signs that are called general poetic signs change over time due to the fact that they are regularly repeated) and immutability (most poetic signs remain unchanged due to the fact that they are never repeated). It is pointed out that, in contrast to a linguistic sign, a poetic sign is motivated (poetic signs have something in common with their referent), so that the reader is able to interpret it. It is also pointed out that an important characteristic of a poetic sign, unlike a linguistic sign, is reinterpretation, which gives it a special expressiveness. It is concluded that a full understanding of the characteristics of a poetic sign can help to better understand its essence and serve for further research on semiotization of a poetic text.
Keywords: semiotics, poetry, language sign, poetic sign, language sign characteristics, poetic sign characteristics

For citation: Palvanova E.M. Poetic sign and its characteristics. Modern Scientist. 2024. 5. P. 202 – 207. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-202-207

The article was submitted: April 12, 2024; Approved after reviewing: June 15, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В XX веке с зарождением семиотики исследователи приступили к изучению семиотической природы художественных произведений, в том числе – поэтических. Ряд выдающихся учёных, таких как Ю.М. Лотман, Р. Барт У. Эко, Ц. Тодоров, А.А. Потебня, Ю.С. Степанов, внесли значительный вклад в развитие этого направления.

Изучение семиотической сущности поэтических произведений продолжается и в наши дни. Однако до сих пор нет единого мнения о том, что представляет собой поэтический знак. Существуют две основные точки зрения на природу этого понятия. Приверженцы первой точки зрения рассматривают в качестве поэтических знаков элементы стихотворной формы [1]. Вторая точка зрения, выдвинутая А.А. Потебней, определяет поэтический знак как поэтический образ, которому ««могут быть даны те же названия, которые приличны образу в слове, именно: знак, символ, из коего берется представление, внутренняя форма» [2, с. 140].

В этой статье мы, следуя концепции А.А. Потебни, понимаем под поэтическим знаком поэтический образ, или, иначе говоря, лексическое образование, для которого характеры смысловое единство и металогический характер. Поэтический знак может состоять из одного или нескольких языковых знаков и представлять собой слово, словосочетание или предложение, значение которого не сводится к сумме значений составляющих его языковых знаков.

Вероятно, благодаря тому, что поэтический знак строится на материале языка и состоит из ряда языковых знаков, поэтический и языковой знаки обладают сходной структурой. Можно сделать вывод о том, что поэтический знак разделяет и некоторые свойства, присущие языковому знаку. Ф. Соссюр среди свойств языкового знака называл следующие: двусторонность, безразличность знака к способу реализации, линейность означающего, произвольность знака, а также изменчивость и неизменчивость [3]. Далее мы более подробно рассмотрим эти свойства языкового знака и проанализируем, характерны ли они для знака поэтического.

Материалы и методы исследований

В статье с помощью сравнительного анализа сопоставляются два понятия: языкового знака (с опорой на работы Ф. Соссюра, Ч.С. Пирса, У. Морриса, С.К. Огдена и И.А. Ричардса) и поэтического знака, описанного в работах А.А. Потебни; выделяются их сходства и различия. Кроме того, рассматриваются свойства языкового знака, выделенное Ф. Соссюром. Далее при помощи метода аналогии и дедуктивного метода выводятся свойства поэтического знака.

Результаты и обсуждения

Ф. Соссюр, один из основоположников семиотики, в качестве ключевого свойства знака выделял двусторонность. Он полагал, что любой знак имеет две стороны: означающее и означаемое. Означающим он называл материальную форму знака, т.е. его звуковую и графическую оболочку, означаемым же – значение знака, т.е. то, на что он указывает [3]. В современной семиотике чаще применяется не билатеральная, а триадическая модель знака, однако эти два взгляда на знак друг другу не противоречат, поскольку элементы, которые включает триадическая модель, также можно разделить на означающее и означаемое.

Так, Ч.С. Пирс в качестве элементов знака выделял репрезентамен (материальную оболочку), интерпретант («эквивалентный знак, или, возмож-

но, более развитый знак», возникающий в сознании реципиента) и основание репрезентамена (ряд значимых признаков объекта, на который знак указывает, достаточный для того, чтобы реципиент понял, о каком объекте идёт речь) [4, с. 48]. У. Моррис также выделял материальную оболочку знака, которой дал название «знаконоситель», а кроме того, интерпретанту («воздействие, благодаря которому участник коммуникации воспринимает знак таковым») и десигнат (класс объектов, к которым может быть применим этот знак) [5, 3]. С.К. Огден и И.А. Ричардс в качестве элементов знака называли символ (т.е. его материальную оболочку), референцию (мысль, которую один участник коммуникации передаёт другому) и референт (объект, на который данный знак указывает) [6]. При этом очевидно, что в каждой из этих моделей знака первый элемент (материальную оболочку знака) можно представить, как означающее, а два других – как означаемое.

Поэтический знак по сравнению с языковым знаком – более сложное, многоплановое образование. Он включает в себя не три элемента, а пять: репрезентамен (графическая и акустическая оболочка), первичный интерпретант (мысленное представление объекта, которое актуализируется набором языковых знаков, входящих в состав поэтического знака), квазиоснование репрезентамена (ряд значимых признаков объекта, на который указывает автологичное словосочетание, омонимичное поэтическому знаку, с помощью которых реципиент воспринимает указание на данный объект), вторичный интерпретант (мысленное представление объекта, которое актуализируется данным поэтическим знаком) и основание репрезентамена (ряд значимых признаков этого объекта).

Точно так же можно разделить на означающее и означаемое элементы поэтического знака. В таком случае роль означающего, как и в языковом знаке, будет играть репрезентамен, а означаемого – основание и квазиоснование репрезентамена, а также первичный и вторичный интерпретанты. При этом важно отметить, что соотношение между означающим и означаемым в языковом знаке и соотношение между означающим и означаемым в поэтическом знаке различаются: в первом случае означающее и означаемое соотносятся как 1:2, а во втором – как 1:4. Если в языковом знаке означаемое включает только два элемента, то в поэтическом знаке оно содержит четыре элемента. Таким образом, означаемое в поэтическом знаке более развёрнуто и многопланово, чем в языковом знаке.

Другое свойство языкового знака, выделенное Ф. Соссюром, – его безразличие к способу реализации. Это означает, что языковой знак может быть реализован как устно, так и письменно, а также в виде жеста (при использовании жестового языка). Это свойство применимо и к поэтическому знаку, так как он строится на материале языка, а значит, поэтический знак можно изобразить графически, произнести вслух, а также воспроизвести на языке жестов. Способ реализации означающего не влияет на означаемое.

Линейность означающего, т.е. его способность развёртываться во времени, является ещё одним важным свойством языкового знака. Ф. Соссюр писал: «Означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени; их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Это их свойство обнаруживается воочию, как только мы переходим к изображению их на письме, заменяя последовательность их во времени пространственным рядом графических знаков» [3, с. 103]. Поэтический знак состоит из языковых знаков, а значит, он также обладает этим свойством. Не имеет значения, реализуется ли поэтический знак устно, письменно или на языке жестов, его означающее всегда развёртывается во времени линейно.

Ф. Соссюр также отмечал произвольность языкового знака, т.е. наличие между знаком и его референтом лишь конвенциональной, ничем не мотивированной, связи. Исследователь писал: «Языковой знак произволен. Так, понятие «сестра» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков s-oe:-r, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков» [3, с. 100-101]. Кроме того, чтобы доказать правильность своего мнения, Ф. Соссюр приводил в пример знаки разных языков, которые, обозначая один и тот же референт, звучат по-разному [3]. Однако Ф. Соссюр также отмечал, что языковому знаку может быть присуща частичная мотивированность в том случае, если он происходит от другого языкового знака, упоминая «совершенно немотивированное berger “пастух” и относительно мотивированное vacher “пастух”, а также такие пары, как geôle “тюрьма” и cachot “темница” (ср. cacher “прятать”), concierge “консьерж” и portier “портье” (ср. porte “дверь”), jadis “некогда” и autrefois “прежде” (ср. autre “другой” + fois “раз”)» [3, с. 164].

В отличие от языкового знака, связь поэтического знака с референтом не является полностью условной: чаще всего поэтические знаки имеют со своим референтом нечто общее. В качестве примера можно назвать такие поэтические знаки, как въезд (обозначает рождение), плавание (жизнь) и закат (смерть героя). Эти и некоторые другие знаки в ряде работ были названы «общепоэтические

образы», а также «ядерные образы-архетипы», поскольку встречаются в литературных произведениях регулярно [7]. Между упомянутыми событиями можно попарно усмотреть аналогию. Когда человек въезжает куда-либо, он попадает в новую среду; точно так же, родившись, он оказывается в совершенно новом мире. Путешествуя по морю или суше, человек перемещается из одного места в другое, выбирая маршрут и спутников. Подобно этому, на протяжении всей жизни человек как бы «проходит путь» от рождения до смерти, постоянно делая выбор, с кем общаться, как действовать и т.д. Общие черты между жизнью и путешествием отражаются не только в поэтических знаках, но и в устойчивых выражениях: «жизненный путь», «спутница жизни» и др. Наконец, закат, как и смерть, указывает на завершённость.

Можно предположить, что мотивированность поэтического знака – это необходимое условие его правильной интерпретации читателем. Поэтические знаки, как правило, изобретаются конкретным автором и используются им не более чем в одном произведении. В качестве исключения можно назвать ядерные образы-архетипы, однако их число невелико. Поэтические знаки отсутствуют в словарях и не имеют дефиниций. Следовательно, читатель может понять, что тот или иной поэтический знак означает, лишь при помощи контекста и ассоциаций.

Как известно, любому психически здоровому человеку присуще ассоциативно-образное мышление – «генетически обусловленный, универсальный механизм целостного восприятия и отражения объектов познания посредством художественных образов, связанных между собой по принципу ассоциирования (соотнесения, сопоставления, уподобления и прочее) и несущих определённую смысловую нагрузку» [8, с. 29]. Ещё Д. Гартли доказал, что в основе ассоциативно-образного мышления находится умение выделять без логического анализа общие признаки объектов [9]. Таким образом, при восприятии поэтического знака читатель, применяя ассоциативно-образное мышление, с опорой на контекст выделяет признаки, присущие как референту поэтического знака, так и референту составляющих этот поэтический знак языковых знаков и, таким образом, понимает мысль автора.

Заслуживает внимания тот факт, что некоторые поэтические знаки обладают не столь очевидной связью с объектом, который обозначают. В определенных случаях установить эту связь невозможно без проведения специального анализа. Тем не менее, даже те поэтические знаки, кажутся несвязанными со своим референтом, как правило, оказываются мотивированными. Например, трудно сразу понять, каким образом связаны со своим референтом два знака, которые А.М. Панченко и И.П. Смирнов называют в числе образов-архетипов: пожар и потоп (указывают на регенерацию мира) [7]. Тем не менее, можно предположить, что первый знак отсылает к Всемирному потопу, следом за которым жизнь на Земле появилась вновь, а второй – к мифу о возрождающейся из пепла птице феникс.

Ю.М. Лотман также отмечал мотивированность поэтических знаков. Он писал, что знаки в художественных языках (включая язык поэзии) не являются условными, как в естественном языке, а имеют изобразительный, иконический характер. Иными словами, им свойственны наглядность и сходство с объектом [10]. Таким образом, можно заключить, что поэтический знак, в противоположность языковому знаку, является непроизвольным, т.е. мотивированным.

Кроме того, Ф. Соссюр отмечал, что языковой знак обладает одновременно изменчивостью и неизменчивостью. Такое противоречие объясняется тем, что, с одной стороны, языковой знак, несмотря на свою произвольность, не может быть изменен по желанию отдельного человека или даже группы людей. Общество вынуждено принимать язык таким, каким он есть. С другой стороны, язык со временем под влиянием различных факторов претерпевает изменения. «Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает на него и другое действие, которое на первый взгляд противоположно первому, а именно: оно с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как о изменчивости языкового знака, так и о неизменчивости его», – утверждал Ф. Соссюр [3, с. 107].

Очевидно, что эти свойства языкового знака в гораздо меньшей степени присущи поэтическому знаку. Языковый знак отличается повторяемостью, что обуславливает его «неизменчивость» в синхронии и «изменчивость» в диахронии. В отличие от языковых знаков, поэтические знаки обычно используются лишь в рамках одного произведения, созданного конкретным автором. Их неповторяемость обуславливает их неизменчивость.

Тем не менее, существуют исключения из данного правила: общепоэтические знаки, о которых мы писали выше (их ещё называют образами-архетипами). А.М. Панченко и И.П. Смирнов утверждают: «в словесном искусстве существует устойчивый набор ядерных образов-архетипов», добавляя, что эти они подвержены трансформации [7, с. 36]. Эта трансформация, «как правило, реа-

лизуется либо в развертывании и обогащении деталями элементов ядерного двучлена, либо в усечении одного из элементов, либо в скрещивании двух (а иногда и более) ядерных образов» [7, с. 36]. Иначе говоря, повторяемость общепоэтических знаков обеспечивает их изменчивость. Таким образом, общепоэтическим знакам, как и языковым, присущи как изменчивость, так и неизменчивость.

Наконец, важное свойство поэтического знака, не присущее знаку языковому – переосмысление. Переосмысление связано с таким свойством поэтического знака, как мотивированность, лежит в самой основе образования поэтического знака и обеспечивает его особую выразительность. Переосмыслению поэтический знак может подвергаться как целиком («шафранное колесо» в значении «солнце») так и частично. Во втором случае лексический состав поэтического знака совмещает прямое и переосмысленное значения («горит костёр рябины красной»). Именно по причине наличия переосмысления невозможно свести значение поэтического знака к сумме значений составляющих его языковых знаков.

Выводы

Итак, поэтический знак близок к языковому знаку, строится на материале языка, и, вероятно, благодаря этому разделяет многие свойства языкового знака. Поэтическому знаку, как и знаку языковому, присущи такие свойства, как двусторонность, безразличие к способу реализации, линейность означающего, а также изменчивость и неизменчивость. Однако в противоположность языковому знаку, который произволен, поэтическому знаку свойственна мотивированность, обеспечивающая понимание знака читателем. Кроме того, неотъемлемым свойством поэтического знака является переосмысление, придающее ему особую выразительность). Представляется, что выделение данных свойств поэтического знака поможет лучше понять его природу, а также может послужить для дальнейших исследований семиотизации поэтического текста.

Список источников

1. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с.
2. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
3. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики: Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера: пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина / Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. 2. изд., стер. М.: УРСС, 2004. 271, [1] с.
4. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков: пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. – СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ: Алетейя, 2000. 349 с.
5. Morris Charles W. Foundations of the theory of signs. In Otto Neurath et al. (eds.). Chicago, Illinois: The University of Chicago Press. International encyclopedia of unified science. 1938. Vol. I. № 2. P. 1 – 59.
6. Ogden C.K., Richards I.A. The meaning of meaning: a study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism, 8th ed. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1946. 363 p.
7. Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1971. Т. 26: Древнерусская литература и русская культура XVIII-XX в.в. С. 33 – 49.
8. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1967. 126 с.
9. Английские материалисты XVIII в.: собрание произведений: в 3 т.: пер. с англ. и латинского / под общ. ред. и с примеч. Б.В. Мееровского. М.: Мысль, 1967-1968. Т. 2. 1967. 405 с.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 385 с.

References

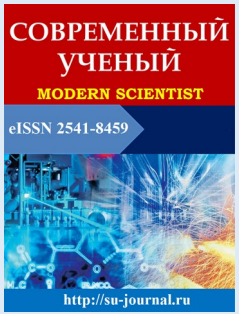
1. Semiotics: Anthology. Comp. Yu.S. Stepanov. 2nd edition, corrected. and add. M.: Academic Project; Ekaterinburg: Business Book, 2001. 702 p.
2. Potebnya A.A. Theoretical poetics. M.: Higher School, 1990. 344 p.
3. Saussure F. Course of General Linguistics: Publ. Sh. Bally and A. Seshe with the participation of A. Riedlinger: trans. from 2nd fr. ed. A.M. Sukhotina. Ed. and with note. R.I. Shore. 2nd edition, reprinted. M.: URSS, 2004. 271, [1] p.
4. Pierce C.S. Logical foundations of the theory of signs: trans. from English V.V. Kiryushchenko and M.V. Kolopotina. – SPb.: Lab. metaphysics. research at philos. fact. SPbSU: Aletheia, 2000. 349 p.
5. Morris Charles W. Foundations of the theory of signs. In Otto Neurath et al. (eds.). Chicago, Illinois: The University of Chicago Press. International encyclopedia of unified science. 1938. Vol. I. № 2. P. 1 – 59.

6. Ogden C.K., Richards I.A. The meaning of meaning: a study of the influence of language upon thought and the science of symbolism, 8th ed. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1946. 363 p.
7. Panchenko A.M., Smirnov I.P. Metaphorical archetypes in Russian medieval literature and poetry of the early 20th century. Transactions of the Department of Old Russian Literature. USSR Academy of Sciences, IRLI (Pushkin House); ed. D.S. Likhachev. L.: Science. Leningrad branch, 1971. T. 26: Old Russian Literature and Russian Culture of the 18th-20th Centuries. P. 33 – 49.
8. Vygotsky L.S. Imagination and Creativity in Childhood. Moscow: Education, 1967. 126 p.
9. English Materialists of the 18th century: collected works: in 3 volumes: translated from English and Latin. under the general editorship and with notes by B.V. Meerovsky. Moscow: Mysl, 1967-1968. T. 2. 1967. 405 p.
10. Lotman Yu.M. The structure of the artistic text. Moscow: Art, 1970. 385 p.

Информация об авторе

Пальванова Е.М., преподаватель, Московский государственный лингвистический университет, palvanova.elena@mail.ru

© Пальванова Е.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'367
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-208-212

О синтаксических функциях отглагольных форм чеченского языка

[1] **Сулейбанова М.У, [2] Дударова Л.М., [3] Асхабова Л.А.**

[1] Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
[2] Ингушский государственный университет,
[3] Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: синтаксические функции различных отглагольных форм в нахских языках многообразны. Их описания, производившиеся только в прикладных целях и с позиций русской грамматики, знающей в этой области лишь дифференцированные формы причастий и деепричастий, значительно осложняют исследование этой темы.
Сделан вывод: Данные формы в лингвистической литературе, как правило, квалифицируются как причастия (ОФ на **–а/у,** ОФ на **-на**)и деепричастия (ОФ на **-ш**, ОФ на **-ий,** ОФ на **-на**), а ОФ на **–ний** в этой связи вовсе упускается из виду.
Такая дифференциация ОФ по многим причинам представляется не-удовлетворительной, т.к., отнесение ОФ на **-на** к разряду причастий и деепричастий одновременно противоречиво, если допускать их существова-ние как независимых категорий. Кроме того, все ОФ могут (наряду с инфи-нитивом) выполнять функцию глагольной части составного сказуемого, совпадая здесь по синтаксическому значению.
Ключевые слова: синтаксические функции, отглагольные формы, нахские языки, независимые категории

Для цитирования: Сулейбанова М.У, Дударова Л.М., Асхабова Л.А. О синтаксических функциях отглагольных форм чеченского языка // Современный ученый. 2024. № 5. С. 208 – 212. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-208-212

Поступила в редакцию: 13 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On the syntactic functions of verbal forms of the Chechen language

[1] Suleybanova M.U., [2] Dudarova L.M., [3] Askhabova L.A.

[1] Chechen State University named after A.A. Kadyrov,
[2] Ingush State University,
[3] Chechen State Pedagogical University

Abstract: the syntactic functions of various verbal forms in Nakh languages are diverse. Their descriptions, made only for applied purposes and from the standpoint of Russian grammar, which in this area knows only differentiated formsof participles and gerunds, significantly complicate the study of this topic.
The conclusion is drawn: These forms in the linguistic literature, as a rule, are qualified as participles (VF with **-a/u**, VF with **-na**) and gerunds (VF with **-sh**, VF with **-iy**, VF with **-na**), and in this regard, the VF on **–niy** is completely overlooked.

This differentiation of the VF seems unsatisfactory for many reasons, sinceclassifying the VF on **-na** as participles and gerunds is at the same time contradictory, if we assume their existence as independent categories. In addition, all VFs can (along with the infinitive) perform the function of the verbal part of compound predicate, coinciding here in syntactic meaning.
Keywords: syntactic functions, verbal forms, Nakh languages, independent categories

For citation: Suleybanova M.U., Dudarova L.M., Askhabova L.A. On the syntactic functions of verbal forms of the Chechen language. Modern Scientist. 2024. 5. P. 208 – 212. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-208-212

The article was submitted: April 13, 2024; Approved after reviewing: June 16, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Объект предлагаемого исследования целесообразно называть просто отглагольными формами и обозначить для краткости ОФ.

Разновидности ОФ обозначим соответственно их аффиксам: Оф на **-на** (дешна, от деша читать), ОФ на **-ш** (довшуш), ОФ на – **а/у**(доьшу, лаьтта),ОФ на **-ий** (доьший). Присоединим к ним еще ОФ на **-ный** (дешний), малоупотребительную отглагольную форму, которая до сих пор не рассматривалась в связи с причастиями и деепричастиями, но тем не менее, на наш взгляд, входи в категорию рассматриваемых ОФ.

Материалы и методы исследований

Наиболее полное описание нахских языков и диалектов дано в работе «Морфология чеченского языка»(Яковлев, 1960),«Бацбийский язык» (Дешериев, 1953), «Аккинский диалект»(Арсаханов, 1959); ценные сведения об этом имеются в учебниках чеченского и ингушского языков (Арсаханов, 1965;Джамалханов и др., 1973;Тимаев, 1971; Ахриева и др., 1972),а также в статьях лингвистов-наховедов (Оздоев, 1964; Джамбулатова, 1975 и др.) [10, 5, 1, 3, 9, 2, 4].

Отметим основные мысли, высказанные авторами этих работ по вопросу синтаксических функций некоторых отглагольных форм чеченского языка.

По Н.Ф. Яковлеву, чеченское причастие, как и русское, это прилагательное, образованное от глагола [10, с. 175-299].

Результаты и обсуждения

Несамостоятельное причастие, как и несамостоятельное прилагательное, определяет любой из самостоятельных членов предложения, Причастие имеет три формы времени: настоящее (*оху,* от *аха* пахать), прошедшее (*аьхна*) и сложную форму будущего времени (*охун долу*). Чеченское деепричастие по своему значению – типичное отглагольное наречие. Оно имеет три формы времени: настоящее (*охуш, оххушехь – оххуш – охушшехь*), прошедшее (*аьхча, аьхчахь – аьхчахьана*) и сложную форму будущего времени (*охур долуш*). Форма настоящего времени в точности соответствует русскому деепричастию как совершенного, так и несовершенного вида и употребляется, как и в русском языке, для выражения временного значения и значения обстоятельства образа действия. В значении прошедшего совер-шенного времени наряду с формой на **-ча** употребляется форма, совпа-дающая с глаголом (*аьхна*) [10, с. 221.]

Из сказанного следует, что качественные прилагательные и качест-венные наречия в чеченском языке морфологически не дифференцировались, соотносительные же с ними по функции отглагольные формы обособились не только по их синтаксической роли (причастие, как и прилагательное, определяет все главные члены предложения, кроме сказуемого, опреде-ляемого деепричастием и наречием), но и по форме. А, если это так, то по

логике вещей, в чеченском языке намечается общая тенденция дифферен-циации обстоятельственных и определительных слов, и поэтому имеет смысл рассматривать прилагательные и наречия, причастия и деепричастия, как особые группы слов категориального характера.

В этом силлогизме сама посылка вызывает сомнение, ибо то, что в нахских языках названо причастием и деепричастием, во многом и морфологически и функционально тождественно.

Н.Ф. Яковлев фактически отмечает лишь один морфологический индекс деепричастия **-ш** (в настоящем времени), будущее время (как, впрочем, и у причастия) сконструировано синтаксически, а прошедшее совпадает с формой причастия, Н.Ф. Яковлев считает, что в этой временной форме позднее сформировалось деепричастие с аффиксом **-ча**, но никто из после-дующих исследователей не относит эту форму к деепричастным [10, с. 219].

В работе «Бацбийский язык», Ю.Д. Дешериев отмечает, что причастие имеет лишь две морфологически выраженные формы времени: прошедшее (недавно прошедшее) **–ин/-иэн** и настоящее **-уй/-уйн**. (Будущее время в морфологическом отношении совпадает с настоящим, как и в вайнахских

языках. --) Деепричастие имеет одну морфологически выраженную форму настоящего времени с аффиксом **-ш**, в прошедшем времени совпадает с причастием. Поэтому форму глагола с формантом **-ш** он называет причастно-деепричастной [5, с. 1953].

Получается, что причастие имеет некоторую морфологическую само-стоятельность, в то время как деепричастие, дифференцированное только в одной временной форме, производно. К сожалению, это определение не получило дальнейшего развития в последующих исследованиях других лингвистов.

Так, причастно-деепричастной формой М.М. Джамбулатова [4, с. 1975] называет образование типа *наб кхетта 1уъллу* ,которое иначе еще называется сложной формой причастия, а в будущем времени отмечаются даже две формы причастия: простая, слабо представленная, и сложная (*кхана дIавоьду ваша*) [4, с. 1975] – хотя значение будущего времени в последнем случае выражено лексически посредством наречия *кхана* 'завтра". К причастно-деепричастным формам она отнесла и отглагольную форму с аффиксом **-ий**, считая *схьа а доккхий* усиленной формой от *схьадоккхуш,* т.е. то, что в «Современном ингушском языке» [2, с. 1972] было отмечено среди деепри-частных форм.

Авторы же указанного учебника назвали причастно-деепричастной форму, классифицируемую ими как общую для причастий и деепричастий прошедшего времени. Добавим, что, по И.А. Арсаханову [1, с. 1965], у дее-причастия, рассматриваемого им как неизменяемая форма глагола, две временные формы; по А. Д. Тимаеву [9, с. 1971], – три.

Таким образом, если Н.Ф.Яковлев дал максимальное количество вре-менных форм для причастия и деепричастия, а Ю.Д. Дешериев – минималь-ное, то в исследованиях других авторов отмечается колебание между этими двумя полюсами.

Некоторые исследователи среди деепричастных форм, а иногда и среди причастно-деепричастных, отмечают формы с аффиксом **-ий**.

Наблюдаются колебания в применении терминов «причастно-деепри-частная форма», а также «причастие» и «деепричастие».

В классификации синтаксических функций деепричастия тоже имеются принципиальные расхождения. Одни утверждают, что при определении глагола деепричастие сближается с наречием, но может выполнять и функцию сказуемого придаточного предложения [10, 6, 5].

А по И.А. Арсаханову [1, с. 1965], оно сказуемого самостоятельно не обра-зует, а обозначает добавочное действие; по А.Д. Тимаеву [9, с. 1971] выступает частью составного сказуемого (неизвестно, какой частью и какого сказуе-мого).

Более конкретно об этом сказано у З.Д. Джамалханова и И.Ю. Алироева, которые считают, что деепричастие может являться именной частью состав-ного именного сказуемого [3, с. 117] и у И.А. Оздоева – глагольной частью составного глагольного сказуемого [6, с. 18]. В другой работе И.А. Оздоева, выполненной в соавторстве с С.И. Озиевым, в предложениях: *Тухан тхона хьехарва* (Тухан наш преподаватель), *Сона карадаь книжка аз лийхар да* (Найденная мной книга та, которую я искал) сказуемые с формой, классифицируемой в литературе как самостоятельное причастие, отнесен: первое – к составному именному, второе- к составному глагольному [6, с. 1971].

Противоречия в синтаксической интерпретации отглагольных форм, определяющие и их общую трактовку, не могут быть поставлены в укор авторам. Высказанные ими суждения являются рядом догадок, которые, не будучи основанными на систематизированных фактах, противоречат одна другой. В сущности, они отражают разные стороны объекта, проявляющего себя то, как русское причастие, то, как деепричастие, то выполняющего функции, не свойственные обоим.

Здесь сказывается отсутствие специального сопоставительного исследо-вания отглагольных форм, которое бы принимало во внимание не только их морфологические показатели и отдельные функции, на основании которых они могут быть соотнесены с какими либо категориями слов русского языка, но и учитывали все из структурно-семантические особенности.

Ниже мы попытаемся проиллюстрировать возможную плодотворность комплексного изучения проблемы классификации различных отглагольных форм.

Из данных аффиксов только **-ш** является специфичным для ОФ. Осталь-ные аффиксы общи с различными формами времени и наклонения глагола: **-на -** показатель прошедшего совершенного времени глагола, ау- настоящего времени, **-ий** – вопросительного наклонения, как и **-ний**.

Они обладают одним, не отмечавшимся предыдущими исследователями, свойством: хотя имеют одинаковый, морфемный состав, соответствующие форм глаголов и ОФ, различаясь по тону, материально не тождественный, Так, глагол *дешна* произносится в относительно высоком тоне, а причастие *дешна* – в низком и со значительно большей редукцией конечного гласного; то же и с омографами *доьшу* (глагол) и *доьшу* (ОФ); вопроситель-

ная форма глагола *доьший* произносится в высоком тоне, соответствующая ОФ – в низком.

ОФ **-на** от соответствующей формы глагола отличается повышением тона в конце слова. Указанное свойство позволяет безошибочно распознавать на слух ОФ и соответствующие глагольные формы даже в изолированном произношении.

При синтаксическом анализе в качестве исходного следует брать второй член отношения «морфологическая форма - синтаксическая функция». Это даст возможность проверить релевантность и семантические оттенки названных разновидностей ОФ в некоторых синтаксических функциях.

Поскольку инфинитив во многих отношениях сближается с отглаголь-ными формами, выступает наряду с последними в качестве определения, составной части сказуемого, обстоятельства, ниже приводим некоторый срав-нительный материал по этому вопросу.

Выводы

Представляется, что приведенный материал позволяет сделать неко-торые выводы ориентировочного характера.

1. В чеченском языке, как и в других нахских языках, существуют отглагольные формы с исходом на -на, -а/у, -ш, -ий, -ний, которые отличаются активностью употребления и широтой синтаксических функций.

2. Вопреки распространенному мнению, ОФ имеют свою, присущую только им, форму выражения, отличающую их от соответствующих глагольных форм в основном по высоте тона.

3. Данные формы в лингвистической литературе, как правило, квали-фицируются как причастия (ОФ на **–а/у,** ОФ на **-на**)и деепричастия (ОФ на **-ш**, ОФ на **-ий,** ОФ на **-на**), а ОФ на **–ний** в этой связи вовсе упускается из виду.

4. Такая дифференциация ОФ по многим причинам представляется неудовлетворительной. Например, отнесение ОФ на **-на** к разряду причастий и деепричастий одновременно противоречиво, если допускать их сущест-вование как независимых категорий. Кроме того, все ОФ могут (наряду с инфинитивом) выполнять функцию глагольной части составного сказуемого, совпадая здесь по синтаксическому значению. Но, с одной стороны, ОФ на **-а/у** не выполняет функции именной части сказуемого, чего должно бы ожидать от причастия, и следовательно, отнесение ОФ на **–а/у** к именам, в отличие от других ОФ, не имеет достаточного основания; с другой стороны, ОФ на **-ш**, хотя и с некоторыми оговорками, может определять имя, когда оно входит в состав сказуемого, а также само может входить в составное сказуемое в качестве его именной части.

Для объяснения этих противоречий не найдено никаких оснований.

Список источников

1.Арсаханов И.Г. ХIинцалера нохчийн мотт. Грозный, 1965.
2. Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х. ХIанзара гIалг1ай мотт, Грозный, 1972.
3. Джамалханов З.Д., Алироев И.Ю. Нохчийн метан грамматика, II дакъа (синтаксис), Грозный, 1968.
4. Джамбулатова М.М. К вопросу склонения причастия в чеченском и ингушском языках / Известия ЧИНИЙИЯЛ. Грозный, 1975. Т. 10.
5. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык, М., 1953.
6. Оздоев И.А. Синтаксие ингушского литературного языка. Простое предложение / Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Т. 5.
8. Озиев С.И., Оздое в И.А. Г1алгай мета грамматика. Синтаксис, Грозный, 1971.
9.Тимаев А.Д. ХIинцалера нохчийн мотт (лексикология, фонетика, морфология). Грозный, 1971.
10. Яковлев Н.Ф. Синтаксис чеченского языка / Труды ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1940.

References

1. Arsakhanov I.G. The HIincalera nokhchin mott. Grozny, 1965.
2. Akhrieva R.I., Ozdoeva F.G., Malsagova L.D., Bekova P.Kh. KhIanzara glalg1ai mott, Grozny, 1972.
3. Dzhamalkhanov Z.D., Aliroev I.Yu. Nokhchiyn metan grammar, II dak'a (syntax), Grozny, 1968.
4. Dzhambulatova M.M. On the issue of declension of the participle in the Chechen and Ingush languages. News of CHINIYIYAL. Grozny, 1975. T. 10.
5. Desheriev Yu.D. Batsbiysky language, M., 1953.
6. Ozdoev I.A. Syntax of the Ingush literary language. Simple sentence. News of CHINIIIIAL. Grozny, 1964. T. 5.
8. Oziev S.I., Ozdoe in I.A. G1algay meta grammar. Syntax, Grozny, 1971.
9. Timaev A.D. Hiincalera nokhchiyn mott (lexicology, phonetics, morphology). Grozny, 1971.
10. Yakovlev N.F. Syntax of the Chechen language. Works of the CHINIIIIAL. Grozny, 1940.

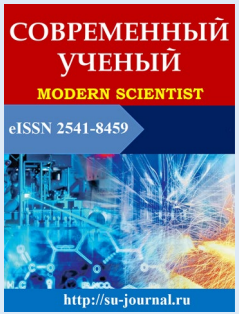
Информация об авторах

Сулейбанова М.У., доктор филологических наук, профессор, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3956-0227, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, ул. Шерипова, 32, sulejbanova.ru@mail.ru

Дударова Л.М., кандидат фиологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6429-2669, Ингушский государственный университет, lyuda.dudarova@mail.ru

Асхабова Л.А., Чеченский государственный педагогический университет, layla-ashabova@mail.ru

© Сулейбанова М.У., Дударова Л.М., Асхабова Л.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-213-218

Изменение семантики эптонимов французского происхождения в массмедийном дискурсе

[1] Макарова А.С.

[1] Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Аннотация: статья посвящена теме трансформации семантики эптонимов в массмедийном дискурсе. Возрастающая прагматическая и информационная значимость языка современных средств массовой информации, отличающегося особой экспрессивностью, позволяет говорить об актуальности заявленной проблематики в сфере лингвистических исследований. Одним из основных направлений изучения функционирования фразеологии в речи является анализ трансформационного потенциала различных разрядов фразеологизмов: идиом, паремий, эптонимов. Метод исследования основан на комбинации индуктивного и дедуктивного подходов, начиная с анализа конкретных данных и заканчивая обобщениями. Методы оценочности контекста в медиадискурсе является одним из базовых в медиалингвистике. Одним из таких аспектов служит эптоним. Феномен эптонимов в настоящее время не утратил свою новизну, не ушел с повестки дня современной стилистики, так как однозначного мнения по данному аспекту так и не было сформировано, при всей кажущуюся, на первый взгляд, простоте явления. Базовые аспекты этого феномена – понятие, функциональная сторона, классификация. Они и остаются открытыми для дискуссии.
Ключевые слова: эптоним, медиадискурс, систематический подход, изменение формы, замена, неизменный элемент, случайные повороты фразы

Для цитирования: Макарова А.С. Изменение семантики эптонимов французского происхождения в массмедийном дискурсе // Современный ученый. 2024. № 5. С. 213 – 218. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-213-218

Поступила в редакцию: 13 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Changing the semantics of eptonyms of French origin in mass media discourse

[1] Makarova A.S.

[1] St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

Abstract: the article is devoted to the topic of transformation of the semantics of eptonyms in mass media discourse. The increasing pragmatic and informational importance of the language of modern mass media, characterized by special expressiveness, allows us to speak about the relevance of the stated issues in the field of linguistic research. One of the main directions of studying the functioning of phraseology in speech is the analysis of the transformational potential of various categories of phraseological units: idioms, paremias, eptonyms. The research method is based on a combination of inductive and deductive approaches, starting with the analysis of specific data and ending with generalizations. Methods of evaluating context in media discourse are one of the basic ones in media linguistics. One of these aspects is the eptonym. The phenomenon of eptonyms has not lost its novelty at pre-

sent, has not left the agenda of modern stylistics, since an unambiguous opinion on this aspect has not been formed, despite the apparent, at first glance, simplicity of the phenomenon. The basic aspects of this phenomenon are the concept, the functional side, and the classification. They remain open to discussion.
Keywords: eptonym, media discourse, systematic approach, shape change, substitution, unchangeable element, random turns of phrase

For citation: Makarova A.S. Changing the semantics of eptonyms of french origin in mass media discourse. Modern Scientist. 2024. 5. P. 213 – 218. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-213-218

The article was submitted: April 13, 2024; Approved after reviewing: June 16, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

При изучении функционирования синонимы французского происхождения, прочно вошедших во резерв фразеологических выражений в русском языка, в современном массмедийном дискурсе для анализа функционирования трансформов был применен метод индуктивно-дедуктивного подхода, который позволил выявить общие закономерности и особенности их работы эптонимов в медийных текстах исследования показали, что наиболее результативными методами являются сравнительный анализ и использование статистических данных.

Материалы и методы исследований

Паспортизация данных работ репрезентирует то, что русисты рассматривают как узуальное, так и окказиональное понимание фразеосистемы. Приверженцы узуального аспекта (В.Н. Телия, Н.Н. Амосова, А.И. Молотков, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, и др.) фразеоединицей (ФЕ) считают эптонимы (крылатика и паремии) с общим переносным, метафорическим значением. Другая школа, приверженцы того, что объектом фразеологического изучения служат устойчивые словесные комплексы (В.Л. Архангельский, С.Г. Гаврин, А.М. Григораш, Л.П. Дядечко, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский, С.Г. Шулежкова и др.). склонны считать объектом фразеологического изучения любого рода устойчивые словесные комплексы (Макарова 2015» [5, с. 35]).

Современный массмедийный дискурса проявляется в его разнообразии, свободе и некоторой непринужденности. Подобное явление объясняется тем, что каждый журналист, как и каждое СМИ, стремится к непосредственному контакту с своими читателями или зрителями, желая поддерживать с ними открытый и доверительный диалог. Прагматический характер данного дискурса подчеркивает его разнообразие и свободу от формальных рамок, массмедийных для увеличения оригинальности текстов авторы часто используют фразеологические обороты языка, такие как пословицы, устойчивые выражения, эптонимы. Необходимость оперативного отражения разнообразной информации приводит к смешению различных стилей в языке журналистики. На одной странице газеты можно найти как литературные выражения, так и неофициальные жаргонизмы или диалектизмы, не описанные в словарях» [8, с. 9]. В данной статье мы рассматриваем эптонимы французские слова, которые были заимствованы русским языком в разные исторические периоды, но которые широко используются в настоящее время в российских массмедиа. Данного продукта может привести к развитию зависимости. эптонимов-галлицизмов приведение к автоматизации восприятия уменьшает выразительные возможности и снижает информативную ценность. При использовании случайным образом, как средства для достижения публицистической экспрессии, это может привести к уменьшению информационной насыщенности эптонимов увеличивается.

В настоящем медиа-диалоге в современной России представлены различные методы преобразования эптонимов-галлицизмов: разъяснение, подразумевание, замена лексики, обратный порядок слов в предложении мы рассмотрим примеры, где будут проанализированы другие аспекты эптонимы индивидуально-авторские преобразования изменяют коннотацию сверхсловных языковых единиц. Этот процесс подробно изучается лингвистами, которые анализируют особенности использования этих языковых единиц, фразеоологических единиц в различных текстах разнообразных жанров и стилей, отличающихся авторами (Л.П. Дядечко, М.Л. Ковшова, К.В. Каменев, О.В. Ломакина, А.Г. Мелерович, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова и другими).

Результаты и обсуждения

Для того чтобы сохранить фразеологическое тождество, необходимо соблюдать определенные условия эптонимов является устойчивость их семантического и компонентного инварианта

подразумевает его устойчивость, несмотря на возможные изменения, которые могут происходить в процессе развития эптонимов в данном проекте заключены возможности для развития, которые могут быть реализованы через трансформации данных фразеологических единиц. Разнообразие преобразований эптонимов можно выделить две основные категории: варианты, связанные со структурно-смысловыми вариациями, появляющиеся посредством роста окказиональных единиц., и варианты, возникающие за счет формирования окказиональной семантики эптонимов (изменить текст таким образом, чтобы сделать его более оригинальным и уникальным, можно использовать различные методы, такие как изменение структуры предложений, замена синонимов, добавление метафор и аллегорий, а также использование игры слов и фразеологизмов. Таким образом, можно создать новый и оригинальный текст, который будет отличаться от исходного и привлечет внимание читателей.

В общении часто происходят неожиданные изменения в форме и смысле эптонимов, вызванные особыми функционально-семантическими свойствами как уникальных выразительных элементов языковой номинации, способных отражать специфику конкретных объектов и ситуаций, а методы стилистико-синтаксического толка актуализируют выразительность и модификации предметно-семантического аспекта. [7, с. 13]. В обществе является отсутствие межличностного общения в массмедийном дискурсе комплексные методы трансформации представляют собой разнообразные приемы эптонимов происходит возникновение случайных оборотов, которые сопровождаются изменением значений исходного выражения. Иногда это может быть вызвано различными факторами. адресант не довольствует как можно повысить уникальность текста, используя два метода одновременно, а не просто прибегая к одному из них к трём и/или четырём [6, с. 22].

Рассмотрим классификации комплексных приёмов трансформации ФЕ.

О.В. Бойко (рассматривать преобразование фразеологических единиц, то можно выделить синтезированные, комбинированные и комплексные методы [1, с. 24]. А.М. Григораш также придерживается этой классификации, отмечая, что важно учитывать различные подходы к описанию окказионального преобразования фразеологии в медиатекстах, когда это происходит многофункциональными приёмами авторской интенции [6, с. 103].

Согласно Т.Г. Никитиной, в русском языке существуют структурно-смысловые паремийные модификации, включающие несколько трансформационных приёмов, которые представляют собой использование сразу нескольких трансформационных приёмов.

1) одновременная замена части или целой группы элементов и уменьшение числа компонентов пословицы, что приводит к уточнению ее смысла;

2) Замена компонентов пословиц и добавление новых элементов, что приводит к формированию нового смысла пословицы и ее развитию» [7, с. 31-32].

Рассмотрим следующие примеры:

Экспликация + субституция

В качестве примера можно привести итоговое короткое заседание и выступление Селезнева, послужившее денотативным сегментом понятийного аспекта данной ситуации (Комсомольская правда, 2003.12.15).

В контексте эптонима-галлицизма происходит посредством введения номинатива. Замену основы, выраженной прилагательным, проводят путем добавления существительного неубитого на убитого изменяется смысл инварианта: фракция «Родина», которая попала в Государственную Думу РФ, распределяет посты с членами других партий. В данном контексте использование кавычек в названии политической партии "Родина" придаёт иронический оттенок всему тексту.

Следующий этот отрывок показывает замену и пояснение. Эптонима-галлицизма *оточности как актуализирующего денотата вежливости королей (L'exactitude est la politesse des rois)* это искусство, в котором используется языковая игра в качестве конечного результата [4, с. 125].

«… 5. Недопустимо сервисную книжку оставлять в машине.; 6.Знать срок следующего технического обслуживания точность уже не столько королей, сколько автосервисных работников и автолюбителей». (Труд-7, 2007.12.07).

Субститут, о котором идет речь в этом примере, представляет собой единицу с другой семантикой, которая меняет значение эптонима-галлицизма точность является не только привилегией королей, но и доступна другим людям. Это подтверждается использованием противоположного союза. но в эптоним добавления, описанные прилагательным, профессиональных слесарей. Увеличение

словарного запаса способствует созданию новых выражений. Игра слов возникает из-за похожести звучания окончаний основного элемента. королей и нового компонента слесарей. Это позволяет контексту приобрести ироничное звучание, что усиливает выразительность [3, с. 15].

Экспликация + субституция + грамматические преобразования

Две европейские страны, Италия и Германия «правда уже делят шкуру неубитого медведя», что вызревает в достаточно ёмкие противоречия. (Комсомольская правда, 2006.07.05).

Процесс экспликации осуществляется путем добавления субъектов (названий стран, например) в текст. Италия с Германией), обстоятельства времени (всю последнюю неделю поместить элемент в пре- и постпозицию к основному компоненту *шкура медведя* вводного слова *правда* и частицы *уже.* Этот метод изменений аспектов подчеркивает уровень качества эптонимов приводит к тому, что шутка становится буквальной (разделение шкуры убитого медведя в прямом смысле, а не в переносном), что придает новый поворот ироничный оттенок [10, с. 101].

Экспликация + синтаксическая инверсия + грамматические преобразования

«*Честные, гордитесь неравенством с подлецами.* ***Свобода и братство – равенства не будет*** (Труд-7, 2001.08.22), то есть честность не повод для гордости перед циниками. Всему должна быть своя цена. Здесь кроме инверсивного синтезапроисходит изменение структуры предложения. инварианта эптонима-галлицизма превратить простое номинативное предложение в сложное бессоюзное с противопоставлением, при этом обогатить лексический состав, добавив отрицательную форму глагола. не будет объясняется темой статьи на тему социального неравенства. Модификация структуры изложения эптонима изменение структуры содержания инварианта выделяет значимость рассматриваемой проблемы.

Экспликация + грамматические преобразования + игра со знаками препинания

*«Свободное время часто провожу в саду…****Слова Вольтера*** *о том, что* ***каждый из нас должен возделывать свой сад… – это по мне»*** (Труд-7, 2003.11.14), то есть автор эссе в прошлом году в Раменском получил премию за благоустройство родного города, и ему вспомнились слова Вольтера о необходимости каждому возделывать свой собственный сад.

Увеличение семантики контекста репрезентируется посредством введения однородных элементов, экспрессивной оценочности в постпозиции ко всему эптониму-галлицизму, а вне его субъекта, который выполняет действие *каждый из нас*. Также здесь имеется указание на автора данного материала. *Слова Вольтера* и содержится оценка используемая фраза придает измененному повороту смысл уверенности и сердечного общения. Это заставляет задуматься: каждый должен работать над собственной душой, улучшая её состояние.

Экспликация + субституция + синтаксическая инверсия

«О ПОБЕДЕ И НАШИХ СОСЕДЯХ. Победа над фашизмом-подвиг всего народа вне в зависимости от профессии и социального положения (Труд-7, 2005.04.26).

Эптоним-галлицизм *свобода, равенство, братство* увеличивается благодаря добавлению в предложение существительного в препозиции. Также можно увидеть замену основного элемента в этом месте братство, журналист использует слово независимость. Кроме того, помимо объяснения и замены, мы видим изменение порядка компонентов в новой конструкции. После проведения всех изменений смысл выражения уточняется и преобразуется под воздействием контекста, а образность обновляется.

Экспликация + субституция + импликация + грамматические преобразования + сравнительный оборот

«Утро после свадьбы – самая большая девальвация в жизни русского человека, который постиг чудо и остыл к нему. Крах, как 17 августа. А протестант никак не меняется после свадьбы. ***Тихо и упорно возделывает, как сад, личное счастье.»*** (Известия, 2005.02.10), то есть утро после свадьбы рознится у русских и иностранцев. Для русского человека - это попранное надежда на достижение мечты. Для иностранца-возможность преодоления себя в упорном труде.

Автор изменяет глагольный компонент, преобразуя безличное предложение эптонима в настоящий момент текст обогащается лексически за счет добавления однородных членов с помощью наречий *тихо и упорно*. Компонент-стержень включается в сравнительный оборот *как сад*. В то же время данный компонент подлежит замене. словосочетанием *личное счастье*. В результате означенных преобразование значения инварианта происходит путем его перевода в текстовый формат, однако при этом сохраняется сравнение, которое было вложено в инвариант изначально эптонима-галлицизма.

Экспликация + трансфонация

В данном примере использование процесса трансфонации хорошо известно. эптонима-галлицизма *Шерше ля фам* оправдано: автор использует иронию для подмечания мифа о французской верности, который часто считается нелепым. В то же время, через введение дополнительного элемента, автор обнаруживает новую интерпретацию данного мифа *очевидно ли это*:

«Вообще-то от кого не ждала, так это от них, от французов. ***Шершут****, понимаете ли****, ля фаммов*** *(то бишь ищут женщин века напролет) – и на тебе: верность им подавай. Верность, говорят, это круто. Современно, модно и полезно для здоровья. Заголовки новых книжек в парижских магазинах просто-таки умиляют – "Сила верности в неверном мире", "Верность и двое", "Верная любовь»* (Комсомольская правда, 2004.11.19).

Для увеличения уровня иронии и сарказма журналист использует комплексные преобразования эптонима используйте французский глагол для того, чтобы перефразировать текст и улучшить его уникальность *chercher* (искать) автор использует форму 1-го спряжения во множественном числе 3-го лица, семантизируя то, что ранцузы понимают верность как бесконечные поиски любви, восхищения, не имеющие никакого отношения к самому этому понятию. Верность есть воздержание, целомудрие, подаренное одному человеку, но не вечная гонка за призрачными удовольствиями. Экспрессия и образность становятся более яркими.

Выводы

Основным отличительным признаком языка СМИ является его прагматика. Фразеологические выражения оказывают сильное воздействие на читателя. Исследования показывают, что различные способы изменения оригинального текста направлены на достижение определенной коммуникативно-прагматической цели. В текстах, насыщенных прагматическим содержанием, часто применяются несколько методов трансформации, которые изменяют смысловой аспект текста эптонима. Это придаёт тексту глубокую эмоциональную окраску и усиливает его воздействие.

Лежит основа структурно-семантических преобразований эптонимов существует два противоположных аспекта: стабильность смысла и схемы. Выделение дополнительной семантической вариации связано с авторской интенцией.

Изменение плана содержания эптонима способностью выражать себя, что в свою очередь позволяет создавать уникальные и неповторимые образы более яркая и выразительная экспрессия присутствует в этих образах благодаря использованию различных приёмов, которые основаны на индивидуальной авторской интерпретации эптонимов.

Список источников

1. Бойко О.В. Приёмы реализации экспрессии устойчивых словесных комплексов в сатирико-юмористических жанрах: в сопоставлении с украинским языком: автореф. дис. … канд. филол. наук. Днепропетровск, 1981. С. 24.

2. Григораш А.М.: Фразеологические инновации в современной публицистике Украины: (на материале русскоязычной и украиноязычной прессы 1990-х – 2000-х годов). Киев: Знания Украины, 2008. С. 103.

3. Добросклонская Т.Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиалингвистика. 2016. № 2. С. 13 – 25.

4. Захарян Т.Б. Сакральный символ в языке религии: автореф. дис. … канд. филос наук: 09.00.13. Екатеринбург. 2006. 25 с.

5. Макарова А.С. Особенности интерпретации крылатых выражений в российском и французском языкознании // На крыльях слова: материалы междунар. заоч. науч. конф., посвящённой юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой / Научно-исслед. словар. лаб., каф. РЯОЯиМК; гл.ред. А.А. Осипова, Н.В. Позднякова; чл. редколл.: С.А. Анохина, И.С. Клинкова, Е.П. Соколова, Л.Н. Чурилина. Магнитогорск: ЗАО "Магнитогорский Дом печати". 2015. С. 61 – 66.

6. Макарова А.С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2016. С. 22.

7. Мелерович А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. Москва: русские словари: Астрель: АСТ, 2005. С. 13.

8. Мокиенко В.М.: Функции фразем в современных СМИ. медиалингвистика, № 3 (13). Санкт-Петербург: СПбГУ, 2016. С. 7 – 16.

9. Никитина, Т.Г.: Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения. Псков: ПГПУ, 2008. С. 31 – 32.

10. Николаева О. Прямая речь. Откровенно о главном. М., 2015. 160 с.

References

1. Boyko O.V. Techniques for implementing the expression of stable verbal complexes in satirical and humorous genres: in comparison with the Ukrainian language: author's abstract. dis. ... cand. philological sciences. Dnepropetrovsk, 1981. P. 24.

2. Grigorash A. M.: Phraseological innovations in modern journalism of Ukraine: (based on the Russian-language and Ukrainian-language press of the 1990s – 2000s). Kiev: Knowledge of Ukraine, 2008. P. 103.

3. Dobrosklonskaya T. G. Methods of analyzing video-verbal texts. Medialinguistics. 2016. No. 2. P. 13 – 25.

4. Zakharyan T.B. Sacred symbol in the language of religion: author's abstract. dis. ... cand. Philosophy of sciences: 09.00.13. Yekaterinburg. 2006. 25 p.

5. Makarova A.S. Features of interpretation of catchphrases in Russian and French linguistics. On the wings of the word: materials of the international. correspondence. scientific. conf., dedicated to the anniversary of Doctor of Philological Sciences, prof. S.G. Shulezhkova.Research. dictionary. lab., dep. RYAOYAiMK; ed.-in-chief A.A. Osipova, N.V. Pozdnyakova; members of the editorial board: S.A. Anokhina, I.S. Klinkova, E.P. Sokolova, L.N. Churilina. Magnitogorsk: ZAO "Magnitogorsk Printing House". 2015. P. 61 – 66.

6. Makarova A.S. Features of the functioning of catchphrases-Gallicisms in modern French and Russian journalism: author's abstract. dis. … cand. philological sciences. Moscow, 2016. P. 22.

7. Melerovich A.M., Mokienko, V.M. Phraseologisms in Russian speech: dictionary: approx. 1000 units. Moscow: Russian dictionaries: Astrel: AST, 2005. P. 13.

8. Mokienko V.M.: Functions of phrasemes in modern media. medialinguistics, No. 3 (13). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. P. 7 – 16.

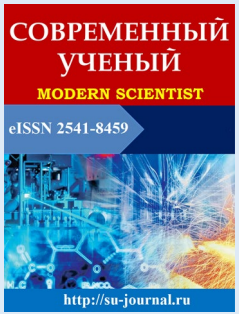
9. Nikitina, T.G.: Russian proverbs: new forms, new meanings, new aspects of study. Pskov: PSPU, 2008. P. 31 – 32.

10. Nikolaeva O. Direct speech. Frankly about the main thing. M., 2015. 160 p.

Информация об авторе

Макарова А.С., кандидат филологических наук, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, aleste_63@mail.ru

© Макарова А.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.111
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-219-223

Социальный, психологический и идейно-художественный смысл пейзажа в романе "Мельница на Флоссе" и его связь с бунтарским образом героини

[1] Широкова Г.А.

*[1] **Пермский государственный национальный исследовательский университет***

Аннотация: статья исследует роль пейзажа в романе Джорджа Элиот "Мельница на Флоссе" и его связь с образом героини Мэгги Талливер. Анализируя ландшафтные картины, был определен их социальный, психологический и идейно-художественный смысл, подчеркивая, как пейзаж отражает конфликт Мэгги с обществом, ее стремление к свободе и самореализации, а также оспаривает социальные нормы и демонстрирует традиции XIX века. В данной статье поднимаются вопросы социального, психологического и идейно-художественного смысла пейзажа в романе "Мельница на Флоссе".
***Ключевые слова*:** Джордж Элиот, Мельница на Флоссе, пейзаж, Мэгги Талливер, социальный контекст, психологический реализм, бунтарский образ, литература XIX века, английская литература

Для цитирования: Широкова Г.А. Социальный, психологический и идейно-художественный смысл пейзажа в романе "Мельница на Флоссе" и его связь с бунтарским образом героини // Современный ученый. 2024. № 5. С. 219 – 223. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-219-223

Поступила в редакцию: 13 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The social, psychological, ideological and artistic meaning of the landscape in the novel “The Mill on the Floss” and its connection with the rebellious image of the heroine

[1] Shirokova G.A.

*[1] **Perm State National Research University***

Abstract: the article explores the role of landscape in George Eliot's novel “The Mill on the Floss” and its connection with the image of the heroine Maggie Tulliver. Analyzing landscape paintings, their social, psychological and ideological-artistic meaning was determined, emphasizing how the landscape reflects Maggie's conflict with society, her desire for freedom and self-realization, as well as challenges social norms and demonstrates the traditions of the XIX century. This article raises questions of the social, psychological, ideological and artistic meaning of the landscape in the novel “The Mill on the Floss”.
Keywords: George Eliot, Mill on the Floss, landscape, Maggie Tulliver, social context, psychological realism, rebellious image, literature of the XIX century, English literature

For citation: Shirokova G.A. The social, psychological, ideological and artistic meaning of the landscape in the novel “The Mill on the Floss” and its connection with the rebellious image of the heroine. Modern Scientist. 2024. 5. P. 219 – 223. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-219-223

The article was submitted: April 13, 2024; Approved after reviewing: June 16, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Роман "Мельница на Флоссе" Джордж Элиот, созданный в 1860 году, является исключительным произведением художественной литературы, в котором автор глубоко раскрывает социальные, психологические и культурные аспекты своего времени. Впервые роман был опубликован в трёх томах. В данной работе было сосредоточено исключительное внимание на пейзаже в романе как на ключевом элементе, который не только отражает внутреннее состояние героини, но и непосредственно взаимодействует с бунтарским образом Мэгги.

В работе исследуется взаимозависимость между изображением пейзажа и бунтарским образом героини, Мэгги, рассматривая их в рамках исторического и культурного контекста. Статья выясняет связь между пейзажем и бунтарским образом Мэгги, рассматривая их как взаимодополняющие и взаимообусловленные элементы романа. Данное исследование позволит читателю лучше понять важность пейзажа в "Мельнице на Флоссе" и его роль в проработке бунтарского персонажа Мэгги.

В современной литературе и культуре пейзаж как художественный прием может рассматриваться с разных точек зрения. В "Мельнице на Флоссе" пейзаж не только играет роль декорации, но и является частью самого сюжета, формируя идеи и определяя поведение героев. С течением времени и развитием теорий литературы, изучение пейзажа в романе стало актуальным, поскольку оно позволяет лучше понять социальные и психологические процессы, происходящие в произведении, а также сближать его со значимыми трендами в современной культуре.

В центре сюжета романа – жизнь брата и сестры Мэгги и Тома Талливер. Герои романа живут вместе на берегу реки Флосс, недалеко от деревни Сент-Ог (вымышленные названия, но именно данный прием формирует у читателя атмосферу наполненности и позволяет вообразить себе настоящее место действия). Действие романа разворачивается в Средней Англии. В целом, роман побуждает читателя задуматься о гранях человеческой личности, попытаться объяснить различия характеров людей, не формируя при этом поспешных выводов [2, с. 77]. Роман ярко демонстрирует, что общество любого времени (в данном случае рассмотрено на примере английского общества XIX века) склонно к несовершенным и стремительным умозаключениям.

В данной работе был проанализирован социальный, психологический, эмоциональный и идейно-художественный замысел пейзажа Англии в "Мельнице на Флоссе", а также его связь с противоречивым и дерзким образом Мэгги, что содействует формированию интересных параллелей с современными предпосылками в изобразительном искусстве и литературе.

Материалы и методы исследований

При написании этой статьи были использованы следующие материалы и методы исследований:

1. Литературный анализ. Рассмотрение текста романа, определение ключевых моментов и сцен, связанных с пейзажем и его ролью в развитии сюжета и персонажей.

2. Исследование исторического и социального контекста, в котором был создан роман, чтобы понять, как это повлияло на взгляды Элиот на отражение ландшафта и его значение.

3. Психологический анализ. Рассмотрение психологических аспектов персонажей, их образа жизни и взаимоотношений с окружающим миром, а также связь между пейзажем и их эмоциональным состоянием.

4. Идейно-художественный анализ идейного содержания и художественных приемов романа, связанных с описанием пейзажа, а также его влияния на формирование образа героини и ее бунтарского поведения.

6. Выводы и интерпретация. Финальная часть работы включает выводы, касающиеся роли пейзажа в романе, его влияния на персонажей и сюжет, а также интерпретации, связывающие пейзаж с бунтарской природой Мэгги.

Результаты и обсуждения

Пейзаж является важным элементом в романе, поскольку он в качестве художественного инструмента помогает воссоздать атмосферу и запечатлеть настроение героини, а также определяет её отношение к окружающему миру.

Пейзажи в романе часто изображаются как традиционные, светлые и приветливые, но в то же время способны олицетворять несчастье, одиночество и подавление, что связано с жизнью героини. Например, мельница на Флоссе, которая является

центральным символом романа, первоначально олицетворяет утопию и мир, свободный от социокультурных ограничений. Данная символика реки Флосс акцентирована Элиот уже в первой фразе романа: "Across a wide plain, spreading green shores, Floss hurries to the sea, and the tide, like an impatient lover, rushing to meet the river, merges with it in an ardent embrace" ("По широкой равнине, раскинув зеленые берега, спешит к морю Флосс, и прилив, как нетерпеливый влюбленный, стремясь реке навстречу, сливается с нею в пылком объятии").

Связь между социальным смыслом пейзажа и бунтарским образом героини заключается в том, что пейзаж демонстрирует контраст между безупречным миром высокого общества и действительностью, в которой люди страдают из-за социально-экономических и классовых ограничений и социальной несправедливости. Художественное отображение английского пейзажа показывает внутреннюю борьбу Мэгги между желанием соответствовать ожиданиям общества и желанием быть истинной и свободной.

Следовательно, художественные объекты в романе "Мельница на Флоссе" показывают сложный социальный контекст, в котором живет главная героиня, а также ее внутренние духовные борьбы с социальными ограничениями и ожиданиями. Данный подход, который неоднократно применяла в своих произведениях Джордж Элиот, помогает читателю понять, насколько сложно было быть женщиной в описанный период [9, p. 212]. Изображение Англии в романе наглядно демонстрирует социальную роль пейзажа и роль общественности в жизни Мэгги, и то, как главная героиня склонна выбирать индивидуальный путь, отстаивая свои права на собственную свободу и неподчинение социальным нормам.

Психологический смысл пейзажа в романе "Мельница на Флоссе" – это сложный вопрос, который затрагивает множество аспектов этого знаменитого произведения. Как упоминалось ранее, пейзаж в этом романе играет важную роль в развитии сюжета и характеров персонажей, а также в повествовании о психологических состояниях и переживаниях героев.

Роман "Мельница на Флоссе" начинается с описания природы и пейзажа, которые символизируют естественное развитие жизни и любви. Изображение Англии на данном этапе представляет собой красивую природу, которая изменяется со временем, и это отражает не только природу, но и человеческие эмоции и переживания. Часто в романах Элиот пейзаж олицетворяет природную божественность и открытость времени, что связано с тем, что герои постепенно открывают свою настоящую природу и свои чувства. Однако пейзаж также имитирует конфликт и противоречия, которые характеризуют отношения между героями. Например, пейзаж, описанный в романе, сочетает в себе красоту и ужас, что отражает противоречивые чувства героев по отношению к любви. Элиот комбинирует хронологическое повествование, что позволяет читателю следить за развитием событий и изменением судьб героев [5, p. 38]. Джордж Элиот использует богатый и образный язык для работы с передачей английской реальности, который соответствует социальному положению и характеру ее героев, мастерски использует метафоры и сравнения, что делает ее прозу более выразительной и живой, а также не боится задействовать юмор, чтобы раскрыть несовершенства человеческой природы и социальные противоречия в Англии XIX века.

Роман изображает жизнь в провинциальной Англии XIX века, где религиозные традиции, социальные устои и классовые барьеры определяют судьбу человека [1, с. 118]. Действительно, река Флосс окружает место действия романа и создает ощущение запертости, безысходности для героев, особенно для Мэгги, которая чувствует себя заключенной в парадигмы социокультурных условностей. "Poor Maggie! She was so unaccustomed to being in society that she tended to attach importance to phrases dictated by simple politeness, and she herself never uttered insignificant words that are born only on her lips" ("Бедная Мэгги! Она настолько не привыкла бывать в обществе, что склонна была придавать значение фразам, продиктованным простой учтивостью, и сама никогда не произносила незначащих слов, которые рождаются только на губах."). Деревня – место жительства Мэгги – выделяется своей консервативностью и закрытостью. Жители провинции придерживаются традиций и не терпят отклонений от общепринятых норм. Пейзаж отражает эту атмосферу душащей консервативности. Джордж Элиот также изображает пейзаж, который символизирует изолированность и одиночество героев. Например, когда Оноре де Бартелеми и Фернандес Серрано находятся вдали от людей, они чувствуют себя одинокими и изолированными. Роман имеет обрамление – введение и эпилог, что позволяет Элиот указать на смысл произошедших событий и задать философские вопросы.

Джордж Элиот, мастер реалистической прозы, в романе "Мельница на Флоссе" умело заимствует разнообразные художественные средства для со-

здания живой, многогранной и эмоционально насыщенной картины жизни провинциальной Англии XIX века. В "Мельнице на Флоссе" пейзаж также олицетворяет идею взаимодействию человека и природы. Герои взаимодействуют со своей средой как с отдельным персонажем, меняя её и влияя на нее [7, p. 121]. Мы замечаем, как герои меняются в результате этого взаимодействия, обнаруживая свои настоящие чувства и природу. лиот использует внутренний монолог для раскрытия мыслей, чувств и переживаний своих героев. Автор демонстрирует их внутренний мир, их конфликты и устремления.

Элиот мастерски передает психологические портреты своих героев, уделяя внимание не только их внешности, но и их характеру, темпераменту и психологическим особенностям [5, p. 38]. Диалоги героев – естественные и правдоподобные, отражающие их социальное положение, образ мыслей и отношения друг к другу.

Психологический смысл пейзажа в романе "Мельница на Флоссе" заключается в том, что пейзаж является символом природы, изменений, конфликтов, изоляции и взаимодействия человека и природы. Символизм в романе помогает читателю лучше понять психологические состояния и переживания героев, а также определиться в их взаимодействиях и развитии [7, p. 79]. Пейзаж в романе не просто фон, а важный символический элемент, отражающий внутренний мир героев, их чувства и переживания. Например, река Флосс – символ течения времени, неотвратимости судьбы и ограничений социальных норм.

Идиллическая пейзажная картина реки Флосс противопоставляется тяжелой атмосфере мелкобуржуазной жизни и глубокой негативной роли религии в жизни героев. Элиот в деталях передает пейзажные компоненты, что создает ощущение реальности и погружает читателя в атмосферу романа [4, p. 241].

Джордж Элиот талантливо употребляет средства передачи эмоций героев через природу, в целях формирования убедительного и глубокого образа жизни провинциальной Англии XIX века. Роман отличается психологическим реализмом, яркими пейзажными картинами и глубоким философским смыслом.

Роман изобилует яркими контрастами между мирной красотой природы и тяжестью социальных противоречий [8, p. 41]. Например, идиллическая пейзажная картина реки Флосс противопоставляется тяжелой атмосфере мелкобуржуазной жизни и глубокой негативной роли религии в жизни Мэгги.

Мэгги стремится к свободе и самореализации, но ее возможности лимитированы социальными условностями. Пейзаж отражает ее внутренний мир, ее бунтарский дух и стремление к освобождению. Леса выступают метафорой непознанного и недоступного. "Maggie was only aware that life was opening up something completely new to her, and she was so engrossed in her experiences, which took all the strength of her soul, that she was unable to sort them out or even give herself an account of them." ("Мэгги сознавала лишь, что жизнь открывает ей нечто совсем новое, и была настолько поглощена своими переживаниями, на которые уходили все силы ее души, что была не в состоянии разобраться или хотя бы отдать себе в них отчет.") [3, p. 509]. Мэгги находит утешение и свободу в лесах, где она является собой и не подчиняться условностям общества. Река Флосс – символ течения времени и неотвратимости судьбы. Мэгги чувствует себя заключенной в рамки судьбы, но она пытается бороться с ними.

Колорит в романе служит инструментом критики социальных норм и традиций, которые подавляют личность. Элиот демонстрирует, что социальные устои и религиозные традиции не должны ограничивать свободу выбора человека и его право на самореализацию.

Ландшафт отражает бунтарский дух Мэгги, ее нежелание подчиняться условностям и ее жажду самореализации. Мэгги ищет свободу в природе, в ее непосредственности и красоте. Конфликт Мэгги с обществом отражается в контрасте между миром природы и миром людей, между ее собственным внутренним миром и социальными условностями.

Пейзаж в романе "Мельница на Флоссе" – не просто декорация, а значимый элемент, отражающий социокультурный контекст и внутренний мир Мэгги, помогает понять ее конфликт с обществом и ее непрекращающееся стремление к свободе и самореализации.

Выводы

Роман "Мельница на Флоссе" Джорджа Элиот, мастерски используя образ пейзажа, не только рисует картину провинциальной Англии XIX века, но и глубоко исследует внутренний мир своей героини, Мэгги Талливер .

В заключении стоит утверждать, что пейзаж в романе – это не просто фон, а активный элемент повествования, отражающий как социальные устои и ограничения эпохи, так и бурлящую душу Мэгги, жаждущей свободы и самореализации. Контрасты и символизм пейзажных картин выступают инструментом критики социальных норм и традиций, которые подавляют личность.

1. Пейзаж в романе "Мельница на Флоссе" является не просто фоном, а активным элементом повествования, который отражает не только внешний мир героев, но и их внутренний мир.

2. Социальный контекст романа красочно отражен в пейзаже: провинциальная Англия XIX века, ее религиозные традиции, социальные устои и классовые барьеры определяют судьбу героев и ограничивают их возможности.

3. Пейзаж в романе тесно связан с психологическим состоянием Мэгги Талливер: ее бунтарский дух, жажда свободы и стремление к самореализации находят отражение в контрастах и символизме пейзажных картин.

Через образ пейзажа Элиот затрагивает глубокие философские вопросы: отношения человека и природы, смысл жизни, свобода и ответственность. Мастерски используя литературные приемы и образный язык, она делает пейзаж неотъемлемой частью художественной ткани романа, создавая живописные картины, отражающие внутренний мир героини и ее конфликт с обществом.

Таким образом, пейзаж в "Мельнице на Флоссе" является не только художественным элементом, но и важным инструментом понимания глубоких идей и характеров романа. Действительно, ландшафт подчеркивает бунтарский дух Мэгги, ее конфликт с обществом и ее непрекращающееся стремление к свободе и самореализации.

Список источников

1. Проскурнин Б.М. Дж. Элиот, идеи времени и динамика английского романа // Английская литература в контексте мирового литературного процесса / Рязанский госпедуниверситет. 2005. С. 115 – 119.

2. Проскурнин Б.М., Хьюитт К. Роман «Мельница на Флоссе»: Контекст. Эстетика. Поэтика. Пермь, 2004. 92 с.

3. Eliot G. The Mill on the Floss. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1860. 2 vol. (Collection of British authors; Vol. 509-510).

4. Hewitt. C. Dzhordzh Eliot i ee roman "Middlmarch" [George Eliot and her novel "Middlemarch"]. Voprosy literatury. 2005№ 2. P. 236 – 260.

5. Cooper L. George Eliot. Harlow, 1970. 40 p.

6. Leavis F.R. George Eliot. Leavis F.R. The Great Tradition. George Eliot. Henry James. Joseph Conrad. London, Penguin Books. (In English). 1962. P. 39 – 140.

7. Levinas E. Izbrannoe: Trudnaia svoboda [Selected Works. Hard Freedom]. Per. s frants. G.V. Vdovinoi. Moscow, ROSSPEN. (In Russian). 2004.

8. Noble Thomas A. George Eliot's Scenes of Clerical Life. New Haven. 1965. P. 41.

9. Richter D.H. The Critical Tradition: Classic Texts and Contemporary Trends. Boston: Bedford/St. Martin's, 2007. 255 p.

References

1. Proskurnin B.M. J. Eliot, ideas of time and dynamics of the English novel. English literature in the context of the world literary process. Ryazan State Pedagogical University. 2005. P. 115 – 119.

2. Proskurnin B.M., Hewitt K. Novel "The Mill on the Floss": Context. Aesthetics. Poetics. Perm, 2004. 92 p.

3. Eliot G. The Mill on the Floss. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1860. 2 vol. (Collection of British authors; Vol. 509-510).

4. Hewitt. C. Dzhordzh Eliot i ee roman "Middlmarch" [George Eliot and her novel "Middlemarch"]. Voprosy literatury. 2005№ 2. P. 236 – 260.

5. Cooper L. George Eliot. Harlow, 1970. 40 p. 6. Leavis F.R. George Eliot. Leavis F.R. The Great Tradition. George Eliot. Henry James. Joseph Conrad. London, Penguin Books. (In English). 1962. P. 39 – 140.

7. Levinas E. Selected: Trudnaia svoboda [Selected Works. [Hard Freedom]. Per. s frants. G.V. Vdovinoi. Moscow, ROSSPEN. (In Russian). 2004.

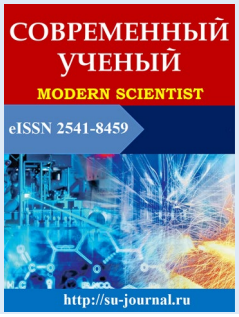
8. Noble Thomas A. George Eliot's Scenes of Clerical Life. New Haven. 1965. P. 41.

9. Richter D.H. The Critical Tradition: Classic Texts and Contemporary Trends. Boston: Bedford/St. Martin's, 2007. 255 p.

Информация об авторе

Широкова Г.А., аспирант, старший преподаватель, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6892-5929, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева № 15.

© Широкова Г.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81-23
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-224-230

Новый год в русской и китайской лингвокультурах: особенности вербализации концепта ПРАЗДНИК

[1] Пэй Хайтун

[1] Хэйлунцзянкий университет, Китай

Аннотация: в статье анализируется специфика понимания Нового года и его атрибутики в контексте вербализации концепта ПРАЗДНИК. Автор исследования обращается к данному празднику как к одному из наиболее значимых в обоих лингвокультурах – русской и китайской.
Исследование основано на ассоциативном и рисуночном экспериментах. Отмечена специфика ассоциативного эксперимента и перспективы его применения для анализа концептов; выделены особенности рисуночного эксперимента и возможности его применения в лингвистике. Проанализированы данные, полученные путем анкетирования русских и китайских респондентов в течение 2019-2021 годов. На основе анализа полученных данных (вербальных и невербальных) отмечено, что ассоциативы у носителей двух лингвокультур разнятся, поскольку традиции празднования Нового года у них также различны. Однако зафиксированы и совпадения, указывающие в первую очередь на значимость праздника в жизни и русских, и китайцев.
Автор исследования приходит к выводу, что анализ специфики новогодних праздников в контексте ассоциативного и рисуночного эксперимента показывает продуктивность подобных исследований и дает возможность аналогичной работы по отношению к другим национальным праздникам носителей русской и китайской лингвокультур.
Ключевые слова: концепт, структура концепта, лингвокультура, вербализация, ассоциат, ассоциативный эксперимент, рисуночный эксперимент, анкетирование

Для цитирования: Пэй Хайтун Новый год в русской и китайской лингвокультурах: особенности вербализации концепта ПРАЗДНИК // Современный ученый. 2024. № 5. С. 224 – 230. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-224-230

Поступила в редакцию: 19 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

New year in Russian and Chinese linguistic cultures: features of the verbalization of the the HOLIDAY concept

[1] Pei Haitong

[1] Heilongjiang University, China

Abstract: the article analyzes the specifics of understanding the New Year and its attributes in the context of the verbalization of the HOLIDAY concept. The author of the study refers to this holiday as one of the most significant in both linguistic cultures – Russian and Chinese.

The research is based on associative and pictorial experiments. The specificity of the associative experiment and the prospects of its application for the analysis of concepts are noted; the features of the drawing experiment and the possibilities of its application in linguistics are highlighted. The data obtained by questioning Russian and Chinese respondents during 2019-2021 are analyzed. Based on the analysis of the data obtained (verbal and non-verbal), it is noted that the associatives of the speakers of the two linguistic cultures differ, since the traditions of celebrating the New Year are also different. However, coincidences have also been recorded, indicating primarily the importance of the holiday in the lives of both Russians and Chinese.
The author of the study concludes that the analysis of the specifics of New Year's holidays in the context of an associative and pictorial experiment shows the productivity of such studies and makes it possible to work similarly with respect to other national holidays of native speakers of Russian and Chinese linguistic cultures.
Keywords: concept, concept structure, linguoculture, verbalization, associate, associative experiment, drawing experiment, questionnaire

For citation: Pei Haitong New year in Russian and Chinese linguistic cultures: features of the verbalization of the HOLIDAY concept. Modern Scientist. 2024. 5. P. 224 – 230. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-224-230

The article was submitted: April 19, 2024; Approved after reviewing: June 20, 2024; Accepted for publication: July 20, 2024.

Введение

Среди традиционных праздников как в России, так и в Китае, большая роль принадлежит Новому году. Разумеется, в обеих странах этот праздник отмечается в разное время, имеет разное значение в культуре и разные же традиции празднования. Тем не менее, это понятие входит в структуру концепта ПРАЗДНИК в обеих лингвокультурах, что дает основания для его сопоставления.

Целью данного исследования является выявление специфики понятия Новый год и связанной с ним атрибутики в контексте ассоциативных связей с концептом ПРАЗДНИК.

В китайской культуре праздник наступления Нового года носит наименование 春节 chūnjié – Чуньцзе, что означает Праздник весны. Этот праздник наступает в первое новолуние в период между 20-м января и 20-м февраля по григорианскому календарю и считается самым важным в годовом цикле праздников [5, с. 117].

Праздник длится 15 дней и связан с особыми обрядами, среди которых приготовление пельменей, запуск фейерверков, посещение родственников и др. [9, с. 39].

В России, как и в большинстве европейских стран, Новый год отмечается в ночь с 31 декабря на 1 января. Этот праздник является светским, а не религиозным, и потому не сопровождается особыми традициями. Основная традиция – это застолье, также люди наряжают елки и украшают дома гирляндами.

Материалы и методы исследований

Чтобы выявить особенности вербализации концепта ПРАЗДНИК в русском и китайском языках, нами был проведен ассоциативный и рисуночный эксперимент. В данной статье большее внимание уделяется китайскому Новому году, поскольку это более специфичное культурное явление, чем традиционный Новый год в России.

В течение 2019-2021 гг. нами проводился цепочечный ассоциативный эксперимент и рисуночный эксперимент в группах китайских и русских студентов.

Среди китайских студентов для начала проводился ассоциативный эксперимент с продолжающимися реакциями. В лингвистике ассоциативный эксперимент трактуют, как выявление связей между представлениями (образами), обусловленными ранее полученным опытом и благодаря им одно представление, проецирующееся в сознании, на основе сходства, смежности или противоположности вызывает другое [4, с. 45].

Интерес к ассоциативному эксперименту среди исследователей становится все более высоким. Этот метод исследований, появившись в психологии, активно применяется и в психолингвистике. Г. Щур отмечает, что ассоциации могут быть онтологическими, психологическими и эмпирическими [11]. Три вида ассоциаций выделяет В. Телия: национально-культурные; общекультурные; индивидуально-авторские либо субъективные [7].

В рамках нашего исследования нужно отметить ассоциативный эксперимент, проводимый на материале двух и более языков. Данный вид эксперимента обнаруживает сходства и различия в усвоении языка, также позволяя совершенствовать методику обучения иностранному языку [2].

При изучении концепта ассоциативный эксперимент применяется относительно недавно. В этом контексте обратим внимание на точку зрения И.В. Григорьевой и А.Б. Тумановой, которые от-

мечают, что «анализ ассоциаций на то или иное слово-стимул позволяет выявить когнитивные признаки концепта, его аксиологическое осмысление конкретным социумом» [1].

В рамках нашего исследования первый этап основывался на анкетировании. Часть вопросов была ориентирована на получение общих сведений о респонденте. Вторая часть была направлена непосредственно на выявление ассоциатов: каждый из участников эксперимента должен был дать по три группы слов (реакций) на слово-стимул «праздник». Первая группа – прямая реакция на стимул (5 слов или словосочетаний), вторая группа – реакции на слова (ответы) из первого ответа (5 слов или словосочетаний), третья группа – реакции на слова (ответы) из второго ответа (5 слов или словосочетаний).

Данная статья посвящена анализу первой группы ответов, в которых были даны непосредственные реакции на Новый год как один из ассоциатов концепта ПРАЗДНИК.

Эксперимент проводился в двух группах: 1) 105 участников из Китая (34 человека мужского пола и 71 женского, от 10 лет до 61 года), не владеющих русским языом; 2) студенты московских вузов, китайцы по происхождению (40 девушек и 20 юношей), от 18 лет до 21 года.

Вторым этапом экспериментальной работы стал рисуночный эксперимент. Применение рисуночного эксперимента в филологических исследованиях является относительно новым методом, и потому он используется небольшим рядом исследователей. По словам Н.Л. Чулкиной и Н.В. Кольцовой, которые применяют в своих исследованиях рисуночный эксперимент, рисуночные методики «напоминают игру, они помогают снизить напряжение, вызываемое языком и заданием исследователя, поэтому способны предоставить обширную информацию относительно ценностной и эмоциональной составляющих предмета исследования» [10]. Среди исследователей, обращающихся к данному типу эксперимента, отметим диссертационное исследование М.В. Зиминой [3], посвященное анализу отдельных концептов в американской картине мира; труды Н.В. Уфимцевой [8] и В.В. Сидоровой [6].

Результаты рисуночных экспериментов дают возможность выявить содержание бессознательного, того что респонденты не могут выразить словесно.

На этом этапе исследования, помимо двух названных выше групп, были задействованы также русские студенты.

Результаты и обсуждения

Полученные ответы распределились следующим образом (рис. 1):

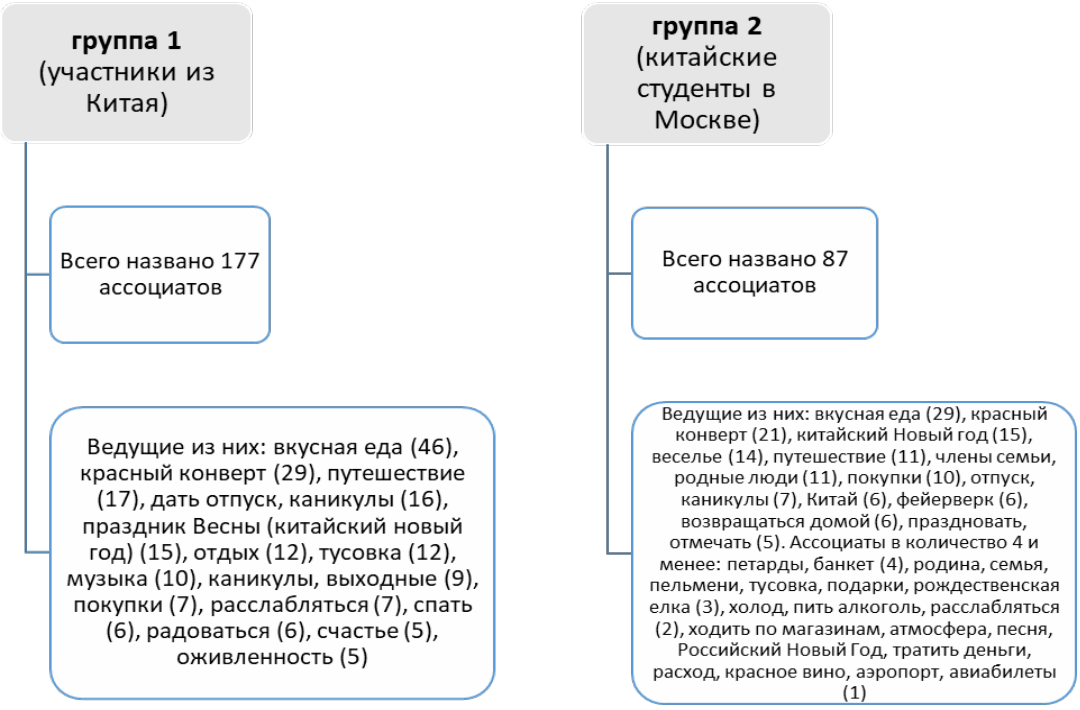


Рис. 1. Результаты ассоциативного эксперимента.
Fig. 1. Results of the associative experiment.

Данные по результатам второй группы свидетельствуют о том, что Новый год не является самым частотным ассоциатом, но при этом он третий по частотности ответов, а второй по

количеству из названных ассоциатов также имеет непосредственное отношение к этому празднику – это уже упомянутый красный конверт.

Среди других ассоциатов упомянута рождественская елка, но это атрибут уже не китайского праздника, а влияние европейской культуры.

Среди русских студентов этот этап эксперимента не проводился.

Следующим этапом исследования стал рисуночный эксперимент. На этом этапе были привлечены студенты младших курсов Российского университета дружбы народов: 65 китайцев и 50 русских. Слова и словосочетания, полученные в ходе первого этапа эксперимента, стали базой для появления рисунков, которые студенты должны были нарисовать в ходе рисуночного эксперимента. По сути эксперемента это должны были быть самые первыереакции, пришедшие им в голову. Были предложены такие слова и сочетания: *вкусная еда; путешествие; покупки; красный конверт; Китайский Новый год; отпуск/каникулы; тусовка; родные люди; музыка; веселье*. Поитогу эксперемента было получено 115 рисунков, 65 из котрых выполнены российскими студентами, а 50 рисунков китайскими.

Анализ рисунков китайских студентов дал возможность сгруппировать их по семи тематическим группам (рис. 2).

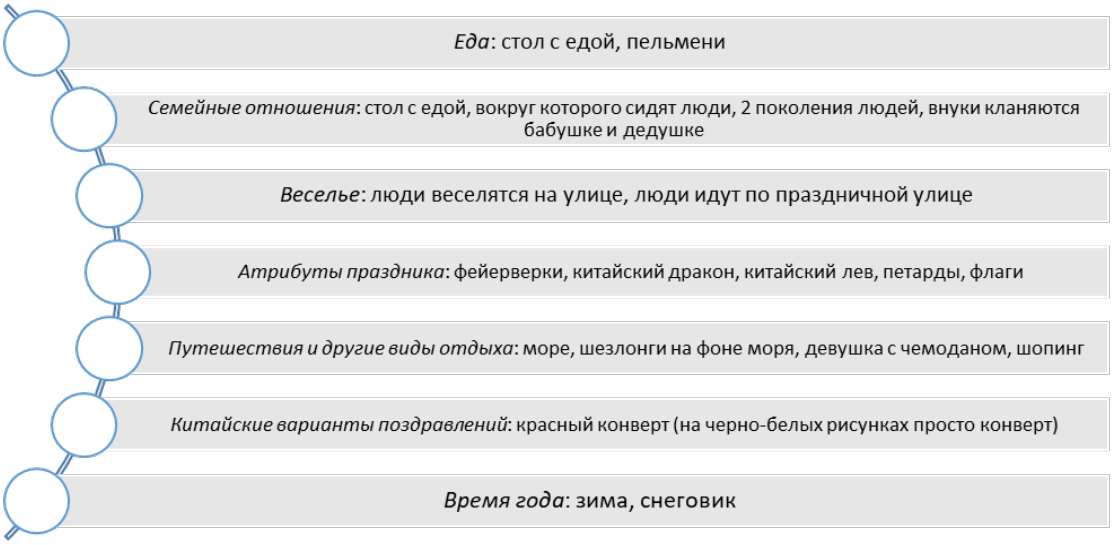


Рис. 2. Тематические группы рисунков китайских студентовэ
Fig. 2. Thematic groups of drawings by Chinese students

Наибольшее количество рисунков изображало стол с едой либо людей, сидящих за столом. Как правило, это отображение традиционных китайских ценностей, когда за столом находятся родители с двумя детьми либо представители трех поколений, что свидетельствует о важной роли семьи в китайской системе ценностей.

Что же касается отношения к Новому году, то здесь на многих рисунках мы видим значительный ряд ассоциатов, указывающих на него: стол, еда, семья, китайские фонарики, фейерверки.

Рисунки русских студентов сформировали следующие тематические группы (рис. 3):

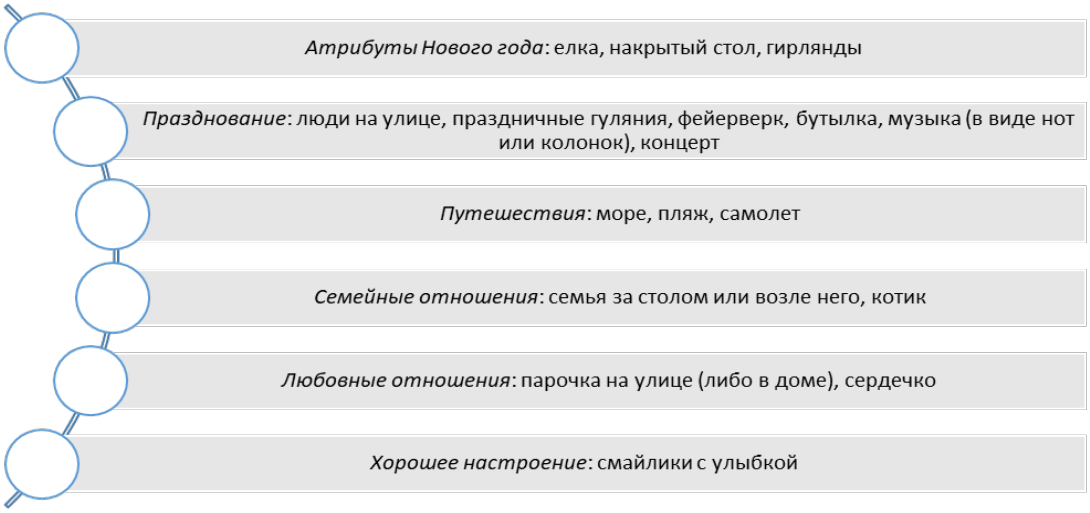


Рис. 3. Тематические группы рисунков русских студентов.
Fig. 2. Thematic groups of drawings by Chinese students

Как видим, новогодние атрибуты в ассоциациях присутствуют часто. И даже то, что стимулом среди прочих стало понятие китайского Нового года, не помешало русским студентам рисовать атрибуты русского праздника (елка, застолье и др.).

Следующим этапом рисуночного эксперимента стал такой вид работы: респондентам, еще не принимавшим участие в эксперименте, были даны рисунки первого этапа эксперемента. Русским были даны рисунки русских студентов, а китайцам рисунки китайских студентов.

Респонденты должны были дать первые пять слов, которые появляются в сознании при взгляде на рисунок.

Первый этап рисуночного эксперимента показал, что студенты обеих национальностей имеют представления о праздновании Нового года исходя из культурных традиций их страны. Соответственно, у китайских студентов на рисунках преобладает красный конверт, стол с едой, дракон, лев, фейерверки, а у русских –елка, а также бутылка. Предположительно это шампанское – обязательный атрибут Нового года в России.

Атрибутом праздника в обеих группах является стол. Он присутствует на многих рисунках двух групп. Но у китайских студентов он круглый, а у русских – прямоугольный. Эта специфика связана с традициями и культурой питания в Китае, когда заказываются одинаковые блюда, ставятся в центре стола, и за круглым столом каждый имеет одинаковую возможность до них дотянуться.

Пища на столе у русских студентов не конкретизирована и наоборот у китайцев – присутствует конкретика: изображены пельмени, без которых празднование не обходится.

На рисунках обеих групп семья является самым важным элементом, но изображено это поразному: у китайцев в ассоциации с семьей – это родители и дети, либо бабушки и дедушки с внуками, а у русских – семейная пара. Это указывает на культивирование семьи в Китае.

Второй этап рисуночного эксперимента показал следующие результаты: в результате обработки данных, полученных от российских студентов, среди повторяющихся ответов лидирует *радость* (хотя изначально исследование было направлено на вербализацию концепта ПРАЗДНИК). Менее частотны ответы: *веселье, Новый год, семья, салют, подарки, счастье*.

Интересующий нас ассоциат *Новый год* оказался на четвертом месте по частотности: его назвали 14 респондентов, что составило 3,7% от общего количества ответов. При этом такие ассоциаты, как елка, фонарики, салюты также связаны с Новым годом. Ответы показали разнообразие тематики, наличие связи с разными праздниками, однако чаще всего встречаются атрибуты Нового года.

На данном этапе было дано значительно большое число ответов, выраженных дынных только один раз (94 из 325), чтоподьверждает факт наличия разнообразия ассоциатов, вызываемых «праздником». Рисунки первого этапа эксперимента, не показывают такого разнообразия.

В результате обработки данных, собранных среди китайских студентов, ассоциаты *Праздник весны* и *Новый год* оказались по частотности на 3-м и 4-м месте соответственно (Праздник весны – 7 ответов, 2,8%; Новый год – 6 ответов, 2,4%). Важно отметить, что у китайских студентов, в отличие от русских, среди ассоциатов лидируют конкрет-

ные названия атрибутов празднования - *фонари* и *фейерверки*, а также названия конкретных праздников (*Праздник весны* и *Новый год*).

Выводы

Таким образом, в ходе ассоциативного эксперимента и рисуночного эксперимента как его разновидности было установлено, что Новый год играет весомую роль и в русской, и в китайской лингвокультурах. Как ассоциат он и его атрибуты встречаются в ответах и китайцев, и русских, причем в обоих частях эксперимента. Однако носители двух лингвокультур имеют дело с разными праздниками (которые даже проводятся в разное время), соответственно, и ассоциаты у них разнятся. Для китайцев это красный конверт, семейное застолье, фонари, фейерверки и петарды, для русских (даже при описании китайских рисунков) – новогодняя ель, застолье, салюты.

Анализ специфики новогодних праздников как одного из ассоциатов на концепт ПРАЗДНИК показывает продуктивность подобных исследований и дает возможность аналогичной работы по отношению к другим национальным праздникам носителей русской и китайской лингвокультур.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке Хэйлунцзянского университета, проект 2023-KYYWF-1591, тема проекта: «Сопоставительное изучение образов народов мира на примере концепта «праздник» в русской и китайской лингвокультурах»

Список источников

1. Григорьева И.В., Туманова А.Б. Из опыта концептуального анализа: свободный ассоциативный эксперимент // Неофилология. 2019. № 17. С. 6 – 13. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-opyta-kontseptualnogo-analiza-svobodnyy-assotsiativnyy-eksperiment (дата обращения: 11.03.2024)
2. Залевская А.А. Свободные ассоциации в трех языках // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 178 – 194.
3. Зимина М.В. Специфика представления концептов Beauty, Home, Freedom в американской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018. 172 с.
4. Климкова Л.А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте // Филологические науки.1991. № 1. С. 45 – 54.
5. Кораблева И.С. Китайские народные праздники, их коммуникативные особенности, сплачивающие идеи и традиции // Коммуникология: электронный научный журнал. 2018. Т. 3. № 4. С. 117.
6. Сидорова В.В. Культура образа. Кросс-культурный анализ образа сознания. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 220 с.
7. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. С. 91.
8. Уфимцева Н.В. Ассоциативный эксперимент и когнитивные стратегии респондентов // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 920 – 925.
9. Филиппова Н.П., Го Юн Ло. Праздничная культура Китая: символические составляющие // Культура и цивилизация. 2015. № 1-2. С. 39.
10. Чулкина Н.Л., Кольцова Н.В. Сопоставление концептуальных полей "богатство / бедность" в китайской и русской лингвокультурах: анализ языковых и рисуночных ассоциаций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-kontseptualnyh-poley-bogatstvo-bednost-v-kitayskoy-i-russkoy-lingvokulturah-analiz-yazykovyh-i-risunochnyh-assotsiatsiy (дата обращения: 23.03.2024)
11. Щур Г.С. О типах лексических ассоциаций в языке // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 140 – 151.

References

1. Grigorieva I.V., Tumanova A.B. From the experience of conceptual analysis: free associative experiment. Neofilologiya. 2019. No. 17. P. 6 – 13. [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-opyta-kontseptualnogo-analiza-svobodnyy-assotsiativnyy-eksperiment (date of access: 11.03.2024)
2. Zalevskaya A.A. Free associations in three languages. Semantic structure of the word: psycholinguistic studies. Moscow: Nauka, 1971. P. 178 – 194.

3. Zimina M.V. Specificity of representation of the concepts Beauty, Home, Freedom in the American linguistic picture of the world: dis. ... Cand. Philological Sciences. Nizhny Novgorod, 2018. 172 p.

4. Klimkova L.A. Associative meaning of words in a fiction text. Philological sciences. 1991. No. 1. P. 45 – 54.

5. Korableva I.S. Chinese folk holidays, their communicative features, unifying ideas and traditions. Communicology: electronic scientific journal. 2018. Vol. 3. No. 4. P. 117.

6. Sidorova V.V. Culture of the image. Cross-cultural analysis of the image of consciousness. Kharkov: Humanitarian center, 2012. 220 p.

7. Telia V.N. Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Science, 1986. P. 91.

8. Ufimtseva N.V. Associative experiment and cognitive strategies of respondents. Cognitive studies of language. editor-in-chief of the series N.N. Boldyrev; Moscow of Education and Science of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Russian Assoc. of Linguists-Cognitive Scientists. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008. P. 920 – 925.

9. Filippova N.P., Guo Yun Luo. Festive culture of China: symbolic components. Culture and Civilization. 2015. No. 1-2. P. 39.

10. Chulkina N.L., Koltsova N.V. Comparison of the conceptual fields "wealth/poverty" in Chinese and Russian linguacultures: analysis of linguistic and pictorial associations. Questions of psycho-linguistics. 2019. No. 1 (39). [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-kontseptualnyh-poley-bogatstvo-bednost-v-kitayskoy-i-russkoy-lingvokulturah-analiz-yazykovyh-i-risunochnyh-assotsiatsiy (date of access: 23.03.2024)

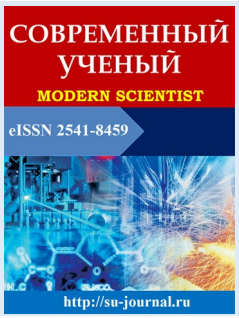
11. Shchur G.S. On the types of lexical associations in language. Semantic structure of the word: Psycholinguistic studies. Moscow: Nauka, 1971. P. 140 – 151.

Информация об авторе

Пэй Хайтун, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт русского языка, Хэйлунцзянкий университет, Харбин г., Китай

© Пэй Хайтун, 2024

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 371
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-231-237

К вопросу о формировании в условиях дополнительного образования предпринимательской культуры учащихся старших классов

[1] Гребенников О.В., [1] Синицын Ю.Н.

[1] Кубанский государственный университет

Аннотация: формирование предпринимательской культуры у старшеклассников является одной из приоритетных задач современного образования. Система дополнительного образования, благодаря своей гибкости и открытости инновациям, предоставляет достаточно широкие возможности для эффективной реализации данной задачи. В статье обосновывается актуальность формирования предпринимательской культуры у современных старшеклассников в условиях динамично развивающейся российской экономики; рассматриваются роль, функции системы дополнительного бизнес-образования (развивающая, мотивационно-ценностная, профориентационная, профильно-образовательная, практико-ориентированная функция) как эффективной учебно-воспитательной профориентационной площадки для развития предпринимательских компетенций учащихся старших классов; анализируются ключевые факторы (социально-экономические, политические, образовательные, личностные, инновационные факторы), обусловливающие необходимость целенаправленного формирования предпринимательской культуры у старшеклассников; представлены педагогические условия эффективности формирования предпринимательской культуры у старшеклассников в системе дополнительного образования в условиях клубного объединения. В статье также рассматривается роль педагога дополнительного образования в процессе формирования предпринимательской культуры у старшеклассников в рамках клубного объединения юных предпринимателей; анализируются ключевые функции и компетенции педагога, необходимые для эффективного руководства объединением и создания благоприятных условий для развития предпринимательских навыков, компетенций учащихся старших классов. Особое внимание уделяется методам и подходам, используемым педагогом для стимулирования творческого потенциала, командной работы и предпринимательского мышления у старшеклассников.
Ключевые слова: дополнительное образование, учащиеся старших классов, предпринимательская культура, педагогические условия, педагог дополнительного образования

Для цитирования: Гребенников О.В., Синицын Ю.Н. К вопросу о формировании в условиях дополнительного образования предпринимательской культуры учащихся старших классов // Современный ученый. 2024. № 5. С. 231 – 237. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-231-237

Поступила в редакцию: 2 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On the issue of developing an entrepreneurial culture for high school students in the context of additional education

[1] Grebennikov O.V., [1] Sinitsyn Yu.N.

[1] *Kuban State University*

Abstract: forming an entrepreneurial culture among high school students is one of the priorities of modern education. The system of additional education, due to its flexibility and openness to innovation, provides ample opportunities for the effective implementation of this task. The article substantiates the relevance of the formation of an entrepreneurial culture among modern high school students in the conditions of the dynamically developing Russian economy; the role and functions of the system of additional business education (developmental, motivational-value, career guidance, profile-educational, practice-oriented function) are considered as an effective educational and educational career guidance platform for the development of entrepreneurial competencies of high school students; analyzes key factors (socio-economic, political, educational, personal, innovative factors) that determine the need for the targeted formation of an entrepreneurial culture among high school students; the pedagogical conditions for the effectiveness of the formation of an entrepreneurial culture among high school students in the system of additional education in the conditions of a club association are presented. The article also examines the role of the additional education teacher in the process of developing an entrepreneurial culture among high school students within the framework of a club association of young entrepreneurs; the key functions and competencies of a teacher necessary for effective management of the association and creating favorable conditions for the development of entrepreneurial skills and competencies of high school students are analyzed. Particular attention is paid to the methods and approaches used by the teacher to stimulate creativity, teamwork and entrepreneurial thinking in high school students.
Keywords: additional education, high school students, entrepreneurial culture, pedagogical conditions, additional education teacher

For citation: Grebennikov O.V., Sinitsyn Yu.N. On the issue of developing an entrepreneurial culture for high school students in the context of additional education. Modern Scientist. 2024. 5. P. 231 – 237. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-231-237

The article was submitted: April 2, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В современных социально-экономических реалиях, характеризующихся динамичным развитием рыночных отношений, ростом конкуренции, формирование предпринимательской культуры у старшеклассников приобретает особую актуальность. Система дополнительного бизнес-образования выступает в качестве эффективного дидактического инструмента для решения этой важной задачи.

Актуальность формирования предпринимательской культуры у современных старшеклассников в системе дополнительного образования обусловлена рядом факторов: а) социально-экономические факторы (развитие предпринимательской культуры способствует формированию активной жизненной позиции, инициативности и самостоятельности у молодёжи, что является важным условием для успешной адаптации к требованиям современного рынка труда и реализации собственного предпринимательского потенциала); б) политические факторы (государственная политика нашей страны в области развития предпринимательства и поддержки малого, среднего бизнеса требует подготовки квалифицированных кадров, обладающих необходимыми знаниями, умениями и личностными качествами для ведения предпринимательской деятельности); в) образовательные факторы (формирование предпринимательской культуры способствует развитию таких ключевых компетенций выпускников школ, как критическое мышление, креативность, умение работать в команде, принимать решения в условиях неопределённости, что соответствует современным тенденциям в образовании); г) личностные факторы (развитие предпринимательской культуры у старшеклассников способствует формированию ценностных профессионально-прикладных ориентаций, мотивации к достижению успеха в трудовой сфере, готовности к риску, что является

важными условиями для самореализации и личностного роста выпускника школы); д) инновационные факторы (предпринимательская культура тесно связана с инновационной деятельностью, стимулируя генерирование новых идей, разработку и внедрение инноваций, что способствует развитию экономики знаний и повышению экономической конкурентоспособности страны).

В целом же, формирование предпринимательской культуры у современных старшеклассников в системе дополнительного образования является актуальной задачей, обусловленной социально-экономическими, политическими, образовательными, личностными и инновационными факторами. Решение этой задачи будет способствовать развитию предпринимательского потенциала молодёжи, стимулированию ее инновационной активности и повышению экономической конкурентоспособности страны.

Материалы и методы исследований

Базовыми педагогическими подходами и методами формирования предпринимательской культуры старшеклассников в дополнительном образовании являются: а) практико-ориентированный подход (организация обучения через практическую деятельность, решение реальных бизнес-кейсов, разработку и реализацию проектов, и др.); б) игровые и интерактивные методы (деловые игры, бизнес-симуляции, мастер-классы с успешными предпринимателями, специализированные тренинги, и др.); в) метод проектов (разработка и реализация обучающимися собственных бизнес-проектов под руководством опытных и квалифицированных наставников); г) метод портфолио (формирование портфолио достижений, включающего бизнес-идеи, проекты, результаты участия в конкурсах и мероприятиях, и др.); д) личностно-ориентированный подход (учёт индивидуальных особенностей и интересов учащихся старших классов, создание условий для самореализации и развития предпринимательского потенциала).

Результаты и обсуждения

В современном обществе предпринимательская культура становится все более важным элементом социального развития молодого человека. Данная культура не только способствует развитию экономики страны, но и формирует личностные качества, необходимые для успешной адаптации в быстро меняющемся мире.

Становление предпринимательской культуры старшеклассников представляет собой важный этап в развитии национальной системы образования, направленной на подготовку молодёжи к активной трудовой и общественной жизни, успешной карьере. В условиях современного мира, где стартапы играют ключевую роль в экономическом прогрессе, важно обеспечить выпускников школ не только теоретическими знаниями в сфере предпринимательства, но и практическим опытом, необходимым для осуществления, реализации собственных проектов и идей.

Система дополнительного бизнес-образования обладает значительным потенциалом для формирования предпринимательской культуры старшеклассников. Ее преимущества заключаются в следующем: а) в практико-ориентированном подходе к обучению, основанном на решении реальных бизнес-кейсов и проектной деятельности обучающихся; б) в использовании современных интерактивных методов обучения (деловые игры, бизнес-симуляции, мастер-классы успешных предпринимателей, специализированные тренинги, и др.); в) в возможности создания особой предпринимательской среды и бизнес-инкубаторов для реализации проектов обучающихся; г) в гибкости и вариативности образовательных программ, позволяющих учитывать индивидуальные потребности и интересы старшеклассников.

В процессе формирования предпринимательской культуры у старшеклассников в системе дополнительного бизнес-образования значительную роль играют клубные объединения. Данный формат обладает рядом преимуществ и создаёт благоприятные условия для развития необходимых знаний, умений и личностных качеств членов клубного объединения юных предпринимателей, составляющих основу предпринимательской культуры. Клубные объединения позволяют старшеклассникам определиться с выбором профессионального пути в сфере предпринимательства или вне его, получить практический опыт реализации своих идей, сформировать необходимые компетенции для будущей карьеры. Очень важно, что клубные объединения создают неформальную атмосферу для свободы самовыражения, комфортную среду для раскрытия творческого потенциала и проявления инициативы старшеклассников.

Предпринимательская культура старшеклассников представляет собой систему ценностей, норм, установок и моделей поведения, характерных для предпринимательской деятельности. Основными компонентами предпринимательской культуры являются: ценностные ориентации (инициативность, креативность, стремление к успеху, готовность к риску, высокая ценность социальной ответственности бизнеса, и др.); знания и навыки (экономические, правовые, управленческие, коммуникативные, психологические, и др.); мотивация и личностные качества (лидерство, ответственность, самоорганизация, решительность, и

др.). Предпринимательская культура старшеклассников включает в себя не только знания о бизнесе, но и способность к инновациям, риску, творчеству, адаптивности и предприимчивости. Данная культура характеризуется своеобразным образом мышления и поведения, который способствует адаптации личности в современной экономической среде [7, 11]. Формируется предпринимательская культура старшеклассников на основе междисциплинарного подхода, объединяющего экономические, правовые, управленческие и другие аспекты предпринимательства.

Эффективное формирование предпринимательской культуры в условиях дополнительного образования требует соблюдения ряда педагогических условий: а) разработка специализированных образовательных программ, интегрирующих знания из различных областей (экономики, права, маркетинга, менеджмента, психологии, социологии, и др.) и направленных на развитие предпринимательских компетенций; б) использование активных и интерактивных методов обучения, таких как деловые игры, кейс-стади, проектная деятельность, позволяющих моделировать реальные бизнес-ситуации и развивать практические навыки; в) создание предпринимательской образовательной среды, включающей бизнес-инкубаторы, конкурсы бизнес-идей, взаимодействие с успешными предпринимателями, и др.); г) привлечение квалифицированных преподавателей и экспертов, обладающих не только теоретическими знаниями, но и практическим опытом ведения предпринимательской деятельности; д) организация исследовательской и проектной деятельности учащихся, направленной на разработку и реализацию собственных бизнес-проектов; е) развитие мотивации и ценностного отношения к предпринимательству через демонстрацию успешных примеров, формирование позитивного имиджа предпринимательской деятельности; ж) тесное взаимодействие, сотрудничество с региональным бизнес-сообществом (привлечение представителей бизнеса в качестве экспертов, наставников для членов клуба юных предпринимателей; организация экскурсий на предприятия малого, среднего бизнеса, встреч с успешными предпринимателями; создание партнерских отношений с региональными бизнес-инкубаторами и центрами поддержки предпринимательства; участие старшеклассников в реальных бизнес-проектах и стартапах, и др.); з) профессиональная компетентность педагогов, являющихся руководителями клубных объединений юных предпринимателей (обеспечение высокого уровня профессиональной подготовки педагогов в области предпринимательства; организация повышения квалификации и обмена опытом с ведущими экспертами и практиками предпринимательской деятельности; поддержка инициатив педагогов по внедрению инновационных методов и технологий обучения, и др.) [9, 11, 12].

Особое внимание в дополнительном образовании следует уделить формированию практического опыта учащихся, что может включать в себя создание школьных стартапов, участие в проектах с реальными заказчиками, а также практику в местных предприятиях и компаниях малого, среднего бизнеса.

В целом же, формирование предпринимательской культуры учащихся старших классов в условиях дополнительного образования является важным направлением педагогической деятельности, способствующим развитию предпринимательского мышления, формированию необходимых компетенций и стимулированию инновационной активности молодёжи. Создание благоприятных педагогических условий позволит повысить качество и эффективность данного процесса, обеспечив подготовку конкурентоспособных и успешных предпринимателей будущего.

Личность и профессионализм педагога дополнительного образования в клубном объединении юных предпринимателей играет ключевую роль в формировании предпринимательской культуры у старшеклассников. Педагог выступает в качестве наставника, мотиватора и координатора деятельности объединения, создавая благоприятные условия для развития предпринимательских компетенций учащихся.

Функции педагога в клубном объединении юных предпринимателей: а) создание мотивирующей и творческой среды (педагог способствует формированию благоприятной атмосферы клубных занятий, поощряющей инициативу, креативность и предпринимательское мышление у старшеклассников); б) организация и координация деятельности клубного объединения (педагог планирует и координирует работу клуба, разрабатывает программы и мероприятия, направленные на развитие предпринимательских компетенций учащихся старших классов); в) наставничество и педагогическая поддержка (педагог выступает в роли наставника, оказывая консультационную помощь, предоставляя обратную связь и способствуя личностному и профессиональному росту старшеклассников); г) взаимодействие с региональным бизнес-сообществом (педагог устанавливает связи с представителями бизнеса, привлекая их в качестве экспертов, спикеров на заседаниях клуба, потенциальных партнёров для реализации бизнес-идей, проектов членов клубного объединения); д)

развитие предпринимательских компетенций учащихся старших классов (педагог использует различные образовательные методы и технологии (проектное обучение, деловые игры, мастер-классы, кейс-стади, и др.) для развития у старшеклассников необходимых предпринимательских навыков и компетенций [2, 3, 10].

Для эффективного руководства клубным объединением юных предпринимателей педагог должен обладать следующими компетенциями: глубокие и системные междисциплинарные знания в области предпринимательства, экономики, управления, маркетинга, психологии, педагогики и других смежных дисциплин; практический опыт предпринимательской деятельности или тесное взаимодействие с представителями регионального бизнес-сообщества; умение мотивировать и вдохновлять участников клуба на освоение основ современного предпринимательства, в том числе, и с учётом региональных особенностей, стимулировать их креативность, инициативность, развивать из самостоятельность, самодисциплину, и др.; навыки организации и координации профессионально-ориентированной проектной деятельности участников клуба, командной работы и сотрудничества; способность создавать благоприятную психологическую атмосферу на занятиях клубного объединения и устанавливать доверительные отношения со старшеклассниками; способность осуществлять воспитательную работу с учащимися старших классов, в частности, осуществлять воспитание у членов клуба предпринимательской ответственности, понимания социальной и экологической роли бизнеса в современных условиях; готовность к постоянному профессиональному и личностному саморазвитию, самообразованию, изучению новых методик и технологий обучения [1, 4, 6].

Процесс формирования основ предпринимательской культуры старшеклассников в условиях клубных занятий в системе допобразования требует создания стимулирующей образовательной (учебно-воспитательной) среды, которая поощряет и поддерживает инициативу, творчество и сотворчество, самостоятельность и обмен идеями учащихся. Для эффективного формирования предпринимательской культуры необходимо учитывать актуальные тенденции и вызовы современного бизнеса, что может включать в себя изучение цифровых технологий, экологического предпринимательства, социального предпринимательства и других сфер, которые становятся все более значимыми в современном российском обществе [5, 8, 13].

Выводы

Дополнительное бизнес-образование выполняет ряд важных функций в процессе формирования основ предпринимательской культуры старшеклассников: профильно-образовательная функция (программы дополнительного бизнес-образования обеспечивают старшеклассников необходимыми теоретическими знаниями в области предпринимательства, и др.); практико-ориентированная (используются активные и интерактивные методы обучения, позволяющие моделировать реальные бизнес-ситуации и развивать практические навыки принятия решений, управления ресурсами, коммуникации и работы в команде); мотивационно-ценностная функция (погружение в предпринимательскую образовательную среду, взаимодействие с успешными предпринимателями способствует формированию ценностного отношения к предпринимательству, развитию мотивации к достижению успеха, готовности к риску и самореализации); развивающая функция (участие в программах дополнительного бизнес-образования стимулирует развитие таких личностных качеств, как креативность, инициативность, ответственность, способность к непрерывному обучению, что является важным условием для успешной предпринимательской деятельности; профориентационная функция (дополнительное бизнес-образование помогает старшеклассникам получить представление о различных сферах предпринимательской деятельности, определиться с выбором профессионального пути и сформировать необходимые компетенции для будущей карьеры).

Клубные объединения юных предпринимателей играют важную роль в процессе формирования основ предпринимательской культуры старшеклассников в системе дополнительного бизнес-образования, создавая педагогические условия для получения теоретических знаний, развития практических навыков, коммуникативных компетенций, формирования ценностных профессиональных ориентаций и личностных качеств, необходимых для успешной предпринимательской деятельности.

Педагоги дополнительного образования играют ключевую роль в обучении старшеклассников практическим навыкам, необходимым для успешного предпринимательства. Они помогают ученикам развивать навыки управления проектами, коммуникации, презентации и решения проблем.

Эффективность работы педагога дополнительного образования в формировании предпринимательской культуры у старшеклассников в условиях клубного объединения юных предпринимателей зависит от ряда факторов, таких как, в частности,

его профессионализм, компетентность, личностные качества, а также наличие необходимых ресурсов и поддержки со стороны администрации образовательного учреждения и партнёров из регионального бизнес-сообщества.

Формирование предпринимательской культуры учащихся старших классов в условиях дополнительного образования является важной задачей, способствующей развитию предпринимательского потенциала молодёжи и подготовке кадров для инновационной экономики страны. Использование практико-ориентированных, интерактивных и проектных методов обучения, а также личностно-ориентированного, практико-ориентированного подходов позволяет создать благоприятные условия для формирования всех компонентов предпринимательской культуры старшеклассников. Системное внедрение данных подходов в практику дополнительного образования будет способствовать повышению предпринимательской активности и успешной реализации предпринимательских инициатив молодёжи.

Список источников

1. Городецкая Н.И. Формирование готовности старшеклассников к предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. педаг. наук. М., 2008. 16 с.

2. Гребенников О.В. Методическое обеспечение педагогического сопровождения социального развития старшеклассников в условиях дополнительного бизнес-образования // Традиции и новации в системе профессионального образования: матер. II Междунар. науч.-пр. конф. (г. Москва, 08 июля 2023 г.). М.: Изд-во «Перспектива», 2023. С. 68 – 76.

3. Гребенников О.В., Синицын Ю.Н. Педагогическое сопровождение социального развития подростков в условиях дополнительного образования предпринимательского профиля // Антропологическая дидактика и воспитание. 2023. Т. 6. № 4. С. 21 – 32.

4. Гребенников О.В., Синицын Ю.Н. Некоторые аспекты педагогического сопровождения социального развития старшеклассников в клубном объединении дополнительного бизнес-образования // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2023. № 5. С. 133 – 140.

5. Егоршина О.В. Воспитание готовности старшеклассников к самостоятельной предпринимательской деятельности: дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 149 с.

6. Колачева Н.В., Быкова Н.Н. Особенности формирования предпринимательской компетенции у обучающихся // Вестник НГИЭИ. 2016. № 1 (44). С. 29 – 35.

7. Климова Е.К. Профессиональная деятельность предпринимателя. Психология успеха. СПб.: Скифия, 2014. 206 с.

8. Кураков Л.П. Экономическое образование и воспитание школьников. М.: Просвещение, 2008. 144 с.

9. Максимов В.П. Подготовка школьников к предпринимательской деятельности // Педагогика. 2007. № 8. С. 63.

10. Парамонов А.И. Организационно-педагогические основы предпринимательской подготовки учащихся (в системе дополнительного образования детей): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 18 с.

11. Пуденко Т.И. Деятельностный подход к обучению старшеклассников основам предпринимательства: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 21 с.

12. Умтумбаев М.Н. Организационно-педагогические условия развития предприимчивости у школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 24 с

13. Шемякин Б.П. Экономическое воспитание школьников: вопросы теории и методики. М.: Педагогика, 2006. 95 с.

References

1. Gorodetskaya N.I. Formation of high school students' readiness for entrepreneurial activity: abstract. dis. ... cand. teacher Sci. M., 2008. 16 p.

2. Grebennikov O.V. Methodological support for pedagogical support of social development of high school students in the conditions of additional business education. Traditions and innovations in the system of professional education: material. II Int. scientific-pr. conf. (Moscow, July 08, 2023). M.: Publishing house "Perspective", 2023. P. 68 – 76.

3. Grebennikov O.V., Sinitsyn Yu.N. Pedagogical support of social development of teenagers in the conditions of additional education of an entrepreneurial profile. Anthropological didactics and education. 2023. Vol. 6. No. 4. P. 21 – 32.

4. Grebennikov O.V., Sinitsyn Yu.N. Some aspects of pedagogical support for the social development of high school students in the club association of additional business education. Bulletin of the International Center of Art and Education. 2023. No. 5. P. 133 – 140.

5. Egorshina O.V. Raising the readiness of high school students for independent entrepreneurial activity: dis. ... cand. ped. Sci. M., 2004. 149 p.

6. Kolacheva N.V., Bykova N.N. Features of the formation of entrepreneurial competence among students. Bulletin of NGIEI. 2016. No. 1 (44). P. 29 – 35.

7. Klimova E.K. Professional activity of an entrepreneur. Psychology of success. St. Petersburg: Skifia, 2014. 206 p.

8. Kurakov L.P. Economic education and upbringing of schoolchildren. M.: Education, 2008. 144 p.

9. Maksimov V.P. Preparing schoolchildren for entrepreneurial activity. Pedagogy. 2007. No. 8. P. 63.

10. Paramonov A.I. Organizational and pedagogical foundations of entrepreneurial training for students (in the system of additional education for children): abstract of thesis. dis. ...cand. ped. Sci. M., 2000. 18 p.

11. Pudenko T.I. An activity-based approach to teaching high school students the basics of entrepreneurship: abstract of thesis. dis. ... cand. ped. Sci. M., 2008. 21 p.

12. Umtumbaev M.N. Organizational and pedagogical conditions for the development of entrepreneurship in schoolchildren: abstract of thesis. dis. ... cand. ped. Sci. M., 2008. 24 p.

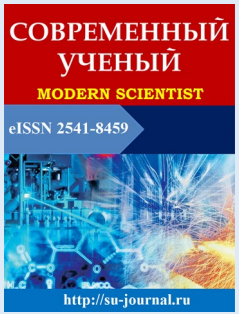
13. Shemyakin B.P. Economic education of schoolchildren: issues of theory and methodology. M.: Pedagogika, 2006. 95 p.

Информация об авторах

Гребенников О.В., доцент, Orcid ID 0000-0001-7575-6804, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, vmgrebennikova@mail.ru

Синицын Ю.Н., доктор педагогических наук, профессор, Orcid ID 0000-0001-8810-4426, Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, sinicyn_yuriy333@mail.ru

© Гребенников О.В., Синицын Ю.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 37.015.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-238-243

Особенности образовательной мотивации учащихся с различным уровнем самооценки

[1] Люй Синь

[1] Белорусский национальный технический университет, Беларусь

Аннотация: цель исследования – определить сущность и особенности образовательной мотивации учащихся, обладающих различным уровнем самооценки. Автором приводится краткая характеристика таких категорий, как «мотивация» и «самооценка», анализируются факторы, которые влияют на данные категории. Научная новизна исследования заключается в определении факторов, влияющих на уровни мотивации и самооценки на основе работ китайских исследователей и в предложении конкретных методов их повышения посредством использования различных стратегий, включая альтернативный опыт. В результате установлено, что учебная мотивация является важным фактором повышения энтузиазма и успеваемости. Повышение самооценки помогает студентам избавиться от беспомощности и тревоги при столкновении с проблемами, трудностями или стрессом в учебе. Педагогам рекомендуется постоянно проводить анализ конкретных проблем и реализовать целенаправленное обучение в соответствии с индивидуальными характеристиками студентов, опытом и уровнем их самооценки.
Ключевые слова: самооценка, мотивация, студенты, образование, педагогика, опыт, стратегия

Для цитирования: Люй Синь Особенности образовательной мотивации учащихся с различным уровнем самооценки // Современный ученый. 2024. № 5. С. 238 – 243. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-238-243

Поступила в редакцию: 2 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Features of educational motivation of students with different levels of self-esteem

[1] Lu Xin

[1] Belarusian National Technical University, Belarus

Abstract: the purpose of the research is to determine the essence and characteristics of educational motivation of students with different levels of self-esteem. The author provides a brief description of such categories as “motivation” and “self-esteem” and analyzes the factors that influence these categories. The scientific novelty of the study lies in identifying the factors influencing the levels of motivation and self-esteem based on the work of Chinese researchers and in proposing specific methods for increasing them using various strategies, including alternative experiences. The results found that learning motivation is an important factor in increasing enthusiasm and academic performance. Increasing self-esteem helps students get rid of helplessness and anxiety when faced with problems, difficulties, or stress in their studies. Educators are encouraged to continually analyze specific problems and implement targeted instruction based on students' individual characteristics, experiences, and levels of self-esteem.
Keywords: self-esteem, motivation, students, education, pedagogy

For citation: Lu Xin Features of educational motivation of students with different levels of self-esteem. Modern Scientist. 2024. 5. P. 238 – 243. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-238-243

The article was submitted: April 2, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В настоящее время в обществе происходит большое количество политических, социальных, экономических и организационных изменений, в результате чего появляется необходимость перемен в сфере подготовки будущих специалистов. Современные организации нуждаются в работниках, обладающих высоким уровнем личностного развития, инициативности, профессионализма и, конечно, мотивации. Именно поэтому многие исследователи в настоящее время исследуют мотивацию студентов, равно как и способы ее повышения. Дело в том, что высокий уровень академического интереса представляет собой основу успешного обучения, однако не менее важной составляющей в рамках данного процесса является самооценка. От нее зависят субъективные цели и ожидания от обучения, равно как и стратегии их достижения. Именно такие тезисы и составляют актуальность данного исследования.

Цель исследования структурировала следующие задачи: 1) Определить сущность категорий «мотивация» и «самооценка», 2) Проанализировать факторы, влияющие на изменение мотивации и самооценки (социальный климат, общение с педагогом, родителями и т.д.), 3) Предложить стратегии повышения учебной мотивации и самооценки студентов с различными личностными характеристиками. Для осмысления особенностей учебной мотивации и самооценки различного уровня в статье применяются следующие методы исследования: описательный анализ, сравнительный анализ, контент-анализ.

Теоретической базой исследования послужили публикации китайских ученых, которые занимались изучением психологического состояния, влияния субъективного опыта на самооценку и учебную мотивацию, разрабатывали собственные методики их повышения и т.д. Среди них необходимо отметить следующих: Ван М., Чжан Ч., Сюэ Ф., Вэй Л., Гоян Ф., Вэньцзин Л., Цзиньи Л., Кан Ч., Дяньшунь Х., Чжаньлин Ч., Пин Ч., Цай Л., Цзя С., Чэнь Л., Юаньюань Ц.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изучение учебной мотивации и самооценки представляет собой важный аспект образовательной системы и ее результативность. Дело в том, что повышение психологического благополучия приводит к более эффективному усвоению знаний, а также развитию интереса к учебе. В этом и заключается важность настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

В настоящей работе использование такие методы, как анализ, синтез, музыковедческий и педагогический анализ, контент-анализ и исторический метод. Материалом исследования выступила научная литература и книги, посвященные рассмотрению самооценки студентов.

Результаты и обсуждения

Мотивация является важным фактором продвижения учебной деятельности студентов. Многие ученые отмечают, что данная категория тесно связана с уровнем самооценки и академических результатов [6, с. 35]. Тем не менее, многие студенты могут осознать важность обучения и его влияние на будущую занятость и жизненный путь, но часто они теряют к ней интерес ввиду множества проблем, которые могут быть связаны со сложностью учебных материалов, отношением педагога, общением со сверстниками и т. д. Отсутствие мотивации к обучению в настоящее время стало общей проблемой, которая препятствует развитию человека как самостоятельной и индивидуальной личности. Поэтому педагоги должны быть привержены принципам повышения ее уровня, равно как и самооценки самих студентов. Многие исследования показали, что она тесно связана с мотивацией к обучению [5, с. 807]. Из-за этого в этой статье необходимо рассмотреть самооценку как один из факторов стимулирования мотивации студентов к обучению.

Категория самооценки относится к уверенности в достижении поставленных целей в конкретной области. Если человек чувствует, что может успешно осуществлять определенную деятельность, он решится на выполнение конкретных действий. Например, студенты не только знают, что хорошая успеваемость может быть высоко оценена педагогом и родителями, но и чувствуют, что достижение высоких результатов повышает уверенность в себе. Среди них на самооценку влияет опыт успеха и неудачи в обучении, альтернативный опыт, словесное убеждение, эмоциональное пробуждение и т.д.

Самооценку можно определить как личностное образование, которое принимает участие в регуляции деятельности и поведения человека, как авто-

номную особенность личности, ее центральный компонент, формирующийся при активном участии личности и отражающий уникальность ее внутреннего мира. Самооценка отражает особенности осознания личности своих действий и поступков, целей и мотивов, умение оценивать и видеть свои способности и возможности. Также отмечается связь самооценки с уровнем притязаний. У. Джеймсом была предложена формула, согласно которой самоуважение прямо пропорционально притязаниям, т.е. планируемым успехам, которые субъект желает достичь. Наша удовлетворенность собой в жизни полностью определяется работой, которой мы себя посвящаем.

Далее необходимо отметить, что мотивация обучения студентов в основном включает в себя следующие аспекты:

1. Достижение требований родителей;
2. Получение хороших оценок;
3. Выполнение требований учителей;
4. Принятие на себя социальной ответственности;
5. Оценка и похвала от сверстников;
6. Удовлетворение ожиданий собственной учебы;
7. Интерес к личной репутации;
8. Интерес в определенном предмете, курсе и т.д.

Из приведенного выше списка видно, что на учебную мотивацию влияют различные факторы, которые опосредованы не только субъективным когнитивным уровнем, жизненным опытом и условиями обучения, но и социальным окружением. Кроме того, студенты вузов находятся на пике собственного физического и психического развития, поэтому их отклонение или снижение уровня самооценки может сильно сказать на академических результатах [7, с. 14]. Из этого можно сделать промежуточный вывод, что мотивация к обучению имеет нестабильный и неопределенный статус-кво; кроме того, на уровень самооценки часто влияют внешние факторы, а не внутренняя мотивация. Исследования показали, что для студентов внешняя мотивация часто связана с признанием педагогов и высоким уровнем слаженности общения между сверстниками [9, с. 74]. Из типов и существующих проблем мотивации обучения студентов видно, каждая из них тесно связана с уровнем самооценки.

Далее необходимо отметить, что самооценка связана с мотивацией, сочетая интересы, потребности, тягу к знаниям и эмоции человека. Она также оказывает влияние на выбор индивидуальных учебных задач, степень усилий и настойчивость в сложных условиях. При этом необходимо принимать во внимание, что в рамках учебной деятельности студенты начинают развивать свою личность, преследовать собственные интересы, познание и удовлетворять потребности. С точки зрения студентов самооценка влияет на их мотивацию к обучению. При нормальных обстоятельствах, чем выше самооценка студентов, тем сильнее их мотивация к обучению и тем больше они склонны проявлять инициативу по проведению учебной деятельности. Напротив, чем оно ниже, тем слабее их мотивация к обучению или проявлению какой-либо инициативы.

Далее необходимо отметить, что предыдущий успешный опыт студентов является важной предпосылкой для формирования высокого уровня самооценки. Исследования показывают, что успех людей в сложных задачах оказывает особенно большое влияние на формирование и изменение восприятия собственных способностей в учебе или иной сфере деятельности [1, с. 255]. Когда студентам нужно много работать для достижения успеха, они повышают собственную самооценку в процессе осуществления деятельности; когда студенты могут легко добиться успеха, чувство самооценки мало влияет на студентов. Кроме того, чувство самооценки студентов зависит от восприятия их предыдущего опыта, в котором индивидуальные различия играют важную роль. Например, в одной и той же стрессовой ситуации (трудные задачи, учебные условия, общий уровень успеваемости и т.д.) оптимистичные и позитивные студенты также могут повысить уровень самооценки посредством поэтапного достижения высоких результатов, в то время как пессимистичные студенты даже при достижении единичного положительного результата в учебе могут чувствовать себя плохо и по-прежнему проявлять ослабленную мотивацию к обучению.

Примечательно, что студенты находятся в критическом периоде быстрого развития самосознания, в результате чего их способности к самоанализу и самооценке постоянно улучшаются. Обычно учащиеся приписывают свои оценки или способности понимать и направлять последующее поведение с помощью атрибуции. Она делится на внутренние и внешние, стабильные и нестабильные, контролируемые и неконтролируемые факторы. Люди приписывают свой успех тяжелой работе и способностям и приписывают свою неудачу недостаточным усилиям, а не недостаточным способностям, что повышает уровень самооценки и мотивации; наоборот, многие связывают свой успех со случайной удачей или неудачей в отсутствии способностей или невезении, что в опреде-

ленной степени может снизить как уровень мотивации, так и самооценки.

Некоторые исследования также показали, что студенты с отрицательной атрибуцией часто приписывают неудачу своим собственным способностям, что ослабляет их мотивацию к обучению и оказывает влияние на успеваемость [3, с. 60]. Поэтому для педагогов важно развивать позитивные атрибуции студентов для повышения уровня самооценки.

Особое внимание также необходимо обращать на альтернативный опыт студентов. Он относится к наблюдению и изучению опыта других людей. Альтернативный опыт оказывает важное влияние на формирование высокого уровня самооценки. Так, например, приведение примеров для подражания, оказывает большое влияние на восприятие собственной личности студентов. Когда человек видит, что близкие ему люди добиваются успеха благодаря тяжелой работе, его уровень мотивации может повыситься [4, с. 63]. Напротив, когда человек видит, что близкие ему люди не добиваются успеха благодаря тяжелой работе, уровень мотивации снижается.

Субъективное восприятие физического и психологического состояния отражает уровень самооценки. Тревога, страх или напряжение могут легко ослабить мотивацию студента. То есть, когда человек сталкивается с определенной задачей, самооценка отражает влияние физической и умственной реакции человека: спокойные реакции делают людей спокойными и уверенными; тревога заставляет людей сомневаться в собственных способностях. Ли Вэй и другие ученые обнаружили, что депрессия прямо и отрицательно сказывалась на уровне самооценки, что в свою очередь негативно сказывалось на учебной мотивации. Именно поэтому эмоциональное состояние студентов оказывает важное влияние на личный рост и развитие. В связи с этим корректировка эмоционального состояния студентов в процессе обучения и создание хорошей учебной среды считаются эффективным способом содействия повышению самооценки студентов и уровня их учебной мотивации.

Далее необходимо отметить, что важным фактором повышения самооценки и учебной мотивации является успешный опыт, поэтому наиболее эффективным способом является подготовка студентов к усердному обучению, выполнению некоторых сложных учебных задач и получению успешного опыта. Многие исследователи педагогической психологии считают, что успешный опыт может повысить чувство самооценки студентов, а эмпирические исследования еще больше доказали, что успешный опыт может оказать влияние на уровень учебной мотивации [10, с. 636]. Студенты должны поверить, что они способны выполнять учебные задачи с наибольшей вероятностью на успех. Именно поэтому персонализированная постановка целей, положительная обратная связь и демонстрация, а также совместное обучение могут оказать положительное влияние на успешный опыт студентов, их мотивацию и самооценку.

Ключом к повышению самооценки и учебной мотивации студентов является возможность испытать успех в обучении и почувствовать, что они работали усердно не напрасно. Поэтому педагогам необходимо использовать все ресурсы и условия, чтобы предоставить студентам как можно больше положительного опыта в соответствии с их индивидуальными особенностями.

Педагоги также должны понимать, что положительные отзывы оказывают большое влияние на эмоции студентов. Исследование показало, что мотивационная реакция учителей имеет значительную положительную корреляцию с хорошими результатами обучения студентов, верой в достижение целей, чувством способностей и высокой уверенностью в себе. В то же самое время как критика и игнорирование снижают уверенность студентов и оказывают негативное влияние на академические результаты [8, с. 74]. Поэтому педагоги должны своевременно уделять внимание прогрессу студентов и оказывать позитивное поощрение и похвалу, такую как добрая улыбка, поддерживающее слово и позитивный кивок. Это необходимо для того, чтобы повысить чувство самооценки студентов и стимулировать мотивацию обучения. Студенты, которые получают больше поощрения и поддержки от учителей, с большей вероятностью приобретут более высокое чувство самооценки, и чем больше они доверяют учителям, тем сильнее их мотивация. На основе объективных фактов студенты должны чувствовать, что обратная связь педагога является подтверждением их собственных способностей и усилий, а чрезмерная или даже преувеличенная похвала повлияет на роль мотивации. Кроме того, в процессе обучения студенты неизбежно столкнутся с трудностями. Если они не улучшают свои оценки своими собственными усилиями, учителя должны поощрять и направлять учащихся в соответствии с их индивидуальными особенностями, помогать анализировать учебный статус, находить подходящие методы обучения и т.д.

Далее необходимо отметить, что обучение на основе наблюдения деятельности сверстников относится к косвенному способу повышения уровня самооценки и учебной мотивации. Альтернатив-

ный опыт может заставить учащихся поверить, что они могут достичь таких же результатов, как и их сверстники. Так, студенты будут оказывать косвенное влияние на себя, наблюдая за поведением и результатами ролевых моделей, что оказывает важное влияние на формирование высокого уровня самооценки [10, с. 637]. Поэтому педагоги должны предоставлять студентам примеры, основанные на реальной жизни. Так, для студентов педагоги являются прямым образцом для подражания. Их идеологическое поведение, дух поиска знаний, проведение исследований, методы мышления и т.д. играют важную роль в повышении уровня мотивации студентов. Поэтому педагогам необходимо поддерживать свои собственные хорошие эмоции и обращать внимание на слова и поведение учителей. В процессе обучения они должны быть строгими с собой, объективно понимать и оценивать себя, а также влиять на студентов в позитивном ключе, чтобы гарантировать рост мотивации и самооценки.

Выводы

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы.* Учебная мотивация является важным фактором, влияющим на энтузиазм обучения и успеваемость. Самооценка играет заметную роль в повышении мотивации обучения студентов. Повышение ее уровня помогает студентам избавиться от беспомощности и тревоги. Так, студенты смогут поддерживать позитивное и оптимистичное отношение к обучению, когда сталкиваются с проблемами, трудностями или стрессом. Чтобы повысить интерес к обучению, педагоги должны принять все меры для улучшения самооценки студентов, чтобы повысить их мотивацию к обучению и достижению высоких академических результатов. Конечно, есть много способов улучшить мотивацию студентов. Именно поэтому педагоги должны постоянно проводить анализ конкретных проблем и реализовать целенаправленное обучение в соответствии с индивидуальными характеристиками студентов и уровнем их самооценки.

Список источников

1. Ван М., Чжан Ч., Сюэ Ф. Применение теории самоэффективности в физическом воспитании // Современные спортивные технологии. 2020. № 10. С. 252 – 256.

2. Вэй Л., Гоян Ф., Вэньцзин Л., Цзиньи Л., Кан Ч. Взаимосвязь между депрессией студентов колледжа и академической мотивацией: роль тенденции управления временем и тревоги // Психологический ежемесячный журнал. 2021. № 16. С. 48 – 51.

3. Дяньшунь Х., Чжаньлин Ч., Пин Ч. Влияние мотивации обучения, атрибуции математических неудач и обучения на самооценку // Измерение и оценка образования. 2021. № 9. С. 56 – 64.

4. Ли Л. Роль альтернативного опыта в научном изучении самооценки // Наука в начальной школе (издание для учителя. 2020. № 9. С. 60 – 64.

5. Цай Л., Цзя С. Взаимосвязь между академической самоэффективностью и вкладом онлайн-обучения: роль учебной мотивации // Психологические и поведенческие исследования. 2020. № 18. С. 805 – 811.

6. Чжоу Ю., Донг Ц. Исследование взаимосвязи между мотивацией обучения, атрибуцией, самоэффективностью и поведением студентов // Психологическое развитие и образование. 1994. № 10. С. 30 – 45.

7. Чэнь Л. Эффективное стимулирование и поддержание мотивации учащихся // Психическое воспитание в начальных и средних школах. 2010. № 2. С. 12 – 14.

8. Юаньюань Ц. Исследование взаимосвязи между методами ответов учителей и самоэффективностью обучения студентов. Чунцин: Юго-Западный университет, 2019. 232 с.

9. Caputo A. Psychological Correlates of School Bullying Victimization: Academic Self-Concept, Learning Motivation and Test Anxiety // International Journal of Educational Psychology: IJEP. 2014. № 3. P. 69 – 99.

10. Kudo H., Mori K. A Preliminary Study of Increasing Self-Efficacy in Junior High School Students: Induced Success and a Vicarious Experience // Psychological Reports. 2020. № 117. P. 631 – 642.

References

1. Wang M., Zhang C., Xue F. Application of the theory of self-efficacy in physical education. Modern sports technologies. 2020. No. 10. P. 252 – 256.

2. Wei L., Guoyang F., Wenjing L., Jinyi L., Kang C. The relationship between college students' depression and academic motivation: the role of time management tendencies and anxiety. Psychological Monthly Journal. 2021. No. 16. P. 48 – 51.

3. Dianshun H., Zhanling Ch., Pin Ch. The influence of learning motivation, attribution of mathematical failures and learning on self-esteem. Measurement and assessment of education. 2021. No. 9. P. 56 – 64.

4. Lee L. The role of alternative experience in the scientific study of self-esteem. Science in elementary school (edition for teachers. 2020. No. 9. P. 60 – 64.

5. Tsai L., Jia S. The relationship between academic self-efficacy and the contribution of online learning: the role of learning motivation. Psychological and Behavioral Research. 2020. No. 18. P. 805 – 811.

6. Zhou Y., Dong C. Study of the relationship between learning motivation, attribution, self-efficacy and student behavior. Psychological development and education. 1994. No. 10. P. 30 – 45.

7. Chen L. Effective stimulation and maintenance of student motivation. Mental education in primary and secondary schools. 2010. No. 2. P. 12 – 14.

8. Yuanyuan Q. Research on the relationship between teachers' response methods and students' learning self-efficacy. Chongqing: Southwest University, 2019. 232 p.

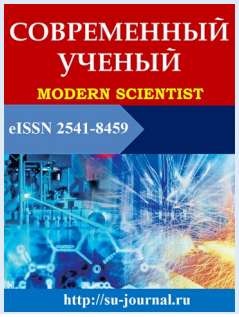
9. Caputo A. Psychological Correlates of School Bullying Victimization: Academic Self-Concept, Learning-ing Motivation and Test Anxiety. International Journal of Educational Psychology: IJEP. 2014. No. 3. R. 69 – 99.

10. Kudo H., Mori K. A Preliminary Study of Increasing Self-Efficacy in Junior High School Students: Induced Success and a Vicarious Experience. Psychological Reports. 2020. No. 117. P. 631 – 642.

Информация об авторе

Люй Синь, Белорусский национальный технический университет, Беларусь

© Люй Синь, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 372.878+788.43
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-244-248

Формирование музыкально-исполнительских умений и навыков студентов в процессе обучения игре на саксофоне в колледже искусств

[1] Лях Ю.А., [1] Чэнь До

[1] Московский педагогический государственный университет

Аннотация: о качестве образования студентов-саксофонистов в колледже искусств свидетельствует результативность их музыкально-исполнительской деятельности, на которую влияет владение техникой игры на музыкальном инструменте и умение раскрыть художественной образ музыкального произведения. Цель статьи – раскрыть специфику формирования музыкально-исполнительских умений и навыков студентов-саксофонистов в колледже искусств. В статье представлена техническая сторона формирования указанных умений и навыков, в содержании которой акцентированы основные элементы рациональной постановки: общая, исполнительского дыхания, амбушюра, артикуляционная, аппликатурная. Выделена художественно-творческая сторона формирования указанных умений и навыков в ходе исполнительской практики студентов-саксофонистов. В приоритете осуществление творческого подхода к передаче замысла музыкального произведения во время сольного, ансамблевого, оркестрового публичного выступления. Эффективно организованный процесс профессиональной подготовки саксофонистов, их регулярная исполнительская практика способствуют формированию высокого уровня музыкально-исполнительских умений и навыков. О внутреннем качестве музыкального образования свидетельствует полноценное учебно-методическое сопровождение обучения технике игры на музыкальном инструменте и творческого раскрытия студентами художественного образа музыкального текста. Внешнюю оценку музыкального образования осуществляет социально-профессиональная среда, в итоге анализируя степень профессиональной подготовки саксофонистов.

Ключевые слова*:* качество образования, профессиональная подготовка, музыкант-исполнитель, саксофонист, рациональная постановка, творчество

Для цитирования: Лях Ю.А., Чэнь До Формирование музыкально-исполнительских умений и навыков студентов в процессе обучения игре на саксофоне в колледже искусств // Современный ученый. 2024. № 5. С. 244 – 248. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-244-248

Поступила в редакцию: 2 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Development of art college students' musical and performing abilities and skills in saxophone playing

[1] Lyakh Yu.A., [1] Chen Duo

[1] Moscow State Pedagogical University

Abstract: the quality of saxophone students' education at art college depends on their musical performance productivity influenced by their mastery of playing a musical instrument and ability to reveal a musical work's artistic

image. The study aims to reveal specifics of developing art college students' musical and performing abilities and skills. The article presents the technical side of these abilities and skills development, whose content focuses on the main elements of rational production: general, performance breathing, embouchure, articulation, application. The article highlights the artistic and creative side of developing saxophone students' given abilities and skills during their performing practice. It is a priority to implement a creative approach to conveying the musical work's idea during a solo, ensemble, orchestral public performance. The well-organized process of saxophonists' professional training, their regular performing practices contribute to developing a high level of musical and performing abilities and skills. The internal quality of music education relates to the relevant educational support of teaching how to play a musical instrument and students' creative presentation of a musical work's artistic image. The external quality of music education is carried out by the socio-professional environment that analyzes the degree of saxophonists' professional training.
***Keywords**:* quality of education, professional training, musician-performer, saxophonist, rational production, creativity

For citation: Lyakh Yu.A., Chen Duo Development of art college students' musical and performing abilities and skills in saxophone playing. Modern Scientist. 2024. 5. P. 244 – 248. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-244-248

The article was submitted: April 2, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Эффективная организация профессиональной подготовки музыкантов-исполнителей в сфере культуры и искусств говорит о качестве их музыкального образования, рассматриваемом с позиции внутренней и внешней оценки. В первом случае речь идет о специфике функционирования внутренней среды колледжа искусств, обеспечивающей учебно-методическое сопровождение указанной подготовки; во втором – об отношении социально-профессиональной среды к уровню исполнительской деятельности музыкантов в разных направлениях: от классического до эстрадно-джазового. В обоих ситуациях приоритетно соответствие организации образовательного процесса и достижения результатов обучения целям общества и профессиональных деятелей по качественной подготовке музыкантов-исполнителей.

О качестве образования музыкантов в колледже искусств свидетельствует результативность их музыкально-исполнительской деятельности, профессиональная роль которых может варьироваться от исполнителя до солиста оркестра. Вне зависимости от выполняемой роли они должны владеть техникой игры и уметь раскрывать художественный образ музыкального текста во время «исполнительской практики» [7, с. 138]. Так описываются основные результаты сформированных у студентов музыкально-исполнительских умений и навыков. В колледже искусств актуальным является их формирование при исполнении музыкальных произведений в классическом и эстрадно-джазовом направлениях благодаря «универсальным возможностям … саксофона» [11, с. 62]. В этом ключе неразработаны вопросы, связанные с определением качества образования при формировании готовности выпускников колледжа искусств к музыкально-исполнительской деятельности.

Цель исследования – раскрыть специфику формирования музыкально-исполнительских умений и навыков студентов-саксофонистов в колледже искусств. Представление технической и художественно-творческой сторон формирования указанных умений и навыков в ходе музыкально-исполнительской деятельности студентов-саксофонистов, отражающих качество образования в колледже искусств, составляет новизну исследования.

Материалы и методы исследований

На распространение саксофона, «одного из самых популярных … духовых инструментов» [1, с. 202], влияли возможности «широкого диапазона звучания» [3, с. 132] для исполнения произведений «классических … и современных направлений музыки» [10, с. 218] и включения его в «составы – от эстрадного ансамбля до симфонического оркестра» [6, с. 137]. В колледже искусств студенты оттачивают приобретенные в музыкальной школе музыкально-исполнительские умения и навыки игры на саксофоне, солируя, играя в ансамблях или являясь участниками оркестров: «в джазовых … и в симфонических коллективах, … квартетах саксофонов» [2, с. 257].

Формирование указанных умений и навыков строится на принципах профилизации музыкальных дисциплин, посвященных исполнительству на духовых инструментах, и исполнительской практики студентов-саксофонистов в колледже искусств; усиления исполнительского творчества при совершенствовании обучения студентов игре на

саксофоне в колледже искусств; активизации самостоятельной работы студентов-саксофонистов по созданию условий для их исполнительской практики вне стен колледжа искусств.

Результаты и обсуждения

Для успешного *формирования технической стороны музыкально-исполнительских умений и навыков у студентов-саксофонистов* должны быть определенные физические возможности, которые позволяют им осуществлять «координацию одновременно пальцев, языка, дыхания» [9, с. 408]. Для этого требуется осуществление «рациональной постановки – правильной постановки губ, рук, корпуса, исполнительского дыхания» [4, с. 24]. В этом отношении необходимо внедрять основные элементы рациональной постановки: общую, исполнительского дыхания, амбушюра, артикуляционную, аппликатурную [5].

Общая постановка характеризуется адекватным игре на саксофоне естественным положением частей тела. Приподнятая грудь и развернутое положение плеч, раздвинутые на ширину плеч ноги (при игре стоя) или прямая осанка (при игре сидя), размещение пальцев рук на основных клавишах способствуют мышечному раскрепощению и подготавливают дыхательную мускулатуру к звукоизвлечению.

Особое внимание уделяется управлению взаимосвязанными сменами вдоха и выдоха при постановке исполнительского дыхания. Практикуется диафрагмальный (для коротких музыкальных текстов) и грудобрюшной (для продолжительных музыкальных текстов) типы дыхания. Их эффективность достигается умениями правильного формирования воздушной струи при смене дыхания, которую целесообразно производить во время пауз, на продолжительном звуке или при непрерывном движении мелодии (но не во время ее неаккордовых звуков).

Правильные действия с мундштуком с тростью способствуют постановке амбушюра, представленного положением губных и лицевых мышц во время его расположения во рту. Он должен удобно размещаться на середине нижней губы с учетом глубины его захвата губами, что будет не только содействовать правильному звукоизвлечению и соединению звуков в музыкальных текстах, но и координировать амбушюр с другими органами, участвующими в музыкальном исполнении.

Артикуляционная постановка представлена расположением языка в ротовой полости и воздушной струей на выдохе. В начале звукоизвлечения происходит атака языка: твердая, имитирующая слог *та* для нижнего регистра, *ту* – среднего, *ти* – верхнего; мягкая – *да, ду*, *ди* соответственно; вспомогательная (в режиме твердой атаки) – *ка, ку, ки*. Допустимо не включать язык в артикуляционную постановку, но обеспечить плавное или резкое поступление воздушной струи в мундштук с тростью.

Аппликатурная постановка связана с размещением пальцев на саксофоне и с координированными их действиями на обеих руках во время исполнения. Техника пальцев вырабатывается их стереотипным движением при выполнении однотипных упражнений (работой над гаммами и арпеджио) сначала в медленном темпе, которое впоследствии приобретает вариативный характер. Аппликатурная точность достигается «работой над упражнениями, гаммами и этюдами» [4, с. 24].

Эффективному «исполнительскому виду творчества» [8, с. 534] способствовало «изменение технологии и методологии игры» [6, с. 140] на саксофоне благодаря «интенсивному взаимообогащению национальных систем музыкального образования» [10, с. 215]. Игра на саксофоне вбирает в себя не только академические приемы звукоизвлечения, но и творческие эксперименты, присущие эстрадно-джазовому исполнительству. Так в музыкально-исполнительской деятельности большое внимание уделяется *художественно-творческой стороне формирования музыкально-исполнительских умений и навыков студентов-саксофонистов,* осуществление которой допустимо благодаря выразительным возможностям музыкального инструмента. «Работа над качеством звука, интонацией, ритмическим рисунком, динамикой» [4, с. 24] позволяет раскрыть художественный образ музыкального произведения и поделиться своим видением со слушателями.

Здесь важно не просто технично воспроизвести музыкальный текст, но и адекватно его воспринять, понять и интерпретировать. Этому способствует чтение музыкальных текстов с листа и подбор их по слуху, подбор аккомпанемента к мелодии, обучение музыкальной импровизации. Значимым является осуществление творческого подхода к передаче замысла музыкального произведения во время публичного выступления, что дает возможность студентам-саксофонистам раскрыть свой творческий потенциал, в том числе в ходе совместного выступления с преподавателями. Необходимость реализации академического творчества в разных видах музыкальной практики (сольной, ансамблевой, оркестровой), которая описывает специфику профилизации музыкальных дисциплин в колледже искусств, стимулирует повышение исполнительского уровня студентов-саксофонистов.

Выводы

Готовность саксофонистов к музыкально-исполнительской деятельности требует высокого уровня сформированных музыкально-исполнительских умений и навыков, достижимого в процессе их профессиональной подготовки и регулярной исполнительской практики. Внутренняя среда колледжа искусств обеспечивает учебно-методическое сопровождение обучения игре на саксофоне и раскрытия художественного образа музыкального текста. Достижению этих результатов обучения способствуют не только звуковые и динамические возможности саксофона, исполнение которого практикуется в разных стилях музыки, но и развитые мышечная система и дыхательный аппарат саксофониста, который готов творчески подойти к передаче авторского замысла музыкального произведения. Полноту реализации данных возможностей оценивает социально-профессиональная среда, в итоге анализируя качество подготовки музыкантов-исполнителей.

Список источников

1. Вэньцзэ Ц. Онлайн-обучение игре на саксофоне: проблемы и возможности в условиях международного сотрудничества // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 202 – 204.

2. Крылова Я.А. Становление и развитие отечественной школы саксофона // Искусство глазами молодых: материалы XIII междунар. науч. конф. Красноярск, 2021. С. 255 – 258.

3. Минхуэй Ц. Обучение игре на саксофоне детей в музыкальных школах России и Китая // Педагогический научный журнал. 2023. Т. 6. № 1. С. 131 – 137.

4. Назарьян А. О методах прогрессивного обучения игры на саксофоне, прогрессивная методика обучения игры на саксофоне // Journal of Culture and Art. 2023. № 1 (8). С. 23 – 27. DOI: 10.5281/zenodo.8433486

5. Ошивалов Б.М. Основы техники игры на саксофоне // Теоретические и практические аспекты образования в сфере культуры и искусства : материалы III всеросс. науч.-практ. конф. Сургут, 2015. С. 355 – 360.

6. Понькина А.М. Влияние джаза на эволюцию академического искусства игры на саксофоне // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 137 – 144. DOI: 10.17223/22220836/34/13

7. Смирнов Я.Ю. Исполнительская практика как стимул профессионального роста студентов, обучающихся по специальностям музыкальной направленности // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 2 (37). С. 136 – 143. DOI: 10.24411/2310-1679-2020-10216

8. Смирнова И.А. Регтайм и блюз в контексте формирования джазового исполнительства // Культура. Наука. Творчество: сборник научных статей : XII междунар. науч.-практ. конф. Вып. 12. Минск, 2018. С. 533 – 538.

9. Сулейманов Я.Р. Психологические особенности начального обучения игре на саксофоне // Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 12. Казань, 2020. С. 406 – 410.

10. Тяньфу Ю. Саксофон в музыкальном образовании: методики обучения и их эволюция в разных культурах // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 13 (12-1). С. 214 – 221. DOI: 10.25726/p2466-5734-2984-x

11. Хомяков Н.С., Кравченко А.Ю. Развитие педагогики и исполнительства на саксофоне в конце XX – начале XXI вв. // Актуальные вопросы в области духового исполнительского искусства: сборник статей. Москва, 2021. С. 61 – 67.

References

1. Wenze Q. Online learning to play the saxophone: problems and opportunities in the conditions of international cooperation. Baltic Humanitarian Journal. 2020. T. 9. No. 4 (33). P. 202 – 204.

2. Krylova Y.A. Formation and development of the domestic saxophone school. Art through the eyes of the young: materials of the XIII International. scientific conf. Krasnoyarsk, 2021. P. 255 – 258.

3. Minghui Ts. Teaching children to play the saxophone in music schools in Russia and China. Pedagogical scientific journal. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 131 – 137.

4. Nazaryan A. About methods of progressive teaching of playing the saxophone, progressive methods of teaching playing the saxophone. Journal of Culture and Art. 2023. No. 1 (8). P. 23 – 27. DOI: 10.5281/zenodo.8433486

5. Oshivalov B. M. Fundamentals of the technique of playing the saxophone. Theoretical and practical aspects of education in the field of culture and art: materials of the III All-Russian scientific-practical conf. Surgut, 2015. P. 355 – 360.

6. Ponkina A.M. The influence of jazz on the evolution of the academic art of playing the saxophone. Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history. 2019. No. 34. P. 137 – 144. DOI: 10.17223/22220836/34/13

7. Smirnov Ya.Yu. Performing practice as a stimulus for professional growth of students studying in musical specialties. Culture and Education: scientific and information magazine of universities of culture and arts. 2020. No. 2 (37). P. 136 – 143. DOI: 10.24411/2310-1679-2020-10216

8. Smirnova I.A. Ragtime and blues in the context of the formation of jazz performance. Culture. The science. Creativity: collection of scientific articles: XII International. scientific-practical conf. Vol. 12. Minsk, 2018. pp. 533 – 538.

9. Suleymanov Y.R. Psychological features of initial learning to play the saxophone. Current problems of musical performing arts: history and modernity: materials of the international. scientific-practical conf. Vol. 12. Kazan, 2020. P. 406 – 410.

10. Tianfu Yu. Saxophone in music education: teaching methods and their evolution in different cultures. Educational Management: Theory and Practice. 2023. No. 13 (12-1). P. 214 – 221. DOI: 10.25726/p2466-5734-2984-x

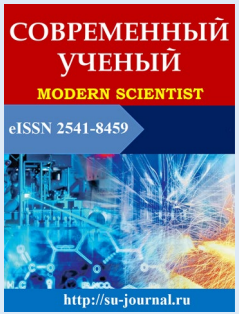
11. Khomyakov N.S., Kravchenko A.Yu. Development of pedagogy and saxophone performance at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries.Current issues in the field of wind performing arts: collection of articles. Moscow, 2021. P. 61 – 67.

Информация об авторах

Лях Ю.А., доктор педагогических наук, профессор, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, pani.lyah@gmail.com

Чэнь До, аспирант, Московский педагогический государственный университет

© Лях Ю.А., Чэнь До, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 37.013.78
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-249-263

Искусственный интеллект в восприятии студентов педагогических специальностей

[1] Савенков А.И., [1] Воропаев М.В.

[1] Московский городской педагогический университет

Аннотация: статья посвящена проблемам восприятия и понимания будущими педагогами рисков и новых возможностей искусственного интеллекта в образовании. Целью исследования являлся поиск ответа на вопрос о том, как современные студенты педагогического университета с разной степенью академической успешности и компьютерной грамотности воспринимают факт стремительного внедрения искусственного интеллекта в практику образования. Для ответа на него использовались методики: «экспертная оценка академической успешности студентов»; «экспертная оценка компьютерной грамотности студентов (с использованием «метода полярных баллов»), а также проективная исследовательская беседа и опросник, составленный на основе анализа современных теоретических источников. Выборку исследования составили 216 студентов бакалавриата и магистратуры направления «педагогическое образование».
В качестве основного результата проведенной работы можно отметить, что будущие педагоги еще не в полной мере осознали риски и преимущества, которые несет с собой внедрение искусственного интеллекта в образование. В результате исследования было изучено как общее отношение студентов к распространенным угрозам распространения ИИ, так и зависимость этого отношения от различного рода факторов (уровня образовательной программы, опыта использования в определенной сфере ИИ или отсутствия такого опыта).
Результаты исследования показали, что чуть больше половины студентов не используют возможности искусственного интеллекта для решения учебных задач, но среди них достаточно большой процент составляют те, кто использует его для решения бытовых и личных проблем.
Оценка угроз распространения искусственного интеллекта существенно зависит от степени и характера использования систем искусственного интеллекта в жизни и работе. Использование искусственного интеллекта в решении профессиональных педагогических задач, как правило связано с более спокойной оценкой как возможностей искусственного интеллекта, так и его угроз. Идея перестройки образовательных программ с целью соблюдения минимальной интеллектуальной нагрузки на обучающегося встретила в целом положительную оценку, но она существенно отличалась от категории респондентов.
Ключевые слова: искусственный интеллект в профессиональном образовании, искусственный интеллект в общем образовании, цифровые технологии в образовании, педагогическая стигматизация

Для цитирования: Савенков А.И., Воропаев М.В. Искусственный интеллект в восприятии студентов педагогических специальностей // Современный ученый. 2024. № 5. С. 249 – 263. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-249-263

Поступила в редакцию: 3 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Artificial intelligence as perceived by students of pedagogical specialties

[1] Savenkov A.I., [1] Voropaev M.V.

[1] *Moscow City University*

Abstract: the article is devoted to the problems of perception and understanding by future teachers of the risks and new opportunities of artificial intelligence in education. The purpose of the study was to find an answer to the question of how modern students of a pedagogical university with varying degrees of academic success and computer literacy perceive the fact of the rapid introduction of artificial intelligence into educational practice. To answer it, the following methods were used: "expert assessment of students' academic success"; "expert assessment of students' computer literacy (using the "polar points method"), as well as a projective research conversation and a questionnaire compiled on the basis of an analysis of modern theoretical sources. The study sample consisted of 216 undergraduate and graduate students in the field of "teacher education."
As the main result of the work, it can be noted that future teachers have not yet fully realized the risks and benefits that the introduction of artificial intelligence in education brings. As a result of the study, both the general attitude of students towards common threats from the spread of AI and the dependence of this attitude on various factors (level of educational program, experience in using AI in a certain area or lack of such experience) were studied.
The results of the study showed that slightly more than half of students do not use the capabilities of artificial intelligence to solve educational problems, but among them, a fairly large percentage are those who use it to solve everyday and personal problems.
Assessing the threats of the spread of artificial intelligence significantly depends on the degree and nature of the use of artificial intelligence systems in life and work. The use of artificial intelligence in solving professional pedagogical problems is usually associated with a calmer assessment of both the capabilities of artificial intelligence and its threats. The idea of restructuring educational programs in order to maintain a minimum intellectual load on the student met with a generally positive assessment, but it differed significantly from the category of respondents.
Keywords: artificial intelligence in vocational education, artificial intelligence in general education, digital technologies in education, pedagogical stigmatization

For citation Savenkov A.I., Voropaev M.V., Artificial intelligence in the perception of students of pedagogical specialties. Modern Scientist. 2024. 5. P. 249 – 263. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-249-263

The article was submitted: April 3, 2024; Approved after reviewing: June 5, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Понятие искусственный интеллект вошло в научный обиход со второй половины XX века. Достаточно вспомнить, что знаменитая идея теста Тьюринга (невозможность отличить коммуникацию на естественном языке между людьми от разговора между человеком и системой ИИ) относится к 1950 году. В настоящее время мы переживаем уже третью заметную волну интереса к искусственному интеллекту. Она в основном обязана своему появлению успехам машинного обучения с использованием глубоких нейронных сетей. Глубокая нейронная сеть – это сеть с более чем одним скрытым слоем между входным и выходным слоями, где сложные задачи могут быть разделены между различными уровнями. Технология искусственного интеллекта настолько быстро входит в сферу образования, что исследователи не всегда успевают осмыслить их последствия. Отражение этих процессов в сознании будущих педагогов – предмет самостоятельного исследования. Оценка последствий его внедрения остается актуальной задачей для педагогики и психологии образования. Важным аспектом этой задачи является изучения отношения обучающихся к позитивной и негативной составляющим этих последствий.

Анализ результатов научных исследований и выводов, полученных в ходе аналитических обзоров, ученых разных стран позволяет сделать вывод о том, что проблематика искусственного интеллекта в образовании в значительной мере подвержена педагогической стигматизации. Наиболее выраженной особенностью педагогической стигматизации является недостаточно обоснованное приписывание рассматриваемому явлению характеристик, причем, преимущественно негативных. Современная практика и, в особенности перспективы применения искусственного интеллекта в

профессиональном и общем образовании, наполнены с одной стороны результатами объективных исследований, обоснованными выводами, с другой стороны - иррациональными страхами (фобиями), мифами, делящими вполне определенно авторов на сторонников и противников.

Для достижения адекватного понимания сути явления на определенном этапе развития научно-педагогического знания необходимы толерантное отношение к носителям разных, в том числе и ошибочных, точек зрения, и резистентность к научно-педагогической стигме, стимулирующая поиск верных решений. Наше исследование посвящено описанию особенностей восприятия фактов, сопровождающих стремительное внедрение в образование искусственного интеллекта, частично мифологизированного понимания этого процесса, построенного на домыслах, а порой и фобиях, распространяемых педагогами-исследователями и собственном опыте авторов.

Современные исследователи пользуются терминами «узкий искусственный интеллект» и «общий искусственный интеллект (AGI – general artifcial intelligence)». Термин AGI был предложен и распространен исследователями искусственного интеллекта [Shane Legg, Mark Gabrud and Ben Goertzel [23]. Как утверждают специалисты, все ныне разработанные системы следует относить к слабому или узкому виду искусственного интеллекта, поскольку всем им не хватает общей системы решения задач, способностей, которые существуют в «живом», «биологическом» интеллекте. В настоящее время еще не существует алгоритмов глубокого обучения или комбинаций эвристических методов для, например, полноценной замены учителя в образовательном процессе, или робота-партнера ребенка по играм. Однако скорость распространения технологий искусственного интеллекта в промышленности, социальной в сфере образования во-многом опережает скорость публикаций результатов исследований в этой области.

Если говорить о зарубежных публикациях, принадлежащих области Educational Sciences, то практические все авторы констатируют, что эта область все еще развивается, и необходимы более комплексные и долгосрочные исследования, чтобы полностью понять влияние искусственного интеллекта на образование. Динамичный характер совершенствования технологий искусственного интеллекта также означает, что исследования должны постоянно адаптироваться к новым разработкам и приложениям.

Исследователи: Long Bai, Xiangfei Liu, Jiacan Su в своей статье, на примере ChatGPT, выделили основные направления использования искусственного интеллекта, которые являются наиболее актуальными на сегодняшний день [11]. Это использование его как образовательного ресурса (как источник информации по широкому спектру тем), как замену ряда функций учителя и тьютора, как средство изучения языка (путем генерации диалогического общения, переводов и пр.), как средства улучшения памяти (путем возможности запроса сведений о контексте определенной информации), как инструмент развития критического мышления и общения. ChatGPT так же может помочь в академических исследованиях, обобщая большие массивы данных, содержащихся в научных статьях, генерируя идеи по темам исследований и даже помогая в процессе написания научных обзоров.

В целом другие авторы не выходят в своих предложениях за рамки названных выше тем: предлагается использовать искусственный интеллект для помощи в коммуникации, для поддержки персонализированных образовательных траекторий [17, 18, 10], для автоматизации оценивания, предоставления обратной связи для обучающихся в ходе изучения учебных дисциплин [21]. Кроме того, искусственный интеллект может быть использован как инструмент анализа данных, которые накапливаются в системах управления обучением [12].

Большое количество публикаций на тему искусственного интеллекта содержит анализ угроз, которые несет для системы образования и для отдельного ученика распространение этой технологии. Одной из наиболее известных работ, не только в среде специалистов, но за ее пределами является книга немецкого профессора психиатра и нейробиолога Manfred Spitzer «Цифровая деменция» («Digital dementia: What We and Our Children are Doing to our Minds» [26]). Автор убедительно показывает разрушительные последствия для человеческого развития распространения информационных технологий

Если обобщить перечень рисков и угроз, которые наиболее часто упоминают авторы, то можно выделить:

1. Риск распространения неточной и неправильной информации, закрепления и усиления искаженных образовательных технологий, предвзятости и некорректности [11]. Этот риск имеет два аспекта. Модели искусственного интеллекта опираются на обширные массивы текстов, созданных людьми, и, таким образом, по своей сути отражают не только современные достижения, но и предубеждения (педагогические, социальные и т.п.). Следовательно, искусственный интеллект может генерировать ложный контент вредоносного характера. С другой стороны, массивы данных,

которые образованы системами оценки образовательных достижений, построенных на общеобязательных стандартах, как правило никак не учитывают социально-культурные факторы, детерминирующие академическую успешность [27, 20].

2. Риск вытеснения человека-учителя и человека-администратора из образовательного учреждения и замещение его искусственным интеллектом [27], перспектива снижения «веса» человеческого фактора в социальных отношениях [24].

3. Возможные негативные последствия для конфиденциальности и систем мониторинга [9, 20, 24].

4. Несоответствие существующих социальных рамок, возникающим этическим рискам и дилеммам, которые должны возникают в результате использования и развития искусственного интеллекта в образовании. Одной из самых очевидных, но отнюдь не главных проблем, является «академическое мошенничество», то есть возможность для студентов использовать инструменты искусственного интеллекта для выполнения академических заданий [16, 3, 7, 10].

5. Риск увеличения потенциальных негативных последствий в результате использования плохо реализованных или недостаточно адаптированных систем искусственного интеллекта в образовании. Поскольку исследователи искусственного интеллекта, разработчики цифровых продуктов, венчурные капиталисты и защитники образовательных технологий лоббируют интенсивное и недостаточно контролируемое развитие этого направления. [16]. Ситуацию усугубляет неготовность школ и учителей к использованию новых технологий [15].

6. Риск усиления неравенства в образовании - так называемый «цифровой разрыв», связанный с дефицитом соответствующих средств доступа к новейшим технологиям у социальных групп с низким достатком [11].

7. Качество образовательных программ, поддерживаемых с помощью искусственного интеллекта может быть обеднено, сведено лишь к достижению измеряемых показателей, и эти программы могут не полностью соответствовать широким образовательным потребностям учащихся [27, 13].

8. Алгоритмы работы искусственного интеллекта, как правило, непредсказуемы и непрозрачны, что в перспективе может привести к непредвиденным последствиям в системе образования [27, 13].

9. Основные угрозы использования искусственного интеллекта для психического развития школьника и студента, как правило, сводятся к обсуждению рисков формирования зависимости от искусственного интеллекта, которая, в свою очередь снижает общие когнитивные способности, мотивацию учения, умений и навыков саморегуляции обучения и принятия решений. Если инструменты искусственного интеллекта предоставляют простые ответы и решения, существует вероятность того, что учащиеся не смогут глубоко усвоить материал, что, безусловно, повлияет на их интеллектуальное развитие [11, 28, 25], на основании четырех исследований, показывают, что, сталкиваясь с трудными вопросами, люди склонны задумываться о том, как получить помощь от компьютера и поисковой системы; испытуемые демонстрировали более низкую скорость запоминания самой информации и вместо этого старались лучше запомнить варианты поиска в Интернете.

10. Поскольку искусственный интеллект возьмет на себя значительную часть интеллектуальной нагрузки, у человека, уже в ближайшем будущем, должна появиться задача поддержания своих когнитивных способностей на определенным уровне, не допускающем критической деградации. Для этого будут необходимы на разных уровнях образования программы «когнитивной культуры», или «ментального фитнеса».

В отечественных публикациях, аспекты обсуждения и эмпирическая база исследований области применения искусственного интеллекта в образовании существенно уже. Среди авторов, не относящихся к специалистам в области педагогики и IT-технологий преобладают публикации с обсуждением общих вопросов использования искусственного интеллекта. Например, ряд авторов констатирует, неизбежность существенных изменений в системе образования в связи с использованием искусственного интеллекта, и то, что он позволит освободить человека от рутинных задач, открывая новые возможности для развития креативности, сотрудничества, коммуникации, принятия сложных решений. Обсуждаются исключительно методические аспекты его использования [5]. Некрасова И.И., Розов К.В., Шрайнер Б.А. и др. [6] видят проблемы искусственного интеллекта только в том, какие разделы программирования нужно включать в образовательные программы.

Решение настоящих и предполагаемых рисков, в связи с активным использованием возможностей искусственного интеллекта в образовании, как правило, сводится к следующим рекомендациям:

- интеграции технологий искусственного интеллекта с традиционными педагогическими методами;

- усиление в образовательных программах направленности на развитие критического мышления и навыков решения проблем;

- продвижение среды взаимного обучения;
- поощрение непрерывного профессионального развития преподавателей;
- создание этических рамок для проектирования и оценки продуктов искусственного интеллекта;
- решение проблем надежности и качества работы систем искусственного интеллекта;
- развитие исследований и научно обоснованных практик использования искусственного интеллекта в образовании [11];
- изменение характера и качества тестов и заданий для противодействия «академическому мошенничеству» (О.В. Дремова [3]; А.И. Савенков [7], Pellegrino J.W., Hilton, M. L. [22]).

Студенты, с одной стороны, относятся к категории респорндентов, представляющих професссиональное сообщество, а с другой, - рядовых пользователей, которые используют те или иные сервисы в быту.

Исследований, которые рассматривают отношения студентов к искусственному интеллекту достаточно много, но большая часть из них останавливается на технических, операциональных аспектах использования тех или иных сервисов для решения вполне определенных задач. Подобные результаты, например, приведены в статье Н.В. Тихоновлй и Г.М. Ильдугановой, которые отмечают, что студенты обучающиеся на программах изучения иностранных языков, при достаточно положительной оценке программ искусственного интеллекта, отмечают его многочисленные недостатки: например, ненадёжность данных и ложный контент [8]

Невозможно не обратить внимание на крайне важную, на наш взгляд идею о необходимости системной перестройки образования в целом, с позиции приоритета всесторонней поддержки систем саморегуляции и основных когнитивных функций человека. Как современная городская цивилизация, лишившись вынужденной физической активности стала замещать ее фитнесом, так пришло время, когда поддержание минимального уровня произвольной умственной активности становится самостоятельной и крайне важной задачей. Распространение ИИ в нашей повседневной жизни резко снижает необходимые усилия, которые человека должен применять для достижения определенной цели. Так, сейчас отпала необходимость в запоминании таблицы умножения или маршрута движения на транспорте. Отчасти косвенным свидетельством серьезности происходящих процессов могут служить данные исследований о снижении генотипического интеллекта в последние десятиления [1].

Материалы и методы исследований

В основе нашего исследования лежал вопрос о том, как современные студенты педагогического университета с разной степенью академической успешности и компьютерной грамотности воспринимают факт стремительного внедрения искусственного интеллекта в практику профессионального и общего образования. В работе использовались методики: «экспертная оценка академической успешности студентов»; «экспертная оценка компьютерной грамотности студентов (с использованием «метода полярных баллов»), а также проективная исследовательская беседа и опросник, составленный на основе анализа современных теоретических источников. Помимо части, фиксирующей объективные данные (пол, возраст, направление подготовки) опросники содержали вопросы о том, какую программу искусственного интеллекта используют студенты и для чего (предполагался множественный выбора).

В заключительной части опросника респондентам было предложено оценить угрозы распространения искусственного интеллек, которые были сформулированы на основе выделенных выше в ходе теоретического анализа: «Распространения неточной информации», «Вытеснения человека-учителя из образовательного процесса», «Негативные последствия для конфиденциальности», «Расширение возможностей для «академического мошенничества», «Неготовность школ и действующих педагогов», «Усиление неравенства в образовании», «Непредвиденные последствия в образовании в силу непрозрачности алгоритмов работы искусственного интеллекта», «Риски снижения когнитивных способностей учащихся», «Риски снижения мотивации к саморегулируемому обучению и принятию решений». Как самостоятельный вопрос был сформулирована просьба оценить «Насколько важна проблема разработки программ «ментального фитнеса» в общем и профессиональном образовании.

В выборку исследования вошли 219 студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» (из них 70,8% составили обучающиеся на уровне магистратуры, 29,2% – бакалавриата). Большая часть (около 30% выборки). составили респонденты в возрасте от 21 до 25 лет. Остальная часть респондентов было достаточно равноменрно распределена вплоть до 40-50 лет.

Результаты и обсуждения

Согласно результатам опроса 46,1% студентов используют те или иные программы искусственного интеллекта в своей учебе (соответственно 53, 9%) не используют.

Таблица 1

Использование программ искусственного интеллекта для решения бытовых и личных проблем вне учебной деятельности.

Table 1

Using artificial intelligence programs to solve everyday and personal problems outside of educational activities.

Частота использования	Бак.1	Магистр.2
использую	40,625	42,86
иногда	3,125	2,86
нет	21,875	20,00

1– «Бак.» – обучающиеся по программам бакалавриата, «Магистр.» – обучающиеся по программам магистратуры.

1– “Bach.” – students in bachelor's programs, “Master” – students in master's programs.

Как видно, значимого различия между обучающимися разных уровней образования нет. И, что интересно, достаточно высокая доля использующих программы ИИ присутствует среди тех студентов, которые не используют его для выполнения учебных заданий. Среди используемых инструментов основное место (более 95%) занимает ChatGPT. И лишь 15,8% ответивших кроме основной программы используют что-то еще.

Ниже на рис. 1 представлена диаграмма, показывающая субъективную роль ИИ для обучающегося в их учебной работе. Полученные результаты можно интерпретировать как подтверждение значимости использования этого инструмента, но одновременно того, что эта значимость пока еще не приобрела критическую важность. Средние арифметические для обучающихся на бакалаврских программах составили 5,29, а для магистерских программ – 4,78 (по 10-балльной шкале).

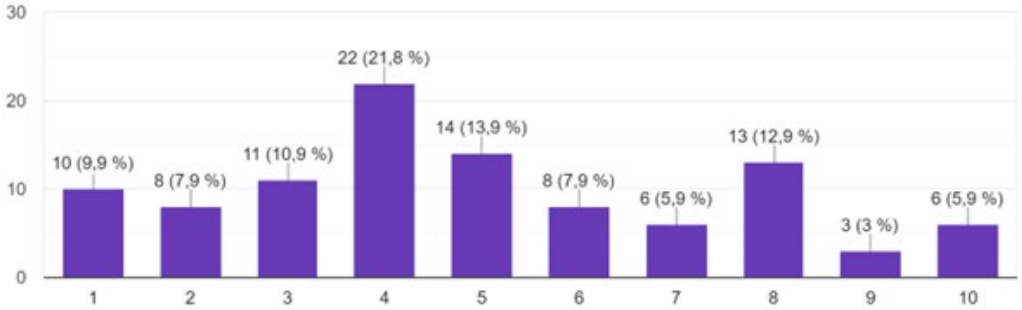


Рис. 1. Роль, которую играет искусственного интеллекта в учебной работе.
Fig. 1. The role played by artificial intelligence in educational work.

Представление о том, для чего и как часто используется искусственного интеллекта дают материалы, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Частота и цели использования программ искусственного интеллекта студентами.

Table 2

Frequency and purposes of using artificial intelligence programs by students.

Интенсивность	Категория респондетов	Поиск информации	Получение подсказок и советов	Генерация текстов	Рерайтинг текстов	Помощь в разработке уч.-метод.инструментария для школьников	Помощь в разработке программных продуктов	Для иных задач, связанных с моим обучением
постоянно	Бак1	21,88	6,25	9,38	6,25	15,63	12,50	18,75
	Маг 2	24,29	11,43	15,71	14,29	10,00	7,14	17,14
часто	Бак.	28,13	25,00	21,88	15,63	21,88	18,75	31,25

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

	Маг.	27,14	30,00	14,29	8,57	11,43	12,86	15,71
ино-гда	Бак.	31,25	46,88	50,00	53,13	43,75	50,00	34,38
	Маг.	35,71	37,14	38,57	38,57	28,57	31,43	40,00

1– «Бак.» – обучающиеся по программам бакалавриата, «Магистр.» – обучающиеся по программам магистратуры.
1– “Bach.” – students in bachelor's programs, “Master” – students in master's programs.

Ищут информацию примерно одинаково обучающиеся и бакалавриата и магистратуры. Но обучающиеся магистратуры, чаще спрашивают подсказку и советы, генерируют тексты и делают их рейтинг. В то же время обучающиеся бакалавриата чаще разрабатывают учебные и методические задания для учеников школы, и даже программные инструменты на основе ИИ.

Результат, отчасти неожиданный, так как он свидетельствует о том, что студенты бакалавриата в большей степени, чем магистранты используют искусственного интеллекта для решения профессиональных задач, а не для облегчения выполнения чисто учебных заданий.

По мнению 73,3 % студентов (рис. 2) нельзя с уверенностью сказать, лучше или хуже оценивают преподаватели работы, выполненные с помощью ИИ.

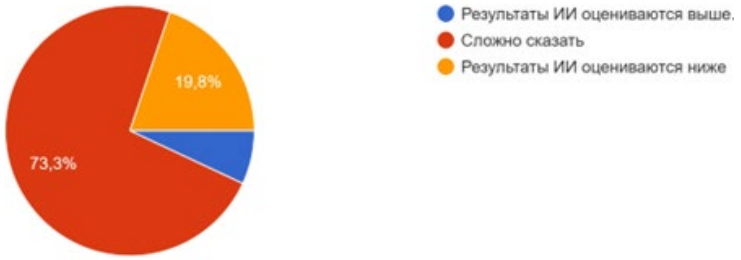


Рис. 2. Роль, которую играет искусственного интеллекта в учебной работе.
Fig. 2. The role played by artificial intelligence in educational work.

Основной исследовательской задачей для нас была оценка восприятия угроз со стороны ИИ

Оценка риска распространения неточной и непроверенной информации со стороны обучающихся бакалавриата и магистратуры различалась не существенно (табл 3), хотя обучающиеся бакалавриата менее настроженно относятся к этой перспективе (50% ответивших, что это маловероятно, или невозможно, против 62,86% – магистрантов). Примерно на уровне магистрантов находятся оценки тех, кто не использует ИИ для учебы, но использует его для личных нужд. Наиболее значимым этот риск считают те, кто вообще не использует ИИ.

Таблица 3
Оценка риска распространения неточной информации при расширении использования искусственного интеллекта.
Table 3
Assessing the risk of dissemination of inaccurate information when expanding the use of artificial intelligence.

Вариант ответа	Категория респондентов				
	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн. 5
Скорее всего так и будет	28,13	25,71	27,45	42,05	24,24
Возможно, но маловероятно	43,75	58,57	53,92	45,45	63,64

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Это невозможно	6,25	4,29	4,90	2,27	3,03

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in undergraduate programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

В оценки риска вытеснения учителя-человека ИИ (табл. 4) у некоторых категорий наблюдается присутствие противоречивых позиций. Распределение ответов по категориям обучающихся бакалавриата и магистратуры, в целом не выявило полярности оценок, 65,63% обучающиеся бакалавриата и 72,86% магистрантов склонны считать, что это маловероятно, или невозможно. Однако среди тех, кто использует ИИ только для решения бытовых задач и тех, кто его не использует совсем, выделяется доля респондентов, которые уверены, что это произойдет (соответственно 20,45% и 21,21% соотвесттвенно).

Таблица 4

Оценка риска вытеснения человека-учителя из образовательного процесса при распространении искусственного интеллекта.

Table 4

Assessment of the risk of ousting a human teacher from the educational process during the spread of artificial intelligence.

Вариант ответа	Категория респондентов				
	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	6,25	12,86	10,78	20,45	21,21
Возможно, но маловероятно	21,88	24,29	23,53	42,05	24,24
Это невозможно	43,75	48,57	48,04	28,41	48,48

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in undergraduate programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Выше оценивать угрозу для конфиденциальности склонны те, кто используют сервисы ИИ для личных нужд, но не для учебы, несколько в меньшей степени обеспокоены этим обучающиеся программ бакалавриата (табл. 5).

Таблица 5

Оценка угрозы для конфиденциальности при распространении искусственного интеллекта.

Table 5

Assessing the privacy threat in the proliferation of Artificial Intelligence.

Вариант ответа	Категория респондентов				
	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	12,50	21,43	19,61	27,27	36,36
Возможно, но маловероятно	53,13	50,00	50,98	56,82	45,45
Это невозможно	6,25	14,29	11,76	6,82	9,09

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Гораздо более единообразно оценивают выделенные нами категории респондентов предполагаемое распространение академического мошенничества с распространением искусственного интеллекта (табл. 6) – около 40% уверенны, что так и будет. Лишь обучающиеся бакалавриата чуть менее уверенны в этом (31, 25%). Схожую картину, с небольшими отличиями показывает ответ на вопрос о неготовности педагогов к использованию ИИ (табл. 7).

Таблица 6

Оценка риска распространения для «академического мошенничества» с развитием искусственного интеллекта.

Table 6

Assessing the spread risk for "academic fraud" with the development of artificial intelligence.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	31,25	42,86	40,20	37,50	42,42
Возможно, но маловероятно	37,50	38,57	38,24	45,45	39,39
Это невозможно	6,25	7,14	6,86	7,95	6,06

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Таблица 7

Неготовность школ и действующих педагогов к использованию искусственного интеллекта.

Table 7

Unpreparedness of schools and current teachers to use artificial intelligence.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	28,13	32,86	32,35	37,50	42,42
Возможно, но маловероятно	25,00	42,86	37,25	42,05	39,39
Это невозможно	18,75	15,71	16,67	11,36	9,09

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

В отличие от предыдущих распределений риски усиления неравенства в связи с распространением ИИ оцениваются более спокойно – количество верящих, в это колеблется в пределах 20% (табл. 8).

Таблица 8

Оценка возможного усиления неравенства в образовании при распространении искусственного интеллекта.

Table 8

Assessing the possible increase in inequality in education with the spread of artificial intelligence.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	18,75	14,29	15,69	25,00	21,21
Возможно, но маловероятно	28,13	41,43	37,25	44,32	48,48
Это невозможно	21,88	27,14	25,49	20,45	24,24

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Непредсказуемые и негативные последствия технического характера в связи с работой ИИ (табл. 9) в большей степени оцениваются той категорией респондентов, которые ни используют ИИ для решения учебных проблем, но что удивительно, те, кто использует ИИ для решения бытовых вопросов высказывают наиболее критичные оценки (39,9% считают что так и будет). В целом, похожую картину мы видим на распределении ответов при оценке угроз ИИ для развития мотивации к саморегулированию и как фактора снижения интеллекта (табл. 10 и 11).

Таблица 9

Угроза непредвиденных последствий в силу непрозрачности алгоритмов работы искусственного интеллекта.

Table 9

The threat of unintended consequences due to the opacity of artificial intelligence algorithms.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	15,63	22,86	20,59	34,09	39,39
Возможно, но маловероятно	46,88	50,00	49,02	46,59	36,36
Это невозможно	9,38	17,14	15,69	7,95	12,12

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Таблица 10

Угроза снижения мотивации к саморегулируемому обучению и принятию решений при распространении искусственного интеллекта.

Table 10

The threat of decreased motivation for self-regulated learning and decision making with the spread of artificial intelligence.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	31,25	37,14	36,27	43,18	48,48
Возможно, но маловероятно	25,00	34,29	31,37	37,50	27,27
Это невозможно	18,75	17,14	17,65	7,95	15,15

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Таблица 11

Оценка суждения, что ИИ создает условия при которых люди перестают пользоваться своими интеллектуальными способностями, что ведет к их снижению.

Table 11

Assessing the judgment that AI creates conditions under which people stop using their intellectual abilities, which leads to their decline.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Скорее всего так и будет	31,25	31,43	32,35	47,73	48,48
Возможно, но маловероятно	31,25	40,00	37,25	30,68	24,24

Продолжение таблицы 11
Continuation of Table 11

Это невозможно	15,63	18,57	17,65	9,09	18,18

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4 – нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

На фоне этих ответов достаточно удивительно видеть, что категории, которые наиболее серьезно оценивали угрозы со стороны ИИ для развития мотивов саморегуляции и интеллекта – респонденты, не использующие ИИ вообще и использующие его только для бытовых задач, в меньшей степени, нежели другие поддерживают идею «ментального фитнеса» (32,95% и 24,24% против 41,18% – тех кто использует ИИ для учебы). Положительная оценка обучающихся программ бакалавриата так же колеблется около 28%.

Таблица 12
Как вы относитесь к идее "ментального фитнеса", который должен восполнить недостаток интеллектуальной нагрузки в будущем мире где ИИ возьмет на себя все основные функции.

Table 12
How do you feel about the idea of "mental fitness", which should make up for the lack of intellectual load in the future world where AI will take over all the main functions.

	Бакал.1	Магистр.2	Исп_Уч3	Не_исп.4	Исп_личн.5
Положительно	28,13	40,00	41,18	32,95	24,24
Затруняюсь ответить	18,75	32,86	21,57	27,27	21,21
Отрицательно	6,25	2,86	3,92	13,64	6,06

1 – обучающиеся по программам бакалавриата; 2 – обучающиеся по программам магистратуры; 3 – используют программы ИИ в выполнении учебных заданий; 4– нигде и никогда не использовали ИИ; 5 – не используют ИИ для учебной работы, но используют для решения бытовых и личных проблем.
1 – students in bachelor programs; 2 – students in master's programs; 3 – use AI programs in completing educational tasks; 4 – AI has never been used anywhere; 5 – do not use AI for educational work, but use it to solve everyday and personal problems.

Мы видим, что в отечественных педагогических публикациях серьезное обсуждение последствий вхождения искусственного интеллекта в образование только началось. Причем основное внимание уделяется положительным перспективам этого процесса. В гораздо меньшей степени обсуждаются и рассматриваются различного роза угрозы и проблемы, которые с этим связаны.

В отличие от научного дискурса, дискурс обыденного и массового профессионального сознания воспринимает эти процессы по другому. В них преобладают не только ожидание положительных результатов, но и опасения по поводу негативных последствий.

Данные, полученные на основе нашей выборки (обучающиеся педагогического бакалавриата и магистратуры, причем среди магистрантов большая часть составляют уже работающие педагоги) показывают, что менее половины от всех опрошенных не используют системы искусственного интеллекта для решения учебных задач, но при этом часть из них успешно используют его для бытовых и личных нужд.

Общая картина ответов демонстрирует, что обучающиеся бакалавриата демонстрируют более спокойнойное, «инструменталное» отношение к использованию искусственного интеллекта в различных сферах, нежели обучающиеся магистратуры. Они более скептично оценивают его преимущества и более спокойно его угрозы.

Удивительно, что категорией респондентов, которые наиболее остро реагируют на угрозы искусственного интеллекта являются те, кто использует его для личных нужд, но не использует его для решения учебных задач.

Идея о необходимости «морального фитнеса» глобальной перестройки образования в целом, с позиции приоритета специальной поддержки в

первую очередь систем саморегуляции и основных когнитивных функций человека лишь отчасти нашла поддержку у респондентов. Хотя, для того, чтобы компенсировать глобальный дефицит интеллектуальных нагрузок необходимо добавлять в образовательные системы вовсе не фактор «вовлеченности», а фактор «интеллектуальной нагрузки». Если говорить языком деятельностного подхода, то образовательная система должна обеспечивать в зоне ближайшего развития деятельность, которая не только задействует все основные познавательные функции и типы интеллекта, но и обеспечивает оптимальную нагрузку на них.

Выводы

Результаты исследования отношения обучающихся педагогических направлений вузов к преимуществам и угрозам распространения искусственного интеллекта показало, что эту категорию респондентов нельзя считать единой группой. Она распадается на целый ряд категорий, в зависимости от возраста, уровня обучения, степени овладения системами искусственного интеллекта и сферой его применения.

В целом, обучающиеся бакалавриата относятся к искусственного интеллекта как инструменту решения профессиональных (не учебных, а именно профессиональных) задач, и менее значимо оценивают его угрозы.

Более других негативных последствия распространения искусственного интеллекта оценивают те обучающиеся, которые никак и нигде его не используют. К идее интеллектуального фитнеса респонденты отнеслись в целом положительно, но достаточно противоречиво.

Список источников

1. Валуева Е.А. Белова С.С. Эффект Флинна: обзор современных данных// Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 4. С. 165 – 183.

2. Воропаев М.В., Савенков А.И., Серебренникова Ю.А.Подготовка будущих педагогов к формированию социального опыта учащихся в цифровой среде. Москва: Издательство "Перо", 2023. 256 с.

3. Дремова О.В. Бекова С.К. Этические кодексы в университетах: что и как они регулируют? // Образовательная политика. 2021. № 1 (85). С. 88 – 99. DOI 10.22394/2078-838X-2021-1-88-98

4. Измайлова М.А. Возможности и угрозы искусственного интеллекта в образовании // Психология обучения. 2020. № 3. С. 84 – 94.

5. Котов Р.И., Красько С.В., Сергеева М.А., Тюняткин А.А. Искусственный интеллект в школьном образовании: от теории к практике// Школьные технологии. 2023. № 2. С. 93 – 105.

6. Некрасова И.И., Розов К.В., Шрайнер Б.А. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего и общего образования// Сибирский педагогический журнал. 2021. № 3. С. 20 – 27.

7. Савенков А.И. Комитет по этике психолого-педагогических исследований как инструмент борьбы с "академическим мошенничеством" студентов // Hominum. 2022. № 4. С. 99 – 114.

8. Тихонова Н.В., Ильдуганова Г.М. Меня пугает то, с какой скоростью развивается искусственный интеллект»: восприятие студентами искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Высшее образование в России. Т. 33. № 4 (2024). С. 63 – 83. DOI: https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-63-83

9. Akgun S, Greenhow C. Artificial intelligence in education: addressing ethical challenges in K-12 settings // AI and Ethics. 2021. № 1. P. 1 – 10.

10. Ayala-Pazmiño, M. Artificial Intelligence in Education: Exploring the Potential Benefits and Risks // CEIT (Digital Publisher). № 8 (3). P. 892 – 899 https://doi.org/10.33386/593dp.2023.3.1827

11. Bai L., Liu X., Su J. ChatGPT: The cognitive effects on learning and memory // Brain-X. 2023;l:e30 DOI: https://doi.org/10.1002/brx2.30

12. Baker R., Siemens G. Educational data mining and learning analytics // Handbook of educational psychology. 2014. № 2. P. 507 – 524.

13. Humble N., Mozelius P. The threat, hype, and promise of artifcial intelligence in education// Discover Artifcial Intelligence. 2022. № 2. P. 22 DOI https://doi.org/10.1007/s44163-022-00039-z

14. Ikedinachi A.P., Misra S., Assibong P.A., Olu-Owolabi E.F., Maskeliūnas R., Damasevicius R. Artificial intelligence, smart classrooms and online education in the 21st century: implications for human development // J Cases Inform Technol. 2019. № 21 (3). P. 66 – 79.

15. Karsenti T. Artificial intelligence in education: The urgent need to prepare teachers for tomorrow's schools// Formation et Profession. 2019. № 27 (1). P. 105 – 111. https://doi.org/10.18162/fp.2018.a166

16. Kavale K.A., Forness S.R. Cheating and plagiarism in schools and colleges. Psychology Press, 2019.

17. Kelleher C., Tierney B. Artificial intelligence in education: Applications and prospects // AI Magazine. 2018. № 39 (3). P. 45 – 49.

18. López-Pérez M.V., Pérez-Rodríguez M.A., Gutiérrez-Santiuste E. Artificial intelligence in education: A review. Frontiers in Psychology. 2020. № 11. P. 135. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00135

19. Murphy R.F. Artifcial Intelligence Applications to Support K-12 // Teachers and Teaching: A Review of Promising Applications, Opportunities, and Challenges. Perspective: RAND Corporation, 2019.

20. Nichols M., Holmes W. Don't do Evil: Implementing Artifcial Intelligence in Universities // In EDEN Conference Proceedings. 2018. № 2. P. 110 – 118.

21. Pardo-Ballester C., Tomás D., López-López M.C. Exploring the potential of chatbots in foreign language learning: a systematic review // Computer Assisted Language Learning. 2021. № 34 (2). P. 153 – 182.

22. Pellegrino J.W., Hilton M.L. Education for life and work: Developing transferable knowledge and skills in the 21st century. National Academies Press. 2013.

23. Pennachin C., Goertzel B. Contemporary Approaches to Artificial General Intelligence// Artificial General Intelligence Ed. by Ben Goertzel, Cassio Pennachin. Berlin: Publisher Springer, Heidelberg. P. 1 – 30 DOI https://doi.org/10.1007/978-3-540-68677-4

24. Popenici SA, Kerr S. Exploring the impact of artifcial intelligence on teaching and learning in higher education // Res Pract Technol Enhanc Learn. 2017. № 12 (1). P. 1 – 13.

25. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011 Aug 5. № 333 (6043). P. 776 – 778. doi: 10.1126/science.1207745. Epub 2011 Jul 14.

26. Spitzer M. Digital dementia: What We and Our Children are Doing to our Minds. Brno: Host, 2014 368 p.

27. Wogu I.A.P., Misra S., Olu-Owolabi E.F., Assibong P.A., Udoh O.D., Ogiri S.O., Damasevicius R. Artifcial intelligence, artifcial teachers and the fate of learners in the 21st century education sector: implications for theory and practice // Int J Pure Appl Math. 2018. № 119 (16). P. 2245 – 2259.

28. Yamamoto M.H., Ito K., Honda C., Aramaki E. Does digital dementia exist? P. 310 – 311. Paper presented at 2018 AAAI Spring Symposium, Palo Alto, United States. 2018.

References

1. Valueva E.A. Belova S.S. The Flynn effect: a review of current data. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2015. T. 12. No. 4. P. 165 – 183.

2. Voropaev M.V., Savenkov A.I., Serebrennikova Yu.A. Preparation of future teachers for the formation of social experience of students in the digital environment. Moscow: Pero Publishing House, 2023. 256 p.

3. Dremova O.V. Bekova S.K. Ethical codes in universities: what and how do they regulate? Educational policy. 2021. No. 1 (85). P. 88 – 99. DOI 10.22394/2078-838X-2021-1-88-98

4. Izmailova M.A. Opportunities and threats of artificial intelligence in education. Psychology of education. 2020. No. 3. P. 84 – 94.

5. Kotov R.I., Krasko S.V., Sergeeva M.A., Tyunyatkin A.A. Artificial intelligence in school education: from theory to practice. School technologies. 2023. No. 2. P. 93 – 105.

6. Nekrasova I.I., Rozov K.V., Shriner B.A. Prospects for the implementation of artificial intelligence technologies in the field of higher and general education. Siberian Pedagogical Journal. 2021. No. 3. P. 20 – 27.

7. Savenkov A.I. Committee on the Ethics of Psychological and Pedagogical Research as a tool to combat "academic fraud" of students. Hominum. 2022. No. 4. P. 99 – 114.

8. Tikhonova N.V., Ilduganova G.M. "The speed at which artificial intelligence is developing scares me": students' perception of artificial intelligence in teaching foreign languages. Higher Education in Russia. T. 33. No. 4 (2024). P. 63 – 83. DOI: https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-63-83

9. Akgun S, Greenhow C. Artificial intelligence in education: addressing ethical challenges in K-12 settings. AI and Ethics. 2021. No. 1. P. 1 – 10.

10. Ayala-Pazmiño, M. Artificial Intelligence in Education: Exploring the Potential Benefits and Risks. CEIT (Digital Publisher). No. 8 (3). P. 892 – 899 https://doi.org/10.33386/593dp.2023.3.1827

11. Bai L., Liu X., Su J. ChatGPT: The cognitive effects on learning and memory. Brain-X. 2023;l:e30 DOI: https://doi.org/10.1002/brx2.30

12. Baker R., Siemens G. Educational data mining and learning analytics. Handbook of educational psychology. 2014. No. 2. P. 507 – 524.

13. Humble N., Mozelius P. The threat, hype, and promise of artificial intelligence in education. Discover Artifcial Intelligence. 2022. No. 2. P. 22 DOI https://doi.org/10.1007/s44163-022-00039-z

14. Ikedinachi A.P., Misra S., Assibong P.A., Olu-Owolabi E.F., Maskeliūnas R., Damasevicius R. Artificial intelligence, smart classrooms and online education in the 21st century: implications for human development. J Cases Inform Technol. 2019. No. 21 (3). P. 66 – 79.

15. Karsenti T. Artificial intelligence in education: The urgent need to prepare teachers for tomorrow's schools. Formation et Profession. 2019. No. 27 (1). P. 105 – 111. https://doi.org/10.18162/fp.2018.a166

16. Kavale K.A., Forness S.R. Cheating and plagiarism in schools and colleges. Psychology Press, 2019.

17. Kelleher C., Tierney B. Artificial intelligence in education: Applications and prospects. AI Magazine. 2018. No. 39 (3). P. 45 – 49.

18. López-Pérez M.V., Pérez-Rodríguez M.A., Gutiérrez-Santiuste E. Artificial intelligence in education: A review. Frontiers in Psychology. 2020. No. 11. P. 135. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00135

19. Murphy R.F. Artificial Intelligence Applications to Support K-12. Teachers and Teaching: A Review of Promising Applications, Opportunities, and Challenges. Perspective: RAND Corporation, 2019.

20. Nichols M., Holmes W. Don't do Evil: Implementing Artificial Intelligence in Universities. In EDEN Conference Proceedings. 2018. No. 2. P. 110 – 118.

21. Pardo-Ballester C., Tomás D., López-López M.C. Exploring the potential of chatbots in foreign language learning: a systematic review. Computer Assisted Language Learning. 2021. No. 34 (2). P. 153 – 182.

22. Pellegrino J.W., Hilton M.L. Education for life and work: Developing transferable knowledge and skills in the 21st century. National Academies Press. 2013.

23. Pennachin C., Goertzel B. Contemporary Approaches to Artificial General Intelligence. Artificial General Intelligence Ed. by Ben Goertzel, Cassio Pennachin. Berlin: Publisher Springer, Heidelberg. P. 1 – 30 DOI https://doi.org/10.1007/978-3-540-68677-4

24. Popenici SA, Kerr S. Exploring the impact of artifcial intelligence on teaching and learning in higher education. Res Pract Technol Enhance Learn. 2017. No. 12 (1). P. 1 – 13.

25. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips. Science. 2011 Aug 5. No. 333 (6043). P. 776 – 778. doi: 10.1126/science.1207745. Epub 2011 Jul 14.

26. Spitzer M. Digital dementia: What We and Our Children are Doing to our Minds. Brno: Host, 2014 368 p.

27. Wogu I.A.P., Misra S., Olu-Owolabi E.F., Assibong P.A., Udoh O.D., Ogiri S.O., Damasevicius R. Artifcial intelligence, artifcial teachers and the fate of learners in the 21st century education sector: implications for theory and practice. Int J Pure Appl Math. 2018. No. 119 (16). P. 2245 – 2259.

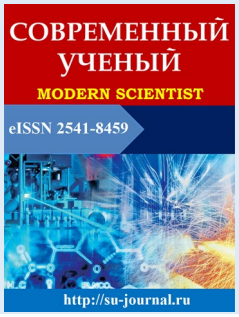
28. Yamamoto M.H., Ito K., Honda C., Aramaki E. Does digital dementia exist? P. 310 – 311. Paper presented at 2018 AAAI Spring Symposium, Palo Alto, United States. 2018.

Информация об авторах

Савенков А.И., доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор, ORCID 0000-0001-7532-7540, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, asavenkov@bk.ru

Воропаев М.В., доктор педагогических наук, профессор, ORCID 0000-0002-1031-7277, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, vrpmv@mail.ru

© Савенков А.И., Воропаев М.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 377.111
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-264-270

Взаимодействие между образовательными организациями и индустриальными партнерами в рамках элитарного образования: преимущества и вызовы

[1] Агарёва Л.А.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности элитарного образования. На примере конкретного опыта раскрываются этапы выстраивания взаимодействия школы, ВУЗа и индустриального партнёра. Проанализированы преимущества и вызовы, с которыми столкнулись организации в процессе взаимодействия и даны рекомендации по выстраиванию эффективного взаимодействия образовательных организаций с промышленными предприятиями в рамках элитарного образования. Концепции взаимодействия и элитарного образования, исследованные в теоретическом контексте, формируют основу для практических шагов по созданию качественного образовательного процесса. Современные вызовы и требования к подготовке специалистов диктуют необходимость тесного сотрудничества между образовательными учреждениями и индустриальными партнёрами. Далее рассмотрим конкретный опыт такого взаимодействия, как эти теоретические положения воплощаются в реальном образовательном проекте на примере МАОУ Востряковского лицея №1, НИУ «МЭИ» и МУП «Теплосеть». **Целью** данного исследования является анализ преимуществ и вызовов, связанных с взаимодействием образовательных учреждений и индустриальных партнеров в развитии элитарного образования. Задачи: 1. Проанализировать роль индустриальных партнеров в современной образовательной системе. 2. Выявить основные преимущества сотрудничества между образовательными учреждениями и индустриальными партнерами. 3. Исследовать вызовы, с которыми сталкиваются образовательные учреждения при установлении и поддержании партнерских отношений с индустриальными предприятиями. 4. Предложить рекомендации по оптимизации взаимодействия между образовательными учреждениями и индустриальными партнерами в целях эффективного развития элитарного образования. Статья подчеркивает важность и потенциал взаимодействия между образовательными организациями и промышленными предприятиями в рамках элитарного образования, одновременно указывая на необходимость преодоления определенных вызовов для достижения эффективного и плодотворного сотрудничества.
Ключевые слова: взаимодействие**,** образовательные учреждения, индустриальные партнеры, сотрудничество, элитарное образование, практические навыки, трудоустройство

Для цитирования: Агарёва Л.А. Взаимодействие между образовательными организациями и индустриальными партнерами в рамках элитарного образования: преимущества и вызовы // Современный ученый. 2024. № 5. С. 264 – 270. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-264-270

Поступила в редакцию: 3 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Interaction between educational organizations and industrial partners within the framework of elite education: advantages and challenges

[1] **Agareva L.A.**

[1] ***Federal State University of Education***

Abstract: this article discusses the features of elite education. Using the example of specific experience, the stages of building interaction between a school, a university and an industrial partner are revealed. The advantages and challenges faced by organizations in the process of interaction are analyzed and recommendations are given for building effective interaction between educational organizations and industrial enterprises within the framework of elite education. The concepts of interaction and elite education, explored in a theoretical context, form the basis for practical steps to create a quality educational process. Modern challenges and requirements for the training of specialists dictate the need for close cooperation between educational institutions and industrial partners. Next, we will consider the specific experience of such interaction, how these theoretical principles are embodied in a real educational project using the example of MAEU Vostryakovsky Lyceum No. 1, National Research University "MPEI" and Municipal Unitary Enterprise "Teploset". The purpose of this study is to analyze the advantages and challenges associated with the interaction of educational institutions and industrial partners in the development of elite education. Objectives: 1. Analyze the role of industrial partners in the modern educational system. 2. Identify the main advantages of cooperation between educational institutions and industrial partners. 3. Explore the challenges that educational institutions face in establishing and maintaining partnerships with industrial enterprises. 4. Offer recommendations for optimizing interaction between educational institutions and industrial partners in order to effectively develop elite education. The article emphasizes the importance and potential of interaction between educational organizations and industrial enterprises within the framework of elite education, while pointing out the need to overcome certain challenges to achieve effective and fruitful cooperation.
Keywords: interaction, educational institutions, industrial partners, cooperation, elite education, practical skills, employment

For citation: Agareva L.A. Interaction between educational organizations and industrial partners within the framework of elite education: advantages and challenges. Modern Scientist. 2024. 5. P. 264 – 270. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-264-270

The article was submitted: April 3, 2024; Approved after reviewing: June 6, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Перед нами как муниципалитетом стоит задача – дать элитарное образование всем обучающимся городского округа для успешной самореализации в будущей жизни. Одним из решений данной задачи мы видим в выстраивании взаимодействия школы, ВУЗа и индустриального партнёра [10, с. 281].

Для формирования инженерного класса администрацией школы была проведена предварительная работа:

- обсуждение востребованности открытия инженерного класса с родительским активом выпускников девятых классов;
- беседа классных руководителей с детьми о возможности открытия инженерного профильного класса совместно с ВУЗом и индустриальным партнером;
- беседа классного руководителя с родителями, где были даны все разъяснения по алгоритму открытия класса, отбора мотивированных обучающихся, взаимодействию с муниципальным унитарным предприятием "Теплосеть» и Национальным исследовательским университетом «МЭИ»;
- общешкольное родительское собрание с приглашением представителей ВУЗа и индустриального партнёра.

Следующим этапом было обсуждение и выстраивание образовательного процесса при поддержке Управления образования г.о. Домодедово:

- составление учебного плана в соответствии с ФГОС по технологическому профилю с углубленным изучением математики и физики;
- согласование содержания элективного курса «Инженерный практикум» с преподавателем – инженером из МУП «Теплосеть»;
- согласование этапов разработки индивидуального проекта обучающихся: за теоретическую часть отвечает МЭИ, практическая часть проекта разрабатывается и реализуется на предприятии, защита проекта происходит в МЭИ;

- включение во внеурочную деятельность курсов по функциональной грамотности, психологии успеха и другие;
- организация трудоустройства обучающихся класса (в количестве 20 человек) в МУП «Теплосеть» за счет субсидии муниципалитета;
- организация платных образовательных услуг по учебным предметам физика и математиками (преподаватели МЭИ);
- организация образовательного туризма: выезды в профильные предприятия, ВУЗы, выставки, дни открытых дверей и др.
- организация Университетского дня: обучающиеся инженерного класса весь учебный день проводят вместе со студентами 1,2 курса МЭИ и посещают занятия по профильным предметам.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей и задач использовался практический метод исследования, включающий в себя проведение опросов и интервью. Опросы обучающихся, родителей и учителей позволили оценить их взгляды на практическую значимость партнерства, в то время как интервью с представителями образовательного учреждения, высшего учебного заведения и муниципального унитарного предприятия дали возможность получить глубокое понимание преимуществ и вызовов сотрудничества.

Результаты и обсуждения

1. *Взаимодействие между образовательными организациями и индустриальным партнёром.*

Современный мир характеризуется быстрыми темпами изменений и постоянным развитием технологий, что накладывает свой отпечаток на образовательные процессы. В свете этих изменений образовательные учреждения все чаще обращаются к индустриальным партнерам для сотрудничества и формирования осознанного самоопределения в будущей профессии старшеклассников. [9, с. 12]

В философском словаре понятие «взаимодействие» определяется как философская категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого» [8].

С.И. Ожегов рассматривает «взаимодействие» как взаимную связь явлений, взаимную поддержку [6]. В.И. Загвязинский, И.Н. Емельянова под педагогическим взаимодействием понимают «преднамеренный контакт педагога и воспитуемых в форме общения, взаимопомощи, поддержки, сотрудничества, сотворчества, наставничества, имеющий своим следствием изменения в поведении, деятельности, отношениях» [3, с. 39].

"Взаимодействие" в контексте партнерского сотрудничества школы, вуза и индустриального предприятия для повышения качества образования и формирования профессионального самоопределения обучающихся мы определяем как *согласованный и взаимовыгодный процесс сотрудничества между образовательными учреждениями и предприятиями с целью обеспечения студентов и обучающихся актуальными знаниями, навыками и опытом, соответствующими требованиям рынка труда. Этот процесс включает в себя обмен информацией, разработку образовательных программ, реализацию совместных проектов, стажировки и другие формы сотрудничества, направленные на обеспечение качественной подготовки специалистов и успешное интегрирование их в профессиональную среду.*

Такое взаимодействие станет наиболее эффективным в рамках элитарного образования.

2. Элитарное образование в России.

Современное элитарное образование должно развивать таланты, творческую инициативу и формировать профессиональное самоопределение, отвечая на вызовы технологической эпохи, требованиям к качественной подготовке специалистов и успешное интегрирование их в профессиональную среду. [1, с. 253]

В рамках современного контекста рассмотрим научные взгляды на определение понятия "элитарное образование".

По мнению П. Л. Карабущенко, понятие "элитное образование" характеризуется как закрытый тип образования, связанный с олигархическими структурами общества, в то время как "элитарное образование" рассматривается как открытый (меритократический) подход. В своем исследовании П.Л. Карабущенко утверждает, что "элитное образование" ориентировано на элитные слои общества, в то время как "элитарное образование" направлено на персонализацию личности путем развития интеллекта, креативности, профессионализма и самосовершенствования [4, с. 197].

В докторском исследовании Р.Г. Резакова рассматриваются концепции "элитологии образования", "элитарной педагогики", "элитарного образования" и "элитарной личности". Главная цель элитарного образования в его исследовании заключается в формировании элитарного сознания учащихся и развитии элитарной личности. Резаков считает, что элитарное образование должно направляться на преодоление "остатков" массовой психологии, устранение стереотипов мировоззрения и пробуждение потребности к творческому самосовершенствованию личности [5, с. 86].

Горлова Н.А. рассматривает элитарное образование как «доступное для всех учащихся качественное образование (ФЗ-273) независимо от социального положения, которое реализуется в инновационной образовательной среде, где создаются условия для преобразования природных задатков личности в элитарные качества и способности» [2, с. 10].

В контексте современных требований к выпускнику школы и необходимости его профессионального самоопределения мы пришли к выводу, что «*элитарное образование – это качественное образование, доступное для всех обучающихся с фокусом на создание условий для индивидуализации учебного процесса, установку высоких стандартов обучения и развитие профессиональных навыков, необходимых для успешной карьеры. Оно основано на внедрении передовых методов обучения, стимулировании креативности и инноваций, а также на сотрудничестве с высшими учебными заведениями и индустриальными партнерами для создания учебных программ, отражающих реальные потребности рынка труда».*

3. Опыт взаимодействия.

В результате исследования были выявлены следующие преимущества партнёрства:

1. Одним из главных преимуществ является возможность для обучающихся получить практический опыт работы в реальной индустриальной среде. Это позволяет им применить полученные знания на практике и приобрести ценный опыт, что важно для успешной карьеры.

2. Получение официальной заработной платы от МУП «Теплосеть» позволяет обучающимся чувствовать себя более независимыми и самостоятельными в финансовом отношении. Это может помочь им освоить базовые финансовые навыки, такие как управление бюджетом и планирование расходов.

3. Сотрудничество с индустриальными партнерами позволяет образовательным учреждениям актуализировать учебные программы и внедрять новейшие технологии и методики обучения, соответствующие требованиям рынка труда.

4. Повышение качества образования - преподавание профильных предметов преподавателями ВУЗа, обучение во время Университетских дней.

5. Осознанный выбор экзамена (ЕГЭ) – обучающийся в профильном классе имеет более глубокое понимание предмета и повышенную мотивацию изучать его подробнее; подготовка становится более систематической и структурированной, создается поддерживающая обучающая среда для успешной сдачи экзамена. Это осознанный выбор, а не случайный, сделанный за день до закрытия Федеральной базы.

6. Взаимодействие с работодателями помогает старшеклассникам оценить различные профессиональные возможности и понять, какие навыки и знания требуются для успешной карьеры в конкретной области, что помогает им осознанно выбрать профессиональный путь. Вовлечение в профессиональную среду со школьных лет способствует формированию ценных личностных качеств, таких как самостоятельность, ответственность, коммуникабельность и умение работать в команде. Получение практического опыта помогает обучающимся определить свои сильные стороны и слабые места, что способствует их лучшему пониманию собственных профессиональных предпочтений и потребностей.

7. Получение целевого направления на обучение в ВУЗ по выбранному направлению.

8. Обеспечение кадрами муниципальное унитарное предприятие «Теплосеть» и трудоустройство выпускников.

Однако, несмотря на преимущества партнёрства, мы столкнулись с рядом вызовов.

1. Адаптация учебных программ: учебные программы в школе и ВУЗе не всегда могут быть адаптированы под конкретные потребности организации. Это вызывает необходимость постоянного обновления и модернизации учебных планов, чтобы они отражали последние тенденции развития отрасли и требования рынка труда.

2. Координация и согласование. Одним из основных вызовов является необходимость эффективной координации и согласования школьной программы с учебным планом ВУЗа и требованиями индустриального партнёра. Несоответствие между программами может привести к потере времени и ресурсов обучающихся/студентов/работников предприятия и образовательных учреждений. Студенты могут быть вынуждены повторять учебный материал~~ы~~, который они уже изучали в школе, или заново осваивать концепции, которые должны были усвоены ранее.

3. Равный доступ. Важно обеспечить равный доступ ко всем возможностям сотрудничества с индустриальным партнёром для всех обучающихся, независимо от их финансового положения, профессиональных интересов и уровня успеваемости. Это может потребовать дополнительных усилий для обеспечения инклюзивности и равенства возможностей. При трансформации массовой школы в элитарную важно не ограничивать обучающихся в праве на выбор профиля обучения в соответствии с Федеральным законом "Об образо-

вании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ [7].

4. Поддержка и обучение преподавателей. Для успешного взаимодействия необходима подготовка и поддержка преподавателей как в школе, ВУЗе, так и на предприятии, где может и не быть специалистов с педагогическим образованием, умением и желанием работать с детьми. Они должны быть готовы к работе в новых условиях, ориентированных на сотрудничество с индустриальным предприятием, иметь необходимые знания и навыки для организации и проведения совместных мероприятий и занятий.

5. Финансовые и организационные затраты. Организация совместных программ между школой, ВУЗом и индустриальным партнёром может требовать значительных финансовых и организационных затрат со всех сторон. Это может быть вызвано не только необходимостью обновления оборудования и материалов, но и организацией стажировок, мастер-классов и других совместных мероприятий.

6. Различия в культуре и методах обучения. Школа, ВУЗ и индустриальный партнёр могут иметь различные культурные и дидактические (методические) подходы к обучению будущих специалистов. Это может вызвать некоторые трудности во взаимопонимании и согласовании целей и методов работы, организации образовательного процесса.

На основе выявленных преимуществ и вызовов, а также результатов опросов, анкетирования и интервью мы разработали следующие рекомендации по организации эффективного взаимодействия школы, вуза и предприятия.

1. **Анализ потребностей рынка труда муниципалитета**. Необходимо проводить исследования и анализа современных требований рынка труда в конкретной отрасли и территории, чтобы определить востребованные профессии, необходимые навыки и компетенции.

2. **Определение профиля класса**. На основе результатов анализа рынка труда следует определить профиль класса в соответствии с ФГОС, который наиболее соответствует потребностям индустриального партнера и предоставляет обучающимся/студентам широкие возможности для приобретения практического опыта.

3. **Информационная и консультативная работа с родителями**. Рекомендуется организация встреч и консультаций с родителями для обсуждения планов открытия профильного класса, а также о возможностях сотрудничества с ВУЗом и предприятием; предоставление информации о целях, преимуществах и особенностях профильного класса; проведение анкетирования родительской общественности для выявления их ожиданий и предложений; консультирование по организации учебного процесса.

4. **Подбор квалифицированных преподавателей**. Необходимо обеспечить наличие квалифицированных преподавателей с опытом работы в индустрии или соответствующим образованием, способных эффективно обучать обучающихся/студентов как теоретическим знаниям, так и практическим навыкам. Подпор дополнительных кадровых ресурсов из сторонни организаций при необходимости.

5. **Установление партнерских отношений.** Важно согласовать с Учредителем и установить партнерские отношения с предприятием или предприятиями и ВУЗом, которые будут сотрудничать с профильным классом. Это может включать в себя заключение соглашений о сотрудничестве и определение обязательств каждой стороны.

6. **Разработка интегрированных программ обучения.** Следует разработать программы обучения, которые соответствуют требованиям и потребностям как школьной программы, так и требованиям ВУЗа и индустриального партнера. Учебные планы должны включать как теоретические знания, так и практические занятия в рамках партнерства с предприятием. Это поможет избежать повторений и обеспечит более эффективное использование времени обучения

7. **Подготовка инфраструктуры.** Следует принимать во внимание, что должна быть обеспечена необходимая инфраструктура и оборудование для проведения практических занятий и стажировок обучающихся/студентов на предприятии. Это может включать в себя оборудование лабораторий, мастерских, а также организацию доступа к современным технологиям и оборудованию.

8. **Проведение регулярных обзоров и анализ.** Целесообразно организовывать регулярные обзоры и анализ текущего состояния сотрудничества позволит оперативно выявлять проблемы и находить оптимальные решения для их решения.

9. **Развитие системы менторства**. Предполагается внедрение системы менторства, где опытные сотрудники индустриального партнера будут работать с учащимися и студентами, поможет им приобрести практические навыки и получить ценные советы от профессионалов.

10. **Создание инновационных образовательных форматов.** Важно учесть, что использование современных образовательных форматов, таких как онлайн-курсы, виртуальные лаборатории и проектные работы, позволит расширить доступ к

образованию и сделать обучение более интерактивным и увлекательным.

11. **Поддержка инициатив студентов и обучающихся.** Желательно рассмотреть поддержку и стимулирование инициатив студентов и обучающихся в создании и реализации проектов с участием индустриального партнера, это поможет им развить предпринимательские навыки. Рассмотреть возможность трудоустройства школьников на предприятие для получения ценного опыта работы в реальных условиях.

12. **Трансляция и обмен опытом**. Следует принять во внимание, что участие в международных, всероссийских и региональных образовательных проектах позволит расширить горизонты и обменяться опытом с зарубежными партнерами, коллегами из других регионов России, что может привнести новые идеи и подходы в образовательный процесс.

13. **Привлечение дополнительных ресурсов.** Представляется целесообразным поиск дополнительных финансовых и организационных ресурсов через гранты, спонсорство и партнерские соглашения поможет обеспечить устойчивость и долгосрочность сотрудничества.

Выводы

Таким образом, статья подчеркивает важность и потенциал взаимодействия между образовательными организациями и промышленными предприятиями в рамках элитарного образования, одновременно указывая на необходимость преодоления определенных вызовов для достижения эффективного и плодотворного сотрудничества.

Наши выводы могут послужить основой для дальнейших исследований и разработки стратегий сотрудничества между образовательными учреждениями, высшими учебными заведениями и индустриальными партнерами с целью развития элитарного образования.

Список источников

1. Горлова Н.А., Волков В.В. Элитарное образование как ресурс инновационного развития информационного общества // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы 21 века: сборник научных трудов. Вып 5. М.: Перспектива, 2021. С. 249 – 257.

2. Горлова Н.А. Элитарное образование как вектор подготовки педагога будущего // В сборнике: Журавлевские чтения. Трансформационные процессы в педагогической науке и образовании: Материалы 6-ой Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Журавлева Василия Ивановича. Отв. редактор: Н.А. Горлова, Москва, МГОУ. 2022. С. 7 – 14.

3. Загвязинский В.И., Емельянова И.Н. Общая педагогика: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2007. С. 39.

4. Карабущенко П.Л. Вопросы элитологии: философия, культура, политика: в 8 т. Астрахань: И.П. Сорокин Роман Васильевич, 2009. Т 6. 120 с.

5. Резаков Р.Г. Социально-педагогические условия формирования интеллектуальной элиты в системе непрерывного образования: дис. … д.п.н. М., 2002. 305 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1997, 1999, 2001, 2003. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3017 (дата обращения: 10.03.2024)

7. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ Ст. 5 п.2. URL: https://zakonobobrazovanii.ru/glava-1/statya-5 (дата обращения: 11.03.2024)

8. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_ philosophy/1929 (дата обращения: 10.03.2024)

9. Юдина Н.А., Окрепилов В.В., Бойко С.В. Развитие передового образовательного пространства посредством сетевого взаимодействия организаций общего, дополнительного и профессионального образования // Научная мысль. 2023. Т. 23. № 1, 2-1 (47). С. 11 – 14.

10. Юнева Т.В. Сайт педагога и школы как механизм взаимодействия между участниками образовательного процесса // Информационные технологии в образовании. 2022. № 5. С. 279 – 282.

References

1. Gorlova N.A., Volkov V.V. Elite education as a resource for innovative development of the information society. Current problems of pedagogy and psychology: challenges of the 21st century: collection of scientific works. Issue 5. M.: Perspective, 2021. P. 249 – 257.

2. Gorlova N.A. Elite education as a vector for training the teacher of the future. In the collection: Zhuravlevskie readings. Transformational processes in pedagogical science and education: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Vasily Ivanovich Zhuravlev. Rep. editor: N.A. Gorlova, Moscow, MSEU. 2022. P. 7 – 14.

3. Zagvyazinsky V.I., Emelyanova I.N. General pedagogy: textbook. allowance. M.: Higher. school, 2007. P. 39.

4. Karabuschenko P.L. Issues of elitology: philosophy, culture, politics: in 8 volumes. Astrakhan: I.P. Sorokin Roman Vasilievich, 2009. T 6. 120 p.

5. Rezakov R.G. Socio-pedagogical conditions for the formation of the intellectual elite in the system of continuous education: dis. ... Ph.D. M., 2002. 305 p.

6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseols. Expression. RAS, Institute of Russian language named after V.V. Vinogradova. 4th ed., add. Moscow: Azbukovnik, 1997, 1999, 2001, 2003. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3017 (access date: 03/10/2024)

7. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012 N 273-FZ Art. 5 p.2. URL: https://zakonobobrazovanii.ru/glava-1/statya-5 (access date: 03/11/2024)

8. Philosophical encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia. Ch. editor: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_ philosophy/1929 (access date: 03/10/2024)

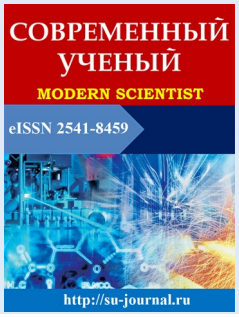
9. Yudina N.A., Okrepilov V.V., Boyko S.V. Development of an advanced educational space through network interaction of organizations of general, additional and vocational education. Scientific thought. 2023. Vol. 23. No. 1, 2-1 (47). P. 11 – 14.

10. Yuneva T.V. Website of a teacher and school as a mechanism of interaction between participants in the educational process. Information technologies in education. 2022. No. 5. P. 279 – 282.

Информация об авторе

Агарёва Л.А., аспирант, Государственный университет просвещения, mila.agareva@gmail.com

© Агарёва Л.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия) (педагогические науки)
УДК 376.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-271-278

Проектирование модели формирования профессиональных способностей лиц с умственной отсталостью в среднем профессиональном образовании на основе теории профессиональных способностей COMET

[1] Ян Айцзя

[1] Московский педагогический государственный университет

Аннотация: в условиях социально-экономического развития увеличивается количество людей с инвалидностью и доля студентов с умственной отсталостью, получающих среднее образование, требующих улучшения качества образовательных услуг. Студенты с умственной отсталостью сталкиваются с трудностями в профессиональном обучении и трудоустройстве из-за ограничений в развитии навыков. Важно отличать способности от интеллекта, поскольку первые связаны с конкретными ситуациями и обучаемостью. Разработка специализированной модели формирования профессиональных способностей на основе трехуровневой модели COMET может обеспечить комплексную поддержку профессионального образования для студентов с умственной отсталостью, учитывая их поведенческие особенности, такие как повторение и медленная обработка информации, и способствовать созданию адаптированных образовательных условий.
Ключевые слова: умственная отсталость, среднее профессиональное образование, теория профессиональных способностей COMET

Для цитирования: Ян Айцзя Проектирование модели формирования профессиональных способностей лиц с умственной отсталостью в среднем профессиональном образовании на основе теории профессиональных способностей COMET // Современный ученый. 2024. № 5. С. 271 – 278. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-271-278

Поступила в редакцию: 4 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Designing a model of formation of professional abilities of persons with mental retardation in secondary vocational education on the basis of the COMET theory of professional abilities

[1] Yang Aijia

[1] Moscow State Pedagogical University

Abstract: in the context of socio-economic development, the number of people with disabilities and the proportion of students with intellectual disabilities receiving secondary education are increasing, necessitating improvements in the quality of educational services. Students with intellectual disabilities face challenges in professional training and employment due to limitations in skill development. It is important to distinguish abilities from intelligence, as the former are related to specific situations and learnability. Developing a specialized ability model based on the three-level COMET model can provide comprehensive support for the vocational education of students with intel-

lectual disabilities, taking into account their behavioral characteristics, such as repetition and slow information processing, and contribute to the creation of adapted educational conditions.
Keywords: intellectual disability, secondary vocational education, COMET theory of professional abilities

For citation: Yang Aijia Designing a model of formation of professional abilities of persons with mental retardation in secondary vocational education on the basis of the COMET theory of professional abilities. Modern Scientist. 2024. 5. P. 271 – 278. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-271-278

The article was submitted: April 4, 2024; Approved after reviewing: June 7, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Современные социально-экономические условия требуют улучшения образовательных услуг для людей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе с интеллектуальными нарушениями (ИД). В данной работе предлагается модель, основанная на теории профессиональных способностей COMET, направленная на удовлетворение специфических образовательных потребностей данной демографической группы.

С декабря 2012 года Адаптированная образовательная программа (АОП), разработанная в соответствии с Законом "Об образовании в Российской Федерации" (Закон № 273-ФЗ), уже более десяти лет непрерывно обеспечивает право на образование для всех групп населения с особыми потребностями и инвалидов в России. Эта образовательная программа не только предоставляет минимально возможную образовательную среду для лиц с ограниченными возможностями здоровья, но также служит конкретным действием Правительства РФ по развитию инклюзивного образования на всех уровнях. План действий по повышению уровня занятости инвалидов на 2023-2024 годы подтверждает значимость, которую Правительство России придает развитию занятости среди инвалидов по всей стране.

Численность инвалидов продолжает увеличиваться в связи с социально-экономическим развитием страны. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, по состоянию на 1 января 2023 года, численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет по субъектам Российской Федерации увеличилась с 670 006 человек в 2019 году до 721 827 человек. Также наблюдается рост доли обучающихся с умственной отсталостью: в первом учебном году 2020-2021 из 2305 обследованных детей умственная отсталость (ЗПР) была диагностирована у 786 детей, а во втором учебном году 2021-2022 из 1653 обследованных детей умственная отсталость была диагностирована у 690 детей.

В России обучающиеся с умственной отсталостью после завершения основного образования могут при поддержке ПМПК выбрать подходящую профессию из списка, предоставленного Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (Приказ № И515). На основе этого выбора они могут выбирать школы и специальности для получения среднего профессионального образования, в течение 2-3 лет приобретая необходимые базовые теоретические знания и определенные навыки для работы, что в конечном итоге способствует их социализации. Однако на практике профессиональная подготовка и трудоустройство студентов с умственной отсталостью не является простой задачей. По сравнению с людьми с другими видами сенсорных нарушений, ограничения в умственных способностях и задержки в психическом и эмоциональном развитии значительно ограничивают их в развитии профессиональных навыков. Однако важно уточнить, что умственные способности не равнозначны способностям вообще. Хартиг и Климе (Hartig&Klieme, 2006, с. 131) различают способности и интеллект с точки зрения "контекстуализации", "обучаемости" и "внутренней структуры".

Таблица 1

Различие между способностями и интеллектом.

Table 1

Difference between ability and intelligence.

способности	интеллект
Способность решать конкретные сценарии и выполнять особые требования с учетом конкретных условий	Что можно применить универсально, так это способность решать новые проблемы
Обучаемость, приобретаемая через опыт работы в конкретных требованиях и ситуациях	Очень мало изменяется с течением времени, в основном зависит от биологических факторов

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Внутренняя структура страницы вытекает из контекста и требований	Внутренние структуры формируются в базовых когнитивных процессах

Теория множественного интеллекта известного американского психолога Говарда Гарднера (H. Gardner) подчеркивает широту и разнообразие человеческого интеллекта, утверждая, что каждый человек в той или иной степени обладает относительно независимым интеллектом в конкретных областях познания.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании использовался качественный подход, применялись исследования конкретных случаев и интервью с профессионалами в области образования, специализирующимися на ИД. Трехуровневая модель COMET была адаптирована для профессионального обучения лиц с ИД, сфокусирована на разработке специализированных образовательных рамок, учитывающих такие поведенческие характеристики, как повторение и медленная обработка информации.

Кроме того, немецкий эксперт по профессиональному образованию Раунер (Rauner u.a. 2008) отмечает, что потенциал развития способностей различается не только между отдельными людьми, но и между различными профессиями.Таким образом, мы можем сделать вывод, что возможности развития профессиональных навыков у лиц с умственной отсталостью не полностью зависят от их уровня интеллекта, но также тесно связаны с процессом их профессионального образования.

Поэтому, на основе понимания особенностей профессиональных способностей людей с умственной отсталостью, мы можем построить модель их способностей, исходя из трехуровневой модели профессиональных компетенций COMET. На этой основе можно предоставить теоретическую поддержку для разработки организационных и педагогических условий в процессе профессионального образования людей с умственной отсталостью и разработать методы оценки профессиональных способностей. С 2006 года в рамках масштабного проекта по оценке профессиональных компетенций COMET были разработаны различные методы оценки профессиональных компетенций, чувства профессиональной идентичности и профессиональной приверженности, которые получили широкое применение в проектах оценки профессиональных компетенций в Европе, Китае и Южной Африке под руководством Университета Бремена, Пекинского педагогического университета и Генерального управления профессионального образования в области производства, инженерии и соответствующих услуг Южной Африки (merSETA).

Результаты и обсуждения

Модель COMET является комплексной моделью, благодаря которой мы можем не только проследить траекторию развития профессиональных навыков людей, но и четко понять траекторию их трудового поведения и развитие профессиональной идентичности. При найме студентов руководители должны понимать, нужно ли им знать, есть ли у сотрудника диплом? Они должны эффективно оценить, обладает ли студент минимальными профессиональными навыками при выпуске. Кроме того, исходя из характеристик профессиональных навыков студентов, мы можем лучше спроектировать организацию обучения и учебную среду, подходящие для студентов с умственной отсталостью.

Модель профессиональных компетенций COMET построена на основе трехмерной системы координат и описывает динамический процесс развития профессиональных навыков индивида с трех сторон: Измерение содержания способностей (область обучения), Измерение требований к способностям (уровень способностей) и Действия в измерении: полный рабочий процесс.

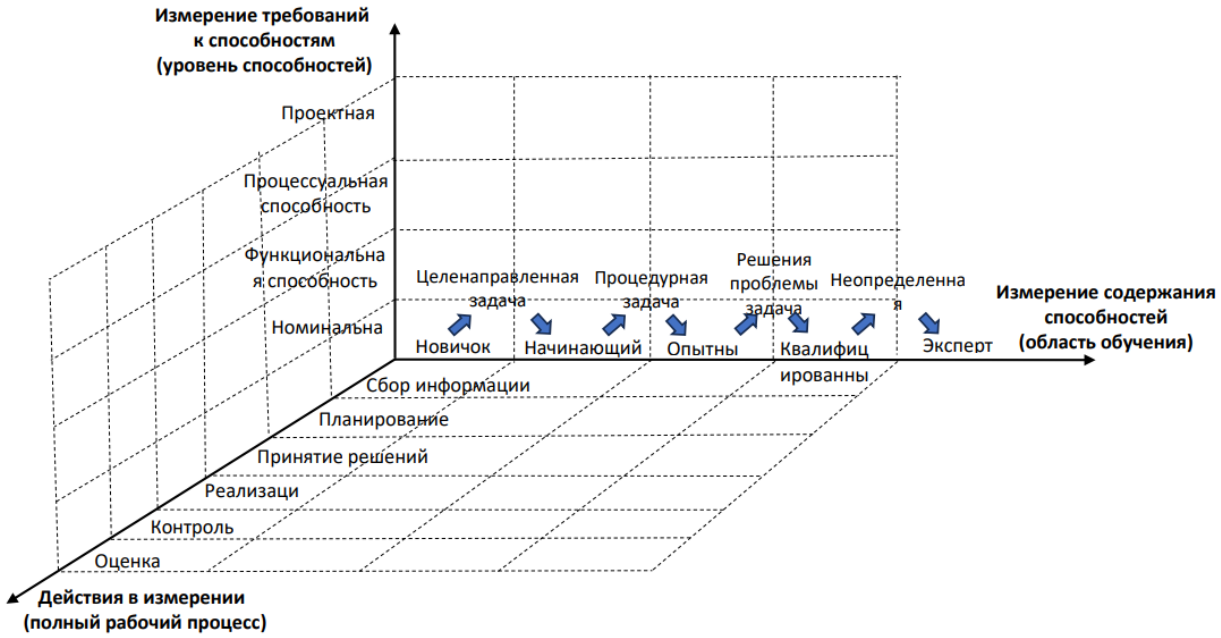


Рис. 1. Модель профессиональных компетенций COMET.
Fig. 1. Model of professional competencies COMET.

Изучая траекторию действий студентов с умственной отсталостью с точки зрения "Измерения действий: полный рабочий процесс" (Action Dimension: Complete Work Process), можно отметить, что, независимо от того, находятся ли они на теоретических занятиях или на практике, почти все студенты демонстрируют поведение, связанное с сбором информации. Хотя многие из них испытывают трудности с поддержанием внимания на длительный период и легко отвлекаются на телефоны или другие вещи, в целом они отличаются от людей с аутизмом, так как способны принимать и обрабатывать внешнюю информацию, даже если этот процесс требует многократных повторений или происходит медленнее. На теоретических занятиях преподаватели используют методы программного обучения или юмор, чтобы помочь студентам научиться планомерно визуализировать свои мыслительные процессы и предоставляют им полные планы по изготовлению выпечки или блюд. Принятие решений и реализация становятся основным содержанием, которое студенты должны освоить через профессиональное обучение и практику. Так, мы, наблюдая за 15 парами студентов-поваров и кондитеров с умственной отсталостью на практических занятиях, заметили, что студенты не осознают необходимость контроля за своей продукцией и испытывают трудности с точной самооценкой. Их контроль и оценка обычно осуществляются преподавателями. Фактически, лишь немногие могут самостоятельно завершить производство продукта.

"Измерение требований к способностям: уровень способностей" (Capability Requirement Dimension: Level of Abilities) отражает уровни профессиональных навыков, которые определяются способностью индивидуума обрабатывать и решать профессиональные задачи. С этой точки зрения, студенты, способные учиться в адаптивных средних профессиональных образовательных программах, обычно обладают базовой номинальной способностью (Nominal Capability): "Номинальная способность", что означает, что они могут понимать содержание, преподаваемое учителем, и различать разные профессиональные предметы и оборудование. В классах кондитеров примерно 50-60% студентов могут использовать записи, чтобы с помощью учителя приобрести знания и навыки, необходимые для выполнения конкретных функций или задач, обычно связанных с практическими действиями и практическими навыками. Например, они могут подготовить ингредиенты по требованиям (100 г муки, 5 г сахара, 1 г соли и т.д.) и обработать их (вымесить вместе, чтобы тесто стало гладким и выдержать его 10 минут для брожения).

Это отражает "Функциональную способность". Небольшая часть студентов к моменту выпуска способна управлять и выполнять сложные процессы, подчеркивая навыки рабочих процессов, принятия решений и решения проблем. Например, в классах кондитеров очень немногие студенты, примерно 1-2 человека в каждой группе, могут не только быстро и качественно выполнять работу,

опираясь на записи, но и помогать учителю подготавливать материалы и решать проблемы для других студентов, что отражает "Процессуальную способность".

Исходя из этого, мы можем суммировать способности студентов с умственной отсталостью, способных учиться в адаптивных средних профессиональных образовательных программах. С начала обучения по специальности они застревают на уровне "Начинающий". Небольшая часть более способных студентов может достичь уровня "Опытный", и если эти студенты будут долго работать и тренироваться, у них есть шанс достичь уровня "Квалифицированный". Хотя профессиональное образование может повысить нижний предел их способностей, их умственный уровень ограничивает верхний предел их профессионального развития.

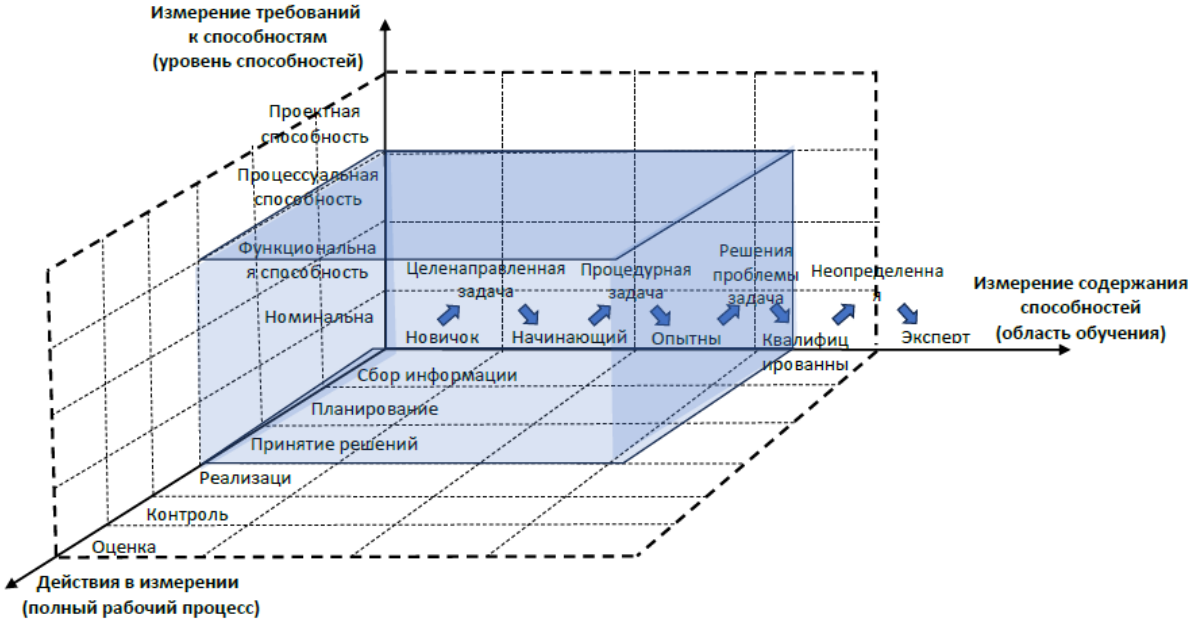


Рис. 2. Профессиональные компетенции студентов с интеллектуальными нарушениями в рамках модели профессиональных компетенций COMET.
Fig. 2. Professional competencies of students with intellectual disabilities within the framework of the COMET model of professional competencies.

На этой основе, опираясь на существующую теоретическую рамку, мы предлагаем ряд новых оценочных показателей, направленных на точное захватывание специфических способностей студентов с интеллектуальными нарушениями в рамках модели профессиональных компетенций. Самостоятельность. Этот показатель отражает инициативность, способность к выбору и самонаправленность, проявляемые учащимися в процессе профессионального развития и повышения квалификации. Учитывая, что студенты с интеллектуальными нарушениями, обладая базовыми навыками и функциональными знаниями, все еще сталкиваются с вызовами в развитии процедурных способностей, что в основном проявляется в отсутствии инициативности, способности к выбору и самонаправленности в рабочей среде.

Понимание плана. Этот показатель основан на логике развития профессиональных компетенций от "новичка до эксперта", подчеркивает необходимость усиления способности понимать планы у лиц с интеллектуальными нарушениями в профессиональном обучении, чтобы они могли более эффективно выполнять задачи, знакомиться с рабочими процессами и тем самым способствовать развитию их профессиональных компетенций.

Принятие решений. На рабочем месте решения обычно принимаются руководством, которое определяет рабочие цели. Для обычных работников выполнение этих решений становится их ключевой задачей.

Мониторинг и оценка. Наблюдения за учебными привычками студентов с интеллектуальными нарушениями показали, что этой группе трудно самостоятельно осуществлять мониторинг и оценку. Поэтому мониторинг и оценка обычно предоставляются внешними источниками (например, коллегами или руководством).

Корректировка и модификация. Лицам с интеллектуальными нарушениями необходимо корректировать и модифицировать свою работу в соответствии с внешним мониторингом и оценкой. По-

средством постоянных повторений и позитивной обратной связи они могут достигать устойчивого положительного развития. Этот ряд действий – понимание плана, принятие решений, мониторинг и оценка, а также корректировка и модификация – формирует циклический процесс в реальной работе (рис. 3).

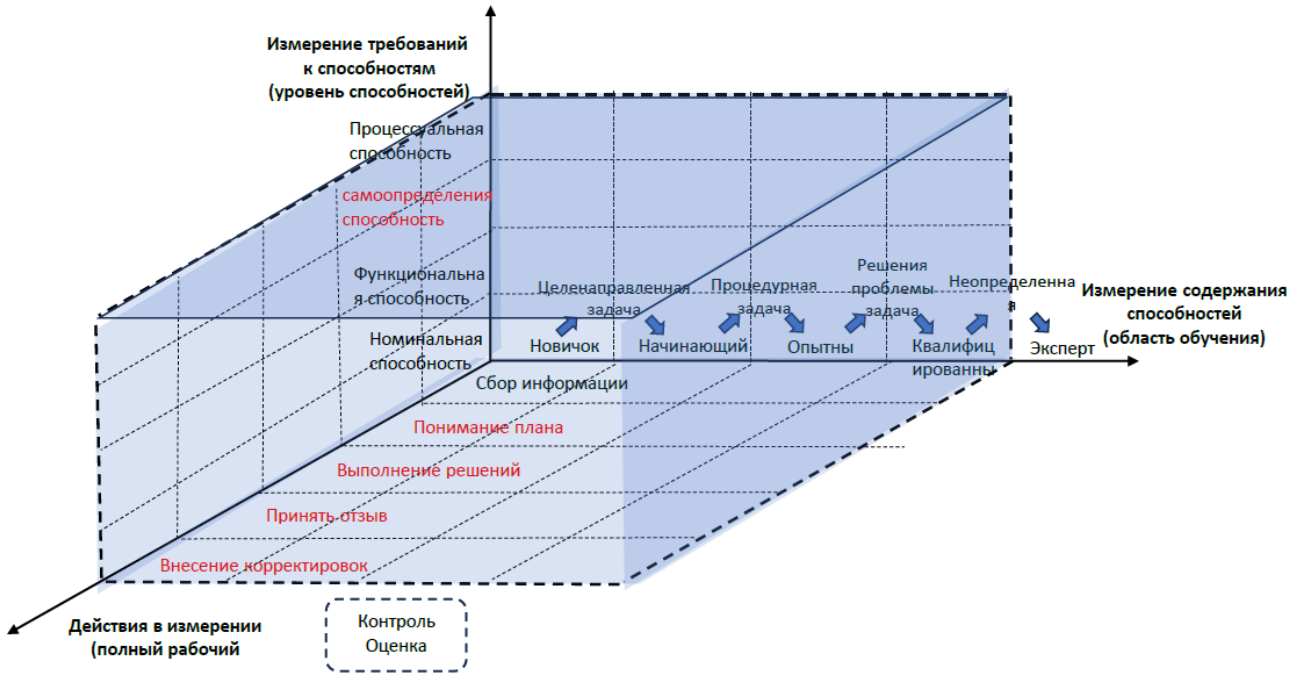


Рис. 3. Модель профессиональных компетенций в соответствии с особенностями студентов с интеллектуальными нарушениями.
Fig. 3. Model of professional competencies in accordance with the characteristics of students with intellectual disabilities.

Проведя анализ представленных данных, мы можем сформулировать следующие ключевые выводы. Во-первых, студенты с умственной отсталостью проявляют способность к сбору информации, несмотря на трудности с поддержанием внимания, что говорит о их способности к приему и обработке внешней информации. Однако им могут быть затруднительны контроль процесса и точная самооценка. Во-вторых, большинство таких студентов обладают базовыми навыками и знаниями, позволяющими понимать содержание и выполнять простейшие задачи, но лишь небольшая часть способна к выполнению сложных процессов. Третий вывод касается введения новых оценочных показателей, учитывающих специфические способности студентов с интеллектуальными нарушениями, такие как самостоятельность, понимание плана, принятие решений, мониторинг и оценка, корректировка и модификация. Наконец, важно отметить циклический характер процесса работы с такими студентами, который включает не только выполнение задач, но и постоянную корректировку и улучшение на основе обратной связи. Все эти выводы подчеркивают важность индивидуализированного подхода к обучению и оценке студентов с интеллектуальными нарушениями, а также необходимость разработки специальных методик и оценочных инструментов для эффективной поддержки их профессионального развития.

Выводы

Поэтому создание модели, соответствующей траектории развития профессиональных компетенций учащихся с нарушениями интеллекта, позволит нам проанализировать особенности их профессионального обучения и соответствующим образом организовать учебно-методическую деятельность и разработать оценочные материалы, чтобы повысить эффективность профессионального образования. Хотя уровень интеллекта ограничивает верхнюю границу развития профессиональных способностей учащихся с нарушениями интеллекта, они вполне способны соответствовать минимальным требованиям, предъявляемым к выполняемой ими работе, и повышать свою квалификацию с помощью обширной практики и обучения.

Список источников

1. Климе Э., Хартиг Й. Концепции компетенций в социальных науках и в эмпирическом дискурсе // Журнал научной педагогики. 2008. Спецвыпуск 08. С. 11 – 29.
2. Гарднер Х. Прощание с IQ: рамочная теория множественного интеллекта. Штутгарт: Klett Cotta, 1991. 250 с.
3. Гарднер Х. Интеллекты. Разнообразие человеческого разума. Штутгарт: Klett Cotta, 2002. 310 с.
4. Раунер Ф. Профессиональное развитие компетенций – от новичка к эксперту // В сборнике: Денбостел П., Эльшольц У., Мейстер Й., Майер-Хенк Й. Сетевое развитие компетенций. Берлин: издательство сигма, 2002. С. 111 – 132.
5. Чжао Ч. Диагностика компетенций в профессиональном образовании. Мюнстер: LIT, 2015. С. 413 – 436.
6. Раунер Ф. Исследования квалификаций и учебные программы // В сборнике: Фишер М., Раунер Ф: учебное поле рабочего процесса. Баден-Баден: Номос, 2002. С. 317 – 339.
7. Факторы, влияющие на преподавание в системе профессионального образования и обучения // MDPI. 29 ноября 2022. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/14/23/15871. С. 15871 – 15885.
8. Развитие профессиональных навыков у детей с интеллектуальными нарушениями // ResearchGate. 1 мая 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/321637212_Developing_Vocational_Skills_for_Children_of_Intellectual_Disabilities. С. 30 – 45.
9. Обучение людей с интеллектуальными нарушениями профессиональным навыкам. URL: https://www.adcet.edu.au/resource/5165/file/1/Sheehan_Shearman.pdf. С. 1 – 10.
10. Развитие и оценка компетенций в системе ТПО (COMET). URL: https://www.amazon.com/Competence-Development-Assessment-TVET-COMET/dp/9400747241. С. 72 – 101.
11. Программы обучения профессиональным навыкам для лиц с интеллектуальными нарушениями. // NCBI. 21 декабря 2023. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10866252/ С. 25 – 42.
12. Немецкий субпроект COMET разработал модель профессиональной компетенции для преподавателей ВПО и критерии оценки // MDPI. 29 ноября 2022. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/14/23/15871. С. 15871 – 15885.
13. Развитие профессиональных навыков у детей с интеллектуальными нарушениями // ResearchGate. 1 мая 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/321637212_Developing_Vocational_Skills_for_Children_of_Intellectual_Disabilities. С. 30 – 45.

References

1. Klime E., Hartig J. Concepts of competencies in the social sciences and in empirical discourse. Journal of Scientific Pedagogy. 2008. Special issue 08. P. 11 – 29.
2. Gardner H. Farewell to IQ: a framework theory of multiple intelligences. Stuttgart: Klett Cotta, 1991. 250 p.
3. Gardner H. Intelligences. Diversity of the human mind. Stuttgart: Klett Cotta, 2002. 310 p.
4. Rauner F. Professional development of competencies – from beginner to expert. In the collection: Denbostel P., Elsholz U., Meister J., Mayer-Henk J. Network development of competencies. Berlin: Sigma Publishing House, 2002. P. 111 – 132.
5. Zhao Ch. Diagnosis of competencies in vocational education. Munster: LIT, 2015. P. 413 – 436.
6. Rauner F. Research of qualifications and training programs. In the collection: Fischer M., Rauner F: educational field of the work process. Baden-Baden: Nomos, 2002. P. 317 – 339.
7. Factors influencing teaching in the vocational education and training system. MDPI. November 29, 2022. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/14/23/15871. P. 15871 – 15885.
8. Development of professional skills in children with intellectual disabilities. ResearchGate. May 1, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/321637212_Developing_Vocational_Skills_for_Children_of_Intellectual_Disabilities. P. 30 – 45.
9. Training people with intellectual disabilities in professional skills. URL: https://www.adcet.edu.au/resource/5165/file/1/Sheehan_Shearman.pdf. P. 1 – 10.
10. Development and assessment of competencies in the TVET system (COMET). URL: https://www.amazon.com/Competence-Development-Assessment-TVET-COMET/dp/9400747241. pp. 72 – 101.

11. Vocational skills training programs for persons with intellectual disabilities. NCBI. December 21, 2023. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10866252. P. 25 – 42.

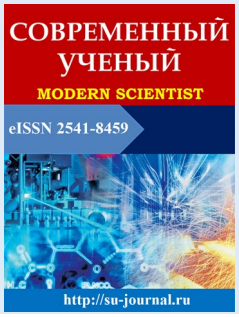
12. The German subproject COMET has developed a model of professional competence for higher education teachers and evaluation criteria. MDPI. November 29, 2022. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/14/23/15871. P. 15871 – 15885.

13. Development of professional skills in children with intellectual disabilities. ResearchGate. May 1, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/321637212_Developing_Vocational_Skills_for_Children_of_Intellectual_Disabilities. P. 30 – 45.

Информация об авторе

Ян Айцзя, аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1257-957X, Московский педагогический государственный университет, yangsanqian1125@hotmail.com

© Ян Айцзя, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия) (педагогические науки)
УДК 378.046.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-279-285

Расширение содержания профильной подготовки кадров для работы с детьми с ЗПР на основе требований профессионального стандарта

[1] Лапп Е.А.

[1] Азовский государственный педагогический университет

***Аннотация**:* статья посвящена вопросам отбора содержания дисциплин и модулей в ходе подготовки и повышения квалификации учителей-логопедов для развития компетенций по работе с обучающимися с задержкой психического развития с учетом требований профессионального стандарта. В работе представлена специфика требований профессионального стандарта «Педагог-дефектолог» к профильным знаниям, умениям и трудовым действиям логопеда и дефектолога по работе с обучающимися с ЗПР. На основе сравнения продемонстрирован подход к отбору примерного содержания для достраивания профильных компетенций по работе с детьми с ЗПР у логопеда, сформулирован перечень примерных контролируемых требований к результатам подготовки специалиста для работы с лицами с ЗПР.
***Ключевые слова**:* дефектолог, обучающиеся с задержкой психического развития, профильная подготовка, повышение квалификации, профессиональный стандарт, учитель-логопед

Для цитирования: Лапп Е.А. Расширение содержания профильной подготовки кадров для работы с детьми с ЗПР на основе требований профессионального стандарта // Современный ученый. 2024. № 5. С. 279 – 285. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-279-285

Поступила в редакцию: 4 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Expanding the content of specialized training for working with children with disabilities based on the requirements of the professional standard

[1] Lapp E.A.

[1] Azov State Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to the selection of the content of disciplines and modules in the course of training and advanced training of speech therapists for the development of competencies for working with students with impaired mental function, taking into account the requirements of the professional standard. The paper presents the specifics of the requirements of the professional standard «Teacher-defectologist» for the specialized knowledge, skills and labor actions of a speech therapist and defectologist to work with students with disabilities. Based on the comparison, an approach to the selection of approximate content for completing specialized competencies for working with children with impaired mental function from a speech therapist is demonstrated, a list of approximate controlled requirements for the results of training of a specialist to work with people with impaired mental function is formulated.

Keywords: defectologist, students with impaired mental function, specialized training, advanced training, professional standard, speech therapist teacher

For citation: Lapp E.A. Expanding the content of specialized training for working with children with disabilities based on the requirements of the professional standard. Modern Scientist. 2024. 5. P. 279 – 285. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-279-285

The article was submitted: April 4, 2024; Approved after reviewing: June 7, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Происходящие перемены в специальном дефектологическом образовании за последние десятилетия привели к обновлению учебных планов и программ, совершенствованию традиционных средств обучения и дистанционных образовательных технологий, необходимости непрерывного образования специалистов дефектологического профиля разных специализаций с акцентом на дифференцированное содержание подготовки. Стратегической задачей страны является модернизация профильного образования дефектологов, и Министерством Просвещения РФ был утвержден «Комплекс мер по модернизации дефектологического образования Российской Федерации на период до 2030 года» [3].

Одним из ключевых условий развития специального (дефектологического) образования является обеспечение единых подходов подготовки профильных кадров для организации коррекционно-развивающей помощи и психолого-педагогического сопровождения образования обучающихся с особым развитием. Трендом современного рынка труда выступает высокий спрос на специалистов дефектологического профиля, который в перспективе будет только возрастать. Согласно информации [7] 2023/24 учебный год начали 154 582 младших школьника и 216 594 подростка с задержкой психического развития. В стране для обучающихся с ЗПР создано 279 179 инклюзивных классов. Треть же обучающихся получает общее образование в процессе обучения с использованием современных медиатехнологий и/или посредством дистанционного образования.

С целью обеспечения коррекционно-развивающего сопровождения специального образования школьников с ЗПР в процессе обучения вовлечены 18 504 учителя-логопеда и 7 126 педагогов-дефектологов, в том числе 1921 олигофренопедагог [7]. Такая ситуация закономерно выдвигает перед вузами стратегическую задачу подготовки профильных специалистов.

Рассматривая сферу высшего образования для специалистов по профилю «Образование детей с ЗПР», можно выделить ряд проблем:

1) недостаточность профильных ОПОП;

2) значительная неудовлетворенность работодателей подготовкой выпускников к работе с детьми с задержкой психического развития в реальном образовательном контексте. Когда молодые педагоги приступают к работе с детьми, то часто отмечается снижение мотивации ввиду ограниченности профильных знаний по работе с обучающимися с ЗПР, а так же не полностью реализуемых возможностей применять усвоенные в рамках вузовских программ знания. Несоответствие сформированных в процессе обучения умений и навыков, полученных знаний и настоящей жизненной практики обусловливает критическую необходимость организации дополнительного обучения с целью передачи конкретного опыта более взрослых наставников, развития профильных компетенций и компетентностей с привлечением дополнительных ресурсов с целью повышения квалификации недавних выпускников вузов. В сложившейся ситуации одной из наиболее значимых задач для вузов и выпускающих кафедр видится максимальное приближение целевых знаний, умений и навыков, формируемых в процессе освоения определённых курсов профильной направленности, к требованиям реальных педагогических процессов, что позволит сократить период адаптации выпускника на рабочем месте. Как показывает ежегодный мониторинг трудоустройства, в среднем 46,3% выпускников профиля «Логопедия» получают работу с обучающимися с ЗПР в детском саду или школе.

Исследование направлено на использование профессионального стандарта «Педагог-дефектолог» как инструмента для определения оптимального содержания учебных дисциплин для будущих логопедов в части их дополнительной подготовки для работы с детьми с ЗПР, что позволит произвести отбор содержания в соотвествии с принципами достаточности и необходимости, что обеспечит готовность будущих логопедов к работе с обручающимися со специальными потребностями (?), и составить рекомендации разработчикам основных профессиональных образовательных программ и отдельных учебных курсов.

В последние годы в условиях модернизации всех уровней и систем образования особое внимание привлекают исследования, посвященные изучению и анализу выполняемых специалистами трудовых функций. Это просматривается и в отношении специалистов коррекционной практики – логопедов и дефектологов. Трудовые действия, умения и знания в рамках определенной трудовой функции обозначают требования к специалистам и результаты, которые должны быть достигнуты в соответствия этими положениями. Описание трудовых действий, а также умений и знаний, позволяют корректно определить цели, структуру и содержание программ подготовки и повышения квалификации специалистов. Детальная характеристика уровня реализации каждого вида профессиональной деятельности представлено в Профессиональном стандарте [1, 9].

Исследования разных авторов подтверждают идею о том, что профессиональный стандарт может быть инструментом формулирования профессиональных компетенций [5, 6], определения структуры модульной программы [2], выявления целевых ориентиров обучения и развития профессиональных компетенций [10] и др.

Несмотря на многочисленные исследования возможностей применения профессиональных стандартов в системе высшего и дополнительного образования, практически нет работ, направленных на изучение профессиональных стандартов как инструмента отбора содержания профильной подготовки специалистов коррекционной практики.

Материалы и методы исследований

Учитывая, что самой многочисленной группой среди коррекционных педагогов являются логопеды, предполагаем, что ресурс профильной подготовки кадров для работы с обучающимися с ЗПР следует искать через расширение профильной компетенции этих специалистов. В качестве рабочей примем гипотезу о том, что анализ и сравнение трудовых действий, умений и знаний в составе обобщенных трудовых функций по организации специальных условий образовательной среды и деятельности по освоению содержания обучающимися с нарушениями речи и задержкой психического развития позволит увидеть возможности и перспективы для достраивания профильной компетентности по работе с детьми с ЗПР у логопедов.

Предметом контент-анализа было содержание ОТФ 3.3.1 и ОТФ 3.3.3 [4]. Сравнению подвергались параллельные трудовые действия, умения и знания. Основными маркерами выступали слова и словосочетания, отличающие сравниваемые параметры в составе рассматриваемых обобщенных трудовых функций.

Результаты и обсуждения

Сравнение трудовых действий показало, что большинство из них сфокусированы на примерно одинаковом содержании профессиональной деятельности и связаны с организацией средовых условий, деятельности обучающихся по освоению содержания адаптированных образовательных программ, реализацией условий и форм включения обучающихся в единый образовательный процесс, предполагают отбор специального оборудования и учебно-методических и дидактических материалов, контроль и оценку образовательных достижений обучающихся, а также реализацию системы воспитательной работы с детьми и подростками, в одном случае – с нарушениями речи, в другом – с задержкой психического развития.

Отметим, что положения профессионального стандарта включают требования к учителю-логопеду проводить логопедические занятия и реализовывать программы логопедической помощи. Педагог-дефектолог в работе с детьми с ЗПР должен быть компетентен в организации эффективных коррекционно-развивающих занятий и реализовывать программы по коррекционной работе.

Среди особо значимых ключевых умений специалиста хотелось бы отметить способность осуществлять всеобъемлющий учёт индивидуальных психолого-педагогических и типологических особенностей, умение отбирать содержание образования для детей и подростков, применять специальные технологии и средства поддержки индивидуально-типологических затруднений обучающихся, реализовывать образовательный процесс в традиционном формате и с применением дистанционных образовательных технологий и др.

Дополнительным умением, заявленным в профессиональном стандарте для учителя-логопеда, является его способность к ведению профессиональной документации и использованию специальных средств формирования речи и коммуникации обучающихся.

Требования к знаниям специалистов двух профилей можно дифференцировать следующим образом: блок 1 – требования к нормативно-правовым основам профессиональной деятельности, блок 2 – научно-теоретические основы организации образования обучающихся, блок 3 – методические основы деятельности по профессиональной коррекции нарушений речевого и психического развития; блок 4 – гибкие навыки, необходимые современному специалисту для решения конкретных задач в повседневной работе и связанные с тенденцией непрерывного образования.

Система знаний логопеда и дефектолога для работы с детьми с ЗПР дифференцирована по всем выделенным блокам. Профессиональная деятельность строится на основе знания общих для всех нормативных документов, а также предполагает осведомленность в части требованийотраслевых документов. Логопед должен быть знаком с теоретическими и методическими основами развития систем и процессов образования обучающихся с нарушениями речи, а другой рассматриваемый нами специалист – обучающихся с задержкой психического развития. Логопед организует помощь обучающимся на основе знаний закономерностей речевого онтогенеза, языковых норм и отклонений. Дефектолог по работе с детьми с ЗПР опирается на закономерности и этапы психического онтогенеза в норме и при задержке психического развития. Логопед знает особенности обучающихся с нарушениями в речи, а том числе, в структуре задержки психического развития; дефектолог знает клинико-психолого-педагогическую специфику ребенку с задержкой психического развития, в том числе, с нарушением речи и др. Что явно отличает запросы профессионального стандарта к обоим специалистам, так это четкое требование к логопеду знать нормы русского языка, методы и правила использования средств альтернативной коммуникации.

Опираясь на проведенный анализ и сравнение трудовых действий, умений и знаний специалистов по работе с обучающимися с нарушением речи и ЗПР, опишем примерные содержательные блоки, которые могут быть включены в программы учебных дисциплин и/или курсов повышения квалификации для логопедов, ориентированных на получение профильных компетенций по работе с обучающимися с ЗПР. Примерные компоненты профильного содержания отражает табл. 1.

Таблица 1

Примерные компоненты профильного содержания для достраивания у логопедов необходимых компетенций по работе с обучающимися с ЗПР.

Table 1

Approximate components of profile content for completing speech therapists' development of the necessary competencies for working with students with mental retardation.

Блок теоретического материала	Блок формирования практико-ориентированных умений
Закономерности и этапы психического дизонтогенеза при ЗПР	Организация образовательного процесса с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся с ЗПР
Клинико-психолого-педагогическая характеристика обучающихся с ЗПР и психолого-педагогическая типология вариантов развития в разном возрасте	Проектирование содержания образования с учетом индивидуально-типологических особенностей обучающихся с ЗПР
Особые образовательные потребности обучающихся с ЗПР	Организация инклюзивной образовательной среды для обучающихся с ЗПР
Теории и тенденции развития системы образования обучающихся с ЗПР	Реализация АООП с применением специальных средств, традиционных и дистанционных образовательных технологий
Традиционные и инновационные технологии образования обучающихся с ЗПР	Контроль и оценка образовательных результатов обучающихся с ЗПР

Отбор содержания может выполняться с использованием «Электронного систематизатора для отбора содержания профильной подготовки дефектологов: задержка психического развития» (https://pro-zpr.ru/) [8]. Использование данного инструмента позволит разработчикам не только включить в содержание работы со студентами актуальную научную информацию, но и сформулировать перечень контролируемых требований к результатам обучения (табл. 2).

Таблица 2

Примерный перечень контролируемых требований к результатам подготовки дефектологов для работы с лицами с ЗПР.

Table 2

An approximate list of controlled requirements for the results of training defectologists to work with persons with mental retardation.

Контролируемые требования к результатам обучения на основе современного научного содержания о лицах с ЗПР	*Примерное содержание*: планирование педагогической деятельности, отбор и использование методического и технического обеспечения для реализации образовательных программ для обучающихся с ЗПР
	Отбирать программно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса (Г.С. Татарский и др.)
	Решать практические задачи по коррекции распознавания и понимания эмоциональных интонаций у младших школьников с ЗПР (Е.А. Стебляк и др.)
	Определять и объяснять с учетом индивидуальных особых образовательных потребностей, особенностей здоровья обучающихся с ЗПР применение учебно-методического обеспечения уроков математики в школе для детей с ЗПР (О.А. Алексеева)
	Устанавливать средства языка, развивающие речь ребенка с ЗПР, представленные в учебниках и учебных пособиях (А.С. Матвеева и др.)
	Определять и объяснять с учетом индивидуальных особых образовательных потребностей, характеристик по здоровью обучающихся с ЗПР, применение программно-методического обеспечения процесса физического воспитания детей 5-6 лет с ЗПР (О.В. Решетняк и др.)
	Примерное содержание: организация специальной образовательной среды для детей с ЗПР
	Называть особые образовательные потребности обучающихся с ЗПР разных возрастных групп и проектировать предметные, пространственные, социально-психологические и организационно-смысловые ресурсы образовательной среды (Е.А. Малеванов и др.)
	Систематизировать информацию о специфике и организации коррекционно-развивающего обучения детей с ЗПР в условиях общеобразовательной школы (А.Д. Вильдшанская и др.)
	Описывать особенности образовательной среды, сущность и структуру здоровьесберегающей образовательной среды, применять критерии ее сформированности (В.Н. Яковлев и др.)
	Использовать знания о специфике семьи ребенка с ЗПР в условиях городского и сельского социума для объяснения дифференцированных программ работы с семьями воспитанников с ЗПР (В.А. Домрачев и др.)
	Определять содержание педагогической работы по оказанию помощи в выборе адекватных родительских позиций с учетом специфики семьи ребенка с ЗПР (Т.А. Егорова и др.)

Выводы

В рамках современной системы российского образования подготовка специалистов-дефектологов организована в соответствии с требованиями государства, общества, работодателей и самих обучающихся. При проектировании содержания программ подготовки специалистов особо значимым является определение, структуризация и конкретизация содержания обучения в соответствии с требованиями профессионального сообщества, причём образовательные стандарты по профилю (?) являются основным общепринятым механизмом и инструментом для сближения результатов обучения и запросов рынка труда относительно системы высшего образования.

Профессиональный стандарт – это основополагающий документ, разработанный в рамках компетентностного подхода, выступающий как официально сформулированная работодателями характеристика квалификации специалиста, необходимая для осуществления определенного вида профессиональной деятельности. Формат статьи не предполагает описания применения профессионального стандарта дефектолога для построения системы требований к подготовке специалиста подобного рода. Автором преследовалась цель показать возможности применения стандарта для

проектирования оптимального содержания подготовки квалифицированного специалиста для работы с детьми с ЗПР.

Диссонанс в количестве обучающихся с задержкой психического развития и профильных специалистов, сопровождающих их в образовательном процессе, инициирует достраивание профильной компетентности у дефектологов других специализаций. Механизм отбора профильного содержания включает сравнение трудовых действий дефектологов разных профилей, декларируемых Профессиональным стандартом, и отбор недостающего профильного содержания.

На наш взгляд, содержание обучение, выстроенное на основании принципов необходимости и достаточности, сможет обеспечить готовность будущих логопедов к работе с детьми с ЗПР. Отметим, что соответствующее содержание предполагает,

1) актуализацию научно-теоретического и программно-методического обеспечения системы подготовки специалиста; специализированные компоненты по работе с детьми с ЗПР не должны дублировать базовые знания по дефектологии, освоенные на более ранних этапах обучения;

2) конкретное содержание профильных курсов по обучению логопедов методам и приемам работы с детьми с ЗПР определяется знаниями клинико-психолого-педагогических особенностей детей и специфических образовательных потребностей обучающихся. Данное содержание в программе подготовки является необходимым для реализации профильных видов деятельности специалиста.

3) образовательные курсы или модули профильной направленности, включенные в ОПОП, должны потенциально учитывать сферу деятельности специалиста и ориентироваться на запрос рынка труда. Профессиональный стандарт конкретизирует содержание нового вида профессиональной деятельности и способствует расширению имеющихся компетенций, формируемых в ходе освоения программного содержания дисциплин.

4). содержание образовательных модулей для логопедов по работе с детьми с ЗПР, может быть разработано с применением «Электронного систематизатора» параллельно с трудовыми действиями в составе соответствующей ОТФ.

Список источников

1. Евтушенко И.В., Левченко И.Ю. Профессиональный стандарт педагога-дефектолога: перспективы, доработки, практика // Специальное образование. 2020. № 1 (57). С. 136 – 151.

2. Коновалова Ю.В. Профессиональные стандарты как основа разработки структуры и содержания стандартов профессионального образования и модульных образовательных программ. Образование и наука. Известия УрО РАО. 2008. № 1 (49). С. 34 – 41.

3. Лаврентьева М.А., Гришина О.С. Сущность и структура научно-методического обеспечения профессиональной подготовки дефектологических кадров // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 5-2. С. 349 – 355.

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13.03.2023 № 136н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-дефектолог»» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304140006 (дата обращения: 11.03.2024)

5. Прядкина Е.А. Психолого-педагогические особенности управления профессиональной карьерой учителя в условиях внедрения профессионального стандарта педагога // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2020. № 1. С. 44 – 48.

6. Рябова Н.В. Профессиональный стандарт «Педагог-дефектолог» как ориентир будущих учителей-логопедов в вузе // Педагогика и подготовка педагогических кадров: Сборник научных статей по материалам Пятого профессорского форума. Саранск, 2023. Порядковый номер 9.

7. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года. https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf02166042578649 5d744405367f0/

8. Лапп Е.А., Беликова А.И. Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Электронный систематизатор для отбора содержания профильной подготовки дефектологов: задержка психического развития» // № 2024620084 (дата регистрации: 10.01.2024)

9. Соловьева Т.А., Абкович А.Я. Профессиональный стандарт «Педагог-дефектолог» как основа профессиональной подготовки студентов дефектологических факультетов // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2022. № 5. С. 15 – 23.

10. Фоминых Е.С. Векторы цифровизации образовательного пространства в контексте профессионального стандарта «Педагог-дефектолог» // Актуальные проблемы личностно-профессионального становления педагога: вызовы, тенденции и перспективы: Материалы Всероссийского форума, посвященного Году педагога и наставника: в 2-х ч. Воронеж, 2023. С. 195 – 200.

References

1. Evtushenko I.V., Levchenko I.Yu. Professional standard of a teacher-defectologist: prospects, improvements, practice. Special education. 2020. No. 1 (57). P. 136 – 151.

2. Konovalova Yu.V. Professional standards as the basis for developing the structure and content of vocational education standards and modular educational programs. Education and science. Izvestia URO RAO. 2008. No. 1 (49). P. 34 – 41.

3. Lavrentyeva M.A., Grishina O.S. Essence and structure of scientific and methodological support for professional training of defectological personnel. Modern science-intensive technologies. 2024. No. 5-2. P. 349 – 355.

4. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated March 13, 2023 No. 136n "On approval of the professional standard "Teacher-defectologist"" [Electronic resource]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304140006 (access date: 03/11/2024)

5. Pryadkina E.A. Psychological and pedagogical features of managing a teacher's professional career in the context of introducing the professional standard of a teacher. Bulletin of the scientific society of students, graduate students and young scientists. 2020. No. 1. P. 44 – 48.

6. Ryabova N.V. Professional standard "Teacher-defectologist" as a guideline for future speech therapists at a university. Pedagogy and training of teaching staff: Collection of scientific articles based on the materials of the Fifth Professorial Forum. Saransk, 2023. Serial number 9.

7. Information on the federal statistical observation form No. OO-1 "Information on the organization carrying out educational activities in educational programs of primary general, basic general, secondary general education" at the beginning of the 2023/24 academic year. https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf021660425786495d744405367f0/

8. Lapp E.A., Belikova A.I. Certificate of state registration of the database "Electronic systematizer for selecting the content of specialized training of defectologists: mental retardation". No. 2024620084 (registration date: 01/10/2024)

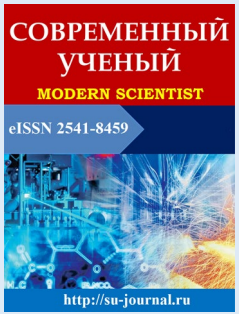
9. Solovyova T.A., Abkovich A.Ya. Professional standard "Teacher-defectologist" as the basis for professional training of students of defectology faculties. Education and training of children with developmental disorders. 2022. No. 5. P. 15 – 23.

10. Fominykh E.S. Vectors of digitalization of the educational space in the context of the professional standard "Teacher-defectologist". Current problems of the personal and professional development of a teacher: challenges, trends and prospects: Materials of the All-Russian Forum dedicated to the Year of the Teacher and Mentor: in 2 hours. Voronezh , 2023. P. 195 – 200.

Информация об авторе

Лапп Е.А., кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой дошкольного, начального и специального образования, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5411-915X, Азовский государственный педагогический университет, lapp-elen1965@mail.ru

© Лапп Е.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 374.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-286-293

Технология междисциплинарного обучения как средство развития исследовательских умений у младших школьников

[1] Антонова Ю.Т., [2] Семенов Ю.И.

[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
[2] Академия наук Республики Саха, Якутия

***Аннотация**:* **обоснование.** Современное образование требует от школ создания условий для развития учебно-исследовательских умений, которые сегодня часто выделяются в отдельную категорию из-за ускорения развития технологий и науки, и увеличения роли научного подхода в различных сферах деятельности.
В условиях современных социально-экономических изменений и стремления к инновационному развитию общества, актуальность развития исследовательских умений у младших школьников неоспорима.
Цель. Статья рассматривает технологию междисциплинарного обучения (ТМДО) как метода организации творческого учебного занятия в целях развития исследовательских умений у младших школьников в контексте внеаудиторных занятий. Авторы исследуют теоретические основы развития исследовательских умений у младших школьников, опираясь на анализ отечественных и зарубежных исследователей, и проводят экспериментальное исследование в школьной среде. Раскрывается связь между интеллектуальными, творческими способностями, мотивацией и исследовательскими умениями.
Материалы и методы включают анализ психолого-педагогической литературы, определение понятий, характеристику применения технологии междисциплинарного обучения в рамках образовательного процесса, отражение экспериментального исследования.
Результаты проведенной работы показали положительную динамику развития исследовательских умений у младших школьников, эффективность организации занятий по технологии междисциплинарного обучения подтвердили статистическими данными. Отмечается значимость интеграции междисциплинарного содержания и методов обучения для стимулирования творческой и исследовательской активности учащихся. Исследование вносит вклад в педагогическую практику, предлагая инновационный подход к обучению младших школьников.
Ключевые слова: исследовательские умения, творчество, мотивация, интеллект, технология междисциплинарного обучения, младшие школьники

Для цитирования: Антонова Ю.Т., Семенов Ю.И. Технология междисциплинарного обучения как средство развития исследовательских умений у младших школьников // Современный ученый. 2024. № 5. С. 286 – 293. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-286-293

Поступила в редакцию: 4 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Interdisciplinary learning technology as a means of developing research skills in younger students

[1] Antonova Yu.T., [1] Semenov Yu.I.

[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
[2] Academy of Sciences of the Republic of Sakha, Yakutia

Abstract: **background.** Modern education requires schools to create conditions for the development of academic research skills, which are often singled out into a separate category today due to the acceleration of technology and science development, and the increasing role of the scientific approach in various fields of activity.
In the context of contemporary socio-economic changes and the pursuit of innovative societal development, the importance of developing research skills in younger students is undeniable.
Purpose. The article considers interdisciplinary teaching technology (ITT) as a tool that facilitates the development of research skills in younger students within the context of extracurricular activities. The authors explore the theoretical foundations for the development of research skills in younger students, drawing on the work of domestic and foreign scientists, and conduct experimental research in a school environment. The connection between intellectual and creative abilities, motivation, and research skills is revealed.
Materials and Methods include an analysis of psychological and pedagogical literature, definition of concepts, characterization of the application of interdisciplinary teaching technology in the educational process, and experimental research conducted in three stages.
Results show the positive impact of ITT on the development of research skills, which is confirmed by statistical data. The significance of integrating interdisciplinary content and teaching methods to stimulate creative and research activity in students is noted. The study contributes to pedagogical practice by proposing an innovative approach to teaching younger students.
Keywords: research skills, creativity, motivation, intellect, interdisciplinary teaching technology, younger students

For citation: Antonova Yu.T., Semenov Yu.I. Interdisciplinary learning technology as a means of developing research skills in younger students. Modern Scientist. 2024. 5. P. 286 – 293. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-286-293

The article was submitted: April 4, 2024; Approved after reviewing: June 7, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Разработка эффективных образовательных ресурсов для выявления и поддержки высокомотивированных учащихся и одаренных детей на начальном этапе образования занимает центральное место в образовательной системе. Эта задача приобретает дополнительную актуальность на фоне социально-экономических изменений в стране и приоритета инновационных подходов к развитию производства, общества и личности [12, с. 2].

Технология междисциплинарного обучения (ТМДО), основанная на концепции творческой одаренности М.А. Матюшкина и модели развития одаренности в школьном обучении, способствует созданию обогащенной образовательной среды. Это достигается за счет интеграции междисциплинарного содержания занятий у младших школьников [4]. Стоит отметить, что в рамках организации занятий по технологии междисциплинарного обучения (ТМДО) обновляются методы обучения, а именно осуществляется внедрение в междисциплинарного пространство, организуется групповая творческая работа в рамках самостоятельного поиска новых знаний, что приводит к новым открытиям. Такая среда стимулирует творческую исследовательскую активность, которая является основой для развития и достижения высоких результатов.

В связи с имеющейся проблемой о том, что традиционные методы обучения не в полной мере способствуют созданию образовательных условий для развития исследовательских умений у младших школьников и необходимости внедрения инновационного подхода, способного стимулировать исследовательскую активность учащихся, была поставлена следующая цель исследования: теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность ТМДО в развитии исследова-

тельских умений младших школьников в рамках внеаудиторных занятий.

В рамках исследования выдвинута гипотеза, согласно которой развитие исследовательских способностей младших школьников будет эффективным, если комплексно и с учетом возрастных особенностей внедрить во внеаудиторную деятельность технологию междисциплинарного обучения среди обучающихся начальной школы.

В достижении поставленной цели выполнены ряд задач:

- проанализированы психолого-педагогическая литература;
- уточнена и раскрыта сущность дефиниции «исследовательские умения», конкретно у младших школьников;
- охарактеризована технология междисциплинарного обучения как метода развития исследовательских умений у младших школьников;
- проведена экспериментальная исследовательская работа в выявлении влияния технологии междисциплинарного обучения на развитие исследовательских умений у младших школьников.

Материалы и методы исследований

Вопросами развития исследовательских умений младших школьников в отечественной практике занимались такие ученые как, Д.Б. Богоявленский, Л.С. Выготский, И.А. Ильницкая, А. Н. Леонтьев, М.И. Махмутов, М.Н. Скаткин, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, И.Я. Лернер, Н.А. Менчинская, Н.И. Савенков, В.А. Сластенин, Н.Ф. Талызина, Б.М. Теплов, Д.Б. Эльконин и др [2].

Среди зарубежных ученых следует отметить Д. Дьюи и его проектное обучение, а также акцентирование внимания на приобретение навыков через опыт, Ж. Пиаже и его теорию когнитивного развития, которая является одной из основ понимания как дети учатся и развиваются, Р. Стенберга и его теорию интеллекта, что включает в себя аналитические, творческие и практические аспекты мышления [13].

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что исследовательское умения представляют из себя комплекс практических навыков, ориентированных на решение поставленных исследовательских задач, среди которых входят не только определенные мыслительные операции, как анализ и синтез, образовательные действия, например, умение выдвигать гипотезы и ставить опыты, проводить эксперименты, а также качества личности, такие, как любознательность, терпеливость, открытость ко всему новому, упорство, дисциплинированность, скептицизм, самостоятельность [5, с. 147].

Исследовательская деятельность играет важную роль в стимулировании познавательной активности, развивая интерес к учебе и любознательность у детей. Она способствует формированию ключевых компетенций, позволяя ученикам работать с информацией, анализировать и интерпретировать данные. Исследовательские умения готовят младших школьников к дальнейшему обучению, обеспечивая необходимую базу для успешного обучения в старших классах и в вузах [8, с. 72].

Интеллектуальные и творческие способности, мотивация тесно связаны с исследовательскими умениями. Так высокий уровень интеллектуальных способностей гарантирует более глубокое понимание сложных концепций, на основе которых может быть проведено исследование, что в свою очередь дает больший спектр возможностей изучения исследуемой проблемы и определение путей ее решения [3].

Творчество помогает в генерировании оригинальных идей и нахождении нестандартных подходов, что особенно важно при решении новых или сложных исследовательских задач. Креативное мышление позволяет выходить за рамки традиционных методов и разрабатывать инновационные методы и технологии [10, с. 4].

Мотивация является внутренним стимулом, который заставляет достигать поставленные цели и задачи, преодолевать трудности и препятствия, и не терять интерес к исследовательской работе, которая может включать монотонную и однообразную работу, как, например, поиски необходимой информации [11].

Таким образом, высокий уровень описанных компонентов, а именно интеллекта, творчества и мотивации, создают основу успешной исследовательской деятельности. Исходя из вышеизложенного, в качестве критериев оценивания уровня развития исследовательских умений у младших школьников были выбраны уровень учебной мотивации, интеллектуального потенциала и творческих способностей (креативности).

В качестве диагностического инструментария исследования были подобраны следующие методики: Анкета «Оценка уровня школьной мотивации» Н.Г. Лускановой; Тест креативности Торренса. Диагностика творческого мышления; Тест Векслера для исследования интеллекта (детский вариант).

Результаты и обсуждения

Для проверки эффективности применения ТМДО как средства развития исследовательских умений младших школьников проведена опытно-экспериментальная работа.

В качестве базы исследования была выбрана Муниципальное общеобразовательное бюджетное учреждение «Мархинская средняя общеобразовательная школа №1» городского округа «город Якутск». Экспериментальной группой стала 2 «Б» класс.

В роли контрольной группы была выбрана Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Хорулинская средняя общеобразовательная школа имени Е. К. Федорова» МР Нюрбинский район РС(Я) – 2 класс.

Опытно-экспериментальная работа проводилась в три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный этап.

Целью констатирующего этапа являлось выявление уровня развития исследовательских умений у младших школьников. В достижении поставленной цели определены такие задачи, как выбор диагностических методик и составление критериев оценивания исследовательских умений, проведение исследования и, в итоге, интерпретация полученных результатов.

Обобщив полученные результаты в ходе диагностического исследования по всем методикам, а также взяв во внимание итоги педагогического наблюдения за обучающимися, были получены следующие показатели уровня развития исследовательских умений у младших школьников в экспериментальной и контрольной группах на констатирующем этапе исследования, что отображены на рис. 1.

Рис. 1. Обобщенные результаты диагностирования на констатирующем этапе.
Fig. 1. Generalized diagnostic results at the ascertaining stage.

В экспериментальной группе 17% учеников имеют высокий уровень исследовательских умений, 49% – средний, и 34% – низкий. В контрольной группе 25% учеников имеют высокий уровень, 50% – средний, и 25% – низкий.

Проанализировав результаты экспериментальной группы, полученные на констатирующем этапе исследования, можно сделать следующее заключение: уровень развития исследовательских умений у обучающихся начальной школы не достигает ожидаемого уровня компетентности.

Целью формирующего этапа исследования являлось повышение уровня развития исследовательских умений, уровня школьной мотивации, развитие творческих и интеллектуальных способностей в экспериментальной группе.

В целях достижения поставленной цели запланированы и проведены внеаудиторные занятия с использованием технологии междисциплинарного обучения по программе «Одаренный ребенок: региональный компонент» [7, 8, 9].

Программа междисциплинарного обучения «Одаренный ребенок» разработана доктором психологических наук Н.Б. Шумаковой [7, 8, 9].

Специфика данной программы заключается в том, что темы и проблемы для изучения имеют глобальный, основополагающий характер, содержание имеет междисциплинарный характер и высокий уровень проблемности, обучение строиться на совместном решении проблем и исследовательских задач обучающимися, в ходе образовательного процесса используются творческие методы обучения и поощряются все формы исследовательской активности обучающихся [7].

Основной задачей программы технологии междисциплинарного обучения является развитие личности обучающегося начальной школы, активизирует исследовательский и познавательный интерес, развивается аналитические и коммуникативные навыки, самостоятельности, умения сотрудничать, развитие исследовательских умений [9].

Исходя из вышеизложенного, модно сделать вывод, что внеаудиторные занятия с применением технологии междисциплинарного обучения формируют все группы универсальных учебных действий (УУД) в единстве.

Междисциплинарное единство позволяет выстроить единую систему из многочисленных научных знаний. Так, авторы M. Zorzos, E. Avgerinos отмечают, что при организации междисциплинарного обучения уроки становятся «невидимыми», но не исчезают, не теряют своей специфики, но вносят свой «вклад» в открытие и доказательство междисциплинарной идеи, сами содержательно обогащаются [15, с. 92].

Занятия построены на принципе мыслительного процесса и включают этапы мотивации, исследования, обмена информацией, организации и оценки информации, рефлексии и применения [6, с. 65].

Такая структура занятия является спецификой программы и отличается от традиционной модели обучения. Ученики в основном работают в малых группах, что способствует развитию коммуникативных навыков и учит сотрудничеству. Также работая в малых группах, младшие школьники распределяют между собой роли, и выполняя обязанности чувствуют вклад в общее дело, тем самым формируется уверенность в себе.

Этап применения знаний позволяет ученикам закрепить и использовать новые знания в различных условиях, что увеличивает эффективность усвоения материала и повышает познавательную активность, любознательность [14].

При использовании технологии МДО в процессе обучения были:

– Применены дидактические стратегии, такие как проблемно-ориентированное и проектное обучение, с целью развития когнитивных процессов у обучающихся;

– Интегрированы разнообразные учебные материалы и ресурсы для активизации познавательной деятельности и повышения учебной мотивации. Создавались условия для реализации исследовательских проектов, способствующих развитию научного мышления;

– Организована образовательная среда, основана на доверии и уважении, с целью способствования эмоциональной открытости. Формированы условия для развития социальных навыков;

– Обучение методам и приемам научного исследования, включая формулирование исследовательских гипотез, проведение наблюдений, экспериментов и анализ данных. Поддержка исследовательской инициативы и любознательности обучающихся;

– Составлены учебные задания, требующие применения творческих подходов и креативного мышления.

– Реализованы групповые и командные проекты для развития умения сотрудничества и социальной интеграции [1, с. 118].

Педагогическое наблюдение в ходе формирующего этапа опытно-экспериментальной работы показало, что младшие школьники научились работать с информацией, вычленять оттуда необходимое, структурировать материал, сравнивать и анализировать факты, видеть проблему и искать варианты его решения, ставить цели и задачи, выдвигать гипотезы, работать с таблицами, графиками, схемами и макетами, работать в сотрудничестве, помогать друг другу, не бояться спрашивать вопросы, излагать свои мысли и идеи, представлять и защищать проделанную работу.

Целью контрольного этапа являлось анализ изменений и определение насколько технология МДО способствовала развитию исследовательских умений у младших школьников.

Обобщенные результаты, полученные при повторном диагностировании по трем методикам, а также итоги педагогического наблюдения за обучающимися, привели к следующим показателям уровня развития исследовательских умений у обучающихся начальной школы в экспериментальной и контрольной группах на контрольном этапе исследования, что отображены на рис. 2.

Рис. 2. Обобщенные результаты диагностирования на контрольном этапе.
Fig. 2. Generalized diagnostic results at the control stage.

В экспериментальной группе 31% учеников имеют высокий уровень исследовательских умений, 55% – средний, и 14% – низкий. В контрольной группе 25% учеников имеют высокий уровень, 55% – средний, и 20% – низкий.

Качественный анализ результатов показал, что некоторые учащиеся продемонстрировали высокий уровень исследовательских умений на протяжении всего наблюдаемого периода, что указывает на их стабильность в данной области.

Группа учеников показала улучшение своих умений, перейдя на следующий уровень, что может свидетельствовать о положительном влиянии образовательного процесса и их способности к обучению.

Некоторые результаты привели к выводу о том, что есть дети, которым необходима дополнительная поддержка для стимулирования их развития.

В целом, данные свидетельствуют о разнообразии траекторий развития исследовательских умений среди учащихся, что подчеркивает важность индивидуального подхода в образовательном процессе. Для дальнейшего развития исследовательских умений рекомендуется создание условий, способствующих активизации познавательной деятельности учащихся, а также использование разнообразных методов обучения, направленных на развитие критического мышления и самостоятельности.

Итоги, полученные в рамках контрольного этапа эксперимента, показали положительную динамику в развитии исследовательских умений у обучающихся начальной школы в экспериментальной группе.

С целью проверить эффективность применения технологии междисциплинарного обучения как развития исследовательских умений обучающихся начальной школы был проведен t-критерий Стьюдента двух связных выборок. Для этого уровням исследовательских умений были присвоены числовые значения: низкий = 1, средний = 2, высокий = 3.

В статистическом анализе результатов контрольной группы на констатирующем и контрольном этапах эмпирическое t-значение (tЭмп) равно 0.2. Критические значения t-критерия (tКр) для уровней значимости $p \leq 0.05$ и $p \leq 0.01$ составляют 2.09 и 2.86 соответственно.

Так как эмпирическое t-значение меньше обоих этих критических значений можно прийти к выводу о том, что наблюдаемые различия между двумя выборками недостаточно велики, чтобы считаться статистически значимыми ни на уровне 0.05, ни на уровне 0.01. Следовательно, мы не можем утверждать, что между выборками есть значимое различие, исходя из проведенного анализа. Это может указывать на то, что любые обнаруженные различия могут быть результатом случайности, а не систематического эффекта или воздействия.

В статистическом анализе результатов экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах эмпирическое t-значение (tЭмп) равно 3.4. Критические значения t-критерия (tКр) для уровней значимости $p \leq 0.05$ и $p \leq 0.01$ составляют 2.05 и 2.76 соответственно.

Так как эмпирическое t-значение превышает оба критических значения tКр, мы можем сделать вывод, что различия, наблюдаемые в экспериментальной группе, являются статистически значимыми как на уровне значимости 0.05, так и на уровне 0.01.

Это указывает на то, что изменения, произошедшие в экспериментальной группе, не являются случайными и имеют статистическую значимость. Полученный результат свидетельствует об эффективности использования технологии междисциплинарного обучения как средства развития исследовательских умений у обучающихся начальной школы.

Выводы

1. Технология междисциплинарного обуче-ния представляет собой комплексный образовательный подход, который способствует формированию целостной картины мира и всестороннему развитию личности обучающегося. Эта технология позволяет интегрировать знания и методы из различных дисциплин для более глубокого понимания изучаемого предмета без потери специфики самих дисциплин.

2. ТМДО ставит перед собой следующие образовательные задачи:

– Развитие глобального мышления и понимания мира как единого целого;

– Стимулирование креативного и критического мышления, а также логического подхода к решению проблем;

– Повышение мотивации и познавательной активности;

– Развитие исследовательских умений и навыков самообразования;

– Развитие умения сотрудничества, ведения диалога и дискуссии.

3. Учебный процесс, построенный на основе технологии междисциплинарного обучения, строится в рамках важных философских тем, тем самым пробуждает глубокий интерес к учебному процессу младших школьников. Такое обучение, безусловно, охватывает всю структуру личности обучающегося, мотивируя и пробуждая интерес к учебному процессу в целом. Стоит отметить, что такая форма обучения в начальной школе соответствует всем требованиям обязательной программы.

4. Данная технология дает младшему школь-нику занять позицию исследователя, познающего окружающий мир. Исследуя мир с помощью организованного учебного исследования, обучающиеся приобретают важные для их дальнейшего саморазвития исследовательские умения и навыки, что в контексте быстрого роста объема информации становятся необходимые для достижения выдающихся результатов в той или иной деятельности.

Список источников

1. Варламова М.Н., Неустроева А.Н. Организация работы в общеобразовательной школе по развитию навыков учебно-исследовательской деятельности младших школьников // Наука в XXI веке: современное состояние, проблемы и перспективы. 2019. С. 114 – 119.

2. Савенков А. и др. Деятельностный подход к подготовке будущих педагогов к руководству исследовательским и проектным обучением младших школьников // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 2 (36). С. 54 – 61.

3. Смирнова П.В. Специфика развития исследовательских способностей младших школьников в современной образовательной среде // Творчество в современном мире: человек, общество, технологии. 2020. С. 162 – 163.

4. Тоболкина И.Н., Черепанова Т.Б. Стратегии междисциплинарного обучения: размышления, опыт, практика: учебное пособие. Томск, «Томский ЦНТИ», 2006. 180 с.

5. Холодкова О.Г., Парфенова Г.Л. Исследовательские способности младших школьников с признаками одаренности // Горизонты образования. 2020. С. 146 – 149.

6. Цимбалюк О.А. Курс междисциплинарного обучения «Одаренный ребенок» во внеурочной деятельности младших школьников //Современная начальная школа: обучение, воспитание, развитие. 2017. С. 64 – 67.

7. Шумакова Н.Б. Междисциплинарное обучение как основа выявления и развития одаренности дошкольника // Психология способностей и одаренности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 245.

8. Шумакова Н.Б. Развитие познавательных интересов и исследовательских способностей младших школьников в системе творческого междисциплинарного обучения // Исследовательский подход в образовании: от теории к практике. 2009. С. 71 – 74.

9. Шумакова Н.Б. Технология творческого междисциплинарного обучения детей и подростков с разными видами и уровнями одаренности // Психология одаренности и творчества. 2017. С. 253 – 269.

10. Ambrose D. Interdisciplinary exploration guiding conceptions of giftedness // Conceptions of giftedness and talent. – Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 1 – 20.

11. An S.A. Preservice teachers' knowledge of interdisciplinary pedagogy: the case of elementary mathematics–science integrated lessons // ZDM. 2017. Vol. 49. № 2. P. 237 – 248.

12. Gao X. et al. Reviewing assessment of student learning in interdisciplinary STEM education // International Journal of STEM Education. 2020. Vol. 7. № 1. P. 1 – 14.

13. Guignard J.H., Kermarrec S., Tordjman S. Relationships between intelligence and creativity in gifted and non-gifted children // Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 52. P. 209 – 215.

14. Tytler R. et al. An interdisciplinary approach to primary school mathematics and science learning // International Journal of Science Education. 2021. Vol. 43. № 12. P. 1926 – 1949.

15. Zorzos M., Avgerinos E. Interdisciplinarity in Data Analysis Through the Primary School Textbooks in Greece and Singapore // Research in Social Sciences and Technology. 2022. Vol. 7. № 1. P. 90 – 99.

References

1. Varlamova M.N., Neustroeva A.N. Organization of work in secondary schools to develop the skills of educational and research activities of junior schoolchildren. Science in the XXI century: current state, problems and prospects. 2019. P. 114 – 119.

2. Savenkov A. et al. An activity-based approach to preparing future teachers to guide research and project-based teaching of junior schoolchildren. Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and psychology. 2016. No. 2 (36). P. 54 – 61.

3. Smirnova P.V. Specifics of the development of research abilities of junior schoolchildren in the modern educational environment. Creativity in the modern world: people, society, technologies. 2020. P. 162 – 163.

4. Tobolkina I.N., Cherepanova T.B. Strategies for interdisciplinary learning: reflections, experience, practice: a textbook. Tomsk, Tomsk CNTI, 2006. 180 p.

5. Kholodkova O.G., Parfenova G.L. Research abilities of junior schoolchildren with signs of giftedness. Horizons of Education. 2020. P. 146 – 149.

6. Tsymbalyuk O.A. Interdisciplinary training course “Gifted Child” in extracurricular activities of junior schoolchildren. Modern primary school: training, education, development. 2017. P. 64 – 67.

7. Shumakova N.B. Interdisciplinary training as the basis for identifying and developing the giftedness of a preschooler. Psychology of abilities and giftedness: materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2019. P. 245.

8. Shumakova N.B. Development of cognitive interests and research abilities of junior schoolchildren in the system of creative interdisciplinary education. Research approach in education: from theory to practice. 2009. P. 71 – 74.

9. Shumakova N.B. Technology of creative interdisciplinary teaching of children and adolescents with different types and levels of giftedness. Psychology of giftedness and creativity. 2017. P. 253 – 269.

10. Ambrose D. Interdisciplinary exploration guiding conceptions of giftedness. Conceptions of gifted-ness and talent. – Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 1 – 20.

11.An S.A. Preservice teachers’ knowledge of interdisciplinary pedagogy: the case of elementary math-ematics–science integrated lessons. ZDM. 2017. Vol. 49. No. 2. P. 237 – 248.

12. Gao X. et al. Reviewing assessment of student learning in interdisciplinary STEM education. International Journal of STEM Education. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 1 – 14.

13. Guignard J.H., Kermarrec S., Tordjman S. Relationships between intelligence and creativity in gifted and non-gifted children. Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 52. P. 209 – 215.

14. Tytler R. et al. An interdisciplinary approach to primary school mathematics and science learning. International Journal of Science Education. 2021. Vol. 43. No. 12. P. 1926 – 1949.

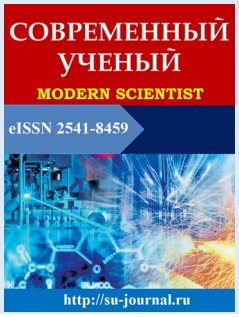
15. Zorzos M., Avgerinos E. Interdisciplinarity in Data Analysis Through the Primary School Textbooks in Greece and Singapore. Research in Social Sciences and Technology. 2022. Vol. 7. No. 1. P. 90 – 99.

Информация об авторах

Антонова Ю.Т., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9381-6137, SPIN-code: 2566-0493, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, 677013, г. Якутск, ул. Кулаковского 42, Bella_y_t@mail.ru

Семенов Ю.И., научный сотрудник, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8766-3936, Академия наук Республики Саха, Якутия, 677007, г. Якутск, ул. проспект Ленина, 33, yra_semen1109@mail.ru

© Антонова Ю.Т., Семенов Ю.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 37.03
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-294-301

Теоретические аспекты развития резильентности подростков в процессе изучения естественно-математических дисциплин

[1] Галимов С.Ф.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена проблеме развития личностной резильентности подростков в контексте естественно-математического образования. Резильентность рассматривается как интегральное личностное качество, обеспечивающее способность к успешной адаптации и преодолению жизненных трудностей. Обосновывается актуальность развития резильентности в подростковом возрасте, анализируются факторы и условия, способствующие формированию адаптивных личностных характеристик. Раскрывается потенциал естественно-математических дисциплин в развитии таких компонентов резильентности, как критическое мышление, настойчивость, самоэффективность, коммуникативные навыки. Обозначаются перспективы дальнейших исследований в области развития резильентности подростков средствами естественно-математического образования, включающие изучение роли учителя, социокультурных и гендерных аспектов, технологий внеурочной деятельности и преемственности между уровнями образования.
Ключевые слова: резильентность, подростки, естественно-математическое образование, адаптация, жизнестойкость, педагогические технологии

Для цитирования: Галимов С.Ф. Теоретические аспекты развития резильентности подростков в процессе изучения естественно-математических дисциплин // Современный ученый. 2024. № 5. С. 294 – 301. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-294-301

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Theoretical aspects of the development of adolescents' resilience in the process of studying science and mathematics disciplines

[1] Galimov S.F.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the problem of developing personal resilience of adolescents in the context of science and mathematics education. Resilience is considered as an integral personal quality that ensures the ability to successfully adapt and overcome life's difficulties. The relevance of the development of resilience in adolescence is substantiated, the factors and conditions that contribute to the formation of adaptive personal characteristics are analyzed. The potential of natural and mathematical disciplines is revealed in the development of such components of resilience as critical thinking, perseverance, self-efficacy, and communication skills. Prospects for further research in the field of development of adolescents' resilience through science and mathematics education are out-

lined, including study of the role of the teacher, sociocultural and gender aspects, technologies of extracurricular activities and continuity between levels of education.
Keywords: resilience, adolescents, science and mathematics education, adaptation, resilience, pedagogical technologies

For citation: Galimov S.F. Theoretical aspects of the development of adolescents' resilience in the process of studying science and mathematics disciplines. Modern Scientist. 2024. 5. P. 294 – 301. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-294-301

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Развитие личностной резильентности подростков (период жизни, который начинается примерно с 10 лет и может продолжаться вплоть до 16-18 лет) является одной из актуальных проблем современной педагогической науки и практики. В условиях динамичных социальных изменений, увеличения информационных потоков и психологических нагрузок способность личности эффективно адаптироваться к стрессовым ситуациям и преодолевать жизненные трудности приобретает особую значимость. Подростковый возраст, характеризующийся интенсивным формированием личностных качеств и становлением мировоззрения, является сензитивным периодом для развития резильентности.

В этом контексте естественно-математическое образование обладает значительным потенциалом для развития резильентности обучающихся. Изучение математики и естественных наук способствует развитию логического мышления, навыков решения проблем, креативности и настойчивости, что является важными компонентами личностной резильентности.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, в современном мире, характеризующемся быстрыми темпами социальных и технологических изменений, возрастает значимость способности личности адаптироваться к новым условиям, преодолевать трудности и эффективно функционировать в стрессовых ситуациях. Развитие резильентности становится одной из приоритетных задач образования, направленного на подготовку подрастающего поколения к успешной жизни и деятельности в динамичном и непредсказуемом мире.

Во-вторых, подростковый возраст является критическим периодом для формирования личностных качеств и жизненных навыков, определяющих дальнейшую траекторию развития индивида. Именно в этом возрасте закладываются основы резильентности, которая позволяет подросткам эффективно справляться с академическими, социальными и эмоциональными вызовами. Разработка научно обоснованных подходов к развитию резильентности подростков в образовательной среде приобретает особую актуальность.

В-третьих, естественно-математическое образование обладает значительным потенциалом для развития личностных качеств и метапредметных навыков обучающихся, включая резильентность. Изучение математики и естественных наук способствует развитию критического мышления, креативности, настойчивости и способности решать проблемы, что является ключевыми компонентами резильентности.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения аспектов развития резильентности подростков в условиях современных вызовов, значимостью подросткового возраста для формирования этого качества и потенциалом естественно-математического образования в развитии адаптивных способностей личности. Теоретическое осмысление данной проблемы имеет важное значение для совершенствования практики обучения и воспитания.

Цель данной статьи заключается в раскрытии теоретических аспектов развития личностной резильентности подростков в процессе изучения естественно-математических дисциплин.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать сущность понятия «резильентность» и ее структурные компоненты в контексте личностного развития подростков.
2. Выявить особенности развития резильентности в подростковом возрасте и факторы, влияющие на формирование этого качества.
3. Определить роль естественно-математического образования в развитии резильентности подростков, раскрыв потенциал математики и естественных наук в формировании адаптивных способностей личности.
4. Определить перспективные направления дальнейших исследований в области развития ре-

зильентности подростков средствами естественно-математического образования.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использовался комплекс теоретических методов, включающий:

1. Анализ научной литературы по проблеме развития резильентности личности, особенностям подросткового возраста и роли естественно-математического образования в формировании адаптивных способностей обучающихся. В ходе анализа были изучены труды отечественных и зарубежных ученых в области психологии, педагогики и методики преподавания естественно-математических дисциплин.
2. Синтез научных знаний, позволивший обобщить и систематизировать информацию о факторах и условиях развития резильентности подростков.
3. Сравнительный анализ, позволивший выявить общие и специфические черты различных подходов к развитию резильентности подростков в процессе изучения естественно-математических дисциплин, а также определить их сильные и слабые стороны.
4. Прогнозирование, которое применялось для определения перспективных направлений дальнейших исследований в области развития резильентности подростков средствами естественно-математического образования. Были выявлены потенциальные области для будущих теоретических и эмпирических изысканий.

Использование данных методов исследования обеспечило комплексный и всесторонний анализ теоретических аспектов развития резильентности подростков в процессе изучения естественно-математических дисциплин.

Результаты и обсуждения

Понятие резильентности (жизнестойкости) в психологической науке имеет относительно недавнюю историю, однако уже прочно вошло в научный обиход и активно исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Одно из первых определений резильентности было предложено американским психологом Э. Вернером, который рассматривал ее как способность человека успешно адаптироваться к неблагоприятным условиям и превосходить ожидания [10]. В дальнейшем понятие резильентности развивалось и уточнялось в работах других зарубежных исследователей [9].

В российской психологии концепция резильентности получила развитие в трудах Д.А. Леонтьева, который определяет ее как «способность личности к сохранению устойчивости в ситуациях серьезных испытаний и отсутствия очевидных ресурсов для совладания с ними» [5]. По мнению А.В. Махнача, резильентность представляет собой «динамический процесс, включающий в себя позитивную адаптацию личности в контексте значительных неблагоприятных условий» [6].

Структура резильентности личности включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов. А.В. Махнач выделяет следующие составляющие резильентности [6]:

1. Самоэффективность – вера в собственную способность справляться с трудностями и достигать поставленных целей.
2. Настойчивость – способность прилагать усилия и не сдаваться перед лицом неудач и препятствий.
3. Совладание и адаптация – умение использовать эффективные стратегии преодоления стресса и адаптироваться к изменяющимся условиям.
4. Внутренний локус контроля – склонность приписывать ответственность за события своей жизни собственным усилиям и действиям.
5. Духовность – наличие системы ценностей и смыслов, выходящих за пределы индивидуального существования.
6. Семейные/социальные отношения – наличие поддерживающих и заботливых связей с близкими людьми и социальным окружением.

Несколько иную структуру резильентности предлагает Е.А. Рыльская, выделяя такие компоненты, как способность к саморегуляции, осмысленность жизни, способность к адаптации, уверенность в себе и самоприятие [8].

Важно отметить, что резильентность не является статичным личностным образованием, а развивается и проявляется в процессе взаимодействия человека с окружающей средой [4]. Резильентность позволяет не только справляться с трудностями, но и выходить из кризисных ситуаций более сильным и обогащенным жизненным опытом [2].

Подростковый возраст является ключевым периодом для развития резильентности личности. В этом возрасте происходит активное формирование идентичности, становление мировоззрения и расширение социальных контактов, что создает предпосылки для развития жизнестойкости. В то же время, подростки сталкиваются с множеством вызовов и стрессовых ситуаций, связанных с физиологическими изменениями, академическими нагрузками, давлением сверстников и поиском своего места в мире.

Развитие резильентности в подростковом возрасте происходит под влиянием комплекса факторов, включающих индивидуальные особенности,

семейные отношения и социальное окружение. К индивидуальным факторам относятся такие характеристики, как темперамент, когнитивные способности, навыки саморегуляции и коммуникативные умения. Подростки с высоким уровнем эмоционального интеллекта и оптимизмом демонстрируют более высокую резильентность [1].

Семейные отношения играют ключевую роль в развитии резильентности подростков. Поддерживающая и заботливая семейная среда, эффективная коммуникация и адаптивные семейные копинг-стратегии способствуют формированию жизнестойкости [4]. В то же время, неблагоприятные семейные факторы, такие как конфликты, насилие или пренебрежение нуждами ребенка, могут негативно влиять на развитие резильентности [2].

Социальное окружение, включая школу, сверстников и местное сообщество, также вносит вклад в развитие резильентности подростков. Позитивный школьный климат, поддерживающие отношения с учителями и одноклассниками, а также вовлеченность в просоциальную деятельность способствуют формированию жизнестойкости. Наличие значимых взрослых (наставников) за пределами семьи, которые могут оказать поддержку и помочь в преодолении трудностей, является важным фактором развития резильентности.

Особенности развития резильентности в подростковом возрасте также связаны с гендерными различиями. Исследования показывают, что девочки-подростки чаще используют эмоционально-ориентированные копинг-стратегии и полагаются на социальную поддержку, в то время как мальчики-подростки чаще прибегают к проблемно-ориентированным стратегиям и индивидуальным усилиям [3].

Важную роль в развитии резильентности подростков играет формирование позитивной Я-концепции и самоэффективности. Вера в собственные силы и способность справляться с трудностями является ключевым компонентом жизнестойкости. Развитие резильентности в подростковом возрасте также связано с формированием осмысленности жизни и наличием целей и ценностей, выходящих за пределы сиюминутных интересов.

Формирование резильентности у подростков является результатом сложного взаимодействия множества факторов, которые можно условно разделить на три группы: индивидуальные, семейные и социальные [6].

Индивидуальные факторы:

1. Личностные характеристики: самоэффективность, оптимизм, адаптивность, коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект.
2. Когнитивные способности: интеллект, критическое мышление, способность к рефлексии и решению проблем.
3. Навыки саморегуляции: умение управлять эмоциями, справляться со стрессом, планировать и организовывать деятельность.
4. Копинг-стратегии: использование адаптивных способов преодоления трудностей, таких как поиск социальной поддержки, позитивная переоценка ситуации, активное решение проблем.
5. Физическое здоровье и здоровый образ жизни: регулярная физическая активность, сбалансированное питание, достаточный сон.

Семейные факторы:

1. Эмоциональная связь и привязанность: теплые, доверительные отношения с родителями или другими значимыми взрослыми.
2. Родительский стиль воспитания: авторитетный стиль, сочетающий поддержку и контроль, способствует развитию резильентности.
3. Семейная коммуникация: открытое и эффективное общение, конструктивное разрешение конфликтов.
4. Семейные ценности и традиции: наличие общих целей, ритуалов и совместной деятельности укрепляет жизнестойкость.
5. Социально-экономический статус семьи: доступ к ресурсам и возможностям развития.

Социальные факторы:

1. Школьная среда: позитивный психологический климат, поддерживающие отношения с учителями и сверстниками.
2. Внеучебная деятельность: участие в кружках, секциях, волонтерской работе способствует развитию резильентности.
3. Социальная поддержка: наличие друзей, значимых взрослых (наставников), готовых оказать помощь и поддержку.
4. Безопасность и стабильность окружающей среды: отсутствие угроз, насилия, чрезмерного стресса.
5. Культурные особенности и ценности: принадлежность к культуре, поддерживающей ценности резильентности (например, коллективизм, взаимопомощь).

Важно отметить, что факторы резильентности действуют не изолированно, а в сложном взаимодействии друг с другом. Наличие защитных факторов в одной сфере может компенсировать недостаток в другой [7]. Кроме того, влияние факторов может меняться в зависимости от возраста и этапа развития подростка.

Понимание факторов, способствующих развитию резильентности, позволяет разрабатывать эффективные программы и создавать условия для

формирования жизнестойкости подростков как в семье, так и в образовательной среде.

Естественно-математические дисциплины обладают значительным потенциалом в формировании личностных качеств подростков, являющихся ключевыми компонентами резильентности. Изучение математики, физики, химии и биологии способствует развитию когнитивных, эмоциональных и социальных характеристик, необходимых для успешной адаптации и преодоления жизненных трудностей.

Одним из важнейших качеств, развиваемых в процессе изучения естественно-математических дисциплин, является критическое мышление. Решение сложных задач, анализ данных и интерпретация результатов экспериментов требуют от подростков умения выявлять закономерности, строить логические рассуждения и делать обоснованные выводы. Развитое критическое мышление позволяет подросткам объективно оценивать ситуации, принимать взвешенные решения и противостоять манипуляциям.

Другим важным качеством, формируемым в процессе изучения естественно-математических дисциплин, является креативность. Поиск нестандартных решений, генерация новых идей и проведение оригинальных экспериментов способствуют развитию творческого потенциала подростков. Креативность позволяет находить выход из сложных ситуаций, адаптироваться к изменяющимся условиям и создавать новые возможности для личностного роста.

Изучение естественно-математических дисциплин также способствует развитию настойчивости и упорства. Достижение успеха в решении сложных задач и проведении длительных экспериментов требует от подростков готовности прилагать усилия, преодолевать трудности и доводить начатое до конца. Настойчивость является важным компонентом резильентности, позволяя подросткам справляться с неудачами и достигать поставленных целей.

Естественно-математические дисциплины также создают возможности для развития самоэффективности подростков. Успешное решение задач и получение положительных результатов экспериментов повышают уверенность в своих силах и способность справляться с вызовами. Самоэффективность является важным предиктором академической успешности и психологического благополучия подростков.

Изучение естественно-математических дисциплин способствует развитию эмоционального интеллекта подростков. Групповая работа над проектами, обсуждение идей и результатов экспериментов требуют умения распознавать и понимать эмоции, эффективно взаимодействовать с другими и управлять собственными эмоциональными реакциями. Развитый эмоциональный интеллект является важным фактором резильентности, позволяя подросткам конструктивно справляться со стрессом и поддерживать позитивные отношения.

Естественно-математические дисциплины также создают возможности для развития социальных навыков подростков. Совместная работа над проектами, обсуждение идей и презентация результатов способствуют развитию коммуникативных умений, навыков сотрудничества и лидерских качеств. Социальная компетентность является важным компонентом резильентности, позволяя подросткам эффективно взаимодействовать с окружающими и получать поддержку в трудных ситуациях.

В современной педагогической науке и практике существует ряд подходов и методов, направленных на развитие резильентности обучающихся в процессе изучения естественно-математических дисциплин.

Одним из ключевых подходов к развитию резильентности в процессе изучения естественно-математических предметов является проблемное обучение. Данный подход предполагает создание проблемных ситуаций, требующих от обучающихся самостоятельного поиска решений, анализа информации и построения логических рассуждений. Решение нестандартных задач и преодоление интеллектуальных вызовов способствует развитию критического мышления, настойчивости и уверенности в своих силах.

Другим эффективным подходом является проектно-исследовательская деятельность. Вовлечение обучающихся в разработку и реализацию проектов по математике и естественным наукам способствует развитию навыков планирования, самоорганизации и целеполагания. Работа над долгосрочными проектами требует умения преодолевать трудности, учиться на ошибках и доводить начатое до конца, что является важными компонентами резильентности.

Особое значение в развитии резильентности имеет создание позитивной и поддерживающей образовательной среды. Атмосфера сотрудничества, конструктивной обратной связи и эмоциональной поддержки со стороны учителей и сверстников способствует формированию чувства безопасности и уверенности в своих силах. Использование педагогических техник, направленных на создание ситуаций успеха, признание достижений и поощрение усилий обучающихся, по-

вышает их самоэффективность и готовность преодолевать трудности.

Развитию резильентности в процессе изучения естественно-математических предметов способствует также использование интерактивных методов обучения, таких как групповая работа, дискуссии, ролевые игры и моделирование. Эти методы позволяют обучающимся развивать коммуникативные навыки, умение работать в команде и учитывать различные точки зрения. Совместная деятельность и обмен идеями способствуют формированию социальной компетентности и эмоционального интеллекта, которые являются важными компонентами резильентности.

Важную роль в развитии резильентности играет также обеспечение индивидуализации и дифференциации обучения. Учет индивидуальных особенностей, интересов и потребностей обучающихся позволяет создавать оптимальные условия для их личностного роста и адаптации. Использование разноуровневых заданий, предоставление возможностей выбора и поддержка индивидуальной траектории развития способствуют формированию чувства автономии и ответственности за свое обучение, что является важным аспектом резильентности.

Таким образом, анализ существующих педагогических практик показывает, что развитие резильентности в процессе естественно-математического образования требует комплексного подхода, сочетающего различные методы и стратегии. Создание проблемных ситуаций, вовлечение в проектно-исследовательскую деятельность, поддержание позитивной образовательной среды, использование интерактивных методов обучения, интеграция специальных программ и обеспечение индивидуализации позволяют эффективно формировать адаптивные способности и жизнестойкость обучающихся средствами математики и естественных наук.

Выводы

Проведенное исследование позволило раскрыть сущность феномена резильентности, выявить особенности ее развития в подростковом возрасте и обосновать роль естественно-математического образования в формировании адаптивных личностных качеств и жизнестойкости учащихся.

Установлено, что структура резильентности включает в себя комплекс когнитивных, эмоциональных и поведенческих характеристик, таких как позитивное мышление, эмоциональная стабильность, настойчивость, самоэффективность, коммуникативные навыки и др.

По результатам исследования можно сделать вывод, что подростковый возраст является сензитивным периодом для развития резильентности, что обусловлено интенсивными процессами личностного и социального становления, а также повышенной уязвимостью подростков к стрессовым факторам. Развитие резильентности в этом возрасте опирается на формирование Я-концепции, самосознания, саморегуляции, расширение репертуара копинг-стратегий и социальных навыков.

Также можно заключить, что естественно-математическое образование обладает значительным потенциалом для развития резильентности подростков. Изучение математики и естественных наук способствует формированию критического и креативного мышления, навыков решения проблем, настойчивости, самоэффективности – ключевых компонентов резильентности. Групповые формы работы и исследовательские проекты развивают коммуникативную компетентность и навыки сотрудничества.

Анализ существующих педагогических практик показал, что развитие резильентности в процессе естественно-математического образования требует применения специальных подходов и технологий, таких как проблемное, исследовательское, кооперативное обучение, метод проектов, кейс-метод и др. Важную роль играет также создание психологически безопасной и поддерживающей образовательной среды, атмосферы принятия и уважения к личности ученика.

Проведенное исследование открывает ряд перспективных направлений для дальнейшего изучения проблемы развития резильентности подростков в контексте естественно-математического образования:

1. Разработка и стандартизация диагностического инструментария для оценки уровня развития резильентности подростков, адаптированного к контексту естественно-математического образования. Это позволит более точно и дифференцированно отслеживать динамику формирования адаптивных личностных качеств учащихся, выявлять индивидуальные траектории развития.

2. Исследование роли личности учителя в развитии резильентности подростков, разработка программ психолого-педагогической подготовки и повышения квалификации педагогов в этом направлении. Важно изучить личностные и профессиональные качества учителей, способствующие эффективной поддержке учащихся, создать условия для развития этих качеств.

3. Изучение социокультурных и гендерных аспектов развития резильентности подростков в процессе естественно-математического образования. Это предполагает анализ влияния семейных, этнических, региональных факторов на формиро-

вание адаптивных качеств учащихся, выявление возможных различий в траекториях развития резильентности у мальчиков и девочек.

4. Разработка технологий развития резильентности подростков во внеурочной и внешкольной деятельности, связанной с естественно-математическим образованием (научные кружки, олимпиады, летние школы и др.). Это позволит расширить спектр педагогических возможностей для формирования жизнестойкости учащихся, создать единое развивающее пространство в школе и за ее пределами.

5. Исследование преемственности в развитии резильентности между различными уровнями естественно-математического образования (начальная школа, основная школа, старшие классы, вуз). Важно выявить общие закономерности и специфические особенности формирования адаптивных качеств на каждом этапе, обеспечить согласованность педагогических стратегий.

Таким образом, проблема развития резильентности подростков средствами естественно-математического образования представляется актуальной и многоаспектной, требующей дальнейшего теоретического осмысления и практической разработки. Реализация намеченных перспектив исследования будет способствовать повышению адаптивного потенциала и психологического благополучия подрастающего поколения, подготовке учащихся к успешному преодолению жизненных вызовов и достижению личностной самореализации.

Список источников

1. Денисова Е.Г., Быкова Я.А. Исследование способов совладания в связи с показателями саморегуляции подростков: возрастные и гендерные особенности // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4. № 5. С. 60 – 78. https://elibrary.ru/item.asp?id=49308287 (дата обращения: 23.02.2024). Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

2. Книжникова С.В. Педагогическая профилактика суицидального поведения на основе формирования жизнестойкости подростков в условиях общеобразовательной школы: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореф. дис. … канд. педаг. наук / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2005. 25 с. Библиогр.: С. 24 – 26.

3. Крюкова Т.Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 5 – 15. https://elibrary.ru/item.asp?id=9132104 (дата обращения: 23.06.2024). Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

4. Лактионова А.И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология»: автореф. дис. … канд. психол. наук / Институт психологии РАН. Москва, 2010. 26 с. Библиогр.: С. 26 – 27.

5. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3 – 27. https://elibrary.ru/item.asp?id=18788218 (дата обращения: 23.06.2024). Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.

6. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. Москва: Институт психологии РАН, 2016. 459 с. ISBN 978-5-9270-0321-1. URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_26108919.pdf (дата обращения: 23.06.2024). Режим доступа: Библиотека Института психологии РАН.

7. Рыльская Е.А. Жизнеспособность и качественно-своеобразное становление жизненного мира человека: нарративный подход // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 15 – 51. https://elibrary.ru/item.asp?id=21163279 (дата обращения: 23.06.2024). Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

8. Рыльская Е.А. Психология жизнеспособности человека: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: автореф. дис. … докт. педаг. наук / Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2014. 37 с. Библиогр.: С. 37 – 39.

9. Fletcher David, Mustafa Sarkar Psychological resilience: A review and critique of definitions, concepts, and theory // European Psychologist. 2013. P. 12 – 23. URL: https://psycnet.apa.org/doi/10.1027/1016-9040/a000124 (дата обращения: 23.06.2024). Режим доступа: Электронно-библиотечная система American Psychological Association.

10. Werner Emmy Resilience in development // Current Directions in Psychological Science. 1995. P. 81 – 85. URL: https://www.jstor.org/stable/20182335 (дата обращения: 23.06.2024). Режим доступа: Электронно-библиотечная система JSTOR.

References

1. Denisova E.G., Bykova Y.A. Study of coping methods in connection with self-regulation indicators of adolescents: age and gender characteristics. Innovative science: psychology, pedagogy, defectology. 2021. Vol. 4. No. 5. P. 60 – 78. https://elibrary.ru/item.asp?id=49308287 (date of access: 02/23/2024). Access mode: Scientific electronic library eLIBRARY.RU

2. Knizhnikova S.V. Pedagogical prevention of suicidal behavior based on the formation of the resilience of adolescents in a secondary school: specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education": abstract. dis. ...cand. teacher Sciences. Kuban State University. Krasnodar, 2005. 25 p. Bibliography: P. 24 – 26.

3. Kryukova T.L. Age and cross-cultural differences in coping strategies. Psychological Journal. 2005. Vol. 26. No. 2. P. 5 – 15. https://elibrary.ru/item.asp?id=9132104 (access date: 06.23.2024). Access mode: Scientific electronic library eLIBRARY.RU

4. Laktionova A.I. The relationship between vitality and social adaptation of adolescents: specialty 19.00.13 "Developmental psychology, acmeology": abstract. dis. ...cand. psychol. Sciences. Institute of Psychology RAS. Moscow, 2010. 26 p. Bibliography: P. 26 – 27.

5. Leontyev D.A. New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible. Questions of psychology. 2011. No. 1. P. 3 – 27. https://elibrary.ru/item.asp?id=18788218 (date of access: 06.23.2024). Access mode: Scientific electronic library eLIBRARY.RU.

6. Makhnach A.V. Human and family vitality: a socio-psychological paradigm. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2016. 459 p. ISBN 978-5-9270-0321-1. URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_26108919.pdf (access date: 06/23/2024). Access mode: Library of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

7. Rylskaya E.A. Vitality and qualitatively unique formation of the human life world: a narrative approach. Modern problems of science and education. 2013. No. 6. P. 15 – 51. https://elibrary.ru/item.asp?id=21163279 (date of access: 06.23.2024). Access mode: Scientific electronic library eLIBRARY.RU

8. Rylskaya E.A. Psychology of human vitality: specialty 19.00.01 "General psychology, personality psychology, history of psychology": abstract. dis. ... doc. teacher Sciences. Yaroslavl State University named after K.D. Ushinsky. Yaroslavl, 2014. 37 p. Bibliography: P. 37 – 39.

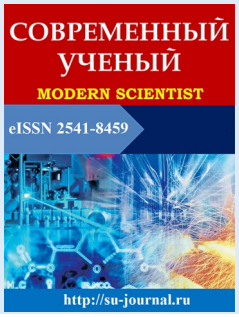
9. Fletcher David, Mustafa Sarkar Psychological resilience: A review and critique of definitions, concepts, and theory. European Psychologist. 2013. P. 12 – 23. URL: https://psycnet.apa.org/doi/10.1027/1016-9040/a000124 (access date: 06/23/2024). Access mode: Electronic library system of the American Psychological Association.

10. Werner Emmy Resilience in development. Current Directions in Psychological Science. 1995. P. 81 – 85. URL: https://www.jstor.org/stable/20182335 (access date: 06/23/2024). Access mode: Electronic library system JSTOR.

Информация об авторе

Галимов С.Ф., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, galimovsalavat@gmail.com

© Галимов С.Ф., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 378.147
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-302-307

Средовые особенности образовательного пространства вуза и их роль в формировании компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся

[1] Обидина М.М.

[1] Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева

Аннотация: автор статьи утверждает, что образовательное пространство вуза представляет собой особую среду, где в процессе совместной образовательной деятельности происходит взаимодействие преподавателя и обучающихся, результатом которого является интеллектуальное, культурное развитие, воспитание и становление личности обучающихся. Кроме того, подчеркивается, что в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов необходимо уделять особое внимание организации обучения иностранным языкам с целью формирования у обучающихся компетенции межкультурного взаимодействия.
Исследования показали, что иноязычное обучение в образовательном пространстве вуза сегодня нуждается в совершенствовании методов и должно соответствовать потребностям общества. Актуальность данной темы исследования обусловлена тем фактом, что правильно организованное иноязычное обучение в образовательном пространстве вуза содействует формированию компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся, что способствует успешной социализации обучающихся, является фактором повышения конкурентоспособности специалиста в контексте современных тенденций рынка труда.
Сделан вывод: эффективная организации иноязычного обучения в образовательном пространстве вузе заключается в создании благоприятных педагогических условий и использовании эффективного педагогического обеспечения с целью формирования компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся.
Ключевые слова: образовательное пространство вуза, обучающийся, иноязычное обучение, конкурентноспособный специалист, компетенция межкультурного взаимодействия

Для цитирования: Обидина М.М. Средовые особенности образовательного пространства вуза и их роль в формировании компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся // Современный ученый. 2024. № 5. С. 302 – 307. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-302-307

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Environmental features of university educational area and their role in the formation of students' competence of intercultural interaction

[1] **Obidina M.M.**

[1] ***Reshetnev Siberian State University of Science and Technology***

Abstract: the author of the article argues that university educational area is a special environment where the interaction between a teacher and students happens due to their joint educational activities. Students' intellectual and cultural development, students' personality upbringing and formation is the result of it. In addition, it is emphasized that in the process of future specialists' professional training, it is necessary to pay special attention to the organization of foreign languages teaching in order to form the students' competence of intercultural interaction.

Researches have shown that foreign language teaching in university educational area today needs to improve methods and must meet the needs of society. The relevance of this research topic is due to the fact that properly organized foreign language teaching in university educational area provides the formation of students' competence of intercultural competence, which contributes to the successful students' socialization, is a factor of the specialist's competitiveness increasing in the context of modern labor market trends.

The conclusion is made: the effective organization of foreign language education in university educational area consists in creating favorable pedagogical environment and using effective pedagogical provision in order to form the students' competence of intercultural interaction.

Keywords: university education area, student, foreign language teaching, competitively capable specialist, the competence of intercultural interaction

For citation: Obidina M.M. Environmental features of university educational area and their role in the formation of students' competence of intercultural interaction. Modern Scientist. 2024. 5. P. 302 – 307. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-302-307

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Образовательное пространство вуза выступает важной, благоприятной средой формирования личности обучающихся. В период обучения в вузе происходит становление ценностных ориентаций, нравственных характеристик и профессиональных компетенций молодых людей. Обучающиеся приобретают навыки, определяющие продуктивность и потенциальные возможности их будущей профессиональной деятельности. В результате глобальных экономических изменений будущему специалисту недостаточно только профессиональных умений, поэтому актуальным становится освоение обучающимися универсальных компетенций [1].

Высшее образование и профессиональную деятельность в современном обществе невозможно представить без компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся и будущих специалистов в социальных и профессиональных ситуациях. Иностранный язык способствует социальному становлению личности обучающегося при обмене информацией с людьми отличных культурных традиций и взглядов. Этот обмен информацией состоится лишь в том случае, если обучающийся владеет навыками иноязычного общения на достаточно высоком уровне. В процессе иноязычного обучения в вузе обучающиеся овладевают иноязычными знаниями, умениями и навыками, что способствует формированию компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся и становлению квалифицированного конкурентоспособного специалиста. Данная компетенция позволяет обучающимся получать доступ к мировым информационным ресурсам, ведущим научным и технологическим разработкам, интернациональному профессиональному сообществу [2].

Организация иноязычного обучения в образовательном пространстве неязыкового вуза – непростая задача, многие факторы затрудняют этот процесс: отсутствие интереса у обучающихся к изучению дисциплины, низкий уровень владения языком, недостаточное количество практических занятий в учебном плане, многочисленные и разноуровневые группы обучающихся. Для эффективной организации данного обучения, одновременного формирования как коммуникативной, так и профессиональной компетенций преподаватель

иностранного языка должен учитывать специфику вуза, хорошо ориентироваться в направлениях подготовки и специализациях, сотрудничать с преподавателями профильных дисциплин, использовать междисциплинарный подход в своей работе [3].

Все вышеперечисленные доводы свидетельствуют об актуальности данного исследования.

Материалы и методы исследований

Данная работа основана на теоретических и эмпирических методах исследования. Анализ существующих в психологической и педагогической науках подходов определения сущности образовательного пространства позволил нам соотнести данные подходы с современными задачами иноязычного обучения обучающихся в системе высшего образования и определить формирование компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся в качестве цели обучения дисциплины «Иностранный язык» в образовательном пространстве нелингвистического вуза.

Результаты и обсуждения

Проанализируем понятие «образовательное пространство вуза» и его составляющие для выявления основных характеристик процесса формирования компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся.

В педагогических исследованиях пространство представляют в качестве реальной ситуации, в которой реализуется педагогическая деятельность с целью достижения конкретных мировозренческих и смысловых ориентаций, осуществляются действия, которые влияют на образовательную и воспитательную составляющие личности обучающегося [4].

Многие исследователи описывают образовательное пространство как ограниченный пространством и временем процесс организации деятельности индивидов в учебном учреждении, где взаимоотношения субъектов, их взаимодействие со средой является первостепенным [5]. Так, например, В.В. Игнатова в своих работах указывает на то, что образовательное пространство включает в себя факторы, условия, связи и взаимодействия субъектов образования и является пространством сосуществования и функционирования обучающегося и наставника. Выполняя различные виды деятельности, обучающийся исследует образовательное пространство. Наставник, человек с большим объемом знаний и достаточным жизненным опытом, направляет обучающегося, что делает этот процесс более эффективным, позволяет обучающемуся постигать новое и самосовершенствоваться [6].

Проанализировав работы исследователей, под образовательным пространством вуза в контексте организации иноязычного обучения и формирования у обучающихся компетенции межкультурного взаимодействия мы понимаем совокупность структурных элементов образовательной организации, осуществляющей образовательный процесс и обеспечивающей социализацию обучающихся, которая превращает его в личность, формирует определенный уровень его образованности, культуры и профессиональной подготовки, формирует определенный уровень компетенции межкультурного взаимодействия в процессе иноязычного обучения [7].

Таким образом, образовательное пространство вуза представляет собой пространство, в котором происходит интеллектуальное и культурное становление личности обучающегося посредством коммуникации, совместной повседневной, учебной и творческой деятельности обучающихся и преподавателя [8].

Компетенция межкультурного взаимодействия представляет собой совокупность знаний, навыков и умений, позволяющих обучающимся контактировать с представителями других культур, что соответствует цели обучения иностранному языку в вузе согласно ФГОС ВО. Формирование компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся в образовательном пространстве вуза предполагает овладение социокультурными знаниями, коммуникативными навыками и психологическими умениями в процессе иноязычного обучения [9, с. 15].

Формирование компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся есть сложный, длительный и многосторонний процесс, об этом свидетельствует невысокий уровень владения иностранным языком выпускников вузов в России, что подтверждают данные проекта «Мониторинг экономики образования» в 2019/2020 учебном году. В рамках проекта был проведен опрос студентов бакалавриата неязыковых вузов с целью мониторинга качества приобретенной ими языковой компетенции [10]. По результатам исследования практически все респонденты имеют базовые знания иностранного языка. С другой стороны, большинство опрошенных студентов отмечают у себя невысокий уровень сформированности языковых навыков, что затрудняет процесс межкультурного взаимодействия в их профессиональной деятельности, лишает их возможности конкурировать за высокооплачиваемые вакансии в своей сфере с обязательным требованием свободного владения иностранным языком. Всего 7% студентов-участников данного опроса считают, что свободно

владеют иностранным языком. Следует отметить, что в результате данного исследования обнаружено, что уровень владения иностранным языком обучающихся и их академическая успеваемость коррелятивны. Студенты, успевающие по программам профильных дисциплин, отличаются высоким и средним уровнем владения иностранным языком, что доказывает взаимосвязь между когнитивными способностями обучающихся и их уровнем языковой подготовки. Результаты данного исследования свидетельствуют о недостаточном качестве иноязычного обучения в школах, так как большинство обучающихся вузов связывают свой невысокий уровень владения иностранным языком именно с неэффективными уроками по иностранному языку в школе.

Согласно исследованию 34% обучающихся изучали иностранный язык, работая с текстами, и только 17% выполняли задания, предполагающие формирование и развитие компетенции межкультурного взаимодействия: обсуждение разговорных тем, дискуссии, выступление с докладом на основе презентации, составление диалогов реального общения, проектная деятельность.

Резюмируя, необходимо отметить, что недостаточное количество специалистов в нашей стране соответствует потребностям рынка труда и общества и способно осуществлять межкультурную коммуникацию в своей профессиональной деятельности. Эти обстоятельства требуют введения новых теорий и методик обучения иностранным языкам в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов. Среди причин, затрудняющих формирование компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся в вузе, можно назвать сокращение аудиторных часов, отведенных на изучение дисциплины «Иностранный язык» в вузе; отсутствие связи в обучении иностранным языкам между школой и вузом; недостаточное методическое обеспечение для самостоятельной работы студентов; низкая мотивации к изучению иностранного языка, ввиду того, что дисциплина не относится к профильным предметам нелингвистического вуза; отсутствие индивидуально-дифференцированного, коммуникативного подходов в обучении; игнорирование современных информационных средств обучения.

Данная проблема существует достаточно давно. Ученые России пытаются решить ее и усовершенствовать иноязычное обучение в вузах с помощью различных концепций, инновационных методик. Однако, все попытки не дают желаемого результата и большинство выпускников вузов все также владеет иностранным языком на недостаточном уровне для осуществления межкультурного взаимодействия уровне.

В связи с этим перед преподавателем высшей школы стоит серьезная задача создать благоприятное педагогическое обеспечение по средствам овладения современных методов преподавания иностранного языка с целью выбора того инструмента обучения, который будет соответствовать уровню знаний обучающихся, образовательных и профессиональных потребностей, для формирования компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся. Педагогическое обеспечение формирования компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся определяет результативность этого процесса. Под педагогическим обеспечением формирования компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся мы понимаем разновидность профессионально-педагогической деятельности, которая стимулирует возможности образовательной организации, и позволяет обучающимся раскрыть свой индивидуальный и профессиональный потенциал через иноязычное общение.

Таким образом, продуктивное иноязычное обучение в образовательном пространстве вуза с целью формирования компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся возможно при модернизации этого обучения за счет использования преподавателем прогрессивных технологий, продуктивных и интерактивных методов обучения в процессе предъявления, закрепления и активизации языкового материала. Благодаря этому когнитивные возможности студентов максимально активизируются, происходит качественное усвоение языкового материала и обучающиеся эффективно осваивают необходимые компетенции.

Среди педагогических условий успешной реализации процесса иноязычного обучения в образовательном пространстве вуза можно назвать следующие [11]:

– тщательно разработанное педагогическое обеспечение по дисциплине;

– создание межпредметных связей изучаемых дисциплин;

– использование в обучении принципов дифференциации и индивидуализации;

– цифровизация иноязычного обучения;

– информационная компетентность преподавателя для использования инновационных средства в учебном процессе;

– контроль развития и уровня сформированности компетенций, профессиональных интересов обучающихся.

Практические и теоретические характеристики исследования позволяют выдвинуть гипотезу исследования о том, что формирование компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся в образовательном пространстве вуза будет результативным, если содержание дисциплины «Иностранный язык» будет обогащено за счет включения, организации и реализации практик межкультурного взаимодействия. Данная гипотеза подлежит дальнейшему изучению и проверке в следующих исследованиях.

Выводы

Образовательное пространство вуза является важным условием в формировании личности обучающихся, становления конкурентоспособного специалиста. Иностранный язык как дисциплина социально-гуманитарного цикла способствует формированию у обучающихся компетенций, необходимых в профессиональной деятельности: грамотная речь, мобильность, стрессоустойчивость, самообладание и самоконтроль, стремление к личностному и профессиональному развитию, взаимодействие с представителями других культур, работа в команде [12].

Иностранный язык – это средство взаимодействия между представителями различных культур, средство осмысления культурных особенностей других наций. Усваивая иноязычные знания, умения и навыками, обучающийся вуза успешно ориентируется в многонациональном обществе, использует языковые и неязыковые средства коммуникации в соответствии с ситуацией как на территории своего государства, так и за его пределами. Кроме того, владение иностранным языком расширяет профессиональный кругозор выпускника нелингвистического вуза посредством использования первоисточников на иностранном языке и обмена опытом с профессионалами других государств.

Организация иноязычного обучения в образовательном пространстве вуза представляет собой структурированный педагогический процесс. Данный процесс эффективно протекает при четком планировании педагогических действий, создании благоприятных педагогических условий, использовании эффективного педагогического обеспечения, что способствует постепенному формированию компетенции межкультурного взаимодействия обучающихся.

Список источников

1. Буянова Г.В., Гитман Е.К., Попова Т.В., Долматова Н.С. Профессионализация личности студента в период обучения в вузе: этапы развития профессиональной направленности // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 4. С. 44 – 60.
2. Сон Е.Д. Формирование межкультурной компетенции студентов // Вестник МГЛУ. 2018. № 1. С. 234 – 241.
3. Кириллова Н.В., Пушкин А.А., Зайцева Е.Л. Негативные факторы, влияющие на формирование у студентов компетенций в процессе изучения ими иностранного языка в вузах неязыкового профиля // Успехи современного естествознания. 2015. № 9-1. С. 155 – 158.
4. Сергеева А.Н. Применение категории «пространство» в научно-педагогических исследованиях // Известия ВГПУ. 2009. № 6 (40). С. 15 – 19.
5. Барановская Л.А. Организация социокультурного образовательного пространства как фактор формирования социальной ответственности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 6. С. 189 – 200.
6. Игнатова В.В. Педагогические факторы духовно-творческого становления личности в образовательном процессе: монография. Красноярск: СибГТУ, 2000. 272 с.
7. Миронов А.Г., Юферов С.С. Психология общения и педагогические коммуникации: учебное пособие. Красноярск: КрасГАУ, 2020. 164 с.
8. Кролевецкая Е.Н., Михайлова Д.И., Шеховская Н.Л. Оценка влияния структурных компонентов образовательной среды вуза на становление будущего педагога // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 6. С. 670 – 679.
9. Сергеева Н.Н., Походзей Г.В. Развитие иноязычной межкультурной компетенции студентов неязыковых специальностей в системе профессионально-ориентированного языкового образования: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 214 с.
10. Мониторинг экономики образования: 2020: в 2 т. / сост. Н.Б. Шугаль; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021.

11. Кузьмина Л.Г. Педагогические условия обеспечения эффективного функционирования иноязычной образовательной среды вуза // Вестник ВГТУ. 2014. Том 10. № 3-2. С. 135 – 138.

12. Крепкая Т.Н., Мамлеева А.Ф. Потенциал дисциплин гуманитарного цикла в решении проблемы трудоустройства выпускников технического вуза // Вопросы методики преподавания в вузе: ежегодный сборник. 2015. № 4 (18). С. 83 – 91.

References

1. Buyanova G.V., Gitman E.K., Popova T.V., Dolmatova N.S. Professionalization of a student's personality during university studies: stages of development of professional orientation. Science for Education Today. 2020. Vol. 10. No. 4. P. 44 – 60.

2. Son E.D. Formation of intercultural competence of students. Bulletin of MSLU. 2018. No. 1. P. 234 – 241.

3. Kirillova N.V., Pushkin A.A., Zaitseva E.L. Negative factors influencing the development of students' competencies in the process of studying a foreign language in non-linguistic universities. Advances in modern natural science. 2015. No. 9-1. P. 155 – 158.

4. Sergeeva A.N. Application of the category "space" in scientific and pedagogical research. Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University. 2009. No. 6 (40). P. 15 – 19.

5. Baranovskaya L.A. Organization of sociocultural educational space as a factor in the formation of social responsibility of students. Siberian Pedagogical Journal. 2008. No. 6. P. 189 – 200.

6. Ignatova V.V. Pedagogical factors of spiritual and creative development of personality in the educational process: monograph. Krasnoyarsk: SibSTU, 2000. 272 p.

7. Mironov A.G., Yuferov S.S. Psychology of communication and pedagogical communications: textbook. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2020. 164 p.

8. Krolevetskaya E.N., Mikhailova D.I., Shekhovskaya N.L. Assessing the influence of the structural components of the educational environment of a university on the development of a future teacher. Pedagogy. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 7. No. 6. P. 670 – 679.

9. Sergeeva N.N., Pokhodzey G.V. Development of foreign language intercultural competence of students of non-linguistic specialties in the system of professionally oriented language education: monograph. Ekaterinburg: Ural. state ped. univ., 2014. 214 p.

10. Monitoring the economics of education: 2020: in 2 volumes. comp. N.B. Shugal; National research University "Higher School of Economics". M.: National Research University Higher School of Economics, 2021.

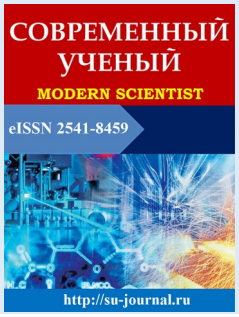
11. Kuzmina L.G. Pedagogical conditions for ensuring the effective functioning of the foreign language educational environment of the university. Vestnik of VSTU. 2014. Volume 10. No. 3-2. P. 135 – 138.

12. Krepkaya T.N., Mamleeva A.F. The potential of humanities disciplines in solving the problem of employment of graduates of a technical university. Questions of teaching methods at a university: annual collection. 2015. No. 4 (18). P. 83 – 91.

Информация об авторе

Обидина М.М., старший преподаватель, Orcid ID: 0000-0003-2828-1660, Сибирский государсвенный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 660037, г. Красноярск, проспект им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31, а/я 1075), submarina.08@mail.ru

© Обидина М.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
УДК 373.23
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-308-313

Воспитательное событие в ДОО как форма воспитания патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста

[1] Трифонова В.Н., [1] Сычёва М.В.

[1] Пензенский государственный университет

Аннотация: на сегодняшний день данная область исследования актуальна и мало исследована. В соответствии с утвержденной Стратегией развития воспитания в Российской Федерации целеполагание и содержание воспитания ориентированы на традиционные духовно-нравственные ценности российского общества [9]. В ходе последних событий, происходящих на Украине, мы понимаем насколько важно уделять внимание формированию ценностных ориентиров дошкольников, так как именно в этом возрасте формируются патриотизм и гражданская принадлежность.
Воспитательное событие в ДОО – один из способов воспитания патриотических чувств. Его особенность заключается в том, что ребёнок под контролем воспитателя включается в специально организованное мероприятие, где и происходит развивающая, целевая и ценностно-ориентированная совместная деятельность взрослого и ребёнка. В ходе теоретического анализа и обобщения научной литературы по заявленной проблематике, автором было установлено, что воспитание патриотических чувств – процесс, который обязательно подкреплён современной социальной ситуацией в стране.
В статье рассматриваются основные подходы к пониманию того, что такое событие и как его можно использовать для воспитания патриотических чувств у детей дошкольного возраста в образовательных организациях. Особое внимание уделено понятию «воспитательное событие». Описаны этапы планирования и организации таких событий в детских садах. Приведены примеры разработки и проведения мероприятий, направленных на развитие патриотизма у детей старшего дошкольного возраста.
Ключевые слова: патриотическое воспитание, воспитание патриотических чувств, воспитательное событие, старший дошкольный возраст

Для цитирования: Трифонова В.Н., Сычёва М.В. Воспитательное событие в ДОО как форма воспитания патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста // Современный ученый. 2024. № 5. С. 308 – 313. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-308-313

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Educational event in preschool educational institutions as a form of education of patriotic feelings in older preschool children

[1] Trifonova V.N., [1] Sycheva M.V.

[1] *Penza State University*

Abstract: to date, this area of research is relevant and little studied. In accordance with the approved Strategy for the Development of Education in the Russian Federation, the goal setting and content of education are focused on the traditional spiritual and moral values of Russian society [9]. During the recent events taking place in Ukraine, we understand how important it is to pay attention to the formation of value orientations of preschoolers, since it is at this age that patriotism and citizenship are formed.
An educational event in a preschool is one of the ways to foster patriotic feelings. Its peculiarity lies in the fact that the child, under the supervision of a tutor, is included in a specially organized event, where a developing, targeted and value-oriented joint activity of an adult and a child takes place. During the theoretical analysis and generalization of scientific literature on the stated issues, the author found that the education of patriotic feelings is a process that is necessarily supported by the modern social situation in the country.
The article discusses the main approaches to understanding what an event is and how it can be used to foster patriotic feelings in preschool children in educational organizations. Special attention is paid to the concept of "educational event". The stages of planning and organizing such events in kindergartens are described. Examples of the development and implementation of activities aimed at developing patriotism in older preschool children are given.
Keywords: patriotic education, education of patriotic feelings, educational event, senior preschool age

For citation: Trifonova V.N., Sycheva M.V. Educational event in preschool educational institutions as a form of education of patriotic feelings in older preschool children. Modern Scientist. 2024. 5. P. 308 – 313. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-308-313

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Президент РФ Владимир Путин 21 сентября 2022 года выступил с обращением к гражданам государства и объявил о начале в стране частичной мобилизации. Эти события требуют от современных педагогов акцентирования внимания в процессе воспитания дошкольников на формирование ценностных ориентиров, которое в свою очередь рассматривается как педагогически обоснованный, организованный, управляемый процесс формирования устойчивых ценностных отношений ко всем объектам действительности.

Патриотическое воспитание всегда являлось приоритетным направлением для образовательной системы нашей страны. Современные события, отразившиеся на духовном и экономическом состоянии общества, только подчеркнули необходимость воспитания патриотических чувств у подрастающего поколения, дальнейшего развития уже существующих приемов патриотического воспитания и разработки новых воспитательных концепций [4].

Под патриотическим воспитанием понимается готовность человека встать на защиту интересов своей страны [1]. Давно известно, что дошкольный возраст – самый благоприятный период для формирования патриотических чувств. В детском саду дети начинают осознавать, что такое Родина, и выражать своё отношение к ней. Они участвуют в различных мероприятиях, что позволяет им включаться в общественную и патриотическую жизнь страны.

В процессе обучения и воспитания детей мы стремимся привить им любовь к своей стране, её культуре, традициям и истории. Очень важно не упустить момент, когда ребёнок начинает проявлять особый интерес к своей родине [6].

Воспитание патриотических чувств у детей дошкольного возраста – одна из важнейших задач, которая стоит перед педагогами, родителями, государством и обществом. Патриотизм не возникает сам по себе, его необходимо формировать в процессе воспитания, обучения и социализации детей.

Для эффективного воспитания патриотических чувств у детей старшего дошкольного возраста в рамках воспитательной программы ДОО используется инновационная педагогическая технология «воспитательное событие». Эта технология берет

начало в теории воспитания и событийного подхода А.С. Макаренко, который показал, что «большое значение в жизни человека имеют яркие и волнующие события, вызывающие позитивный эмоциональный отклик» [11].

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были применены различные научные методы: анализ научной литературы и исследований по теме позволил ознакомиться с разными точками зрения учёных на ключевые понятия; метод дедукции помог структурировать полученную информацию и выделить наиболее значимые аспекты; логический метод позволил авторам исследования сделать выводы, основываясь на проведённом анализе. В качестве диагностических методов исследования автором использовались методы педагогического наблюдения, а также анализа и обобщения педагогического опыта.

Результаты и обсуждения

Воспитательные события – это события, организованные в рамках воспитательной программы образовательного учреждения, основанные на совместной творческой деятельности воспитанников и педагогов [3]. Отличительной чертой воспитательных событий является их эмоциональная насыщенность и коллективная деятельность, дающая возможность каждому участнику проявить себя, прочувствовать и зафиксировать в памяти происходящее [7].

Воспитательные события являются ключевыми как для образовательной организации, так и для воспитанников, требуют предварительной подготовки и не предполагают пассивного участия. В организации воспитательного события нередко принимают участие семьи воспитанников.

В ДОО воспитательные события чаще всего имеют формы праздников, связанных с памятными датами в истории нашей страны, коллективных игр, марафонов, акций, экскурсий, встреч с известными людьми, проекты, мастерские конкурсы, экскурсии, традиции, спонтанно возникшие ситуации [2].

Организация воспитательных событий происходит в несколько этапов [8].

На первом этапе разрабатывается тематическое планирование. Оно конкретизируется и согласовывается на педагогическом совете, утверждается руководством ДОО и включается в годовой план работы.

На втором этапе происходит уточнение целей и задач воспитательного события. Четкая постановка целей и задач предстоящего события позволяет определить количество ресурсов, которые необходимо будет задействовать для их реализации. Учитывается, сколько времени уйдет на подготовку, какие финансовые средства придется затратить, кого можно привлечь к участию в данном мероприятии. Как правило, привлекают либо родителей воспитанников, либо воспитателей соседних групп. Воспитанники привлекаются к организации события в последнюю очередь.

На третьем этапе разрабатывается подробный план подготовки, распределяются задачи между участниками, устанавливаются временные рамки для выполнения каждого пункта плана.

На четвертом этапе происходит непосредственная подготовка к воспитательному событию, согласно намеченному плану. На этом этапе происходит вовлечение воспитанников в подготовку мероприятия. С детьми проводятся беседы о предстоящем мероприятии, организуется просмотр видеоматериалов материалов и чтение художественной литературы подходящей тематики, готовятся творческие проекты.

Пятый этап – проведение самого мероприятия. Сценарий воспитательного события разрабатывается педагогом. Организуется пространство с тематическим оформлением, составляются выставки рисунков и поделок, созданных в процессе подготовки. Проводятся сопутствующие игры, марафоны, ярмарки, экскурсии, встречи с известными людьми, которые должны иметь четкую регламентацию.

Шестым этапом является рефлексия. Всем участникам события необходимо обсудить прошедшее мероприятие, подробно рассмотреть фотографии и видеоматериалы, проанализировать полученные результаты, поделиться впечатлениями. Учитывается мнение каждого участника. Затем педагогический коллектив на основе собранной информации определяет эффективность проведенного события, учитывает недоработки и вносит коррективы в последующую воспитательную работу. Ниже мы привели несколько примеров.

Воспитательное событие «Встреча с участником специальной военной операции (СВО)» было приурочено к празднованию Дня защитника Отечества и проводилось в феврале 2024 года. Встреча прошла в рамках реализации Федеральной образовательной программы дошкольного образования, вступившей в силу с 01.09.2023 года, которая ориентирует дошкольное образование на патриотическое воспитание, формирование основ гражданской и культурной идентичности дошкольников совместно с родителями [12]. Целью воспитательного события являлось воспитание патриотических чувств к Родине и уважение к людям, вставшим на ее защиту. Задачи звучали следующим образом: 1) познакомить детей старшего дошкольного возраста с участником СВО; 2) дать

представление детям о специальной военной операции на Украине и её значении для нашей страны; 3) воспитывать чувство гордости и уважения по отношению к своим соотечественникам, отправившимся на фронт.

На этапе подготовки к воспитательному событию было организовано творческое действие с привлечением семей воспитанников. Дети рисовали рисунки в поддержку солдат, отправившихся на СВО, родители участвовали в составлении писем на фронт, собирали гуманитарную помощь. Рисунки, письма и посылка были отправлены на фронт. С детьми проводилась беседа о том, что представляет собой специальная военная операция и какое значение она имеет для нашей страны. Был организован патриотический уголок. Силами родителей воспитанников и педагогов, работающих в детском саду, была организована выставка книг, рисунков и поделок к готовящемуся мероприятию. К предстоящей встрече все дети подготовили открытки для ветерана, совместно с воспитателем продумали вопросы, которые хотели бы задать участнику спецоперации.

Событие было организовано в патриотическом уголке, на встречу были приглашены родители воспитанников. Воспитатель представил детям гостя – ветерана СВО. Приглашенный немного рассказал о себе.

Дети задавали участнику СВО следующие вопросы:

– Где проходила служба?

– Много ли друзей обрел ветеран на фронте?

– Какие случаи с фронта особенно запомнились?

– Что поддерживало в трудную минуту?

– Какие навыки необходимы, чтобы служить Родине в трудную минуту?

– Какие качества в человеке он больше всего ценит?

– С какими чувствами он вернулся домой?

После беседы все участники воспитательного события пели Гимн России. Дети, родители и педагоги поблагодарили гостя, вручили ему цветы и открытки, нарисованные детьми.

Обсуждение встречи показало, что всем участникам очень понравилось общаться с героем нашей страны. Было решено собрать еще одну посылку на фронт и расширить экспозицию патриотического уголка.

Воспитательное событие «Георгиевская ленточка» было проведено в мае 2024 года. Целью мероприятия являлось формирование у детей старшего дошкольного возраста бережного отношения к Великой памяти народа и чувства патриотизма. Были выделены следующие задачи: 1) познакомить детей с историей георгиевской ленты; 2) объяснить детям значение георгиевской ленты для современности; 3) воспитывать чувство гордости за ветеранов Великой Отечественной войны (ВОВ) и патриотизма.

На этапе подготовки к воспитательному событию каждая семья предоставила портреты ветеранов, живших и воевавших во время Великой Отечественной войны. К каждому портрету прилагалось краткое жизнеописание. Портреты были вывешены в холле, собрана выставка предметов, имеющих отношение к периоду второй мировой войны. Воспитатели совместно детьми дополняли выставку, обсуждали истории предметов. Проводились беседы про условия жизни и события Великой Отечественной войны. К мероприятию дети заучивали четверостишия из стихотворений русских поэтов, писавших о второй мировой войне и подвиге наших солдат.

К воспитательному событию была подготовлена красочная презентация, содержащая картинки и видеофрагменты исторических фильмов. На мероприятии детям рассказали историю георгиевской ленты. Затем был конкурс чтецов, где дети зачитывали выученные стихи. Воспитатели совместно с детьми изготовили открытки для бабушек и дедушек и украсили их георгиевскими лентами. В конце мероприятия детям торжественно прикрепили на одежду с левой стороны груди георгиевские ленточки, тем самым приобщив их к традиции празднования.

При обсуждении мероприятия все участники отмечали повышенную эмоциональность. Подготовленный материал вызвал сильные чувства у всех присутствующих. Было сказано много теплых в память о ветеранах ВОВ. Была обратная связь от родителей воспитанников, которым очень понравилась программа мероприятия и впечатления детей.

Основываясь на опыте подготовки и проведения воспитательного события, хочется отметить, что подобные мероприятия позволяют каждому участнику приобщиться к чему-то большему, стать лучше, получить огромный спектр эмоций и впечатлений. Подобная технология как нельзя лучше подходит для воспитания патриотизма, любви к Родине, уважению к подвигам солдат.

Выводы

В дошкольном возрасте начинается процесс формирования личности и её ценностей. Ребёнок обретает первые жизненные ориентиры. Психологические исследования показывают, что в старшем дошкольном возрасте дети начинают усваивать культурные ценности. Это становится важным компонентом их личности. Воспитательные собы-

тия помогают расширить знания детей об окружающем мире. Особенно важно, что дети узнают больше о своей стране, семье и истории России [10].

В процессе проведения исследования было выявлено, что одним из эффективных средств патриотического воспитания является технология воспитательных событий [5].

В ходе проведения воспитательного события мы можем увидеть целостную картину личности ребёнка. А именно это такие качества как: самостоятельность, ответственность, честность, познавательная активность, оптимистическое отношение, уважение к другим, эмпатия, доброта, терпеливость, сдержанность. Воспитательное событие в первую очередь является творческим процессом, поэтому педагоги вместе с детьми и их родителями могут познать все возможности личностных качеств.

Таким образом, сегодня наиболее актуальным вопросом в сфере воспитания патриотизма является поиск новых инновационных стратегий воспитания. Качественно организованное воспитательное событие для детей дошкольного возраста будет эффективно в становлении гражданской принадлежности и воспитания патриотических чувств у подрастающего поколения. Благодаря деятельности взрослого, который осуществляет педагогическое сопровождение дошкольника, ребёнок получает свой опыт переживания различных ценностей, например, Родины, в каждом воспитательном событии. Основы ценностного отношения к миру формируются с самого детства, поэтому то, какие ценности и приоритеты мы ставим в воспитании сейчас, будет влиять на наше будущее.

Список источников

1. Агапова Д.Ю. Патриотическое воспитание дошкольников в условиях дошкольных образовательных организаций // Известия института педагогики и психологии образования. 2018. № 4. С. 130 – 134.

2. Александрова Е.Ю., Гордеева Е.П., Постникова М.П. Система патриотического воспитания в ДОУ. Волгоград: Учитель, 2007. 212 с.

3. Алмазова И.Г. Воспитательное событие как средство успешной социализации младших школьников // Гносеологические основы образования: материалы Международного научного форума, посвящённого памяти профессора С.П. Баранова. Липецк, 2023. С. 95 – 99.

4. Безручкина Т.Ю., Маяцкая А.В., Шанкулашвили М.Г., Шатикова Э.Г. Формирование чувства патриотизма и любви к Родине у детей старшего дошкольного возраста // Молодой ученый. 2023. № 13.2 (460.2). С. 20 – 28.

5. Евдокимова Е.Н., Пузикова Н.И., Новикова Т.П. Образовательное событие как форма совместной творческой деятельности взрослых и детей в развитии духовно-нравственных ценностей // Молодой ученый. 2019. № 9.1 (247.1). С. 74 – 78.

6. Иванова И.Ю., Ильина Е.Ю. Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста средствами краеведческой туристской деятельности // Тенденции развития туризма и гостеприимства в России: материалы IV Международной студенческой научной конференции. М.: Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, 2021. С. 99 – 105.

7. Шустова И.Ю. Воспитательное событие: методические рекомендации / под общ. ред. Мандровой Н.А., Львовой Л.С. М.: Департамент методического обеспечения Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». 2023. 128 с.

8. Методика воспитательной работы: учебно-методическое пособие / авт.-сост. Н.М. Науменко, О.С. Шаврыгина. Оренбург: ОренПечать, 2019. 88 с.

9. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420277810 (дата обращения: 06.03.2024)

10. Присенко Н.П. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников в условиях сотруднической деятельности // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы: сборник научных статей и материалов VI международной научно-практической конференции. Коломна, 2019. С. 179 – 183.

11. Педагогические труды А.С. Макаренко. М.: Акад. проект, 2014. 208 с.

12. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования». М.: Мозаика-Синтез, 2023. 253 с.

References

1. Agapova D.Yu. Patriotic education of preschoolers in preschool educational organizations. News of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education. 2018. No. 4. P. 130 – 134.

2. Aleksandrova E.Yu., Gordeeva E.P., Postnikova M.P. The system of patriotic education in preschool educational institutions. Volgograd: Teacher, 2007. 212 p.

3. Almazova I.G. Educational event as a means of successful socialization of primary school students. Gnoseological foundations of education: materials of the International scientific forum dedicated to the memory of Professor S.P. Baranov. Lipetsk, 2023. P. 95 – 99.

4. Bezruchkina T.Yu., Mayatskaya A.V., Shankulashvili M.G., Shatikova E.G. Formation of a sense of patriotism and love for the Motherland in senior preschool children. Young scientist. 2023. No. 13.2 (460.2). P. 20 – 28.

5. Evdokimova E.N., Puzikova N.I., Novikova T.P. Educational event as a form of joint creative activity of adults and children in the development of spiritual and moral values. Young scientist. 2019. No. 9.1 (247.1). P. 74 – 78.

6. Ivanova I.Yu., Ilyina E.Yu. Patriotic education of preschool children by means of local history tourism activities. Trends in the development of tourism and hospitality in Russia: Proceedings of the IV International Student Scientific Conference. Moscow: Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism, 2021. P. 99 – 105.

7. Shustova I.Yu. Educational event: methodological recommendations. edited by Mandrova N.A., Lvova L.S. Moscow: Department of methodological support of the All-Russian public and state movement of children and youth "Movement of the First". 2023. 128 p.

8. Methodology of educational work: teaching aid. author-compiled. N.M. Naumenko, O.S. Shavrygina. Orenburg: OrenPechat, 2019. 88 p.

9. On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025: Order of the Government of the Russian Federation of 05/29/2015 No. 996-r [Electronic resource]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420277810 (date of access: 03/06/2024)

10. Prisenko N.P. Moral and patriotic education of preschoolers in the context of collaborative activities. Educational space of childhood: historical experience, problems, prospects: collection of scientific articles and materials of the VI international scientific and practical conference. Kolomna, 2019. P. 179 – 183.

11. Pedagogical works of A.S. Makarenko. M.: Acad. project, 2014. 208 p.

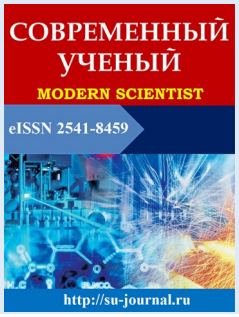
12. Federal educational program for preschool education: order of the Ministry of Education of the Russian Federation of November 25, 2022 No. 1028 "On approval of the federal educational program for preschool education". Moscow: Mosaic-Synthesis, 2023. 253 p.

Информация об авторах

Трифонова В.Н., Пензенский государственный университет

Сычёва М.В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет, marina_sycheva2010@mail.ru

© Трифонова В.Н., Сычёва М.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.7. методология и технология профессионального образования (педагогические науки)
УДК 378.126
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-314-319

Формирование цифровой компетентности педагога в системе дополнительного профессионального образования

[1] Ло Чжидань

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье анализируются особенности формирования цифровой компетентности педагога в системе дополнительного профессионального образования. Современный педагог должен основывать профессиональную деятельность на информационно-коммуникационных технологиях, задействуя их возможности, чтобы сформировать для каждого обучающегося персонифицированные образовательные траектории, внести разнообразие в формы и методики освоения образовательного материала. Однако на пути цифрового преобразования системы образования существует ряд барьеров, приводящих к недостаточной готовности педагогов и руководителей к цифровой трансформации. Цифровая компетентность непосредственно взаимосвязана с цифровыми компетенциями, образующими цифровую грамотность, и цифровыми технологиями, являющимися базисным элементом для формирования цифровой компетентности. Ключевыми компонентами цифровой компетентности педагогов являются технологическая компетентность, предметно-дидактичная компетентность, отношение к использованию технологий, педагогическая компетентность, культурная осведомлённость, критический подход и профессиональная вовлечённость. Цифровые компетенции педагогов могут быть развиты в форме общей цифровой компетентности, компетенций цифрового преподавания и профессиональной цифровой компетентности. Формирование цифровой компетентности педагогов средствами дополнительного профессионального образования предполагает создание ряда организационно-методических и педагогических условий. Ключевой особенностью формирования цифровой компетентности педагогических работников является их включение в систему непрерывного образования.
Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая компетентность, педагоги, обучение, дополнительное профессиональное образование

Для цитирования: Ло Чжидань Формирование цифровой компетентности педагога в системе дополнительного профессионального образования // Современный ученый. 2024. № 5. С. 314 – 319. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-314-319

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Formation of digital competence of a teacher in the system of additional professional education

[1] **Luo Zhidan**

[1] ***St. Petersburg State University***

Abstract: the article analyzes the features of the formation of digital competence of a teacher in the system of additional professional education. A modern teacher should base his professional activity on information and communication technologies, using their capabilities to form personalized educational trajectories for each student, to bring diversity to the forms and methods of mastering educational material. However, there are a number of barriers to the digital transformation of the education system, leading to insufficient readiness of teachers and managers for digital transformation. Digital competence is directly interrelated with digital competencies, which form digital literacy, and digital technologies, which are the basic element for the formation of digital competence. The key components of teachers' digital competence are technological competence, subject-didactic competence, attitude to the use of technology, pedagogical competence, cultural awareness, critical approach and professional involvement. Teachers' digital competencies can be developed in the form of general digital competence, digital teaching competencies, and professional digital competence. The formation of digital competence of teachers by means of additional professional education involves the creation of a number of organizational, methodological and pedagogical conditions. The key feature of the formation of digital competence of teaching staff is their inclusion in the system of continuing education.
Keywords: digital transformation, digital competence, teachers, training, additional professional education

For citation: Luo Zhidan Formation of digital competence of a teacher in the system of additional professional education. Modern Scientist. 2024. 5. P. 314 – 319. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-314-319

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Цифровая трансформация всех сфер жизни социума, стремительное развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий, лавинообразное нарастание объёмов информации актуализировало формирование цифровой компетентности [1, с. 45]. В настоящее время система образования не может качественно развиваться, не задействуя инновационные методы и цифровые технологии. Чтобы развивать образовательный процесс, применяя возможности цифровой среды, педагогические работники должны обладать цифровой компетентностью. Современный педагог должен не просто использовать отдельные информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе, а базировать на них всю профессиональную деятельность, задействуя их возможности для создания персонифицированных образовательных траекторий, повышения разнообразия форм и методик освоения образовательного материала. Средствами формирования и развития цифровой компетентности педагогов являются программы дополнительного профессионального образования [2, с. 76].

Материалы и методы исследований

Целью работы является изучение особенностей формирования цифровой компетентности педагога в системе дополнительного профессионального образования. Для её достижения был проведён анализ и синтез материалов по теории и методике обучения, применён системно-структурный подход к рассмотрению ключевых аспектов проблемы исследования.

Результаты и обсуждения

Процесс цифрового преобразования системы образования сопряжён с наличием ряда барьеров различного характера [3, с. 93]:

- нормативные: отсутствие законодательной унификации в регулировании использования цифровых технологий в образовании, ориентация на точечное внедрение информационных технологий, а не на полную модернизацию существующих административно-производственных процессов;
- технические: использование низкоуровневых программ и цифровых устройств;
- технологические: малая степень готовности педагогических кадров и руководства образовательных организаций к активному использованию

цифровых технологий в профессиональной деятельности;

● психологические: отсутствие у работников системы образования чёткого представления о способах и целях применениях цифровых технологий.

Вследствие наличия данных барьеров педагоги и их руководство зачастую оказываются не готовы к цифровой трансформации. Усложняет ситуацию отсутствие системного подхода к проектированию и формированию цифровой среды в образовательной организации. Можно выделить и методические проблемы, связанные с отсутствием единообразия в вопросах понимания сути и содержания цифровой компетентности.

В обобщённом виде цифровую компетентность педагога можно определить как способность личности, базирующуюся на перманентном овладении цифровыми компетенциями, уверенно, безопасно, результативно, творчески и этично выбирать и использовать цифровые технологии в профессиональной деятельности, а также её готовность к такой деятельности [4, с. 123]. Цифровая компетентность находится в непосредственной взаимосвязи с цифровыми компетенциями, образующими цифровую грамотность, и цифровыми технологиями, являющимися базисным элементом для её формирования.

Можно выделить следующие ключевые компоненты цифровой компетентности педагогов [5, с. 10]:

● технологическая компетентность – набор базовых технологических навыков;

● предметно-дидактичная компетентность – содержательные знания, предполагающие применение цифровых навыков в процессе преподавания дисциплин;

● личное отношение к использованию технологий – фактор, влияющий на формы и методы использования педагогами цифровых инструментов для поддержки обучения;

● культурная осведомлённость – знания педагогов о социальном и культурном значении технологического развития и понимание особенностей развития обучающимися идентичности в цифровом контексте;

● педагогическая компетентность – знания педагогов об оптимальных времени и формах интеграции цифровых технологий в образовательный процесс так, чтобы они были полезны для социальных и познавательных потребностей учащихся и способствовали достижению целей обучения;

● критический подход – фактор, обуславливающий вдумчивый и целесообразный отбор цифровых образовательных технологий;

● профессиональная вовлечённость – коммуникативная компетентность при общении с участниками образовательного процесса через цифровые ресурсы, творческий подход к своим коммуникативным стратегиям, способность формулировать собственные потребности в развитии профессиональных компетенций.

Цифровая компетентность предполагает наличие ряда цифровых навыков, позволяющих решать профессиональные проблемы путём постановки соответствующих целей и планов, доступа и использования информации через компьютеры и компьютерные сети [6, с 2]. Цифровые навыки включают в себя навыки, связанные с использованием компьютеров, понимание структуры цифровой среды, способность эффективно использовать, сохранять, редактировать и отправлять цифровую информацию.

Цифровые компетенции педагогов могут развиваться по одному из следующих сценариев [7, с. 178; 8, с. 3]:

1. Общая цифровая компетентность. Относится к цифровым навыкам, которые не являются специфичными для преподавания или профессиональной деятельности педагога. Этот массив знаний относится к способности использовать аппаратное обеспечение и выполнять общие компьютерные действия, такие как использование электронной почты, поиск в Интернете, устранение неполадок, использование стандартной текстовой обработки и представления данных.

2. Компетенция цифрового преподавания. Означает способность педагога интегрировать цифровые инструменты в практику обучения, что подразумевает применение различных медиа, коммуникативных и вычислительных технологий в процессе учебной деятельности, разработку цифровых оценок, комплексное управление цифровой средой и поддержку критического, рационального и креативного использования учащимися цифровых технологий для обучения. Интеграция цифровых технологий в практику преподавания требует от преподавателей использования технологий для выполнения своих педагогических функций, критического отбора технологий для конкретных целей обучения и помощи обучающимся учиться с помощью цифровых инструментов для достижения определённых результатов обучения.

3. Профессиональная цифровая компетентность. Представляет собой новый и более широкий тип цифровой компетентности, включающий все аспекты работы педагога в образовательной среде, в которую внедрены цифровые технологии. При работе в данной среде преподавателю необ-

ходимо использовать системы управления обучением для управления и координации учебной деятельности обучающихся, включающие аспекты, отражающие физическое пространство (управление взаимодействием учащихся, онлайн-ресурсами, мотивацией и оценкой), а также аспекты, уникальные для цифрового пространства (управление обучением и общением с учащимися за пределами образовательного учреждения). Профессиональная работа педагога во все более цифровых системах образования включает также участие в образовательных онлайн-сообществах, формальном и неформальном профессиональном обучении, общение с родителями и более широким образовательным сообществом и использование данных, таких как аналитика об учащихся, доступная через системы управления информацией и обучением, для информирования об особенностях преподавания.

Формирование цифровой компетентности педагогов средствами дополнительного профессионального образования предполагает создание организационно-методических условий управления формированием цифровой компетентности [9, с. 142]. Повышение квалификации педагогов должно осуществляться в рамках интегративно-деятельностного подхода.

К организационным условиям формирования цифровой компетентности педагогов относятся [10, с. 72]:

- разработка образовательных программ с учётом тенденций развития современных информационно-коммуникационных технологий;
- предоставление педагогам возможности создания персональной электронной среды для персонификации профессиональной подготовки;
- создание продуктивной информационно-образовательной среды;
- обеспечение качественной материально-технической базы для подготовки;
- широкое использование современных информационных и коммуникационных технологий в образовательном процессе;
- организация и проведение педагогических и производственных практик, предполагающих активное использование передовых педагогических и цифровых технологий.

В состав педагогических условий входят:

- разработка методических подходов и дидактических принципов в процессе формирования цифровых навыков педагогов;
- организация цифровой среды обучения;
- совершенствование учебных планов и программ на основе балльно-модульной системы обучения;
- разработка и постоянное обновление учебных материалов и информационных ресурсов для электронного обучения;
- индивидуализация образования, создание условий для определения личностной образовательной траектории педагогов;
- установление отношений взаимного сотрудничества с работодателями;
- разработка мотивационной системы;
- выбор содержания профессиональной подготовки;
- использование подходящих форм, средств, методических подходов и технологий обучения для формирования цифровой компетентности педагогов;
- развитие у преподавателей навыков самоуправления, самообучения и саморазвития.

Для комплексного формирования у педагогических работников цифровой компетентности требуется их включение в систему непрерывного образования, которое может быть реализовано в различных формах [11, с. 443]:

- формальное, предполагающее поступательное развитие цифровых компетенций – очные и онлайн-курсы, сетевые формы обучения;
- неформальное, обеспечивающее погружение и углубление в мир цифровых образовательных технологий – стажировки, наставничество, вступление в ассоциацию педагогов, внутриорганизационное обучение;
- информальное, предполагающее дополнение и расширение существующих компетенций – самообразование, конкурсное движение, персональный маршрут профессионального роста.

Для управления формированием цифровой компетентности педагогов в системе дополнительного образования должны использоваться знаниевый, мотивационный и деятельностный критерии, адаптивный, нормативный и продуктивный уровни, а также оценочный механизм, включающий анализ, оценку и коррекцию [12, с. 57].

Выводы

В условиях глобальной цифровой трансформации и развития гиперинформационного общества актуализируется потребность в развитии цифровой компетентности педагогических работников. Существенным потенциалом в формировании и совершенствовании цифровой компетентности педагогов обладает система дополнительного профессионального образования, способная обеспечить непрерывность, цельность и направленность процесса подготовки преподавателей к цифровой трансформации системы образования.

Список источников

1. Носкова Н.В., Петрова Л.А. Цифровая компетентность современного педагога: от теории к инновационной практике // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-4. С. 45 – 49.

2. Яковлева Г.В., Скрипова Н.Е. Дополнительное профессиональное образование как ресурс развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного и начального общего образования в условиях цифровой среды // Современное педагогическое образование. 2022. № 8. С. 76 – 78.

3. Крутиков М.А. Формирование цифровой компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 6. С. 92 – 102.

4. Компаниец А.А. О необходимости формирования цифровой компетентности у современного педагога как субъекта цифрового образовательного пространства // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 2. С. 120 – 129. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-2/120-129

5. Skantz-Åberg E., Lantz-Andersson A., Lundin M., Williams P. Teachers' professional digital competence: an overview of conceptualisations in the literature // Cogent Education. 2022. Vol. 9. № 1. DOI: 10.1080/2331186X.2022.2063224

6. Hämäläinen R., Nissinen K., Mannonen J., Lämsä J., Leino K., Taajamo M. Understanding teaching professionals' digital competence: What do PIAAC and TALIS reveal about technology-related skills, attitudes, and knowledge? // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 117. P. 106672. DOI:10.1016/j.chb.2020.106672

7. OECD Digital Education Outlook 2023: Towards an Effective Digital Education Ecosystem. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: 10.1787/c74f03de-en

8. Fernández-Batanero J.M., Montenegro-Rueda M., Cerero J.F., García-Martínez I. Digital competences for teacherprofessional development. Systematic review // European Journal of Teacher Education. 2020. Vol. 45. № 3. DOI: 10.1080/02619768.2020.1827389

9. Носова Л.С., Леонова Е.А., Рузаков А.А. Модель цифровой культуры будущих педагогов в условиях цифровизации образования // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 4. С. 134 – 154. DOI: 10.25588/CSPU.2019.89.52.009

10. Umarova G. Preparing future primary class teachers for professional activity based on the development of their digital competencies // Science and innovation. 2023. Vol. 2. Iss. 7. DOI: 10.5281/zenodo.8148012

11. Бороненко Т.А., Кайсина А.В., Федотова В.С. Концепция и вариативные модели формирования цифровой компетентности учителя информатики // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. № 4. С. 439 – 448. DOI: 10.30853/ped20220063

12. Штрикер Н.А., Ганаева Е.А. Проектирование модели формирования цифровой компетентности педагога // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 4 (232). С. 55 – 64. DOI: 10.25198/1814-6457-232-55

References

1. Noskova N.V., Petrova L.A. Digital competence of a modern teacher: from theory to innovative practice. Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 68-4. P. 45 – 49.

2. Yakovleva G.V., Skripova N.E. Additional professional education as a resource for the development of professional competence of preschool and primary general education teachers in the digital environment. Modern pedagogical education. 2022. No. 8. P. 76 – 78.

3. Krutikov M.A. Formation of digital competence of future teachers in the process of professional training. Modern problems of science and education. 2020. No. 6. P. 92 – 102.

4. Kompaniets A.A. On the need to form digital competence in a modern teacher as a subject of the digital educational space. Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 120 – 129. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2021-2/120-129

5. Skantz-Åberg E., Lantz-Andersson A., Lundin M., Williams P. Teachers' professional digital competence: an overview of conceptualisations in the literature. Cogent Education. 2022. Vol. 9. No. 1. DOI: 10.1080/2331186X.2022.2063224

6. Hämäläinen R., Nissinen K., Mannonen J., Lämsä J., Leino K., Taajamo M. Understanding teaching professionals' digital competence: What do PIAAC and TALIS reveal about technology-related skills, attitudes, and knowledge? Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 117. P. 106672. DOI:10.1016/j.chb.2020.106672

7. OECD Digital Education Outlook 2023: Towards an Effective Digital Education Ecosystem. Paris: OECD Publishing, 2023. DOI: 10.1787/c74f03de-en

8. Fernández-Batanero J.M., Montenegro-Rueda M., Cerero J.F., García-Martínez I. Digital competencies for teacherprofessional development. Systematic review. European Journal of Teacher Education. 2020. Vol. 45. No. 3. DOI: 10.1080/02619768.2020.1827389

9. Nosova L.S., Leonova E.A., Ruzakov A.A. Model of digital culture of future teachers in the context of digitalization of education.Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 2019. No. 4. P. 134 – 154. DOI: 10.25588/CSPU.2019.89.52.009

10. Umarova G. Preparing future primary class teachers for professional activity based on the developmentment of their digital competencies. Science and innovation. 2023. Vol. 2. Iss. 7. DOI: 10.5281/zenodo.8148012

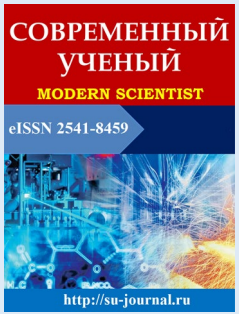
11. Boronenko T.A., Kaysina A.V., Fedotova V.S. Concept and variable models of formation of digital competence of computer science teacher. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 7. No. 4. P. 439 – 448. DOI: 10.30853/ped20220063

12. Shtriker N.A., Ganaeva E.A. Designing a Model for the Formation of a Teacher's Digital Competence. Bulletin of the Orenburg State University. 2021. No. 4 (232). P. 55 – 64. DOI: 10.25198/1814-6457-232-55

Информация об авторе

Ло Чжидань, Санкт-Петербургский государственный университет, st112189@student.spbu.ru

© Ло Чжидань, 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.8.3. Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия) (педагогические науки)
УДК 373.31
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-320-326

Промежуточные итоги реализации социокультурного проекта помощи детям с речевыми нарушениями

[1] Магомедова С.А., [1] Мусаева С.Дж., [1] Мусаева Ф.М.

[1] Дагестанский государственный университет

***Аннотация*:** в статье представлены результаты реализации первого этапа социокультурного проекта «Использование возможностей дополнительного образования для успешной социализации и адаптации детей с нарушениями психо-речевого развития к условиям обучения в общеобразовательных учреждениях», целью которого является социализация и социальная адаптация детей с задержкой психо-речевого развития в возрасте 6-10 лет, обучающихся в ОАНО «Школа имени А. Юсупова» (далее – Школа), ДРООПИ «Жизнь без слез» и Доме-интернате «Забота» г. Махачкалы. Проект получил финансовую поддержку Фонда президентских грантов (далее – ФПГ), став победителем первого конкурса 2023 года (Заявка № 23-1-011571). Участниками этого конкурса 2022 году были поданы 10 615 заявки, победителями стали 1845 проектов, три из них – из Республики Дагестан, в том числе, поданный от Школы. Проект посвящен комплексному сопровождению (далее – КС) с вовлечением в доступные виды деятельности в рамках дополнительного образования 60 детей с задержкой психоречевого развития в возрасте 6-10 лет, обучающихся в ОАНО «Школа имени А. Юсупова», ДРООПИ «Жизнь без слез» и Доме-интернате «Забота» г. Махачкалы на протяжении 18 месяцев для их успешной социализации и адаптации к условиям обучения в общеобразовательных учреждениях.
Поэтапное выполнение поставленных в рамках проекта задач позволило планомерно сформировать познавательный и коммуникативный компоненты социализации и социальной адаптации целевой аудитории.
Ключевые слова: дети с нарушениями психо-речевого развития, социальная адаптация, социализация, общеобразовательные учреждения, проект

Для цитирования: Магомедова С.А., Мусаева С.Дж., Мусаева Ф.М. Промежуточные итоги реализации социокультурного проекта помощи детям с речевыми нарушениями // Современный ученый. 2024. № 5. С. 320 – 326. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-320-326

Поступила в редакцию: 7 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Interim results of the implementation of a socio-cultural project to help children with speech disorders

[1] Magomedova S.A., [1] Musaeva S.Dzh., [1] Musaeva F.M.

[1] Dagestan State University

Abstract: the article presents the results of the implementation of the first stage of the socio-cultural project "Using the opportunities of additional education for the successful socialization and adaptation of children with disabilities

of psycho-speech development to the conditions of education in general education institutions", the purpose of which is the socialization and social adaptation of children with delayed psycho-speech development at the age of 6-10 years, studying at the OANO "School named after A. Yusupov" (hereinafter referred to as the School), DROOPI "Life without Tears" and the boarding house "Zabota" of Makhachkala. The project received financial support from the Presidential Grants Fund (hereinafter referred to as the PGF), becoming the winner of the first competition in 2023 (Application No. 23-1-011571). 10,615 applications were submitted by the participants of this competition in 2022, 1845 projects became winners, three of them from the Republic of Dagestan, including one submitted from the School. The project is dedicated to comprehensive support (hereinafter referred to as CS) involving 60 children with delayed psychorechological development aged 6-10 years studying at the OANO "A School named after A. Yusupov", DROOPI "Life without tears" and the boarding house "Zabota" in Makhachkala for 18 months for their successful socialization and adaptation to the conditions of education in general education institutions.
Step-by-step implementation of the tasks set within the framework of the project made it possible to systematically form cognitive and communicative components of socialization and social adaptation of the target audience.
Keywords: children with disorders of psycho-speech development, social adaptation, socialization, educational institutions, project

For citation: Magomedova S.A., Musaeva S.Dzh., Musaeva F.M. Interim results of the implementation of a sociocultural project to help children with speech disorders. Modern Scientist. 2024. 5. P. 320 – 326. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-320-326

The article was submitted: April 7, 2024; Approved after reviewing: June 10, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Среди задач, стоящих перед Школой как некоммерческой организацией можно выделить поиск выхода из ряда затруднений, которые сегодня сложились в системе образования и не решаются, ни нормативным государственным регулированием, ни саморегуляцией социума. Таким выходом нам видится участие в проектной деятельности, позволяющей привлечь дополнительное финансирование со стороны, как фондов, самым значимым из которых для НКО является ФПГ, так и частных благотворителей.

Конечно, разработка социально значимых проектов – дело непростое, требующее наличия в НКО определенного кадрового и научно-методического потенциала, делающего возможным, в числе прочего, обоснование значимости и достаточную научную проработку этапности реализации задуманного.

Имея большой опыт научной и научно-методической работы участники команды настоящего проекта за время успешного воплощения предыдущих замыслов получили достаточное подтверждение положительного влияния такого опыта, как на поддержку предлагаемых фондам на рассмотрение проектов (в период 2018-2022 гг. из четырех, представленных на рассмотрение ФПГ, были одобрены три), так и на динамику показателей, отражающих отслеживаемые параметры состояния целевых групп. Этот опыт позволил добиться еще на этапе проектирования адресности целеполагания, четкого и подробного прописывания календарного плана предлагаемых мероприятий, отбора наиболее валидных методик с наименьшим риском субъективной оценки, а на заключительных этапах – квалифицированной интерпретации результатов. Анализ собственной проектной работы с учетом этого опыта также дает возможность от проекта к проекту совершенствовать концепцию оказания адресной помощи социально уязвимым группам населения, повышать стабильность этой помощи, выявлять существующие риски и намечать пути их снижения. Не случайно при планировании нового проекта в фокусе внимания его авторов оказались такие значимые в условиях инклюзии группы как младшие школьники с нарушениями психо-речевого развития (ЗПРР), а также педагоги-волонтеры, сопровождающие их на всем протяжении проекта.

Изыскания нашей научно-творческой команды обеспечили как теоретическую разработку, так и практическую апробацию долго вынашиваемой идеи.

Материалы и методы исследований

Проблемами развития речи детей дошкольного и младшего школьного возраста посвящены работы Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Бернштейна и др. [2, 8, 9, 10, 11].

В настоящее время в России растет число детей с ментальными особенностями, к которым относятся и нарушения речевого развития, приводя к

инвалидности, проблемам когнитивным, коммуникативным, реализации образовательных потребностей: распространенность ЗПР и проблемных в обучении школьников в среднем 5-11%, достигая в крупных городских агломерациях 30%. По данным эпидемиологических исследований распространенность задержек психоречевого развития у детей от 3 до 8% в зависимости от социально-экономических условий региона проживания. [3]. По словам О. Васильевой в бытность ее министром образования России, в 2017 г. 58% детей имели логопедические проблемы [4].

В Республике Дагестан в 2020 году в первый класс пошли 55 тыс. детей, то есть среди них может быть 11 тысяч детей с ЗПР с учетом численности детей 5-9 лет в 249 316 чел. [5]. Госструктур с бесплатным предоставлением помощи таким детям в республике нет, как нет и системы анализа результатов их сопровождения и межведомственного взаимодействия, а платная помощь малодоступна и ее качество не всегда соответствует цене. Низок уровень информированности семей и профессиональной компетентности педагогов в данной области, комплайенса родителей, их вовлеченности в реабилитационные процессы детей. Не все дети с ЗПРР получают статус «ребенок-инвалид», часто ограничиваются фиксацией задержки развития. Одновременно государство гарантирует доступность для всех детей, как общего, так и дополнительного образования.

Результаты и обсуждения

Авторами социального проекта «Использование возможностей дополнительного образования для успешной социализации и адаптации детей с нарушениями психо-речевого развития к условиям обучения в общеобразовательных учреждениях» по итогам реализованного первого его этапа (7 февраля – 30 октября 2023 года) представлен анализ деятельности по КС с вовлечением в доступные виды деятельности в рамках дополнительного образования 60 детей целевой группы с ЗПРР в возрасте 6-10 лет из общеобразовательных учреждений разной подчиненности, расположенных в г. Махачкале.

По результатам первичной диагностики, проведенной психологом, психологом-дефектологом и логопедом-дефектологом проекта, из 450 детей в возрасте 6-10 лет, обучающихся в частной общеобразовательной Школе и двух республиканских коррекционных ОУ (ДРООПИ «Жизнь без слез» и Дом-интерната «Забота») были отобраны в целевую группу 45 учащихся младших классов Школы и 15 – из вышеобозначенных учебных организаций, испытывающие стойкие трудности в обучении и адаптации к школе, которые негативно отражаются на качестве усвоения материала учебных программ, взаимодействии с учителями и сверстниками, уровне интереса к познанию и творчеству.

Логопед-дефектолог оценивала уровень звуковой стороны речи учащихся, выявляя имеющих различные нарушения речи, для последующего планирования и проведения коррекционно-образовательного процесса, используя методики Спировой Л.Ф, Ястребовой А.В. Итоги диагностики среди 60 детей с выявленными нарушениями речи, включенных в целевую группу проекта, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты первичной логопедической диагностики 60 учащихся с нарушениями речи 1-4 классов ОАНО «Школа имени А. Юсупова», Дома-интерната для умственно отсталых детей «Забота», ДРООПИ «Жизнь без слез», отобранных для участия в проекте.

Table 1

Results of the primary speech therapy diagnostics of 60 students with speech disorders in grades 1-4 of the A. Yusupov School, the Zabota boarding school for mentally retarded children, and the Life Without Tears DROOPI selected to participate in the project.

№	Диагноз	Доля, %
1.	Задержка речевого развития (ЗРР)	8.3
2.	Задержка психо-речевого развития (ЗПРР)	8.3
3.	Фонетико-фонематическое недоразвитие речи (ФФНР)	50
4.	ЗПРР, обусловленное ФФНР	13.3
5.	ФФНР, обусловленное общим недоразвитием речи (ОНР)	3.3
6.	ЗРР, обусловленное ФФНР	8.3
7.	ЗПРР, обусловленное дислалией	8.3

Для 436 младших школьников было использовано 4 субтеста по методике Р. Антхауэра, включающих в себя 40 вербальных заданий, подобранных с учетом программного материала начальных классов. В состав первого субтеста, позволяющего оценить запасе знаний испытуемого, вошли зада-

ния, требующие от испытуемых дифференцировать существенные признаки предметов или явлений от несущественных, второстепенных. Второй субтест состоял из заданий, представляющих собой словесный вариант исключения "пятого лишнего", давая возможность судить о владении операциями обобщения и отвлечения, о способности выделять существенные признаки предметов или явлений. Третий субтест – задания на умозаключение по аналогии, требующие умения установливать логические связи и отношения между понятиями. Четвертый субтест направлен на выявление умения обобщать.

По данной методике были выявлены 5 категорий по уровню:

А – наиболее успешные (0 %);

Б – близкие к успешным (5,28 %);

В – средние по успешности (53,21%);

Г – малоуспешные (39,91 %);

Д- наименее успешные (1,61 %)

Как видно, более половины детей, прошедших первичную диагностику, могут быть отнесены к категории «средней успешности».

По методике Н.Г. Лускановой было обследовано 427 детей. Результаты диагностики, свидетельствующей о явном преобладании среднего уровня школьной мотивации, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты первичного тестирования учащихся 1-4 классов ОАНО «Школа имени А. Юсупова», Дома-интерната для умственно отсталых детей «Забота», ДРООПИ «Жизнь без слез» по методике Н.Г. Лускановой, в %.

Table 2

Results of the initial testing of students in grades 1-4 of the ANO "School named after A. Yusupov", the boarding school for mentally retarded children "Zabota", and the DROOPI "Life without Tears" according to the method of N.G. Luskanova, in %.

Категория, баллы	I 25-30	II 20-24	III 15-19	IV 10-14	V < 10
Характеристика школьной мотивации	высокий уровень школьной мотивации и учебной активности	хорошая школьная мотивация	положительное отношение к школе, но школа привлекает больше внеучебными сторонами	низкая школьная мотивация	негативное отношение к школе, школьная дезадаптация
Доля обследованных детей	11,94	24,36	33,26	21,78	8,67

Педагоги и родители прошедших диагностику 450 детей получили информацию о наличии или отсутствии у них нарушений речи: на каждого была оформлена речевая карта и составлены комплексные бланки тестирования.

В конце срока реализации проекта первичные данные будут сравниваться с итоговыми. Гипотезой, которую предстоит подтвердить, исследовав в динамике результаты тестирований детей и родителей целевых групп по истечении 18 месяцев, является возможность повышения показателей коммуникативной деятельности у детей не менее, чем на 30%, а познавательной – не менее 15%; а также компетентности родителей в области воспитания детей с ЗПРР – не менее 30 %.

Целью деятельности в данном направлении еще на этапе проектирования было заявлено формирование у обучающихся главной целевой группы коммуникативных и познавательных навыков и расширение спектра социальных контактов, а также развитие эмоциональной сферы и когнитивных способностей через КС с вовлечением в доступные виды деятельности в рамках допобразования для успешной социализации и адаптации к условиям обучения в общеобразовательных учреждениях.

Причиной включения родителей этих детей во вторую целевую проектную группу послужило их незнание о возможностях помощи своим детям в преодолении отставания в освоении школьной программы и трудностей в общении со сверстниками и учителями, а также отсутствие в республике бесплатного центра допобразования, куда им можно было бы обратиться за логопедической и психологической помощью и поддержкой. Оплата услуг имеющихся частных центров большинству дагестанских многодетных семей с низкими доходами не по силам.

И, наконец, еще одна целевая группа, без которой претворение в жизнь проектной идеи оказалось бы невозможным – это педагоги-волонтеры Школы, получившие необходимые именно для этой работы профессиональные компетенции благодаря авторской ДПП ПК члена проекта, феде-

рального эксперта программ дополнительного образования, проф. Дамадаевой А.С.

Следует отметить, что это не первое повышение квалификации для данной команды: все ее представители и ранее овладевали компетенциями, необходимыми для работы с детьми с ОВЗ и их семьями, а также накапливали практический опыт соответствующей деятельности в рамках реализации предыдущих школьных проектов. Последнее обучение позволило ликвидировать дефицит определенных компетенций, необходимых для сопровождения младших школьников именно с речевыми нарушениями и создать кадровые условия для организации и проведения регулярной работы по формированию у детей целевой группы навыков, необходимых для достижения цели настоящего проекта.

Методические консультации волонтерами были также получены на базе Республиканского центра охраны нервно-психического здоровья детей и подростков, кафедре общей и специальной педагогики и психологии Дагестанского института развития образования, кафедре социальных и информационных технологий Социального факультета Дагестанского государственного университета.

В Школе было создано и оборудовано пространство специально для реализации настоящего проекта. Речь идет о Проектном офисе, на базе которого руководитель проекта Магомедова С.А. и методист Мусаева С.Д. разработали адаптированную образовательную общеразвивающую программу дополнительного образования обучающихся с ЗПРР «Речевая мозаика»; а психолог-дефектолог Дамадаева А.С., психолог Алиева Х.М. и логопед-дефектолог Гаджиева Ф.Г. – коррекционно-развивающую программу «Дар речи».

С размещением этих программ и других материалов, в том числе, фото- и видео-фиксации деятельности по проекту, на специальном разделе официального сайта Школы, удалось значительно расширить доступ к ним родителей детей с ЗПРР, педагогов, в том числе, допобразования, специалистов и всех заинтересованных лиц, то есть завершить работу по созданию методической базы проекта для обучения детей и волонтеров целевых групп.

Фактически Проектный офис превратился в консультационный и методический центр, куда может обратиться любая семья, имеющая ребенка с ЗПРР, причем не только обучающегося в Школе, так как помощь может быть оказана и дистанционно.

Параллельно в Школе шла интенсивная подготовка материальных условий, создания предметно-развивающей среды для осуществления деятельности по проекту. Это позволило начать непосредственно образовательный процесс с детьми целевой группы уже три недели после начала реализации проекта, а с родителями целевой группы – еще раньше. Процесс обучения детей шел параллельно по двум программам – и КРП, и АДООП.

На протяжении первого этапа реализации проекта с детьми целевой группы была реализована половина КРП «Дар речи», 60% занятий проведены в лингафонном кабинете, что обеспечило помощь детям по исправлению или ослаблению имеющихся речевых нарушений.

Занятия по КРП шли параллельно с занятиями по АДООП «Речевая мозаика». Так, к концу первого этапа в каждой из детских групп были проведены занятия в рамках модулей «Театрализованная деятельность», «Спорт» и «Адаптация к школе», обеспечивших развитие коммуникативных и познавательных навыков. В рамках и по итогам модулей были проведены театрализованное представление по мотивам дагестанских народных сказок, игра-эстафета, посвященная Дню защиты детей, и ряд других мероприятий.

Первый этап завершился проведением круглого стола, в котором приняли участие не только широкий круг специалистов, но и родители, журналисты, общественники. Мероприятие, прошедшее в смешанном формате с использованием цифровых технологий, позволило не только обменяться мнениями специалистам, но и привлечь к проекту и его промежуточным результатам внимание научной и широкой общественности.

Таким образом, можно констатировать, что все заявленные на этапе проектирования ключевые точки, отражающие промежуточные качественные и количественные результаты проекта, были проработаны.

Выводы

Коррекцию речевых нарушений в настоящее время можно отнести к наиболее значимым факторам, обеспечивающим интеграцию ребенка в общество. Многолетний опыт участников проекта и желание повысить эффективность коррекционно-развивающей работы с младшими школьниками стали основой для создания проекта по одновременному педагого-психолого-логопедическому воздействию на детей с ЗПРР. Уже к концу первого этапа работы стало ясно, что параллельное использование коррекционно-развивающей и адаптационной общеразвивающей программ и проведение семинаров и тренингов с родителями делает процесс обучения многоуровневым и значительно улучшает условия для социализации каждого ребенка и его адаптации к школе.

Список источников

1. Васильева призвала регионы увеличить число школьных психологов и логопедов – РИА Новости, 03.03.2020 URL: https://ria.ru/20170403/1491327421.html?ysclid=lp6i5dd3ek287630957 (дата обращения: 10.11.2023)

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5 изд., испр. Изд-во «Лабиринт», М., 1999. 352 с.

3. Иванова Е.П. Развитие связной речи дошкольников с нарушением речи // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2020. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-svyaznoy-rechi-doshkolnikov-s-narusheniem-rechi (дата обращения: 01.11.2023)

4. К 2024 году в различные формы наставничества должны быть вовлечены не менее 70% детей – Васильева https://edu.ru/news/nacionalnyy-proekt-obrazovanie/k-2024-godu-v-razlichnye-formy-nastavnichestva-dol/?ysclid=lp6ikp7vak283463095 (дата обращения: 10.11.2023)

5. Количество первоклассников в Дагестане в 2020 году вырастет на 10 тыс. ТАСС, URL: https://tass.ru/v-strane/9285303?ysclid=lp6j7qe4eq794133271 (дата обращения: 10.11.2023)

6. Криницына Г.М., Лихачёва Н.Л., Конакова М.С. Орфографический самоконтроль у школьников с нарушениями письменной речи // Проблемы современного педагогического образования. 2019. №62-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/orfograficheskiy-samokontrol-u-shkolnikov-c-narusheniyami-pismennoy-rechi (дата обращения: 05.11.2023)

7. Кудрявская Д. П. Специфические особенности связной речи школьников с интеллектуальными нарушениями // Символ науки. 2016. № 12-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-svyaznoy-rechi-shkolnikov-s-intellektualnymi-narusheniyami (дата обращения: 12.11.2023)

8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 66.

9. Сеченов И.М.: Избранные произведения. М.: Учпедгиз, 1953. С. 19.

10. Соловьева О.И. Методика развития речи и обучени родному языку в детском саду. М., 1966. С. 27.

11. Психология развития: учебное пособие для студентов вузов. 3-е изд., стереотип. М.: Академия, 2007. 142 с.

References

1. Vasilyeva called on regions to increase the number of school psychologists and speech therapists – RIA Novosti, 03.03.2020 URL: https://ria.ru/20170403/1491327421.html?ysclid=lp6i5dd3ek287630957 (date of access: 10.11.2023)

2. Vygotsky L.S. Thinking and speech. 5th ed., corrected. Labyrinth Publishing House, Moscow, 1999. 352 p.

3. Ivanova E.P. Development of coherent speech of preschoolers with speech impairments. Collection of materials of the Annual international scientific and practical conference "Education and training of young children". 2020. No. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-svyaznoy-rechi-doshkolnikov-s-narusheniem-rechi (date of access: 01.11.2023)

4. By 2024, at least 70% of children should be involved in various forms of mentoring – Vasilyeva https://edu.ru/news/nacionalnyy-proekt-obrazovanie/k-2024-godu-v-razlichnye-formy-nastavnichestva-dol/?ysclid=lp6ikp7vak283463095 (date of access: 10.11.2023)

5. The number of first-graders in Dagestan in 2020 will increase by 10 thousand. TASS, URL: https://tass.ru/v-strane/9285303?ysclid=lp6j7qe4eq794133271 (date of access: 10.11.2023)

6. Krinitsyna G.M., Likhacheva N.L., Konakova M.S. Orthographic self-control in schoolchildren with written speech impairments. Problems of modern pedagogical education. 2019. No. 62-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/orfograficheskiy-samokontrol-u-shkolnikov-c-narusheniyami-pismennoy-rechi (date of access: 05.11.2023)

7. Kudryavskaya D.P. Specific features of coherent speech of schoolchildren with intellectual disabilities. Symbol of science. 2016. No. 12-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-svyaznoy-rechi-shkolnikov-s-intellektualnymi-narusheniyami (date accessed: 12.11.2023)

8. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M., 1975. S. 66.

9. Sechenov I.M.: Selected works. M.: Uchpedgiz, 1953. S. 19.

10. Solovieva O.I. Methodology of speech development and teaching native language in kindergarten. M., 1966. S. 27.

11. Developmental psychology: a teaching aid for university students. 3rd ed., stereotype. M.: Academy, 2007. 142 p.

Информация об авторах

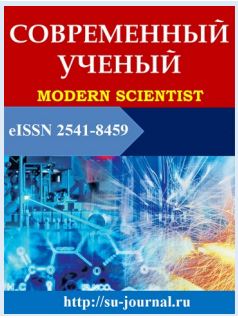
Магомедова С.А., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный университет, msaika@yandex.ru

Мусаева С.Дж., кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный университет», sanita@mail.ru

Мусаева Ф.М., Дагестанский государственный университет, cutunca@yandex.ru

© Магомедова С.А., Мусаева С.Дж., Мусаева Ф.М., 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-327-330

Правовое положение муниципальных образований в результате проведенных конституционных реформ

[1, 2] Гатауллин З.Ш.

[1] Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал,
[2] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в данной статье рассматриваются результаты конституционной реформы 2020 года, которые затронули правовое положение муниципальных образований. Ранее, в дореформенный период, т.е. до 2020 г. конституционно-правовые нормы наделяли органы местного самоуправления полномочиями самостоятельно решать определённый перечень вопросов. Прежняя государственная политика относительно муниципальных образований была направлена на сближение власти к населению. Причем местное население самостоятельно формировало эту самую власть, которая отчитывалась перед этим самым населением. Автономность муниципальных образований не давала возможность государства вмешиваться в процесс выборов глав и депутатов на местах, которые были самостоятельны, не являлись представителями государства. Более того ни один государственный чиновник не мог вмешиваться в процесс решения вопросов местного значения главами муниципалитетов и местных депутатов. Отсутствие достаточных финансовых возможностей для решения вопросов местного значения приводило к зависимости от трансфертов власти субъектов РФ и федерального уровня власти. Безусловно, в этих условиях о какой-то реальной самостоятельности утверждать не приходится. Западная модель демократии на местном уровне видимо не прижилась, похоже возвращаемся к испытанному временем советскому демократическому централизму, подотчетностью снизу доверху.
Ключевые слова: конституция, конституционная реформа, закон, муниципалитет, государство, власть, народовластие

Для цитирования: Гатауллин З.Ш. Правовое положение муниципальных образований в результате проведенных конституционных реформ // Современный ученый. 2024. № 5. С. 327 – 330. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-327-330

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The legal status of municipal entities as a result of the constitutional reforms

[1, 2] Gataullin Z.Sh.

[1] TISBI University of Management, Naberezhnye Chelny Branch
[2] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article examines the results of the 2020 constitutional reform, which affected the legal status of municipalities. Earlier, in the pre-reform period, i.e. until 2020, constitutional and legal norms gave local governments

the authority to independently resolve a certain list of issues. The previous state policy regarding municipalities was aimed at bringing the authorities closer to the population. Moreover, the local population independently formed this very government, which was accountable to this very population.The autonomy of municipalities did not allow the state to interfere in the process of electing heads and deputies on the ground, who were independent and were not representatives of the state. Moreover, no government official could interfere in the process of resolving issues of local importance by the heads of municipalities and local deputies. The lack of sufficient financial resources to resolve issues of local importance led to dependence on transfers of power from the subjects of the Russian Federation and the federal level of government. Of course, in these conditions, there is no need to assert any real independence. The Western model of democracy at the local level has apparently not caught on, it seems that we are returning to the time-tested Soviet democratic centralism.
Keywords: constitution, constitutional reform, law, municipality, state, government, democracy

For citation: Gataullin Z.Sh. The legal status of municipal entities as a result of the constitutional reforms. Modern Scientist. 2024. 5. P. 327 – 330. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-327-330

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Реально действующее местное самоуправление – есть основа демократического государства, при котором население самостоятельно, без воздействия государства, руководствуясь принципом народовластия, формирует органы управления территорией и решает вопросы местного значения.

Несмотря на то, что прошло несколько лет со времени введения изменений в основной закон страны [1] в результате проведенных конституционных реформ по инициативе главы государства, которые затронули, в том числе, правовое положение муниципальных образований, дискуссии по данному вопросу все ещё остаются в центре внимания исследователей [8].

Мнения теоретиков и практиков по рассматриваемой проблематике расходятся, одни авторы позитивно восприняли эти новеллы, выражают солидарность с законодателем по реформированию Конституции РФ затрагивающих интересы муниципальных образований, другие считают, что снижаются гарантии обеспечения доступности местного населения на самоуправление [5, с. 25]. Ряд авторов полагают, что сохраняется стремление к централизации власти [3, с. 4].

Материалы и методы исследований

Любая реформа нацелена на совершенствование, повышение эффективности управления, надо полагать, конституционная реформа 2020 года была направлена для создания сильной державы и благополучия людей [11, с. 133]. Конституционная реформа наряду с иными уровнями власти затронула правовое положение, в том числе и органов местного самоуправления, которые оказались включенными в единую систему публичной власти.

Таким образом, возникла своеобразная правовая коллизия, с одной стороны, по нормам основного закона [4], органы местного самоуправления, самостоятельны, отделены от государственной власти, не входят в систему государственной власти с другой, органы местного самоуправления наряду с органами государственной власти входят в единую систему публичной власти (государственной власти). Помимо этого, возникает противоречие относительно положения конституции о том, что народ осуществляет свою власть не только через органы государственной власти, но и через органы местного самоуправления.

К этому тезису следует добавить, поскольку сама организация рассматриваемой публичной власти находится в исключительном ведении самой РФ, ряд авторов высказали опасения возможных угроз самостоятельности муниципального уровня власти, в действительности, не окажутся ли органы местного самоуправления инкорпорированными в вертикали государственной власти [7].

Возникает закономерный вопрос, можно ли рассматривать включение органов местного самоуправления в систему публичной власти на основе конституционной реформы 2020 года как переход формирования органов местного самоуправления от теории свободной общины к государственной теории развития местного самоуправления?

Думается, такие основания имеются, поскольку подобное имело место быть в советский период. В таком случае приходится констатировать не о местном самоуправлении в современной России, а об управлении на местах, исключая их самостоятельность.

За последнее время проводимая государственная политика назначения высшего должностного

лица муниципального образования его представительным органом, путем проведения конкурса, причем половину состава конкурсной комиссии определяет глава субъекта РФ, взамен демократических выборов привело к реальному снижению зависимости глав муниципалитетов от местных жителей, что свидетельствует об отступлении от принципа самостоятельности на местах.

Более того в обновленном Законе о местном самоуправлении [10] появилась новая норма в соответствии которой, Президент РФ может выразить недоверие главе муниципального образования [9], что свидетельствует об отступлении от принципа демократизма в процессе формирования муниципальной власти, данную тенденцию следует рассматривать как продолжение политики построения вертикали власти на всех уровнях.

Результаты и обсуждения

Либеральные идей заложенные законодателем в основном законе и законе о местном самоуправлении в начале 90-х годов прошлого столетия, безусловно, носили прогрессивный характер, были направлены на исключение возможности насилия со стороны государства на местном уровне, на реализацию принципа приближения власти к местному населению. Однако проведенный анализ состояния дел подтверждает, кажется, получилось наоборот.

Для справедливости ради отметим, ряд авторов, не разделяют такую позицию, в частности, уважаемый А.В. Колесников считает, что включение органов местного самоуправления в систему публичной власти является прогрессивным шагом, более того, залогом построения экономически сильного правового государства [2, с. 47].

Получается самостоятельность муниципальных образований, по мнению уважаемого автора, являлся тормозом для создания и правового и экономически развитого государства, что является неверной. Во-первых, по основному закону, Россия уже есть правовое государство. Во-вторых, муниципальные образования экономической самостоятельностью не обладали, вопросы местного значения решались в основном за счет дотаций и субвенций, выделяемых со стороны государства, поскольку налоговая база мизерная, муниципалитеты вправе оставить в своём распоряжении всего лишь три вида налогов: земельный налог; налог на имущество физических лиц и торговый сбор.

Для сравнения муниципалитеты в Германии вправе оставить в своем распоряжении промысловый, земельный и имущественный налоги, причем ставку промыслового налога с целью привлечения бизнеса на свою территорию вправе самостоятельно отрегулировать [6, с. 183-184]. Вправе участвовать в распределении иных видов налогов, устанавливают местные налоги и сборы.

Удалось ли сохранить статус самостоятельности муниципалитетов в условиях лишении их возможности регулирования ставок местных налогов и сборов, усиления влияния глав субъектов федерации и главы государства?

Вряд ли, наблюдается тенденция постепенного отхода от первоначальной политики народовластия, заложенной в начале 90-х годов, а именно построение народной власти на местах как института гражданского общества, в отсутствии которого не представляется возможным построения подлинного правового государства.

Выводы

Таким образом, с одной стороны, не представляется возможным игнорирование того, что конституционно-правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления находится в исключительном ведении самой РФ, федеральная власть создает систему публичной власти совместно с участием субъектов федерации, с другой не менее важным является сохранение демократии и на местном уровне.

Список источников

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». https://base.garant.ru

2. Колесников А.В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7. С. 44 – 49.

3. Колесников А.В. Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты: автореф. дис. … д-ра юрид. Наук. Саратов, 2022. 64 с.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). https://www.consultant.ru

5. Кустов С.С. Право на установление состава территории и границ муниципального образования: конституционно-правовые гарантии и практика реализации в городских округах (на материалах Сибирского федерального округа): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2021. 28 с.

6. Михалёва Н.В. Местное самоуправление в Германии // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). С. 177 – 185.

7. Петухов Р. Что поправки в Конституцию меняют в судьбе местного самоуправления // https://www.vedomosti.ru

8. Трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в условиях конституционной реформы: монография / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, С.А., Авакьяна; под общ. ред. Л.Т. Чихладзе, Е.Н. Хазова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023, 455 с.

9. Федеральный закон от 01.05.2019 N 87-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"// https://www.consultant.ru.

10. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». https://base.garant.ru.

11. Фёдоров Р.В., Филиппов М.Ю. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации – проблемы процессуального и содержательного характера // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 132 – 135.

References

1. Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 N 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. https://base.garant.ru

2. Kolesnikov A.V. Local self-government as an element of a unified system of public authority. Education and law. 2020. No. 7. P. 44 – 49.

3. Kolesnikov A.V. Local governments in a unified system of public authority: organizational and legal aspects: abstract of thesis. dis. ... Doctor of Law Sci. Saratov, 2022. 64 p.

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). https://www.consultant.ru

5. Kustov S.S. The right to establish the composition of the territory and boundaries of a municipality: constitutional and legal guarantees and implementation practice in urban districts (based on materials from the Siberian Federal District): abstract. dis. ...cand. legal sci. Chelyabinsk, 2021. 28 p.

6. Mikhaleva N.V. Local self-government in Germany. Leningrad Legal Journal. 2013. No. 4 (34). P. 177 – 185.

7. Petukhov R. What amendments to the Constitution change in the fate of local government. https://www.vedomosti.ru

8. Transformation of public legal regulation of local self-government in the context of constitutional reform: monograph. scientifically. ed. B.S. Ebzeeva, S.A., Avakyana; under general ed. L.T. Chikhladze, E.N. Khazova. M.: UNITY-DANA, 2023, 455 p.

9. Federal Law of May 1, 2019 N 87-FZ “On Amendments to the Federal Law “On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation”. https://www.consultant.ru.

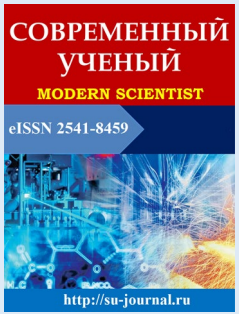
10. Federal Law of October 6, 2003 N 131-FZ “On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation”. https://base.garant.ru.

11. Fedorov R.V., Filippov M.Yu. Constitutional reform of 2020 in the Russian Federation – problems of a procedural and substantive nature. Education. The science. Scientific personnel. 2021. No. 4. P. 132 – 135.

Информация об авторе

Гатауллин З.Ш., доктор юридических наук, доцент, Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал; Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Гатауллин З.Ш., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.9
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-331-336

Некоторые проблемы, связанные с влиянием цифровых технологий на законодательство об административных правонарушениях

[1] Далевская Н.Н.

[1] Московский финансово-юридический университет

Аннотация: целью исследования является установление влияния цифровых технологий на законодательство об административных правонарушениях в сфере утечки персональных данных. Для решения поставленной задачи, автором был проведен анализ неопределенного круга лиц, на которых сказывается несанкционированная утечка ПД. Также автором выявлены последствия, возникающие в связи с утечкой информации. Одной из задач автора являлся анализ привлечения к административной ответственности лиц, участвующих в обработке ПД. Основной вывод: С учетом последствий, к которым может привести и приводит утечка ПД, а также неопределенного круга лиц, которых такая утечка ПД затрагивает или способна затронуть, представляется необходимым ужесточить административную ответственность лиц, занимающихся обработкой ПД, повысив административный штраф, предусмотренный ст. 13.11. КоАП РФ за нарушения законодательства в части соблюдения конфиденциальности и безопасности ПД, относящихся к утечке ПД. Результаты проведенного исследования могут способствовать принятию Законопроекта № 502104-8, позволяющему увеличить административные штрафы предусмотренных ст. 13.11. КоАП РФ и разграничивающий ответственность в зависимости от количества субъектов ПД в отношении которых произошла утечка.
Ключевые слова: административная ответственность, административный штраф, персональные данные, неопределенный круг лиц, последствия связанные с утечкой персональных данных, повышение ответственности лиц, занимающихся обработкой персональных данных

Для цитирования: Далевская Н.Н. Некоторые проблемы, связанные с влиянием цифровых технологий на законодательство об административных правонарушениях // Современный ученый. 2024. № 5. С. 331 – 336. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-331-336

Поступила в редакцию: 5 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Some problems related to the influence of digital technologies on legislation on administrative offense

[1] Dalevskaya N.N.

[1] Moscow University of Finance and Law

Abstract: the purpose of the study is to establish the impact of digital technologies on the legislation on administrative offenses in the field of personal data leakage. To achieve this goal, the author solved problems such as conducting an analysis of an indefinite circle of people who are affected by unauthorized leaks of personal data. Tak-

ing into account that PD is any information that allows you to identify a person and obtain information about him, such as: full name, date of birth, passport data, telephone numbers, registration address, bank account information, medical records, biometric data and much more, then a variety of people may be at risk in the event of a PD leak. The author also identified the consequences arising from information leakage. One of the author's tasks was to analyze the bringing to administrative responsibility of persons involved in data processing. Main conclusion: taking into account the consequences that a PD leak can and does lead to, as well as an indefinite number of persons whom such a PD leak affects or could affect, it seems necessary to tighten the administrative liability of entities involved in PD processing by increasing the administrative fine provided for in Art. 13.11. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for violations of legislation regarding compliance with confidentiality and security of personal data related to personal data leakage. The results of the study may contribute to the adoption of Draft Law No. 502104-8, which allows increasing the administrative fines provided for in Art. 13.11. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and delimiting liability depending on the number of subjects of personal data in relation to which a leak occurred.
Keywords: administrative liability, administrative fine, personal data, an indefinite number of persons, consequences associated with the leakage of personal data, increasing the responsibility of entities involved in the processing of personal data

For citation: Dalevskaya N.N. Some problems related to the influence of digital technologies on legislation on administrative offense. Modern Scientist. 2024. 5. P. 331 – 336. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-331-336

The article was submitted: April 5, 2024; Approved after reviewing: June 8, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Современный этап развития цивилизации характеризуется становлением и развитием цифровых технологий, которые активно интегрируются в различные сферы общественной жизни. Цифровизация охватывает широкий спектр деятельности общества и государства, постепенно проникая в их структуры.

Развитие информационных технологий и их внедрение в правовое пространство и в экономику страны стало одним из приоритетных направлений государственного управления, о чем свидетельствует принимаемые стратегические и программные документы [6, 7, 8].

Изложенные тенденции обосновывают необходимость повышения эффективности государственного управления в сфере утечки персональных данных для повышения безопасности, развития экономики и повышения конкурентоспособности страны на мировой арене

Ускоряющиеся темпы цифровизации не могли не затронуть такую отрасль права, как административное, а соответственно и законодательство об административных правонарушениях, что **актуализирует** тему настоящей статьи.

Проблемы связанные с влиянием цифровых технологий на законодательство об административных правонарушениях носят глобальных характер, поэтому **целью** исследования в настоящей статьи, прежде всего, являются проблемы связанные с административной ответственность лиц, обрабатывающих персональные данные, поскольку классические подходы к защите персональных данных нуждаются в постоянном пересмотре, чтобы соответствовать меняющимся реалиям, так как с развитием и глобализацией информационных технологий возникают новые объекты и механизмы защиты персональных данных.

Материалы и методы исследований

Для выявления проблемы, связанной с повсеместной цифровизацией, при которой, информация приобретает колоссальное значение в общественных отношениях, **использованы материалы, касающиеся** принципов защиты персональных данных (далее ПД), принятые в ЕС и нашедшие свое воплощение в Регламенте N 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС от 27 апреля 2016 г. (далее GDPR) [9].

Также автором было обращено внимание на то, что к моменту написания настоящей статьи, например, DPC (Комиссия по защите данных Ирландии) был проведен анализ процессов обработки данных WhatsApp, посредством, которого были выявлены административные правонарушения, повлекшие за собой наложение административного штрафа в размере 225 миллионов евро. Так DPC было выявлено, что WhatsApp не только не обеспечил надлежащую прозрачность для пользователей по использованию ПД, но также не достаточно полно проинформировал их о политике конфиденциальности [10].

Кроме того, тем же надзорным органом Ирландии, был наложен штраф в размере на 405 миллионов евро на Instagram, которым были нарушены

правила обработки данных детей от 13 до 17 лет без правовых оснований и были размещены в открытом доступе [11].

Не менее интересным представляются материалы, обнаруженные AEPD (Испанским органом по защите ПД), наложившему административные штраф в размере 10 миллионов евро на Google, обнаружив передачу ПД без разрешения субъектов этих данных [12], исследовательскому проекту Lumen, базирующемуся в США. Помимо этого AEPD усложнило процедуру удаления ПД, предоставив субъектам, желающим удалить свои ПД, для заполнения сложную для заполнения форму, что противоречило как национальному законодательству, так и действующему в Испании GDPR.

Итальянская компания **Uber** (обслуживающая поездки)**, также была подвергнута административному штрафу** 4,24 миллиона евро [13], допустив утечку ПД. В результате в открытом доступе оказалась информация, касающаяся не только личной информации, относящейся к именам и фамилиям, но и информация, касающаяся номеров телефона и электронной почты, а также иные учетные данные.

Известно, что для России проблема утечки ПД, является злободневной. В этой связи данной проблеме следует уделить наиболее пристальное внимание, поскольку от обеспечения безопасности ПД зависит национальная безопасность и экономика нашего государства, а также личная безопасность граждан.

Методом научного исследования является способ опытного познания данного явления. Исследование проведено на основе методов сравнительно-правового, системно-структурного, а также метода научного абстрагирования, позволяющего изучать явления в развитии и выявлять причинно-следственные связи. Для определения методологии исследования по обозначенной теме произведен сбор информации по теме, а также ее плотное и доскональное изучение. Являясь этапом познания, сбор информации связан с накоплением и упорядочиванием данных.

Результаты и обсуждения

Цифровизация общественных отношений, движущаяся семимильными шагами, уже в настоящее время приобрела такой размах, что даже люди, далекие от информационных технологий втянуты в процесс происходящих преобразований. Данное высказывание можно обосновать таким довольно простым примером, как получение новорождённым индивидуального номера налогоплательщика (ИНН), который присваивается автоматически на основании сведений о рождении ребёнка, поскольку ПД при выдаче ИНН сразу заносятся в информационные базы данных.

Требования по соблюдению конфиденциальности и безопасности ПД, прежде всего, изложены в Федеральном законе от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» [5] (далее Закон N 152-ФЗ), а также предусмотрены отраслевым законодательством [например: 2; 3: 4 и т.д.].

За несоблюдение требований в сфере ПД и за невыполнение обязанностей, лица, занимающиеся обработкой данных в соответствии с положениями КоАП РФ [1], могут быть привлечены к административной ответственности. Таким образом, КоАП РФ стоит на страже в отношении защиты базовых прав и свобод человека на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

При этом лица, занимающиеся обработкой ПД, зачастую не справляются с возложенной на них ответственностью. Так, например, только за два первых месяца 2024 года Роскомнадзором (далее РКН) было выявлено 19 утечек ПД, что составило только в праздничные дни 116,5 млн. строк ПД, из которых 115,2 млн. пришлось на финансовый сектор [14], а также такие сферы как ретейл, телеком и госсектор.

В этом же году проверка РКН сайтов компаний, также дала свои результаты из 5,8 тыс. проверенных сайтов, были выявлены правонарушения в сфере соблюдения обязательных требований закона, у 4 тысяч [15].

В 2023 году РКН было выявлено по результатам внеплановых проверок, в 37 случаях их 39 в факт утечки ПД, по которым судами были назначены административные штрафы на сумму около 3,7 млн. рублей [16].

Стоит указать, что среди компаний, допустивших утечку ПД РЖД [17], «СберСпасибо», онлайн-платформы правовой помощи «СберПраво», «СберЛогистики», «Уралсиб», Уральский банк реконструкции и развития, «Ак Барс» банк, Росбанк, образовательный портал «GeekBrains», торговые площадки «Леруа Мерлен», «Аскона», «Буквоед», «Ашан» и т.д. [18] .

При этом размер административных штрафов установленных законодателем в отношении ПД, явно не соответствует последствиям, к которым такая утечка может привести.

С учетом того, что ПД – это любая информация, которая позволяет идентифицировать человека и получить сведения о нем, такие, как: ФИО, дата рождения, паспортные данные, номера телефонов, адреса постоянной и временной регистрации или пребывания, сведения о банковских счетах, медицинские записи, биометрические данные

и многое другое, – то в группе риска при утечке ПД могу оказаться самые разные субъекты персональных данных, данные которых обрабатываются.

Среди них лица:

- использующие банковские карты, в том числе владельцы пенсионных накоплений и вкладчики банков;
- получающие медицинские услуги, в том числе обратившиеся в больницы и аптеки;
- состоящие в отношениях с государственными органами, например, обращающиеся в Пенсионный фонд, ФНС, МВД, Россдравнадзор и т.п.
- обращающиеся к онлайн-площадкам, в том числе маркетплейсам;
- владельцы недвижимости;
- прибегающее к услугам транспортных компаний;
- получающее образовательные услуги;
- обращающиеся в HR- агентства в поисках работы:
- пользующиеся различными сервисными услугами и т.д.

Это далеко не исчерпывающий перечень лиц, которые могут пострадать при утечке ПД.

Последствия утечки ПД, также могут быть различными и весьма серьезными:

- Мошенничество: кража денег с банковской карты, оформление кредитов на имя субъекта ПД, получение доступа к аккаунтам субъекта ПД;
- Шантаж: угроза распространения конфиденциальной информации, в том числе потеря репутации при распространении компрометирующей информации;
- Незаконное слежение: отслеживание перемещений субъекта ПД, его покупок, звонков;
- Спам;
- Угрозы безопасности, вплоть до причинения физического вреда, как субъекту ПД, так и его близким людям.

При утечке ПД, самый минимальный риск для субъекта ПД, это неправомерная передача сведений с целью предоставления ему рекламных объявлений.

С учетом вышеуказанных данных, представляется необходимым ужесточить административную ответственность лиц, занимающихся обработкой ПД, повысив административный штраф, предусмотренный ст. 13.11. КоАП РФ за нарушения законодательства в части соблюдения конфиденциальности и безопасности ПД, относящихся к утечке ПД.

Следует поддержать Законопроект № 502104-8 [20] внесенный сенаторами РФ А.А.Турчак, А.А. Клишас, И.В. Рукавишникова, К.К. Долгов, А.Г. Шейкин; Депутаты Государственной Думы А.Е. Хинштейн, И.А. Панькина, Д.Ф. Вяткин, А.И. Немкин и прошедший первое чтение касающийся увеличения административных штрафов предусмотренных ст. 13.11. КоАП РФ и разграничивающий ответственность в зависимости от количества субъектов ПД в отношении которых произошла утечка. Законопроект также предусматривает случай повторного правонарушения, за которое для юридических лиц может наступить ответственность от одной десятой процента до трех процентов совокупного размера суммы выручки, но не менее 15 миллионов и не более 500 миллионов рублей.

Следует отметить, что, как представляется, лицами, которыми была внесена данная законодательная инициатива, был учтен хоть и непродолжительный, но все же опыт GDPR, которым предусматривается дифференцированный подход к назначению административных штрафов. При этом дифференциация, используемая в Законопроекте №502104-8, имеет свои реалии исходя из особенностей правовой системы России.

И хотя группа банков выступила против определения штрафа до 500 млн. рублей за утечку ПД своих клиентов [19], направив соответствующие возражения в ЦБ РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, а также Госдуму, представляется, что данный Законопроект уже нашел свой отклик и будет принят в качестве изменений к КоАП РФ, поскольку размеры предусмотренных в нем административных штрафов, сподвигнут фирмы, для производства необходимого инвестирования в информационную безопасность.

Выводы

С учетом последствий, к которым может привести и приводит утечка ПД, а также неопределенного круга лиц, которых такая утечка ПД затрагивает или способна затронуть, представляется необходимым ужесточить административную ответственность лиц, занимающихся обработкой ПД, повысив административный штраф, предусмотренный ст. 13.11. КоАП РФ за нарушения законодательства в части соблюдения конфиденциальности и безопасности ПД, относящихся к утечке ПД.

Автор полностью поддерживает законодательную инициативу, выраженную в

Законопроекте №502104-8 и выражает надежду, что обращение группы банков, возражающих против увеличения административного штрафа в связи с утечкой ПД, не найдет отклика у законодателя.

Список источников

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»// «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901.
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения: 18.03.2024)
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 31.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» // «Собрание законодательства РФ», 05.05.2014, N 18 (часть II), ст. 2159.
9. Регламент N 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // Official Journal of the European Union N L 119. 04.05.2016. P. 1.
10. Приложение с секретом: почему WhatsApp меняет политику приватности. URL: https://iz.ru/1139578/igor-karmazin/prilozhenie-s-sekretom-pochemu-whatsapp-meniaet-politiku-privatnosti (дата обращения: 03.03.2024)
11. Ирландия назначила штраф Instagram на рекордную сумму 405 млн. евро. URL: https://www.securitylab.ru/news/533765.php?ysclid=lwzdihvprw661204920 (дата обращения: 03.03.2024)
12. В Испании оштрафовали Google на десять миллионов евро. URL: https://ria.ru/20220518/google-1789215699.html?ysclid=lwzds07b3f964028894 (дата обращения: 03.03.2024)
13. Uber оштрафовали за массовую утечку данных пользователей. URL://https://pravo.ru/news/207161/?ysclid=lwzehkf0tf202857858 (дата обращения: 03.03.2024)
14. РКН: с начала 2024 года выявлено 19 утечек персональных данных россиян. URL: https://habr.com/ru/news/793462/(дата обращения: 04.03.2024)
15. В 2023 году сумма штрафов за утечку персональных данных составила 3,7 млн рублей. URL: https://n-pdn.ru/news/v-2023-godu-summa-shtrafov-za-utechku-personalnih-dannih-sostavila-37-mln-rubley-/?ysclid=lx08ki7maa342380400 (дата обращения 04.03.2024)
16. Суды в 2023 г. за утечки персональных данных назначили штрафы на 3,7 млн рублей. URL: https://www.interfax.ru/russia/927157 (дата обращения 03.03.2024)
17. Сайт и приложение РЖД подверглись массированной хакерской атаке. URL: https://ria.ru/20230705/rzhd-1882317620.html?ysclid=lp14euibrl568822167 (дата обращения: 03.03.2024)
18. Самые крупные кибератаки 2023 года. URL: https://blog.cortel.cloud/2023/ 09/14/samye-krupnye-kiberataki-2023-goda/?ysclid=lp142jsjv2503011280 (дата обращения: 04.03.2024)
19. Российские банки против оборотного штрафа до 500 млн рублей за утечку персональных данных клиентов. URL: https://finance.rambler.ru/business/52234500/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 03.03.2024)
20. Законопроект №502104-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8?ysclid=lx0cnsskmp341206191 (дата обращения: 04.03.2024)

References

1. "Code of the Russian Federation on Administrative Offences" dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on April 22, 2024). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 01/07/2002, N 1 (Part 1), Art. 1.

2. "Labor Code of the Russian Federation" dated December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on June 28, 2021). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 01/07/2002, N 1 (Part 1), Art. 3.

3. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on June 28, 2021). "Collection of Legislation of the Russian Federation", December 5, 1994, N 32, Art. 3301.

4. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 06/11/2021). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 06/17/1996, N 25, Art. 2954.

5. Federal Law of July 27, 2006 N 152-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Personal Data". "Collection of Legislation of the Russian Federation", 07/31/2006, N 31 (1 part), Art. 3451.

6. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/09/2017 N 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030". "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/15/2017, N 20, Art. 2901.

7. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation." URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (access date: 03/18/2024)

8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/15/2014 N 313 (as amended on 03/31/2021) "On approval of the state program of the Russian Federation "Information Society". "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/05/2014, N 18 (part II), art. . 2159.

9. Regulation No. 2016/679 of the European Parliament and of the Council of the European Union "On the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, as well as repealing Directive 95/46/EC (General Regulation on the Protection of Personal Data)" [rus ., English] (Adopted in Brussels on 04/27/2016). Official Journal of the European Union N L 119. 05/04/2016. P. 1.

10. An app with a secret: why WhatsApp is changing its privacy policy. URL: https://iz.ru/1139578/igor-karmazin/prilozhenie-s-sekretom-pochemu-whatsapp-meniaet-politiku-privatnosti (access date: 03/03/2024)

11. Ireland imposed a fine on Instagram for a record amount of 405 million euros. URL: https://www.securitylab.ru/news/533765.php?ysclid=lwzdihvprw661204920 (access date: 03/03/2024)

12. In Spain, Google was fined ten million euros. URL: https://ria.ru/20220518/google-1789215699.html?ysclid=lwzds07b3f964028894 (access date: 03/03/2024)

13. Uber was fined for a massive leak of user data. URL://https://pravo.ru/news/207161/?ysclid=lwzehkf0tf202857858 (date of access: 03/03/2024)

14. RKN: since the beginning of 2024, 19 leaks of personal data of Russians have been identified. URL: https://habr.com/ru/news/793462/(access date: 03/04/2024)

15. In 2023, the amount of fines for leaking personal data amounted to 3.7 million rubles. URL: https://n-pdn.ru/news/v-2023-godu-summa-shtrafov-za-utechku-personalnih-dannih-sostavila-37-mln-rubley-/?ysclid=lx08ki7maa342380400 (date accessed 04.03. 2024)

16. In 2023, courts imposed fines of 3.7 million rubles for personal data leaks. URL: https://www.interfax.ru/russia/927157 (date accessed 03/03/2024)

17. The Russian Railways website and application were subject to a massive hacker attack. URL: https://ria.ru/20230705/rzhd-1882317620.html?ysclid=lp14euibrl568822167 (date of access: 03/03/2024)

18. The largest cyber attacks of 2023. URL: https://blog.cortel.cloud/2023/09/14/samye-krupnye-kiberataki-2023-goda/?ysclid=lp142jsjv2503011280 (access date: 03/04/2024)

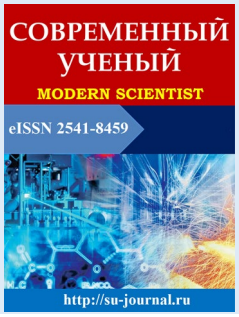
19. Russian banks are against a turnover fine of up to 500 million rubles for leaking clients' personal data. URL: https://finance.rambler.ru/business/52234500/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (access date 03/03/2024)

20. Bill No. 502104-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502104-8?ysclid=lx0cnsskmp341206191 (access date: 03/04/2024)

Информация об авторе

Далевская Н.Н., Московский финансово-юридический университет, lokyluten@gmail.com

© Далевская Н.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 343.131.5
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-337-342

Преодоление адвокатской тайны, путем допроса адвоката как угроза реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи

[1] Печерин А.Е.

[1] Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Аннотация: в данном исследовании основное внимание уделяется анализу концепции адвокатской тайны и обсуждению возникающих проблем, связанных с вызовом адвоката на допрос в качестве свидетеля по делам доверителей. Исследуется, как такие действия могут нарушать конфиденциальность профессиональной деятельности адвокатов и подрывать конституционные права граждан на доступ к качественной юридической помощи. Цели исследования включают в себя идентификацию и анализ последствий для доверительных отношений между адвокатом и доверителем, а также для функционирования системы правосудия. Задачи исследования охватывают анализ законодательных актов, касающихся адвокатской тайны, изучение судебных решений и выявление случаев, когда допрос адвокатов приводил к нарушению адвокатской тайны. Результаты исследования предполагают разработку предложений по улучшению законодательства для усиления защиты адвокатской тайны. В конечном итоге, исследование направлено на повышение эффективности защиты юридических прав граждан и укрепление доверия к системе правосудия.
Ключевые слова: адвокат, конфиденциальность адвоката, свидетельский иммунитет адвоката, адвокатская тайна, доверительные отношения, судебная практика

Для цитирования: Печерин А.Е. Преодоление адвокатской тайны, путем допроса адвоката как угроза реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи // Современный ученый. 2024. № 5. С. 337 – 342. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-337-342

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Overcoming attorney-client privilege by questioning an attorney as a threat to the realization of the constitutional right to qualified legal assistance

[1] Pecherin A.E.

[1] V.F. Yakovlev Ural State Law University

Abstract: this study focuses on analysing the concept of the attorney-client privilege and discussing the emerging problems associated with the summoning of a lawyer for questioning as a witness in the cases of fiduciaries. It explores how such actions may violate the confidentiality of lawyers' professional activities and undermine the constitutional rights of citizens to access quality legal assistance. The objectives of the study include identifying and analysing the implications for the fiduciary relationship between lawyer and client, as well as for the functioning of the justice system. The objectives of the study cover the analysis of legislative acts relating to attorney-client privilege,

the study of court decisions and the identification of cases where the questioning of lawyers led to a violation of attorney-client privilege. The results of the study involve the development of proposals for improving legislation to enhance the protection of the attorney-client privilege. Ultimately, the research aims to improve the effectiveness of the protection of citizens' legal rights and build confidence in the justice system.
Keywords: lawyer, attorney-client privilege, attorney-client privilege, testimonial immunity of a lawyer, attorney-client privilege, fiduciary relationship, judicial practice

For citation: Pecherin A.E. Overcoming attorney-client privilege by questioning an attorney as a threat to the realization of the constitutional right to qualified legal assistance. Modern Scientist. 2024. 5. P. 337 – 342. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-337-342

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Ключевым аспектом, отличающим конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи от стандартной юридической услуги, является квалификация лица, предоставляющего эту поддержку. Термин «квалифицированная юридическая помощь» закреплён в нормативных актах – Федеральном законе РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (ФЗ № 63) и Кодексе профессиональной этики адвоката. Большинством ученых [1, с. 4-5; 6; 7] сама по себе квалифицированность юридической помощи зачастую рассматривается через совокупность характеристик, которыми наделен субъект ее оказания (наличие необходимых профессиональных умений, личностных качеств и т.д.). Однако оказание квалифицированной юридической помощи в отсутствие гарантий, обеспечивающих конфиденциальность общения адвоката с доверителем, нельзя считать возможным. Равно как и невозможной в таком случае остается реализация соответствующего конституционного права. Иное истолкование фактически создавало бы ситуацию неопределенности для гражданина – т.к. передача информации адвокатом в адрес третьих лиц, которая стала ему известной в ходе конфиденциального общения с Доверителем очевидно может привести к наступлению для последнего негативных последствий. Именно, в связи с этим положениями статьи 8 ФЗ № 63 и КПЭА закреплено понятие адвокатской тайны.

Понятие адвокатской тайны, закреплённое в части 1 статьи 8 Федерального закона № 63, охватывает всю информацию, полученную адвокатом в процессе оказания юридической помощи (условия соглашения, в том числе и финансовые; содержание правовых советов предоставленных адвокатом и т.д.) [4, с. 80; 5, с. 50].

Материалы и методы исследований

Материалы:

- Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (ФЗ № 63).
- Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА).
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ).
- Определение Конституционного суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О.
- Научные статьи и труды, в том числе работы Ботнева В.К. и Ниматулаевой Р.А.
- Документы Федеральной палаты адвокатов (ФПА).
- Судебная практика и определения Конституционного суда РФ.

Использовались следующие методы:

- Анализ нормативных правовых актов для выявления правовых оснований и условий преодоления адвокатской тайны.
- Контент-анализ: Изучение научных публикаций и правоприменительной практики для выявления позиций различных авторитетных ученых и практиков.
- Кейс-стади: Анализ случаев вызова адвокатов на допрос в качестве свидетелей, для определения практических последствий и правовых коллизий.

Результаты и обсуждения

Можно поддержать утверждение В.К. Ботнева о том, что адвокатская тайна выполняет защитную роль для людей, ищущих юридическую помощь, и способствует реализации этого конституционного права. Аналогичную точку зрения в этом аспекте поддерживает и Р.А. Ниматулаева [2, с. 48].

Адвокат обладает свидетельским иммунитетом, который закреплён в части 2 статьи 8 Федерального закона №63 и статье 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Конституционный суд РФ также подчеркнул важность защиты адво-

катской тайны в своих решениях: постановление от 29 ноября 2010 года № 20-П, а также определении от 21 октября 2008 года № 673-О-О и от 8 ноября 2005 года № 439-О. Считается, что только при условии сохранения свидетельского иммунитета адвоката можно обеспечить защиту института адвокатской тайны [8].

Однако, в настоящее время в российском правовом пространстве реализуется механизм позволяющий преодолеть свидетельский иммунитет адвоката (применительно к делам его доверителей) путем вызова его на допрос в качестве свидетеля, после получения соответствующего постановления суда, как того требуют положения ч. 3 ст. 8 ФЗ № 63, при этом обязательность получения такого постановления следственными органами констатирована Конституционным судом РФ по тексту Определения от 11 апреля 2019 г. № 863-О. В частности, Конституционный суд отметил, что наличие обязательного судебного постановления является значимым т.к.:

- Указанное положение Федерального закона №63 целенаправленно создает дополнительные гарантии для лиц, которые имеют специальный правовой статус;
- Допрос адвоката, а равно совершение в отношении него иных процессуальных действий в отсутствие судебного постановления ставит под угрозу сохранение адвокатской тайны.

При этом Конституционный суд по тексту этого же определения отметил, что на сохранение адвокатской тайны, по его мнению, подобное преодоление свидетельского иммунитета адвоката, по существу, особого влияния не оказывает.

Статьей 8 ФЗ №63 установлено понятие адвокатской тайны, исходя из которого очевидно, что ей охватывается вся информация, полученная адвокатом в процессе оказания юридической помощи (условия соглашения, в том числе и финансовые; содержание правовых советов предоставленных адвокатом и т.д.) [9].

Вызовы адвокатов на допрос в качестве свидетелей не являются новым механизмом для следственных органов – подобные действия предпринимались еще более десяти лет назад. В связи с этим, Федеральная палата адвокатов (ФПА) разработала и утвердила «Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности», датированные 30 ноября 2009 года. Данный документ включает в себя однозначную позицию о неприемлемости таких действий и предоставляет детализированный алгоритм действий для адвокатов в ситуациях, когда они сталкиваются с настойчивыми попытками допроса со стороны следственных или других правоохранительных органов без наличия судебного постановления [10].

Согласно российскому законодательству, адвокат не может быть допрошен как свидетель по делам, информация о которых стала ему известна в процессе оказания юридической помощи. Это обеспечивает конфиденциальность информации, предоставленной ему, и гарантирует, что эта информация не будет использована против воли доверителя (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2007 года N 516-О-О).

В действующих условиях законодательный запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля, включая случаи, когда он выступал представителем или защитником, преодолевается путем получения соответствующего судебного решения, несмотря на вышеописанные законодательные нормы. Следует отметить, что такие действия направлены не только на обход свидетельского иммунитета адвоката, но и на понуждение его к разглашению адвокатской тайны по интересующим вопросам. При этом важно понимать, что свидетельский иммунитет адвоката и адвокатская тайна не являются тождественными понятиями.

Не случайно Адвокатская палата города Москвы 25 ноября 2022 года (далее – Рекомендации АП г. Москвы) приняла «Рекомендации Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов о действиях адвокатов при их вызовах на допросы в следственные органы, органы дознания и в суды». В этих рекомендациях описываются случаи, когда адвокаты вызываются на допросы, и подчеркивается, что адвокат обязан сохранять адвокатскую тайну, даже если на его допрос есть судебное постановление.

По существу, в настоящее время отсутствует нормативный акт, регулирующий процедуру вызова адвоката на допрос, в том числе и в случаях наличия судебного постановления. Тем не менее, из анализа как действующего правового регулирования, так и вышеобозначенной позиции Конституционного суда РФ можно выявить несколько обстоятельств, которые могут служить основанием для допроса адвоката в качестве свидетеля:

- Если адвокат стал свидетелем преступления, которое не связано с его профессиональной работой с клиентом.
- Если отношения между адвокатом и клиентом перестают быть исключительно юридическими и переходят в сферу совместных противоправных действий.

Следует подчеркнуть, что установленные в Определении Конституционного суда РФ от 11

апреля 2019 года №863-О критерии являются неоднозначными, отчасти их можно рассматривать как двусмысленные и нечеткие. Это позволяет правоохранительным органам трактовать их в свою пользу, что фактически нарушает законодательный запрет на допрос адвокатов по вопросам, связанным с их профессиональной деятельностью. Такое правоприменение с их стороны нарушает положения Конституции и подрывает доверие к принципу сохранения адвокатской тайны. Ситуация неопределенности в этой части осложняется и тем фактом, что само по себе разрешение на допрос адвоката не отменяет существования адвокатской тайны и не освобождает адвоката от обязательств по ее сохранению. Соответственно такое постановление суда лишь снимает с адвоката свидетельский иммунитет и таким образом санкционирует его допрос, но не касается иных вопросов, о которых сказано выше. Подобный подход следует из системного толкования положений КПЭА и ФЗ №63 и находит свое отражение в Рекомендациях АП г. Москвы. Иными нормативными документами (регулирующими больший объем правоотношений, выходящих за пределы регулирования деятельности адвокатского сообщества) данная ситуация никак не урегулирована. Такая ситуация, когда адвокат вызывается на допрос как свидетель, но одновременно не имеет права раскрывать информацию, являющуюся адвокатской тайной, ставит его перед серьезной угрозой. С одной стороны, он рискует быть подвергнут дисциплинарному взысканию, если его показания будут расценены как разглашение адвокатской тайны. С другой стороны, он может столкнуться с уголовной ответственностью по статье 308 УК РФ, если органы следствия сочтут, что им скрывается информация, имеющая значение для расследования конкретного уголовного дела.

Очевидно, что описанная ситуация в отсутствие полного нормативного регулирования, имеет слишком много противоречий, которые могут быть истолкованы совершенно различным образом, а равно представляет сторонам описанного спорного правоотношения слишком широкий диапазон усмотрения, который соответственно может толковаться в диаметрально противоположные стороны. Такая ситуация ставит вопрос сохранения адвокатской тайны (в целом, а не в каждом частном случае) в опасное положение, потенциальному сведению на нет данного важнейшего института.

Многие авторитетные ученые подчеркивают: каждый случай вызова адвоката на допрос проходит предварительное судебное рассмотрение. Это обеспечивает адвокатам все необходимые гарантии, о чем также неоднократно напоминал Конституционный суд РФ. Однако, случаи необоснованных допросов адвокатов, несмотря на наличие предварительного судебного контроля, к сожалению, не сокращаются. При этом зачастую как из ходатайств органов предварительного расследования, так и из судебных постановлений невозможно определить цель вызова адвоката на допрос, а также определить перечень интересующих следственные органы сведений. Вызов же адвоката на допрос «в связи с фактом оказания им юридической помощи кому-либо» по сути позволяет задать ему любой вопрос, игнорируя требования по сохранению адвокатской тайны. Подобное положение вещей является неправомерным, ставящим под угрозу конституционное право лица на получение квалифицированной юридической помощи. Очевидно, что, соответствующее ходатайство следователя проходя предварительный судебный контроль подлежит доскональной проверке, именно судом должен быть зафиксирован тот объем сведений/перечень вопросов, которые предполагает установить следователь в ходе допроса.

Автор убежден, что без сохранения адвокатской тайны, ее устойчивого соблюдения невозможно обеспечить реализацию конституционного права на юридическую помощь. Утрата конфиденциальности разрушит взаимное доверие между адвокатом и его доверителем, что в свою очередь неминуемо привлечет к ухудшению положения последнего, а также поставит под сомнение реализацию его конституционных прав.

Выводы

Исследование выявило:

1) Правовое регулирование адвокатской тайны: Адвокатская тайна в России регламентирована ФЗ № 63 и КПЭА, ей обеспечивается конфиденциальность данных, связанных с оказанием юридической помощи.

2) Иммунитет адвокатов от дачи свидетельских показаний закреплен частью 2 статьи 8 Федерального закона № 63 и статьей 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и относится к сведениям, полученным от доверителя в рамках оказания юридической помощи.

3) Механизм преодоления иммунитета: Ч. 3 ст. 8 ФЗ № 63 предусматривает возможность преодоления свидетельского иммунитета адвоката при наличии судебного постановления, что согласуется с позицией Конституционного суда РФ.

4) Проблемы правоприменения: Недостаточная регламентация процедуры вызова адвокатов на допрос на практике приводит к правовым

коллизиям и неопределенности, что подтверждается неоднозначностью критериев, установленных Конституционным судом в Определении от 11 апреля 2019 г. № 863-О.

5) Обоснованность гарантий: Преодоление адвокатской тайны способно разрушить доверие между адвокатом и доверителем, а также несомненно способно повлечь для последнего негативные последствия.

Особое внимание следует уделить мнению Конституционного суда РФ, который допускает, что преодоление свидетельского иммунитета адвоката в целом не оказывает существенного влияния на сохранение адвокатской тайны. Однако, данный подход вызывает критику со стороны научного сообщества и практикующих юристов, указывающих на потенциальные угрозы для правового института адвокатуры.

В заключение, считаем, что важной является разработка более четких и однозначных правовых механизмов, связанных с правовой регламентацией вызовов адвокатов на допрос в качестве свидетелей, обеспечивающих защиту адвокатской тайны и исключающих возможность ее произвольного преодоления.

Такой подход может обеспечить реализацию конституционных прав граждан.

Список источников

1. Баренбойм П., Резник Г., Мозолин В. Правовая реформа XXI века и адвокатура. М.: Юстицинформ, 2007. С. 4 – 5.
2. Бейбутов Д.А., Ниматулаева Р.А. Значение института адвокатской тайны // Закон и право. 2022. № 8. С. 32-38.
3. Ботнев В.К. Адвокатская тайна // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 4. С. 45 – 51.
4. Воробьев А.В. Можно ли доверять адвокату // Адвокатура. Государство. М.: Новая юстиция, 2006. С. 80 – 85.
5. Касаткина Е.М. Адвокатская тайна, как конституционно-правовая категория // Закон и право. 2021. № 6. С. 22 – 27.
6. Кудрявцев В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвокатов (защитников) в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы обеспечения: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009.
7. Смирнов К.В. О понятии квалифицированная юридическая помощь // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 12 – 18.
8. Лобанова Л.В. Некоторые проблемы уголовно-правового обеспечения гарантий независимости правозащитной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51). С. 62 – 67.
9. Рагулин А.В. Я – за открытый доступ в адвокатуру! Интервью с президентом Палаты адвокатов Республики Алтай Александром Петровичем Ганжой // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46). С. 10 – 15.
10. Ильин Д.В. Уголовно-процессуальные средства преодоления нарушений конституционных прав участников судопроизводства по делам, имеющим общественный резонанс // Социально-политические науки. 2021. № 6. С. 38 – 44.

References

1. Barenboim P., Reznik G., Mozolin V. Legal reform of the 21st century and the legal profession. M.: Justitsinform, 2007. pp. 4 – 5.
2. Beibutov D.A., Nimatulaeva R.A. The importance of the institution of attorney-client privilege. Law and Right. 2022. No. 8. P. 32-38.
3. Botnev V.K. Attorney-client privilege. Problems of economics and legal practice. 2010. No. 4. P. 45 – 51.
4. Vorobiev A.B. Can you trust a lawyer. Advocacy. State. M.: New Justice, 2006. P. 80 – 85.
5. Kasatkina E.M. Attorney-client privilege as a constitutional and legal category. Law and Right. 2021. No. 6. P. 22 – 27.
6. Kudryavtsev V.L. Implementation of the constitutional and legal institution of qualified legal assistance in the activities of lawyers (defenders) in Russian criminal proceedings: theoretical foundations and problems of support: dis. ... doc. legal Sci. M., 2009.
7. Smirnov K.V. On the concept of qualified legal assistance. Issues of Russian justice. 2021. No. 16. P. 12 – 18.
8. Lobanova L.V. Some problems of criminal law ensuring guarantees of independence of human rights activities. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (51). P. 62 – 67.

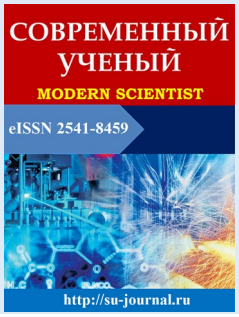
9. Ragulin A.V. I am for open access to the legal profession! Interview with the President of the Chamber of Lawyers of the Altai Republic, Alexander Petrovich Ganzha. Eurasian Advocacy. 2020. No. 3 (46). P. 10 – 15.

10. Ilyin D.V. Criminal procedural means of overcoming violations of the constitutional rights of participants in legal proceedings in cases that have a public resonance. Socio-political sciences. 2021. No. 6. P. 38 – 44.

Информация об авторе

Печерин А.Е., аспирант, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, apechyorinlaw@gmail.com

© Печерин А.Е., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 347.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-343-347

О существенных условиях договора инвестирования, заключаемого на цифровых инвестиционных платформах

[1] Саяпин С.П.

[1] Институт государства и права Российской академии наук

Аннотация: появление информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых платформ открыло новые горизонты в развитии инновационных и традиционных механизмов привлечения инвестиций. В 2019 году в целях регламентации инвестиционной деятельности на цифровых платформах в России был принят соответствующий федеральный закон. Вместе с тем, некоторые положения принятого закона, на наш взгляд, изначально были не достаточно ясно сформулированы и к настоящему времени так и не получили уточнения, в частности, п. 2 ст. 13, касающийся, в том числе, существенных условий договора инвестирования. На основе проведенного анализа, автор приходит к выводам о том, что к существенным условиям договора инвестирования следует относить условия о предмете и сроке договора, а также те условия, по которым по заявлению лица, привлекающего инвестиции, изложенным им в одностороннем порядке в инвестиционном предложении, необходимо прийти к соглашению.
Ключевые слова: договор, сделка, существенные условия, договор инвестирования, цифровые платформы, инвестирование, инвестиционная деятельность, цифровые инвестиционные платформы

Для цитирования: Саяпин С.П. О существенных условиях договора инвестирования, заключаемого на цифровых инвестиционных платформах // Современный ученый. 2024. № 5. С. 343 – 347. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-343-347

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On the essential terms of an investment agreement concluded on digital investment platforms

[1] Sayapin S.P.

[1] Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the emergence of information and telecommunication networks and digital platforms has opened new horizons in the development of innovative and traditional mechanisms for attracting investments. In 2019, in order to regulate investment activities on digital platforms, a corresponding federal law was adopted in Russia. At the same time, some provisions of the adopted law, in our opinion, were initially not formulated clearly enough and to date have not received clarification, in particular, paragraph 2 of Art. 13, concerning, among other things, the essential terms of the investment agreement. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the essential terms of the investment agreement should include the conditions on the subject and term of the agreement, as

well as those conditions for which, at the request of the person attracting investments, set out unilaterally in the investment proposal, an agreement must be reached.
Keywords: agreement, transaction, essential terms, investment agreement, digital platforms, investment, investment activity, digital investment platforms

For citation: Sayapin S.P. On the essential terms of an investment agreement concluded on digital investment platforms. Modern Scientist. 2024. 5. P. 343 – 347. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-343-347

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Появление информационно-телекоммуникационных сетей и цифровых платформ открыло новые горизонты в развитии как инновационных, так и традиционных механизмов привлечения инвестиций. В 2019 году, принят соответствующий федеральный закон [1] ознаменовавший начало правового регулировании деятельности инвесторов и лиц, привлекающих инвестиции, Банка России и иных лиц, участвующих в инвестиционных правоотношениях.

Материалы и методы исследований

Ввиду того, что все сделки на инвестиционных платформах осуществляются в электронно-цифровой форме, российской законодатель предусмотрел обязательность наличия на платформе специализированного электронного реестра договоров, установив определенные требования к его структуре и содержащимся в нем сведениям (п. 2 ст. 11): о сторонах, существенных условиях и о дате заключения каждого договора.

И если относительно первого и третьего пунктов, применительно к договорам инвестирования, серьезных вопросов может не возникать, то второй пункт, на наш взгляд, требует уточнения, ввиду того, что в тексте самого закона не содержится конкретного перечня существенных условий договора инвестирования. В связи с чем, может возникнуть правовая неопределенность – какие именно условия являются существенными для договора инвестирования, и, соответственно, что именно требуется включать в качестве существенных условий договора инвестирования требуется включать в реестр договоров оператора цифровой инвестиционной платформы?

Результаты и обсуждения

Договор инвестирования является соглашением между инвестором и лицом, привлекающим инвестиции, на основании которого последний получает инвестиции в инвестиционный проект. Не вызывает никаких сомнений, что на основании договоров инвестирования, заключаемых на цифровых инвестиционных платформах в соответствии с Федеральным законом № 259-ФЗ, возникают именно гражданско-правовые отношения (при этом в современной юридической доктрине совершенно верно отмечается, что гражданско-правовые отношения составляют лишь определенную часть из всего объема инвестиционных отношений [2, с. 156]), поскольку в ст. 5 закона совершенно ясно устанавливаются способы инвестирования, которые носят исключительно гражданско-правовой характер.

Общеизвестно, что инвестиционный договор не является отдельным видом договора, предусмотренным ГК РФ, а представляет собой особый правовой режим [3]. Поэтому, хотя легальное определение инвестиционного договора в законодательстве не содержится [4, с. 151], любой, предусмотренный гражданским законодательством договор, направленный на привлечение инвестиций, может быть признан инвестиционным. При этом следует отметить, что инвестиционная деятельность накладывает определенные особенности на предмет гражданско-правового договора, таким образом, что он, в некоторой степени, уточняется, и, нередко, расширяется. Важно, чтобы в предмете инвестиционного договора, в котором определяются основные действия сторон в отношении определенного объекта (имущества), и который определяет цель заключения договора, было обязательное указание на деятельность лица, характеризующую сам процесс инвестирования, т.е. на вложение инвестиций в объект инвестирования с целью получения прибыли или достижения иного полезного эффекта [5]. Как справедливо отмечает в своем диссертационном исследовании В.Н. Лисица для признания договора инвестиционным в нем должен обязательно присутствовать признак осуществления инвестиционной деятельности. Указанный признак характеризуется главным образом вложением инвестиций в объект инвестиционной деятельности [6, с. 275].

Вопрос о существенных условиях договора является важным, поскольку без их согласования договор будет считаться незаключенным, а права и обязанности сторон из такого договора не возникнут [7, с. 205]. Как указал Президиум Высшего

арбитражного суда Российской Федерации, требования закона к существенным условиям договора устанавливаются с целью недопущения неопределенности и разногласий [8].

Напомним, что п. 1 ст. 432 ГК РФ относит к существенным условиям договора условия о его предмете, ввиду того, что предмет договора определяет сущность соглашения сторон. Помимо этого, существенными должны быть признаны условия, которые названы в законе или иных правовых актах для данного вида договора, а также те условия, по которым по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Так, существенным условием договора займа является сумма займа. Договор денежного займа может быть признан незаключенным, если в нем не определено, какая сумма передается займодателем заемщику. Указание суммы займа определяет предмет данного договора, так как дает указание на объект (деньги, вещи, определенными родовыми признаками, ценные бумаги) и объем (количество) предоставления. Существенным условием договора купли-продажи является условие о товаре, а именно, о наименовании и количестве товара. Объектом договора купли-продажи в соответствии со ст. 454 ГК РФ могут быть вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права (в том числе цифровые права). Определение количества товара может быть осуществлено как через указание в соответствующих единицах измерения, так и через указание в денежном выражении (ст. 465 ГК РФ).

Поэтому предмет договора инвестирования должен включать в себя информацию об объекте и цели инвестирования, а также сведения о конкретных действиях сторон, которые осуществляются в рамках инвестирования (предоставление займа или приобретение эмиссионных ценных бумаг, утилитарных цифровых прав или цифровых финансовых активов). Так, если возникают правоотношения по поводу займа денежных средств, то помимо прочего, в предмете должна быть определена сумма займа. Если возникают правоотношения по купли-продаже, то в предмете договора инвестирования необходимо определить наименование и количество товара либо в единицах измерения, либо в денежном выражении.

Важно отметить, что инвестиционная деятельность тесно связана со сроками, поскольку от соблюдения сроков прямо зависит достижение цели инвестирования. У лица, привлекающего инвестиции при достижении цели инвестирования должен возникнуть определенный положительный результат. На практике нарушение сроков по инвестиционному договору является одним из самых распространенных нарушений договорных обязательств. Отсутствие в договоре инвестирования условия о сроке является основанием для вывода о незаключенности инвестиционного договора.

Как мы отметили выше п. 1 ст. 432 ГК РФ устанавливает, что существенными являются также условия, которые названы в законе или иных правовых актах для данного вида договора. Таких условий на данный момент для договора инвестирования в законе или иных правовых актах не названо.

Ввиду того, что договоры инвестирования заключаются с использованием информационных технологий и технических средств цифровой платформы особую важность в определении существенных условий договора инвестирования приобретает инвестиционное предложение, лица, привлекающего инвестиции. Инвестиционное предложение является ни чем иным как офертой, которая публикуется на цифровой платформе и предназначена для ознакомления инвесторов с ее текстом [9, с. 52; 10, с. 38]. Таким образом, в соответствии с нормой п. 1 ст. 432 ГК РФ инвестиционное предложение будет считаться заявлением одной из сторон, в данном случае, заявлением лица, привлекающего инвестиции, а инвестор, в свою очередь, вправе либо в полной мере принять заявленные условия инвестиционного предложения (т.е. принять их в целом), либо отказаться от предложенных условий инвестирования в данный конкретный инвестиционной проект вовсе. Инвестиционное предложение (оферта) в соответствии с п. 1 ст. 13 Федерального закона №259-ФЗ акцептируется только путем принятия всех без исключения условий лица, привлекающего инвестиции, т.е. путем присоединения. Поэтому инвестор не вправе согласовывать условия, т.е. у него отсутствует возможность делать встречную оферту лицу, привлекающему инвестиции.

Выводы

Изложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Реестр договоров оператора цифровой инвестиционной платформы должен содержать сведения о предмете договора инвестирования, при этом, предмет договора инвестирования в силу особенностей инвестиционной деятельности должен включать в себя информацию об объекте и цели инвестирования, а также, действиях, которые определяют саму суть инвестирования в заявленный объект инвестирования (предоставление займа или приобретение эмиссионных ценных бумаг, утилитарных цифровых прав или цифровых финансовых активов). Так, если возникают правоотношения по поводу займа денежных средств, то помимо прочего, в предмете должна быть опреде-

лена сумма займа. Иначе, если возникают правоотношения по купли-продаже, то в предмете договора необходимо определить наименование и количество товара либо в единицах измерения, либо в денежном выражении.

С предметом тесно связано другое существенное условие договора инвестирования – срок. Срок договора является существенным условием для всех инвестиционных соглашений.

Помимо этого, существенными условиями будут признаны и те, обязательное достижение согласия по которым заявлено лицом, привлекающем инвестиции в одностороннем порядке в инвестиционном предложении в рамках цифровой инвестиционной платформы.

Список источников

1. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31, ст. 4418.

2. Вдовин И.А. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности: Исторический и теоретико-правовой анализ: дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 388 с.

3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.10.2019 № Ф09-6467/19 по делу № А76-25655/2018.

4. Глинщикова Т.В. Юридическая природа инвестиционных соглашений // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 1 (35). С. 150 – 155.

5. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9, ст. 1096.

6. Лисица В.Н. Гражданско-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений, осложнённых иностранным элементом: дис. ... докт. юридич. наук / Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. Новосибирск, 2013. 417 с.

7. Хайруллина А.М. Инвестиционный договор: понятие и существенные условия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культорология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 203 – 206.

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2011 № 13970/10 по делу № А46-18723/2008 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.

9. Карцхия А.А. Актуальные аспекты законодательства о цифровых правах. М.: Фонд развития правовой культуры, 2021. 96 с.

10. Гаврин Д.А. Особенности правового регулирования инвестиционных платформ // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 33 – 41.

References

1. Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ (as amended on 04.08.2023) “On attracting investments using investment platforms and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. SZ RF. 2019. No. 31, art. 4418.

2. Vdovin I.A. Mechanism of legal regulation of investment activity: Historical and theoretical-legal analysis: dis. ... doc. legal Sci. St. Petersburg, 2002. 388 p.

3. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated October 17, 2019 No. F09-6467/19 in case No. A76-25655/2018.

4. Glinshchikova T.V. Legal nature of investment agreements. Leningrad legal journal. 2014. No. 1 (35). P. 150 – 155.

5. Federal Law of February 25, 1999 No. 39-FZ (as amended on December 25, 2023) “On investment activity in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments”. SZ RF. 1999. No. 9, art. 1096.

6. Lisitsa V.N. Civil law mechanism for regulating investment relations complicated by a foreign element: dis. ... doc. legal Sciences. Place of defense: Institute of Legislation and Comparison. jurisprudence under the Government of the Russian Federation. Novosibirsk, 2013. 417 p.

7. Khairullina A.M. Investment agreement: concept and essential condition. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 11 (25): in 2 parts. Part 1. P. 203 – 206.

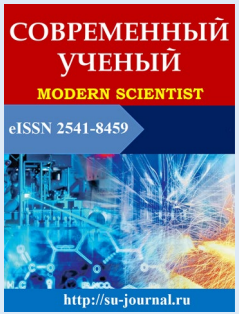
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 02/08/2011 No. 13970/10 in case No. A46-18723/2008. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. No. 5.

9. Kartskhia A.A. Current aspects of digital rights legislation. M.: Foundation for the Development of Legal Culture, 2021. 96 p.
10. Gavrin D.A. Features of legal regulation of investment platforms. Russian law: education, practice, science. 2022. No. 1. P. 33 – 41.

Информация об авторе

Саяпин С.П., младший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права, Институт государства и права Российской академии наук, spsayapin@yandex.ru

© Саяпин С.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.721
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-348-356

Исследование правовых инструментов защиты интересов миноритарных участников обществ с ограниченной ответственностью

[1] Струченко О.П.

[1] Новосибирский государственный университет

Аннотация: цель научной статьи провести обзор и анализ норм законодательства Российской Федерации, регламентирующих деятельность обществ с ограниченной ответственностью на предмет поиска инструментов защиты законных интересов и прав миноритарных участников обществ с ограниченной ответственностью.
Материалы и методы: Проведен обзор литературных источников и анализ норм законодательства Российской Федерации, регламентирующих деятельность обществ с ограниченной ответственностью, а также анализ судебных актов и результатов опроса участников обществ с ограниченной ответственностью.
Результаты: В результате анализа норм законодательства и сопоставления данных, полученных в результате данного анализа, с результатами опроса участников обществ с ограниченной ответственностью разработаны алгоритмы применения правовых инструментов, позволяющих защитить законные интересы миноритарных участников обществ с ограниченной ответственностью.
Выводы: Исходя из конкретного запроса миноритарного участника, в целях защиты его законных интересов надлежит выявить право или обязанность, установленную для участников общества с ограниченной ответственностью федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью», на которые необходимо влиять и, либо видоизменять положения устава, влияющие на данную область прав и обязанностей до достижения требуемого положения, либо видоизменять права и обязанности участников через корпоративный договор в нужном ключе.
Ключевые слова: миноритарный участник, общество с ограниченной ответственностью, защита законного интереса миноритариев, правовые инструменты

Для цитирования: Струченко О.П. Исследование правовых инструментов защиты интересов миноритарных участников обществ с ограниченной ответственностью // Современный ученый. 2024. № 5. С. 348 – 356. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-348-356

Поступила в редакцию: 6 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Research of legal instruments for protecting the interests of minority members of a limited liability company

[1] **Struchenko O.P.**

[1] ***Novosibirsk State University***

Abstract: the purpose of the scientific article is to review and analyze the norms of the legislation of the Russian Federation regulating the activities of limited liability companies in order to find tools to protect the legitimate interests and rights of minority participants in limited liability companies.
Materials and methods. A review of literary sources and an analysis of the norms of the legislation of the Russian Federation regulating the activities of limited liability companies, as well as an analysis of judicial acts and the results of a survey of participants in limited liability companies.
Results. As a result of the analysis of legal norms and the comparison of the data obtained as a result of this analysis with the results of a survey of participants in limited liability companies, algorithms for the application of legal instruments have been developed to protect the legitimate interests of minority participants in limited liability companies.
Conclusions. Based on the specific request of a minority participant, in order to protect its legitimate interests, it is necessary to identify the right or obligation established for participants of a limited liability company by the federal law "On Limited Liability Companies", which must be influenced and, or modify the provisions of the charter affecting this area of rights and obligations until the required provision is reached, or modify the rights and obligations of participants through a corporate agreement in the right way.
Keywords: minority participant, limited liability company, protection of the legitimate interest of minority shareholders, legal instruments

For citation: Struchenko O.P. Research of legal instruments for protecting the interests of minority members of a limited liability company. Modern Scientist. 2024. 5. P. 348 – 356. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-348-356

The article was submitted: April 6, 2024; Approved after reviewing: June 9, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

На сегодняшний день общество с ограниченной ответственностью – самая распространённая форма ведения малого и среднего бизнеса. Данный вывод подтверждается сведениями о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.04.2024, опубликованный Федеральной налоговой службой [15].

Привлекательность общества с ограниченной ответственностью для бизнес-среды заключается, выражаясь фигурально, в простоте эксплуатации данной правовой формы. Однако главная практическая проблема состоит в несовпадении ожидания бизнесменов и взгляда законодателя на роль участника общества с ограниченной ответственностью. Данный факт подтверждается проведенными интервью с более чем 100 участниками обществ с ограниченной ответственностью, которые показали (рис. 1), что стандартная законодательная зона влияния участника на деятельность общества с ограниченной ответственностью не удовлетворяет участников бизнес-среды (инвесторов бизнеса).

Рис. 1. Результаты интервью с участниками обществ с ограниченной ответственностью. *Примечание. В опросе приняли участие 110 человек – участников ООО: 6% – устраивает модель роли участников, предусмотренная законом; 84% – изучал тему, возможности участников, предусмотренные законом, слишком малы недостаточна; 10% – не разбираюсь совсем. Работаю на законной модели без проблем.*
Fig. 1. Results of interviews with participants of limited liability companies. *Note. 110 people – LLC participants – took part in the survey: 6% – are satisfied with the model of the role of participants provided for by law; 84% – studied the topic, the opportunities for participants provided by law are too small and insufficient; 10% – I don't understand it at all. I work on a legal model without problems.*

Следующим аспектом являются проведенные исследования инвесткомпании А1 и Московской школы управления Сколково, которые показали, что в 2021 году индекс роста корпоративных конфликтов достиг пиковых значений [16]. Поэтому поиск нестандартных правовых моделей построения правоотношений между партнерами, ведущими бизнес совместно, является одной из самых актуальных тем в корпоративном праве на сегодняшний день.

Многие авторы исследовали в своих работах тему правового регулирования прав участников обществ с ограниченной ответственностью и приходили к мнению о том, что единственными правовыми инструментами, позволяющими создать дополнительную защиту прав и законных интересов участников являются устав и корпоративный договор. Так, например, работа М.В. Вронской [4] и Е.О. Василенко содержит в себе выводы о том, что устав и корпоративный договор являются единственными инструментами изменения законной модели прав участников [5, с. 202]. Отличительная черта данной работы в том, что в ней проведен анализ данных правовых инструментов с акцентом на их использование в целях создания полноценной модели защиты в том числе путем совместного применения, а также универсальный алгоритм выявления необходимого инструмента.

Таким образом, целью настоящей статьи стало исследование правовых инструментов, позволяющих защитить интересы миноритарных участников обществ с ограниченной ответственностью.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели в данной статье автором проведен обзор и исследование научных публикаций, а также возможностей законодательства Российской Федерации в части изменения конфигурации прав участников общества с ограниченной ответственностью и их реализации с целью поиска правовых возможностей защиты интересов миноритарных участников.

В статье приведены алгоритмы решения конкретных практических проблем в зависимости от запросов инвестора, а также проведен подробный разбор механизма данных алгоритмов благодаря чему данная статья приобретает практическую значимость для практикующих корпоративных юристов.

Результаты и обсуждения

Необходимо отметить, что тема исследования очень обширна, поэтому в данной статье освещена небольшая часть примеров решения конкретных проблем, однако, при этом продемонстрирован общий принцип включения в работу правовых инструментариев, который позволит конструировать решение любой конкретной ситуации.

Так, как показали исследования автора, инвесторы отводят участнику общества с ограниченной ответственностью главенствующее место с почти безграничной властью, тогда как законодатель «в заводской настройке» модели общества,

описанной в ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», отводит участнику узкую нишу, с которой тотальный контроль участника над обществом затруднителен. При этом в стандартной законодательной модели права участников не зависят от размера доли в уставном капитале, однако, практика обнажает правовую слабость участника с долей менее 51%.

Термин «миноритарный участник» происходит от англ. minor – малозначимый, несущественный. Над раскрытием понятия «миноритарный участник» работали в своих трудах многие авторы. Одним из значимых научных исследований определения «миноритарный участник» является труд Е.И. Кожевниковой и Н.К. Малой. Как правильно отмечено данными авторами термин «миноритарный участник» отсутствует в законодательных актах, регламентирующих деятельность обществ с ограниченной ответственностью (а именно в Федеральном законе от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Гражданском кодексе Российской Федерации») [1-3]. В научной литературе миноритарным участникам обществ с ограниченной ответственностью также уделено мало внимания [5, с. 202].

Ряд авторов при определении миноритарного участника руководствуются критерием влиятельности на хозяйственные процессы общества. Так, например, А.В. Белов разграничивает участников хозяйственных обществ на основе способности влиять на процессы управления в обществе следующим образом: крупным участником является владелец более 50% долей; управляющим – владелец от 25 до 50% долей; миноритарным – владелец менее 10% долей [6].

Применяя принцип сравнительного анализа, можно сделать вывод о том, что к миноритарным участникам относятся участники, владеющие таким количеством долей уставного капитала, которое не позволяет ему иметь единолично больший контроль над управлением в обществе. С данной позиции представляется более правильным считать миноритарным участника, который обладает менее чем пятьюдесятью процентами уставного капитала. В обществе, где есть участник, владеющий долей более 50% (или несколько участников, объединенных в группу лиц и образующих таким образом крепкий союз, где обитает единая позиция) паритетность участников исключена. И как показывает проведенный автором в рамках написания данной статьи опрос, в таком обществе очень часто возникают конфликты. Теме корпоративных конфликтов уделено много внимания различными авторами, которые сходятся во мнении о том, что этим конфликтам может поспособствовать злоупотребление своими полномочиями мажоритариями, которые, чаще всего, руководствуются только своими материальными интересами, а интересы других участников не учитывают. Когда мы говорим о хозяйственных обществах, особенность которых заключается в коммерческом характере, нельзя не отметить, что основной целью юридического общества и лиц, входящих в него в качестве участников, является получение прибыли. А это значит, что, злоупотребляя правом, субъект может не преследовать цель причинения вреда другому, а исходить из личного материального интереса [7, с. 3].

Авторы, исследовавшие тему корпоративных конфликтов выделяют, что право на голос в хозяйственных обществах служит еще одним «камнем преткновения» в пределах осуществления гражданских прав [7, с. 60]. Мажоритарный участник обладает способностью принимать основные решения, определяющие деятельность организаций, а также право решать распределять ли прибыль общества и в каком размере, управлять обществом по собственному усмотрению. При этом, чаще всего решение о нераспределении прибыли связано напрямую с влиянием на ключевые управленческие решения и, как следствие, обеспечивающее данному участнику возможность скрытого получения прибыли от деятельности общества единолично.

Многие специалисты сходятся во мнении, что «предоставление любого субъективного права преследует цель удовлетворения того или иного интереса. Однако далеко не всегда интерес обеспечивается предоставлением субъективного права». Сам законодатель дает многочисленные основания к подобным заключениям, употребляя словосочетания «права и (или) законные интересы», «права и охраняемые законом интересы» [8-11].

Учитывая, что каждый инвестор априори, приобретая статус участника общества с ограниченной ответственностью (вне зависимости от размера доли в уставном капитале), преследует собственный законный интерес от участия в обществе и часто данный законный интерес не защищен правовой нормой через предоставление прямого права, практика показала необходимость создания дополнительной защиты через конфигурацию посредством определенных правовых инструментов. Анализ статей Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также статьей Гражданского кодекса РФ, регулирующих положения об обществах с ограниченной ответственностью показал [1-2] , что укрепление прав и законных интересов миноритарного участника

возможно посредством таких правовых инструментов как Устав и корпоративный договор.

Сравнительный анализ этих двух правовых инструментов позволил сделать однозначный вывод о том, что их принцип работы основан на различных аспектах и для достижения поставленной цели, в зависимости от персонального запроса участников, нужно или их сочетать, либо включать в работу исключительно один из этих инструментов.

Проведенный в рамках написания настоящей статьи обзор норм законодательства и литературы позволил установить алгоритм построения механизма работы правовых инструментов, которые обеспечат максимальную защиту прав и законных интересов миноритария. При этом было установлено, что первоочередно необходимо выявить круг потенциальных рисков и инструмента, позволяющего влиять на них через права, принадлежащие участнику общества (устав или корпоративный договор). Далее в зависимости от выявленного предмета необходимо определить возможность самостоятельной работы каждого из инструментов или необходимость их взаимодействия в силу невозможности самостоятельного использования одного из инструментов.

Закон об обществах с ограниченной ответственностью определяет конкретный набор прав участников, позволяя, расширить их или изменить посредством устава. Анализ норм ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» показывает, что изменяя нормы устава возможно: изменить количество голосов у каждого участника (по всем вопросам голосования, либо по каким-то отдельным); добавить права отдельным или всем участникам через институт дополнительных прав, а также дополнить перечень вопросов компетенции общего собрания, таким образом кардинально изменить влиятельность данного органа на управление обществом (перечень вопросов компетенции общего собрания участников не органичен федеральным законом). Также влиятельность участников через общее собрание участников можно увеличить путем необходимости согласования определенных действий единоличного исполнительного органа с общим собранием участников.

Корпоративный договор – кардинально новый правовой инструмент, введенный и регулируемый ст. 67.2 ГК РФ, и единственный законный способ отказа от прав и полного трансформирования права в нужный контекст посредством возможности закрепления такого механизма реализации права, который может видоизменить право или обязанность до конфигурации, позволяющей обеспечить достижение поставленной цели [1].

Учитывая обширность вопросов, которые могут встать перед конкретными участниками в процессе создания индивидуальной правовой конструкции и сжатые рамки настоящей статьи, ниже, в целях иллюстрации изложенного выше принципа, освещена небольшая часть решений, полученных в результате анализа ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Гражданского кодекса РФ в части, касающейся обществ с ограниченной ответственностью [1-2].

Как было отмечено выше, построение алгоритма использования правовых инструментов необходимо начинать с постановки цели, а именно с выявления законного интереса, который необходимо застраховать (табл. 1).

Таблица 1

Процесс применения алгоритма при использовании правовых инструментов.

Table 1

The process of applying the algorithm when using legal instruments.

Название алгоритма	Действие
Постановка цели	Определение перечня прав и законных интересов, подлежащих защите исходя из рисков конкретных отношений участников и структуры общества
Анализ структуры компании	Определение объема прав конкретных миноритарных участников в рамках законодательства и устава общества
Исследование юридической базы	Изучение федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» на предмет выявления прав и положений организационной структуры общества, на которые необходимо влиять для достижения поставленной цели (выявление возможных нарушений и способов их преодоления)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Исследование правовых инструментов	Анализ правовых инструментов на предмет возможности применения в данной конкретной ситуации (сепарация через призму потенциальных возможностей правового инструмента) и необходимости сочетания двух правовых инструментов
Конструирование правовых инструментов	Последовательное написание норм и правил в рамках отдельного правового инструмента, а в случае необходимости сочетания инструментов написание норм и правил каждого инструмента с учетом совместного применения

Так, в рамках подготовки настоящей статьи опрос участников обществ с ограниченной ответственностью показал, что целью вступления в состав участников всегда является получение прибыли. То есть законный интерес любого участника – распределение прибыли.

Согласно п. 1 ст. 28 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» распределение прибыли – это не обязанность, а право [2]. Мониторинг прав участников, предусмотренный упомянутым федеральным законом, также не обнаруживает право на получение прибыли до момента вынесения общим собранием участников решения о распределении прибыли. Анализ совокупности норм Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», относящихся к данной теме, позволяет сделать вывод, что право на получение прибыли участники реализуют опосредовано (через право участия в общих собраниях участников), следовательно, право участника на получение прибыли напрямую зависит от размера доли в уставном капитале. Согласно п. 8 ст. 37 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» данное решение принимается простым большинством голосов (то есть для принятия решения необходим 51%). При таких обстоятельствах миноритарный участник через реализацию прав, принадлежащих исключительно ему, не может достичь той цели, ради которой он вступил в общество.

Пленум Верховного суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ от 9.12.1999 №90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» прямо говорит о том, что до момента принятия решения общим собранием участников общества о распределении прибыли осуществить судебную защиту права участника на получение прибыли невозможно, поскольку такое право отсутствует вовсе [3].

Анализ механизма принятия решения о распределении чистой прибыли, закрепленного в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» позволил установить необходимость влияния на право голосования мажоритария по вопросу распределения прибыли в целях обеспечения законного интереса миноритарного участника на получение прибыли. А именно необходимо, чтобы данное право трансформировалось в обязанность при наличии волеизъявления миноритария. Данный вывод сделан следующим образом.

Решение о распределении прибыли принимается общим собранием участников (ст. 33 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]) и, как отмечено ранее, распределение прибыли – это право общества. Анализ данных норм в контекстном прочтении с иными нормами Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» позволяет сделать вывод о том, что в данной ситуации применение института дополнительных прав участников, равно как и изменение объема прав путем устава, не принесет результата. Иной порядок определения числа голосов участников общества, предусмотренный п. 1 ст. 32 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» также не применим в данном случае, поскольку в результате установления иного порядка не возможно предоставление каждому участнику 100 % объема голосов.

Как отмечено выше, единственный инструмент, позволяющий совершить данную трансформацию – корпоративный договор. Реализуя положения ч. 1, 2 ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ [1], добиться цели возможно закрепив в корпоративном договоре обязанность каждого участника голосовать «за» распределение прибыли. Участник общества, заинтересованный в получении прибыли и имеющий долю в уставном капитале более 10 %, воспользовавшись правом требовать общего собрания участников, вправе собрать собрание по вопросу распределения прибыли и все участники обязаны будут в силу действия корпоративного договора проголосовать положительно. Таким образом будет достигнута цель – защита законного интереса участника на получение прибыли общества. В случае необходимости защиты права участника, доля которого в уставном капитале менее 10%, необходимо закрепить в Уставе дополнительное

право данного участника требовать общего собрания участников. То есть для достижения цели необходимо подключить к корпоративному договору устав. Так мы уже видим совместную работу Устава и корпоративного договора в конкретном случае. То есть в зависимости от размера доли конкретного миноритарного участника и от области, которую желает защитить данный участник необходимо выявить право или обязанность участников, на которые необходимо влиять и далее использовать либо только корпоративный договор, либо совместно с Уставом [12-14].

Если участники Общества имеют намерение регулировать возможность распределять не всю прибыль, а только часть, вышеизложенная модель корпоративного договора должна учитывать определенные ситуации (например, в корпоративном договоре должны быть установлены конкретный размер чистой прибыли, за которую участник обязан голосовать определенным образом или формулы, позволяющие рассчитать данный размер). Необходимо отметить, что возможности корпоративного договора в данной части практически не имеют границ. Альтернативным инструментом решения вопроса о размерах распрямляемой прибыли является устав. Здесь мы можем заранее установить различные фонды (например, на развитие общества), либо установить конкретные финансовые показатели, которые общество должно достичь для возможности распределения прибыли.

Следующим аспектом, заслуживающим внимания, как показал опрос участников обществ с ограниченной ответственностью, столкнувшихся с конфликтом миноритарного и можаритарного участников, является право назначить (избрать) единоличного исполнительного органа. Данное право участники реализуют также опосредовано (через право голосования на общем собрании участников). В п. 8 ст. 37 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] установлено, что для принятия решения по данному вопросу необходимо простое большинство голосов (то есть 51%).

Используя изложенный выше алгоритм подбора правового инструмента, применение которого обеспечит надлежащую защиту, следует правильный вывод о том, что объективным решением в данной ситуации является голосов, необходимых для принятия решения о назначении (избрании) единоличного исполнительного органа до необходимого охвата участников. Указанное количество может быть и 100%. Однако, в данной ситуации, следует учесть, что при наличии корпоративного конфликта, когда все участники не единого мнения о кандидатуре единоличного исполнительного органа, то в этом случае могут пострадать интересы общества ввиду отсутствия некоторый отрезок времени единоличного исполнительного органа. В данной связи, будет целесообразным подключить корпоративный договор, закрепив в нем различные варианты использования голоса участника с тем, чтобы решение все же было принято (например, возможность участникам по очереди принимать на себя управление обществом до поиска кандидатуры единоличного исполнительного органа, удовлетворяющей всех участников).

Выводы

На основании проведенного обзора и анализа норм законодательства РФ, регулирующих деятельность обществ с ограниченной ответственностью, а также исследования результатов интервью участников обществ с ограниченной ответственностью, можно сделать вывод, что законодательная модель защиты прав и законных интересов миноритарного участника не соответствует практической потребности инвесторов и нуждается в реконструкции с учетом конкретных правоотношений. Для построения эффективной конфигурации модели защиты используются корпоративный договор и устав. Для оценки необходимости применения конкретного инструмента защиты требуется тщательно проанализировать правовую зону влияния и соотнести ее поставленной целью. Первостепенным аспектом в построении правовой модели защиты прав и законных интересов является выявление области, нуждающейся в дополнительной защите. Далее данная область должна быть проанализирована на предмет прав и обязанностей участников, которые необходимо подвергнуть влиянию. Следующим шагом в построении модели защиты является дифференцированный выбор правового инструмента или их сочетания (в зависимости от спектра охвата работы конкретного правового инструмента). И заключительным шагом построения защитной модели является работа с правовым инструментом. Данный алгоритм является универсальным и может быть использован в практической работе юристов корпоративной области права.

Дополнительно необходимо отметить, что в ходе проведенных при написании данной статьи исследований установлен ряд законных интересов и прав миноритарных участников, которые желательно во всех случаях подвергнуть дополнительной защите. В данный список входит вопрос о распределении прибыли общества и назначение единоличного исполнительного органа. Конкретный алгоритм защиты данных законных интересов подробно описан в настоящей статье.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2024), ст.67.2. Официальное опубликование информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/58e646d7b16793e74c6dd3b9e5a85e27a1b383ed/ (дата обращения: 22.02.2024)

2. Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью" от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Официальное опубликование информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051516 (дата обращения: 22.02.2024)

3. Пленум Верховного суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ от 9.12.1999 № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Официальное опубликование информации.URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=6&nd=204000061&collection=1 (дата обращения: 22.02.2024)

4. Вронская М.В., Василенко Е.О. Злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. № 4 (12). С. 137 – 145.

5. Кожевникова Е.И., Малая Т.Н. К вопросу об определении понятия миноритарного участника хозяйственного общества в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2020. № 8 (6). С. 201 – 209.

6. Белов В.А. Корпоративное право // Актуальные проблемы теории и практики. 2020. С. 552.

7. Сунь Ц. Злоупотребление правами акционеров: проблемы и опыт Китая и России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9. С. 60 – 68.

8. Субочев В.В. Механизм трансформации законных интересов в субъективные права, субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. № 3.

9.Матюк В.В. Законный интерес как правовая категория // Вестник факультета бизнеса и права: сб. науч. трудов. 2019. № 1 С. 91 – 99.

10. Кучерова О.А Субъективное право и интерес в гражданском праве // Вестник научной мысли. 2022. № 4. С. 382 – 385.

11. Ильина И.Ю. О правовой категории охраняемого законом интереса в контексте конфликта интересов участников гражданских правоотношений // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С 43.

12. Исупова Л.К. Предмет корпоративного договора. Соотношение устава и корпоративного договора // NovaUm.Ru. 2018. № 15. С. 178 – 180.

13. Горковенко А.Я. Юридические противоречия между уставом общества с ограниченной ответственностью и корпоративным договором // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 111 – 119.

14. Ваганов С.С. Соотношение корпоративного договора с уставом общества с ограниченной ответственностью // Социальное управление. 2021. № 2 (3).

15. Сведения о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, в отношениях которых представлены документы для государственной регистрации [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.ru (дата обращения: 22.02.2024)

16. Индекс роста корпоративных конфликтов [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/business (дата обращения: 22.02.2024)

References

1. Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 11, 2024), Article 67.2. Official publication of information. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/58e646d7b16793e74c6dd3b9e5a85e27a1b383ed/ (date of access: 02/22/2024)

2. Federal Law “On Limited Liability Companies” dated 02/08/1998 No. 14-FZ. Official publication of information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051516 (access date: 02.22.2024)

3. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 9, 1999 No. 90/14 “On some issues of application of the Federal Law “On Limited Liability Companies”. Official publication of information.URL: http://pravo .gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=6&nd=204000061&collection=1 (date of access: 02.22.2024)

4. Vronskaya M.V., Vasilenko E.O. Abuse of rights by participants in business companies Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2020. No. 4 (12). P. 137 – 145.

5. Kozhevnikova E.I., Malaya T.N. On the issue of defining the concept of a minority participant in a business

company in the Russian Federation. Bulletin of Science and Practice. 2020. No. 8 (6). P. 201 – 209.

6. Belov V.A. Corporate law. Current problems of theory and practice. 2020. P. 552.

7. Sun Ts. Abuse of shareholder rights: problems and experience of China and Russia. Law and State: Theory and Practice. 2019. No. 9. P. 60 – 68.

8. Subochev V.V. The mechanism of transformation of legitimate interests into subjective rights, subjective rights into legitimate interests. Modern law. 2007. No. 3.

9.Matyuk V.V. Legitimate interest as a legal category. Bulletin of the Faculty of Business and Law: collection. scientific works 2019. No. 1 P. 91 – 99.

10. Kucherova O.A. Subjective law and interest in civil law. Bulletin of scientific thought. 2022. No. 4. P. 382 – 385.

11. Ilyina I.Yu. On the legal category of legally protected interest in the context of a conflict of interests of participants in civil legal relations. Public service and personnel. 2018. No. 3. P 43.

12. Isupova L.K. Subject of the corporate agreement. The relationship between the charter and the corporate agreement. NovaUm.Ru. 2018. No. 15. P. 178 – 180.

13. Gorkovenko A.Ya. Legal contradictions between the charter of a limited liability company and the corporate agreement. Leningrad Legal Journal. 2016. No. 1 (43). P. 111 – 119.

14. Vaganov S.S. Correlation of a corporate agreement with the charter of a limited liability company. Social management. 2021. No. 2 (3).

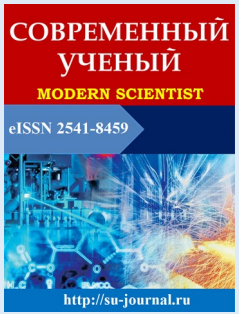
15. Information about legal entities and individual entrepreneurs in whose relations documents for state registration have been submitted [Electronic resource]. URL: https://www.nalog.ru (access date: 02/22/2024)

16. Index of growth of corporate conflicts [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/business (access date: 02/22/2024)

Информация об авторе

Струченко О.П., соискатель, Новосибирский государственный университет, адвокат адвокатского кабинета Струченко Ольги Петровны, 683031 г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ломоносова д. 26 кв. 5, e-mail: advokat6049@gmail.com

© Струченко О.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.44
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-357-363

Электронные способы совершения сделок: понятие, особенности, виды

[1] Сулейменова А.Р.

[1] Алтайский государственный университет

***Аннотация*:** статья посвящена актуальным вопросам, возникающим в свете влияния цифровизации на общественные отношения и появления новых возможностей для совершения письменных гражданско-правовых сделок. Вопрос, рассматриваемый в настоящее статье, непосредственно связан с недавними изменениями в гражданском законодательстве, предусматривающими возможность совершать письменную сделку с использованием электронных средств. Гражданское законодательство не выделило электронную форму как самостоятельную, а приравняла ее к письменной форме. Однако использование электронных средств наделяют процесс совершения сделки некоторыми особенностями, которые нуждаются в дополнительном научном осмыслении. Не смотря на использование понятия «электронная сделка», автором статьи под вышеуказанным понятием подразумевается любая гражданско-правовая сделка, совершаемая с использованием новых цифровых технологий. В статье освящаются электронные способы совершения сделок, их допустимость с точки зрения текущего законодательства. Кроме того, в статье представлен анализ способов совершения электронных сделок, отличительные характеристики и правовая основа различных электронных способов. Автор предлагает классификацию электронных способов, приводит проблемы, с которыми сталкиваются участники гражданского оборота в практической деятельности в ходе заключения сделки. Статья содержит анализ приведенных примеров из правоприменительной судебной практики. Автор обращает внимание на отличительные характеристики электронных способов, которые делают процесс совершения сделок с использованием электронных средств отличным: мгновенность обмена информацией, разнообразие совершаемых действий, разное доказательственное значение. Делается вывод о неограниченных способах совершения электронной сделки, зависимости появления новых способов от технического прогресса. Отмечается, что некоторые электронные способы является непривычными для гражданского оборота, но в то же время допустимыми при соблюдении определенных условий современного законодательства.
***Ключевые слова*:** электронная сделка, заключение электронных сделок, электронная форма, оферта, акцепт, форма сделки, способы совершения сделки

Для цитирования: Сулейменова А.Р. Электронные способы совершения сделок: понятие, особенности, виды // Современный ученый. 2024. № 5. С. 357 – 363. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-357-363

Поступила в редакцию: 7 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Electronic methods of making transactions: concept, features, types

[1] **Suleimenova A.R.**

[1] ***Altai State University***

Abstract: the article is devoted to topical issues arising in the light of the impact of digitalization on public relations and the emergence of new opportunities for making written civil law transactions. The issue being considered in this article is directly related to recent changes in civil legislation providing for the possibility of making a written transaction using electronic means. The civil legislation did not single out the electronic form as an independent one, but equated it to the written form. However, the use of electronic means endows the transaction process with some features that need additional scientific understanding. Despite the use of the concept of "electronic transaction", the author of the article means any civil law transaction made using new digital technologies. In addition, the article presents an analysis of the concept of methods of electronic transactions, distinctive characteristics and the legal basis of various electronic methods. The author proposes a classification of electronic methods, cites the problems faced by participants in civil turnover in practice during the conclusion of a transaction. The article contains an analysis of the above examples from law enforcement judicial practice. The author draws attention to the distinctive characteristics of electronic methods that make the process of making transactions using electronic means different: the instantaneous exchange of information, the variety of actions performed, different evidentiary value. It is concluded that there are unlimited ways to make an electronic transaction, depending on the appearance of new methods on technological progress. It is noted that some electronic methods are unusual for civil turnover, but at the same time permissible under certain conditions of modern legislation.
Keywords*:* electronic transaction, conclusion of electronic transactions, electronic form, offer, acceptance, transaction form, transaction methods

For citation: Suleimenova A.R. Electronic methods of making transactions: concept, features, types. Modern Scientist. 2024. 5. P. 357 – 363. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-357-363

The article was submitted: April 7, 2024; Approved after reviewing: June 10, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и их активным использованием в повседневной жизни человека. Сегодня мировое сообщество испытывает активный процесс цифровизации. Цифровизация представляет собой переустройство общества на основе современных технологических достижений [9, с. 92]. Технологии проникают во все сферы общества, создавая новые условия для участников общественных отношений [9, с. 92]. Безусловно, цифровизация затрагивает и сферу гражданско-правовых отношений, например, меняет привычную коммуникацию между субъектами гражданского права в случае заключения гражданско-правовых сделок, влияет на особенности оборота товаров и услуг. Внедрение новых технологий и подготовка общества к цифровой эре является залогом развития экономики государства. В 2022 году на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам президент В.В. Путин подчеркивал что «широкая цифровая трансформация должна пронизывать каждую отрасль, предприятие, социальную сферу, систему государственного и муниципального управления, войти в жизнь каждого человека и каждой семьи» [10]. В том числе президентом ставилась задача сформировать новую, гибкую нормативную базу для внедрения цифровых технологий [7].

Наука гражданского права как гражданское законодательство должны соответствовать новым тенденциям. Как отмечает А.А. Волос экономический оборот идет существенно впереди законодательства [3, с. 51]. Фактические складывающиеся экономические отношения демонстрируют новые и непривычные пути заключения гражданско-правовых сделок электронно. В связи с чем, необходимо обратить внимание на новые электронные возможности заключения сделок, выделить их особенности, а также соотнести действия, совершаемые участниками гражданского оборота в электронной среде с действующим законодательством, а также привести классификацию электронных способов заключения сделок.

Материалы и методы исследований

Основу для исследования составили нормы гражданского законодательства, судебная практика, а также классические основы науки гражданского права о заключении гражданско-правовых сделок, о форме сделок. Кроме того, в работе использованы методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, системный метод.

Результаты и обсуждения

Любая гражданско-правовая сделка заключается посредством направления предложения заключить договор (оферты) и ее последующего принятия (акцепта) другой стороной. Направление оферты и акцепта требует совершения определенных действий. В случае совершения традиционной письменной сделки на бумажном носителе стороны подписывают один документ, обмениваются подписанными экземплярами документа, что соответствует п. 2 ст. 434 ГК РФ. В частности положения п. 2 ст. 434 ГК РФ предусматривает ряд других возможных действий, которые осуществляют стороны для заключения письменного договора: договор в письменной форме может заключаться путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Вышеуказанная норма содержит возможные действия по совершению письменных сделок не только на традиционном бумажном носителе, но и на электронном.

Для удобства предлагаем именовать вышеуказанные действия способами совершения письменной сделки. Понятие «способы» не в первые используется в научной литературе. В литературе гражданского права отмечается, что формируется практика совершения сделок с применением протокола голосовой связи через Интернет или посредством электронного обмена данными, заключения онлайн-контрактов на веб-сайтах [2]. Например, А.В. Красиковой приводятся такие способы совершения сделок, к которым относятся составление единого документа, подписанного сторонами, обмен документом посредством электронной и иной связи, а к современным электронным способам заключения сделок в сети Интернет А.В. Красикова отнесла электронную почту, веб-страницу, дистанционную покупку/продажу [4, с. 16]. Способы совершения сделок фрагментарно предусмотрены и в других нормах ГК РФ. Например, к ним относится содержание п. 3 ст. 438 ГК РФ, согласно которым письменная оферта может быть акцептирована путем совершения фактических действий по выполнению условий самой оферты. А.В. Бодиловский отмечает, что некоторые способы заключения договора предусмотрены в п. 2 ст. 434 ГК РФ, в ст. 435 – 443 (правила направления оферты и ее последующий акцепт), в ст. 447 – 449.1 ГК РФ (заключение договора на торгах) [1, с. 88].

Для заключения сделки стороны всегда осуществляют определенные действия по направлению оферты и ее последующего акцепта. Способ совершения сделки следует рассматривать как действие по направлению оферты/акцепта.

Цифровизация гражданского оборота выразилась в развитии электронных способов заключения сделок [5, с. 77]. Электронным способам заключения сделок, предусмотренных в п. 2 ст. 434 ГК РФ, соответствует составление электронного документа, подписанного сторонами, обмен электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами о соблюдении письменной формы сделки.

В свою очередь множественность вариантов действий по направлению оферты и акцепта зависит от научно-технического прогресса. Поэтому предусмотренный законодателем перечень способов является общим и не закрытым. Так, ранее до появления электронных средств существовала возможность направить оферту по телефаксу, телексу. В частности прежняя редакция п. 2 ст. 434 ГК РФ содержала такой способ как «обмен телеграммами, телексами, телефаксами». Электронные способы более разнообразны и неоднозначны: в рамках появления электронных средств не сразу появилась возможность заключать смарт-контракты или соглашения click-wrap, еще не были популярны мессенджеры. Прежняя редакция п. 2 ст. 434 ГК РФ содержала более усложненную формулировку и подразумевала обмен электронными документами, под которым понималась информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Сегодня законодатель использует иную формулировку, в частности – «обмен иными данными». Термин «иные данные» более широкий по смысловому значению, тем самым он подходит к любым новым электронным способам, которых со временем может появиться больше.

Зачастую в научной литературе электронные способы заключения сделок рассматриваются как различные формы сделки, авторами выделяются различные типы или виды форм сделки, что представляется не совсем правильным. Например, К.П. Татаркиной отмечается, что SMS-сообщения, письма электронной почты, сделки, заключаемые

в сети Интернет как часть форм сделок выпала из поля зрения законодателя [8, с. 155]. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титова, Е.А. Громова, указывая на многообразие электронных форм сделок, выделяют такие типы как обмен электронными документами с помощью технических средств (электронная почта, факс, смс, мессенджеры и социальные сети и др.), обмен скан-копиями, сделки на электронных площадках, click-wrap –соглашение, browse-wrap-соглашение, смарт-контракт [6, с. 200]. Форма сделок понятие наиболее статичное, а способов может быть большое многообразие.

Открытый подход и неограниченность технических возможностей представляются новыми для гражданско-правовых отношений, что влияет на их неоднозначное восприятие в правоприменительной практике. Не всегда есть уверенность в допустимости того или иного способа совершения сделки, в законодательстве они детально не регулируются, а в научной литературе упомянуты фрагментарно.

К примеру, случаи совершения сделки действиями по обмену информацией по электронной почте не раз являлись предметом исследования в судебном процессе.

Апелляционным определением от 26 января 2022 г. по делу № 33-939/2022 Московский городской суд отказал в требованиях истца, не признав договор по электронной переписке между сторонами заключенным. Согласно доводам истца между сторонами путем обмена электронными документами был заключен договор об оказании услуг с обязательством бронирования туристических услуг, предоставляемых Южно-Африканской туроператорской компанией [12]. Истец полагал, что на момент заключения договора об оказании услуг стороны достигли соглашения относительно стоимости предоставляемых услуг, возражений от ответчика относительно стоимости услуг не поступило и истцом был выставлен счет, который ответчиком был оплачен частично, не в полном объеме. Истец направил сообщение по электронной почте о необходимости доплаты. При этом ответчик воспользовался предоставленными услугами, совершил туристическую поездку, но отказался произвести доплату, указав, что услуги истцом были оказаны ненадлежащего качества. Суд, ссылаясь на п. 3 ст. 434 ГК РФ о письменной оферте, посчитал, что в письменном виде договор о реализации туристического продукта между истцом и ответчиком не заключался, а представленная истцом электронная переписка сторон не свидетельствует о заключении между сторонами договора возмездного оказания услуг и достижении соглашения по всем существенным условиям, в том числе по объему оказанных услуг и их стоимости, вследствие чего отсутствуют основания полагать о возникновении между сторонами договорных правоотношений, вытекающих из возмездного оказания услуг.

Примером признания заключённым договора путем обмена информацией по электронной почте является судебное дело по рассмотрению Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом апелляционной жалобы истца по иску о взыскании задолженности [13]. Истец считал, что договор не заключен, так как электронная переписка не доказывала факт согласования работ, договоренность по подписанию договора в чьей-либо редакции не была достигнута. Суд, оставив жалобу без удовлетворения, установил, что соглашение по существенным условиям договора может быть достигнуто сторонами путем обмена юридически значимыми сообщениями, в том числе письмами, заявлениями, уведомлениями, извещениями, требованиями и другими документами, содержащими информацию о сделке. Письменная форма может быть соблюдена при согласовании сторонами существенных условий договора путем обмена документами по электронной почте, а отсутствие договора с подлинной подписью ответчика не свидетельствует о незаключенности договора между сторонами.

В некоторых электронных способах существуют трудности с доказыванием самого волеизъявления, допустимостью выбранного действия с точки зрения соблюдения письменной формы, а также формированием существенных условий договора. Последнее является не менее важным, так как стороны могут столкнуться с неопределенностью выраженного волеизъявления, а мгновенность электронных средств исключает в некоторых случаях формирование привычного договора, содержащего реквизиты, подробное структурированное описание обязательств сторон. Электронный документ невозможно непосредственно воспринимать органами чувств человека, собственноручно подписать [4].

Постановлением от 15 апреля 2021 г. №13АП-6750/2021 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд не признал заключенным дополнительное соглашение к договору по электронной переписке, поскольку из электронной переписки не усматривается согласование существенных условий договора (предмета, сроков оказания услуг, объема и стоимости услуг), а также подписание уполномоченным лицом. Работник ответчика, с которым истец вел электронную переписку, указывал в электронном сообщении на необходимость согласования условий договора с руковод-

ством [14].

Участники гражданского оборота, например, договариваясь с контрагентами по электронной почте, должны максимально определенно формулировать обязательства и свое согласие.

Правовой основой для действительности выбранного сторонами способа совершения сделки является п. 1 ст. 165 ГК РФ, в силу которой заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми сделка связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица последствия с момента доставки сообщения ему или его представителю. Согласно п. 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» если иное не установлено законом или договором и не следует из обычая или практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, юридически значимое сообщение может быть направлено, в том числе посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано [11].

Электронные способы отличаются мгновенностью обмена информацией, разнообразием действий, разным доказательственным значением.

К распространенным электронным способам совершения сделок в зависимости от используемого Интернет-ресурса на сегодня следует отнести следующие:

1) действия, совершаемые через электронные коммуникативные программы. К ним относится переписка (обмен сообщениями), в которой стороны согласовывают условия обязательства, обмен сканированными документами в мессенджерах («Вотсап», «Телеграмм»), по электронной почте, социальным сетям (например «Вконтакте»);

2) действия, совершаемые на веб-сайте: переход по вкладкам, действия в один клик (click-wrap и browse-wrap соглашения), совершение покупок в интернет-магазинах, платформах;

3) действия через специализированные программы: электронные торги, государственные закупки, смарт-контракты.

Все вышеуказанные способы следуют из ст. 434 ГК РФ, перечень которых не является конкретизирующим и закрытым. Нет необходимости конкретизировать способы, поскольку они подвержены постоянным изменениям. В связи с научно-техническим прогрессом со временем появляются новые способы, варианты действий по направлению оферты и акцепта. Законодательный подход, предусматривающий обмен как электронными документами, так и «иными данными» по правилам п. 1 ст. 160 ГК РФ представляется более чем оправданным. «Иные данные» подразумевают возможность обмена информацией в любом виде. Главное, чтобы представленная информация соответствовала требованиям соблюдения письменной формы: зафиксирована на материальном носителе (электронном средстве), позволяла воспроизвести ее содержание в неизменном виде, и имелась возможность установить стороны.

Следует разграничивать электронные способы совершения сделок по своему доказательственному значению: не одинаковы по степени своей надежности такие действия, например, как обмен электронными сообщениями в мессенджере и подписание электронного документа квалифицированной электронной цифровой подписью. Не случайно п. 4 ст. 434 ГК РФ определяет, что в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, договор в письменной форме может быть заключен только путем составления одного документа. К случаям, когда закон ограничивает совершать сделки некоторыми электронными способами предусмотрены применительно к сделкам купли-продажи недвижимости (ст. 550 ГК РФ), купли-продажи предприятия (ст. 560 ГК РФ) и др.

Выводы

Электронные способы совершения сделок представляют собой действия по направлению оферты и акцепта, осуществляемые в электронной среде, то есть с использованием электронных средств (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Правоприменительная практика раскрывает как актуальность электронных способов совершения сделок в экономических отношениях, так и проблемы признания правоприменительными органами, доказуемости некоторых способов, полноты и достоверности совершаемых волеизъявлений. Перечень способов не является закрытым и по общему правилу допустим любой способ, позволяющий совершить сделку и соответствующий требованиям письменной формы. В то же время не все способы имеют одинаковое доказательственное значение, в связи с чем законодатель предусматривает ограничения для некоторых видов сделок по использованию электронных способов.

Список источников

1. Бодиловский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: дис. … канд. юрид. наук. М. 2021. 180 с.

2. Власова Н.В Пробелы коллизаионного регулирования представительства гражданским кодексом Российской Федерации // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов под общ. Ред. Д.А. Пашенцева. М.В. Залоило. Инфотропик Медиа. 2022. Справочная правовая система «Гарант». URL: https://base.garant.ru/76992697/?ysclid=lx6h2d0pn869711393 (дата обращения: 01.03.2024)

3. Волос А.А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 51 – 70.

4. Красикова А.В. Гражданско-правовое регулирование электронных сделок: автореферат … дис. канд. юрид. наук. Волгоград. 2005. 180 с.

5. Кресс В.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота // Журнал российского права. 2022. № 4. С. 77 – 92.

6. Подшивалова Т.П., Титова Е.В., Громова Е.А. Право цифровой среды: монография. М., 2022. 250 с.

7. Путин: без цифровой экономики нет будущего [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития и массовых коммуникаций. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/37031/ (дата обращения: 01.03.2024)

8. Татаркина К.П. Форма сделок в гражданском праве России: монография. Томск. 2012. 264 с.

9. Филипова И.А. Трудовое право при переходе к цифровому обществу: происходящие изменения и контуры будущего // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 92 – 103.

10. Широкая цифровая трансформация должна войти в жизнь каждого человека и каждой семьи» – Владимир Путин [Электронный ресурс] // DRussia.ru. URL: https://d-russia.ru/shirokaja-cifrovaja-transformacija-dolzhna-vojti-v-zhizn-kazhdogo-cheloveka-i-kazhdoj-semi-vladimir-putin.html?ysclid=lx1nafqhnf948924788 (дата обращения: 01.03.2024)

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lwkvftnwwy815633093 (дата обращения: 06.03.2024)

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.01.2022 г. по делу № 33-939/2022 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2285625&ysclid=lwkw7zufn6414940699#ZS84iDUQnjiDD7dE1 (дата обращения: 06.05.2024).

13. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2022 № А65-11446/2021 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=211087&ysclid=lwkwcht057224359314#zVy4iDUW62lnGxY02 (дата обращения: 06.03.2024)

14. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2021 г. № 13АП-6750/2021 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/STvt9vaAjcrQ/?ysclid=lwkx888wkk471468484 (дата обращения: 06.03.2024)

References

1. Bodilovsky A.V. Civil regulation of relations arising from contracts concluded remotely: dis. ...cand. legal Sci. M. 2021. 180 p.

2. Vlasova N.V. Gaps in the conflict of laws regulation of representation by the civil code of the Russian Federation. Gaps in law in the conditions of digitalization: a collection of scientific papers edited by D.A. Pashentsev. M.V. Zaloilo. Infotropic Media. 2022. Legal reference system “Garant”. URL: https://base.garant.ru/76992697/?ysclid=lx6h2d0pn869711393 (access date: 03/01/2024)

3. Volos A.A. Digitalization of society and objects of hereditary succession. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 3. P. 51 – 70.

4. Krasikova A.V. Civil regulation of electronic transactions: abstract... dis. Ph.D. legal Sci. Volgograd. 2005. 180 p.

5. Kress V.V. Digital rights as objects of civil rights: legal regulation and development prospects in the context of digitalization of civil circulation. Journal of Russian Law. 2022. No. 4. P. 77 – 92.

6. Podshivalova T.P., Titova E.V., Gromova E.A. Digital environment law: monograph. M., 2022. 250 p.

7. Putin: there is no future without a digital economy [Electronic resource]. Ministry of Digital Development and Mass Communications. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/37031/ (access date: 03/01/2024)

8. Tatarkina K.P. Form of transactions in civil law of Russia: monograph. Tomsk 2012. 264 p.

9. Filipova I.A. Labor law in the transition to a digital society: ongoing changes and contours of the future. Journal of Russian Law. 2021. No. 3. P. 92 – 103.

10. Broad digital transformation should enter the life of every person and every family" – Vladimir Putin [Electronic resource]. DRussia.ru. URL: https://d-russia.ru/shirokaja-cifrovaja-transformacija-dolzhna-vojti-v-zhizn-kazhdogo-cheloveka-i-kazhdoj-semi-vladimir-putin.html?ysclid=lx1nafqhnf948924788 (access date: 01.03 .2024)

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation". Reference legal system "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=lwkvftnwwy815633093 (access date: 03/06/2024)

12. Appeal ruling of the Moscow City Court dated January 26, 2022 in case No. 33-939/2022. Reference legal system "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2285625&ysclid=lwkw7zufn6414940699#ZS84iDUQnjiDD7dE1 (access date: 05/06/2024).

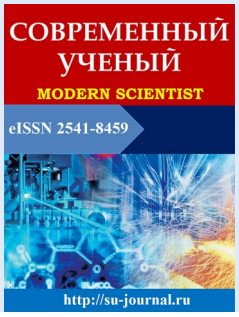
13. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated January 20, 2022 No. A65-11446/2021. Reference legal system "Consultant Plus". URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS011&n=211087&ysclid=lwkwcht057224359314#zVy4iDUW62lnGxY02 (date of access: 03/06/2024)

14. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated April 15, 2021 No. 13AP-6750/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/STvt9vaAjcrQ/?ysclid=lwkx888wkk471468484 (access date: 03/06/2024)

Информация об авторе

Сулейменова А.Р., аспирант, Алтайский государственный университет, aliya-5563@mail.ru

© Сулейменова А.Р., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.13
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-364-367

К вопросу об уголовном преследовании по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних

[1, 2] Гатауллин З.Ш.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет,
[2] Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал

Аннотация: в данной статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования уголовного преследования по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних. На основании статистических данных проводится анализ состояния преступности с участием несовершеннолетних. Отмечается в процессе уголовного преследования необходимо строгое соблюдение требований как отечественного законодательства, так и международных обязательств России.
Автор данной статьи на основании изучения юридической литературы проводит анализ позиций исследователей относительно дискуссионного вопроса о моменте начала процесса уголовного преследования, обосновывает свою занятую позицию по данной проблеме. Высказана особая озабоченность тем обстоятельством, что значительная часть преступлений несовершеннолетних совершаются в групповом составе.
Проведённый анализ законодательства зарубежных государств свидетельствует об омоложении возраста наступления уголовной ответственности несовершеннолетних. Обращено внимание на сложности социализации несовершеннолетних, ставших на путь совершения преступлений Внесены конкретные предложения направленные на повышение эффективности уголовного преследования.
Отмечается важность принятия превентивных мер в отношении преступности несовершеннолетних. Озвучена авторская позиция по введению в России ювенальной юстиции. Автор выражает солидарность с учёными, выступающими за введение в российскую судебную систему ювенальных судов, специализирующихся именно на рассмотрении дел с участием несовершеннолетних.
Ключевые слова: уголовное преследование, уголовное дело, несовершеннолетний, законодательство, статистика, Пекинские правила, юстиция

Для цитирования: Гатауллин З.Ш. К вопросу об уголовном преследовании по делам о преступлениях с участием несовершеннолетних // Современный ученый. 2024. № 5. С. 364 – 367. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-364-367

Поступила в редакцию: 7 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On the issue of criminal prosecution in cases of crimes involving minors

[1, 2] Gataullin Z.Sh.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University,
[2] TISBI University of Management, Naberezhnye Chelny Branch

Abstract: this article discusses problematic aspects of the legal regulation of criminal prosecution in cases of crimes involving minors. Based on statistical data, an analysis of the state of juvenile delinquency is carried out. It is noted

that in the process of criminal prosecution, strict compliance with the requirements of both domestic legislation and Russia's international obligations is necessary.
The author of this article, based on the study of legal literature, analyzes the positions of researchers regarding the controversial issue of the moment of the beginning of the criminal prosecution process, justifies his position on this issue. Particular concern was expressed about the fact that a significant part of juvenile crimes is committed in groups.
The analysis of the legislation of foreign countries indicates a rejuvenation of the age of criminal responsibility of minors. Attention is drawn to the difficulties of socialization of minors who have embarked on the path of committing crimes, specific proposals have been made aimed at improving the effectiveness of criminal prosecution. The importance of taking preventive measures against juvenile delinquency is noted.
The author's position on the introduction of juvenile justice in Russia has been announced. The author expresses solidarity with scientists who advocate the introduction of juvenile courts into the Russian judicial system, specializing specifically in cases involving minors.
Keywords: criminal prosecution, criminal case, minor, legislation, statistics, Beijing rules, justice

For citation: Gataullin Z.Sh. On the issue of criminal prosecution in cases of crimes involving minors. Modern Scientist. 2024. 5. P. 364 – 367. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-364-367

The article was submitted: April 7, 2024; Approved after reviewing: June 10, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

В Российской Федерации правовую основу уголовного преследования направленного на изобличение несовершеннолетнего лица в совершении преступления осуществляется на основании правовых положений главы 50 УПК РФ [9], называется Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, V раздела УК РФ именуемого «Уголовная ответственность несовершеннолетних» [10], Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г [7], с учетом требований таких нормативно-правовых актов международного уровня, как Пекинские правила [4], устанавливающие особые правила уголовного преследования в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступления.

Материалы и методы исследований

Изучение материалов следственной, прокурорской и судебной деятельности свидетельствует, несовершеннолетними лицами достаточно часто совершаются преступления. Так, статистические данные показывают, что в 2023 г. из - 750 тыс. 465 зарегистрированных в МВД России преступлений - 22 тыс. 340 преступлений совершены несовершеннолетними, из которых - 15 тыс. 933 преступлений совершены учащимися и студентами [6]. Причем практически каждое второе преступление совершается несовершеннолетними в соучастии.

Большая часть преступлений, по которым приняты итоговые судебные решения относятся к тяжким преступлениям. В 2022 г. из - 19 тыс. 480 уголовных дел рассмотренных судами общей юрисдикции в отношении несовершеннолетних - 12 тыс. 203 дела закончились вынесением приговора, - 6 тыс. 293 дела прекращены, по - 356 делам принято решение о применением принудительных мер к невменяемым, - 281 дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [6].

Даже на небольшом Елабужском муниципальном районе Республики Татарстан, где проживает – 85 тыс. 606 человек, в том числе – 18 тыс. 995 несовершеннолетних по данным отдела МВД России по Елабужскому району в 2022 г. зарегистрировано – 815 преступлений [5], комиссия по делам несовершеннолетних этого муниципального района утверждает, что из этого общего количества - 22 преступления совершены несовершеннолетними, количество участников – 17 подростков [3].

Таким образом следует констатировать подростковая преступность представляет серьёзную опасность, возникает необходимость выработки эффективных мер не только уголовного преследования, прежде всего, превентивного характера. Несовершеннолетние – это будущее России именно они определяют направленность развития страны.

Статические данные о преступлениях несовершеннолетних выглядят пугающе, причин для их совершения довольно много и они разнообразны, однако неотвратимость наказания за совершенное преступление, в том числе и в отношении несовершеннолетних никто не отменял, уголовно-процессуальное законодательство РФ устанавливает особый порядок уголовного преследования.

Результаты и обсуждения

В какой момент начинается рассматриваемое

нами уголовное преследование, среди процессуалистов однозначного подхода нет, одни авторы считают, что началом является получение сообщения о совершенном преступлении [11, с. 156-160], действительно с момента принятия и регистрации сообщения о готовящемся или совершенном преступлении осуществляется выезд следственно-оперативной группы (СОГ), следователь приступает к производству осмотра место происшествия, орган осуществляющий оперативно-розыскную деятельность приступает к установлению лица причастного к совершению преступления, иными словами производятся проверочные и оперативно-розыскные мероприятия, выдвижением подозрения. Другие ученые считают, начало уголовного преследования связана с моментом возбуждения уголовного дела [1, с. 34].

Мы склоняемся ко второму варианту, поэтому присоединяемся к позиции тех авторов, которые считают, что этап уголовного судопроизводства до возбуждения уголовного дела следует рассматривать как этап доследственной проверки, саму процессуальную деятельность именовать как административная. Если до возбуждения уголовного дела лицо подозреваемое в совершении преступления не установлено, возникает закономерный вопрос, кого подвергать уголовному преследованию?

По вопросу особого порядка уголовного преследования несовершеннолетних, Россия самостоятельно, и как правопреемница СССР, взяла на себя обязательства соблюдать принятые международные обязательства, в частности Пекинские правила, которые определяют несовершеннолетним, ребенка или молодого человека, который может быть привлечен к ответственности за совершение преступления по действующему национальному законодательству, однако мера ответственности несовершеннолетнего должна отличаться от меры ответственности взрослого за совершение аналогичного преступления (п. 2.2 ч. 1).

Пекинские правила с учетом многообразия национальных правовых систем устанавливают возрастной диапазон от 7 до 18 лет или старше (ч. 2). Действительно в некоторых государствах с учетом экономических, социальных, политических, культурных и иных особенностей в правовых системах устанавливают даже 7-летний возраст наступления уголовной ответственности. Так, по Швейцарскому Уголовному кодексу устанавливается 7-летний (ст. 82) [12], отечественное уголовное законодательство определяет 14-летний минимальный порог уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 20 УК РФ).

Неслучайно Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 1 от 01.02.2011 [7] и УПК РФ (ст. 421) указывают на обязательности установления органами дознания и следствия возраста несовершеннолетнего в процессе уголовного преследования.

Выводы

Ряд процессуалистов в целях повышения эффективности уголовного преследования несовершеннолетних указывают на необходимости специальной подготовки должностных лиц осуществляющих расследование и судебное разбирательство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [2, с. 376-378], иными словами в Российской Федерации давно назрела необходимость создания ювенальной юстиции, однако современная российская государственная уголовная политика продолжает сохраняться карательной в отношении несовершеннолетних. Следовательно, приходится констатировать, что уголовное преследование в отношении несовершеннолетних продолжает осуществляться в основном теми же процессуальными приемами и способами, что и в отношении взрослыхю.

Список источников

1. Абашева Ф.А., Зинатуллин Т.З. Функциональная характеристика современного российского уголовного процесса. М. Юрлитинформ. 2008. С. 34.

2. Валуйсков Н.В. Перспективы введения в России института ювенальной юстиции как обязательного элемента судебной системы // Балтийский журнал. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 376 – 378.

3. Комиссия по делам несовершеннолетних по Елабужскому району http://городелабуга.рф/komissiya-po-delam-nesovershennoletnikh-i-zashcite-ikh-prav.html

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.). https://base.garant.ru/1305342/

5. Отдел МВД России по Елабужскому району. https://елабуга.16.мвд.рф/folder/10276606

6. Официальный сай МВД России. https://мвд.рф

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. 2011. 11 февраля.

8. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. http://www.cdep.ru/?id=80
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 декабря.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. https://www.consultant.ru
11. Яковлева С.А. Начало возникновения уголовного преследования // Марийский юридический вестник. Выпуск 10. 2013. С. 156 – 160.
12. The Swiss Criminal Code SR/RS 31. https://en.m.wikipedia.org/wiki/Swiss_Criminal_Code

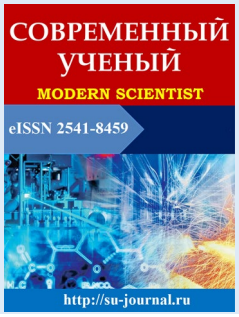
References

1. Abasheva F.A., Zinatullin T.Z. Functional characteristics of modern Russian criminal proceedings. M. Yurlitinform. 2008. P. 34.
2. Valuyskov N.V. Prospects for introducing the institution of juvenile justice in Russia as an obligatory element of the judicial system. Baltic Journal. 2018. T. 7. No. 2(23). P. 376 – 378.
3. Commission on Juvenile Affairs for the Elabuga District http://gorodelabuga.rf/komissiya-po-delam-nesovershennoletnikh-i-zashcite-ikh-prav.html
4. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules) (adopted by UN General Assembly resolution 40/33 of December 10, 1985). https://base.garant.ru /1305342/
5. Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Yelabuga region. https://elabuga.16.mvd.rf/folder/10276606
6. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. https://MVD.rf
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 No. 1 “On the judicial practice of applying legislation regulating the features of criminal liability and punishment of minors”. Russian newspaper. 2011. February 11.
8. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. http://www.cdep.ru/?id=80
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ. Rossiyskaya Gazeta. 2001. December 22.
10. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ. https://www.consultant.ru
11. Yakovleva S.A. The beginning of criminal prosecution. Mari legal bulletin. Issue 10. 2013. P. 156 – 160.
12. The Swiss Criminal Code SR/RS 31. https://en.m.wikipedia.org/wiki/Swiss_Criminal_Code

Информация об авторе

Гатауллин З.Ш., доктор юридических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт (филиал); Университет управления «ТИСБИ», Набережночелнинский филиал

© Гатауллин З.Ш., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 342.7
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-368-372

Категория «достоинство личности» в конституционном праве России и Германии

[1] Папин А.И.

[1] Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация: в настоящей публикации автор, пользуясь методами экстраполяции, юридической компаративистики и логического толкования правовых норм, проводит сравнительный анализ места категории «достоинство личности» на основе конституционного права России и Германии. Устанавливаются три неотъемлемые состояния достоинства личности (свобода, субъектность, ответственность), производится отграничение дефиниций «достоинство личности» и «права человека» на основе статичности/динамичности, задается вектор разделения феномена достоинства личности на позитивный (управомочивающий элемент) и негативный (охранительный и правовосстановительный элемент) компоненты. На основе правовых норм, изложенных в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации (статьи 17-64) и в Разделе I «Основные права» Основного закона Федеративной Республики Германии (статьи 1-19), раскрываются основные состояния и правомочия, выражающие «позитивное» и «негативное» достоинство личности. В заключительной части делается вывод о том, что в конституционном праве России и Германии достоинство личности раскрывается преимущественно через корпус прав и свобод человека и гражданина. Постулируется, что обоих правопорядках избран единый механизм обеспечения фактического достоинства личности – баланс позитивных и негативных прав и свобод, которые уравновешивают друг друга.
Ключевые слова: достоинство, свобода, права человека, конституционное право, Россия, Германия

Для цитирования: Папин А.И. Категория «достоинство личности» в конституционном праве России и Германии // Современный ученый. 2024. № 5. С. 368 – 372. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-368-372

Поступила в редакцию: 8 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

The category of “personal dignity” in the constitutional law of Russia and Germany

[1] Papin A.I.

[1] Saratov State Law School

Abstract: in this publication, the author, using the methods of extrapolation, legal comparative studies and logical interpretation of legal norms, conducts a comparative analysis of the place of the category “personal dignity” based on the constitutional law of Russia and Germany. Three integral states of personal dignity are established (freedom, subjectivity, responsibility), the definitions of “personal dignity” and “human rights” are delimited on the basis of static/dynamic, a vector is set for dividing the phenomenon of personal dignity into positive (empowering element) and negative (protective and legal-restorative element) components. Based on the legal norms set out in Chapter 2 “Rights and Freedoms of Man and Citizen” of the Constitution of the Russian Federation (Articles 17-64) and in

Section I “Fundamental Rights” of the Basic Law of the Federal Republic of Germany (Articles 1-19), the basic conditions and powers expressing the “positive” and “negative” dignity of the individual. The final part concludes that in the constitutional law of Russia and Germany, the dignity of the individual is revealed primarily through the body of rights and freedoms of man and citizen. It is postulated that both legal orders have chosen a single mechanism for ensuring the actual dignity of the individual – a balance of positive and negative rights and freedoms that balance each other.
Keywords: dignity, freedom, human rights, constitutional law, Russia, Germany

For citation: Papin A.I. The category of “personal dignity” in the constitutional law of Russia and Germany. Modern Scientist. 2024. 5. P. 368 – 372. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-368-372

The article was submitted: April 8, 2024; Approved after reviewing: June 11, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Категория «достоинство личности» относится к числу основополагающих понятий конституционного права и законодательства современных демократических правовых государств. И хотя в силу особой метафизической природы явление человеческого достоинства довольно часто не определяется в конституциях или актах конституционного значения в формате нормы-дефиниции, сам корпус конституционных норм предусматривает пространные гарантии со стороны государства по обеспечению достоинства каждого человека и гражданина. Следовательно, актуальность поднимаемой в настоящей статье темы имеет непреходящее значение.

Материалы и методы исследований

Материалами для настоящей статьи послужили Конституция Российской Федерации, Основной закон ФРГ 1949 года, ведущие изыскания правовой доктрины в части поднимаемого проблемного поля, источники справочного и специального характера.

Методологическая основа исследования представлена формально-правовым методом, юридической компаративистикой, дискурсивным подходом, экстраполяцией, логическим толкованием правовых норм.

Результаты и обсуждения

К настоящему времени в дискурсе сформирован широкий массив определений категории «достоинство». В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля достоинство определяется как «стоимость, ценность, добротность, степень годности» [3, с. 494]. Из данной трактовки следует, что явление достоинства может быть присуще не только человеку, но и неодушевленному предмету материального мира, например, вещи как объекту экономических отношений (при этом очевидно, что индивидуума нельзя разуметь через стоимость и степень годности, стало быть, к человеку относится ценность). В Большой российской энциклопедии достоинство рассматривается в суженной интерпретации, как «характеристика человека с точки зрения его внутренней ценности, соответствия своему предназначению» [8]. В теологическом знании также постулируется принадлежность феномена достоинства к человеку, причем достоинство раскрывается в трех измерениях: 1) в онтологическом (уникальность человека как образа Божьего, а также «неисчерпаемость, богатство и благолепие внутреннего мира человеческой личности» [9]), 2) в этическом (следование нравственному закону и совести); 3) в религиозно-духовном («степень преображения человека сверхъестественной Божественной благодатью» [9]). Здесь небезынтересно отметить, что внутри церковных отношений категория «достоинство» эксплицируется в высокое положение внутри иерархии, которому соответствует совокупность исключительных нравственных качеств. Неслучайно в процессе хиротонии (рукоположения) архиерей произносит возглас «аксиос», что переводится с греческого как «достойный» [10].

Однако важно понимать, что категория достоинства, применимая к человеческой уникальности, обладает ценностью далеко не в каждом политико-правовом порядке. Так, например, в объемном Философском энциклопедическом словаре 1983 года, изданном во времена Советского Союза, отсутствует словарная статья, посвященная категории «достоинство», хотя данная дефиниция является устоявшейся и значимой для многовекового философского знания. Объяснение данному обстоятельству кроется в том, что в русле марксистской парадигмы достоинство не признавалось ценностью. Самостийность отдельно взятого человека игнорировалась, а во главе угла находилась мифическая классовая солидарность, которой на практике легитимировался произвол партийно-номенклатурной машины.

Достоинство личности, по нашему убеждению, стоит рассматривать в единстве трех неотъемле-

мых состояний:

1) свободы – способности как можно более беспрепятственного воспроизводства витальной функции в процессе осуществления биологических, социальных и духовных потребностей и желаний;

2) субъектности – возможности самостоятельного, не ограничиваемого произвольным давлением иных лиц, целеполагания и реализации намеченных целей в собственных интересах, а также обоснованной перцепции когнитивной и деятельностной автономности;

3) ответственности – неизбежности несения всевозможных каузальных последствий своего социального поведения (в содержание ответственности в юриспруденции принято включать деликтоспособность, которая варьируется в зависимости от членения отраслей права по установленным критериям).

Фактически, то есть в реальных правоотношениях, метафизическое явление достоинства реализуется в позитивном и негативном аспектах. Данные составляющие можно выделить на основе экстраполяции разделения свободы на позитивную и негативную. Исайя Берлин в этой связи считал, что позитивная свобода – это «свобода «для» – для реализации своих потребностей, намерений и желаний»[4, с. 131] (возможность «быть хозяином самому себе», «быть орудием действия», «быть субъектом, а не объектом» [6, с. 18]), в то время как негативная свобода – это «свобода «от» – от произвольного и нежелательного вмешательства кого бы то ни было в личное пространство индивида» [4, с. 131]).

Вышесказанное означает, что за достоинство личности в позитивном ключе отвечает совокупность юридических норм управомочивающего характера (например, речь идет о свободе предпринимательской деятельности, реализуя которую, индивид получает возможность упрочения собственного достоинства за счет укрепления материального положения и повышения социального статуса), а в негативном ключе – совокупность регуляторных норм правовосстановительного плана (например, в отечественной системе права (пункт 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]) предусматривается опция опровержения в установленном порядке сведений, негативно отражающихся на личном достоинстве в связи с их промульгацией в публичном поле).

В государственном праве категория «достоинство» стыкуется с феноменом прав человека, то есть с тем, что российский правовед А. Р. Филиппов определил как «совокупность действующих на определенной территории легальных свобод…, гарантируемых тем или иным государством не только юридически, но и фактически» [5, с. 318]. Однако между понятиями «достоинство личности» и «права человека» есть различие. Достоинство – это устойчивое состояние и самовосприятие человеком своей ценности (статичный элемент), в то время как права человека – это своего рода «окно возможностей» для воспроизводства тех действий, которые сохраняют и укрепляют достоинство (динамичный элемент). Вместе с тем достоинство и права человека сближает то обстоятельство, что правовая доктрина и «дух» демократического законодательства презюмируют их естественный характер.

Компаративный анализ категории «достоинство личности» в конституционном законодательстве России и Германии, в своем следствии позволит заметить, что исследуемая дефиниция одинаковым образом отражена в основополагающих юридических актах обеих стран.

В части 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации говорится о том, что «достоинство личности охраняется государством» [1], причем «ничто не может быть основанием для его умаления» [1]. В свою очередь, в части 1 статьи 1 Основного закона Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 года закрепляется, что «достоинство личности неприкосновенно» [7]. Однако в обоих актах юридическое содержание достоинства однозначным образом не раскрывается и упор делается на регламентации спектра прав и свобод, которые, как мы пытались показать ранее, способствуют выражению человеческого достоинства в его динамичном измерении.

Стало быть, ведущим методом развертывания категории «достоинство личности» с опорой на конституционную базу рассматриваемых правопорядков надлежит воспринимать логическое толкование правовых норм, изложенных в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации (статьи 17-64) и в Разделе I «Основные права» Основного закона Федеративной Республики Германии (статьи 1-19).

В результате использования приемов логического толкования, которые применялись в коллаборации с представленным ранее членением достоинства личности на позитивное и негативное, мы пришли к выводу, что «позитивное» достоинство личности в конституционном праве Российской Федерации и Германии раскрывается в единстве следующих состояний и правомочий:

1) указание национальной принадлежности или воздержание от указания такового;

2) выбор языка для общения по своему усмотрению;

3) свобода перемещений внутри страны или за ее пределами;

4) свобода совести, мысли и вероисповедания;

5) опция беспрепятственного информационного обмена;

6) участие в политической жизни путем волеизъявления или свободного доступа к замещению должностей госслужбы;

7) свобода конкурентной предпринимательской деятельности, базисом для которой служит право частной собственности;

8) право на жилище, образование и социальную помощь.

«Негативное» достоинство личности в конституционном праве рассматриваемых стран раскрывается в следующем содержании:

1) право на жизнь как запрет на неестественное умерщвление;

2) запрет применения пыток, насилия, жестокого и унижающего достоинства обращения, в том числе запрет на проведение вмешательства в тело человека без его согласия;

3) личная неприкосновенность и презумпция невиновности;

4) свобода частной жизни как недопустимость вмешательства в личное и семейное пространство индивида и как запрет на сбор информации о такой жизни, в том числе недопустимость вторжения в тайну информационного обмена;

5) неприкосновенность жилища, запрет на произвольное вторжение в персональное бытовое пространство;

6) запрет на дискриминацию по признаку принадлежности к миноритарным и/или мажоритарным стратам;

7) запрет на принудительный труд и использование рабского труда.

Кроме всего вышеозначенного, в законодательстве обеих стран содержится указание на возможность мотивированного ограничения прав и свобод человека, которые тем или иным образом отражаются на достоинстве личности. В части 3 статьи 55 Российской Конституции раскрываются основания, по которым права человека могут быть урезаны. В свою очередь, в статье 19 немецкого Основного закона говорится, что, если какое-либо право личности ограничивается, то такое ограничение должно распространяться на неопределенный круг лиц и не может носить казусный характер (в противном случае имело бы место дискриминация).

Выводы

В заключение статьи можно прийти к выводу о том, что феномен достоинства личности является одним из цементирующих оснований правового порядка и, что представляется еще более важным, – общественного согласия (консенсуса, компромисса, гармонии), под чем видные российские политологи О. Г. Новиков и А. Р. Филиппов понимают ситуацию, «при которой индивиды, институты и субъекты публичной власти имеют некие общие точки соприкосновения, становящиеся основой политической интеграции и кооперации» [6, с. 13].

В конституционном праве России и Германии категория «достоинство личности» раскрывается преимущественно через корпус прав и свобод человека и гражданина, которые в конечном счете служат достижению самого состояния достоинства. При этом в обоих правопорядках избран единый механизм обеспечения фактического достоинства личности – баланс позитивных и негативных прав и свобод, которые в своем единстве логически и сущностно уравновешивают друг друга. Вместе с тем сама номенклатура правомочий и ограничений, отражающих феномен личного достоинства, в конституционном праве обеих стран идентична, что объясняется одинаковой либерально-демократической направленностью фундаментальных юридических актов России и Германии.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Том первый. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 723 с.

4. Зубов В. В. Свобода как философско-правовая и политическая категория: история вопроса // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 3. С. 124 – 133.

5. Филиппов А. Р. Аксиоматический метод познания природы прав человека // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 318 – 322.

6. Филиппов А.Р., Новиков О.Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13 – 28.

7. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (дата обращения: 19.02.2024)
8. Большая российская энциклопедия 2004-2017 [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2630268 (дата обращения: 19.02.2024)
9. Достоинство – православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/dostoinstvo (дата обращения: 19.02.2024)
10. Словарь церковных терминов [Электронный ресурс]. URL: https://days.pravoslavie.ru/Life/slovar2126.htm (дата обращения: 19.02.2024)

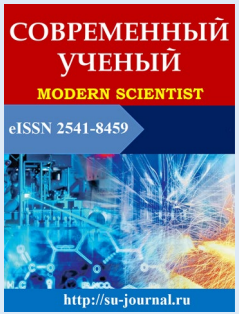
References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). “Rossiyskaya Gazeta” dated December 25, 1993, No. 237.
2. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (Part One). Collection of Legislation of the Russian Federation of December 5, 1994 No. 32 Art. 3301.
3. Dal V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In four volumes. Volume one. St. Petersburg: Publication by bookseller-typographer M. O. Wolf, 1880. 723 p.
4. Zubov V.V. Freedom as a philosophical, legal and political category: history of the issue. Gaps in Russian legislation. 2022. T. 15. No. 3. P. 124 – 133.
5. Filippov A. R. Axiomatic method of understanding the nature of human rights. Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. P. 318 – 322.
6. Filippov A.R., Novikov O.G. Theoretical approaches to the study of public consent. Socio-political sciences. 2023. T. 13. No. 5. P. 13 – 28.
7. Basic Law of the Federal Republic of Germany, May 23, 1949 [Electronic resource]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (access date: 02/19/2024)
8. Great Russian Encyclopedia 2004-2017 [Electronic resource]. URL: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2630268 (access date: 02/19/2024)
9. Dignity – Orthodox encyclopedia “The ABC of Faith” [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/dostoinstvo (access date: 02/19/2024)
10. Dictionary of church terms [Electronic resource]. URL: https://days.pravoslavie.ru/Life/slovar2126.htm (access date: 02/19/2024)

Информация об авторе

Папин А.И., аспирант, Саратовская государственная юридическая академия, saniapapin@yandex.ru

© Папин А.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.2/.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-373-379

К вопросу о способах защиты права собственности

[1] Кашаев К.А.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: в настоящей статье автор рассматривает, каким образом осуществляется на практике реализация частноправового механизма защиты права собственности, имеющего теоретико-мировоззренческую основу, ранее представленную нами в общем виде. При такой методологической установке автор опирается преимущественно на формально-догматический анализ действующего правопорядка. Автор приходит к выводу, что общие и специальные способы в составе частноправового механизма защиты права собственности в их современном закреплении исторически восходят к римскому праву и являются отражением солидной правокультурной традиции в развитии идей неприкосновенности собственности. С материальной точки зрения способы защиты права собственности определяются в плоскости юриспруденции интересов, направленной на достижение баланса между защитой прав и свобод индивидуумов, с одной стороны, и обеспечением благополучия и устойчивого развития общества в целом – с другой. С процедурной точки зрения способы защиты права собственности являются системно организованным комплексом предусмотренных законодательством правовых действий, когда права и интересы собственника нарушены. К общим способам защиты относятся те, что применимы к защите любых гражданских прав, в том числе и права собственности. Специальными являются те, посредством которых осуществляется исключительно защита права собственности. Значительная дифференциация способов защиты права собственности, возможность их выбора в конкретной юрисдикционной ситуации являются гарантией неприкосновенности собственности. Общие и специальные способы в составе частноправового механизма защиты права собственности реализуют компенсационную функцию гражданского права.
Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, способы защиты, негаторный иск, виндикационный иск, обязательственно-правовой способ защиты, вещно-правовой способ защиты

Для цитирования: Кашаев К.А. К вопросу о способах защиты права собственности // Современный ученый. 2024. № 5. С. 373 – 379. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-373-379

Поступила в редакцию: 9 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On the issue of ways to protect property rights

[1] Kashaev K.A.

[1] Federal State University of Education

Abstract: in this article, the author examines how the implementation of the private law mechanism for the protection of property rights, which has a theoretical and ideological basis, previously presented by us in general, is carried out in practice. With such a methodological approach, the author relies mainly on a formal dogmatic analysis

of the current legal order. The author comes to the conclusion that general and special methods as part of the private law mechanism for the protection of property rights in their modern consolidation historically date back to Roman law and are a reflection of a solid legal and cultural tradition in the development of ideas of inviolability of property. From a material point of view, the methods of protecting property rights are determined in the plane of jurisprudence of interests aimed at achieving a balance between protecting the rights and freedoms of individuals, on the one hand, and ensuring the well–being and sustainable development of society as a whole, on the other. From a procedural point of view, the methods of protecting property rights are a systemically organized set of legal actions provided for by law when the rights and interests of the owner are violated. General methods of protection include those that are applicable to the protection of any civil rights, including property rights. Special ones are those through which the exclusive protection of property rights is carried out. A significant differentiation of methods of protecting property rights, the possibility of their choice in a specific jurisdictional situation, is a guarantee of the inviolability of property. General and special methods as part of the private law mechanism for the protection of property rights implement the compensatory function of civil law.
Keywords: property right, protection of property rights, methods of protection, negatory claim, vindication claim, compulsory legal method of protection, proprietary legal method of protection

For citation: Kashaev K.A. On the issue of ways to protect property rights. Modern Scientist. 2024. 5. P. 373 – 379. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-373-379

The article was submitted: April 9, 2024; Approved after reviewing: June 11, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Как следует из содержания пункта 1 статьи 209 ГК РФ, право собственности представлено комплексном юридических возможностей, которые определяют процессы владения, распоряжения и пользования имуществом [1].

В соответствии с общим правилом, перечисленные полномочия могут быть реализованы собственником без согласия других лиц, так что в реализации своих законных имущественных интересов собственник автономен и свободен, если действует в легальном поле, то есть соблюдает установленные законом ограничения.

Помимо прочего, на собственника возлагается ответственность за исполнение обязанностей по содержанию имущества. В период владения могут реализовываться риски ненамеренного повреждения или утраты имущества. Если виновных нет, то и ущерб собственнику возмещен не будет.

Материалы и методы исследований

Термин «владение», используемый в пункте 1 статьи 224, пункте 1 статьи 302, статьях 338, 606 и некоторых других нормах ГК РФ, не имеет дефиниции. Тем не менее, его правовой смысл является интуитивно ясным и к тому же традиционным исторически, поскольку первоначальная разработка института владения, сохраняющая значимость вплоть до настоящего времени, принадлежит римскому праву. Владение – высшая форма обладания, когда лицо, завладев вещью, имеет в этом интерес «для себя», преследует цель удовлетворить некий личный имущественный интерес. Примером могут быть ситуации, подпадающие под пункты 1, 2 статьи 218 ГК РФ.

Также не закреплено в законе и указание, перечень каких действий лица может выступать в качестве доказательства факта владения имущественной собственностью. Например, если речь идет о жилом помещении, то в пользу владения свидетельствуют такие факты, как установление охранной сигнализации, заключение договоров на оказание клининговых, телекоммуникационных и / или коммунальных услуг и т.д.

В цивилистической доктрине по отношению к владению используется еще одно понятие, перешедшее из римского права, но в современном гражданском законодательстве не закрепленное, а именно – титул. В латинском языке слово titulus первоначально имело значение «причина», а потом приобрело специальный юридический смысл «законное основание», что впервые было зафиксировано в Дигестах [2].

Таким образом, быть титульным владельцем – значит обладать вещью на одном из законных к тому оснований. Например, если собственник автомобиля передает его в аренду в службу такси, то титульным владельцем будет уже не собственник, а арендатор.

Практический смысл понятия «титул» в том, что оно служит критерием отграничения субъектов, которые являются формальными собственниками и нет, так:

1) в случае, если права собственности возникли в соответствии с требованиями п. 1 ст. 234 ГК РФ, титул собственника является формальным.

Такое лицо длительное время фактически не владеет собственностью, хотя статус за ним закреплен;

2) в случае, если во время сделки купли-продажи оговорены условия, в соответствии с которыми титул собственника будет сохранен за продавцом до момента полной оплаты денежной суммы покупателем. Данное право предусмотрено содержанием ст. 491 ГК РФ и должно быть отражено в содержании договора. Договорное удержание титула будет сохранено до момента получения полной суммы денежных средств продавцом.

Далее, право пользования имуществом заключается в законной возможности извлекать из своего имущества полезные свойства, эксплуатировать его. Так, на основании пункта 2 статьи 288, пункта 1 статьи 346 ГК РФ собственник может проживать в принадлежащем ему жилом доме, а залогодатель, помимо прочего материального интереса – получать материальную выгоду.

При этом в целом ряде случаев законом прямо предусмотрено указание, каким именно образом дозволяется пользоваться вещью и какая ответственность наступает при несоблюдении данного предписания. Нормами Земельного законодательства установлена категоризация земельных участков. В отношении определенных категорий определены отдельные виды разрешенного пользования (пункты 1, 2 статьи 7 ЗК РФ) [3].

В отличие от физического обладания вещью при владении ею, что предполагает пассивное участие субъекта в реализации своего имущественного интереса, пользование подразумевает активность, когда лицу приходится извлекать из вещи полезные свойства. Например, владея аварийным зданием, извлечь пользу в виде получения дохода нельзя до тех пор, пока оно не будет приведено в надлежащее состояние.

Обычно тот, кто владеет имуществом, тот им и пользуется. Вместе с тем бывают и иные юрисдикционные ситуации, классический пример которых также восходит к римскому праву – это сервитут. Владелец земельного участка, который находится в непосредственной близости к другому участку, если имеется установленный сервитут, имеет возможность ограниченно использовать такой земельный участок, не будучи законным собственником, что определено в содержании пп. 1, 2 ст. 274 ГК РФ.

Иллюстративным примером также является передача собственности в аренду на основании соответствующего договора. Договор аренды предусматривает возможность передачи права пользования имуществом при одновременном сохранении права собственности за законным владельцем (статья 606 ГК РФ) [4]. Это весьма распространенная ситуация, когда лицо арендует небольшую торговую площадь в чужом магазине, получая тем самым право пользоваться частью магазина (к примеру, установить там автомат с кофе платежный терминал).

Используя принципы буквального толкования содержания п. 2 ст. 209 ГК РФ, приходим к выводу о том, что под распоряжением имуществом необходимо понимать законное право собственников принимать решение о том, что именно представляется возможным сделать с имеющимся во владении имуществом. Имуществом может быть отчуждено, предано в аренду, заложено и т.д.

В распоряжении имуществом есть правоограничения. Например, в пп. 6, 7 ст. 27 ЗК РФ установлен запрет на продажу сельскохозяйственных участков иностранному юрлицу. А в силу пункта 1 статьи 246 ГК РФ имуществом, которое находится в долевой собственности, подлежит распоряжению исключительно по факту достижения соглашения всеми владельцами.

Что же касается форм собственности, то их перечень закреплен в части 2 статьи 8 Конституции РФ, пунктах 1, 2 статьи 212, пункте 1 статьи 214, пункте 1 статьи 215 ГК РФ:

1. частная собственность, которая может принадлежать физическим и юридическим лицам;

2. государственная собственность РФ и собственность субъекта РФ;

3. муниципальная собственность городских и сельских поселений, а также других муниципальных образований.

В п. 1 ст. 244 ГК РФ определено, что собственность может быть индивидуальной или общей. Под общей необходимо понимать такую собственность, которая на законных основаниях принадлежит двум и более лицам.

Согласно п. 2 той же статьи, общая собственность может существовать в таких видах, как:

1) общедолевая собственность, что подразумевает обособление долей каждого владельца;

2) совместная общая собственность, что не подразумевает выделение долей.

Существуют различия в правах и ограничениях. Так, при реализации любых действий, связанных с распоряжением имуществом в совместной собственности, владельцам необходимо получать согласие сособственников, что следует из смысла содержания пп. 2, 4 ст. 253 ГК РФ. Получить соответствующее распоряжение от всех собственников требуется в том случае, если лицо владеет долевой собственностью, что соответствует со-

держанию п. 1 ст. 246 ГК РФ. Если данные требования не будут соблюдены, сделки могут быть признаны недействительными, что соответствует требованиям ст. 168 ГК РФ.

Все правомочия, которые были описаны выше, представляют собой юридическое содержание собственности.

Следует отметить, что к дефиниции понятия защиты права собственности возможны два подхода, условно назовем их материальным и процедурным.

Полагаем, что с материальной точки зрения данное понятие следует определять в плоскости юриспруденции интересов. Основателем научной школы «юриспруденция интересов» считается один из наиболее известных и влиятельных юристов XIX века, немецкий правовой философ Рудольф Иеринг (Rudolf von Jhering, 1818–1892). Согласно его концепции, при принятии юридических решений необходимо учитывать индивидуальные интересы в сочетании с интересами общества и государства. Данное обстоятельство не противоречит принципу естественно-правовой защиты прав и свобод отдельных лиц. Дело в том, что субъективное право тождественно законному интересу, что определяет необходимость установления юридической защиты. Кроме того, весомым аргументом в пользу трактовки материального содержания защиты права собственности с позиций юриспруденции интересов считаем собственно нормативный [5].

В процедурном плане гражданско-правовая защита права собственности выступает как комплекс предусмотренных законодательством правовых действий, когда права и интересы собственника нарушены, предусмотренных статьей 12 ГК РФ.

Результаты и обсуждения

Допустимый перечень способов правовой защиты в каждом конкретном случае определяется содержанием правовых норм, которые регламентируют отдельные виды правоотношений. Принимая во внимание содержание данных норм, индивид имеет возможность выбрать из данного перечня наиболее подходящий способ защиты или использовать несколько способов. Правом на определение допустимости использования выбранного способа защиты в конкретном случае владеет исключительно суд. Для этого определяются фактические обстоятельства правонарушения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2017 года №1791-О и №1792-О, от 28 декабря 2021 года №2870-О [6-8] и др.).

В содержании ст. 12 ГК РФ определен список допустимых к использованию способов защиты. В данном списке представляется возможным выделить общие и специальные способы. Среди общих способов можно выделить те, которые могут быть использованы в отношении любых гражданских прав. Соответственно, общие способы защиты применяются и в отношении права собственности. Специальными способами защиты, напротив, являются те, которые в рамках рассматриваемого права могут быть использованы исключительно для его защиты.

Законодатель определил две группы, на которые классифицируются специальные способы защиты рассматриваемого права. Исторически такое деление восходит к различению римском праве вещных исков (actiones in rem) и исков обязательственных (actiones in personam).

Специальными способами защиты права собственности являются:

1) виндикационный иск. Данный иск подразумевает истребование имущества, которое находится в чужом незаконном владении. Требования к подаче виндикационного иска устанавливаются содержанием ст. 301 ГК РФ;

2) негаторный иск. Данный иск подается владельцем имущества, требования связаны с устранением нарушений права собственности, которые не были сопряжены с нарушением права на владение. Требования к подаче негаторного иска определены в содержании ст. 304 ГК РФ.

К обязательственно-правовым способам защиты обычно относят иски, возникающие из договорных обязательств, связанных с имуществом – к примеру, это может быть требование арендодателя к арендатору вернуть вещь по окончании срока договора аренды, если его пролонгация договором не предусмотрена.

Анализ правовой практики позволяет определить следующие наиболее часто встречающиеся обязательственно-правовые иски:

– о признании недействительными сделок, совершение которых было сопряжено с нарушением права собственности. Удовлетворение данных исков подразумевает возврат законному владельцу собственности;

– о возврате материальный объектов, которые были переданы собственником во временное пользование в соответствии с договором;

– о компенсации вреда, который сопряжен с повреждением или утратой имущества;

– об истребовании неосновательного приобретенных или сбереженных материальных ценностей.

По той причине, что перечисленные иски обеспечивают защиту права собственности косвенно, то есть через исполнение обязательств, так или иначе связанных с имуществом, постольку и в системе способов защиты права собственности данный вид исков следует рассматривать в качестве второстепенного.

Соотношение вещно-правовых и обязательственно-правовых исков как таковое представляет серьезную практическую проблему. Конкуренция исков по российскому праву не допускается, и вместе с тем нормами российского права, восходящими к классическим цивилистическим формулам римского права, предусматривается сосуществование вещных и обязательственно-правовых исков, направленных на защиту собственности.

Анализ судебной практики позволил определить, что наличие обязательственных правоотношений между индивидами исключает возможность предъявления вещного иска.

В случае возникновения спора о возврате собственности, предпосылками чему является содержанием договорных отношений или в случае применимости последствий недействительности сделки, необходимо применением норм законодательства, который регулируют данный тип правоотношений. Если перечисленные условия отсутствуют, такой спор должен разрешаться в соответствии с требованиями ст. 301, 302 ГК РФ (п. 36 Постановления Пленума ВС РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [9]).

Далее, необходимо обратить внимание на существование такого способа защиты, как негаторный иск. Отличительной чертой данного иска от предыдущего является отсутствие взаимосвязи с фактом лишения владения. Соответственно, негаторный иск может быть предъявлен исключительно в том случае, если имуществом находится у собственника или субъекта, который имеет на то законные основания, то есть права собственности или владения не нарушаются. Предпосылкой же для возникновения негаторного иска являются действия третьего лица, которые нарушают иные виды правомочий (эксплуатация, распоряжение имуществом и пр.). Иными словами, негаторные иски подаются только собственниками, они направлены на защиту законных прав, не связанных с непосредственным владением материальным объектом, что соответствует содержанию ст. 304 ГК РФ.

В ст. 305 ГК РФ определено, что негаторные иски также могут быть предъявлены и другими лицами, которые не являются непосредственными собственниками, но имеют законные основания для возникновения ряда прав.

Владение имуществом может осуществляться:

1) в соответствии с законодательными основаниями (например, наличие права оперативного управления);

2) в соответствии с положениями гражданско-правового договора (например, в случае сдачи имущества в аренду).

Рассмотрим ситуации применения негаторного иска:

– третьим лицом осуществляются незаконные действий. В качестве примера приведем случай строительства сооружения при одновременном нарушении строительных норм и стандартов, что влечет за собой нарушение законных прав. Удовлетворение иска может повлечь за собой возникновение судебного требования о сносе незаконного объекта;

– со стороны третьего лица наблюдается бездействие, что противоречит требованиям закона. В качестве примера приведет случай использования на промышленном объекте устаревшего оборудования, что влечет за собой нарушение экологической обстановки и загрязнение соседних участков земли;

– действия третьего лица влекут за собой наступление реальной угрозы нарушения прав собственника или владельца. Так, строительная деятельность на близрасположенном участке может опосредовать возникновение реальной угрозы разрушения соседнего здания. Удовлетворение данного иска судом может способствовать остановке строительства;

– возникло нарушение прав собственника, однако, предъявление иска об истребовании объекта из чужого незаконного владения невозможно при условии, что была осуществлена незаконная регистрация перехода прав (пункт 3 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 2018 [10]).

Негаторный иск имеет право на существование как в случае нарушения прав непосредственно на объекте собственности, так и в случае нарушения прав на другом объекте. Так, негаторный иск может быть предъявлен в том случае, если вследствие перекрытия трубопровода на значительном удалении от спорного объекта, владелец не может пользоваться водоснабжением на своем объекте.

Ответчиком по негаторному иску выступает лицо, действием или бездействием которого нарушаются права истца в части пользования и/или распоряжения имуществом.

Таким образом, критериями различий между виндикационным и негаторным исками являются предмет иска и то, в чьем владении находится спорное имущество.

Выводы

Общие и специальные способы в составе частноправового механизма защиты права собственности в их современном закреплении исторически восходят к римскому праву и являются отражением солидной правокультурной традиции в развитии идей неприкосновенности собственности.

С материальной точки зрения способы защиты права собственности определяются в плоскости юриспруденции интересов, направленной на достижение баланса между защитой прав и свобод индивидуумов, с одной стороны, и обеспечением благополучия и устойчивого развития общества в целом – с другой.

С процедурной точки зрения способы защиты права собственности являются системно организованным комплексом предусмотренных законодательством правовых действий, когда права и интересы собственника нарушены. К общим способам защиты относятся те, что применимы к защите любых гражданских прав, в том числе и права собственности. Специальными являются те, посредством которых осуществляется исключительно защита права собственности.

Значительная дифференциация способов защиты права собственности, возможность их выбора в конкретной юрисдикционной ситуации являются гарантией неприкосновенности собственности.

Общие и специальные способы в составе частноправового механизма защиты права собственности реализуют компенсационную функцию гражданского права.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. №136-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

4. Иеринг Р. Интерес и право. Ярославль, 1880. 310 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_135614CB9D0F468-F348-4C9A-84E5-F2C87E113449/ (дата обращения: 17.02.2024)

5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 г. № 1792-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вельмискиной Галины Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 302 и статьей 304 Гражданского кодекса Российской Федерации». https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=515382&cacheid=0DCCDA700A48FF2A344BFA69228B022F&mode=splus&rnd=yQ0YXEUbnTb3lyqE#MSWZXEUcPCyh7D1d1 (дата обращения: 17.02.2024)

6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 г. №2870-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Гранд" на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 200, статьей 301 и пунктом 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации». https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=699853&cacheid=86BDF2565150E344A6E51891537BF94F&mode=splus&rnd=yQ0YXEUbnTb3lyqE#Hw0aXEUkBronXo6t (дата обращения: 17.02.2024)

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29.04.2010 г. (ред. от 12.12.2023 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. июль. 2010.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. март. 2019 (начало); № 4. апрель. 2019 (окончание).

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.

2. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on February 14, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 10/29/2001. No. 44. Art. 4147.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on July 24, 2023). Collection of Legislation of the Russian Federation. 01/29/1996. No. 5. Art. 410.

4. Iering R. Interest and law. Yaroslavl, 1880. 310 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_135614CB9D0F468-F348-4C9A-84E5-F2C87E113449/ (access date: 02/17/2024)

5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 21, 2017 No. 1792-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Galina Mikhailovna Velmiskina about the violation of her constitutional rights by paragraph 1 of Article 302 and Article 304 of the Civil Code of the Russian Federation". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=515382&cacheid=0DCCDA700A48FF2A344BFA69228B022F&mode=splus&rnd=yQ0YXEUbnTb3lyqE#MSWZXEUcPCyh7D1d1 (date of access: 17. 02.2024)

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 28, 2021 No. 2870-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company "Grand" about the violation of its constitutional rights by paragraph 1 of Article 200, Article 301 and paragraph 1 of Article 302 Civil Code of the Russian Federation". https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=699853&cacheid=86BDF2565150E344A6E51891537BF94F&mode=splus&rnd=yQ0YXEUbnTb3lyqE#Hw0aXEUkBronXo6t (date of access: 02/17/2024)

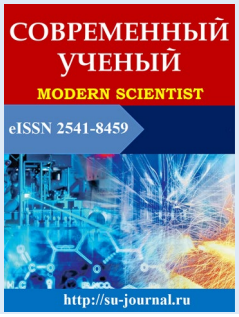
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 of April 29, 2010 (as amended on December 12, 2023) "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other real rights". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 7. July. 2010.

8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 4, 2018). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 3. March. 2019 (beginning); No. 4. April. 2019 (end).

Информация об авторе

Кашаев К.А., первый проректор, Государственный университет просвещения

© Кашаев К.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.463
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-380-386

К вопросу о нормативно-правовом регулировании морских перевозок с применением коносамента

[1, 2] Кузин Н.Н., [3] Хабибулаев А.Х., [4] Шадрина Е.Г.

[1] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
[2] Санкт-Петербургский университет МВД России,
[3] Юридический институт, г. Санкт-Петербург,
[4] Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация: в статье исследуется правовое регулирование института морских перевозок грузов, которое характеризуется сложностью, наличием огромного количества коллизий между национальными и международными правовыми нормами. В современных сложившихся условиях нормативно-правовое регулирование коносамента требует от законодателя не осуществление либеральных подходов, а выполнения тех задач, которые соответствуют интересам России. Доказывается необходимость в условиях цифровизации в ситуации с Северным морским путём, наряду с существующими в мире электронными системами, разработки новой российской «оболочки», имеющая полную идентификацию как российская электронная система с возможность интеграции других систем коносамента на взаимовыгодной основе. Предлагается авторская идея введение понятия «ответственный центр» для обеспечения экстраполяции действия коносамента на всю протяжённость логистического маршрута, а также понятий полной и частичной пропагации коносамента, что влечет потерю смысловой нагрузки именного, ордерного коносаментов и коносамента на предъявителя, как юридических понятий, в силу принадлежности СМП, как логистического канала, целиком и полностью Российской Федерации. Данный посыл соответствует основным характеристикам самодостаточного независимого государства, способного нести полную ответственность при перевозке грузов без дополнительной документации и согласований.
Ключевые слова: коносамент, логистический торговый маршрут, морская перевозка грузов, морской груз, пропагация, товарораспорядительный документ, ценная бумага, цифровизация

Для цитирования: Кузин Н.Н., Хабибулаев А.Х., Шадрина Е.Г. К вопросу о нормативно-правовом регулировании морских перевозок с применением коносамента // Современный ученый. 2024. № 5. С. 380 – 386. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-380-386

Поступила в редакцию: 9 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования:12 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On the issue of regulation and legal regulation of marine transportation with the use of a bill of lading

[1, 2] Kuzin N.N., [3] Khabibulaev A.Kh., [4] Shadrina E.G.

[1] *Herzen State Pedagogical University of Russia,*
[2] *St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,*
[3] *Law Institute, St. Petersburg,*
[4] *Leningrad State University named after A.S. Pushkin*

Abstract: the article examines the legal regulation of the institution of maritime transportation of goods, which is characterized by complexity and the presence of a huge number of conflicts between national and international legal norms. In the current prevailing conditions, the legal regulation of a bill of lading requires the legislator not to implement liberal approaches, but to carry out those tasks that correspond to the interests of Russia. The necessity is proved in the conditions of digitalization in the situation with the Northern Sea Route, along with the electronic systems existing in the world, to develop a new Russian "shell" that has full identification as a Russian electronic system with the ability to integrate other bill of lading systems on a mutually beneficial basis. The author's idea is to introduce the concept of "responsible center" to ensure extrapolation of the validity of the bill of lading over the entire length of the logistics route, as well as the concepts of full and partial propagation of the bill of lading, which entails the loss of the semantic load of registered, order and bearer bills of lading, as legal concepts, due to ownership NSR, as a logistics channel, belongs entirely to the Russian Federation. This promise corresponds to the main characteristics of a self-sufficient independent state, capable of bearing full responsibility for the transportation of goods without additional documentation and approvals.
Keywords: bill of lading, logistics trade route, sea transportation of goods, sea cargo, propagation, document of title, security, digitalization

For citation: Kuzin N.N., Khabibulaev A.Kh., Shadrina E.G. On the issue of regulation and legal regulation of marine transportation with the use of a bill of lading. Modern Scientist. 2024. 5. P. 380 – 386. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-380-386

The article was submitted: April 9, 2024; Approved after reviewing: June 12, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Учитывая специфику коносамента в исторической ретроспективе, необходимо отметить его важность и серьёзное значение для развития морских перевозок как в системе международных отношений и международного права, так и в системе предпринимательского права Российской Федерации, выражающего на основе соединения частных и публичных интересов отношений по предпринимательской деятельности.

Данный контекст выражает соответствующие коносаменту особенности как документу, удостоверяющему право собственности на морской груз и выданный перевозчиком адресно грузовладельцу. Если обобщать до общепринятых хозяйственных практик по данному документу, то можно с известной долей условности определить его статус не только как удостоверителя, но и как документа способного обеспечить кредит на товар (груз). Многофункциональность морского коносамента описана достаточно подробно и привлекает роспись условий перевозчика для получения товара (груза) когда груз имеет видимое состояние, подтверждается договором его перевозки и относится к товарораспорядительной документации. Коносамент – это индивидуальная и каждый раз составляемая заново документарная торговая ценная бумага, удостоверяющая право предъявителя распорядиться указанным в коносаменте грузом и получить его после завершения перевозки. За несколько веков применения в морских торговых перевозках содержание и реквизиты коносамента устоялись, что позволило стандартизировать их бланки и упростить оформление морской перевозки грузов [5]. Нельзя также отрицать того, что институт морской перевозки груза всегда являл собой комплексный пограничный межотраслевой институт, регулируемый обычаями, гражданским, административным, морским, международным публичным и международным частным правом, при этом обладал всеми свойствами предпринимательского (хозяйственного договора) [10].

Одним из факторов, способствующих надежности коносаментов, является тот факт, что перевозчик гарантирует точность сведений, касающихся грузов, и несет за это ответственность перед их законными владельцами. Покупатель не имеет возможности проверить товар, который находится в пути, поэтому должен полагаться на сведения, указанные в коносаменте [4].

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании в качестве материалом выступают международные документы и Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. Методами исследования являются анализ существующей правовой базы, регулирующей морские перевозки грузов с использованием коносамента, а также иные частноправовые методы познания (сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический).

Результаты и обсуждения

Правовое регулирование института морских перевозок грузов характеризуется сложностью, наличием огромного количества коллизий между национальными и международными правовыми нормами [1]. Для рассуждений по развитию морского грузооборота исключим влияние сквозного коносамента, а также претензии и споры сторон по смешанным формам перевозки товаров (грузов). Нормативно-правовое регулирование коносамента осуществляется Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации (далее Кодекс) [6]. Нормативное влияние на изменения к подходам к коносаменту существенно оказывают некоторые международные конвенции, а также Carriage of Goods by Sea Act, COGSA (США). В сегодняшней ситуации нормативно-правовое регулирование коносамента не осуществляет либеральный подход, а стремиться выполнить те задачи, которые соответствуют интересам России. В данном случае, на наш взгляд, особое предпочтение необходимо отдавать бортовому коносаменту, коносаменту с оговоркой, линейному пароходному коносаменту и фрахтовому коносаменту. Особое внимание из перечисленных коносаментов также занимает фрахтовый коносамент, так как он не считается документом, которым оформляются договоры морских перевозок, а только инкорпорируются отдельные пункты по ссылке из договоров морских перевозок, такие как фрахт и другие причитающиеся перевозчику платежи. Необходимо учитывать так же ценность коносамента, который даёт возможность не осведомлять получателей грузов об условиях перепродажи перевозки их грузов, но учитывает в себе информацию о всех условиях перевозки от аварии до арбитража.

Говоря о предложениях доставки грузов морским путём с использованием коносамента необходимо уделять внимание оптимальной дешевизне по сравнению с другими путями для практических способов доставки генеральных грузов и экспорта. Важно учитывать схему перевозки, а также альтернативные пути, такие как Северный морской путь (СМП), предложенный Российской Федерацией как единственно безопасный на сегодняшний день. Вообще схемы международных и каботажных морских перевозок подбираются под оптимальное решение по стоимости морского фрахта, исходя из ситуации на экспортно-импортных направлениях стран Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Исключением не являются и внутрироссийские направления, которые включают порты Дальнего Востока и российского Севера, не входящие в полярный кодекс [9].

Итак, статус коносамента как товарораспорядительного документа внешней торговли, удостоверяющий наличие договора, по сути, расписка, но весьма ценная, которая будет принята в арбитраже любой страны по фрахту груза. В этом смысле, в процессе цифровизации, необходимо рассмотреть возможность применения электронного коносамента [3], для налаживания безбумажного документооборота при морских перевозках. Bolero, GlobalTrade, и TradeCard это та электронная среда, которая позволяет цифровизировать коносамент, однако в ситуации с Северным Морским Путём необходима принципиально новая оболочка, имеющая полную идентификацию как российская электронная система с возможность интеграции других систем коносамента на взаимовыгодной основе. То есть электронная среда коносамента на уровне заключения договоров перевозки грузов экстраполируется на вновь возникающие системы электронных договоров. Основная проблема здесь в разработке такой системы и её нормативно-правовом регулировании. По нашему мнению нормативная часть Кодекса должна содержать и властные предписания для владельцев такой электронной среды, так как продажу товаров, находящихся в пути обеспечивает коносамент.

Говоря о коносаменте как о ценной бумаге необходимо учитывать вопросы перепродажи грузов в пути или по фрахту. Это означает, что данный товарораспорядительный документ успешно перепродаётся в морском деле. Да, действительно, у коносамента есть все признаки ценной бумаги и в отличие от эмиссионных ценных бумаг и векселей этот документ, пожалуй, является единственным документом, который может стать источником кредита на товар. Говоря о многообразии коносамента как документа олицетворяющего харак-

теристики груза, товарную накладную, услуги по доставки товаров, накладную на груз он является ярким представителем кредитного договора под конкретный транспортируемый морским путём товар. Это понимание коносамента исходит из последовательности действий каждой стороны, которая на случай непредвиденных обстоятельств снижает ответственность перевозчика и является страховкой за повреждения груза по ним.

Рассматривая океанские и морские просторы в альтернативу речным перевозкам, необходимо отметить, что для коносамента по океанским и морским фрахтам страховой режим является обязательным, что соответствует предусмотренным обязанностям для перевозчика под его ответственность за вверенное (переданное) ему имущество. Бытует мнение о том, что коносамент без дополнительных оговорок перевозчика не снимает ответственности за сохранность груза, что означает освобождение страховщика от ответственности по претензиям. Претензии, в данном случае, являются предметом оговорок, и страховой случай требует доказывания. Вместе с тем, грузоотправитель, предоставляющий перевозчику гарантийное письмо по удовлетворению претензий «взятых на себя», как факт умалчивания приравнивается к мошенничеству и рассматривается в уголовном порядке.

Теперь несколько слов о доказательственной силе коносамента, как документа с уникальными свойствами. Исходя из положений морского права, межгосударственные соглашения координируют деятельность разных государств в этой области и имеют общий подход к выдаче груза на основании первого из предъявляемых документов коносамента. В такой ситуации остальные оригиналы теряют силу, но по их содержанию можно определить размер страховки по всему фрахту. В данном случае необходимо не смешивать понятия «коносамент» и «морская накладная». Последняя применима для внутреннего водного транспорта.

С точки зрения предпринимательской деятельности бортовой коносамент в системе электронной торговли [7] также представляет интерес, так как является единственным документом доказывающим поступление товара на борт судна в исправном состоянии. То есть цепочка документов коносамента подтверждает абсолютно все действия по грузу на борту судов, не смотря на перегрузку с борта на борт, а также изменений маршрутов и расстояний. Данные разрывы являются актуальными для океанских и морских перевозок, а также для системы платежей по подтверждённым коносаментом договоров. В этом смысле надо уделить внимание порядку взаиморасчётов по коносаменту, который представляет из себя простые прямые платежи по услуге перевозке, но имеющие особенности в системе страхования груза с определённым реверсным возвратом денежных средств страховщику.

При ассоциативном сравнении коносамента и договора строительного подряда необходимо сфокусировать внимание на некоторую схожесть этих явлений, так как и первое и второе требуют всё-таки дополнительных документов и обоснований для достижения конечной цели. В случае с договором строительного подряда, цена конечной продукции в виде здания и сооружения формируется исходя из сметных расчётов, предшествующих строительству и увеличивается в зависимости от непредвиденных обстоятельств в ходе самого технологического процесса строительства. Отсюда и обязательных приложений к такому договору значительное количество по факту формирования обусловленной цены. Однако в договоре строительного подряда существует влияние нормативно-технического регулирования, что уравнивает последовательность ценообразования, коносамент же такой последовательности не предполагает. Однако, в сложившейся ситуации, с точки зрения предпринимательского права, в структуре института ценообразования, формирующего цену любой услуги или товара, необходимо внедрить понятие «ответственный центр» для обеспечения пропагации действия коносамента на всю протяжённость логистического маршрута при перевозке грузов морским путём. И если ответственным центром Северного морского пути могут являться порты Мурманск, Петропавловск-Камчатский и все промежуточные порты между ними на логистическом пути, то Южный торговый путь не может обеспечить коносаменту пропагацию по логистике. Это объясняется тем, что на всём своём протяжении в силу множества портов различных государств, обеспечивающих фрахт и имеющих разную возможность по обеспечению экономической безопасности грузоперевозчиков система надёжности коносамента может пострадать, и страховка как свойство этого документа здесь будет играть значительную роль. Однако, лояльные Российской Федерации порты, такие как Тартус (Сирия), в перспективе могут стать таким ответственным центром, что подразумевает формула многополярного мира, противостоящий глобализационным процессам, в том числе и в морских торговых маршрутах. Контроль коносамента и есть самая важная задача, которая должна быть урегулирована в системе российского законодательства.

Итак, экстарполяция коносамента на логистические торговые маршруты обеспечивает его га-

рантийность перед поставщиками и получателями в зависимости от способности государств обеспечить надёжность поставки, как в безопасном режиме, так и с учётом качества перевозки. Вместе с тем, регулирование цены по коносаменту является весьма непредсказуемым, что даёт возможность контролёрам коносамента игнорировать интересы и принципы других партнёров (государств).

Отдельно необходимо выделить, что авторская идея по пропагации коносамента отличается от передачи коносамента по правилам, утверждённым в ст. 148 Кодекса для именных и ордерных коносаментов. Доминирующая идея состоит в том, что фрахт, как соответствующая плата за перевозку груза тем выше, чем больше протяжённость морского логистического пути, и по сути фрахт – это не только плата за натуральные показатели груза, но и за сам путь. Это означает, что ответственность стран, находящихся на логистическом пути движения или перемещения товара при контроле всего маршрута должна утверждаться априори. Предлагается ввести понятие полной и частичной пропагации коносамента, где полная пропагация будет означать тотальный контроль страны на всём маршруте перевозки груза, а частичная совокупною форму контроля на условиях солидарных обязательств.

Выше уже было указано на тот факт, что коносамент как документ требует соответствующих приложений к нему. Авторами предлагается, в ситуации с полной пропагацией коносамента обходится минимумом дополнительных документов, так как ответственность по всему логистическому пути несёт одно государство. Соответственно и ценовая политика, с точки зрения заинтересованных в перевозке груза лиц будет осуществляться на условиях заключённых договоров без участия третьих лиц, и как следствие выражаться в валюте той страны, которая доминирует на логистическом маршруте. Это означает, например, что российский Северный Морской Путь, как логистический канал будет значительно привлекательнее южного морского пути в силу полной пропагации коносамента, который определяет все необходимые ожидаемые значения экономических величин при переносе предварительных оплат за перевозку грузов на результаты будущих периодов.

В аспекте нормативно-правого регулирования, с учётом указанных нами дополнений, необходимо также добавить, что понимание именного, ордерного коносаментов и коносамента на предъявителя, как юридических понятий, в этом случае не несут какой-либо особенной смысловой нагрузки для законодателя, что требует введения нового понятия «полный коносамент», в силу принадлежности СМП как логистического канала, целиком и полностью Российской Федерации.Данный посыл соответствует основным характеристикам самодостаточного независимого государства, способного нести полную ответственность при перевозке грузов без дополнительной документации и согласований.

В этом аспекте порядок работы над коносаментом так же меняет смысл и требует нормативных корректировок и добавлений в аспекте наших рассуждений. А именно, наряду с основными характеристиками грузов (вид, количество и т.д.) штурманская записка приобретает единую электронную форму подтверждения груза на суднеи не потребует составления в трёх экземплярах, а покупатель получит товар после регистрации в соответствующем электронном приложении компании-перевозчика, где такая записка так же отражается.

Вместе с тем данное удобство может инициировать внесение изменений в соответствующие положения по бухгалтерскому учёту [8], так как требования к ведению бухгалтерского учёта, изложенные в положениях по бухгалтерскому учёту сочетаются с требованиями по ведению налогового учёта. И если автоматизированные системы НДС (АСК НДС), на сегодняшний день способны регистрировать кассовые разрывы до двух миллионов рублей и переводитьнедобросовестных исполнителей в ручной режим контроля, то плата за перевозку заключается не только в целях бюджетирования. Плата за перевозку является многоаспектной и может осуществляться организациями (пароходствами) со значительной долей уставного капитала Российской Федерации или федеральными казёнными учреждениями. В данном случае значительная доля доходной части должна поступать в бюджет.

Это означает, что требуется внесение изменений в нормативно-правовое регулирование вопросов коносамента по отношению к требованиям бухгалтерского и налогового учёта, а также реализации связи электронных систем финансового и налогового контроля с системами электронных платежей по полному коносаменту. В данном аспекте предлагается внести в Кодекс норму, регулирующую совместимость электронных систем пароходств, частных компаний, логистических контролёров, электронных платёжных систем с возможностью получения заинтересованными лицами полного коносамента экстраполирующего ценовые вопросы по перевозке грузов на всю протяжённость логистического маршрута СМП.

В практике международного судоходства применяются разные проформы коносаментов (разработанные и рекомендованные объединениями су-

довладельцев, клубами взаимного страхования и т.п.), сложились обыкновения по оформлению, передаче коносаментов, но тем не менее есть еще необходимость в дальнейшем совершенствовании отечественного законодательства и правоприменения, регулирующего использование коносамента, так как в судебной практике встречаются различные взгляды на доказательную силу коносамента, и это приводит к разным (часто противоположным) судебным решениям по аналогичным делам [2].

Выводы

В завершении рассуждений сделаем окончательные выводыо нормативно-правовом регулировании морских перевозок с применением коносаментаи развитию морского грузооборота России.

1. В современных сложившихся условиях нормативно-правовое регулирование коносамента требует от законодателя не осуществление либеральных подходов, а выполнения тех задач, которые соответствуют интересам России.

2. Наряду с существующими в мире электронными системами, в ситуации с СМП необходима принципиально новая «оболочка», имеющая полную идентификацию как российская электронная система, предоставляющая возможность интеграции на основе нетарифного регулирования.

3. Необходимо нормативно ввести понятие «ответственный центр» для обеспечения экстраполяции действия коносамента на всю протяжённость логистического маршрута при перевозке грузов морским путём (СМП).

4. Предлагается ввести понятие полной и частичной пропагации коносамента, где полная экстраполяция будет означать тотальный контроль страны на всём маршруте перевозки груза, а частичная – совокупною форму контроля на условиях солидарных обязательств заинтересованных лиц.

Список источников

1. Аль Али Н.А.Р. Применимое право в договоре международной морской перевозки грузов // Публично-правовые проблемы транспортного права: Материалы Пятого международного транспортно-правового форума, Москва, 15-16 февраля 2023 года. Москва: Российский университет транспорта, 2023. С. 146 – 155.

2. Гандзиошин С.А. Доказательственная сила коносамента: возможные пути совершенствования законодательства // Транспортное право и безопасность. 2022. № 4 (44). С. 170 – 175.

3. Голубчик А.М., Катюха П.Б. Возможность применения электронного коносамента в практике международных нефтетрейдеров // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 4. С. 97 – 106.

4. Гуцуляк В.Н. Оговорки в коносаменте и их юридическое значение // Транспортное право и безопасность. 2019. № 4 (32).

5. Иншакова А.О. Коносамент в правовом обеспечении внешнеторговой деятельности: от личной выписки до электронного криптокода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 3. С. 375 – 393.

6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 19.10.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024).

7. Международные правила толкования торговых терминов" Инкотермс 2000".

8. Приказ Минфина РФ от 29.07.1998 N 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчётности в Российской Федерации.

9. РЕЗОЛЮЦИЯ MSC.385(94) (принята 21 ноября 2014 года) Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс).

10. Хабибулаев А.Х. Теоретические воззрения на правовую природу и юридическую конструкцию договора морской перевозки грузов в научных трудах начала XX в. // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 14 – 18.

References

1. Al Ali N.A.R. Applicable law in a contract for the international carriage of goods by sea. Public legal problems of transport law: Materials of the Fifth International Transport Legal Forum, Moscow, February 15-16, 2023. Moscow: Russian University of Transport, 2023. P. 146 – 155.

2. Gandzioshin S.A. Evidentiary power of a bill of lading: possible ways to improve legislation. Transport Law and Security. 2022. No. 4 (44). P. 170 – 175.

3. Golubchik A.M., Katyukha P.B. The possibility of using an electronic bill of lading in the practice of international oil traders. Russian Foreign Economic Bulletin. 2017. No. 4. P. 97 – 106.

4. Gutsulyak V.N. Reservations in the bill of lading and their legal significance. Transport Law and Security. 2019. No. 4 (32).

5. Inshakova A.O. Bill of lading in the legal support of foreign trade activities: from personal statement to electronic crypto code. Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Legal sciences. 2019. Vol. 23. No. 3. P. 375 – 393.

6. Merchant Shipping Code of the Russian Federation dated April 30, 1999 N 81-FZ (as amended on October 19, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2024).

7. International rules for the interpretation of trade terms "Incoterms 2000".

8. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated July 29, 1998 N 34n “On approval of the Regulations on accounting and financial reporting in the Russian Federation.

9. RESOLUTION MSC.385(94) (adopted 21 November 2014) International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code).

10. Khabibulaev A.Kh. Theoretical views on the legal nature and legal structure of the contract for the carriage of goods by sea in scientific works of the early twentieth century. Theoretical and applied jurisprudence. 2022. No. 4 (14). P. 14 – 18.

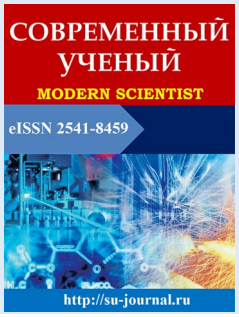
Информация об авторах

Кузин Н.Н., кандидат технических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский университет МВД России

Хабибулаев А.Х., кандидат юридических наук, Юридический институт (Санкт-Петербург)

Шадрина Е.Г., кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

© Кузин Н.Н., Хабибулаев А.Х., Шадрина Е.Г., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.441.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-387-391

Становление и развитие понятия «принцип свободы договора» в цивилистическом законодательстве России

[1] Латынин А.О.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы возникновения и развития такого понятия, как «принцип свободы договора» в российской действительности. В настоящее время данный принцип рассматривается в качестве основного в системе гражданского законодательства. Фактически, подписание любого договора должно соответствовать указанному принципу. Формирование принципа свободы договора стало следствием развития системы договорных отношений. По мере развития общества и в силу смены политического курса возникла необходимость расширения пределов свободы субъектов гражданского оборота. В данной статье осуществлен анализ первоисточников и предпосылок развития принципа свободы договора.
Ключевые слова: свобода договора, гражданское право, принцип гражданского права, договор, договорные отношения, диспозитивность гражданско-правовых отношений, история гражданского права

Для цитирования: Латынин А.О. Становление и развитие понятия «принцип свободы договора» в цивилистическом законодательстве России // Современный ученый. 2024. № 5. С. 387 – 391. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-387-391

Поступила в редакцию: 10 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Formation and development of the concept "the principle of freedom of contract" in the civil law of Russia

[1] Latynin A.O.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article discusses the emergence and development of such a concept as the “principle of freedom of contract” in Russian reality. Currently, this principle is considered as the main one in the civil legislation system. In fact, the signing of any agreement must comply with this principle. The formation of the principle of freedom of contract was a consequence of the development of the system of contractual relations. As society developed and due to changes in political course, the need arose to expand the limits of freedom of subjects of civil turnover. This article analyzes the primary sources and prerequisites for the development of the principle of freedom of contract.
Keywords: freedom of contract, civil law, principle of civil law, contract, contractual relations, dispositivity of civil law relations, history of civil law

For citation: Latynin A.O. Formation and development of the concept "the principle of freedom of contract" in the civil law of Russia. Modern Scientist. 2024. 5. P. 387 – 391. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-387-391

The article was submitted: April 10, 2024; Approved after reviewing: June 13, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Под договором необходимо понимать свободное соглашение, заключенное между субъектами права и отражающее их свободную волю. Данной позиции придерживаются такие исследователи, как В.Г. Вердников, А.Ю. Кабалкин [1, с. 46]. Сформулированное в годы исследований представление о сущностном значении гражданско-правового договора соответствовало законодательному регламенту. Исследователи подчеркивали существование тенденции к расширению свободы усмотрения субъектов. Необходимо учитывать, что смысл использования института утратится в том случае, если субъекты не смогут в его содержании изъявлять собственную волю. Раннее субъекты правоотношений находились в сильной зависимости от плановых предписаний. Данное обстоятельство указывает на то, что истинный смысл договорных отношений утрачивается. В.В. Витрянский указывает на то, что современные проблемы договорных отношений получили предпосылки возникновения именно в указанный период времени [2, с. 22].

Материалы и методы исследований

Согласно положениям, представленным в п. 2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ, физические и юридические лица имеют право на использование института гражданско-правового договора с целью установления собственных прав и обязанностей. Условия, которые вносятся в содержание договора, не должны вступать в противоречие с законодательными требованиями [3]. Так, принцип свободы договора закреплен на уровне законодательных норм. Соответственно, институт гражданско-правового договора имеют высокую значимость для гражданского оборота.

Сущностное значение и цели применения принципа свободы договора рассматривались большим количеством отечественных исследователей. С.С. Алексеев в своих исследованиях утверждал о том, что свобода договора представляет собой одно из наиболее важных достижений российской демократии [4, с. 225]. В трудах И.А. Покровском приводятся рассуждения о состоянии системы гражданского права. Автор считает, что принцип свободы договора выступает в качестве основного первоисточника самого существования системы гражданского права. Кроме того, переход к системе частной собственности, который состоялся после становления новой российской государственности, усилил внимание к проблеме существования и реализации данного принципа [5, с. 65].

С.В. Пахман утверждал о том, что снижение уровня гражданской свободы, а также отсутствие развитых потребностей в приобретении и обороте материальных ценностей, обуславливает невозможность развития института частного распоряжения. По этой причине в тот период российской истории не представлялось возможным дать развитие отношениям между субъектами гражданского оборота, которые основаны на сделке. Сложные и развитые формы гражданского оборота характерны для более высоких уровней развития общественной культуры [6, с. 50]. Фактически, в предыдущие периоды развития институт обязательственного права отличался неопределенностью форм гражданско-правовых отношений между субъектами. Отсутствие категорированных обязанностей субъектов гражданского оборота стимулировало формирование принципа свободы договора [7].

В некоторых трудах отечественных цивилистов приводится мнение о том, что принцип свободы договоры был характерен для института обязательственного права вне зависимости от того, какой именно период развития права рассматривается. Н.А. Танага считает, что в российской действительности эволюция развития договорных отношений всегда сопровождалась существованием принципа свободы договора. В данном случае не имеет значения факт того, говорилось ли открыто о существовании данного принципа [8, с. 60]. В подтверждение данной позиции целесообразно обратиться к позиции В.В. Момотова. Автор утверждает о том, что в Средние века на территории современного российского государства лица имели возможность свободно изъявить собственную волю, что становилось причиной возникновения обязательственных отношений. Граждане имели возможность заключать договор [9, с. 257]. Как следствие, всякий договор должен рассматриваться в качестве предпосылки для формирования обязательственных отношений. Такие отношения всегда сопряжены с волеизъявлением граждан.

Впервые законодательное закрепление данного принципа состоялось в начале двадцатого столетия. Само по себе существование принципа свободного договора привлекало внимание большого количества исследователей. Немаловажное значение для эволюции свободы договора имеет судебная практика. В трудах И.А. Покровского указано, что любой договор представляет собой инстру-

мент реализации частной автономии. Проявление активной свободы определяет возможность существования системы гражданского права [10, с. 249-250]. По мнению Г.Ф. Шершеневича, свобода договора сопряжена с институтом частной собственности. Одновременно необходимыми этапами стали: ликвидация субъективных ограничений и отказ от формализма. На сегодняшний день свобода договора выступает в качестве одной из основных форм организации правопорядка в обществе [11, с. 308].

Наибольшее внимание к проблеме анализа данного принципа было уделено И.А. Покровским. Автор отразил полученные результаты исследования в труде «Основные проблемы гражданского права» (1917). В данном труде была обособлена отдельная глава, которая посвящена обсуждению вопросов договорной свободы. По мнению исследователя, данный принцип выступает в качестве основной предпосылки развития гражданского права [10, с. 249-250]. Автор выделил положительные и отрицательные аспекты реализации данного принципа. Так, положительным проявлением данного принципа является предоставление субъектам гражданского оборота возможности свободно проявлять собственную волю, что выражается в виде подписания договоров различного наполнения. Отрицательным аспектом является невозможность принудить кого-либо к подписанию договора.

Рассматриваемый принцип имеет множество проявлений, для каждого из которых типично наличие ограничений. Негативным моментом является установление обязательств по вступлению в договорные отношения для юридических лиц, которые находятся под государственным управлением. Это могут быть компании-монополисты (например, Почта России) или концессированные предприятия. Подобного рода обязательства также распространяются на предприятия, которые оказывают общественно значимые услуги (аптечные сети).

Принцип свободы договора, имея положительное проявление, может быть ограничен путем утверждения законодательных положений, а также путем использования внезаконных норм. Не оставляет сомнений тот факт, что договор, который противоречит законодательным требованиям, не имеет права на существование.

По мнению исследователя, под внезаконными критериями, выступающими ограничителями пределов договорной свободы, необходимо понимать общественный порядок и ценностные ориентиры. В трудах автора приводится подробное исследование сущностного значения данных критериев на основе анализа трудов отечественных и зарубежных цивилистов. Объективным недостатком существования таких критериев является отсутствие сформулированного определения. Как следствие, мы сталкиваемся с различием в толковании каждого конкретного случая в судопроизводственной практике.

И.А. Покровский сформулировал вывод о том, что основополагающей тенденцией рассматриваемого периода стало ограничение договорной свободы. Эта потребность возникла в связи с необходимостью соблюсти экономические интересы. Дело в том, что наиболее отчетливо процессы волеизъявления при подписании договоров проявляются именно в момент реализации имущественных правоотношений [10].

В исследованиях указывается, что для нашей страны, в период после революции 1917 г. и до падения советской государственности, характерен период развития, в рамках которого был практически полностью ликвидирован институт частного права. На смену ему получил развитие институт публичного права [12]. Нормы гражданского законодательства, утвержденные в советский период, определили широкие возможности государства принимать непосредственное участие в гражданско-правовых отношениях, что влекло за собой ограничение договорной свободы.

В других исследованиях приводится мнение о том, что принцип договорной свободы в некоторой степени имел место быть и в советский период. Например, подобной позиции придерживались исследователи А.Ю. Кабалкина, В.Г. Вердникова [13, с. 46].

После утверждения конституционных положений и нового содержания Гражданского Кодекса РФ, рассматриваемый принцип стал основополагающим в системе гражданского оборота. Так, О.Н. Садиков считает, что основополагающими принципами договорного права являются: принцип обязательности договора для субъектов его подписавших, принцип договорной свободы. Отдельные аспекты существования данных принципов отражены во всех законодательных норм, которые регулируют договорные правоотношения.

Результаты и обсуждения

Правовое регулирование свободы договорных отношений осуществляется положениями ГК РФ. В отдельных нормах закреплено понятие договорной свободы и выделены специфические характеристики. Так, субъекты гражданского оборота имеют следующие возможности: свободно выбирать договорную модель; право подписывать любые договора, которые не противоречат законода-

тельным требованиям; право подписывать смешанные договоры и пр.

Несмотря на то, что вместе со сменой политического курса произошло расширение пределов договорной свободы, на законодательном уровне были определены некоторые ограничения. Чтобы избежать противоречий при квалификации позиции законодателя, было утверждено Постановление Пленума ВС РФ [14]. В этом документе регламентированы основы обеспечения договорной свободы. В качестве примера ограничений можно привести наличие запрета на изменение условий договора без предварительного согласования данных коррективов с другими участниками сделки [15, с. 159].

В настоящее время трудно говорить о полном завершении эволюции института свободы договора, так как глубокий анализ позволяет обнаружить большое количество проблемных моментов. Например, субъекты правоотношений не должны совершать активные действий, имеющие юридическое значение, при подписании договора дарения [16, с. 96].

Выводы

Многие исследователи считают, что проблематика границ договорной свободы определена наличием законодательных ограничений. В качестве примера авторы приводят наличие принципа публичности в той мере, которая присуща механизму регистрации договора и раскрытию личной информации субъектов гражданского права [23].

Соответственно, вся система гражданского права, включая принцип договорной свободы, пронизана законодательными ограничениями, которые и определяют наличие пределов развития различных институтов. На законодательном уровне необходимо учитывать потребность в достижении баланса между интересами субъектов гражданского оборота при использовании института договорных отношений.

Список источников

1. Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970. С. 46 – 47.

2. Витрянский В.В. Договор как средство регулирования рыночных отношений // Экономика и жизнь. 1994. № 27. С. 22.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. №51-ФЗ (ред. от 11.03.2024г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

4. Алексеев С.С. Философия права. М.: Юрист, 1998. 352 с.

5. Братусь С.Н. Эволюция функций хозяйственного договора // Гражданское право и экономика. М.: ИГиП АН СССР,1985.

6. Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 736 с.

7. Схабо Н.С. Некоторые аспекты эволюции принципа свободы договора в отечественной цивилистике // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 93 – 95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-evolyutsii-printsipa-svobody-dogovora-v-otechestvennoy-tsivilistike (дата обращения: 28.02.2024)

8. Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 211 с.

9. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIVвв. М.: Зерцало, 2003. 416 с.

10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.

11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Юрайт, 2019. 450 с.

12. Яковлев В.Ф. Развитие частного права в России // «ЭЖ-Юрист». № 46. ноябрь. 2003.

13. Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М.: Юрид. лит-ра, 1970. 223 с.

14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014г. №16 «О свободе договора и ее пределах // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

15. Каримов А.Ф., Фирсова Н.В. Правовые последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора займа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6-2 (57). С. 159 – 165.

16. Макаров И.А., Фирсова Н.В. Особенности правового регулирования кредитного договора // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62-15. С. 96 – 100.

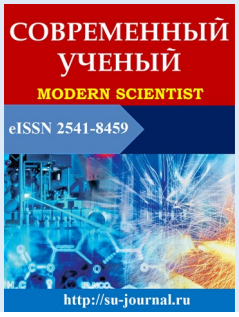
References

1. Verdnikov V.G., Kabalkin A.Yu. Civil legal forms of commodity-money relations. M., 1970. P. 46 – 47.
2. Vitryansky V.V. Agreement as a means of regulating market relations. Economics and life. 1994. No. 27. P. 22.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994. No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.
4. Alekseev S.S. Philosophy of law. M.: Lawyer, 1998. 352 p.
5. Bratus S.N. Evolution of the functions of a business contract. Civil law and economics. M.: IGiP AN SSSR, 1985.
6. Pakhman, S.V. Common civil law in Russia. Ed. and with a preface. V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2003. 736 p.
7. Shabo N.S. Some aspects of the evolution of the principle of freedom of contract in domestic civil law. Bulletin of the Adygea State University. 2005. No. 4. P. 93 – 95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-evolyutsii-printsipa-svobody-dogovora-v-otechestvennoy-tsivilistike (access date: 02.28.2024)
8. Tanaga A.N. The principle of freedom of contract in Russian civil law. SPb.: Legal Center Press, 2003. 211 p.
9. Momotov V.V. Formation of Russian medieval law in the IX-XIV centuries. M.: Zertsalo, 2003. 416 p.
10. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. M.: Statute, 2020. 351 p.
11. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M.: Yurayt, 2019. 450 p.
12. Yakovlev V.F. Development of private law in Russia. “EZh-Lawyer”. No. 46. November. 2003.
13. Verdnikov V.G., Kabalkin A.Yu. Civil legal forms of commodity-money relations. M.: Legal Lit-ra, 1970. 223 p.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 14, 2014. No. 16 “On freedom of agreement and its limits. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 5.
15. Karimov A.F., Firsova N.V. Legal consequences of non-fulfillment or improper execution of a loan agreement. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 6-2 (57). P. 159 – 165.
16. Makarov I.A., Firsova N.V. Features of legal regulation of a loan agreement. Trends in the development of science and education. 2020. No. 62-15. P. 96 – 100.

Информация об авторе

Латынин А.О., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Латынин А.О., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.985
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-392-396

Некоторые аспекты принуждения при производстве освидетельствования с участием несовершеннолетних

[1] Рубанова В.О., [1] Брагер Д.К.

[1] Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Аннотация: авторы данная научной статьи рассматривают различные аспекты применения принудительных мер к несовершеннолетним в контексте уголовного судопроизводства. Рассматриваются вопросы теоретико-юридических и практических последствий процессуального применения, включая аспекты этики, защиты прав человека и законности. **Объектом исследования** выступают общественные отношения порождаемые особым правовым статусов несовершеннолетнего в уголовно-процессуальном законодательстве при проведении освидетельствования. **Цель исследования** состоит предложении новых научных подходов по уголовно-процессуальному закреплению процедуры осуществления освидетельствования с участием несовершеннолетнего лица что имеет значительное теоретическое и практическое значение. **Методологическую основу** составили методы: анализа, синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно- структурный и другие. **Результаты исследования** заключаются в выявлении основных проблем и перспектив развития данной области, предлагаются рекомендации по улучшению практики применения принудительных мер уголовно-процессуального характера по отношению к несовершеннолетним и обеспечению защиты их прав.
Ключевые слова: меры принуждения, несовершеннолетние, следственные действия, освидетельствование

Для цитирования: Рубанова В.О., Брагер Д.К. Некоторые аспекты принуждения при производстве освидетельствования с участием несовершеннолетних // Современный ученый. 2024. № 5. С. 392 – 396. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-392-396

Поступила в редакцию: 11 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Some aspects of coercion during examinations involving minors

[1] Rubanova V.O., [1] Brager D.K.

[1] Far Eastern State Transport University

Abstract: the authors of this scientific article examine various aspects of the use of coercive measures against minors in the context of criminal proceedings. Issues of theoretical, legal and practical consequences of procedural application are considered, including aspects of ethics, protection of human rights and legality. The **object of the study** is the social relations generated by the special legal status of a minor in criminal procedural legislation during an examination. The **purpose of the study** is to propose new scientific approaches to the criminal procedural consolidation of the examination procedure with the participation of a minor, which has significant theoretical and practical significance. The **methodological basis** consisted of the following methods: analysis, synthesis, comparative legal, formal legal, systemic and structural and others. The **results of the study** are to identify the main prob-

lems and prospects for the development of this area, and offer recommendations for improving the practice of applying coercive measures of a criminal procedural nature in relation to minors and ensuring the protection of their rights.
Keywords: coercive measures, minors, investigative actions, examination

For citation: Rubanova V.O., Brager D.K. Some aspects of coercion during examinations involving minors. Modern Scientist. 2024. 5. P. 392 – 396. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-392-396

The article was submitted: April 11, 2024; Approved after reviewing: June 14, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Уголовно-процессуальный закон в Российской Федерации направлен на защиту общества, государства и граждан от незаконных посягательств, обеспечивая процессуальные условия по раскрытию и расследованию преступлений при неотъемлемом соблюдении прав и интересов участников уголовного процесса. И это невозможно без законодательной регламентации процессуальных мер принуждения. Принудительные меры, включая средства принуждения, представляют собой инструменты, применяемые правоохранительными органами и другими уполномоченными структурами для обеспечения соблюдения закона, поддержания общественного порядка и выполнения процессуальных действий. Они могут включать в себя различные виды мер, включая процессуальные, а также применение физической силы, использование специального снаряжения или другие методы принуждения.

Помимо широкого использования принудительных мер в уголовно-процессуальной сфере, включая получения образцов для сравнительного исследования, следственного осмотра, обыска и иные процессуальные действия, нормативное регулирование их применения остается недостаточным. Это фактическое положение может порождать ряд существенных споров и проблем как в контексте правового регулирования, так и в общественном восприятии.

Кроме того, важно учитывать этические и моральные аспекты применения принудительных мер, особенно в отношении уязвимых групп населения, включая детей, пожилых людей и индивидов с ограниченными возможностями. Применение принуждения может иметь негативные последствия для их психологического и физического благополучия, что подчеркивает необходимость особых гарантий и защиты их прав [3, с. 21].

Материалы и методы исследований

В процессе проведения данного исследования использовались нормы уголовно-процессуального законодательства и доктринальные положения, изложенные в трудах отечественных ученых. При проведении исследования применялись такие методы как: анализа, синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный и другие.

Результаты и обсуждения

В ходе расследования, в котором участвует несовершеннолетний, обычные процессуальные действия могут дополняться дополнительными мерами, известными как следственные действия. Эти действия призваны расширить спектр информации, необходимой для выяснения обстоятельств преступления и обеспечения справедливого судебного процесса [6, с. 306]. Они направлены на более глубокое изучение подозреваемого и получение дополнительных деталей дела, которые могут оказаться решающими в установлении обстоятельств дела и принятии правильного решения [5, с. 30].

Среди следственных действий, проводимых в ходе расследования, можно выделить различные процедуры и методы сбора и оценки доказательств [12, с. 247]. Среди них осмотр, получение образцов для сравнительного исследования, обыск, выемка и освидетельствование. Особое внимание следует уделить освидетельствованию [4, с. 23], поскольку это предоставляет следователю возможность получить информацию о важных характеристиках личности несовершеннолетнего, что является значимым этапом в расследовании [10, с. 254].

Осуществление освидетельствования является одним из ключевых этапов следственной деятельности, проводимой на ранних стадиях уголовного производства. В соответствии со статьей 179 УПК РФ, целью освидетельствования является обнаружение телесных повреждений, признаков преступления, особых примет, а также установление факта алкогольного или наркотического опьянения [1]. Однако несмотря на важность этого следственного действия, законодательство не полностью урегулировало его, что может стать источником различных спорных ситуаций при его применении.

Особенно много противоречий возникает, когда освидетельствование касается особых субъек-

тов, таких как несовершеннолетние лица. В настоящее время УПК почти не содержит положений относительно освидетельствования несовершеннолетних, что создает проблемы при его реализации.

Процедура освидетельствования включает в себя несколько спорных моментов, в том числе использование принуждения и обнажение тела [4, с. 21; 11, с. 116], что затрагивает личные права и свободы граждан, особенно несовершеннолетних.

Согласно статье 426 УПК РФ, законные представители могут участвовать в освидетельствовании только с разрешения следователя. Участие психолога в освидетельствовании предусмотрено статьей 191 УПК РФ, однако эта мера применяется только в отношении несовершеннолетних, являющихся потерпевшими или свидетелями, но не в отношении обвиняемых.

По мнению авторов, участие психолога или педагога в процессе освидетельствования несовершеннолетних является необходимым, поскольку это обеспечивает дополнительную защиту их прав и может предотвратить применение принуждения. Также целесообразно включение защитника в процесс освидетельствования, особенно в случаях медицинского освидетельствования, когда несовершеннолетнее лицо может быть в затруднительном положении.

Проблема медицинского освидетельствования несовершеннолетних возникает из-за необходимости получения согласия и участия их родителей в большинстве мероприятий, связанных с этим процессом. Такая зависимость от одобрения законных представителей может вызывать затруднения для правоохранительных органов [7, с. 284], их работа в значительной степени зависит от этого фактора [9, с. 61].

В соответствии с положениями статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», осуществление медицинского освидетельствования несовершеннолетних, по мнению исследователя, представляет собой серьезное препятствие для деятельности правоохранительных органов, поскольку для проведения таких процедур требуется согласие их законных представителей [2].

Однако представитель, как правило, выступает заинтересованным лицом, стремящимся избежать наказания для несовершеннолетнего, и может умышленно отказывать в согласии.

Хотя существуют альтернативные методы доказательства наркотического или алкогольного опьянения [8, с. 238], такие как свидетельские показания и видеозаписи, они могут быть оспорены или не приняты в судебном процессе. Поэтому предлагается внести изменения в упомянутую статью, чтобы предоставить сотрудникам правоохранительных органов возможность проводить медицинское освидетельствование несовершеннолетних без согласия их представителей.

Выводы

По нашему мнению, данное положение в отечественном законодательстве в перспективе может содействовать увеличению большего количества преступлений, совершаемых лицами, не достигшими возраста совершеннолетия, а также совершению повторного преступления или же иного более тяжкого преступления, или к переходу от административных правонарушений к преступлениям, предусмотренным Уголовным кодексом РФ. Данное явление авторы связывают с тем, что дозволение родителям или законным представителям несовершеннолетнего лица права выбора дать согласие или отказать в проведении медицинского освидетельствования в отношении своего подопечного, может привести к сложению в мышлении несовершеннолетнего субъекта мнения о том, что его дальнейшие действия могут также оказаться безнаказанными.

В контексте вышеизложенного предлагается рассмотреть возможные дополнения в ряде статей, включая статью 51 УПК РФ, с целью обеспечения обязательного участия защитника в процессе медицинского освидетельствования несовершеннолетних и гарантирования защиты их прав. Также предлагается дополнить статью 179 УПК РФ положениями о проведении освидетельствования несовершеннолетних, в том числе о необходимом присутствии психолога или педагога. Кроме того, рекомендуется исключить из пункта 2 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» подпункт 2, который предоставляет законному представителю право отказаться от медицинского освидетельствования.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.03.2024)

2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 12.03.2024).

3. Белкин А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 15 – 22.

4. Брагер Д.К. Криминалистические аспекты принудительного проведения освидетельствования // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2011. № 3. С. 20 – 23.

5. Кузьмина О.Л., Маханек А.Б., Шашкова А.Н. Проблемы процессуального статуса педагога при проведении следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С. 28 – 30.

6. Курбатова С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу // Современный ученый. 2020. № 2. С. 305 – 309.

7. Мерецкий Н.Е. Расследование инсценировок дорожно-транспортных происшествий, совершаемых с целью неправомерного завладения транспортным средством // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3). С. 283 – 289.

8. Новикова Е.А., Винокуров Э.А., Лукьянчикова В.В., Ковтун Ю.А. Отдельные процессуальные аспекты расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети интернет // Современный ученый. 2020. № 6. С. 238 – 242.

9. Цветков В.А. Расследование преступлений, связанных с организацией экстремистского сообщества // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 1. С. 60 – 64.

10. Чаплыгина В.Н., Новикова Е.А. Особенности расследования преступлений, связанных с разглашением коммерческой тайны // Современный ученый. 2020. № 5. С. 254 – 258.

11. Черепанова Л.В. Освидетельствование в уголовном процессе // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1. С. 114 – 119.

12. Черкасова Е.А., Рудов Д.Н., Волков П.А. К вопросу о производстве следственных действий с участием лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства // Современный ученый. 2022. № 2. С. 246 – 250.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (access date: 03/12/2024)

2. Federal Law “On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation” dated November 21, 2011 No. 323-FZ [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (access date: 03/12/2024).

3. Belkin A.R. Inspection and examination as investigative actions: problems of legislative regulation. Criminal proceedings. 2015. No. 2. P. 15 – 22.

4. Brager D.K. Forensic aspects of compulsory examination. Modern fundamental and applied research. 2011. No. 3. P. 20 – 23.

5. Kuzmina O.L., Makhanek A.B., Shashkova A.N. Problems of the procedural status of a teacher when conducting investigative and other procedural actions with the participation of minors. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 28 – 30.

6. Kurbatova S.M. On the issues of participation of persons with disabilities in criminal proceedings. Modern scientist. 2020. No. 2. P. 305 – 309.

7. Meretsky N.E. Investigation of staged road traffic accidents committed for the purpose of unlawful seizure of a vehicle. Modern criminal procedure law - lessons from history and problems of further reform. 2021. Vol. 1. No. 1 (3). P. 283 – 289.

8. Novikova E.A., Vinokurov E.A., Lukyanchikova V.V., Kovtun Yu.A. Selected procedural aspects of the investigation of crimes in the field of drug trafficking committed using the Internet. Modern scientist. 2020. No. 6. P. 238 – 242.

9. Tsvetkov V.A. Investigation of crimes related to the organization of an extremist community. International Law Journal. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 60 – 64.

10. Chaplygina V.N., Novikova E.A. Features of the investigation of crimes related to the disclosure of trade secrets. Modern scientist. 2020. No. 5. P. 254 – 258.

11. Cherepanova L.V. Examination in criminal proceedings. Altai Legal Bulletin. 2022. No. 1. P. 114 – 119.

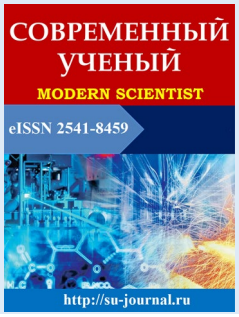
12. Cherkasova E.A., Rudov D.N., Volkov P.A. On the issue of conducting investigative actions with the participation of persons who do not speak the language of criminal proceedings. Modern scientist. 2022. No. 2. P. 246 – 250.

Информация об авторах

Рубанова В.О., Дальневосточный государственный университет путей сообщения, vladarubanova13@ya.ru

Брагер Д.К., кандидат юридических наук, доцент, Orcid: 0000-0002-2974-4930, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, brager-4@mail.ru

© Рубанова В.О., Брагер Д.К., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.780.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-397-401

Особенности судебной защиты авторских прав через призму принципа добросовестности

[1] Дамм И.В.

[1] Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Аннотация: в статье исследуются правовые нормы действующего в Российской Федерации законодательства в сфере защиты прав авторов, а также анализируются пробелы, существующие в данной отрасли права. Кроме того, способы защиты права рассматриваются через призму принципов гражданского права, которые применяются и в сфере творческого труда авторов произведений. Поскольку при защите прав автор, иной правообладатель должны действовать добросовестно, не нарушая права друг друга и иных лиц. Что согласуется с такими принципами гражданского права, как разумность и справедливость . Применение указанных принципов отчетливо прослеживается в правоприменительной практике при рассмотрении споров о защите авторских прав. Поскольку при нарушении принципа добросовестности автору или правообладателю в удовлетворении иска о защите прав может быть отказано судом. Автором сделаны попытки применения указанного принципа к отдельным способам защиты прав, определения соотношения добросовестного поведения и злоупотребления правом.
Ключевые слова: авторское право, защита прав интеллектуальной собственности, защита авторских прав, взыскание компенсации, компенсация за нарушение авторских прав, судебная защита прав интеллектуальной собственности, интеллектуальные права, нарушение прав авторов, нарушение прав правообладателей

Для цитирования: Дамм И.В. Особенности судебной защиты авторских прав через призму принципа добросовестности // Современный ученый. 2024. № 5. С. 397 – 401. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-397-401

Поступила в редакцию: 12 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Features of judicial protection of copyrights through the prism of the principle of good faith

[1] Damm I.V.

[1] Novosibirsk State University of Economics and Management "NINKh"

Abstract: the article examines the legal norms of the legislation in force in the Russian Federation in the field of protection of authors' rights, as well as analyzes the gaps existing in this branch of law. In addition, the methods of protecting the right are considered through the prism of the principles of civil law, which are also applied in the field of creative work of authors of works. Since, when protecting rights, the author and another copyright holder must act in good faith, without violating the rights of each other and other persons. Which is consistent with such principles of civil law as reasonableness and justice. The application of these principles can be clearly seen in law enforcement practice when considering disputes on copyright protection. Since in case of violation of the principle

of good faith, the author or the copyright holder may be denied a claim for protection of rights by the court. The author attempts to apply this principle to certain ways of protecting rights, determining the ratio of conscientious behavior and abuse of law.
Keywords: copyright, protection of intellectual property rights, copyright protection, recovery of compensation, compensation for copyright infringement, judicial protection of intellectual property rights, intellectual rights, violation of the rights of authors, violation of the rights of copyright holders

For citation: Damm I.V. Features of judicial protection of copyrights through the prism of the principle of good faith. Modern Scientist. 2024. 5. P. 397 – 401. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-397-401

The article was submitted: April 11, 2024; Approved after reviewing: June 14, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

На современном этапе развития системы правовых взаимоотношений, авторское право стало одним из ключевых сфер гражданских прав, которая сформировалась сравнительно недавно, но имеет очень высокий потенциал.

Добросовестность является фундаментальным понятием гражданского права, основанным на отношениях между участниками. Принцип добросовестности требует соблюдения законности и добросовестности во всех сделках и действиях. Реализация принципа добросовестности способствует установлению справедливого и равноправного взаимодействия между участниками сделки. В уголовном праве принцип добросовестности проявляется в исполнении договорных обязательств и обязанности исполнять обязательства добросовестно. Принцип добросовестности также предусматривает обязанность стороны обеспечивать права и интересы другой стороны.

Таким образом, следует сделать вывод, что добросовестность имеет непосредственное отношение к обеспечению авторских прав граждан. Следовательно, данное исследование имеет высокий уровень актуальности.

Так, целью данного исследования является изучение вопроса защиты авторских прав через применения принципа добросовестности как ключевого инструмента.

Структурно статья включает в себя введение, материалы и методы исследований, результаты и обсуждения, выводы, а также список литературы.

Материалы и методы исследований

Принцип добросовестности в обеспечении защиты авторских прав и прав интеллектуальной собственности рассмотрели в своих трудах такие авторы как Калятин В.О. [1], Сергеев А.П. [4], Бибиков А.И. [6], Власенко Н.А. [7], Коновалов А.В. [8], Даянова М. С. [9], Щербак Н.В. [10] и др.

Однако основополагающими для настоящего исследования стали труды Веинке Вилли и Липцик Делии, которые подробно описали сущность авторского права и его соотношение с принципом добросовестности в современном мире [2, 3].

Эмпирическая база исследования включает в себя несколько видов источников, включая международные нормативно-правовые акты, а также отечественные законодательные нормы [5].

В качестве методологической базы исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и обобщения, а также частно-научный критический анализ источников и литературы.

Результаты и обсуждения

Права автора возникают в связи с созданием произведений науки, литературы и искусства. Под произведением принято понимать совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения [1].

Авторское право защищает результаты творческой деятельности, включая произведения науки, литературы и искусства. Виды охраняемых произведений включают произведения науки, литературы и искусства, а также другие элементы, обладающие творческой ценностью. Произведения делятся на обнародованные и необнародованные, а также опубликованные и неопубликованные. Обнародование произведения включает действия, делающие его доступным для всеобщего сведения с согласия автора или его правопреемников. Опубликование произведения связано с выпуском экземпляров произведения в обращение с согласия автора. Произведения подразделяются на оригинальные и производные, с различными требованиями к творческой самостоятельности и соблюдению прав автора оригинала. В российском законодательстве появилось понятие сложного объекта интеллектуальной собственности, включающего кинофильмы, аудиовизуальные произведения и другие сложные объекты.

При этом необходимо отметить, что в силу п. 4 ст. 1259 ГК РФ для возникновения авторских и смежных с ними прав и осуществления их защиты не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. Российский законодатель установил «презумпцию авторства»: Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное (Ст. 1257 ГК РФ).

Таким образом, как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве на первое место ставятся интересы автора, его права на результаты интеллектуального труда. При этом законодатель наделяет автора рядом правомочий по использованию произведения, не устанавливаю каких-либо ограничений, а лишь перечисляя некоторые права, оставляя данный перечень открытым. Поскольку исключительные права автора могут передаваться иным лицам, как указывает А. Дитц, «автор в принципе должен быть заинтересован в любом использовании произведения» [2]. По мнению В.Веинке права, предоставленные автору, в первую очередь должны обеспечить ему возможность получить экономическую прибыль от использования произведения [3].

Следует отметить, что несоблюдение законодательных и нормативных стандартов по вопросам авторских прав делает то или иное физическое или юридическое лицо нарушителем. Отметим также, что ГК РФ – основа защиты авторских прав в современном периоде развития данной сферы правовых взаимоотношений, однако они также регулируются и УК РФ, и другими кодексами и структурами [4].

При этом судебной формой защиты также является привлечение виновного лица к административной ответственности (ст. 7.12 КоАП РФ «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав»), а также уголовной ответственности (ст. 146 УК РФ « Нарушение авторских и смежных прав»).

Говоря об особенностях, способах защиты прав автора нельзя не упомянуть о таком принципе гражданского права, в том числе и авторского, как принцип добросовестности. Принцип добросовестности требует соблюдения законности и добросовестности во всех сделках и действиях. Реализация принципа добросовестности способствует установлению справедливого и равноправного взаимодействия между участниками сделки. В уголовном праве принцип добросовестности проявляется в исполнении договорных обязательств и обязанности исполнять обязательства добросовестно. Принцип добросовестности также предусматривает обязанность стороны обеспечивать права и интересы другой стороны.

При определении размера компенсации, суд видимо должен исходить из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения. Кроме того, должно быть принято во внимание добросовестное поведение правообладателя.

Лицо считается добросовестным, если действует без умысла причинить вред другому лицу и не допускает легкомыслия или небрежности. Презумпция добросовестности – состояние, при котором любой гражданин считается добросовестным до тех пор, пока не будет доказано обратное. Признаками добросовестного поведения могут быть учет прав и законных интересов другой стороны, содействие другой стороне, активное предотвращение причинения вреда и предупреждение контрагента о необходимости дополнительных действий. Для определения, является ли конкретное поведение добросовестным, можно использовать алгоритм, включающий выяснение наличия закона о добросовестном поведении, проверку судебной практики и оценку связи между фактами. Добросовестность по 44 ФЗ является важным показателем для заказчика при подписании контракта с исполнителем.

Несоблюдение участниками гражданских правоотношений указанного принципа, может привести к отказу судом в удовлетворении заявленных требований. Что также нашло свое отражение в вышеуказанном Постановлении Пленума ВС РФ № 25.

Кроме того, в случае нарушения принципа добросовестности применяется правило эстоппель, которое лишает сторону, действующую недобросовестно, права на возражения. Правило эстоппель выступает определенной санкцией при недобросовестном поведении лиц [6].

Н.А. Власенко полагает, что добросовестность в роли оценочной категории устанавливает некоторую стабильность и регулятивную прочность, а также является связующим звеном между нравственными ценностями общества и юридическим формализмом [7].

А.В. Коновалов называет принцип добросовестности гарантом стабильности и социальной ориентированности закона [8].

Принцип добросовестности способствует установлению единства правовых отношений и норм права, объективного и субъективного права [9].

Требование о возмещении убытков предъявляется к лицу, неправомерно использовавшему результат интеллектуальной деятельности без заключения соглашения с правообладателем (бездо-

говорное использование) либо иным образом нарушившему его исключительное право и причинившему ему ущерб. Убытки в данном случае выражаются чаще всего в упущенный выгоде, то есть в размере авторского вознаграждения, которое было бы получено автором при договорном использовании произведения. При этом указанные убытки по мнению автора не должны быть меньше полученных доходов. В данном случае подлежит применению ст. 15 ГК РФ [10].

Следует отметить, что современное законодательство нашего государства предусматривает компенсацию, в случае нарушения прав интеллектуальной собственности, другими словами, в рамках исследования темы настоящей работы. Следует подчеркнуть, что разные виды прав (патентное, авторское, судебное) рассматривают вопрос выплаты компенсации по-разному. В целом, отмечается, что человек, чьи авторские права были нарушены, теряет определенное количество дохода, который нарушитель обязан компенсировать. Автору не требуется доказывать объем убытков в случае назначения ему компенсации. Иными словами, автору необходимо докатать сам факт совершения правонарушения, от доказывания размера причиненных убытков правообладатель освобождается. В целом размер компенсации зависит от степени нанесения ущерба, выявленной в ходе разбирательства, и может составлять от10 тысяч рублей до 5 миллионов рублей.

Следует сделать вывод, что нарушение авторских прав человека является серьёзным правонарушением, которое зафиксировано в законах и актах нашего государства. За нарушение прав интеллектуальной собственность, к которым относится авторское право человека, существуют определенные виды наказаний, а также компенсация убытков для того человека, чьи авторские права были нарушены. Тем не менее, рассматривая принцип добросовестности в ключе обеспечения авторских прав следует говорить о том, что он является основой этических и нравственных качеств человека, которые априори не должны позволять ему посягать на чужую собственность, включая авторское право. Более того, следует отметить, что принцип добросовестности закреплен в нормативно-правовых актах и кодексах Российской Федерации. Так, например, говорится о том, что исполнение тех или иных норм должно быть добросовестным. В целом, можно сказать о том, что добросовестное исполнение прав и требований государства и права в отношении норм авторского права является ключевой основой соблюдения и не нарушения основ интеллектуальной и авторской собственности в современном мире.

Таким образом, нарушение авторских и смежных прав может привести к различным видам ответственности. Уголовно-правовые меры предусматривают наказания за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности. Обладатели исключительных прав могут обратиться в суд для защиты своих прав. Законодательство регулирует охрану объектов патентного права, средств индивидуализации и результатов интеллектуальной деятельности. Основные положения законодательства включают порядок правовой охраны и использование результатов интеллектуальной деятельности.

Выводы

В заключении хотелось бы сказать, что автору принадлежит ряд прав как личного неимущественного, так и имущественного характера. Главной задачей которых является защита прав авторов и их правопреемников от неправомерного использования произведений, а также создание условий, благоприятных для воспроизведения и распространения продуктов интеллектуального творчества. Реализация принципа добросовестности способствует установлению справедливого и равноправного взаимодействия между участниками сделки. В уголовном праве принцип добросовестности проявляется в исполнении договорных обязательств и обязанности исполнять обязательства добросовестно.. Следует подчеркнуть, что добросовестность должна сопровождать все пункты действия с правами: от установления до защиты. Более того, понятие добросовестность идет в связке с разумностью, что следует рассматривать как основу защиты авторских прав. Следует особенно подчеркнуть, что в случае нарушения принципа добросовестности применяется правило эстоппель, которое лишает сторону, действующую недобросовестно, права на возражения. Правило эстоппель выступает определенной санкцией при недобросовестном поведении лиц.

Подвод итоги, сделаем вывод, что добросовестность имеет непосредственное отношение к обеспечению авторских прав граждан.

Список источников

1. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права). М., 2000. 470 с.
2. Липцик Делия. Авторское право и смежные права. 2002. 789 с.
3. Веинке Вилли Авторское право: Регламентация, основы, будущее. М.: Юридическая лит-ра, 1979. 231 с.

4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. 752 с.

5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. авг. (№ 8).

6. Бибиков А.И. Принцип добросовестности в цивилистической доктрине и судебной практике: проблемы толкования // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 2. С. 195 – 199.

7. Власенко Н.А. Язык права: моногр. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997. 176 с.

8. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4 – 14.

9. Даянова М.С. Проблема реализации принципа добросовестности в охране общеизвестных товарных знаков // Юридическая наука. 2019. № 11. С. 15 – 17.

10. Щербак Н.В. Место и особенности имущественной ответственности в системе гражданско-правовых способов защиты субъективных авторских и смежных интеллектуальных прав // "ИС. Авторское право и смежные права". Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 27.02.2023)

References

1. Kalyatin V.O. Intellectual property (exclusive rights). M., 2000. 470 p.

2. Liptsik Delia. Copyright and related rights. 2002. 789 p.

3. Weinke Willi Copyright: Regulation, fundamentals, future. M.: Legal literature, 1979. 231 p.

4. Sergeev A.P. Intellectual property rights in the Russian Federation. M.: TK Welby, Prospekt Publishing House, 2007. 752 p.

5. On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Verkhovna Rada. Suda Ross. Federation dated June 23, 2015 No. 25. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. Aug. (No. 8).

6. Bibikov A.I. The principle of good faith in civil doctrine and judicial practice: problems of interpretation. Bulletin of Kostroma State University. 2015. No. 2. P. 195 – 199.

7. Vlasenko N.A. Language of law: monograph. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, JSC “Norma-plus”, 1997. 176 p.

8. Konovalov A.V. The principle of good faith in the new edition of the Civil Code of the Russian Federation and in judicial practice. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 4. P. 4 – 14.

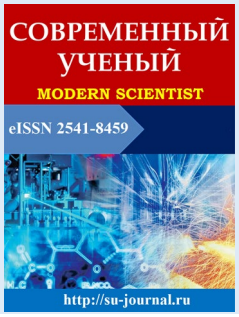
9. Dayanova M.S. The problem of implementing the principle of good faith in the protection of well-known trademarks. Legal science. 2019. No. 11. P. 15 – 17.

10. Shcherbak N.V. The place and features of property liability in the system of civil law methods of protecting subjective copyright and related intellectual rights. "IP. Copyright and related rights". Access mode: http://www.consultant.ru (date of access: 02/27/2023)

Информация об авторе

Дамм И.В., аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», dann2005@yandex.ru

© Дамм И.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
УДК 34.342
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-402-410

О расширении возможностей реализации права на образование при подготовке научных и научно-педагогических кадров на современном этапе

[1] Коршунова О.Н., [1] Омельянович В.В., [1] Тимощук К.И.

[1] Санкт-Петербургский юридический институт, филиал, Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация: в настоящей статье представлены результаты исследования вопроса необходимости оптимизации подходов в подготовке научных и научно-педагогических кадров в Российской Федерации на современном этапе. Основываясь на результатах анализа исторических предпосылок становления и развития требований, предъявляемых к кандидатскому минимуму, а также - складывающейся в настоящее время потребности в повышении эффективности функционирования научно-образовательного сектора нашего государства в новых условиях, авторами предлагаются конкретные меры по решению указанной задачи. В тексте приводится аргументация необходимости совершенствования обеспечительных механизмов реализации предлагаемых путей укрепления научного потенциала нашей страны. Последовательно обосновывается необходимость обязательного включения в перечень кандидатских экзаменов дисциплины, формирующей соответствующий уровень компетенций (обеспчеивающей совершенствование знаний, умений и навыков) в области информационных технологий у соискателей ученой степени кандидата наук по социальным и гуманитарным наукам. Приводятся дополнительные аргументы с учетом необходимости обеспечения эффективного функционирования публично-правового механизма защиты прав граждан на образование в рамках реализации образовательного процесса при формировании компетенций данного свойства у проходящих подготовку аспирантов (адъюнктов), а также у соискателей ученой степени. Подчеркивается фундаментальное значение участия контрольных (надзорных) органов в реализации гарантий качественного исполнения образовательными и научными организациями предлагаемых нововведений.
Ключевые слова: кандидатский экзамен, наука, образовательная программа, контроль (надзор), аспирант, информационные технологии, компетенция

Для цитирования: Коршунова О.Н., Омельянович В.В., Тимощук К.И. О расширении возможностей реализации права на образование при подготовке научных и научно-педагогических кадров на современном этапе // Современный ученый. 2024. № 5. С. 402 – 410. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-402-410

Поступила в редакцию: 13 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

On expanding the possibilities of realizing the right to education in the training of scientific and scientific-pedagogical personnel at the present stage

[1] Korshunova O.N., [1] Omelyanovich V.V., [1] Timoshchuk K.I.

[1] St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: this article presents the results of a study of the need to optimize approaches in the training of scientific and scientific-pedagogical personnel in the Russian Federation at the present stage. Based on the results of the analysis of the historical prerequisites for the formation and development of the requirements for the candidate's minimum, as well as the current need to improve the efficiency of the scientific and educational sector of our state in new conditions, the authors propose specific measures to solve this problem. The text provides an argument for the need to improve the security mechanisms for the implementation of the proposed ways to strengthen the scientific potential of our country. The necessity of mandatory inclusion in the list of candidate examinations of a discipline that forms an appropriate level of competence (ensuring the improvement of knowledge, skills and abilities) in the field of information technology for applicants for the degree of Candidate of Sciences in social sciences and humanities is consistently justified. Additional arguments are given, taking into account the need to ensure the effective functioning of the public law mechanism for protecting citizens' rights to education within the framework of the educational process in the formation of competencies of this property among graduate students (adjuncts) undergoing training, as well as applicants for an academic degree. The fundamental importance of the participation of control (supervisory) bodies in the implementation of guarantees of high-quality implementation of proposed innovations by educational and scientific organizations is emphasized.
Keywords: candidate's exam, science, educational program, control (supervision), graduate student, information technology, competence

For citation: Korshunova O.N., Omelyanovich V.V., Timoshchuk K.I. On Expanding the possibilities of realizing the right to education in the training of scientific and scientific-pedagogical personnel at the present stage. Modern Scientist. 2024. 5. P. 402 – 410. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-402-410

The article was submitted: April 13, 2024; Approved after reviewing: June 15, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Эффективное развитие и совершенствование всех направлений и составляющих подготовки конкурентоспособных научно-педагогических кадров является, несомненно, одной из важнейших задач, стоящих перед системой высшего образования и науки Российской Федерации на современном этапе. Не вызывает сомнений, что такое развитие должно носить опережающий характер, включающий, в том числе, прогнозирование развития уже существующих и появление новых направлений научных исследований. Без самого такого прогнозирования, а также учета его результатов в совершенствовании системы подготовки научных и научно-педагогических кадров не может быть обеспечено успешное решение задачи подготовки высоко профессиональных конкурентоспособных кадров в различных отраслях науки и техники. При этом представляется, что не требует развернутой дополнительной аргументации тезис о комплексном характере стоящей перед научным сообществом задачи, решение которой включает достаточно большое количество составных частей и должно выступить импульсом в стремительном ускорении научного прогресса России во всех стратегических сферах: повышении военного потенциала страны, расширении горизонтов освоения Арктики и космоса, открытиях в области медицины, и др. Только таким путем могут быть решены поставленные Президентом Российской Федерации В.В. Путиным задачи создания суверенной системы образования [2], а также – развития фундаментальной науки в целях достижения технологического суверенитета страны [17]. Для этого выделяются существенные средства из бюджетов разного уровня (например, национальные проекты «Образование» [11], «Наука и университеты» [12]). В данном контексте существенно развиваются и подходы к решению задач, стоящих перед прокуратурой Российской Федерации, как важным элементом публично-правового механизма обеспечения законности в рассматриваемой сфере [10, 16, и др.], задач по комплексному использованию предоставленных ей законом полномочий для

обеспечения более полной реализации права граждан на образование в части формирования компетенций, необходимых для современных научных и научно-педагогических работников страны.

Очевидно, что для стремительного роста качества образования и научных исследований необходимы соответствующие стратегические решения по совершенствованию существующих подходов к подготовке научных и научно-педагогических кадров, которая осуществляется в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования – программ аспирантуры (адъюнктуры). Отметим, что на сегодняшний день уже идет процесс оптимизации в данной сфере правоотношений.

Материалы и методы исследований

В исследовании проанализированы как действующие, так и отмененные нормативные правовые акты Российской Федерации и зарубежных стран, по отдельным вопросам рассматриваемой темы; использованы размещенные в СМИ тексты выступлений Президента Российской Федерации; изучены научные труды, посвященные вопросам подготовки научных и научно-педагогических кадров. Проведен сравнительно-правовой анализ отечественного и иностранного законодательства, а также – ретроспективный анализ эволюции вопросов подготовки соискателей ученых степеней кандидата наук; проанализирована научная литература.

Результаты и обсуждения

Следует отметить, что сегодня завершается реализация очередного этапа в формировании нового стандарта подготовки кадров высшей квалификации: завешается реализация программ аспирантуры, разработанных на основе ФГОС ВО, и осуществлен переход на подготовку научных и научно-педагогических кадров на основе федеральных государственных требований, призванных обеспечить смещение акцента с вовлеченности аспирантов (адъюнктов) в учебные занятия на активизацию их участия непосредственно в процесс научных исследований. Указанная оптимизация реализации программ подготовки научных и научно-педагогических кадров, как видится, позволяет не просто увеличить количество времени, которое аспирант может посвятить проведению диссертационного исследования при сохранении предыдущей содержательной парадигмы его подготовки, но создать основу для достижения основной цели – подготовки и защиты диссертации.

Кроме того, состоявшееся укрупнение научных специальностей расширило диапазон проблематики для перспективных исследований и ориентирует соискателей ученой степени на проведение исследований, основанных на достижениях ряда взаимосвязанных наук, что позволит ставить и решать принципиально по-новому формулируемые проблемы, формулировать и обосновывать теории и учения, носящие комплексный характер, что ранее часто было недосягаемо в связи с наличием формальных ограничений «бюрократического» свойства.

Вместе с тем, при всей перспективности происходящих преобразований, анализируя состоявшиеся и планируемые изменения, представляется возможным сформулировать и обосновать вывод, согласно которому на данном этапе процесс совершенствования подходов к подготовке научных и научно-педагогических кадров еще нельзя признать обладающим свойствами целостности и завершенности.

На наш взгляд, теперь требуется внесение более существенных корректив в содержательный компонент подготовки соискателей ученых степеней. Указанные коррективы, как представляется, должны в большей степени отражать современные достижения в области науки и техники в целом, обеспечивать возможность учитывать преимущества, которые возникают при использовании достижений других наук для проведения исследований и представления диссертационного исследования, соответствующего существующим критериям – содержащего решение научной задачи, имеющей значение для соответствующей отрасли знаний.

Учитывая, что объем статьи не позволяет с необходимой степенью подробности рассмотреть возможности использования достижений всех наук для диссертационных исследований в рамках существующей номенклатуры научных специальностей, представляется целесообразным рассмотреть те вопросы, которые на современном этапе являются актуальными для всех или как минимум подавляющего большинства наук и научных специальностей (прежде всего – юридических).

Речь идет о возможности и необходимости использования информационных технологий для обеспечения соответствующего уровня научных исследований. В свете существующих тенденций информатизации общественной жизни представляется необходимым обратить внимание на ту роль, которую информационные технологии должны играть сегодня в подготовке научных и научно-педагогических кадров. Не смотря на то, что указанный круг вопросов уже становился предметом исследований [8, 5, 18], видится необходимым предложить и обосновать ряд дополнительных суждений, выводов и предложений.

Следует признать, что сегодня уже сделаны определенные шаги, призванные обеспечить формирование соответствующих компетенций у аспирантов (адъюнктов) в области информационного обеспечения научных исследований. Образовательный компонент обучения в аспирантуре в большинстве учебных организаций включает учебные дисциплины, призванные создавать необходимые условия для формирования таких компетенций. На решение указанной задачи в определенной мере ориентируют и требования к условиям реализации указанных программ (в части, например, необходимости обеспечить доступ к различным интернет-ресурсам, электронной информационно-образовательной среде образовательной организации и др.). Указанные решения представляются весьма важными, однако, недостаточными для обеспечения соответствующего сегодняшним реалиям уровня научных исследований. Тем более, что соискатели ученой степени кандидата наук без освоения программ аспирантуры (адъюнктуры) вообще самостоятельно определяют для себя необходимость и целесообразность приобретения знаний, умений и навыков в данной сфере.

Решением, которое бы обеспечивало необходимость формирования компетенций в области использования информационных технологий у всех соискателей ученой степени кандидата наук, на наш взгляд, является включение в перечень кандидатских экзаменов ИТ дисциплины.

Для системного взгляда на данный вопрос рассмотрим некоторые исторические аспекты и предпосылки формирования существующего подхода в определении требований к кандидатскому минимуму.

Очевидно, что на момент издания Постановления СНК СССР от 13.01.1934 г. № 79 «Об учёных степенях и званиях», которое учредило степень кандидата наук, информационные технологии в их современном понимании не были так существенно развиты и распространены. В нем отсутствовало упоминание о необходимости сдачи кандидатских экзаменов для соискателей ученой степени кандидата наук, однако, было указано, что ученые степени «определяют квалификацию данного лица в области определенной научной дисциплины по объему знаний, степени самостоятельности его научной работы и ее научному значению». Более того, указанным Положением фактически были заложены основы решения вопросов о присуждении ученых степеней и званий, во многом аналогичные современным.

Сегодня в соответствии с ч. 3 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, ученая степень кандидата наук присуждается по результатам публичной защиты диссертации соискателем ученой степени, который успешно сдал кандидатские экзамены (как при освоении программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), так и без такового. Кандидатские экзамены сдаются в соответствии с научной специальностью (научными специальностями) и отраслью науки, предусмотренными номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утверждаемой Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (далее – Минобрнауки России). Порядок сдачи кандидатских экзаменов и их перечень также утверждаются Минобрнауки России.

В соответствии с ч. 2 Приложения «Порядок прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечень» к приказу Минобрнауки России от 28 марта 2014 г. № 247 «Об утверждении Порядка прикрепления лиц для сдачи кандидатских экзаменов, сдачи кандидатских экзаменов и их перечня», сегодня в перечень кандидатских экзаменов входят: история и философия науки; иностранный язык; а также специальная дисциплина в соответствии с темой диссертации.

Однако, не всегда указанный перечень был одним и тем же. В данном вопросе Российская Федерация является в определенном смысле преемником СССР, тем не менее, отражая сложившиеся на тот период времени подходы в науке, в перечень кандидатских включались экзамены по диалектическому и историческому материализму, одному из иностранных языков, а также специальной дисциплине, объём требований по которой определялся также в соответствии с темой диссертации [3]. При этом наличие соответствующего уровня знаний, умений и навыков у аспирантов (адъюнктов) и соискателей ученой степени кандидата наук без освоения программ аспирантуры (адъюнктуры) обеспечивалось едиными требованиями, которые предъявлялись при сдаче кандидатских экзаменов.

Безусловно, ответы на ряд фундаментальных вопросов о том, почему были приняты такие решения, и сложилась именно такая практика, могут стать предметом самостоятельного научного изыскания, которое не представляется целесообразным в полном объеме проводить в рамках данной работы. Однако, некоторые суждения привести представляется необходимым. Следует признать, что в любом случае решение о наборе и

наименовании предметов, по которым будут сдаваться кандидатские экзамены, принималось, исходя из актуальных на время принятия такого решения представлений о критериях (или требованиях), которым должен был соответствовать уровень знаний, умений и навыков претендента на присуждение степени кандидата наук.

Если сдача кандидатского экзамена по специальности не нуждается в дополнительной развернутой аргументации, то включение в число кандидатских экзамена по философии (сегодня – истории и философии науки) и включение в план подготовки научных кадров соответствующих дисциплин, как представляется, имеет своей целью формирование компетенций, которыми должна обладать личность всесторонне развитая, готовая к проведению серьезных научных исследований в соответствующей области. Для обеспечения необходимого уровня теоретической обоснованности исследования и его результатов, определения методологии исследования, решения ряда иных вопросов соискатель ученой степени должен обладать достаточными знаниями и адекватными представлениями о таких основополагающих понятиях и важных для научных исследований категориях, как теория и методология науки, виды, формы и способы познания и др.

Более того, столь существенное внимание, которое уделяется формированию именно компетенций философского характера, присуще, как известно, не только российской науке. Во многих странах Европы и Америки существует аналогичная кандидату наук степень, именуемая Philosophy doctor (PhD), т.е. доктор философии [15]. Несмотря на название, в настоящее время степень не имеет непосредственного отношения собственно к философии, как самостоятельной науке, и присуждается почти во всех научных областях. Такое положение в определенной мере обусловлено традициями, восходящими к временам средневековых университетов, стандартная структура которых обычно предполагала наличие факультетов философии, юриспруденции, теологии и медицины. Поэтому помимо степени доктора философии существует и ограниченный ряд других докторских степеней того же ранга; врачам присуждается степень доктор медицины, юристам – доктор права, богословам – доктор богословия, а всем остальным – доктор философии [4]. Не углубляясь в лингвистический анализ термина, подчеркнем лишь, что один из возможных переводов латинского слова «Philosophiæ» на русский язык – это «наука».

В свою очередь представляется обоснованным суждение о том, что определенный уровень знания иностранного языка традиционно предоставлял соискателю ученой степень кандидата наук возможность изучать не только труды отечественных ученых, но и труды зарубежных коллег, которые не переведены на русский язык, актуальными научными работами иностранных ученых для определения возможности использования полученных ими достижений для развития российской науки и практики.

Что же касается информационных технологий, то некоторые шаги по определению возможностей их использования в научных исследованиях, в том числе, в области юриспруденции, были предприняты еще во второй половине 80-х г.г. прошлого столетия, когда ряд университетов включил в программу подготовки в аспирантуре учебные дисциплины, направленные на получение знаний и умений в области информатики. На современном этапе эти дисциплины, отвечая в определенной степени потребностям нового этапа, трансформировались, как уже отмечалось, в учебные дисциплины, связанные с информационным обеспечением диссертационных исследований.

Однако, такой подход, как уже подчеркивалось, не может быть признан в полной мере отвечающим потребностям современной науки, поскольку сегодня информационные технологии развиваются такими темпами, какими никогда в истории человечества не развивалась ни одна отрасль науки или техники [7], поэтому представляется обоснованным предложение о включении не просто требований к уровню сформированности компетенций в сфере информационных технологий у будущих кандидатов юридических наук, но и о рассмотрении необходимости введения кандидатского экзамена по информационным технологиям для всех направлений подготовки научных кадров по всем специальностям. Только включение указанного экзамена в число кандидатских обеспечит необходимость формирования соответствующих компетенций и у аспирантов (адъюнктов), и у соискателей ученой степени кандидата наук без освоения программ аспирантуры.

В первую очередь, знания, умения и навыки, связанные с использованием существующих и прогнозируемых возможностей информационных технологий, должны помочь соискателю ученой степени кандидата наук в решении вопроса о должном информационном обеспечении диссертационного исследования. При этом видится, что использование традиционных библиотечных фондов не утрачивает своей актуальности и по сей день, но и они (т.е. сами фонды) стараются не отставать в вопросах обеспечения информационно-технологического развития. Так, например, в Рос-

сийской Государственной библиотеке (РГБ) существуют фонд диссертаций [17] и Электронная библиотека: Библиотека диссертаций [21], грамотное пользование которыми, безусловно, может помочь соискателю в проведении диссертационного исследования. Однако, для того, чтобы соискатель был в состоянии самостоятельно надлежащим образом осуществлять поиск научной информации по различным информационным ресурсам, требуется сформировать у него соответствующие компетенции в данной сфере.

Кроме этого объективное положение дел, связанное с вызовами настоящего времени, указывает на необходимость владения учёными компетенциями из области ИТ технологий. Сегодня в мире активно внедряются возможности искусственного интеллекта, и российская наука в данном вопросе должна занимать лидирующие позиции, что однозначно указывает на необходимость наличия соответствующего уровня знаний, умений и навыков в сфере ИТ у российских ученых. Высокотехнологичные научные исследования немыслимы при отсутствии таких компетенций. Здесь же отметим, что и представители наук гуманитарного профиля широкоформатно задействуют указанный инструментарий в своих исследованиях (от онлайн-анкетирования респондентов с последующим автоматизированным обсчетом полученных результатов, до дистанционных научных дискуссий в режиме ВКС и др.).

Возможности, предоставляемые использованием информационных технологий, позволят не только достичь максимальной точности в проводимом научном поиске, но и высвободить время, ранее затрачиваемое учеными на выполнение вычислительно-технических процессов исследования, что позволит направить высвобождающиеся резервы сил и времени на интеллектуальный труд.

Посредством введение кандидатского экзамена по современным ИТ проблемам будет активизировано дальнейшее внедрение учёными в своих исследованиях передовых возможностей информатизации различных областей человеческой деятельности. В рамках освоения ИТ дисциплин у аспирантов будут формироваться компетенции по владению передовыми ИТ методиками проведения собственно научного исследования. Более того, указанные знания могут быть использованы не только в собственно научной, но и в педагогической деятельности сдавших такой кандидатский экзамен лиц. В настоящее время далеко не все соискатели и даже уже состоявшиеся ученые владеют подобными знаниями, умения и навыками в необходимой степени, что, в свою очередь, не позволяет сократить время в получении ожидаемых научных результатов, использовать современные достижения в ИТ сфере для повышения эффективности педагогической деятельности.

Лица, которые сегодня осуществляют научную и научно-педагогическую деятельность только в рамках самообразования либо специализированного повышения квалификации (переподготовки) могут инициативно сформировать эти компетенции, а с точки зрения потребностей времени это уже стало острой необходимостью для всех. Так как достижение технологического суверенитета России требует соответствующего кадрового потенциала, в том числе – учёных, обеспечивающих технологические открытия и прорывы во всех сферах жизнеобеспечения страны, и педагогов высшей школы, осуществляющих подготовку кадров в различных отраслях науки и практики.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в настоящее время формирование соответствующего уровня ИТ компетенций выступает не сопутствующим элементом подготовки профессионального юриста высшей квалификации, одной из важнейших задач для системы образования и науки, а уже острой необходимостью, при решении которой только и возможны требуемые современными вызовами прорывы во всех направлениях жизнеобеспечения и безопасности страны.

Наличие у будущих ученых этих знаний, умений и навыков, делающих возможными скорейшее обеспечение диктуемых временем достижений и открытий в соответствующих сферах деятельности, логично позволяет решать и еще одну важнейшую задачу: обеспечение возможности реализации *образовательного права соискателей ученых степеней овладеть этими компетенциями при подготовке и защите кандидатских диссертаций*. Изменения в науке и технике отчетливо обозначили необходимость прогрессивного перестроения образовательных походов подготовки кадров высшей квалификации. И их введение будет выступать, в том числе, превентивной мерой защиты этого образовательного права, что обеспечит обязательность его реализации.

При условии внесения предлагаемых изменений в соответствующие нормативные правовые акты, предусматривающие включение кандидатского экзамена по ИТ дисциплине, реализуемые вузами программы аспирантуры будут актуализированы и станут в большей мере не только соответствовать потребностям настоящего момента, но и с уверенностью быть готовыми к реализации требований, предъявлемых наукой в ближайшем будущем.

Гарантом неукоснительного исполнения предлагаемых решений и, соответственно, обеспечения

качественного повышения научного потенциала страны будут выступать контрольные (надзорные) органы [20, 1, 14, 6, 13, и др.], реализующие свои полномочия [9] в рамках функционирования публично-правового механизма защиты прав граждан на образование [10]. Это позволит в полной мере реализовать прогнозируемые перспективные изменения и обеспечить достижения поставленной цели.

Выводы

В завершение представляется обоснованным вывод о том, что реализация предлагаемого нами подхода позволит поднять на более высокий качественный уровень подготовку российских научных и научно-педагогических кадров, что, в свою очередь, будет способствовать решению задач по укреплению суверенитета нашего государства во всех сферах жизнеобеспечения.

Список источников

1. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: методология и методы науки: монография / коллектив авт.; под ред. О.Н. Коршуновой. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 222 – 243.

2. Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза. URL: rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html (дата обращения: 06.03.2024)

3. Волков Н.М. Большая советская энциклопедия. Кандидатский минимум // Академик : [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/92996/Кандидатский (дата обращения: 19.02.2024)

4. Доктор философии // Новая иллюстрированная энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. Т. 6. Да – Жа. С. 148. 256 с.

5. Есаков В.А. Прикрепление для сдачи кандидатских экзаменов: обзор актуальной практики и законодательного обеспечения // Культура и образование. 2016. № 3 (22). С. 61 – 69.

6. Исламова Э.Р. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Образование» // Защити меня. 2021. № 1. С. 27 – 32

7. Карабин И.Д., Анискович П.С. Основные направления противодействия киберпреступности // Фундаментальные и прикладные исследования. Актуальные проблемы и достижения: сборник статей международной научной конференции, Тюмень, 03 мая 2023 года. Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. С. 70 – 73.

8. Касаткин П.И., Иноземцев М.И. Актуальные вопросы организации образовательной деятельности по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре// Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 123 – 127.

9. Коршунова О.Н., Омельянович В.В. О разграничении полномочий органов прокуратуры и Рособрнадзора при проверке исполнения вузами законодательства об образовании // Криминалистъ. 2022. № 4 (41). С. 121 – 127.

10. Коршунова О.Н., Омельянович В.В., Тимощук К.И. Концептуальные основы государственно-правового механизма защиты прав граждан на образование в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 198 – 205. doi: 10.17223/15617793/490/23.

11. Национальный проект «Образование» // Стратегия 24: сайт. URL: https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie (дата обращения: 06.03.2024)

12. Национальный проект «Наука и университеты». URL: https://ifz.ru/nauka/nac-project (дата обращения: 14.03.2024)

13. Омельянович В.В. Актуальные вопросы привлечения специалиста к проведению прокурорской проверки исполнения требований законов образовательными организациями высшего образования // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2022. № 1. С. 175 – 176.

14. Омельянович В.В. Прокурорская проверка подготовки научно-педагогических кадров / Законность. 2023. № 6 (1064). С. 3 – 16.

15. Пересмотр Международной стандартной классификации образования (МСКО) // Цифровая библиотека ЮНЕСКО: [сайт]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000211619_rus (дата обращения: 19.02.2024)

16. Головко И.И., Коршунова О.Н., Морозова Ю.В., Омельянович В.В., Серова Е.Б., Тимощук К.И. Прокурорский надзор за исполнением законов об образовании при реализации национальных проектов: учебное пособие для слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации / под ред. О.Н. Коршуновой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. 103, [1] с.

17. Путин обозначил задачу науки. URL: https://regnum.ru/news/3895378 (дата обращения: 14.03.2024)

18. Савин А.А. К вопросу о целях и содержании подготовки в адъюнктуре // Военный академический журнал. 2017. № 4 (16). С. 145 – 150.

19. Фонд диссертаций // Российская государственная библиотека: [сайт]. URL: https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser (дата обращения: 19.02.2024)

20. Фролов Б.М. Государственный контроль и надзор в сфере образования в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2017. 274 с.

21. Электронная библиотека: Библиотека диссертаций // Российская государственная библиотека: [сайт]. URL: https://diss.rsl.ru/ (дата обращения: 19.02.2024)

References

1. Current problems of prosecutorial activity: methodology and methods of science: monograph. team of authors; ed. HE. Korshunova. M.: RUSAINS, 2022. P. 222 – 243.

2. Vladimir Putin: Russia will create a sovereign education system from school to university. URL: rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuiu-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html (access date: 03/06/2024)

3. Volkov N.M. Great Soviet Encyclopedia. Candidate minimum. Academician: [website]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/92996/Candidate's (date of access: 02/19/2024)

4. Doctor of Philosophy. New illustrated encyclopedia. M.: Great Russian Encyclopedia, 2002. Vol. 6. Yes – Zha. P. 148. 256 p.

5. Esakov V.A. Attachment for passing candidate exams: a review of current practice and legislative support. Culture and Education. 2016. No. 3 (22). P. 61 – 69.

6. Islamova E.R. Features of prosecutorial supervision over the implementation of legislation during the implementation of the national project “Education”. Protect me. 2021. No. 1. P. 27 – 32

7. Karabin I.D., Aniskovich P.S. Main directions of combating cybercrime. Fundamental and applied research. Current problems and achievements: collection of articles from the international scientific conference, Tyumen, May 03, 2023. St. Petersburg: Private scientific and educational institution of additional professional education National Humanitarian Research Institute “NATSRAVITIE”, 2023. P. 70 – 73.

8. Kasatkin P.I., Inozemtsev M.I. Topical issues of organizing educational activities in postgraduate training programs for scientific and pedagogical personnel. Higher Education in Russia. 2016. No. 4. P. 123 – 127.

9. Korshunova O.N., Omelyanovich V.V. On the delimitation of powers of the prosecutor’s office and Rosobrnadzor when checking the implementation of educational legislation by universities. Criminalist. 2022. No. 4 (41). P. 121 – 127.

10. Korshunova O.N., Omelyanovich V.V., Timoshchuk K.I. Conceptual foundations of the state-legal mechanism for protecting the rights of citizens to education in modern conditions. Bulletin of Tomsk State University. 2023. No. 490. P. 198 – 205. doi: 10.17223/15617793/490/23.

11. National project “Education”. Strategy 24: website. URL: https://strategy24.ru/rf/education/projects/natsionalnyy-proekt-obrazovanie (access date: 03/06/2024)

12. National project “Science and Universities”. URL: https://ifz.ru/nauka/nac-project (access date: 03/14/2024)

13. Omelyanovich V.V. Current issues of attracting a specialist to conduct a prosecutor’s audit of compliance with the requirements of laws by educational organizations of higher education. Modern science: Current problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2022. No. 1. P. 175 – 176.

14. Omelyanovich V.V. Prosecutor's inspection of the training of scientific and pedagogical personnel. Legality. 2023. No. 6 (1064). P. 3 – 16.

15. Revision of the International Standard Classification of Education (ISCED). UNESCO Digital Library: [website]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000211619_rus (access date: 02/19/2024)

16. Golovko I.I., Korshunova O.N., Morozova Yu.V., Omelyanovich V.V., Serova E.B., Timoshchuk K.I. Prosecutor's supervision over the implementation of laws on education during the implementation of national projects: a textbook for students of the faculty of professional retraining and advanced training. ed. O.N.. Korshunova. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. 103, [1] p.

17. Putin outlined the task of science. URL: https://regnum.ru/news/3895378 (access date: 03/14/2024)

18. Savin A.A. On the question of the goals and content of training in postgraduate study. Military academic journal. 2017. No. 4 (16). P. 145 – 150.

19. Fund of dissertations. Russian State Library: [website]. URL: https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser (access date: 02/19/2024)

20. Frolov B.M. State control and supervision in the field of education in the Russian Federation: federal and regional aspects: dis. ... cand. legal Sci. Voronezh, 2017. 274 p.

21. Electronic library: Library of dissertations. Russian State Library: [website]. URL: https://diss.rsl.ru/ (access date: 02/19/2024)

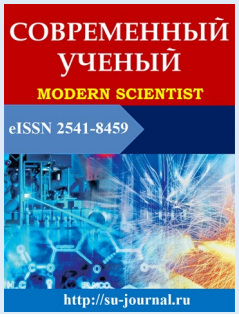
Информация об авторах

Коршунова О.Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Orcid ID: 0009-0009-3103-2543, Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44, olga_korshunova1@mail.ru

Омельянович В.В., кандидат юридических наук, доцент, Orcid ID: 0000-0001-7785-0570, Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44, omeljanovichv@rambler.ru

Тимощук К.И., кандидат физико-математических наук, старший преподаватель, Orcid ID: 0000-0002-2283-8598, Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44, kirill_timoshhuk@rambler.ru

© Коршунова О.Н., Омельянович В.В., Тимощук К.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2024, № 5 / 2024, Iss. 5 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
УДК 340.5
DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-411-417

Историко-правовой анализ Московской компании: роль и влияние на международную торговлю и законодательство XVI-XVII веков

[1] Михалев В.Е.

[1] Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация: московская компания, основанная в Лондоне в 1553 году, играла ключевую роль в международной торговле и развитии правовых норм в течение XVI-XVII веков. Эта английская торговая компания обладала монополией на торговлю с Россией до 1698 года, что оказало значительное влияние на экономические и политические отношения между Великобританией и Русским царством. В статье рассматриваются исторические и правовые аспекты деятельности Московской компании, её структура, правовой статус, а также последствия монополии для международной торговли и законодательства. Также анализируется влияние компании на развитие правовых норм в обоих государствах и причины утраты монополии в конце XVII века.
Ключевые слова: Московская компания, Русское царство, Великобритания, монополия, Новое время, история государства и права, история международного права, сравнительное правоведение

Для цитирования: Михалев В.Е. Историко-правовой анализ Московской компании: роль и влияние на международную торговлю и законодательство XVI-XVII веков // Современный ученый. 2024. № 5. С. 411 – 417. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-411-417

Поступила в редакцию: 17 апреля 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2024 г.; Принята к публикации: 23 июля 2024 г.

Historical and legal analysis of the Moscow Company: role and influence on international trade and legislation of the 16th-17th centuries

[1] Mikhalev V.E.

[1] Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Abstract: the Moscow Company, founded in London in 1553, played a key role in international trade and the development of legal norms during the 16th and 17th centuries. This English trading company held a monopoly on trade with Russia until 1698, significantly influencing economic and political relations between Great Britain and Tsardom of Russia. The article examines the historical and legal aspects of the Moscow Company's activities, its structure, legal status, and the consequences of its monopoly for international trade and legislation. It also analyzes the company's impact on the development of legal norms in both countries and the reasons for the loss of its monopoly at the end of the 17th century.
Keywords: Moscow company, Tsardom of Russia, Great Britain, monopoly, Modern era, history of state and law, history of international law, comparative law

For citation: Mikhalev V.E. Historical and legal analysis of the Moscow Company: role and influence on international trade and legislation of the 16th-17th centuries. Modern Scientist. 2024. 5. P. 411 – 417. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-5-411-417

The article was submitted: April 17, 2024; Approved after reviewing: June 18, 2024; Accepted for publication: July 23, 2024.

Введение

Московская компания, основанная в 1553 году в Лондоне, занимает важное место в истории международной торговли и правового регулирования. Её монополия на торговлю с Русским царством до 1698 года оказала значительное влияние на развитие экономических и политических отношений между Англией и Россией.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что изучение правовых аспектов деятельности Московской компании позволяет глубже понять эволюцию международного торгового права и взаимодействие между различными правовыми системами в эпоху Нового времени.

В литературе уделяется значительное внимание роли Московской торговой компании. Так, В.Н. Ключко подчёркивает факт того, что Московская компания была единой акционерной компанией, также ученый обращает внимание на международное давление на компанию, особенно со стороны Франции [4]. В.Н. Кашин в своей работе указывает на значительное увеличение числа акционеров и капитала компании с момента её основания [3]. Ф.Ж. Стаут, подчеркивает важную роль Московской компании в политических отношениях между Англией и Русским царством [15]. А.И. Каминка отмечает, что принципы акционерной компании, заложенные Московской компанией, впоследствии были легко применены к Британской Ост-Индской компании [2]. Н.И. Костомаров указывает на негативные факты деятельности англичан [9].

Цель данного исследования заключается в проведении историко-правового анализа Московской компании с целью выявления её роли и влияния на международную торговлю и развитие правовых норм в XVI-XVII веках.

Основными задачами исследования являются: изучение исторического контекста основания и деятельности Московской компании, анализ её правового статуса и структуры компании, исследование влияния монополии Московской компании на международную торговлю и законодательство, оценка последствий утраты монополии в 1698 году, а также выявление вклада Московской компании в развитие правовых норм Великобритании и Русского царства.

Гипотеза исследования состоит в том, что Московская компания, обладая монополией на торговлю с Русским царством, не только способствовала развитию экономических связей между Англией и Россией, но и оказала значительное влияние на формирование правовых норм и торговых практик в обоих государствах в период XVI-XVII веков.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают в себя исторические документы, такие как хартии и привилегии Московской компании, законодательные акты Англии и России, а также труды современных историков и правоведов.

Методы исследования включают историко-правовой анализ, сравнительный метод, а также метод контент-анализа для изучения первичных источников и научной литературы.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о значительной роли Московской компании в международной торговле и правовых нормах XVI-XVII веков. Сравнение с опытом других ученых позволяет выделить несколько ключевых аспектов, важных для понимания влияния этой компании. В.Н. Ключко подчеркивает, что Московская компания была не просто группой купцов, ведущих самостоятельную торговую деятельность, а единой акционерной компанией, что подтверждает её организованную структуру и значительную роль в экономике того времени [4]. Этот вывод поддерживается исследованием В.Н. Кашина, который отмечает увеличение числа акционеров и капитала компании, что подчеркивает её экономическую значимость и устойчивость [3]. Политическое влияние Московской компании также было значительным. Ф.Ж. Стаут указывает на важную роль компании в политических отношениях между Англией и Русским царством, что подтверждает выводы нашего исследования о её посреднической роли в дипломатических переговорах [15]. А.И. Каминка отмечает, что принципы акционерной компании, заложенные Московской компанией, впоследствии были легко применены к Британской Ост-Индской компании, что подчеркивает её вклад в развитие корпоративного управления [2]. Кроме того, исследования Ж. Блона и Р. Ченслера подчеркивают важность первых экспедиций и торговых миссий, организованных Московской компанией, которые заложили основу для дальнейших

торговых отношений между Англией и Русским царством [1, 11].

История создания Московской торговой компании

Московская торговая компания (Muscovy Trading Company), также известная как Русская компания, была основана в 1553 году в Лондоне с целью установления торговых связей с Русским царством. Как утверждает журнал The Economist, акционерные общества в современном понимании данного термина ведут свою родословную от «Московской компании», при этом журнал называет её одним из ключей к современному промышленному капитализму [16].

Инициатором создания компании стал Себастьян Кабот, опытный мореплаватель и исследователь, который в то время возглавлял знаменитую экспедицию в поисках Северо-Восточного прохода в Азию. Экспедиция, организованная Каботом, состояла из трёх кораблей, один из которых, возглавляемый капитаном Ричардом Ченслором, достиг берегов Русского царства [1, с. 13].

Экспедиция столкнулась с суровыми условиями Арктики, и два из трёх кораблей были потеряны. Их экипажи и сам командир экспедиции погибли во время суровой зимовки на Кольском полуострове [11, с. 32]. Тщетно прождав остальные корабли, Р. Ченслор принял решение двигаться дальше по намеченному для экспедиции маршруту и 24 августа 1553 г. вошел в Двинскую губу (залив) Белого моря к Николо-Корельскому монастырю [4, с. 9].

Затем экспедиция успешно добралась до Москвы, где была тепло принята царём Иваном IV (Грозным). Иван Грозный увидел в этой экспедиции возможность установить выгодные торговые отношения с Англией и предоставить своим подданным доступ к европейским товарам и технологиям [10, с. 32].

В 1555 году Иван Грозный подписал с Московской компанией соглашение, предоставлявшее ей монопольное право на торговлю с Русским царством. Это соглашение обеспечивало компании исключительные привилегии, включая освобождение от пошлин и налогов, а также право на беспошлинный транзит товаров через Россию. Руководство компании состояло из управляющего совета, который контролировал всю торговую деятельность и принимал стратегические решения. Главной целью компании было установление и поддержание стабильных торговых маршрутов между Англией и Русским царством, а также поиск новых возможностей для расширения торговли в регионе [8, с. 68-75].

Московская компания играла важную роль в укреплении экономических и политических связей между Англией и Россией. Она способствовала развитию торговли, культурного обмена и передачи технологий между двумя странами. В то же время, её деятельность имела значительное влияние на развитие международного торгового права и правовых норм, регулирующих деятельность торговых компаний в XVI-XVII веках.

Правой статус и структура Московской торговой компании

Одним из ключевых правовых аспектов деятельности Московской компании были привилегии, предоставленные ей королевой Великобритании. В 1555 году королева Мария I подписала хартии, которые официально учредили Московскую компанию и предоставили ей эксклюзивные торговые права с Русским царством. Этот документ закрепил монопольное право компании на торговлю с Россией. Это означало, что никакие другие английские купцы не могли вести торговлю с Русским царством без разрешения компании. Такое правовое положение позволило Московской компании контролировать все торговые операции и устанавливать правила и тарифы для торговли [5, с. 9].

Хартии также обеспечивали компании определённые правовые гарантии. В частности, они освобождали компанию от уплаты пошлин и налогов на экспортируемые и импортируемые товары. Компании предоставлялись широкие полномочия в управлении своими делами, включая право назначать своих представителей и агентов, устанавливать торговые условия и заключать контракты от имени компании [15, p. 146].

Московская компания имела чётко структурированную систему управления, что позволило ей эффективно контролировать свою деятельность и достигать поставленных целей. Компания управлялась советом директоров, состоящим из ведущих торговцев и дворян, которые инвестировали в её деятельность. Этот руководящий орган принимал стратегические решения, разрабатывал торговые маршруты, устанавливал цены и тарифы, а также назначал агентов и управляющих на местах.

В.Н. Ключко утверждает: «Московская компания была не просто неким «кружком» купцов, ведших самостоятельную торговую деятельность. Имеющиеся документы и исследования историков свидетельствуют об обратном – это была единая акционерная компания (пусть и не во всем соответствующая современному пониманию этого термина)» [4, с. 10].

Особое внимание уделялось безопасности торговых операций. Московская компания нанимала

вооружённые эскорты для сопровождения торговых караванов, а также строила и арендовала склады для хранения товаров. Помимо этого, компания активно участвовала в строительстве инфраструктуры, такой как дороги и мосты, что способствовало развитию торговых путей и улучшению логистики [7, с. 248].

Что касается количества собственников компании, то на этот счет имеются разные данные. В.Н. Кашин указывает, что в хартии 1555 г. был перечислен 191 акционер, в 1565 г. их было до 400, в начале XVII в. – 160, а к половине XVII в. – 55. Он же приводит данные о росте капитала компании с 6 тыс. ливров в 1553 г. до 40 тыс. ливров в 1564 г. и 80 тыс. ливров в 1583 г. (1 ливр = 1 фунт стерлингов) [3, с. 69].

Московская компания поддерживала тесные связи с английскими и русскими властями. В Англии компания пользовалась поддержкой королевского двора, что обеспечивало ей стабильные условия для ведения бизнеса. В России Московская компания установила прочные отношения с царём Иваном Грозным, который видел в ней важного партнёра для развития русской экономики.

Однако Н.И. Костомаров указывает и на негативные факты торговой деятельности англичан: «Привилегии англичанам даны на двадцать три человека, но они торговали числом семидесяти. Захватив в свои руки всю торговлю и стремясь к монополии, они раздражали русских купцов. Англичане искусно поддерживали высокую цену своих товаров и низкую цену русских товаров. Они придерживали привозимые товары и не пускали их в продажу, пока из-за их недостатка на рынке цены не поднимались, только тогда англичане начинали их продавать и сразу же прекращали продажу, когда цены начинали падать. Кроме того, владея большими капиталами, они давали мелким торговцам и промышленникам наличные деньги вперед, брали с них обязательства, и таким образом мелкие торговцы были обязаны доставлять свои товары и продукцию непременно англичанам: не платя пошлин, англичане всегда могли предложить им более выгодную цену, чем русские оптовые торговцы» [9, с. 33].

Это критическое замечание позволяет комплексно оценить деятельность компании, учитывая как её позитивные, так и негативные последствия для российской экономики и торговли.

Влияние Московской компании на международную торговлю и законодательство Русского Царства

Монополия Московской компании на торговлю с Русским царством значительно повлияла на экономическое развитие как Англии, так и России. Компания открыла новые рынки для английских товаров в России, таких как ткани, металлы, оружие и предметы роскоши, что способствовало экономическому росту и развитию мануфактурного производства в Англии.

Для Русского царства монополия Московской компании означала стабильный приток необходимых товаров и технологий из Европы, однако Российское купечество выступало против таких беспрецедентных привилегий для Московской компании (да и для других иностранцев, в частности, голландцев). Повсеместно звучали жалобы, что «они, англичане, сами свои товары в Москву и иные города привозят и покупают русские товары своим заговором и рассылают покупать по городам и в уезды, закабаляя и заложа многих бедных и должных русских людей; продают товары тайно, в выписях не пишут и десятой доли, провозят в свою землю без пошлины и оттого их русских людей без промыслов учинили и все Московское Государство оголодили» [9, с. 6].

Несмотря на это, Московская компания играла важную роль в политических отношениях между Англией и Русским царством. Торговля способствовала укреплению дипломатических связей и созданию альянсов, что было особенно важно в условиях международной нестабильности XVI-XVII веков. Компания часто выступала в роли посредника в политических переговорах и оказывала влияние на принятие важных решений как в Лондоне, так и в Москве [15, p. 158].

Что касается международного давления на Московскую компанию, то нельзя обойти вниманием Французскую северную компанию, созданную 9 июля 1669 г. указом короля Людовика XIV по образцу Compagnie des Indes orientales (Французская Ост-Индская компания). Инициатором здесь выступил все тот же Жан-Батист Кольбер, целью которого была борьба с монополией Московской компании в беломорской торговле (с Россией через Архангельск) и засильем голландского бизнеса на балтийском направлении [4, с. 22].

Монополия Московской компании оказала значительное влияние на развитие правовых норм и законодательства как в Англии, так и в России. В Англии хартии и привилегии, предоставленные компании, стали прецедентом для последующего создания и регулирования других торговых компаний, таких как Британская Ост-Индская компания (East India Company) и Компания Гудзонова залива (Hudson's Bay Company). Эти правовые акты способствовали формированию системы коммерческого права и регулирования внешней торговли [14, p. 248].

Историческое значение «Московской компании» не только в том, что она является старейшей корпоративной структурой, но и в том, что, как писал А.И. Каминка, указание на нее разъясняет, почему принципы joint-stock company (акционерной компании) так легко были применены позже к Британской Ост-Индской компании [2, с. 198].

В России деятельность Московской компании привела к разработке новых правовых норм, регулирующих международную торговлю и взаимодействие с иностранными купцами. Для реализации этой задачи были созданы специальные таможенные регламенты, налоговые льготы и другие мер, направленных на стимулирование торговли и защиту интересов государства [15, p. 143].

Последствия утраты монополии Московской торговой компании в 1698 году

К концу XVII века Московская компания начала терять свои позиции на рынке из-за ряда факторов. Экономические и политические изменения в Англии и России ослабили монопольное положение компании. В Англии началась эпоха Меркантилизма, что способствовало развитию новых торговых компаний и увеличению конкуренции. В то же время, в России Пётр I проводил реформы, направленные на модернизацию экономики и армии, что требовало привлечения большего числа иностранных торговцев и ослабления монополий.

Неэффективное управление и коррупция внутри Московской компании привели к снижению её конкурентоспособности. Компания не смогла адаптироваться к меняющимся условиям рынка и утратила контроль над ключевыми торговыми маршрутами и ресурсами. Многие из этих проблем были в основном справедливы. В конце концов, привилегии компании были существенно ограничены (практически ликвидированы) в 1649 г. указом царя Алексея Михайловича и под предлогом того, что в ходе английской революции был казнен король Карл I [6, с. 429].

Утрата монополии Московской компании имела значительные экономические последствия как для Англии, так и для России. В Англии открытие российского рынка для других компаний привело к увеличению конкуренции и росту торговли. Новые компании начали активно осваивать российский рынок, предлагая более широкий ассортимент товаров и улучшенные условия торговли. Это способствовало развитию английской промышленности и экономики в целом.

В России ослабление монополии позволило Пётру I более гибко вести внешнюю политику и привлекать на свою сторону больше иностранных партнёров. Это способствовало укреплению международных позиций России и её превращению в мощное европейское государство. Помимо этого, ослабление монополии способствовало развитию правовой системы и созданию новых норм, регулирующих международную торговлю и взаимодействие с иностранными торговцами. Были созданы новые таможенные регламенты, введены налоговые льготы и другие меры, направленные на стимулирование торговли и защиту интересов государства [13, p. 34].

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена. Историко-правовой и сравнительный анализ Московской торговой компании и её влияния на международную торговлю и правовые нормы XVI-XVII веков позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, Московская компания сыграла важную роль в развитии торговли между Англией и Русским царством. Благодаря монопольным правам, предоставленным компанией, удалось создать стабильные торговые маршруты и обеспечить взаимовыгодный обмен товарами. Английские купцы получили доступ к ценным русским товарам, таким как меха, лен и древесина, что способствовало росту английской экономики. Россия же получила необходимые для модернизации товары и технологии, что способствовало экономическому росту и укреплению армии.

Во-вторых, монополия Московской компании имела и негативные последствия. Англичане злоупотребляли своим положением, манипулируя ценами и увеличивая своё присутствие на рынке. Этот факт вызвал недовольство среди русских купцов. Использование финансовых механизмов для создания зависимости мелких торговцев от английских кредитов также способствовало укреплению монополии.

В-третьих, утрата монополии Московской компании в 1698 году привела к значительным экономическим и политическим изменениям. В Англии это способствовало росту конкуренции и развитию торговли. В России ослабление монополии позволило привлечь больше иностранных торговцев и инвесторов, что способствовало экономическому росту и модернизации. С политической точки зрения, это позволило Петру I более гибко вести внешнюю политику и укреплять международные позиции России.

В-четвертых, монополия Московской компании внесла вклад в развитие международного права, особенно в области торгового права. Хартии и привилегии, предоставленные компании, стали основой для разработки новых правовых норм и регламентов, регулирующих международную торговлю. Принятие этого документа способствовало

созданию правовых основ для дальнейшего развития международной торговли и взаимодействия между странами.

Проведенное исследование Московской компании и её влияния на международную торговлю и законодательство XVI-XVII веков имеет значительное значение для понимания исторических процессов и формирования правовых и экономических основ современной международной торговли.

Анализ деятельности компании позволяет выявить ключевые механизмы, способствующие развитию торговых и политических отношений между государствами. Исследование также вносит вклад в сравнительное правоведение, показывая, как взаимодействие между различными правовыми системами может способствовать их взаимному обогащению и развитию.

Таким образом, Московская компания сыграла ключевую роль в развитии торговых и политических отношений между Англией и Русским царством в XVI-XVII веках. Её деятельность способствовала экономическому росту, укреплению политических связей и развитию правовых норм, что оказало длительное влияние на международную торговлю и право в целом.

Список источников

1. Блон Ж. Великий час океанов. Полярные моря: пер. с франц. А.М. Григорьева. М., 1984. [Электронный ресурс] URL: https://www.libok.net/writer/4532/kniga/24762/blon_jorj/velikiy_cha okeanov_-_6_polyarnyie_morya/read (дата обращения: 30.01.2024)

2. Каминка А.И. Акционерные компании. Юридическое исследование. СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1902. Т. 1. 488 с.

3. Кашин В.Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Ленинград: Кубуч, 1925. 294 с.

4. Ключко В.Н. Первые европейские акционерные компании XVI-XVIII веков: особенности становления // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2014. № 2. С. 6 – 27.

5. Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Изд-во Н. Тиблена, 1862. 299 с.

6. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум, 2004. 757 с.

7. Медушевский А.Н. Комментарии // Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. С. 235 – 288.

8. Новицкий Г. Введение // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке: пер. с англ. Ю.В. Готье; отв. ред. Н.Л. Рубинштейн. Ленинград: Типография «Печатный двор», 1938. С. 29 – 46.

9. Семенов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.: в 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. И.П.Глазунова и К°, 1859. 155 с.

10. Уиллоуби Х. Путешествие Хью Уиллоуби // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке: пер. с англ. Ю.В. Готье; отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; введ. Г. Новицкий. Ленинград: Типография «Печатный двор», 1938. С. 29 – 46.

11. Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе, написанная Ричардом Ченслером // Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVI веков. М., 1991. С. 32 – 34.

12. Штокмар В.В. История Англии в Средние века. 2-е изд., доп. СПб.: Алетейя, 2005. 203 с.

13. Cross A. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 492 p. DOI: 10.1017/CBO9780511581816

14. Lloyd T.H. England and the German Hanse, 1157-1611: A Study of Their Trade and Commercial Diplomacy. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 412 p. DOI: 10.1017/CBO9780511560279

15. Stout F.J. Introduction // Exploring Russia in the Elizabethan Commonwealth. Manchester: Manchester University Press, 2015. 272 p. DOI: 10.7765/9781784996871.00008

16. The Key to Industrial Capitalism: Limited Liability // Economist. 1999. Dec. 23. [Электронный ресурс] URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/1999/12/23/the-key-to-industrial-capitalism-limited-liability (дата обращения: 30.06.2024)

References

1. Blon J. The Great Hour of the Oceans. Polar Seas: trans. from French by A.M. Grigorieva. Moscow, 1984. [Electronic resource] URL: https://www.libok.net/writer/4532/kniga/24762/blon_jorj/velikiy_cha okeanov_-_6_polyarnyie_morya/read (date of access: 30.01.2024)

2. Kaminka A.I. Joint-Stock Companies. Legal Research. St. Petersburg: Tipo-lithography of A.E. Landau, 1902. Vol. 1. 488 p.

3. Kashin V.N. Trade and Trade Capital in the Muscovite State. Leningrad: Kubuch, 1925. 294 p.
4. Klyuchko V.N. The First European Joint-Stock Companies of the 16th-18th Centuries: Features of Formation. Management and Business Administration. 2014. No. 2. P. 6 – 27.
5. Kostomarov N.I. Essay on Trade in the Moscow State in the 16th and 17th Centuries. SPb.: N. Tiblen Publishing House, 1862. 299 p.
6. Kulisher IM History of the Russian National Economy. Chelyabinsk: Socium, 2004. 757 p.
7. Medushevsky A.N. Comments. Klyuchevsky V.O. Tales of Foreigners about the Moscow State. Moscow: Prometheus, 1991. P. 235 – 288.
8. Novitsky G. Introduction. English Travelers in the Moscow State in the 16th Century: trans. from English by Yu.V. Gautier; ed. N.L. Rubinstein. Leningrad: Printing House "Pechatny Dvor", 1938. P. 29 – 46.
9. Semenov A.V. Study of historical data on Russian foreign trade and industry from the middle of the 17th century to 1858: in 3 parts. Part 1. St. Petersburg: Type. I.P. Glazunov and Co., 1859. 155 p.
10. Willoughby H. Travels of Hugh Willoughby. English travelers in the Muscovite state in the 16th century: trans. from English by Yu.V. Gautier; ed. N.L. Rubinstein; introduction by G. Novitsky. Leningrad: Printing House "Pechatny Dvor", 1938. P. 29 – 46.
11. Chancellor R. The Book about the Great and Mighty Tsar of Russia and the Prince of Moscow, about the Possessions Belonging to Him, about the State System, written by Richard Chancellor. Foreigners about Ancient Moscow. Moscow of the 15th-16th Centuries. Moscow, 1991. P. 32 – 34.
12. Shtokmar V.V. History of England in the Middle Ages. 2nd ed., suppl. St. Petersburg: Aleteia, 2005. 203 p.
13. Cross A. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 492 p. DOI: 10.1017/CBO9780511581816
14. Lloyd T.H. England and the German Hanse, 1157-1611: A Study of Their Trade and Commercial Diplomacy. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 412 p. DOI: 10.1017/CBO9780511560279
15. Stout F.J. Introduction. Exploring Russia in the Elizabethan Commonwealth. Manchester: Manchester University Press, 2015. 272 p. DOI: 10.7765/9781784996871.00008
16. The Key to Industrial Capitalism: Limited Liability. Economist. 1999. Dec. 23. [Electronic resource] URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/1999/12/23/the-key-to-industrial-capitalism-limited-liability (accessed: 30.06.2024)

Информация об авторе

Михалев В.Е., Институт бизнес-права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), vladimirm.mihalev77@yandex.ru

© Михалев В.Е., 2024